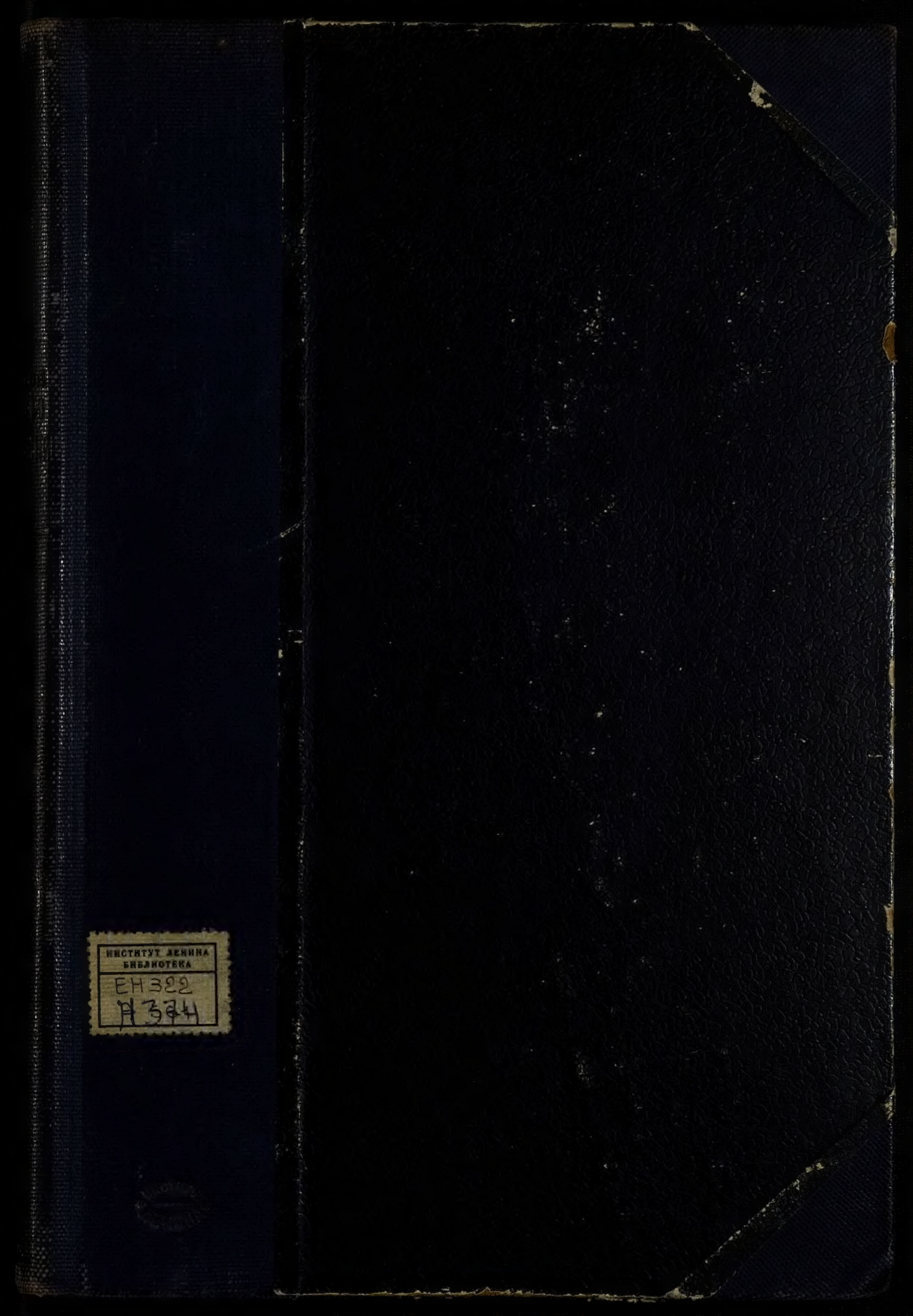
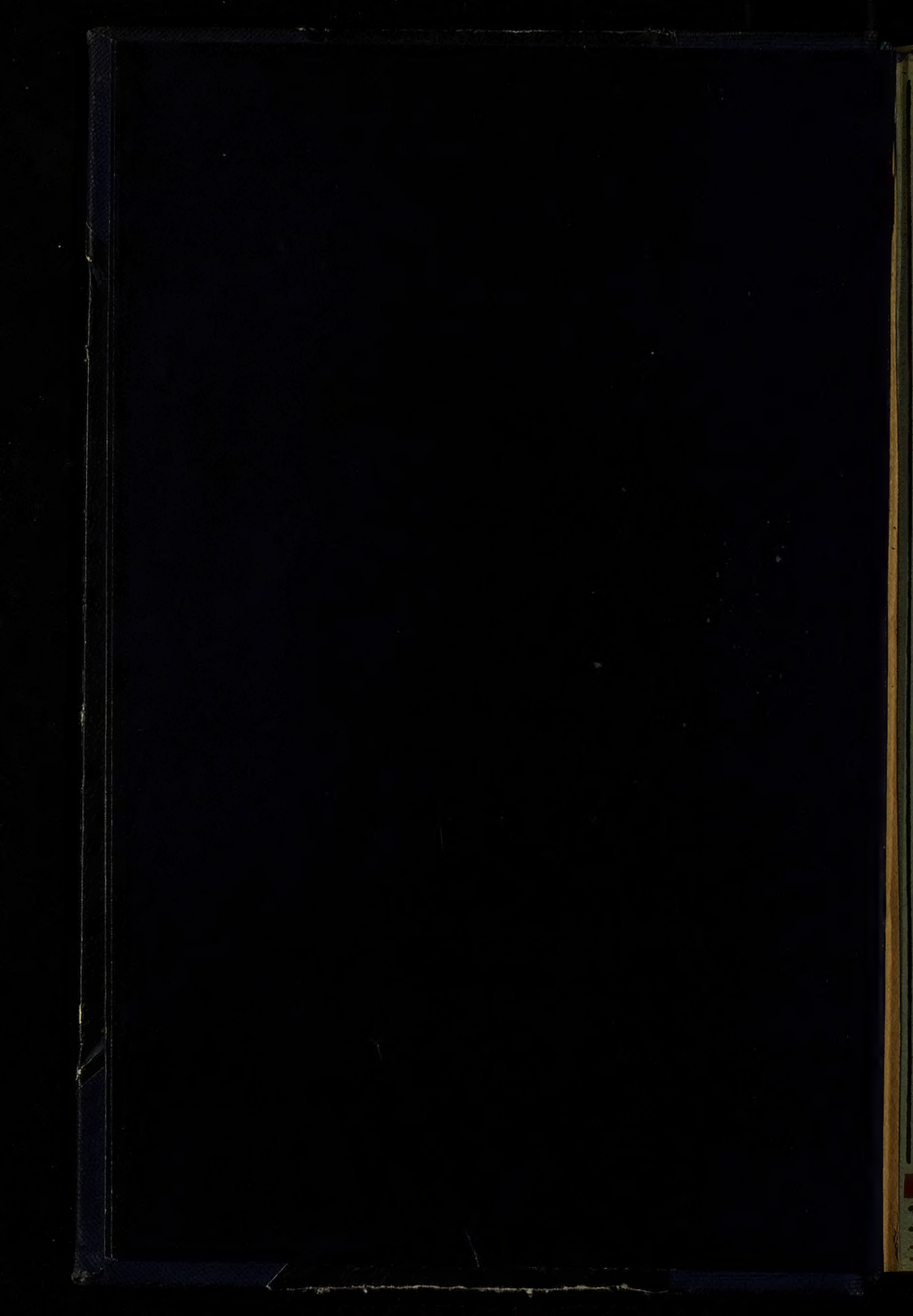

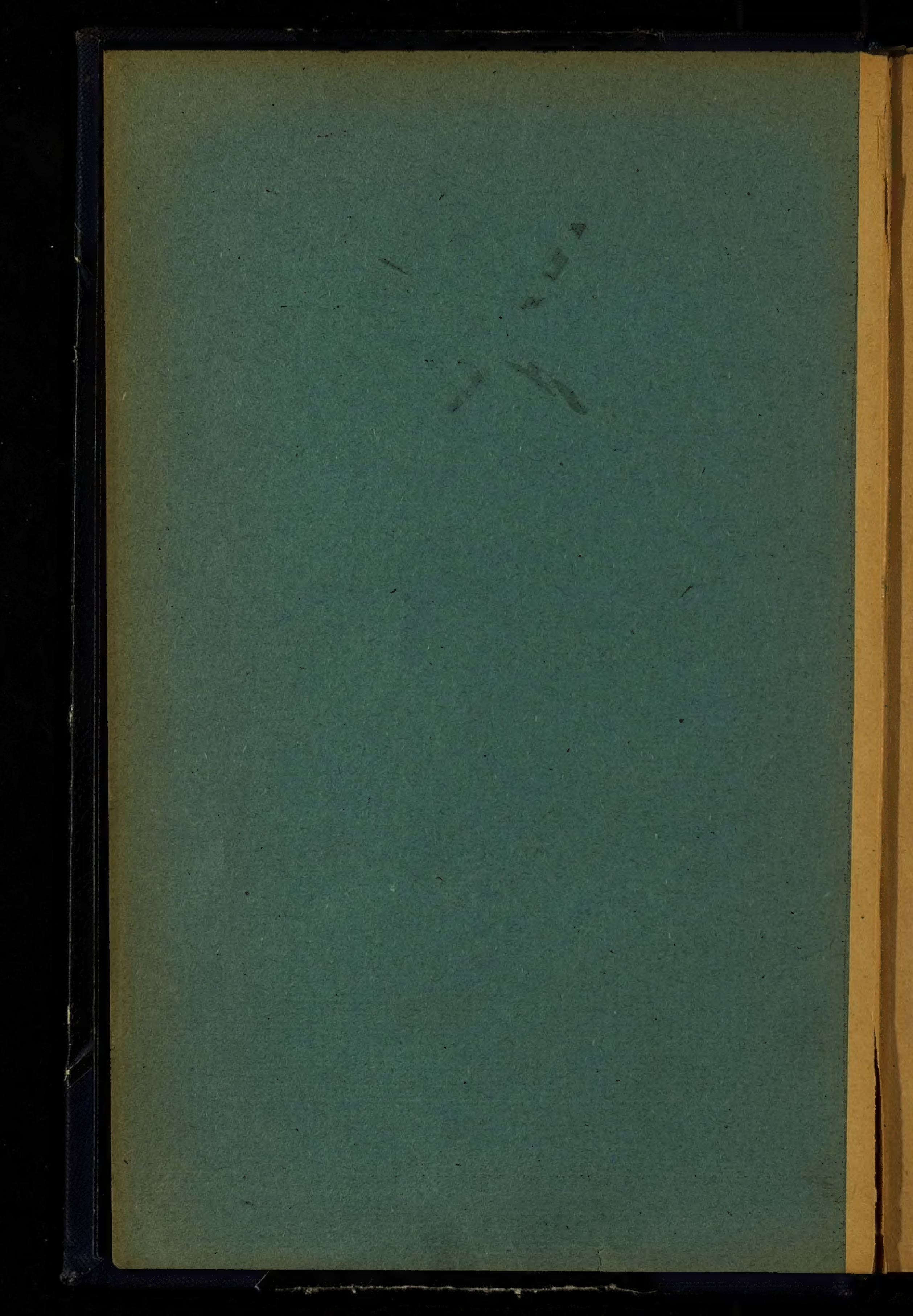
Наши противники

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
и ДОКУМЕНТОВ
МЕНЬШЕВИКИ, СОЦИАЛИСТЫ-
РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ и ЛИБЕРАЛЫ
в 1905—1906 г.**

Том 2

СОСТАВИЛИ:
Ф. АНДЕРСОН, М. МОСКАЛЕВ, Д. РОЗАНОВ и В. ЮДОВСКИЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. ЮДОВСКОГО

ИЗД-ВО КОМ. УН-ТА им. Я. М. СВЕРДЛОВА
МОСКВА 1929.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ имени Я. М. СВЕРДЛОВА

НАШИ ПРОТИВНИКИ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ

ТОМ ВТОРОЙ

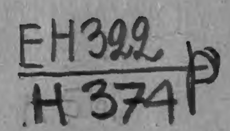
МЕНЬШЕВИЗМ, СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ, ЛИБЕРАЛЫ.

СОСТАВИЛИ
Ф. АНДЕРСОН, М. МОСКАЛЕВ,
Д. РОЗАНОВ и В. ЮДОВСКИЙ

Под ред. В. ЮДОВСКОГО

МОСКВА — 1929

Тип. № 2 «Красный Октябрь»
Самполиграфтреста
Главлит № А.—26857, 29/XI 1928 г.
Тираж 7.000 экземпляров.

I. МЕНЬШЕВИКИ

МЕНЬШЕВИКИ в 1905 году.

Непрерывные колебания и полнейшая неспособность установить твердую тактическую линию—являются отличительными чертами меньшевистского течения в революционный период 1905 года. Настроение меньшевизма нарастало вместе с ростом революционной волны. С ее падением оно тускнело и снижалось. Мелко-буржуазные оппортунисты, способные только плестись в хвосте событий, они полностью отражали настроения отсталых масс, городских мещан-обывателей, готовых с разрешения начальства бурно приветствовать революцию, но поспешно прячущихся по своим углам при первом окрике городового.

Бурные события начала 1905 года чрезвычайно подогрели иллюзии меньшевиков насчет «общенационального» натиска на абсолютизм. Пример попа Гапона, сумевшего, вследствие слабости социал-демократии, увлечь питерских рабочих на путь хождения к царю, дал повод меньшевикам открыто выступить против основной тактической идеи русского марксизма, против идеи гегемонии пролетариата в революции.

Мартов в статье, написанной по поводу 9-го января *), совершенно откровенно заявляет, что «нелепо и вредно мечтать **о монополии** активной роли в надвигающемся восстании для русской социал-демократии». Но вполне целесообразно и полезно тешить себя надеждой, что «вслед за священником... организовавшим народный поход на Зимний дворец, русская революция обогатится генералом, который первый поведет народные массы в победный бой против царского войска, или чиновника, который первый провозгласит низвержение царской власти». Меньшевики уже в те далекие времена распластывались в прах перед генералами и чиновниками. В 1917 году они остались верными своими симпатиям.

В ожидании революционного генерала или чиновника, которые, по мнению Мартова, должны были возглавить народ, в его борьбе против царизма, меньшевики с нескрываемым отвращением относились к работам по подготовке вооруженного восстания. После кровавой бойни 9-го января, когда рабочие Питера с исключительной отчетливостью осознали необходимость и неизбежность вооруженного восстания и с криками «К оружию!» громили оружейные магазины, в политическом арсенале меньшевиков не нашлось иного лозунга, кроме призыва к пропаганде в массах «самовооружения для целей восстания». Рабочие ищут оружия, рабочие палками готовы драться против царских опричников, а меньшевики идут к ним с пропагандой самовооружения, сбивая их с толку своими радужными мечтами о генералах и чиновниках. Для мелко-буржуазного оппортуниста-обывателя чрезвычайно характерно стремление в самый ответственный момент движения прятаться за широкую спину влиятельной персоны, которая все сделает, все образует.

*) См. статью «Девятое января».

Против вполне конкретной постановки вопроса большевиками о необходимости **военно-технической** подготовки вооруженного восстания, так как время чистой агитации и пропаганды уже прошло, меньшевики попрежнему остаются все на тех же, по сути дела ни к чему не обязывающих позициях выяснения и раз'яснения политических задач рабочего класса, которые являются общеобязательными для периода революции и позициях, которые ни в малой степени не отвечают на жгучие запросы момента.

Утопить конкретные действия в мутной воде отвлеченных разглагольствований, обессилить революционный порыв масс хлесткой, но ни к чему не обязывающей фразой, разве не в этом основной метод оппортунизма всех времен и народов?

В рядах меньшевиков Парвус и Троцкий раньше всех были дезориентированы первыми мощными порывами надвигающегося революционного урагана. Уже «Кровавое Воскресенье» довольно основательно встряхнуло их меньшевистское мировоззрение и выбило их из привычного седла. Огромная революционная активность рабочего класса, его ни с чем не сравнимый порыв к действию, настолько ослепил Парвуса, что он на долгое время потерял способность различать действительное взаимоотношение общественных сил. Исходя из утверждения, что «кроме нас, на революционном поле никого нет», он приходит к выводу, что «революционный переворот в России могут совершить только рабочие. Временное правительство в России будет правительством рабочей демократиии» *). Буржуазно-демократическая революция, таким образом, снижается. На очередь дня выдвигается революция пролетарская.

Пройдет несколько месяцев революционного развития, и к этой точке зрения присоединится наиболее оппортунистически настроенная часть меньшевиков, с Мартыновым во главе. Но на данной ступени меньшевики обрушивают на Парвуса жесточайшие удары своей критики, твердо удерживаясь на своих обычных позициях. Главная задача их в данном случае заключалась в том, чтобы доказать, что па революционном поле мы не одни,—**с нами либеральная буржуазия**. «Мы поддерживаем всякое оппозиционное и революционное движение в буржуазных классах»—декларирует «Искра» **) тысячи раз уже до этого декларированную идею. Идея эта, взятая абстрактно, конечно, не могла вызвать возражения. Но конкретные выводы, делаемые из нее меньшевиками, явно пропитаны духом самого доподлинного оппортунизма. «Мы должны указывать—говорят меньшевики,—не только на то, какою **была**, какова **есть** буржуазная оппозиция, но также на то, какой она **становилась**, какой она **становится**, вопреки своей неустойчивости, под влиянием событий, под влиянием революционных выступлений пролетариата» ***). Именно этого обстоятельства, по мнению меньшевиков, не учитывали Парвус, Троцкий и большевики. Излишне резкая критика либералов, огульное обвинение их в предательстве, вредит делу революции, изолирует пролетариат, мешает социал-демократии расколоть оппозицию и увлечь ее левое крыло за собою.

Меньшевики твердо остаются на своих традиционных позициях, фундамент которых был заложен еще на II С'езде и в период «Земской кампании». С этих позиций они обстреливают не только Парвуса—Троцкого, но и большевиков.

Тактическая линия большевиков, ориентированная на революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, как на момент завершающий

*) См. «Что дает нам 9-е января».
**) См. «Революционные перспективы».
***) Там же.

буржуазно-демократическую революцию, вызывает бурное возмущение у меньшевиков. Возлагая все свои надежды на либералов, они с неослабным упорством стараются преуменьшить революционное значение крестьянства. «Мы не можем говорить,—утверждают они,—о «сознательных представителях» наших ремесленников и крестьян, как о «настоящих демократах», демократах по существу. Их двойственная социальная природа в наше время может обнаружиться и в области политической идеологии» *). Всемерно подчеркивая «двойственную природу» мелкой буржуазии и крестьянства в том числе, меньшевики в качестве неопровержимого аргумента в пользу революционной природы буржуазии приводят факт организации бакинскими капиталистами «вооруженной охраны».

Последовательно анализируя классовые тенденции буржуазно-либерального движения в данной социально-исторической обстановке, большевики приходили к тому выводу, что эти тенденции неизбежно должны быть контрреволюционными. Буржуазия не может быть революционной там, где социалистический пролетариат выступает как самостоятельная политическая сила. Но именно то обстоятельство, что пролетариат выступает самостоятельно и твердо выявляет волю к решительной борьбе против царизма вплоть до его окончательного уничтожения, обеспечивает ему (пролетариату) роль гегемона по отношению к другим революционным классам и в первую голову к крестьянству, об'ективно стоящему на точке зрения беспощадной борьбы против царя и помещиков. Такое взаимоотношение борющихся сил, совершенно неизбежно толкает буржуазию в лагерь контрреволюции и создает условия для боевого союза рабочего класса и крестьянства. Диктатура этих двух классов должна завершить буржуазно-демократическую революцию. Без этого условия полное уничтожение феодально-крепостнических отношений, лежавших в основе абсолютизма, не мыслимо. В пределах такой оценки борющихся сил революции большевики строили свою тактику, с одинаковой резкостью отмежевываясь, как от Парвуса—Троцкого, так и от меньшевиков. Меньшевики решительно высказывались против возможности осуществления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Эту идею они считали бланкистской, якобинской, заговорщической, антимарксистской и т. д., и т. п. Они с чрезвычайным ожесточением критиковали все тактические принципы большевизма. О возможности руководящего участия партии в вооруженном восстании, о необходимости для партии на данном этапе революции поставить на очередь дня вопросы военно-технической подготовки вооруженного восстания—меньшевики и слышать не хотели. Все это они подводили под рубрику заговорщичества и бланкизма.

Они твердо были уверены, что если партия пойдет по путям, предуказанным большевиками, то ей не миновать самой позорнейшей гибели. В чем же, однако, опасность большевистской тактики? На этот вопрос с исключительной ясностью отвечает Мартынов. Он говорит: «Представьте себе, читатель, на минуту осуществление ленинской утопии. Представьте себе, что партии... удалось «подготовить, назначить и провести всенародное вооруженное восстание. Не очевидно ли, что всенародная воля назначила бы сейчас же после революции именно эту партию временным правительством. Не очевидно ли что народ именно этой партии, а не какой-нибудь другой, вручил бы ближайшую судьбу революции» **). Такая

*) «Революционные перспективы».
**) См. Мартынов «Две диктатуры».

перспектива больше всего пугает Мартынова. Она пугает его потому, что, по его мнению, рабочая партия, выдвинутая к власти силами буржуазно-демократической революции, совершенно неизбежно должна потерять свою классовую сущность и стать на защиту основ буржуазно-капиталистического порядка. Ленин не раз указывал на дикую абсурдность такой постановки вопроса. Не раз раз'яснял, что в буржуазно-демократической революции пролетариат идет к власти не один, а с крестьянством. Именно это обстоятельство является решающим. Именно оно определяет революционный размах рабочего класса на каждом этапе борьбы. Между буржуазной и пролетарской революциями нет китайской стены. Но пролетарская революция мыслима только на основе завершенной буржуазно-демократической революции, когда силы последней будут до конца исчерпаны и возникнут условия для ее перерастания в революцию пролетарскую. Такими условиями, максимально обеспечивающими переход пролетариата «в меру его сил» на рельсы пролетарской революции, и является революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, с выборностью чиновников, с заменой постоянной армии вооружением народа и беспощадным подавлением контрреволюции.

Лозунг Троцкого—Парвуса—«без царя, а правительство рабочее»—игнорирует буржуазно-демократическую революцию и ориентируется на совпадение момента свержения царизма с моментом установления диктатуры пролетариата. Несостоятельность этого лозунга в настоящее время не приходится доказывать. Жизнь самым решительным образом опровергла его. Но и тактическая линия меньшевиков, согласно которой «партия классовой борьбы пролетариата российская социал-демократия остается партией революционной оппозиции» *) на всем протяжении буржуазно-демократической революции не менее несостоятельна. Меньшевикам нельзя отказать в последовательности. Они твердо стояли на той точке зрения, что главным двигателем революции является буржуазия. Ведь «революционная оппозиция» социал-демократии только для того и нужна была, чтобы толкать буржуазию по пути революции, побуждая ее к все более решительным действиям. Выступившие с критикой большевистских взглядов кавказские меньшевики, в своей резолюции о временном правительстве ставят в этом отношении все точки над и, выбалтывая даже такие вещи, о которых вожди меньшевизма не рисковали откровенно говорить. Кавказские сторонники Мартова—Мартынова категорически высказываются «против образования социал-демократического временного правительства и вступления в него» и считают «наиболее целесообразным оказывать давление извне на буржуазное временное правительство для полной демократизации государственного строя». Они полагают, что «образование социал-демократами временного правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от социал-демократической партии широких масс пролетариата, разочаровавшихся в ней, так как социал-демократия, несмотря на захват власти, не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса вплоть до осуществления социализма, с другой—заставит буржуазные классы отшатнуться от революции и тем ослабить ее размах» **).

Страх отпугнуть буржуазию от революции преследует меньшевиков на всех этапах движения. Этот страх нашел себе исключительно яркое отражение в цити-

*) См. Л. М. «На очереди».
**) См. «Из резолюций конференции кавказских соц.-демокр. рабочих организаций».

рованной резолюции кавказских меньшевиков. Меньшевики неизменно выступали против всякого решительного действия пролетариата именно в силу этого страха.

Не пугать буржуазию, а толкать ее, заставлять ее двигаться по направлению к тем целям, которые поставлены перед нею об'ективным ходом исторического развития. «Жизненные интересы начинающей заживо разлагаться капиталистической нации толкают имущие классы к борьбе за европейские «гарантии», за неприкосновенность личности, имущества, жизни, за прочный правопорядок. И так как самодержавие не может дать и тени таких гарантий, то волей-неволей приходится либерализму и демократии подвигаться все более и более влево, все ближе и ближе к той огненной полосе, где ярким пламенем вспыхивают проблески народной революции» *).

Меньшевики были убеждены, что буржуазия, хочет она этого или не хочет, но фатально движется к «огненной полосе» революции. Пролетариат обязан всемерно помогать ей в этом движении.

* * *

Тактика меньшевиков по отношению к булыгинской Думе будет вполне ясна, если не забывать основных принципов их мировоззрения: буржуазия движется к власти, пролетариат, готовясь к роли крайней революционной оппозиции, всячески помогает буржуазии овладеть властью.

«Союз Союзов»—организация левого крыла буржуазной демократии—призвал к бойкоту булыгинской Думы. Большевики, ориентируясь на неизбежность всенародного вооруженного восстания, тоже стояли на точке зрения активного бойкота Думы. Меньшевики и в этом случае остались верными своим взглядам. Они высказались против бойкота выборов. В меньшевистских заграничных лабораториях был изобретен рецепт использования Думы в интересах революции. Меньшевики призывали использовать выборы для организации так наз. «революционных самоуправлений», которые создали бы условия для превращения булыгинской Думы в «этап на пути к всенародному Учредительному собранию» **). Эти «революционные самоуправления», будучи об'единенными некоим центром, представят собою, по мнению меньшевиков, могущественную силу, которая сумеет подчинить своему влиянию Думу, или же заставит ее отказаться от своих полномочий в пользу Учредительного собрания.

Меньшевистский лозунг «революционных самоуправлений» был направлен против большевистского лозунга «вооруженного восстания». С помощью «революционных самоуправлений» меньшевики надеялись справиться с царизмом. «Революционные самоуправления» давят на архи-буржуазную государственную Думу. Дума вступает в решительную борьбу с правительством. Правительство идет на уступки. Созывается Учредительное собрание. Революция празднует победу. Таковы тактические планы меньшевиков. Оппортунизм этих планов очевиден. Отношение меньшевиков к булыгинской Думе определялось их общей оценкой роли буржуазии в в революции.

* * *

Буржуазия—главный двигатель революции. Пролетариат в состоянии крайней революционной оппозиции. Крестьянство, как распыленная, темная и политически

*) См. «К современному положению».
**) Там же.

незрелая масса не играет в революции сколько-нибудь решающей роли. Под углом зрения такой оценки классовых сил, их роли и значения в революции меньшевики оформляли свои тактические воззрения в первой половине 1905 года. Но по мере нарастания революционных событий их тактическая линия стала все больше искривляться влево. Меньшевики левели. Но их полевение, в конечном счете, приближало их не столько к большевикам, сколько к Парвусу—Троцкому. Если большевики на всех стадиях революционного развития неизменно ориентировались на революционно-демократическую диктатуру пролетариата и **крестьянства**, то меньшевики к осени 1905 года начали держать курс на **пролетарскую** революцию. Парвус и Троцкий, определившиеся к этому времени окончательно, служили огромной притягательной силой для меньшевиков, которые вполне законно чувствовали в концепции «перманентной революции» доподлинные меньшевистские основы.

Основная поправка, внесенная Парвусом—Троцким в меньшевистское мировоззрение заключалось в отрицании за буржуазией революционной роли в демократическом перевороте. Парвус вполне правильно утверждает, что «в страхе перед растущей политической силой пролетариата буржуазия становится реакционной» *). Это утверждение несомненно следует оценивать, как весьма крупный шаг в сторону большевизма. Но все же ни Парвус, ни Троцкий не могли вплотную подойти к большевистской линии, поскольку правильная оценка роли крестьянства в революции оставалась за пределами их разумения. С точки зрения Парвуса крестьянские массы могут быть полезны для революции, не потому, что они движутся под давлением своих классовых интересов, в корне противоречащих существующему социально-политическому укладу, а потому, что крестьянство способствует революции, «умножая политическую анархию», вносит «в борьбу партии всю путаницу своих экономических требований и экономических невозможностей» **). Еще точнее и определеннее по данному поводу высказывается Троцкий «Крестьянство»,—говорит он,—«представляет собою в целом мятежную стихию,—оно может быть поставлено на службу революции лишь той силой, которая возьмет в свои руки государственную власть» ***).

Таким образом,—буржуазия реакционная, крестьянство—«анархия» и «стихия». Остается один пролетариат. При такой оценке борющихся сил—курс на пролетарскую революцию является единственно мыслимым. «Пролетариат осуществляет основную задачу демократии,—и логика его непосредственной борьбы за упрочение политического господства ставит перед ним в известный момент чисто социалистические проблемы. Между минимальной и максимальной программой устанавливается непрерывность» ****).

Так в ноябре 1905 окончательно оформилась идея «перманентной революции», которой так не повезло в истории нашего марксистского движения. Но в тот момент многие из представителей меньшевизма до Мартынова включительно поддались на соблазн Парвуса—Троцкого и впали в большой грех против своей меньшевистской совести, восприняв точку зрения «перманентной революции». По мере снижения революционного напора масс меньшевики все больше будут проникаться горьким покаянным настроением, искупая свою вину усиленным проявлением оп-

*) См. **Парвус**—«Наши задачи».
**) Там же.
***) См. **Н. Троцкий** «Социал-демократия и революция».
****) Там же.

портунизма и соглашательства, но на данном этапе революции даже Мартынов заговорил языком Троцкого. «Вполне возможно,—говорит он,—что при известной продолжительности гражданской войны, наша революция, начавшаяся как революция демократическая, закончится как революция социалистическая» *).

Само собою разумеется, что на этих позициях меньшевики не могли долго удержаться. Праздничные дни революции быстро сменились суровыми реакционными буднями. Знаменитая плехановская сентенция «не надо было браться за оружие» весьма ярко формулировала наступавшее «отрезвление» меньшевиков. И как нашалившие ребята, они всемерно стараются загладить свою вину поспешным возвращением к привычным оппортунистическим установкам. Период первой и второй государственных Дум дает меньшевикам массу поводов для демонстрирования своего отказа от вредных увлечений бурных дней революции.

Большевики призывали бойкотировать выборы в первую государственную Думу. Продолжая держать курс на вооруженное восстание, они считали, что основная задача момента заключается в преодолении тех «конституционных иллюзий», во власти которых в то время находились массы **). Тактику бойкота меньшевики считали неправильной, ведущей к изоляции пролетариата. Но в то же время они отрицали целесообразность вхождения в Думу. Они стремились использовать выборы для организации все тех же «революционных самоуправлений», о которых они мечтали еще летом 1905 года в связи с предполагавшимся созывом булыгинской Думы. Но если в период булыгинской Думы эти «революционные самоуправления» должны были возникнуть, по замыслу меньшевиков, в результате параллельных самочинных выборов, то при выборах в первую Думу, они могли образоваться из собраний уполномоченных и выборщиков по рабочей курии.

«Собрание уполномоченных и выборщиков рабочей курии,—говорит Дан,—явится настоящим представительством российского крупно-промышленного пролетариата» ***).

Но для каких надобностей нужны эти собрания уполномоченных и выборщиков? На этот вопрос вполне определенно и в духе кристально-чистой меньшевистской тактики отвечает Н. Рахметов. Он прежде всего горячо призывает пролетариат «не только не поддерживать пассивного нейтралитета в деле борьбы Думы с самодержавием, но смело и решительно стать **в этой борьбе на сторону Думы против правительства»**, так как «государственная Дума является делом революции и, стало быть, пролетариата». «Социал-демократ обязан знать и учесть, что должны будут сделать те классы, с которыми ему приходится иметь дело. А ставя вопрос таким образом, он убеждается в следующем: выражая готовность революционно поддерживать Думу против царизма, **тем самым** вынуждает Думу к большей революционной активности» ****). Круг завершен, меньшевики возвратились к своему исходному пункту. Мартыновским увлечениям бесповоротно положен конец. Рабочий класс призывается к созданию «революционных самоуправлений» для того чтобы с

*) См. **Мартынов** «Крестьянский вопрос и революция».

**) Бойкот первой Гос. Думы Ленин признал ошибочным шагом. Но отсюда вовсе не следует, что меньшевики были правы. Дело не в том или ином частном тактическом выступлении, а в общей линии политического поведения. Революция 1917 года весьма убедительно показала, кто был прав.

***) См. **Ф. Дан** «Государственная Дума и пролетариат».

****) См. **Н. Рахметов** «К вопросу о политических задачах российской социал-демократии».

их помощью давить на буржуазию, засевшую в Думу, вынуждая ее к «революцинной активности».

Меньшевики глубоко убеждены в том, «что все поведение кадетов, равно как и все их программные требования целиком зависят от силы народного движения» *). Именно эта уверенность в так сказать потенциальной революционности либеральной буржуазии лежит в основе меньшевистской тактики. Отсюда их чрезвычайно бережное отношение к либералам, боязнь запугать их, страх оттолкнуть их от революции. Уже первые проблески тех настроений ренегатства и предательства, которые в период реакции распустились пышным цветком ликвидаторства, дают ясное представление о том, как в оппортунистических воззрениях меньшевиков преломлялись причины поражения революции. Во всем виноват рабочий класс. Он своими неумеренными притязаниями, своею излишней революционной активностью оттолкнул либеральную буржуазию от революции и тем обрек последнюю на гибель. Не надо было пролетариату соваться на роль вождя революционных масс, не надо было ему обострять свои отношения с буржуазией. Череванин,—первая ласточка ликвидаторства,—говорит об этом с завидной откровенностью. По его мнению, пролетариат не должен был стремиться «под угрозой остаться изолированным, сейчас же после манифеста, на почву вооруженного восстания, на которой могло ожидать только поражение, а опереться на то, что завоевано, на Думу, с тем чтобы ее сделать основой для дальнейшей революционной борьбы». Это значит, что пролетариат должен всемерно поддерживать буржуазию и не делать ничего такого, что могло бы ей не понравиться. Не нужно стремиться к вооруженному восстанию. Не нужно форсировать вопрос о 8-часовом рабочем дне. Череванин очень недоволен большевиками, что они на своем III С'езде высказались за введение восьмичасового рабочего дня. Он не менее недоволен также меньшевиками, усвоившими эту идею. «Это—была несчастная идея»,—оплакивает Череванин меньшевистское недавнее прошлое,—они «ничего кроме вреда революции принести не могли»... Нужно было провести резкую разницу между борьбой за свободу и борьбой за 8-часовой день»**). Борьба за восьмичасовой рабочий день отталкивает буржуазию от движения. Поэтому, по мнению меньшевиков, пролетариат должен отказаться от этой борьбы. Вообще пролетариат должен проводить только такую политическую линию, которая была бы приемлема для буржуазии. С этой точки зрения,—а она является основной для меньшевизма,—все величайшие революционные события, совершившиеся после опубликования манифеста 17-го октября, ноябрьская и декабрьская забастовки, декабрьское вооруженное восстание, забастовка почтово-телеграфных служащих, были, по мнению меньшевиков, вреднейшими ошибками, которые привели революцию к поражению. Череванин об этом возвещает с полной определенностью. «Вся предыдущая тактика, усвоенная сознательным пролетариатом, вместе с ее следствием декабрьским поражением, сделала неизбежным новое поражение революции» ***).

Сознательный пролетариат, по мнению Череванина, не был достаточно сознательным, не желая плестись в хвосте либеральной буржуазии. Он не был достаточно сознательным, стремясь к решительной борьбе с царизмом, вопреки желанию

*) **В. Л. Горн** «О кадетах».
) См. **Череванин «Пролетариат в революции».
***) Там же.

буржуазии не доводить дело до окончательной победы революции. Он не был достаточно сознательным, стремясь подчинить своему политическому влиянию революционное крестьянство, для того, чтобы совместно с ним расправиться с абсолютизмом. Одним словом, пролетариат не был достаточно сознательным, поскольку он решительно отказывался итти по путям, предуказанным ему меньшевистской соглашательской тактикой. В наше время легко себе представить во что обошлась бы рабочему классу «меньшевистская сознательность», в какую трясину завели бы его меньшевистские лозунги.

Но пролетариат знал, где пролегают правильные пути революции. Эти пути ему указывали большевики и их великий вождь Ленин. Оттолкнув властной рукой хныкающих, увещевающих и угрожающих меньшевиков, рабочий класс пошел большевистскими путями, которые привели его, в конце-концов, к великим победам Октября.

ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ.

(Мартов.—«Искра» № 85, 27 января 1905 г.).

Январская эпопея всероссийской пролетарской борьбы сразу создает для нашей работы такой широкий базис, которого у нас еще никогда не было. Полтора года отделяют нас от последнего крупного массового выступления пролетариата. За эти полтора года много сил партии было поглощено болезнями ее внутреннего развития, много стихийных факторов не давали ей возможности выпрямиться во весь рост и развернуть свою политическую работу. И тем не менее логика исторического развития вновь привела в тесное соприкосновение с нашей поредевшей и ослабевшей армией могучую силу пролетарской стихии, и вновь в результате этого соприкосновения социал-демократия становится крупнейшей политической силой современности, а пролетариат охотно принимает ее политическое руководство. Двести тысяч было за нами в памятные летние дни 1903 года [1]), миллион уже стоит за нами сейчас в этом грандиозном пролетарском восстании, от которого, по прекрасному выражению Розы Люксембург, «веет духом Маркса».

Период необходимой подготовительной работы сильно сокращен январскими событиями, положившими начало революционной мобилизации громадных масс народа. Усиливая во много раз свою агитацию, охватывая ею миллионы рабочих, крестьян, солдат, буржуазных слоев нации, мы должны теперь призывать их к всенародному восстанию против царизма, прервавшего 9-го января всякие «мирные» переговоры с народом.

Но чтобы наша работа шла успешно и чтобы «дух Маркса» не отлетал от нее, она должна итти в том же **направлении**, в каком она развивалась последние месяцы. Темп должен стать неизмеримо более быстрым, масштаб практических целей каждого дня уже стал более крупным, но принципы тактики и ее методы остаются теми же самыми. Революционную мобилизацию масс, мы—партия сознательного пролетариата—совершаем посредством сплочения и организации передовых пролетариев в самостоятельную и самостоятельно выступающую во всех событиях общественной жизни пролетарскую партию. Пользуясь высоко поднявшейся волной революционного возмущения народа и поднимая ее все выше, выше, выше,—мы будем крепко сплачивать и спаивать в одно великое целое—в действительную рабочую партию—все политически-мыслящие элементы рабочего класса. И когда голос этого коллективного агитатора—рабочей партии—станет слышен народным массам во всех концах России, когда его политические лозунги будут восприниматься всей восстающей Россией, как они были восприняты восставшим 9-го января рабочим Петербургом; когда звенья социал-демократической пролетарской организации, укрепленные ежечасным упражнением в маневрах, аванпостных сражениях и серьезных битвах,

станут охватывать все боевые, революционные элементы народных низов,—тогда российской социал-демократии будет обеспечено **политическое руководство** неминуемым и быстро приближающимся к осуществлению всенародным восстанием против царизма.

Нам скажут, что, уйдя **в эту** работу, мы оставляем в стороне «важнейшую» из задач момента—мы оставляем в стороне работу по вооружению пролетариата, по систематической подготовке организации, которая гарантировала бы повсеместность и единовременность нападения народа на правительство, которая бы обеспечила нам **военно-техническое** руководство массами в момент решительной борьбы.

На это мы ответим, в качестве наиболее организованной и сознательной политической силы мы, конечно, не можем игнорировать и технических задач. Но, как они ни важны, не в них центр тяжести нашей работы по подготовке масс к восстанию. Как и все революционеры, мы должны заботиться о вооружении идущих к восстанию масс, но не должны забывать, что подпольные организации могут сделать в этом отношении очень немного; и все их старания не будут иметь никакого значения, если они не сумеют вооружить народ одним незаменимым оружием—**жгучей потребностью напасть на самодержавие и вооружиться для этого.** Вот куда должны мы направить свои усилия—**на пропаганду в массах самовооружения для целей восстания.** А такая пропаганда может быть сколько-нибудь плодотворна лишь в связи с такой тактикой, которая всесторонне революционизирует сознание народных масс.

Равным образом, лишь в той мере можем мы надеяться обеспечить приспособление нашей конспиративной организации к задачам **технического** руководства восстанием (которое в Петербурге почти целиком находилось в руках Г. Гапона и его общества) [2], в какой мы успеем спаять организационной связью все живые силы российского пролетариата. А это, в свою очередь, возможно для социал-демократов только в процессе неустанной и осмысленной политической агитации, только методами, развивающими самостоятельность пролетариев, их инициативу и активность. Собрать под знаменем партии и крепко, внутренней связью, сплотить вокруг нее десятки и сотни тысяч пробудившихся в эти дни к революционной борьбе рабочих—значит сделать большую половину того дела, которое нам остается для приведения русского пролетариата в полную боевую готовность. Если сделано это, то некоторые, сравнительно легко применимые, меры наших местных организаций и некоторое необходимое улучшение в функционировании нашей центральной организации дадут нам возможность внести свою долю и в дело технического руководства стихийными народными восстаниями.

Нелепо и вредно мечтать **о монополии** активной роли в надвигающемся восстании для русской социал-демократии. О чем она вправе, о чем она должна «мечтать»—это о политической гегемонии для своего класса, **о политически руководящей роли** для себя, как авангарда класса освободителя нации. А эта роль не может быть ни достигнута, ни прочно закреплена за нами тем, что нам удастся взять всецело в свои руки техническую организацию и проведение восстания. Сознательный пролетариат, опираясь на логику стихийного процесса исторического развития, использует для своих целей все элементы организации, все элементы брожения, которые создает момент «кануна революции», нисколько не смущаясь тем, что все эти элементы отнимают у него долю «технического руководства» самой революцией, и таким образом, волей-неволей, посодействуют перенесению наших требований в самые отсталые слои народной массы. Мы будем только рады, если, вслед за **священником**, популяризировавшим в массах наше требование **разрыва государства с церковью**, вслед за **монархическим** рабочим обществом, организовавшим **народный поход на Зимний дворец**, русская революция обогатится генералом, который первый поведет народные массы в победный бой против царского войска, или чиновником, который первый провозгласит официальное низвержение царской власти. Мы будем в праве видеть громадный успех нашей работы, если какое-либо узко националистическое или ограниченно-буржуазное движение послужит последним толчком, от которого

затрясется царская Бастилия, если террористической организации заговорщиков удастся пробить в правительственном механизме первую брешь. Все это будет работать для рабочего класса, если только рабочий класс во всех перипетиях революции будет политическим авангардом восстающей нации, если под **его** политическим давлением будут совершаться все эти революционные превращения, если только движущей силой всего революционного процесса будет сознательная и планомерная работа социал-демократии.

Нашей задачей в данный момент является, поэтому, не столько «организовать» народную революцию, сколько **«развязать»** ее. Революция уже существует потенциально в мыслях и чувствах широких народных масс. Надо дать ей выход в открытом движении, надо реализовать ее — и эта задача лежит целиком в области агитации и организации масс, в области **политического руководства** массами. Никто не сможет выполнить **эту** политическую работу лучше, чем социал-демократия, связанная своею 20-летней деятельностью с народными массами. Никто не сможет выполнить ее в интересах классовой борьбы пролетариата, кроме той партии, для которой борьба за освобождение России от царизма тесно сплетается с процессом революционного самоопределения рабочего класса, с процессом его организации для своего конечного и полного освобождения.

Пусть же девятое января, начавшее новую эру в жизни России, положит начало и непрерывным политическим успехам нашей партии, призванной историей стоять во главе национальной русской революции!

В ВОДОВОРОТЕ РЕВОЛЮЦИИ.

(«Искра» № 86, 3 февраля 1905 г.).

Не упуская из виду необходимости расширять свой организационный базис и даже настаивая на ней, мы все же так мало дорожим «рекламой» для своей фракции, что открыто признаемся: движение стотысячных масс, хотя бы непосредственно руководимых не нами, но несущих наши политические лозунги, для нас несравненно ценнее таинственных операций самых ортодоксальных «неуловимых» кружков конспираторов. Потому что мы верим в революционность рабочих масс и верим, что логика политического положения толкнет в конце-концов эти массы и в нашу партийную организацию. И, наоборот, мы не верим в сомнительно-ортодоксальную алхимию «штаба спевшихся и подготовленных руководителей», который, опираясь на одно слепое «доверие» массы, приведет ее в царство народной свободы.

С этой позиции нас, конечно, не столкнут не революционные мухи-поденки, фантазия которых тем необузданнее витает в области всевозможного прожектерства, чем менее связаны они в действительности с революционной партией, с революционным народом, с революционным движением.

Оружие! Захват государственного банка! Порча железных дорог!—вот «едва ли не самые настоятельные вопросы теперь»,—вопят картонные герои, для которых одною формою «восстания» исчерпываются все проблемы, выдвигаемые перед социал-демократией русской революцией. Да, нужно оружие, нужно во время восстания портить железные дороги, нужно захватывать государственный банк, и нужно даже вести просто «революционную» агитацию, когда не можешь или не умеешь вести агитации социал-демократической. Но и с оружием и со всякими захватами лучше справляются те, кто не так громко бряцает саблей в своем воображении, для кого и оружие и восстание есть лишь необходимое средство для несравненно более сложной и глубокой цели. Социал-демократия будет усиленно работать и над разрешением технических вопросов борьбы, но она будет помнить, что в дни революции, когда развязывается вековой узел общественно политических отношений и решаются будущие судьбы страны, «самым настоятельным» вопросом является для нас вопрос о политической позиции рабочего класса, и что только в связи с этой политической работой могут быть для социал-демократии разрешены и вопросы технические.

НОВОЯВЛЕННЫЕ ВОЖДИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

(Отдельное приложение к № 86 «Искра» 1905 г.).

«Соловья баснями не кормят»,—под таким заглавием в № 2 газеты «Вперед» посвящена статья разбору недавно вышедшей в свет брошюрки рабочего «Рабочие и интеллигенты в наших организациях». Хотя автор в статье, посвященной разбору брошюрки, по существу ее ничего почти не говорит, мы все-таки рекомендуем товарищам, и особенно рабочим, «прочесть» и «перечесть» статью, так как она ясно, почти демонстративно, показывает всю ту фальшивость так называемой «твердой» позиции, весь тот политический **демагогизм**, все то **интеллигентское** честолюбие, которое, к великому нашему прискорбию, свило себе гнездо в нашей партии под именем ленинизма.

И мы просим, убедительно просим наших «твердых» товарищей, как можно скорее, сдержать свое обещание и вернуться к разбору брошюрки «Рабочего», дабы тем скорее сбросить с себя пролетарскую маску, которая так им не к лицу, дабы тем скорее предстать пред российскими сознательными пролетариями в своем чистом, никакими красно-пролетарскими словцами неприкрашенном виде и дабы тем самым дать возможность нам российским пролетариям тем скорее рассчитаться с ними по их заслугам.

В самом деле: никому еще из наших «твердых» товарищей не удалось так рельефно показать оборотную сторону своей медали, т.-е. показать, какое собственно содержание вкладывали они в те многозначительные слова *), оперировать которыми они так привыкли.

Вы посмотрите только, к каким залихватским приемам прибегает автор статьи, чтобы уничтожить замечающееся тяготение в сторону так называемого «меньшинства»; как старается он преднамеренно исказить и **сузить** истинную мысль, высказанную в брошюрке рабочим, для того, чтобы отвлечь внимание товарищей-рабочих, направленное к тому, чтобы уяснить себе источник **наших** партийных неурядиц и найти возможные средства к их устранению.

Рабочий констатирует то печальное явление, особенно развившееся в период старого «искризма» и существующее еще и поныне, что задача социал-демократии—развивать самодеятельность пролетариата в самом ходе партийного строительства—нашими руководителями игнорировалась и игнорируется во всех почти областях партийной работы,—что повседневная экономическая борьба рабочих была в загоне у социал-демократов,—что демонстрация, благодаря слабым связям комитетов с массой, стала переживать себя и т. п. Ему вторит вся прошлая и настоящая действительность нашей партии, а ему отвечают: нет, это неправда. А неправда это, как бы вы думали, читатель, почему? Да только потому, что где-то, когда-то в свое время говорили то же Акимов [5]) и «Рабочее Дело». Правда, «Рабочее Дело» и Акимов не ставили самодеятельности рабочих тех широких задач, которые мы ей теперь ставим, правда, задачи, которые «Рабочее Дело» ставило нашей партии, не обеспечивали еще самодеятельности рабочего класса по отношению к другим общественным классам, но если наш ответ на тот или другой вопрос совпадает с тем, что говорило «Рабочее Дело», то какая, подумаешь, беда.

Неправда ли, читатель, веский и вместе с тем страшный аргумент автора брошюры. Прямо мороз по коже подирать начинает. Все это старые, знакомые приемы полемики. И в каком они чистом, нетронутом виде сохранились у наших «твердых» товарищей. Не опровергать факты противника фактами же, не спорить с ним по существу, а пугать, терроризировать его разными страшными (?) жупелами в роде акимовщина, рабочедельчество и т. п. И в доказательство вескости (!)

*) Известно, что все свои поступки наши «твердые» прикрывают якобы потребностью и желанием пролетариев.

этих жупелов приводится соображение, что, дескать «Старая Искра» упорно и жестоко с ними боролась. Так и сказано! Вот где поистине сказывается **твердость** наших ленинцев!

Но разве в том заключалась заслуга «старого искризма» или старых «искровцев», что они в своей борьбе с противниками, так часто вместе с водой выплескивали из ванны и ребенка? Не благодаря ли политике старых «искровцев», так механически-жестоко были подавлены все исторически-сложившиеся к тому времени (**усилиями рабочедельцев** и других!) рабочие организации, в то время как они могли быть расширены и углублены для дальнейшей социал-демократической работы? И скажите,—о наши «благодетели»!—почему это вы на все эти и прочие указания «Рабочего», что за период старого «искризма» или «политицизма» пролетарский элемент из ваших партийных организаций систематически вытравливался, что самодеятельные стремления рабочих, оставшиеся у них, как наследие после периода «экономизма», везде и всюду подавлялись,—почему вы на все отвечаете страшными словцами, а не опровергаете их по существу? Очевидно, «благодетели» наши, что кроме страшных восклицаний в вашем распоряжении нет ничего и быть не может, а это как-раз нам, рабочим, на-руку, для вашего облегчения.

Что же, твердо-искровские **вожди** наши, что вы сделали для того, чтобы марксизм, который вы защищали, стал действительной идеологией нашего рабочего класса?

Не вы ли, с товарищем Лениным во главе, так неосновательно, так жестоко принижали **сознательность** пролетариата? Не товарищ ли Ленин превозносил неизбежную роль революционной интеллигенции в рабочем движении над возможной ролью пролетариата? Не он ли опровергал **необходимость** для **самого** пролетариата вести сознательную социалистическую борьбу в своей знаменитой теории «социализма извне»? И не под влиянием ли Ленина у работников наших в период «Старой Искры» складывалось представление о нас, рабочих, как о людях, на-веки осужденных быть под бдительным надзором интеллигенции, как о людях, которые никогда не сумеют стать на собственные ноги и самостоятельно, не поддаваясь интеллигентским веяниям, вести свою борьбу?

Неужели вы все еще думаете, что сознательные пролетарии не успели уже достаточно выяснить себе политику «старых искровцев» и в особенности Ленина и должным образом их оценить?

И неужели вы думаете, что, оценивши их, они все еще будут столь наивны, что еще раз поддадутся на нашу удочку теперь, когда вы сулите им возможность попасть в комитеты и т. п.? Хотя, впрочем, удивляться этому нечего; потому что при вашем основном, в корне ложном, взгляде на рабочих—вы неспособны даже представить себе, как это рабочий в состоянии возвыситься над данным явлением и, проанализировавши его, найти причины его породившие.

Вот почему автор статьи так преднамеренно старается исказить смысл брошюрки «Рабочего», будто она вся сводится к тому, что рабочие только того и хотят, что попасть в комитеты. Но кто только дает себе труд внимательно прочесть и продумать эту брошюрку, тот несомненно вынесет впечатление из нее, что автор ее хлопочет не только о том, чтобы рабочие попадали в комитеты, а о гораздо более важном вопросе, который, по мнению старых искровцев—нынешних «твердых» недоступен пониманию рабочих. Автор брошюрки требует **равноправия**, т.-е. чтобы с ними, с сознательными рабочими считались, **во всем, везде и всюду**, как с равными членами «одной и той же революционной армии», чтобы интеллигенты, истинно желающие служить пролетарскому делу, отделались от своих архи-интеллигентских» особенностей, т.-е. от взгляда на рабочих, как на сторонний элемент, долженствующий вечно быть пасомым революционной интеллигенцией.

А это—нечто большее, чем попасть в комитеты; это—протест и возмущение сознательных рабочих, против абсолютно ложных и вредных взглядов Ленина и его «твердых» последователей. Что же касается специально того места, где автор брошюрки касается комитетов,—он так и говорит: «что не о том, чтобы ввести дюжину

другую рабочих в комитеты»—идет у него речь—**«а о том, чтобы перенести сознательную работу руководства от верхов партии в слой сознательных рабочих** (см. брошюру, стр. 34). Ясно. о чем говорит рабочий в своей брошюрке, а искажать ее смысл автору статьи не надо было вот для чего: как я уже выще сказал наши «твердые» товарищи не пренебрегают никакими средствами для того, чтобы отвлечь сознание рабочих от уяснения себе корня наших партийных бед, и тем отбить замечающееся у них тяготение к «меньшинству», как к течению более пролетарскому по своей сущности. Вот для всего-то этого, чтобы, с одной стороны, всю борьбу рабочих со старыми «искровскими» взглядами свести к борьбе,—как они любят выражаться,—из-за мест в комитеты, а, с другой стороны, сведши к этому,—иметь возможность перед сознательными рабочими **демагогически** расхвалить свой товар, они не пожалели труда выписать целую цитату из ленинского письма к товарищу [6]), где тот, дескать, давно уже говорил, что надо рабочих в комитеты пускать, а вслед затем автор статьи говорит, обращаясь к «Рабочему»: «Попробуйте принять мой вызов: найдите мне в нашей социал-демократической литературе **другое место, где бы также ясно и прямо, и решительно** (курс. автора) становился вами поставленный вопрос о «рабочих и интеллигентах в наших организациях», при чем указывалось бы на необходимость вводить как можно более рабочих в комитеты... и далее: **«Я утверждаю, что вы такого места указать не сможете** (курс. автора)».

Да, уважаемый автор, я принимаю ваш вызов и смело, и решительно утверждаю, что **нигде, ни в каком социал-демократическом произведении не принижалось** до такой степени великое историческое значение пролетариата и его способность к сознательной социалистической борьбе, как в произведениях Ленина. **И нигде, ни в какой социал-демократической партии,**—в частности, в нашей—пролетариат не был включен в такие рамки бездеятельности, т.-е. самодеятельность **нигде и никогда** не была так сведена к нулю, как в период «Старой Искры», ярыми защитниками которой вы сейчас являетесь!

Сознательные пролетарии хорошо оценят деяния, совершенные вами как на с'езде, так и за все время, протекшее после него. Во имя чего вы с Лениным во главе боролись с меньшинством на с'езде? Во имя чего вы вводили в партию печальной памяти «осадное положение» (практикующееся вами еще и поныне)? Во имя ли пролетариата вы все это делали или во имя «старо-искровского централизма,—того самого «централизма», осуществление которого так шло в разрез с самостоятельными стремлениями пролетариата? Во имя ли пролетариата, или во имя своего **интеллигентского честолюбия** вы после с'езда, видя силу и жизненность так называемого меньшинства, благодаря тому, что оно поняло бесплодность **ваших** организационных утопий и впервые выдвинуло на очередь великую и славную задачу: —превратить нашу партию из преимущественно интеллигентской в преимущественно **пролетарскую**? Во имя чего вы старались тогда нас, рядовых работников партии, одурманить и оттолкнуть от меньшинства страшными жупелами, в роде «оппортунистов», «анархистов» и т. п.? Во имя ли пролетарской дисциплины, о которой вы так много кричали, или во имя своего **действительного** интеллигентского анархизма, вы, несмотря на все старания товарищей из меньшинства (см. статьи Мартова «На очереди»), как-нибудь сойтись с вами на почве практической, положительной работы,—так упорно от этого отказывались, под тем предлогом, что нельзя-де вам **с** оппортунистами совместно работать и т. п.? В частности, как вы отнеслись к декларации ЦК [7]) (см. № 72 Искры), в которой он призывает всех работников партии—прекратить разговоры и об'единиться для совместной работы? Вы об'явили его, ЦК, политически неустойчивым, учреждением, вы стали бойкотировать то самое учреждение, для которого вы вчера еще отстаивали право чуть ли не единственного руководства Российской партией! Во имя ли интересов пролетарской борьбы вы так отчаянно боретесь за созыв третьего с'езда, или во имя своих личных, ничего общего не имеющих с пролетариатом, интересов кружковой борьбы, для того, чтобы, пользуясь общими партийными разбродами и смутой, получить санкцию с'езда на продолжение своей опеки над пролетариатом? И скажите, о «новоявлен-

ные вожди» наши: в чьих интересах, наконец, вы сейчас, благодаря поддержке со стороны тех же, **не слившихся с пролетарскими интересами**, интеллигентов (которых «Рабочий», автор брошюрки так бичует), получили возможность порвать нашу партию на две части, и тем парализовать ее положительную работу в такое трудное историческое время, какое переживает теперь наша родина? **Отвечайте**! Все это вы делали и продолжаете делать, в интересах пролетариата ли, или, еще раз повторяю, в своих личных, чисто интеллигентских, ничего общего с пролетариатом не имеющих, интересах?

Но нет, и тысячу раз нет! Мы, сознательные рабочие, хорошо оценили всю вашу политику, и вам уже ни под каким видом и никакими фразами, не обморочить нас. И хотя, с большими усилиями, вам все-таки удалось разорвать партию на части, но знайте, что российский пролетариат останется единым и нераздельным, и он в состоянии будет, когда придет время, рассчитаться с вами по вашим же заслугам.

Будущий пролетарский историк нашей партии красными чернилами отметит все ваши якобы социал-демократические деяния,—как предсмертную агонию тех антипролетарских элементов, которые неизбежно имеются в каждой рабочей партии и особенно в нашей Российской, и которые—раньше ли, позже ли,—под напором все растущего числа **действительных сознательных пролетариев**,—неизбежно должны уйти из его рядов и уйти безвозвратно!

Далее: автор статьи старается использовать в интересах своей интеллигентской, кружковой борьбы с меньшинством, то место брошюрки, где автор этой последней критикует действия некоего «меньшинствинского» комитета, и где вообще он говорит, что недостаточно в принципе об'явить себя меньшевиком, а надо стараться на деле, в своих отношениях к рабочим каждый свой шаг делать под углом зрения самодеятельности пролетариата, и тут же выражает надежду, что таким только образом истинным друзьям рабочих удастся уничтожить у себя те вредные взгляды и привычки, которые так глубоко и прочно за период «старого искризма» в них засели. Но и тут, почтеннейший автор статьи, вам не удастся привлечь симпатии товарищей рабочих, сколько вы не спекулируйте на несовершенстве и недостатках товарищей из меньшинства. Потому, что сознательные рабочие прекрасно понимают, что все эти их недостатки есть только печальное наследие прошлого «искровского» периода, и что на борьбу с ними нашей партии придется потратить не мало сил и времени. И они сойдутся с товарищами из меньшинства для совместной дружной работы по излечению наших партийных ран, вас же они с негодованием отвергнут от себя и скажут: руки прочь, политиканы, от опеки и руководства нами!

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С КОМИССИЕЙ СЕНАТОРА ШИДЛОВСКОГО [8]).

(«Искра» № 88 17 февраля 1905 г.).

Петербургские рабочие требовали, чтобы было созвано всенародное Учредительное собрание, на рассмотрение которого они отдавали свои многочисленные социальные требования.

Расстреляв петербургских рабочих 9 января, правительство учреждает новую комиссию, в которую предлагает петербургским рабочим послать своих избранных всеобщей и тайной подачей голосов представителей для рассмотрения «причин недовольства» петербургского пролетариата.

Нам, социал-демократам, неоднократно делался упрек, что мы тенденциозно представляем, как «победы» русского пролетариата, такие правительственные акты, которые по своей цели являются новыми и новыми попытками самодержавия отуманить сознание пролетариата (закон 2 июня 1897 года [9]), закон об ответственности etc. Это «недоразумение» между нами и нашими революционными противни-

ками легко об'ясняется тем простым фактом, что социал-демократия иначе, чем другие партии, понимает самое слово «победа» в применении к освободительной борьбе нашего времени.

Для социал-реформиста действительной победой является такое событие, которое означает непосредственно заметное улучшение в материальном положении соответствующего класса. И с точки зрения сколько-нибудь последовательного социал-реформизма, ни одна из многочисленных за последнее десятилетие «уступок» самодержавия не может, поэтому, считаться сколько-нибудь серьезной победой, ибо царское самодержавие не может дать рабочему классу действительного улучшения его жизни. Для «чистого политика», для революционера буржуазной демократии действительной победой является лишь такое завоевание, которое непосредственно означает заметную брешь в политической системе, с которою он борется. С этой точки зрения, опять-таки, все царские «уступки» рабочему классу равны по ценности нулю, ибо нисколько не ослабляют гнет, тяготеющий над русским народом.

С точки зрения революционного социал-демократа, связавшего все свои освободительные стремления с процессом классового развития пролетариата, действительной победой является всякое завоевание, дающее возможность рабочему классу усилить свою организацию, свое классовое об'единение, свою боевую готовность. И с этой точки зрения, все добытые трудной борьбой предыдущие уступки царизма представляют действительные победы русского рабочего класса, все значение которых может определить лишь тот, кто уяснил себе действие каждой новой реформы на дальнейшее развитие рабочего движения, на развитие самосознания пролетариата и его организации.

С этой именно точки зрения, декрет, назначающий комиссию сенатора Шидловского, представляет собой крупную пролетарскую победу—вопреки тем замыслам, которые внушили его авторам эту «уступку». Но само собой разумеется, что свое действительное содержание это новое завоевание может развернуть лишь в той мере, в какой пролетариат **сознательно** использует шансы, доставляемые новой «реформой» делу его классового развития.

Вопрос о том, как реагировать на новую «уступку», вызовет, разумеется, самое живое обсуждение среди сознательных рабочих. Нечего говорить, насколько желательно, чтобы сознательный пролетариат усвоил себе в этом вопросе одну и ту же тактику на всем протяжении России. От этого в значительной степени зависит, принесет ли новая правительственная мера, вообще, какую-нибудь пользу.

Что комиссия Шидловского и перипетии ее «работ» должны занять видное место в нашей агитации—об этом, разумеется, не будет спора в наших рядах. Но быть может меньшее единомыслие обнаружится между нами в вопросе о том, в каком направлении должна вестись эта агитация.

«Рабочие должны отказаться от участия в этой комиссии, повторив, что они требуют всенародного Учредительного собрания»—так склонны ответить на заданный вопрос иные товарищи. Но борьба за созыв Учредительного собрания не только не противоречит прямому участию в комиссии, но и должна получить сильный импульс от этого участия. Ибо борьба за Учредительное собрание будет тем энергичнее, тем сознательнее, тем революционнее со стороны рабочего класса, чем прочнее в его сознании укрепится программа тех его социальных требований, которые должны стать об'ектом борьбы в Учредительном собрании и в законодательном механизме свободной России. И если **борьба** в комиссии Шидловского и **около** нее способна содействовать делу усвоения широкими массами пролетариата этих социальных требований, если она способна дать толчок **организации** рабочих масс во имя этих требований, то тем самым мы имеем серьезный довод против той отрицательной позиции, которую в данном вопросе рекомендуют упомянутые товарищи.

Не для того только, чтобы «наглядно» показать рабочим массам гнилость самодержавного реформаторства,—они достаточно видели примеров тому, и мы не устанем повторять пролетариату, что в смысле действительных улучшений новая ко-

миссия ему не даст ровно ничего,—но чтобы дать им повод и удобные условия организации на почве выработки и отстаивания **всероссийской пролетарской программы социальных реформ**, должны мы принять самое активное участие в «трудах» новой комиссии.

Многочисленные сообщения петербургских газет показывают нам, какое плодотворное брожение вызвано уже в столичном пролетариате этой комиссией. Рабочие требовали, прежде чем приступить к выборам, обеспечения неприкосновенности своих делегатов,—им более или менее двусмысленно дают соответственное обещание, которое, конечно, при первом же случае будет нарушено. Они требуют—для организации выборной агитации—открытия закрытых Треповым [10]) 11-ти отделов знаменитого «общества» [11]),—отказ. Они требуют, чтобы им дано было право выбрать, в числе своих делегатов «интеллигентов»,—отказ. Зато они получают обязательство, что на выборах не будут присутствовать ни чины полиции, ни заводская администрация. Они дают своим уполномоченным императивный мандат требовать в комиссии свободы печати, собраний, союзов и стачек. Они настаивают, чтобы будущие заседания комиссии были публичны, чтобы их протоколы печатались в газетах.

Надо ли говорить, какая громадная агитационная работа могла и должна была быть совершена социал-демократами при обсуждении рабочими массами всех этих вопросов, какой громадный политический опыт дало им это обсуждение, как сильно двинуло оно вперед дело организации рабочего класса.

Но перед нами всего только первый акт жизни новой «комиссии». На очереди стоит привлечение к ней внимания рабочих провинций. Комиссия назначена для выяснения причин недовольства петербургских рабочих. Но, ведь, то же недовольство проявляется и всеми рабочими России. И все рабочие России, естественно, обнаруживают значительный интерес к этой комиссии. Кое-где (Харьков, Одесса) рабочие прямо требуют выборов делегата в комиссию сенатора Шидловского. Какое же положение нам занять в этом случае?

Мы должны повсюду повести самую энергичную агитацию за то, чтобы в комиссию были допущены выборные от **всех** рабочих России, чтобы рабочее правительство в комиссии Шидловского стало остовом широкой временной организации рабочих масс России.

Вот одно из требований, которые мы пред'являем к комиссии. Рядом с ним, мы требуем, вместе с петербургскими рабочими: гласности заседаний, неприкосновенности личности делегатов, свободы обсуждения. При этом мы постоянно подчеркиваем, что никаких действительных реформ участие в комиссии не обещает рабочим, что это участие имеет для них значение лишь постольку, поскольку его можно будет использовать в интересах организации рабочих и в интересах пропаганды рабочих требований.

К тому моменту, когда будут напечатаны эти строки, петербургские рабочие дадут уже свой окончательный ответ об условиях, при наличности которых они согласны довести до конца свое участие в комиссии,—из доставленных телеграммами сведений видно, что рабочие намерены серьезно воевать из-за этих предварительных гарантий. Тем лучше. Нам остается только выяснить, как, с нашей точки зрения, должны действовать делегаты, если дело кончится тем, что таковые будут избраны.

И прежде всего мы не согласны с тем мнением, что рабочие-делегаты должны, явившись в комиссию, **только** заявить о необходимости созыва Учредительного собрания. Они обязаны заявить это требование, обязаны воспользоваться новой трибуной, чтобы провозгласить его, но, преследуя цели популяризации в массах пролетарских требований и организации масс во имя этих требований, они не могут ограничиться этой демонстрацией.

Выборные петербургского пролетариата должны, с самого начала, явиться в роли представителей всех русских пролетариев, и весь российский пролетариат должен сделать из них своих представителей, настойчиво требуя в то же время допущения в комиссию делегатов от других городов.

Опираясь на коллективные заявления многих тысяч рабочих в разных концах России, рассылая во все концы доклады о своей работе в комиссии, о борьбе, которую им придется в ней вести, делегация рабочих представит собой громадную силу, организующую массы и воздействующую на ее сознание. Она станет тем народным трибуналом, к которому будут обращаться с заявлениями о своих нуждах рабочие всех отраслей производства и всех областей России и в то же время тем агитационным центром, который сможет давать лозунги текущей борьбы пролетариев всей страны. И если социал-демократии удастся оказать достаточно сильное влияние на работу делегации, партия сможет направить надлежащим образом профессиональную борьбу российского пролетариата.

Такова цель, которую сознательные рабочие должны поставить себе, стоя перед новой царской «уступкой». Будет ли достигнута эта цель, удастся ли, через посредство правительственной комиссии, завоевать себе организующий политический центр, зависит, конечно, от многих условий—не в последней степени от выдержки, энергии и последовательности сознательных рабочих. Но будет ли она достигнута, или нет, **движение** к ней должно принести значительные результаты для дела организации и воспитания рабочего класса, а это значит, что социал-демократия обязана со всей энергией взяться за агитацию в указанном здесь направлении.

Надо повсюду приглашать рабочих требовать допущения их делегатов в столичную комиссию. Надо повсюду организовывать постоянные сношения уполномоченных рабочих, быть может, для этого можно приспособить «фабричных старост» и других прежде узаконенных депутатов, разумеется, обновив их состав, с официальными петербургскими делегатами; надо в самом Петербурге отстаивать постоянное организованное общение делегатов с их избирателями, постоянное открытое обсуждение всей массой рабочих тех социальных реформ и политических требований, которые будут обсуждаться или ставиться в комиссии. Надо сделать так, чтобы рабочая масса внимательно следила за всем, что свершается в комиссии и около нее, и чтобы энергично протестовала против каждого акта произвола, который разыгрывается в ее недрах.

Могучий разлив стачечного движения, охватившего всю Россию, оставит после себя новые громадные кадры пролетариев, сделавших первые шаги по развитию своего классового самосознания и готовых к упорной борьбе за рабочее дело. Организовывать эти кадры, исходя из потребностей той самой профессиональной борьбы, которая их пробудила к активности—такова великая задача, которая стоит теперь перед нашей партией и вне разрешения которой пустыми речами являются всякие толки об организации революционного восстания под знаменем социал-демократии. Организовать их так, чтобы борьба за повседневные интересы рабочих тесно сплелась в их действии и в их сознании **с политической** борьбой рабочего **класса** в целом,—кто хочет этого, тот не может пройти мимо такого крупного факта в истории профессионального рабочего движения в России, каким является учреждение комиссии Шидловского, тот не должен упрощать всю агитацию социал-демократии по поводу этой комиссии, сводя ее целиком к убеждению рабочих в той истине, что не в такого рода комиссиях рабочий класс будет реализовать свои экономические завоевания. Нет, необходимо показать рабочим, что **и такие** реформаторские попытки самодержавия могут стать, в руках революционного и сознательного пролетариата, орудием его классовой организации, средством выработки и пропаганды его революционной программы.

И пусть не боятся товарищи, что на этом пути их ждет опасность забвения политической борьбы с самодержавием, опасность впадения в «экономизм» [12]). Годы, отделяющие нас от стадии «экономических» увлечений, многое изменили: изменили русский пролетариат и—что еще важнее—изменили радикально все условия его существования. Если в эпоху промышленного под'ема, при слабом пульсе политической жизни в стране, легко было, увлекаясь профессиональной агитацией среди неискушенного политическим опытом российского пролетариата, пойти по «линии наименьшего сопротивления» и растерять свою социал-демократическую политику в органи-

зации борьбы за частные экономические улучшения,—но теперь, когда пролетариат получает политические импульсы со всех сторон, когда он сам пропитан политическим недовольством и борется в условиях полного экономического банкротства правящей России, теперь эта опасность исчезла, и нам следует потратить добрую долю своих сил на то, чтобы организовать экономическую самооборону рабочего класса. об'единить его разрозненную профессиональную борьбу, сплотить на ней широкие пролетарские массы, связывая эту борьбу с основными политическими задачами пролетариата в данный момент. Если в свое время профессиональное движенне в России являлось исторически антиподом «политики» вообще, то теперь каждый новый шаг, делаемый русским обществом в водовороте революции, связывает крепче это движение со всенародной политической борьбой, и наша задача,—задача социал-демократии, в том и заключается, чтобы не дать ему стать опорой либерально-демократической политики (не говоря уже о политике реакционно-монархической). А этого мы можем достигнуть лишь в той мере, в какой используем политические силы своей партии для облегчения пролетарским массам того дела профессиональной организации и непосредственного улучшения своего положения, которое так умело делают эти массы, пользуясь моментом разложения самодержавия. И, с другой стороны, мы не можем рассчитывать на быстрое и прочное об'единение профессиональной борьбы пролетариата с его политической борьбой в цельной, социал-демократической классовой борьбе, если не воспользуемся всеми представляющимися пролетариату случаями на деле взвесить и оценить заботы его политических врагов и временных союзников о социальных реформах. Нечего и говорить какой богатый опыт в этом отношении дадут пролетариату работы правительственной комиссии, в которых найдут свое выражение отзвуки всех социально-политических программ, созданных общественной борьбой наших дней. Но особенно следует подчеркнуть ту истину, что только введенная в широких размерах агитация, только серьезная организация масс на почве выдвинутой рабочим движением программы социальных реформ может обеспечить нам усвоение **массами** этого социально-политического опыта. И достигнуть этого результата обязана наша партия, если хочет итти по тому же пути, который прочно укрепит так заметно ослабевшую за последние годы ее связь с массами.

Уже второй с'езд нашей партии подметил то значение, которое должно будет выпасть вскоре на долю нашей «экономической» агитации и рекомендовал партийным работникам усилить деятельность в этом направлении. Надо признаться откровенно, что товарищи-практики не много сделали для осуществления этих пожеланий с'езда. Пусть же так глубоко заинтересовавшая петербургский пролетариат правительственная «уступка» послужит поводом наверстать то, что нами уже упущено.

НА ОЧЕРЕДИ.

Рабочая партия и «захват власти», как наша ближайшая задача.

Л. М.—(«Искра», № 93, 17 марта 1905 г.).

Еще 2 года назад сопоставленные в заголовке настоящей статьи понятия показались бы каждому из наших товарищей несоединимыми. Когда еще сравнительно недавно тов. Мартынов написал свою брошюру «Две диктатуры», никто в рядах нашей партии не подумал возразить против **принципиальной** постановки, данной в ней вопросу о политической позиции, занимаемой партией рабочего класса по отношению к слагающейся в борьбе с абсолютизмом новой России. Эта позиция могла быть кратко определена формулой: **партия классовой борьбы пролетариата, российская социал-демократия остается партией революционной оппозиции по отношению ко всем политическим режимам, выражающим собою организацию классового господства буржуазии над пролетариатом».**

Но так было только «до девятого января». Девятое января для многих изменило меру вещей. «Освобожденцы» после 9 января узнали «какой чудный народ эти рабочие!» и сочли возможным говорить о революции в первом лице. Г. Струве счел отныне неуместным «говорить с царем» [11]). Петербургский Комитет партии соц.-рев. открыл после 9 января, что «рабочий народ идет дальше **под знаменем партии** с.-р. (курсив наш)» *). А откуда появилась сия приятная уверенность—о том зри в том же номере почтенного органа, где некий «участник событий» 9 января, занимавший, по словам редаации, в этот исторический день «междупартийное положение», но «по своему прошлому и связям» стоявший «ближе к социал-демократам», открывает партии с.-р., к которой он ныне примкнул, следующую истину: «Ясно, что рабочая масса, по нутру своему (!), по кровным нуждам своим—пролетарская (?!), имеет в своих рядах очень мало сознательных социал-демократов, социалистов революционеров и т. п... Знаю рабочую массу и считаю себя в праве утверждать это (!). Утверждение «Искры», «Вперед», что соц.-дем. **партия** опирается **на массы**—миф». Пришпоренным этим открытием социалистам-революционерам—отчего не помечтать о том, что рабочий народ пойдет «под знаменем партии с.-р»? Если 9 января заговоривший революционным языком священник стоял во главе сотен тысяч пролетариев, то почему бы после 9 января не занять его освободившееся место «социалистам», всегда говорившим елейным языком священника? «Девятое января» показало многим впервые, что русский пролетариат «созрел» для революции и что, стало быть, стоит попытаться «внезапно» оказаться «во главе его». Немудрено, что неожиданно об'явившийся «комитет мести и обороны» сообщил через доверившегося ему Г. Гапона российскому пролетариату властный приказ: никого не слушаться, кроме этого «комитета»: он подготовит вооружение, он назначит восстание, он все устроит.

Девятое января изменило для революционной и радикальной демократии меру всех вещей. Это неудивительно, ибо 9 января не только показало ей в действии революционный пролетариат, но и убедило ее в том, что этот «сфинкс» готов отдать последнюю каплю крови на дело завоевания политической и гражданской свободы. Другое дело—социал-демократия. В принципиальную постановку ее революционной задачи что нового внесло, что нового должно было внести 9 января! **). Девятое января семимильными шагами приблизило нас к победе. Но изменило ли оно **исторический** характер революции? Очевидно, нет. А, между тем, именно этот исторический характер начавшейся революции определял собой как основной фактор, принципы нашей тактики и сущность общих задач, которые мы себе ставили для данного периода. Революция, которую начало собой 9 января, остается тою же, какою мы ее считали до 9 января,—социальной революцией буржуазии. А наши тактические задачи, попрежнему, все определяются, поэтому, задачей—использовать эту буржуазную революцию в интересах **будущей** социальной революции, революции пролетариата, то есть, прежде всего, в интересах классового сплочения пролетариата, в интересах образования и укрепления его классовой партии.

Это так бесспорно, что против этого никто ничего не возразит. Это так бесспорно, что даже «умные марксистские статьи» на эту тему начинают казаться малоинтересными и бесплодными. И все же об этом постоянно приходится говорить, рискуя вызвать столь знакомые нам издавна заявления о тщете всех умных и марксистских статей «в наше время, когда»... Что поделаешь? Мы давно уже говорили: «Полюби нас черненькими, а беленькими нас даже «Революционная Россия» [14]) полюбит». А чернота наша в том, как известно, и заключается, что умные марксистские положения не являются для нас парадной фразой, а претендуют определять собой **каждый** наш политический шаг—и притом не взирая на обозначенную в календаре погоду...

*) Цитируем по № 60 «Рев. Р.».

**) Разумеется, 9 января, именно потому, что сильно приблизило момент нашей победы, должно внести известные изменения в постановку некоторых частных вопросов нашей практической работы; но как ни важны эти изменения сами по себе, они не ведут к принципиальному пересмотру целей нашей партийной работы.

Как бы то ни было, а после 9 января в наших собственных рядах заговорили о коренном пересмотре наших тактических задач. Мы услышали от газеты «Вперед» — о необходимости стремиться в ближайшем будущем к «диктатуре пролетариата и крестьянства». Тов. Парвус [15]) провозгласил лозунгом борьбы: «Без царя, а правительство рабочее! и даже «социал-демократическое временное правительство», а теперь тов. Т. [16]) об'являет: «Да здравствует временное правительство».

Как видно из собственных слов тов. Т., **для него** изменилось наше отношение к ближайшему нашему требованию созыва всенародного Учредительного собрания.

Тов. Т. находит, что после 9 января уже нельзя просто требовать Учредительного собрания, а нужно готовиться к вооруженному восстанию, замене нынешнего правительства временным революционным правительством и созыву Учредительного собрания этим последним. Как будто бы мы, социал-демократы. до 9 января намеревались или склонны были **хоть на минуту доверить правительству Николая II** созыв того Учредительного собрания, которому мы ставим задачу провозглашения республики. Как-будто мы до 9 января допускали, как будто бы мы имели право хоть на минуту допустить, что решительный момент в революционном преобразовании современного режима не потребует **насильственного** устранения господствующей правительственной клики. Но, хорошо это зная, мы в то же время сознавали, что момент для нанесения этого решающего «физического» удара не может быть произвольно выбран той или другой политической партией, что этот благоприятный момент будет дан революционной массе всеми условиями наибольшей дезорганизации механизма реакции и наибольшего революционного сплочения ее самой. Итти «во главе» революционных событий—это значит, подметить наступление **такого** момента и **подготовиться** к руководящей роли в нем. Только такая точка зрения, диаметрально противоположная авантюристскому «деланию революции», допустима для социал-демократа. И с этой точки зрения, 9 января не внесло принципиальной перемены в наше положение. Как и прежде мы знаем, что не победив реакции «на улице», мы не обеспечим успеха революции. Но, как и прежде, мы знаем, что заранее фиксировать момент этой победы **между** первой большой схваткой военных сил царизма с массами созывом первого представительного собрания представляется совершенно произвольным. А, между тем, тов. Т. как бы пытается именно фиксировать заранее момент решающего восстания. Он говорит, что после 9 января рабочее движение «уперлось в восстание». Это—как посмотреть. Если тов. Т. имеет в виду только то, что логическим развитием 9 января должен быть штурм Зимнего дворца, он, конечно, прав, и это так ясно даже для человека, никогда не писавшего «умных марксистских статей», что это поняли иные наши буржуазные радикалы. Но если он хочет сказать, что после 9 января массовое самодеятельное выступление пролетариата мыслимо только как прямое вооруженное нападение на бастилии царизма, то он не прав и его неправота доказывается всеми событиями последних 2-х месяцев. После 9 января российский пролетариат, не отступая ни на шаг от того пункта, который был завоеван движением в этот день, смог развить громадное стачечное и столь же громадное политически-демонстрационное движение, внесшее колоссальное разложение в стан его врагов и сильно укрепившее все его позиции. После 9 января петербургский пролетариат, не теряя бодрости и не ослабляя своей революционности, провел политическую кампанию против «комедии Шидловского» [17]). Нельзя, стало быть, так просто утверждать: движение уперлось в восстание. Когда оно в этом смысле «упрется» в момент восстания, тогда, вероятно, тов. Т. придется уже не определять эту психологическую границу «первого дня революции». а разве что заносить в свой календарь ее, как дату уже **начавшегося победоносного восстания**.

И еще раз верно одно: 9 января и последующие события так приблизили нас политически и психологически к моменту активного восстания, что партия должна усиленно готовиться встретить этот момент во всеоружии. Мы были бы очень рады теперь же подробно побеседовать с тов. Т. о том, как именно готовиться, если бы,

в связи с выше указанным, не должны были предварительно устранить другие «недоразумения», собранные в разбираемой статье.

Если проблематична высказанная в столь общей форме истина, что рабочее движение после 9 января уперлось в восстание, так что и податься ему некуда, пока мы не «организуем условия победы» и не призовем к восстанию, то уже совершенно непонятно, почему это мы после 9 января должны кричать: «да здравствует временное правительство»!

У тов. Т., в пользу выдвигаемого им революционного лозунга, имеется два соображения: первое—то, что временное правительство необходимо для обеспечения свободы созыва Учредительного собрания, очистки правительственной администрации, «реорганизации войска» и т. д. Второе—то, что во временном правительстве можем и должны оказаться мы, социал-демократы. (Впрочем тов. Т. согласился бы говорить «да здравствует», если бы даже и думал, что «нас» в правительстве не будет).

Что касается первого соображения, то опять же неизвестно, почему до 9-го января мы не должны были заботиться об обеспечении условий свободного созыва Учредительного собрания, свободы агитации etc., равно как об основательной очистке авгиевых конюшен бюрократии, полиции и войска? И я думаю, что каждый смотрящий вперед социал-демократ «заботился» об этих важных вещах. Но почему же **до** 9 января мы могли рассчитывать, в роли наиболее революционной народной партии, достигнуть этого, давя на **всякое** правительство, формально созывающее Учредительное собрание, давлением революционной «улицы», а после 9-го января мы должны «подымать выше» и стремиться из партии оппозиционной стать возможно скорее партией правящей. Или только потому, что до 9 января наша тактическая мудрость гласила «не якобинец—социал-демократ, а якобинец **или** социал-демократ, после же 9 января мы пашли, что на наш век хватит уже обнаруженного нами анти-якобинского пуританизма.

Если то или другое правительство в тот или другой момент революции станет поперек пути ее развитию—мы должны стремиться свалить его. Это—азбука революции. Какое бы правительство ни стояло во главе революционно-трансформирующегося государства, мы должны держать его под своим давлением, в качестве независимой классовой партии,—этого безусловно требуют и интересы революции и специфические классовые интересы пролетариата. Но так как **всякое** правительство, стоящее во главе страны во время **данной** революции, рядом с задачей разрушения самодержавно-сословного строя, **должно** будет выполнять задачу постепенной консолидации свободного **буржуазного** режима, так как всякое такое правительство должно будет заботиться о поддержании «общественного порядка», кредита «внешней безопасности» и т. д., то очевидно, что наша партия, приняв непосредственное участие во временном правительстве, связав себя с ним хотя бы только принципиальным лозунгом «да здравствует временное правительство»—должна будет связать себя в своей принципиальной оппозиции этим сторонам деятельности данного правительства, по необходимости носящим на себе печать классового характера слагающегося общественного строя. А это значит—для социал-демократии—на время отказаться от всесторонней борьбы со всем буржуазным обществом во всех его проявлениях.

«Изгнание всех кровожадных негодяев»—очень хорошее и очень нужное дело. Но до 9 января мы все полагали, что сие дело может производиться не только помощью якобинских декретов сверху, но и при помощи народного давления снизу. Разница, между прочим, та, что при пользовании первым методом—noblesse oblige! *)—вы обязуетесь не только вытеснить «кровожадных негодяев», скажем, из полицейских участков, но и наложить на их заместителей печать своего благоволения, выдать им «сертификатицизм», а может быть, и титул «друзей народа». Ведь, говорит же тов. Парвус (в листке «Без царя, а правительство рабочее»). «Никакие писаные законы не могут обеспечить свободу, покуда все места в судах, в канцеляриях, в полиции, заняты врагами народа и войско находится под командой офицеров из враждебного рабочему народу класса».

*) Поневоле.

Что и говорить, приятно чувствовать, что в судах и даже в полиции сидят не враги, а друзья народа! Только... только не получается ли это приятное ощущение ценой маленькой перестановки понятий о том, кто друг и кто враг рабочего класса.

Недурно мечтать о том, чтобы войско (постоянное войско.) «Реорганизованное». конечно, находилось «под командой офицеров»—из «невраждебного» рабочему народу класса. Только... не значит ли это подменить борьбу за вооружение народа жоресовской [18]) борьбой за «демократизацию армии» и не значит ли между рабочим классом и «враждебными ему классами» по-жоресовски же «создать» «невраждебный» ему класс... мелкой буржуазии?

Товарищ Т. теперь, быть может, согласится, что воздержание от возгласа «да здравствует временное правительство» находит себе об'яснение в чем-то другом, кроме «анти-революционного предрассудка».

Известный революционер Распайль [19]), пять раз осуждавшийся на смерть и много лет пробывший в тюрьмах, был в 70-х годах избран в французскую палату. При открытии сессии он, в качестве старейшего по возрасту депутата, оказался временным председателем, и, в качестве такового ему, при входе в зал, жандармы отдавали полагающуюся по ритуалу честь. Старый заговорщик иронически воскликнул: «Первый раз в жизни мне приходится шествовать между двумя жандармами, при чем они не держат меня зашиворот!» Но и тут проученный житейским опытом бывший «карбонарий» не поспешил провозгласить: «да здравствует республиканская жандармерия!»—и оказался прав: довольно скоро жандармы опять отводили его в долголетнее тюремное заключение, если не ошибаюсь, за оскорбление президента республики.

Представляется не невозможным, что революционная стихия вознесет русскую социал-демократическую партию так «высоко», что ее представителям случится временно состоять с полицией (республиканской) в таких же любезных отношениях, в каких находился Распайль в упомянутую выше единственную минуту его жизни. Но, следуя примеру испытанного в заговорах старца, не поспешим на любезную улыбку «реорганизованной» полиции ответствовать «да здраствует!», не поспешим, отказаться от нашего традиционного «предрассудка». Тем более не будем спешить теперь, когда при проходе между жандармами нас с товарищем Т. ждет все-таки скорее движение их рук в сторону нашего «шиворота», чем в сторону собственных козырьков.

Или мы, как классовая партия, **стремимся** к политической власти **только** для непосредственного осуществления революционной диктатуры пролетариата—и тогда мы остаемся принципиально непримиримой оппозицией ко **всякому** правительству и не отказываемся от «предрассудка», запрещающего нам сквернить уста сочетанием слов «да здраствует» и «правительство». Или же мы, заинтересованные в скорейшем, всестороннем и успешном развитии наступающей буржуазной революции, не видим другого средства содействовать ей, как приняв участие в правительстве, реорганизующем современную Россию, в качестве одной из «правящих партий»,—и тогда мы прекращаем свою классовую оппозицию **всем** силам современного общества, стоящим вне пролетариата, берем на себя прямую ответственность за все плоды исторической ограниченности буржуазной революции, боремся не только **против** присутствия в администрации обновленной России элементов реакционных, но и **за** замену их определенными элементами прогрессивными, освящаем целый ряд «реорганизованных» институтов политического господства буржуазии—армию и офицерство, полицию и тюремщиков, бюрократию и магистратуру—и... оказываемся в известный момент в резком антагонизме с той массой пролетариата, по отношению к которой, несмотря на наше сочувствие в управлении страной, остаются в силе все «имманентные» законы буржуазного строя—имя же им нищета, безработица, неравенство, несвобода... Или-или!

Конечно, если бы верно было, что для торжества демократической республики. для торжества революции **необходимо**, чтобы социалисты взяли в свои руки напра-

вление «государственного корабля», то революционная партия пролетариата должна была бы отказаться от своей политической независимости и воскликнуть за Горой: perisse notre nom pourque la liberté sois sauvée (пропадай наша репутация, лишь бы спасти свободу!). Но такой коллизии в действительности не может быть места: в качестве революционной оппозиции пролетарская партия, следуя революционной, т.-е. «умной марксистской» тактике, может и должна явиться рычагом развития буржуазной революции, тогда как, наоборот, ставши партией правящей, она неизбежно связывая себе руки в организации классовой борьбы пролетариата, тем самым уменьшит силу своего влияния на ход революции.

Товарищ Т., так же как и товарищ Парвус, полагает, что захват власти в момент падения самодержавия диктуется нам тем, что—кроме нас некому. Налицо или идеалистические группы, не опирающиеся на социальные силы, или же социальные силы, хотя и способные к политической организации, но не заинтересованные в полной победе революции. И потому—или мы должны взять в свои руки временное правительство. или же должны отказаться от демократической республики, чуть ли не даже от свободных выборов в Учредительное собрание и от очищения полиции от Мымрецовых. Не из рукава же нам «вытряхивать» революционную демократию.

Невозможно здесь разбирать детально этот несомненно новый взгляд на социально-политические отношения в современной России. Вся политика нашей партии до сих пор определялась радикально-противоположной оценкой действительности. Сложная—для многих головоломная—постановка наших тактических задач определялась нашим представлением о том, что пролетариат своим собственным движением вызывает к политической жизни и к революционной роли ряд слоев общества, доселе казавшихся политически-аморфными;—что, по мере того, как с разложением «старого режима» эти социальные слои политически самоопределяются, они реализуют в свою пользу все те преимущества над пролетариатом, которые потенциально заключаются в их более «привилегированном» положении в классовом обществе; что, поэтому, заключать от видимого «небытия» других крупных организованных общественных сил, кроме пролетариата, к тому, что в момент ликвидации царизма «мы все сможем»—является плодом чистейшего рационализма и утопизма.

Это так просто сказать: где она, эта демократия? Интеллигенция—беспочвенна и бессильна—раз; промышленный капитал—не связан с народом и антидемократичен—два; крестьяне—не организованы, политически некультурны и к самостоятельной роли не приучены—три; ремесленники—не имеют политической традиции—четыре; а посему откуда возьмется революционная демократия?

Как все это напоминает старые торжествующие перечисления народников, которые «искали и не находили» основных элементов для капиталистического развития в России. И, однако, жизнь насмеялась и нашла.

«Подрастают»,—соглашается товарищ Т. относительно разных элементов буржуазной демократии,—но,—успокоительно прибавляет он,—пока они подрастают, пролетариат растет». А так как идеологический оптимизм наших революционеров растет подчас еще быстрее, чем грузное тело пролетарской борьбы, то, не успеем мы еще заметить сколько-нибудь выросшего из пеленок детища буржуазной демократии, а перед нами уже несомненно будет куча проектов «совпадения политической и социалистической революции» по тому случаю, что «мы» уже переросли (в собственном воображении!) все рамки революции буржуазной и изящным движением ноги отбросили все тактические трудности, вытекающие из своеобразного положения русского пролетариата в развертывающейся буржуазной революции.

Вернемся все же к нашей российской демократии. Из рукава, конечно, нам ее никто не вытряхнет—что и говорить! Но и в рукав ее, как ни медленно она подрастает, тоже не спрячешь. И, прежде всего, ее нельзя отрицать на том простом основании, что **в данный момент** ее роль в качестве революционного двигателя **еще** очень незначительна по сравнению с ролью пролетариата. Для марксиста роль, которую в определенный исторический период должен сыграть данный соци-

альный слой, определяется, в конечном счете, не столько его политическим прошлым, не столько его идеологией и традициями, сколько об'ективным значением исторического момента в развитии общества. И если не фраза наши слова, что мы идем к буржуазной революции, то нам не придется долго смотреть в увеличительное стекло, чтобы найти суб'ективные факторы этой буржуазной революции. Сто миллионов крестьян, добрый десяток миллионов мелких производителей в промышленности—достаточно широкая **народная** база для русского «якобинства» и достаточно горючий материал для революции. Каждый шаг в разложении царизма приближает момент их тесного сближения с столь слабыми еще идеологическими представителями демократии.

Крупная роль, которую играет и будет играть в российской революции пролетариат, делает вполне возможным такое положение, когда борьба пролетариата за дальнейшее упрочнение и развитие революции отождествится с борьбой за непосредственное обладание политической властью. Наступление такого момента будет, разумеется, ускорено, если все сильные буржуазно-революционные партии отцветут не успевши расцвесть. И в этом случае пролетариат не сможет отвернуться от политической власти. Но разумеется также, что получив ее в ходе социальной борьбы, он не сможет ограничить себя в ее пользовании рамками буржуазной революции. **Если он получит власть как класс** (а мы с товарищем Т. только о таком овладении властью и говорим), он не сможет не повести революцию дальше, не сможет не стремиться к Revolution in Permanenz,—к прямой борьбе со всем буржуазным обществом. Конкретно это значит—либо новое повторение Парижской Коммуны, либо начало социалистической революции «на Западе» и ее переход в Россию. И мы **обязаны** будем стремиться ко второму.

К такой перспективе мы во всяком случае должны готовиться. Но готовиться к ней можно только одним путем—только организуя пролетариат в партию оппозиционную буржуазно-демократическому государству. И лучший путь для такой организации—путь развития буржуазной революции **снизу**, давлением пролетариата на стоящую у власти демократию.

Класс, подготовленный к роли оппозиционного двигателя революции, будет готов и к роли ее политического хозяина, если историческое развитие приведет его, вопреки его стремлениям, вплотную к государственной власти. Но не обратно. Ибо в малорасчлененной политической среде **об'ективный** смысл «игры на захват власти» может оказаться совсем иным, чем думают сами игроки.

В то время, как тов. Троцкий, говорит: «Кроме нас некому», а товарищ Парвус провозглашает «временное социал-демократическое правительство»,—газета «Вперед» об'являет: «Диктатура пролетариата и крестьянства».

«Вперед» не пробует, подобно товарищу Т., обойти те препятствия по пути прямолинейной тактики, которые ставятся существованием разных «промежуточных» классов. Он не пробует, подобно товарищу Т., изолировать мысленно пролетариат, как действительного носителя революционного развития **с первых же дней революции**. Но он тоже хочет, чтобы давление пролетариата на революцию шло не «снизу» только, не только с улицы, но и сверху, из чертогов временного правительства. И он дает формулу: диктатура пролетариата и крестьянства. Иначе говоря: то, что товарищу Парвусу представляется, как «временное социал-демократическое правительство», под пером редакции «Вперед» превращается в подлинный правительственный «блок» пролетариата и мелкой буржуазии.

Для блага революции чего не сделаешь! Почему бы и не составить правительственный блок из социалистов и демократов для очищения бюрократии от «кровожадных негодяев», для реорганизации армии, для укрепления демократии? Только, ведь, и Жорес **для этих самых целей** организовал свой союз демократии и пролетариата!

Или-или! Задача «завоевания власти» мыслима только в двух формах: или пролетариат овладевает государством, как класс («рабочее правительство»), но тогда он это делает в результате борьбы со всем буржуазным обществом в целом и проводит свою суверенную волю **против** этого общества в непосредственных целях

своей эмансипации. Но тогда он уже фактически подошел к пределам «буржуазной революции». В этом случае весь наш—русских социал-демократов—анализ исторического положения русского пролетариата и его задач был неверен, и нам надо, не окладывая дела, радикально пересмотреть нашу программу.

Или же речь идет об участии—для блага революции, конечно—социал-демократии в революционно-демократическом правительстве, и тогда нам не мешает теперь же вступить в политический «блок» с представителями той социальной силы. с которой вместе мы будем осуществлять «диктатуру». В этом случае нам надо сейчас же пересмотреть принципы нашей тактики. В ожидании, утешимся мыслью, что, подобно известному щедринскому прокурору, у некоторых «непримиримых революционеров» социал-демократии, чье недреманное око ревностно изыскивает разные виды оппортунистического злодейства, подлинный оппортунизм свивает себе гнездо как-раз под другим глазом...

Или-или! Или самый вульгарный жоресизм, или же отрицание буржуазного характера данной революции.

Но, как ни исключают логически друг друга обе перспективы, **психологически** они, пожалуй, могут быть между собой сближены. Забудем только на минуту, что для нас овладение государственной машиной, со стороны нашей партии, мыслимо лишь im Auftrage (по поручению) рабочего класса, как политическое выражение его классовой победы над буржуазным обществом. Представим себе, что партия овладевает политической властью не потому, что пролетариат реально и идеально «отмежевался» уже от всего буржуазного общества и об'явил ему войну, а потому только, что эта партия оказалась бойчее, ловчее, конспиративно-подготовленнее в данный момент, популярнее и т. д. всех других партий. Тогда перед нами будет политический факт, который допускает, с одинаковым правом, различное наименование: я могу назвать его «рабочим правительством» и даже «социал-демократическим правительством»—и я буду прав, ибо правительство это будет вознесено рабочими массами и будет состоять из людей, сознающих себя социал-демократами. Но я смогу назвать его также и «диктатурой пролетариата и крестьянства», ибо несомненно, что реальная сила, которую будет выражать данное правительство при этих условиях, будет не чем иным, как союзом мелкой буржуазии и пролетариата, в силу достаточных исторических оснований осуществившимся под флагом социал-демократии, а не под ярлыком какой-нибудь «якобинской» партии.

Но ничто не может помешать мне посмотреть на то же явление с третьей точки зрения, приняв во внимание дальнейшие судьбы классового движения пролетариата, сказать, что я имею перед собою: растворение классовой борьбы пролетариата в бесформенном движении «демократии».

Остается поставить только один вопрос: история «бедной русской мысли», столько уже шуток проделавшая над нами, не собирается ли «вытряхнуть из своего рукава» подлинную революционно-демократическую партию в виде той самой «социал-демократии», которая возьмет в свои руки власть в момент падения самодержавия?

На этом можно и покончить с вопросом о цели восстания. Другой, затронутый в письме тов. Т., вопрос—о том, как «организовать» и как «развязывать» революцию, потребует особой статьи. В ней мы покажем, как неправильное освещение вопроса о непосредственной цели борьбы ведет к неправильной постановке вопроса о революционной тактике.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.

(«Искра» № 90, 3 марта и № 95, 31 марта 1905 г.).

— Сколько верст до Гогулина?
— Коли три версты обходом,
прямиками будет шесть.
Некрасов.

В буржуазных революциях общие политические и даже экономические лозунги сплошь и рядом диктуются противоположными классовыми интересами.

Поэтому специфические классовые мотивы политического движения нашего пролетариата ничего не говорят **против** того, что наша революция буржуазная. С другой стороны, позиция, которую даже наша промышленная буржуазия заняла теперь по отношению к борьбе пролетариата, слишком красноречиво говорит за то, что эта борьба есть об'ективно—борьба за буржуазную революцию.

Так как наша оппозиционная буржуазия видит теперь, что удовлетворение демократических требований пролетариата может быть будет неизбежной ценой ее собственного освобождения от гнета самодержавия, так как она видит, что требования пролетариата, несмотря на их экономическую подкладку, непосредственно меньше угрожают классовому господству буржуазии, чем те разрушительные формы, в которых самодержавие втискивает пролетарскую борьбу (Петербургские промышленники это весьма прозрачно высказали в своем обращении к министру финансов), то она в настоящий момент сравнительно редко проявляет враждебное отношение к движению пролетириата. Если, кроме единичных случаев, еще не заметно, чтобы влиятельные буржуазно-демократические слои **открыто** стали на сторону восстания, если не заметно даже еще, опять-таки кроме единичных случаев, открытого присоединения левого крыла буржуазной оппозиции к политическим требованиям пролетариата **в целом**, то с другой стороны, вся буржуазная оппозиция обнаружила с самого начала дружественный нейтралитет к борющемуся пролетариату (горные инженеры), обнаружила с самого начала возмущение против белого террора правительства, а в очень многих случаях она, под влиянием рабочего восстания, заняла гораздо более решительную позицию против самодержавия, чем при Святополке-Мирском [20]), вплоть до отказа при настоящих условиях участвовать в общественных учреждениях, вплоть до отказа даже апеллировать к правительству, вплоть до апелляции к крестьянству (Московское сельскохозяйственное общество).

Сопоставляя все это, мы могли бы сказать: русский пролетариат с самого начала революции выступил не только как первая боевая сила, но благодаря работе социал-демократов, так же как наиболее передовая политическая сила, по крайней мере в Петербурге и окраинах (Польша, Кавказ). Он уже теперь является не только орудием, но и сознательным двигателем политического самоосвобождения буржуазного общества в целом. Именно поэтому, мы в праве рассчитывать, что наиболее демократическая часть общества, должна будет выйти, наконец, из состояния благожелательного нейтралитета и явиться на помощь восставшему пролетариату; именно поэтому, мы в праве рассчитывать на революционизирование буржуазной демократии. До сих пор она связывала свою судьбу с либерализмом; до сих пор только отдельные ее элементы, те самые, которые примыкали к партии с.-р., временно покидали свои культурнические муравейники и метались между революцией и реформой. Но прошлое будущему не указ и, как я уже говорил, в смысле революционизирования общества, эпоха гражданской войны радикально отличается от исторических будней. В начале Великой Французской Революции из известных политических деятелей разве только один Камилл де-Мулен был республиканцем; после 10 августа 1792 года вся Франция была республиканская. Первоначальным лозунгом февральской революции [21]) было расширение избирательного права (уничтожение daus lepal) и борьба с финансовым развратом; рабочие, одержавши победу на баррикадах, выдвинули новый лозунг—республика, и буржуазия присоединилась к новому лозунгу: республиканское временное правительство состояло в большинстве (Ламартин, Марра, Гарнье Пажес [22]) из бывших монархистов конституционалистов, и даже после июньского поражения пролетариата [23]) Конституанта была еще республиканская. У нас прокатилась только первая волна пролетарского восстания, и притом **физически** она была раздавлена; за нею последуют другие волны, более грозные; в гражданскую войну вовлекутся и уже вовлекаются крестьянские массы. Мыслимо ли ожидать, чтобы демократическая интеллигенция при таких условиях продолжала с надеждой и упованием обращать свои взоры на либералов? Мыслимо ли ожидать, чтобы при таких условиях на политическую

сцену не выдвинулись новые, опирающиеся на мещанство, крестьянство и на мало сознательные, но революционно настроенные слои пролетариата, элементы революционной буржуазной демократии? Если уже теперь появился Гапон [24], то в будущем появятся гапоны.

Революционная демократия придет, и на это указывают уже теперь многие симптомы. Правительство, мобилизуя все темные силы народа против революции, организуя националистические погромы, организуя войну «черных сотен» против всех культурных элементов нации, тем самым содействует мобилизации революционных сил. Раньше только партия пролетариата призывала к оружию. Теперь открыто пропагандирует самовооружение и бакинские капиталисты и московская и петербургская буржуазная интеллигенция.

Если с самого начала пролетариат вел борьбу в национальной атмосфере отчасти сочувственной, отчасти нейтральной, то вскоре вокруг него сплотятся активные революционные союзники.

Но этот «союз» сознательного пролетариата с революционной буржуазной демократией не только не ослабит классового антагонизма между ними, но, может быть, даже в известных отношениях будет содействовать его развитию, и это уже теперь отчасти наблюдается: чем более активно будет участие буржуазной демократии в общей революционной борьбе, тем больше она будет стремиться, в награду за свое революционное сотрудничество, эмансипировать пролетариат от влияния социал-демократии, т.-е. от влияния его собственной классовой идеологии.

Этими двумя моментами—неизбежным революционным сотрудничеством пролетариата с буржуазной демократией, и неизбежной борьбой с ней за свою политическую самостоятельность—должна определяться постановка наших ближайших тактических задач.

Русская буржуазная революция в известных отношениях отличается от всех прошлых революций. Но это для нас не ново. Еще в 1885 г. Плеханов писал: «Для нас не должно быть потерянным то, в высшей степени важное, обстоятельство, что социалистическое движение началось у нас в то время, когда капитализм был еще в зародыше. Эта особенность русского исторического развития... составляет бесспорный... факт, который принесет огромную пользу делу нашего рабочего класса, если только русские социалисты не растратят свою умственную и нравственную энергию на постройку воздушных замков»... Несмотря на то, что Плеханов еще 20 лет тому назад указывал на исключительную роль, которую сыграет в русской революции социалистическая партия, партия пролетариата, он тогда же в «Наших разногласиях» и позже в «Задачах социалистов в борьбе с голодом» предсказывал, что классовые интересы раньше или позже толкнут разные элементы буржуазного общества в оппозицию абсолютизму, и что наше буржуазное общество «осмелится» на борьбу с ним, когда оно убедится, что ему обеспечена поддержка в рабочем движении. Предсказания Плеханова, которые разделялись всеми более развитыми элементами нашей социал-демократии, теперь с каждым днем все больше подтверждаются. Именно на этом прогнозе построена наша партийная программа, предполагающая неизбежность у нас буржуазной социальной революции. Только в расчете на участие в революции буржуазных классов, наша программа могла рассматривать предстоящее падение самодержавия, как явление, связанное именно с ликвидацией всего старого сословно-крепостнического режима. Только в расчете па революционную борьбу деревенской мелкой буржуазии с поместным дворянством, как на известном проявлении общей борьбы буржуазного общества со «старым режимом», могла быть построена аграрная часть нашей программы.

Русская социал-демократия ясно представляла себе социальное содержание нашей ближайшей революции. Тем не менее, когда революция превратилась из абстракции в осязательный факт, некоторые наши товарищи, как-будто, перестали ее понимать. Социал-демократы, которые в очень многом резко расходятся между собой, как публицисты из «Вперед» [25]), с одной стороны, как товарищи Парвус. Троцкий,—с другой, сошлись или почти сошлись, на одном. Вне нас в России не-

кому увенчать здание буржуазной республики, а посему нам ближе итти обходом, чем прямиками: нам необходимо будет на время покинуть свой оппозиционный пост, заместить в революционном правительстве вполне или отчасти буржуазную демократию и, упорядочивши государственное строительство, после первой победы буржуазной революции, подобно Цинциннату [26]), вернуться опять к своему плугу. Раньше наша социал-демократическая интеллигенция стремилась к заместительству пролетариата в рабочей партии. Теперь нам рекомендуют более мудреную задачу—заместить буржуазных революционеров в правительстве. Наши товарищи собираются разыграть русскую революцию в виде феерии в трех актах. Как люди без принципов, публицисты из «Вперед» и не задумываются над тем, как согласовать свой новый «спектакль» со своей прежней марксистской совестью. Они не рассуждают, они шумят, они рекламируют его в «толпе» посредством сильных выражений и выразительной жестикуляции. Напротив, пылкому воображению тт. Парвуса и Троцкого, конечно, представляется, что именно марксистский анализ русской действительности продиктовал им их феерию. Анализ этот составляет их прелюдию в пьесе.

Прелюдия. И тов. Парвусу и тов. Т. нужно доказать, что «кроме нас на революционном поле **никого нет**». Доказывают это т. Т. и т. Парвус разными, отчасти даже противоположными аргументами. Но это их доброму согласию не вредит, ибо суть дела, конечно, не в том, чтобы «написать умную марксистскую статью», а в том, чтобы... оправдать известную тактику.

Тов. Парвус уверяет нас, что «немедленно за кровавым воскресеньем общественная мысль разделалась с идеей конституционной монархии», что «революция гонит идеологию либерализма до ее последних политических крайностей», что «либеральные партии... обещают больше и даже ставят себе большие задачи, чем могут исполнить при помощи тех общественных слоев, на которые они опираются». Но именно потому, что «в России политические направления до сих пор—за исключением классовой борьбы пролетариата и социал-демократии...—развивались в эфирных областях идеологии», именно потому, что им не соответствуют классовые интересы каких-нибудь общественных слоев, политический радикализм нашей интеллигенции рассеется, как дым, в первый же момент свержения самодержавия, который будет не концом, а исходным пунктом революционной эпохи.

Товарищ Троцкий для того, чтобы прийти к тому же выводу, как будто бы опрокидывает теорию Парвуса на голову; мы говорим «как будто бы» потому, что он то-и-дело себе противоречит. «Мы имеем в виду, говорит т. Троцкий, не народные массы, не крестьянство и мещанство, которые—особенно первые, представляют громадный резервуар потенциальной революционной энергии, но пока еще слишком мало принимают сознательное участие в политической жизни страны». Отрицая существование и условия для развития у нас буржуазной демократии, товарищ Троцкий, имеет в виду лишь идеологов,—демократическую интеллигенцию. «У нас нет,—говорит он,—социальной почвы (а резервуар потенциально революционной энергии в крестьянстве и мещанстве?) для самостоятельной якобинской демократии, мы это понимали всегда, сами мы являемся продуктом этого факта, им об'ясняется наша победоносная борьба с народовольцами, народниками, с—рами и... наше почти полное революционное одиночество».

Итак, с точки зрения тов. Парвуса «революция гонит идеологию либерализма до его последних политических крайностей». Но это прекратится в первый же день после победоносного восстания, потому что у этого политического движения нет классовой основы. Товарищ Троцкий находит, напротив того, что классовая основа для появления демократии есть, что наша мелкая буржуазия, представляет громадный резервуар потенциальной революционной энергии, но на этом базисе еще не выросло и не может вырасти соответственной идеологической надстройки.—Обе теории одинаково зиждутся на песце.

На чем основывается уверенность тов. Парвуса, что в полукрепостной России с ее 130 млн. населением при 10 млн. пролетариев в революционную пору не

может развиться мелко-буржуазное демократическое движение? Единственно на том, что Россия не пережила фазы ремесла и мануфактуры в ее классической форме. Ну, а куда делся огромный слой всякого рода служащих, которые революционизируются на наших глазах, куда делись миллионы кустарей, идейное пробуждение которых еще отмечалось в 80-х годах (Короленко. Павловские очерки), куда делись десятки миллионов крестьян,—опутанных по рукам и ногам государственной и поместной кабалой? А представители либеральных профессий, а разночинцы? Они,— говорит товарищ Парвус,—«стоят вне производственных отношений» и потому «не могут иметь своей классовой программы». Удивительное рассуждение! Они стоят вне производственных отношений. Следует ли отсюда, что они не солидаризируются по необходимости с теми или другими классами? Разве зависимость от той или другой социальной клиентеллы, разве размеры и степень устойчивости заработка и многое другое не связывают социальными узами известные слои профессиональной интеллигенции с известными общественными классами? У них нет **своей** классовой программы; значит ли это, что они не становятся на точку зрения общественных классов? На недавно состоявшемся съезде учителей и учительниц Воронежской губернии была принята следующая резолюция: «Мы, учителя и учительницы, находим, что вознаграждение учителей в народных школах незначительно, что положение их крайне тяжело; его можно улучшить лишь в том случае, если улучшится экономическое положение крестьянства, а это может случиться с изменением всего государственного строя путем созыва Учр. собр. на основе всеобщего, прямого, тайного, и равного избирательного права». Воронежские народные учителя постановили точку над и; ну, а те, которые не ставят точку над и, те которые не сознают, что они «говорят прозой», те действительно прозой не говорят? Для т. Парвуса огромный слой русской интеллигенции висит как-будто в воздухе, лишен как-будто классовых корней и нитей. Говоря о нашем народничестве, он правильно отмечает, что правое крыло его упирается в земство, которое в настоящий момент составляет опору либерализма, а в будущей парламентарной России составит опору аграрной партии с консервативными тенденциями. Но, характеризуя левое крыло нашего народничества, он не видит, он по крайней мере умалчивает об его классовой подкладке. Он видит там «смесь беллетристики с политикой», «смесь художественного рефлекса жизни с иллюзиями визионеров». Это всегда признавала наша обычная марксистская критика революционного народничества, но, кроме того, она отмечала, и в этом суть дела, что в народнических утопиях отражается определенная классовая идеология—идеология мелкой буржуазии.

Товарищ Т. признает потенциальную революционную энергию нашей мелкой буржуазии, но отрицает возможность появления у нас революционной интеллигентной демократии, ссылаясь на то, что мы сами—социал-демократы—являемся продуктом этого факта.

Последнее верно и неверно. Верно то, что развитие нашей революционной интеллигенции в свое время уперлось в степу, и что марксизм открыл ей путь к дальнейшему развитию; верно то, что в 90 годах почти вся русская интеллигентная демократия шла под знаменем марксизма; но верно и то, что дальнейшее развитие социал-демократического движения—процесс самоопределения рабочего класса послужил сам фактором для пробуждения буржуазной демократии: революционная самокритика нашей марксистской интеллигенции, в связи с ростом рабочего движения, не мало содействовала возникновению партии «Освобождения» [27]), партии с—ров и продолжает содействовать радикализации буржуазного общества.

Вопреки новой теории тт. Парвуса и Троцкого мы остаемся и останемся непоколебимо при своем старом убеждении: в атмосфере буржуазной революции буржуазно-демократические движения должны усиливаться именно благодаря развитию социл-демократии, должны тем более усиливаться, чем революционнее движение рабочего класса, чем оно сознательнее, чем оно самостоятельнее. Из всей новой теории верно только то, что наша мелкая буржуазия не может служить базой для прочных **консолидированных** политических партий. Но это-то как-раз не ново,

и в этом отношении политические судьбы русской мелкой буржуазии мало чем отличаются от судеб западно-европейской. Такова уже противоречивая сущность всякой мелкой буржуазии. Это, однако, не помешало ей в известные периоды играть революционную роль.

Итак, прелюдия товарищей Парвуса и Т., увы!—нисколько не предрасположила нас в пользу той оригинальной революционной пьесы, которую они нам рекомендуют разыграть. Она нам не об'яснила, почему мы очутимся в революции в полном одиночестве.

Посмотрим, может сама пьэса нас вразумит.

1-й акт. «Подготовление единовременного выступления пролетариата всей России», или, другими словами, «приготовление первого настоящего натиска», или, еще другими словами, «назначение всенародного вооруженного восстания».

Товарищи Парвус и Троцкий исходят из фантастического предположения, что решительное сражение самодержавию даст **один** пролетариат, что рабочие массы во всей России уже теперь прислушиваются **только к** нашим боевым лозунгам. Публицисты из «Вперед» исходят из другого начала, из «самобытной» теории «темного царства».—Про нас законы не писаны! Шапками закидаем!

При таких предположениях расчет крайне упрощается. Ничто не мешает им поэтому вообразить себе, что сражение будет дано непременно при назначенных ими условиях: кто станет спорить, что было бы выгодно, если бы пролетариат восстал единовременно во всей России, что было бы выгодно, если бы мы могли заранее назначить это единовременное восстание? что было бы выгодно, если бы мы могли «заказать» восстание перед созывом Учредительного собрания, чтобы обеспечить своей победой свободу выборов? Но наши утописты и наши «самобытники», ничем не связанные в полете своей фантазии, уже заранее принимают желательную им диспозицию за непреложный факт. Они не видят реальной социально политической обстановки, в которой нам приходится подготовлять восстание пролетариата, они не думают о том тернистом пути, который нас должен повести к цели—победоносному восстанию; вместо того, чтобы проходить этот путь, преодолевая все препятствия на нем, они просто закрывают глаза на препятствия и переносятся к цели на крыльях фантазии, на скатерти-самолете.

Гладко писано в бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить...

Чтобы отдельные революционные ручьи слились в один поток народного восстания, чтобы это восстание было победоносное, мы ставим себе двойную задачу: 1) не закрывая глаза на то, что пролетариат далеко не везде еще находится в состоянии революционного кипения и что рабочие массы далеко не везде еще усвоили себе политический смысл настоящей революции, мы продолжаем утилизировать все текущие события, все что совершается в социально-политической обстановке, окружающей пролетариат, равно как и стихийные брожения в его собственной среде, для развития его революционной активности и сознательности. На этой почве мы политически об'единяем и технически организуем его движение; 2) Мы стараемся самую революционную деятельность пролетариата использовать для привлечения ему союзников в самых различных элементах нации.

Как решают эти задачи приверженцы нового слова? Товарищ Троцкий декретирует: «Никакие местные демонстрации не могут уже теперь иметь серьезного политического значения. После петербургского восстания **должно** иметь место **только** всероссийское восстание». Товарищ Троцкий преодолевает все препятствия тем, что зажмуривает глаза. Он ждет момента всенародного восстания; он ждет, а пока что?.. пока он рисует нам художественные картины будущих столкновений народа с войсками, распределяет роли в этих будущих революционных эпизодах... Тов. Троцкий, впрочем, разрешает жизни отступление от своих «чертежей». Он соглашается, что поскольку революционные вспышки будут самопроизвольно возникать еще до всеобщего натиска мы должны энергично их использовать. Приверженцы газеты

«Вперед»—московские комитетчики более строги и неукоснительны: они стараются воспрепятствовать, остановить самопроизвольно возникшее стачечное движение, чтобы не сжигать преждевременно энергию пролетариата в ожидании единовременного нападения. Их не смущают «недоразумения», которые на этой почве возникают между социал-демократией и рабочей массой, их не смущают протесты рабочей массы против комитета, потому что они заранее уже «приписали» эту рабочую массу к ведомству своего «комитета», а этого достаточно, чтобы она обязана была повиноваться. И эта тактика применяется в Москве, в одном из сравнительно отсталых районов движения!

Также легко решается приверженцами нового слова вопрос о привлечении союзников пролетариатом. Они решают его легко, потому что они предрешили, что на революционном поле мы будем одни. Мы, следуя завету Коммунистического Манифеста, всегда **одновременно** ставим себе двойную задачу: 1) мы поддерживаем всякое оппозиционное и революционное движение в буржуазных классах; 2) мы ни на минуту не перестаем вырабатывать в уме рабочих сознание противоположности интересов пролетариата и интересов всех буржуазных классов. Наши новаторы ставят себе либо только вторую задачу, либо (в известных случаях) только первую. Тов. Троцкий в упомянутой брошюре критикует оппозиционные движения нашей буржуазии до 9-го января только с точки зрения сравнительно неподвижного идеала последовательного демократизма. Но вполне последовательными демократами при настоящих исторических условиях могут быть только социал-демократы. С этой точки зрения мы можем доказать только противоположность между нами и всеми без исключения буржуазными партиями. а это значит выполнить только вторую из задач, обязательных для социал-демократа. Но это недостаточно; под такой критикой мог бы подписаться еще, пожалуй, и анархист. Для того, чтобы выполнить первую задачу—поддержать оппозиционное движение буржуазии,—мы должны ввести в свою критику еще один момент. Мы должны указывать не только на то, какою **была**, какова **есть** буржуазная оппозиция, но также на то, какой она **становилась**, какой она **становится**, вопреки своей неустойчивости, под влиянием событий, под влиянием революционных выступлений пролетариата. С последней точки зрения, нам открывается возможность в известных пределах оказывать революционное давление на те или другие элементы буржуазной оппозиции. С первой же точки зрения, все элементы буржуазной оппозиции сливаются в «одну сплошную реакционную массу», в каждый данный момент годную **только** на слом. Учитывая **только** предательства буржуазной демократии,—предательства, которые, конечно, никогда не прекратятся и не могут прекратиться, мы говорим истину, но истину в духе «истинных немецких социалистов» [28]), так основательно осмеянных Марксом. При таком методе критики совершенно упраздняется задача, которую мы всегда себе ставили,—расколоть оппозицию и увлечь левое крыло за собою. При таком методе критики она, вопреки нашим добрым революционным намерениям, может быть массой истолкована в смысле того реакционного хора, который тоже во имя «народа» обрушивается на своекорыстную буржуазную интеллигенцию. Уверен ли тов. Троцкий, что отсталые массы не истолкуют на свой лад упрощенную формулу—долой либеральную демократию? Находит ли тов. Троцкий, что немецкие марксисты в 60-х годах были неправы, когда они упрекали лассальянцев [29]), что они играют на-руку бисмарковой демагогии? [30]) А ведь у тов. Троцкого нет и того оправдания, которое имели в свое время лассальянцы; в то время пролетариат не стоял накануне буржуазной революции, в то время платформа прогрессистов была в некоторых отношениях менее демократична, чем платформа Бисмарка *).

Так же метафизически рассуждает по этому вопросу и «Бюро комитетов большинства [31]). **) В революционную эпоху,—когда события сменяются с головокру-

*) Мы отмечаем «однобокость» брошюры тов. Троцкого, потому что она, обставленная соответственным предисловием и послесловием, является не просто критическим памфлетом, а пытается дать политическую директиву.

**) См. «Вперед» № 10 Отн. Р.С.-Д.Р.П. к либералам.

жительной быстротой, когда сегодняшний день не похож на вчерашний, когда программа и рамки буржуазных «партий» то-и-дело меняются и перестраиваются, «Бюро» находит возможным классифицировать буржуазные оппозиционные партии по системе Линнея. [32]). Оно фиксирует две неподвижные категории: 1) земские конституционалисты, 2) союз освобождения или «демократы». Эти обе категории буржуазной интеллигенции **абсолютно** не надежны, «по существу не демократы». Им «Бюро» принципиально противопоставляет «сознательных представителей ремесленников, крестьян, пролетарски живущую интеллигенцию», которую оно не называет буржуазной интеллигенцией, которую оно считает «по существу» демократичной, повидимому, абсолютно надежною. «Лучшие из (этих) настоящих демократов,— прибавляет Бюро,—скрывают в оболочке партии соц.-рев.». Таким образом мы пришли к давно знакомой нам классификации «общества» на буржуазную и трудовую интеллигенцию. И как это мы до сих пор не обличили Коммунистический Манифест за его нелепую декларацию: «В Германии коммунистическая партия идет рядом с буржуазией, поскольку эта последняя является революционной, в борьбе своей против...мелкого мещанства»?! Правда, мы не должны смешивать положение мещанства в России в настоящий момент и немецкого мещанства в 40-х годах. Германское мещанство было пропитано средневековыми цеховыми традициями; наше мещанство теперь прежде всего заинтересовано в раскрепощении России. Но все же, если Маркс был прав, а мы смеем думать, что он был прав, мы не можем говорить о «сознательных представителях» наших ремесленников и крестьян, как о «настоящих демократах», «демократах по существу». Их двойственная социальная природа в наше время может обнаружиться и в области политической идеологии. К каким же практическим выводам приходит «Бюро» на основании своей линнеевской классификации? Оно, повидимому, предполагает, что в вопросах **чисто политических** мы по отношению к «настоящим демократам» (из трудовой интеллигенции) можем пренебречь второй из задач, завещанных нам Манифестом. Оно, **очевидно**, по отношению к «буржуазной интеллигенции» считает возможным пренебречь первой из задач, завещанных нам тем же Манифестом. Любопытно было бы знать, как «Бюро» отнеслось бы к бакинским капиталистам, организовавшим вооруженную охрану совместно с пролетариатом против мелкобуржуазного татарского «народа» как оно отнеслось бы к решению, принятому тремя московскими обществами представителей либеральных профессий на счет самовооружения народа за счет городских дум?

Оно, вероятно, вначале совершенно игнорировало бы их, как категорию «буржуазной интеллигенции». Когда же ему стало бы известно, что они стоят за вооружение народа, оно перевело бы их в категорию «трудовой интеллигенции», «демократов по существу». Ведь говорил же Войнов [33]) на публичном собрании, что **всякий**, кто согласен дать ружье народу,—наш союзник.

Бюро, правда, и по отношению к «буржуазной интеллигенции» вспомнило про нашу обязанность «поддерживать всякое оппозиционное движение». Но изображает он эту поддержку в прямо карикатурной форме: мы будем протестовать против насилия над либералом (!), если оно случится, мы укроем бегущего «демократа», мы не выбросим номера «Освобождения», а, по миновании в нем надобности, передадим его либералу или обывателю! Но ведь это не правила политической **тактики**, скажет иной скептик, ведь это правило **тактичности** или даже просто элементарной порядочности!

Но «Бюро большинства» и не задумывается над нашими политическими задачами по отношению к оппозиционным движениям либеральной демократии: «Нашим лозунгом»,—говорит оно,—«должна быть охрана классовой чистоты рабочего движения». И почему спрашивается, некие «ортодоксальные марксисты» в свое время так обрушились на «экономистов» за то, что они «изолируют» пролетариат в интересах «чисто рабочего движения»?!

Резюмируя содержание первого акта предлагаемой нам революционной пьесы, мы можем сказать: Авторы ее поставили себе определенную цель, которую все они

могли бы формулировать словами: «выполнение этой **черной работы** революции,— организация восстания становится в данный момент нашей высшей **политической** обязанностью». И вот, ради достижения этой цели, нам рекомендуют такую упрощенную, неподвижную, тактику, которая, во 1-х, не привлечет к нашему делу широких слоев пролетариата, которая, во 2-х, оттолкнет от него многих возможных союзников, которая, словом, приведет восстание к фиаско, к поражению. Если бы это случилось, мы бы до второго акта вовсе не дошли. Но ведь из того, что пролетариату рекомендуют «новую методу» еще не следует, что он ее одобрит. А потому мы приглашаем читателя познакомиться и со вторым актом революционной пьесы.

2-й акт. Победоносное восстание кончено; наступает второй акт буржуазной революции, когда социал-демократия «возносится» к власти, когда она выступает на сцену в новой роли—государственного строителя освобожденного буржуазного общества. Нам предлагаются две версии этого второго акта.

Товарищ Т. пишет: «Революционное развитие влечет пролетариат, а с ним—нашу партию к временному политическому господству»; эквилибристы из «Вперед» провозглашают смело «демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства».

Авторы нашей пьесы считают участие социал-демократии во временном правительстве **неизбежным**, поскольку она не захочет угашать свой революционный дух. Это должна была доказать «прелюдия» к пьесе; но она, как мы видели, ничего не доказала. Посмотрим, не находит ли оправдание пропаганда идей социал-демократического временного правления **в соблазнительности** этой перспективы.

Для какой цели нам рекомендуют временное участие в правительстве? «Реорганизация бюрократического полицейского и военного аппарата, изгнание всех кровожадных негодяев, замена их друзьями народа (!), вооружение народа на государственный счет—вот меры, которые прежде всего должны быть проведены временным правительством», пишет тов. Т., а его единомышленник в частном письме, к этим мерам еще прибавляет введение восьмичасового рабочего дня. Газета «Вперед» выражается менее определенно, но более торжественно: «Сторонитесь вы, генералы и сановники, профессора и капиталисты! Пролетариат выступает, чтобы построить **вам вашу буржуазную** республику (какая любезность!), и он построит ее так, чтобы наилегче было перестроить ее на социалистических началах, когда придет **желанный час**».

Товарищ Т., конечно, не так любезен по отношению к буржуазии, как газета «Вперед»; он не ставит себе целью строить **для нее ее** республику. Он обязуется провести во временном правительстве только некоторые революционные меры в интересах пролетариата и всей демократии. Рекомендуемые им меры хороши; они необходимы для торжества революции. **Но в условиях буржуазной революции** нам легче их провести, именно не связывая себе рук правительственной властью, не связывая себя официальной ответственностью перед буржуазным обществом в целом, нам легче их провести, именно оставаясь в оппозиции, оказывая революционное давление извне на правительство. После восстания 10 августа 1792 года Парижская коммуна по своему почину устроила «комитет общественного спасения» [34]), по своему почину вооружала народ и очищала администрацию от «подозрительных» элементов, от «врагов народа». Она принимала эти революционные меры не потому, что получила на то законные полномочия, не потому, что была облечена соответственной властью (у власти была Жиронда), а потому, что она была фактическая сила, потому, что она участвовала в победоносном восстании. Это право—право победоносной революции—сохранит за собою и наш пролетариат после удачного восстания, но только в том случае, если он останется фактической силой, если не дезорганизуется его самостоятельная классовая партия, если она не растворится в революционной демократии.

Наше участие во временном правительстве не облегчило бы проведение революционных мер; зато оно навязало бы нам проведение таких мер, которые ничего общего не имеют с революцией. Вот этого-то не видит тов. Т., это-то игнорируют публицисты «Вперед». Когда они говорят о временном правительстве, им

угодно видеть только его революционные задачи по отношению к ликвидируемому «старому режиму», им не угодно видеть его консервативных задач в деле охранения буржуазного общества от «опасных» последствий его классовых противоречий. Она закрывают глаза на антагонистический характер буржуазной революции. Они этого антагонизма «временно» не мыслят и отсюда заключают, что он «временно» перестанет существовать, чтобы облегчить им их задачу. Мир есть моя воля и мое представление!

«Социал-демократическое временное правительство не может совершить в России социалистический переворот»,—говорит тов. Парвус,—«но уже самый процесс ликвидации самодержавия и установление демократической республики дает ему благодарную почву политической работы.

Работы несомненно будет много, но вся ли она будет благодарная? Станут ли утверждать товарищи Парвус и Троцкий, что в период временной диктатуры исчезнет классовый антагонизм между пролетариатом и буржуазным обществом, в частности между пролетариатом и революционной мелкой буржуазией? Станут ли они отрицать, что чувствительность пролетариата ко всякого рода эксплоатации, ко всякого рода унижениям удвоится, удесятерится, когда пролетариат будет чувствовать себя победителем?

Как же социалистическое временное правительство будет реагировать на это неизбежное в революционную эпоху обострение антагонизма между пролетариатом и буржуазным обществом? Как же оно примирит свой старый партийный долг— стоять во главе всякого классового движения пролетариата—со своим новым обязательством—«строить для буржуазии ее республику», а стало быть и «охранять» эту буржуазную республику от грозных волнений рабочей массы?

Мы изгоним из администрации всех кровожадных негодяев и заменим их друзьями народа,—говорите вы.

Будут ли эти «друзья народа», которыми вы замените старых чиновников, охранять интересы крупных или хотя бы мелко-буржуазных кредиторов против должников-пролетариев, будут ли «друзья народа», которыми вы замените старую полицию, арестовывать и предавать «правосудию» пролетариев, посягнувших в той или другой форме на «священную собственность» буржуазии, будут ли «друзья народа», заседающие в «новых судах», судить этих преступников на основании буржуазно гражданского и уголовного права, будут ли «друзья народа» из рядов вашей реорганизованной армии усмирять толпы безработных, учиняющих «беспорядки», будут ли «друзья народа, которыми вы замените прежних тюремщиков, лесных стражников, городовых и пр. выполнять свои «охранительные» функции? Возьмет ли на себя революционное временное правительство ответственность за деяния этих «друзей народа», над которыми оно будет иметь верховный контроль даже и в тех случаях, когда они выбраны народом? Конечно да, иначе временное правительство не исполнит своих обязательств по отношению к буржуазной республике, которую оно строит, иначе оно с первого же дня будет объявлено врагом буржуазной республики.

Я полагаю, что если-бы тов. Т. опустился из «эмпирей, в которых витают чистые духи», в реальную обстановку буржуазного правительства, хотя бы временного революционного, оно потеряло бы для него соблазнительность.

Мы не скажем того же о публицистах газ. «Вперед», – они представляют себе положение временного правительства **сравнительно** более реально, но это положение их не смущает, потому что они **несравненны** в своей развязности оппортунистов. вр. правит., говорят они, будет осуществлением «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Что это значит? Диктатура предполагает абсолютное единство—единую волю. В рассматриваемой комбинации единство может быть достигнуто, либо если крестьянство станет на точку зрения пролетариата, т.-е. на точку зрения социализма, либо если пролетариат станет на точку зрения крестьянства, т.-е. мелкой буржуазии. Публицисты «Вперед» категорически исключают первую возможность.

Но если так, то, по их мнению, мы в интересах революции должны временно стать на точку зрения мелкой буржуазии. Почему же они путаются и путают других, почему же они говорят, «**что и во время борьбы за ее (программы минимум) осуществление** и по окончании ее мы должны организовать свои силы для дальнейшей борьбы под флагом минимума нашей программы» («Вперед» № 12). Потому что в их устах эти слова не имеют реальной цены, потому что для них «организовать, значит написать устав». Эти «вожди» пролетариата не смущаются перспективой республиканского блока, потому что они «отгородили себя и программой, и тактикой, и организацией от революционной демократии» (см. «Вперед» № 13). Но в период демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, в период «блока» перегородка в тактике и организации между революционной буржуазной демократией и социал-демократией разрушится, потому что у них тогда будет одна единая воля.

Что же у них останется для «охраны классовой самостоятельности пролетариата»? Останется «программа», останется «писаная конституция», находящаяся в полном противоречии с «действительной конституцией», останется, словом, лист печатной бумаги, хранящийся в архиве департамента внутренних дел временного правительства.

И мы, и газ. «Вперед» одинаково признаем, что теперь у нас возможна только буржуазно-демократическая революция. И мы, и газ. «Вперед» одинаково признаем, что **непосредственной** причиной ограниченности нашей революции служит тот факт, что масса нации стоит у нас на точке зрения мелкой буржуазии. Но из этой посылки мы делаем для себя прямо противоположные выводы. Мы стремимся остаться в положении революционной оппозиции, чтобы сохранить практическую возможность **критиковать ограниченность мелкой буржуазии**, очутившейся у власти. Публицисты «Вперед» стремятся разделить власть с мелкой буржуазией, сохраняя возможность **критиковать пролетариат**, буде он увлечется иллюзиями. «Мы,—говорят они,—отвергнем, как утопию, как бессознательную провокацию, всякую попытку навязать пролетариату невыполнимую при настоящих социально-экономических условиях задачу немедленного осуществления максимальной программы, т.-е. немедленного создания социалистического строя». Мы позволим себе несколько более развить эту перспективу. Как мы неоднократно указывали условия революционной диктатуры чрезвычайно благоприятны для возникновения всевозможных социальных утопий. У наших «диктаторов» не будет никакой физической возможности определять, где тут кончается наивная иллюзия, где начинается «бессознательная провокация» или даже сознательная. Вот, например, Эд. Бернштейн [35]) склонен был почти во всей революционной агитации, предшествовавшей июньским дням в Париже, усматривать «бессознательную провокацию» (см. прим. Бернштейна и истории Heritier). Наши «диктаторы» хотя во многом с Бернштейном не сходятся, но в мнительности они наверно его перещеголяют. Как же они поступят, если их словесные аргументы не в силах будут остановить распространения «бессознательной провокации», угрожающей республике? Не прибегнут ли они к тем «убедительным» аргументам, к которым прибегло министерство «социалиста» Мильерана [36]) при усмирении рабочих Шалона и Мартиники?.. Ведь Мильеран тоже хотел только «спасти республику», ведь он тоже «отгородился» от своих буржуазных коллег социалистической «программой»...

«Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса... он вынужден будет (NB: он будет **вынужден** против своей воли) отстаивать не свою собственную партию, не свой собственный класс, а тот класс, для господства которого уже созрело движение. Он должен будет (NB: **должен** будет независимо от его воли!) в интересах именно этого движения (NB: у нас, в интересах буржуазной республики) отстаивать интерес чуждого ему класса (NB: у нас—мелкой буржуазии) и отделываться от своего класса фразами (NB: фельетонами «Вперед»), обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются

его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно». Так писал Энгельс, и когда мы на эти слова указываем публицистам газ. «Вперед», эти будущие «диктаторы» уже теперь, заблаговременно, из одного только Wille zur Macht *), начинают, как бы в подтверждение предсказаний Энгельса, лгать и путать.

Они нас обвиняют в том, что мы «боимся» власти. Нет, мы не боимся «власти», мы только **имеем мужество** называть вещи своим именем. Мы говорим, если бы вы очутились у власти при данных условиях, вы бы **окончательно** превратились из социал-демократов в буржуазных якобинцев и тогда, в ответ на вопросы тов. Т., где у нас якобинская буржуазная демократия, нам было бы достаточно указать на вас пальцем.

3-й акт. Созыв Учредительного собрания. Как представляют себе впередовцы финал пьесы, мы не знаем. Они нам не говорят, как они по распущении временного правительства станут выпутываться из того мелкобуржуазного блока, в котором они запутались, как они начнут размежевываться с теми, с которыми они только что вместе княжили, судили и рядили; они нам не говорят, чем они будут руководиться при этом размежевании, как они будут рвать новые связи, скрепленные «кровью и железом» эпохи диктатуры, как они будут восстанавливать старые растерянные социал-демократические связи на основании поблекших воспоминаний о том времени, когда они вместе с другим товарищами в революционном подполье критиковали и «обличали» идеологов мелкой буржуазии; они нам не говорят, как они восстановят добрую дружбу с пролетариатом, с которым у них накопилось за время мелко-буржуазной диктатуры не мало «недоразумений», который они, наверно, не раз судили за «бессознательную провокацию», который их, наверно, не раз упрекал за измену социалистическим принципам, за неисполненные обещания, за преступные компромиссы и пр., и пр. Они об этом не говорят и совершенно основательно: этим-то вероятнее всего и не придется выпутываться из блока—вкусив сладкого, не захочешь горького...

Но как представляет себе финал пьесы тов. Т.? Он, само собой разумеется, не предлагает нам «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», он, само собой разумеется, не допускает возможности блока между социал-демократией и революционной буржуазной демократией тем более, что он отрицает существование последней. Действительность, конечно, не меняется от того, что тов. Т. составил себе об ней фантастическое представление и временное правительство в буржуазной революции, конечно, не перестает быть буржуазным от того, что по предложению тов. Т., в нем заседают только добрые социал-демократы, закрывшие глаза на неприятные для него пункты правительственной программы. Эту программу придется временному правительству все-таки осуществить полностью. Но во всяком случае суб'ективные представления тов. Т. и впередовцев о финале пьесы должны сильно отличаться друг от друга. Впередовцы признают огромную революционную роль в ближайшем будущем нашей мелкой буржуазии. Тов. Т. утверждает, что «кроме нас, на революционном поле никого нет». Если так, если под нашей революцией нет широкой национальной базы, то естественно ожидать, что Учредительное собрание, выражающее волю нации, сделает значительный шаг назад по сравнению с временным правительством, выдвинутым одним пролетариатом. С этой точки зрения нам становится понятным то, что нам пишет в письме единомышленник тов. Т. насчет финала революционной пьесы. После этого,—пишет он,—мы «падаем с честью», созвавши Учредительное собрание и предоставивши этому «легальному» собранию отменять норму восьмичасового рабочего дня, которую мы ввели революционным способом.

Tant de bruit pour une omelette! Столько шуму из-за пустяков! Нас заставили проделать целую одиссею, полную авантюр и приключений, и когда мы, наконец, достигли власти, как партия пролетариев, благодаря восстанию, сделанному пролетариатом, нам предлагают, выполнивши «черную работу» революции, благородно отретироваться, добровольно уступивши власть заведомо менее прогрессивным общественным силам. Признаемся, что мы на такое великодушие и на такую скромность совершенно неспособны.

В отличие от сочинителей «новой методы», мы не стремимся к власти, не способной обеспечить господства представляемого нами класса—пролетариата. В отличие от

*) Желания могущества.

сочинителей «новой методы» мы не только идем с пролетариатом впереди революции, но стремимся толкнуть на этот путь самые разнообразные элементы нации, для того, чтобы пролетариат не остался одиноким в тяжелой борьбе, для того, чтобы социал-демократии, после первого победоносного восстания, не пришлось взвалить на себя ответственность за ограниченность буржуазной революции, в которой повинна буржуазность огромного большинства нации. Но если-бы, независимо от нашей воли, внутренняя диалектика революции, в конце-концов всетаки вынесла бы нас к власти, когда национальные условия для осуществления социализма еще не назрели, мы бы не стали пятиться назад. Мы бы поставили себе целью разбить тесные национальные рамки революции и толкнуть на путь революции Запад, как сто лет назад Франция толкнула на этот путь Восток.

Партия, которая стремится к диктатуре пролетариата, не имеет права соблазняться мишурой власти, которая сулит лишь порвать ее связь с пролетариатом, и не имеет права уклоняться от выполнения полностью своих социалистических обязательств, раз они очутились у власти. Либо мильеранизм, либо марксизм!

ЧТО ДАЕТ НАМ 9-е ЯНВАРЯ.

(Парвус. Из брошюры «Россия и Революция»).

Кровавое Воскресенье 9/22 января открывает новую эру в исторических судьбах России. Россия вступила в революционный период своего развития. Происходит ломка старого порядка, быстро складываются новые политические формации. Только что идейная пропаганда революции упреждала события и казалась поэтому утопичной,—теперь события революционизируют умы, а выработка революционной тактики не поспевает за революционным развитием. Революция гонит вперед политическую мысль. В течение нескольких революционных дней общественное мнение в России совершило более основательную критику правительственной власти, уяснило свое отношение к форме правления более, чем это было бы достигнуто годами развития даже при существовании парламентарного порядка в стране. Отброшена в сторону идея реформ сверху. С ней заодно пала вера в народную миссию самодержавия...

Революция накладывает свою печать на все политические течения и воззрения и образует таким образом об‘единяющий фермент оппозиции. Различие партий на момент скрывается перед их общей революционной задачей. Вместе с тем революция гонит идеологию либерализма до ее последних политических крайностей. Либеральные партии кажутся самим себе радикальнее, чем каковы они на самом деле, обещают больше и даже ставят себе большие задачи, чем могут исполнить при помощи тех общественных слоев, на которые они опираются. Революция сдвигает все оппозиционные партии влево, приближает их друг к другу и об‘единяет революционной идеей.

Революция уясняет политический переворот, но смешивает политические партии. Этот исторический закон не преминул проявиться и в настоящую революционную эпоху в России, где ему к тому же благоприятствуют некоторые особенности политического развития страны.

В России еще не произошло и не могло произойти ясного распределения политических сил. Произвести эту классификацию политических сил общества и противопоставить их друг другу по их особенным экономическим интересам именно и есть одна из исторических задач парламентаризма. Под идеологической формулой народного правления парламентаризм привлекает все слои общества к борьбе за политическую власть. В этой борьбе, которая узаконена и урегулирована, и определяется взаимное политическое отношение классов и происходит учет их сил. В России политические направления до сих пор—за исключением классовой борьбы пролетариата и социал-демократии, о чем речь впереди,—развивались в эфирных областях идеологии и ищут ещё только связи с народом или «обществом» в тесном смысле этого слова, т.-е. с буржуазией. Это—туманные, бесформенные, летучие массы, которых политическое дуновение относит то туда, то сюда, легко разрывает на части и легко опять сгущает. Их политика момента может находиться в самом резком противоречии с их политическим развитием поскольку оно

определяется тем общественным слоем, на который они преимущественно опираются. Так, например, русское земство, в настоящий момент главная опора либерализма в России, готовит для парламентарной России аграрную партию с резким консервативными тенденциями. Абсолютизм не давал политического хода борьбе аграриев с индустриальным капиталом. В результате он сделал своими врагами и тех и других.

Невозможность дать борьбе аграрной России, против надвигающегося капитализма, политическое выражение, между прочим, усилила литературную критику индустриального капитализма; последняя, однако, в виду классового разделения в самой аграрной среде и под влиянием культурного развития Западной Европы, наконец, по имманентному закону развития всякой революционной критики приняла демократический характер и в конечном своем результате, поскольку она не привела к рабочему социализму, развившемуся вне России, завершилась толстовским учением, которое, не находя культурного союза вне капитализма, отрицает культуру вообще, т.-е. собственно идеологическое фиаско возводит в исторический принцип. Идея этой литературной фантасмагории, в причудливых подчас ярких красках смешивающей художественный рефлекс жизни с иллюзиями визионеров, и живое стремление к развитию с романтикой отжившей старины перепуталось с политической идеологией и тем более замаскировали классовую подоплеку политических интересов. Эта смесь беллетристики с политикой в форме народничества разлилась по всем партиям, при чем, опять-таки абстрагируясь от социал-демократии, беллетристика тем более преобладает, чем политически радикальнее направление.

Политический радикализм в Западной Европе, как известно, опирался преимущественно на мелкую буржуазию. Это были ремесленники и вообще вся та часть буржуазии, которая была подхвачена индустриальным развитием, но в то же время оттерта классом капиталистов. Не надо забывать, что ремесленники в Западной Европе создали города, что города при их политическом господстве достигли значительного расцвета, что мастера наложили свою печать на несколько столетий европейской культуры. Правда, ко времени введения парламентарного режима могущество мастеров давно было стерто, но политическое значение имел уже самый факт существования многочисленных городов, и численное господство в них среднего сословия, оспариваемое лишь развивающимся пролетариатом. По мере того, как эти общественные силы растворились в классовых противоречиях капитализма, перед демократическими партиями вставала задача: либо пристать к рабочим и стать социалистическими, либо пристать к капиталистической буржуазии и стать реакционным. В России, в докапиталистический период города развивались более по китайскому, чем по европейскому образцу. Это были административные центры, носившие чисто чиновничий характер без малейшего политического значения, а в экономическом отношении торговые базары для окружающей их помещичьей и крестьянской среды. Развитие их было еще очень незначительно, когда оно было приостановлено капиталистическим процессом, котрой стал создавать большие города на свой образец, т.-е. фабричные города и центры мировой торговли. В результате получилось то, что в России есть капиталистическая буржуазия, но нет буржуазии промежуточной, из которой возродилась и на которой держалась политическая демократия Западной Европы. Средние слои современной капиталистической буржуазии в России, как во всей Европе, состоят из так называемых либеральных профессий, врачей, адвокатов, литераторов etc., из общественных слоев, стоящих вне производственных отношений, а затем из технического и торгового персонала капиталистической индустрии и коммерции и примыкающих к ним отраслей промышленности, в роде страховых обществ, банков и т. п. Эти разношерстные элементы не могут иметь своей классовой программы, в силу чего их политические симпатии и антипатии беспрерывно колеблются между революционностью пролетариата и капиталистическим консерватизмом. В России к ним еще нужно прибавить элемент разночинцев—классовые и сословные отбросы дореформенной России, которых еще не успел поглотить капиталистический процесс развития.

На этом городском населении, не прошедшем исторической школы средних веков Западной Европы, без экономической связи, без традиций в прошлом и без идеала в будущем, приходится основываться политическому радикализму в России. Неудивительно, что он ищет еще других основ. Одним своим концом он примыкает к крестьянству.

Тут всего больше сказывается беллетристический характер русского народничества, который заменяет. классовую политическую программу литературным апофеозом труда нужды. Другим своим концом политический радикализм в России старается опереться на фабричных рабочих.

При таких условиях русская революция производит свою работу сближения и об'единения противоправительственных течений. В этом об'единении разнородных элементов—сила революции до переворота, но в этом же—ее слабость после переворота. С свержением правительства, против которого была направлена общая борьба, проявляется разность и противоположность интересов политических течений, связанных революцией, революционная армия дезорганизуется и распадается на враждующие друг с другом части. Такова была до сих пор историческая судьба всех революций при классовом разделении общества, а других политических революций не может быть.

Мы знаем, что эта внутренняя борьба уже в революции 48 года была так сильна, что совершенно парализовала политическую силу революции и сделала возможным реакцию и контр-революцию, что она во Франции закончилась кровавой расправой буржуазии с рабочими, с которыми заодно буржуазия только что вела революционную борьбу.

Капиталистическая буржуазия в России после свержения самодержавия не менее быстро отделится от пролетариата, чем в 48 году в Западной Европе, но процесс революционного переворота затянется. Это определяется сложностью политических задач, которые приходится разрешить революции, так как речь идет не просто об изменении политического режима, а о создании впервые государственной организации, охватывающей всю многосложную жизнь современной индустриальной страны, на место той фискально-полицейской системы, до которой единственной доразвилось самодержавие,—определяется, далее, запутанностью аграрных отношений в России и уже, характеризованной выше, недостаточной оформленностью и социальной бессвязанностью внепролетарских политических течений страны.

Каковы же, при этих об'ективных условиях развития революции в России, задачи социал-демократической партии?

Социал-демократия должна иметь в виду не только свержение самодержавия, этот **исходный пункт** революции, но и все ее дальнейшее развитие.

Она не может приурочить свою тактику к одному политическому моменту, она должна готовиться к продолжительному революционному развитию.

Она должна готовить политическую силу, способную не только свергнуть самодержавие, но и стать во главе революционного развития.

Этой силой в ее руках может быть только организованный, как особый класс, пролетариат.

Ведя пролетариат в центре и во главе революционного движения всего народа и общества, социал-демократия должна его в то же время готовить к гражданской войне, которая последует за свержением самодержавия—к нападению со стороны аграрного и буржуазного либерализма, к предательству со стороны политических радикалов и демократов.

Рабочий класс должен знать, что революция и падение самодержавия отнюдь еще не покрывают друг друга, что, для того чтобы провести революционный переворот, приходится бороться сначала против самодержавия, а потом против буржуазии.

Еще важнее, чем сознание пролетариатом своей политической обособленности, самостоятельность его организации, его фактическое отделение от всех других политических направлений. Нам говорят о необходимости стянуть в одно все революционные силы страны, но нам важнее забота о том, чтобы не раздробить революционной энергии пролетариата.

Следовательно, обособленность организации и политики пролетариата необходима не только в интересах классовой борьбы, которая никогда не прекращается, ни до революции, ни во время ее, ни после нее, но и в интересах самого революциооного переворота.

Опять-таки это не должно означать политической отчужденности пролетариата, игнорирования политической борьбы других партий.

Необходимо брать политическое положение во всей его сложности, а не упрощать его, чтобы облегчить разрешение тактических вопросов. Легко сказать: с либералами, или против либералов! Это очень просто, но вместе с тем очень односторонне, и потому ложное разрешение вопроса. Нужно пользоваться всеми революционными и оппозиционными течениями, но нужно вместе с тем уметь сохранять свою политическую самостоятельность. Для простоты это, на случай совместной борьбы с случайными союзниками, можно свести к нескольким пунктам:

1. Не смешивать организаций. Врозь итти, но вместе бить.
2. Не поступаться своими политическими требованиями.
3. Не скрывать разности интересов.
4. Следить за своим союзником как за своим врагом.
5. Заботиться больше о том, чтобы использовать ситуацию, созданную борьбой, чем о том, чтобы сохранить союзника.

Итак, прежде всего организовать революционные кадры пролетариата. Эту силу употребить на устранение политического балласта революции. Я понимаю под этим влияние тех общественных слоев и политических партий, которые, идя заодно с пролетариатом до свержения самодержавия, после свержения своей явной враждебностью, политической половинчатостью или нерешительностью затягивают, ослабляют и искажают политический переворот. Толкать вперед все направления политической демократии и радикализма.

Гнать демократов вперед, значит критиковать их. Однако, имеются странные головы, которым кажется, что это значит приманивать их ласковыми словами, как комнатную собачку сахаром. Демократы всегда готовы остановиться на полпути—если мы их станем ободрять за тот кусок пути, который они прошли, то они и остановятся.

Словесная критика недостаточна, нужно политическое давление. А это опять-таки приводит нас к революционной партии пролетариата.

Классовая борьба русского пролетариата ясно определилась еще при абсолютизме. То, что помешало развитию мелко-буржуазной демократии, послужило на пользу классовой сознательности пролетариата в России: слабое развитие ремесленной формы производства. Он сразу оказался сконцентрированным на фабриках. Экономическое господство сразу предстало перед нами в своей самой совершенной форме капиталиста, чуждого производству, а государственная власть—в своей самой концентрированной форме самодержавия, опирающегося исключительно на военную силу. Ко всему этому социал-демократия не замедлила присовокупить исторический опыт Запада.

Русский пролетариат показал, что не даром прошел эту тройную школу. Он стал твердой ногой на путь самостоятельной революционной политики. Он создал русскую революцию, он об'единил вокруг себя и народ и общество, но не растворил своих собственных классовых интересов в общем революционном движении, он выставил политическую программу **рабочей демократии.** Он требует политической свободы в интересах своей классовой борьбы, он требует на ряду с гражданскими правами рабочего законодательства.

Наша задача теперь—сделать 8-часовой день таким же постулатом революционного переворота, как бюджетное право парламента.

Но мы не только должны придать политической программе революции пролетарский характер, мы уже во всяком случае не должны отставать от революционного хода событий.

Если мы хотим обособить революционный пролетариат от других политических течений, то мы должны уметь стоять идейно во главе революционного движения, быть революционнее всех. Если мы отстанем от революционного развития, то пролетариат, именно благодаря своей революционности, не будет захвачен нашими организациями и растворится в стихийном процессе революции.

Нужна тактика революционной инициативы.

Первый акт Великой Русской Революции кончен. Он поставил в политическом центре пролетариат и об'единил вокруг него все либеральные и демократические слои общества. Это двойной процесс: **революционной консолидации пролетариата** и концентрации

вокруг него всех оппозиционных сил страны. Если правительство не пойдет на уступки, этот революционный процесс будет развиваться в возрастающей прогрессии. Пролетариат все более будет сплачиваться и все больше пропитается революционным сознанием. Наше дело воспользоваться этим для его революционной организации. Сумеет ли либеральное общество следовать за этим развитием, или оно испугается растущей революционной силы пролетариата, оставляю под сомнением? По всей вероятности, оно будет колебаться туда и сюда: со своими революционными страхами обращаться к правительству, а от правительственных шлепков убегать к революционерам. Демократические элементы останутся при рабочих. Но мы уже сказали раньше, что они в России очень слабы. Крестьяне все большими массами будут вовлечены в движение. Но они только в состоянии увеличить политическую анархию в стране и таким образом ослабить правительство, они не могут составить сомкнутой революционной армии. С развитием революции поэтому все большая часть политической работы выпадает на долю пролетариата. Заодно с этим расширяется его политическое самосознание, разрастается его политическая энергия.

Русский пролетариат уже сейчас развил революционную силу, которая превосходит все то, что было сделано другими народами во время революционных восстаний. Не было случая, чтобы народ такими массами поднялся во всей стране. С гораздо меньшими жертвами немецкий и французский народ завоевали себе свободу. Сопротивление русского правительства несравненно более сильно, благодаря той военной силе, которой оно располагает, но это противодействие должно развить только тем большую революционную энергию пролетариата. Когда русский пролетариат, наконец, свергнет самодержавие, это будет закаленная в революционной борьбе армия, с твердой решимостью, всегда готовая поддержать силой свои политические требования.

Уже французский пролетариат в 48 году заставил принять во временное правительство своих людей. Революционное правительство не могло существовать без поддержки рабочих и поэтому разыграло комедию государственного попечения о рабочих.

Русские рабочие, которые уже сейчас внесли свои пролетарские требования в политическую программу революции, в момент переворота будут гораздо более сильны и выскажут, уже во всяком случае, не меньше классового сознания, чем французские рабочие в 48 году—они несомненно будут иметь своих людей в правительстве. Перед социал-демократией будет стоять дилемма: либо взять на себя ответственность за временное правительство, либо стать в стороне от рабочего движения. Рабочие будут считать это правительство своим, как бы ни держала себя социал-демократия. Создав его революционной борьбой и оставаясь главной революционной силой в стране, они и в самом деле больше закрепят его за собой, чем это возможно выборными листками.

Революционный переворот в России могут совершить только рабочие. Временное правительство в России будет правительством рабочей демократии. Если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим. Если социал-демократия по своей революционной инициативе отстанет от пролетариата, то она будет превращена в ничтожную секту.

Социал-демократическое временное правительство не может совершить в России социалистического переворота, но уже самый процесс ликвидации самодержавия даст ему благодарную почву политической работы.

Мы все, боровшиеся в Западной Европе против участия отдельных представителей социал-демократии в буржуазном правительстве, доказывали это тем, что социал-демократический министр ничем кроме социальной революции не должен заниматься, а тем, что оставаясь в меньшинстве в правительстве и без достаточно сильной политической поддержки в стране, он **вообще ничего** не сумеет сделать и только будет служить капиталистическому правительству громоотводом против нашей критики.

Совсем иное будет положение социал-демократического временного правительства. Это будет целостное правительство с социал-демократическим большинством, созданное в революционный момент, когда правительственная власть очень велика. За ним революционная армия рабочих, только что совершившая политический переворот, развившая при этом беспримерную в истории политическую энергию. И перед этим правительством

будут вначале политические задачи, об'единившие для революционной борьбы весь русский народ. Социал-демократическое временное правительство, конечно, эту работу совершит более основательно, чем всякое другое.

Если же русское правительство уже в ближайшем будущем пойдет на уступки, то оно этим, конечно, отнюдь еще не разрешает политических трудностей, оно даже еще больше запутывает положение. Процесс политического переустройства России, который даже при революционном развитии требует продолжительного времени, еще больше, разумеется, затянется, раз во главе государственной власти останется правительство, на каждом шагу ставящее препятствия прогрессивному развитию; вместе с тем возобновится с гораздо большей интенсивностью процесс выработки политических партий, приостановленных революцией. Но пока из розового тумана политической идеологии выделяются политические партии по их классовым интересам, пока эти партии разовьются до ясного понимания своих взаимных политических отношений и своего отношения к правительству, которые при этом само будет бросаться из стороны в стороны, страна будет находиться в беспрерывном волнении, тем более, что беспрерывно придется бороться за расширение политических прав и прав парламента в частности. Это—долгое время политических смут, в которых последним решающим, хотя и не всегда пущенным в ход фактором явится сила: военная—на стороне правительства, революционная—на стороне народа.

Пролетариату, следовательно, и в этом случае предстоит активная политическая роль. Если он при этом сохранит свою политическую самостоятельность, то он может добиться значительных политических успехов.

Уже сейчас за рабочими началось усиленное ухаживание с двух разных сторон. Русское правительство обещает расширение рабочего законодательства, а либеральная и даже полулиберальная пресса наполняет свои столбцы статьями о нуждах рабочих, о рабочем движении и о социализме. И то и другое характерно, уже потому одному, что показывает, насколько правительство и буржуазия прониклись страхом и уважением перед революционной энергией пролетариата.

Тактика социалдемократии при этих условиях должна вести к тому, чтобы революционизовать события—расширять политические конфликты и стараться воспользоваться ими, чтобы свергнуть правительство и таким образом дать простор революционному развитию.

Каково бы ни было дальнейшее политическое развитие, нам во всех случаях нужно заботиться о том, чтобы отмежеваться от всех других политических направлений. Революция пока что стирает политические различия—тем более важно установить, как развивалась политическая тактика партий до исторического воскресенья 9 января. Мы знаем как вяло и нерешительно либералы и демократы вели свою политическую борьбу, целиком приуроченную к давлению на правительство, чтобы провести реформы сверху; они не признавали никаких других возможностей, не видели никаких других перспектив, а когда правительство решительно отказалось считаться с их увещаниями, просьбами и претензиями, то они, оторванные от народа, оказались загнанными в тупой угол. Они были бессильны, не могли, казалось, ничего противопоставить реакционному правительству. Мы знаем, с другой стороны, как развивалась политическая борьба русских рабочих, все больше расширяясь и наполняясь все больше революционной энергией. Создав революцию, пролетариат освободил либералов и демократов из безвыходного положения; теперь примыкая к рабочим, они находят новый метод борьбы и вместе с тем открывают новые средства. Только революционное выступление пролетариата сделало другие общественные слои революционными.

Русский пролетариат начал революцию, на нем одном держится ее развитие и успех.

ДВЕ ДИКТАТУРЫ.

(А. Мартынов—брошюра того же названия).

Кто говорит А, должен сказать и Б. Кто на якобинский лад перекраивает отношение социал-демократии к рабочему классу, кто на якобинский лад перекраивает теорию взаимоотношения социал-демократии к либеральной буржуазии, тот должен

соответственно перекроить и теорию революции. В самом деле, Ленин не только пришел логически к якобинскому плану революции: он несомненно во всех своих поправках к марксизму исходил из этого плана: в этом плане несомненно заключался «гвоздь» ленинизма, его «мечта». «Организация, складывающаяся сама собой вокруг этой газеты—пишет он в «Что делать», —«организация ее сотрудников (в широком смысле этого слова, т.-е. всех трудящихся над ней) будет именно готова на все, начиная от спасения чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного «угнетения» и кончая подготовкой, **назначением** и проведением **всенародного вооруженного восстания**». Итак, Ленин «мечтал» построить такую организацию, которая будет «готова на все», «кончая подготовкой, **назначением»** (!) и проведением всенародного вооруженного восстания». Само собой разумеется, что мы обязаны готовиться к народному восстанию. Но международная социал-демократия, на основании исторического опыта и научного анализа развития общественных сил, всегда признавала, что только дворцовые перевороты и пронунциаменто (военные перевороты) могут быть заранее **назначены** и проведены с успехом по заранее заготовленному плану, и именно потому, что они не есть народные революции, т.-е. перевороты в общественных отношениях, а только перетасовки в правящей клике. Социал-демократия всюду и всегда признавала, что народная революция не может быть заранее **назначена**, что она не изготовляется искусственно, а сама совершается. Заговорщики-якобинцы, напротив того, исходя из теории «увлечения народа своим примером», всегда мечтали о совершении народных революций по методу дворцовых переворотов! Соответственно с разницей во взглядах социал-демократов и якобинцев на ход народной революции, различаются их взгляды на ее подготовку. С точки зрения социал-демократии, содействовать развитию классового сознания пролетариата и его классовой борьбы во всем ее объеме, значит **тем самым** скорее всего приблизить момент народной революции, значит **тем самым** лучше всего подготовиться к ея использованию: техническая же подготовка демонстраций и восстаний, хотя необходимость ее и выдвигается в известные моменты, играет для нас во всяком случае совершенно второстепенную, подчиненную роль. С якобинской точки зрения последовательного ученика Ленина, которого я цитировал в начале главы, дело обстоит как-раз наоборот: «Вооруженное восстание должно **определить характер и формы нашего движения.** Под этой якобинской формулой **принципиально** мог бы подписаться любой мелко-буржуазный революционер и любой из наших «социал-революционеров».

Якобинский план восстания неразрывно связан с якобинской теорией захвата власти и якобинской революционной диктатурой. Захват власти и диктатура **в ближайшей революции** составляли цель деятельности всех заговорщиков-якобинцев. Мы видели в начале главы, что наиболее последовательные ученики Ленина в этом же видели ближайшую цель нашей социал-демократии. Сам Ленин **открыто**, т.-е. в литературе, еще не высказывался о захвате власти и диктатуре. Но он **не может** отвергать этой цели, не отвергая вместе с тем всех указанных выше положений, которые логически ведут к ней; он не может от нее отказаться, не отказываясь в то же время от всех специфических черт своего политического мировоззрения, т.-е. от самого себя.

Представьте себе, читатель, на минуту осуществление ленинской утопии. Представьте себе, что партии, состав членов которой сужен до участия в ней только профессиональных революционеров*), удалось «подготовить, **назначить** и провести всенародное вооруженное восстание». Не очевидно ли, что всенародная воля **назначила бы** сейчас же после революции именно эту партию временным правительством. Не очевидно ли, что народ именно этой партии, а не какой-нибудь другой, вручил бы ближайшую судьбу революции. Не очевидно ли, что эта партия, не желая обмануть оказанного ей раньше народом доверия, вынуждена была бы, **обязана** была бы взять в свои руки власть и сохранить ее, пока она не упрочит революционными мерами торжество революции.

«Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы,—это и есть революционный социал-демократ»,—говорил Ленин.

*) Не случайно Ленин перепечатал цитированное письмо уральских представителей без всяких критических замечаний.

**) Ленин—«Что делать», стр. 94.

Тот, кто согласился бы с этим общим положением Ленина, должен был бы последовательно согласиться и 1) с его якобинской теорией об отношении сознательности к стихийности и 2) с его якобинской теорией гегемонии **организации профессиональных революционеров** над **всеми** оппозиционными движениями, и 3) с его якобинским планом организации партии, 4) с его якобинским планом подготовления восстания и, конец венчает дело, 5) с революционной диктатурой в ближайшей революции, с «хотя бы временным захватом власти». Все это звенья одной и той же логической цепи, заканчивающейся захватом власти.

* *
*

Собственно говоря, в том факте, что накануне буржуазной революции у нас появляется такая разновидность марксизма, как «марксистообразное якобинство», ничего удивительного нет, как ничего удивительного нет в том, что в это же время появилась такая разновидность социализма, как «социалисты-революционеры». Гораздо удивительнее, что «ортодоксальный якобинец» играл такую видную роль в социал-демократической партии, в рядах которой имеются выдающиеся и испытанные теоретики марксизма. Но это, если не оправдывается, то об'ясняется исключительностью условий, в которой находилась наша партия в момент образования «искровской» организации: во-первых необходимостью бороться с «экономизмом», принижавшим задачи партии: во-вторых, необходимостью возложить на себя, так сказать, сверх сметную задачу. Для того, чтобы у нас, накануне буржуазной революции, стала возможной социал-демократическая работа в полном смысле этого слова, необходимо было, чтобы существовало сколько-нибудь явное оппозиционное или революционное движение в буржуазных классах, необходимо было, чтобы существовало общедемократическое революционное движение. «Экономисты» слишком робко вели общедемократическую работу даже в среде пролетариата. Правда, рабочее движение, самым фактом своего существования, пробудало буржуазную демократию и ободряло ее на борьбу с абсолютизмом. Но накануне февральских и мартовских событий 1901 г.,[37]) в момент образования организации «Искры» это пробуждение шло очень медленно, и движение буржуазной демократии проявлялось еще в самых зачаточных формах. Надо было форсировать, ускорить его развитие. Поэтому социал-демократическая революционная интеллигенция должна была возложить на себя задачу, которая, строго говоря, составляет историческую миссию буржуазных революционеров. Искровцы, на ряду со своей критической марксистской кампанией, взяли на себя и эту работу. В этом не грех их, а историческая заслуга. Это свидетельствовало только об их политическом смысле. Но грех заключался в том, что они, увлекшись этой очередной задачей, в значительной степени исказили социал-демократические перспективы движения, и соблазнились фантастическими, якобинскими перспективами; грех заключался в том, что они, увлеченные очередной задачей, не ясно видели, а потому и не говорили прямо: мы пока в сущности выполняем на практике необходимую, но все же лишь общедемократическую революционную работу. Грех заключался в том, что они, неизбежный для того времени, дефект незрелого движения возводили в квинтэссенцию революционного социализма, укрепляя таким образом принципиальные предрассудки. Грех заключался, словом, в том, что именно ленинизм составлял преобладающую ноту старого «искровского» направления в партийной практике...

Неизбежным логическим выводом из всякого рода якобинства и венцом всякого якобинства является идея революционной диктатуры в ближайшей революции. Несомненно, что эта заманчивая идея смутно рисовалась воображению наиболее рьяных, смелых и последовательных «учеников» Ленина. Несомненно, что эта мечта «окрыляла» и самого Ленина. Разрушьте эту «мечту» о революционной диктатуре пролетариата в ближайшей революции, и вместе с ней неизбежно разрушится и якобинский план подготовки восстания,

*) О якобинском плане организации партии я здесь ничего неговорил. Чтобы не остаться в долгу перед читателями, я их отсылаю к моей статье «Социал-демократические победы и буржуазно-демократические реванши» оттиск из «Зари», стр. 40, 1. Критически изображенная там К. Марксом якобинская бакунистско-нечаевская организация Альянса есть совершенно точный прообраз ленинского «организационного плана».

и якобинский метод завоевания гегемонии, и вся вообще карточная постройка Ленина. В полном убеждении, что разрушение «карточных построек» облегчит действительное строение нашей партии, мы займемся здесь обстоятельно вопросом о диктатуре.

Мы постараемся выяснить, **что такое настоящая революционная диктатура,** а не «уральская» диктатура, **каковы необходимые условия осуществления революционной диктатуры,** и **должна ли российская социал-демократия готовиться к ней в предстоящей буржуазной революции...**

Анализ эпохи Конвента,[38]) я полагаю, наглядно показал, что диктатура того времени, **как революционная** диктатура, была возможна, пока и поскольку революция еще воплощала, по мнению нации, **ее верховный** интерес, которому должны подчиняться **особые** социальные интересы разных элементов нового общества. Когда же революционная диктатура может повториться в истории? Очевидно, при такой революции, в которой известные общественные классы, составляющие большинство нации и ее силу, вновь увидят воплощение своенго **высшего** социального интереса. Но в буржуазном обществе вкусившем от древа познания, в обществе с примиримой классовой борьбой пролетариата и буржуазии, такой революцией может быть только **национальное восстание против буржуазии,** т.-е. революция социалистическая. Намечая условия этой революции, Маркс писал в 1850 г. («Классовая борьба во Франции»): «Революция промышленного пролетариата обусловлена развитием промышленной буржуазии. Лишь под ее господством он вырастает в национальную силу, способную придать его революции национальные размеры, лишь под ее господством он создает современные средства производства, служащие в то же время средством его революционного освобождения. Лишь ее господство вырывает с корнем остатки феодального строя и подготовляет почву, на которой единственно возможна рабочая революция... **Французские рабочие не могли тронуть ни одного волоска на буржуазном строе, пока ход революции не поднял против него, против господства капитала, стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации,** крестьян и мелких буржуа, и не заставил их примкнуть к пролетариату, признав в нем передового бойца». Очевидно, что Маркс здесь имеет в виду не тот случай, когда крестьяне и мелкие буржуа идут за пролетариатом, как за вождем, во имя своих особых интересов, временно совпадающих с интересами пролетариата,—это возможно и при буржуазной революции. Здесь предполагается, что масса нации восстала против господства капитала. т.-е. она стала на точку зрения социализма, на точку зрения рабочего класса. Но раз это условие дано, раз рабочий класс, как таковой, стал выразителем революционных интересов нации, то этим самым дана возможность осуществления его революционной диктатуры.

Итак, повторяю: **современное буржуазное общество запишет в свою историю только две революционные диктатуры: революционную диктатуру крайних элементов буржуазии на его заре, в XVIII веке, и революционную диктатуру пролетариата на его закате.** Между этими узловыми пунктами истории буржуазное общество переживало, и еще может пережить, не одну революцию, но ни одна из них не побудила и не побудит общества подчиниться режиму революционной диктатуры, потому что разные общественные классы, участвующие в этих революциях, должны заранее знать и во всяком случае должны в процессе революции очень быстро убедиться, что эта революция является для них не высшей общей целью, а средством для разных целей. История буржуазного общества запишет только две революционные диктатуры, и не нужно быть пророком, чтобы предвидеть, что вторая диктатура даже по внешней форме очень мало будет похожа на первую. История Парижской коммуны 1871 г. в этом отношении приподымает завесу будущего. Правда, революция 18 марта не успела принять национальных размеров и ограничилась одним Парижем; правда, она застигла французский пролетариат врасплох совершенно неорганизованным и мало сознающим свои классовые интересы. Но об'ективные условия, при которых она совершилась—капиталистическое развитие Франции несравненно больше приближает ее к пролетарской революции, чем революция 10 августа 1792 г.,[39]) подготовившая санкюлотскую диктатуру. Поэтому Энгельс имел основание говорить в условном смысле: «В последнее время немецкий филистер снова стал обнаруживать спасительный ужас при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать,

милостивые государи, что такое эта диктатура. Всмотритесь в Парижскую коммуну. Это была диктатура пролетариата».

Было бы праздным занятием гадать теперь о том, в какие конкретные формы отольется будущая диктатура пролетариата. Тем не менее, научный марксистский анализ исторического процесса дает нам некоторые указания на то, чем диктатура пролетариата должна будет неизбежно отличаться от санкюлотской диктатуры XVIII века. Несомненно, что, подобно той диктатуре, она начнется с реализации самодержавия. Несмотря на то, что большинство Парижской коммуны 1871 г. были бланкисты, которые господствовали также в Центр. Комитете национальной гвардии, несмотря на то, что по взглядам этих заговорщиков бланкистов вся власть должна была быть сосредоточена в руках небольшого числа решительных и хорошо организованных людей, связанных военной дисциплиной, пока им не удастся вовлечь в революцию народную массу, Парижская коммуна самой логикой своего положения была вынуждена держаться с самого начала противоположной тактики *). «Во всех своих воззваниях к провинциям она приглашает все коммуны Франции к свободному соединению с Парижем в одну национальную организацию, такую организацию, которая впервые была создана действительно самой нацией. Постоянная армия, политическая полиция, бюрократия, вся эта угнетающая сила существующего до тех пор централизованного правительства, которую создал Наполеон в 1798 году и которую с тех пор каждое новое правительство охотно направляло против своих врагов, как чрезвычайно удобное орудие,—должна была повсюду пасть, как она уже пала в Париже». По поводу этих мер Коммуны Энгельс замечает: «Коммуна тотчас увидела, что, раз достигнув власти, рабочий класс не может пользоваться для своих целей старой государственной машиной; она увидела, что, если этот класс не хочет лишиться только что завоеванного господства, он должен с одной стороны устранить старый до тех пор направлявшийся против него самого, механизм угнетения, а с другой—обезопасить себя против своих собственных служащих и уполномоченных».

Если таким образом диктатура пролетариата, подобно диктатуре санкюлотов, должна будет начаться с водворения народного самодержавия, то дальнейшая судьба этого народоправства неизбежно будет совершенно иная. Мы видели раньше, что внутренняя логика революционной диктатуры санкюлотов толкала их на путь социального радикализма; мы видели, как люди, подобные Бодо, вопреки их собственным взглядам, самым положением вещей были вынуждены в конце-концов предлагать чисто коммунистические практические меры. То же повторялось во время Коммуны 1871 г. Ее социальными теоретиками были исключительно прудонисты,[40]) члены Интернационала. Но по иронии истории эти люди были вынуждены «делать как-раз противное тому, что им предписывала их школьная доктрина», и поддерживать, хотя и непоследовательно и нерешительно, коммунистические начинания парижского пролетариата. Несомненно, что и при будущей диктатуре пролетариат **вынужден** будет делать практические шаги к коммунизму, «побуждаемый своими классовыми интересами и под давлением экономической необходимости», даже если бы он теоретически тогда стоял не на высоте своего положения. В виду этого, между прочим, Каутский методологически совершенно правильно поступал, когда он в своей книге—«Социальная революция» намечал ее путь, исходя исключительно из **об'ективного** положения, в котором будет находиться пролетариат, завоевавший политическую власть. Но если об'ективная логика революционной диктатуры пролетариата будет толкать пролетариат вперед, так же, как она толкала вперед санкюлотов 1793 г., то последствия от этого должны быть прямо противоположные. Коммунистические проекты Ланжа, Доливье, Сюза, Шометта [41]) и др. были для экономических условий эпохи Конвента утопичны, а реализовавшиеся в то время мелкобуржуазные утопии могли сохраниться только весьма короткое время, пока продолжало существовать совершенно исключительное положение вещей. Вследствие этого социальный радикализм санкюлотов привел их скоро к столкновению с историческими интересами тогдашнего общества. Напротив того, коммунистические меры, к которым приведет диктатура пролетариата, будут именно реализацией назревших, наиболее жизненных интересов общества, и этой разницей определится разница в общей судьбе будущей

*) См. Маркс—Гражданская война.

и прошлой революционных диктатур. В то время как меры общественного спасения XVIII в. форсировали развитие классовых противоречий, благодаря чему при условии диктатуры народное самодержавие выродилось в цезаризм, диктатура пролетариата будет только прологом в тому времени, «когда новое, выросшее в свободных условиях поколение окончательно сбросит с себя всю государственную ветошь» (Энгельс).

Уже одно это беглое сопоставление характера двух революционных диктатур показывает, какая принципиальная пропасть отделяет социал-демократию, подготовляющую диктатуру пролетариата от якобинцев Великой Революции, которые подготовляли и руководили диктатурой санкюлотов. Конечно, социал-демократы являются единственными наследниками принципов народного самодержавия и salus public провозглашенных якобинцами XVIII в., но эта связь преемственная, а не логическая, и она совершенно аналогична связи между нами, русскими социал-демократами, и нашими революционными предшественниками, партией Народной Воли.[42]). Социал-демократы и якобинцы—выразители интересов двух различных общественных классов; у них два различных метода мышления, два различных метода действия. Якобинцы—революционные идеологи мелкой буржуазии, были и не могли не быть рационалистами, или, как выразился бы Энгельс, метафизиками, потому, что их идеология шла в разрез с дальнейшим процессом исторического развития, потому что они хотели остановить историю на том пункте, которого она достигла в 1793 г. в «5-й год свободы и 2-й год равенства». Мы социал-демократы, идеологи пролетариата, не можем не быть диалектическими материалистами, потому, что мы считаем себя «сознательным орудием бессознательного исторического процесса», потому, что наша революционность выражается не в революционном **насилии** над историей, а, напротив, в целесообразной **помощи** той революции, которую делает нам история. Якобинцы и социал-демократы—две революционные непримиримые партии. Социал-демократы борются так же энергично с оппортунизмом, как якобинцы в свое время боролись с «модерантизмом».[43]) Но в то время, как якобинцы тщетно старались уничтожить все партии, не понимая порождающего их классового антагонизма, социал-демократы, напротив того, заставляют их определиться, die Farbe bekennen (показать свое настоящее лицо), ограничивая таким образом исторически незаконную сферу их влияния. Якобинцы в партийной борьбе апеллировали к «добродетели», а когда они были у власти, их высшим аргументом была гильотина. Социал-демократы апеллируют к сознанию. Когда Бернштейн упрекал Каутского, что он его терроризирует, тот ему ответил: «Товарищ Бернштейн, я вас терроризирую только логикой». Суб'ективно якобинцы были такими же крайними демократами, как и социал-демократы. Но, провозгласив принцип самодержавия народа, они не только в конце концов пришли к цезаризму; с самого начала они имели к нему бессознательное предрасположение, потому что их **вера** в будущность народа не могла быть основана на **убеждении**, потому что, являясь идеологами мелкой буржуазии, они должны были неизбежно отражать ее двойственность. Не даром якобинец Марат, прослывший «пророком», так часто отчаивался в возможности «общественного спасения», не даром он хотел назначения диктатора еще в то время, когда Дантон и Робеспьер [44]) угрожали смертью возможному претенденту на личную диктатуру. Социал-демократы—единственные последовательные демократы, потому, что они не имеют основания не доверять будущности народа, потому, что они идеологи революционнейшего из всех классов—пролетариата, потому, что они связывают судьбу народа с судьбой пролетариата.

В свое время якобинцы были наиболее последовательной революционной партией; но с тех пор, как существует социал-демократия, и там, где она существует, якобинцы могут претендовать на революционность, только спекулируя на исторические предрассудки. Прикрываясь социалистическим знаменем, они в действительности подменивают социал-демократические задачи буржуазно-демократическими. Таковы две революционные диктатуры, таковы две соответствующие им идеологии. Раньше, чем покончить с этим вопросом, еще одно замечание. Когда я говорил, что буржуазное общество запишет в своей истории только две диктатуры, когда я их сравнивал, я имел в виду диктатуры в их удачной, законченной, классической форме. Но стихийный исторический процесс, как известно, не заботится о совершенстве и об эстетике: он слишком часто,

на ряду с продуктами совершенными и законченными, создает и ублюдки. Ничего невероятного поэтому нет в том, что в той или другой отсталой стране, благодаря слепой игре революционной стихии, пролетариат очутится на момент у власти в то время, как там не будет еще об'ективных условий для социалистической революции. В каком положении очутится тогда партия, стоящая во главе пролетариата? Она несомненно не сможет **уже** суб'ективно повторить историю якобинской диктатуры, но в то же время она об'ективно не сможет еще выполнить задачу диктатуры пролетариата и потому ее **действительная роль будет неизбежно ролью несостоятельного плательщика.** Если же, к тому, партия очутится в таком положении не благодаря слепой исторической необходимости, а благодаря собственному сознательному авантюризму, то история заклеймит ее названием—**злостный банкрот.** Энгельс в «Крестьянской войне в Германии» прекрасно изображает положение такой партии:

«Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. Возможное для такого вождя зависит не от его воли, а от уровня достигнутого противоположностью интересов различных классов уровня, в свою очередь зависящего от степени развития материальных условий существования отношений производства и обмена. С другой стороны, то, что такой вождь **должен** делать то, чего требует от него его собственная партия, также зависит не от него, но в то же время и не от степени развития классовой борьбы и не от ее условий; он остается связанным своими прежними доктринами и требованиями, которые также вытекают не из взаимного положения общественных классов в **данный момент,** не от **временных** более или менее случайных отношений производства и обмена, но обуславливаются способностью этого вождя к пониманию общих результатов социального и политического движения. Таким образом перед ним неизбежно вырастает неразрешимая дилемма: что он может сделать—противоречит всем его предыдущим поступкам, его принципам и непосредственным интересам его партии; что он должен был бы делать—оказывается неисполнимым. Словом, он вынужден будет отстаивать не свою собственную партию, не свой собственный класс, а тот класс, для господства которого уже созрело движение. Он должен будет в интересах именно этого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделываться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, то погиб безвозвратно».

Я избрал своей темой вопрос о «двух диктатурах», как читатель видел из первой главы, не случайно: этот вопрос имеет теперь для нас актуальное, злободневное значение. Мы стоим накануне политического самоосвобождения русского буржуазного общества, накануне буржуазной революции. Кто отдаст себе ясный отчет в условиях осуществления революционной диктатуры, тот поймет, что советовать социал-демократии готовиться при **такой** революции к революционной диктатуре, к «хотя бы временному захвату власти», значит советовать ей готовиться к своему банкротству, значит—на очень долгое время после революции дискредитировать социалистическое знамя в глазах пролетаритата. Но это значит вместе с тем изменить делу настоящей революции, потому что, **увлекая** пролетариат на путь фантастических приключений, мы тем самым **отвлекаем** его от его реальной революционной задачи. Если бы мы имели очень обширные связи среди рабочих, история может быть могла бы при стихийном революционном взрыве нам **навязать** мнимую ублюдочную революционную диктатуру года два-три тому назад, когда политическое движение буржуазии еще не сформировалось. Но это свидетельствовало бы о том, что мы, **как социал-демократы,** не сумели подготовиться к революции; что стихийное развитие революционных событий заставляет нас действовать не в качестве социал-демократов, а в качестве мелко-буржуазных демократов якобинцев, что мы оказались вынужденными изменить своему социал-демократическому знамени ради **настоящей** революции, но что мы все-таки и эту революцию сделаем неудачно, как делали ее неудачно мелко-буржуазные демократы в 1848 году. Если бы мы заранее могли **предвидеть** такой оборот дела, мы не имели бы исторического права уже в абсолютитской

России строить свою самостоятельную политическую партию. Мы должны были бы ограничиться одной социалистической пропагандой. Не для того строят партию, чтобы дискредитировать ее принципы.

Мы должны твердо помнить, что социал-демократия есть и должна остаться вплоть до социалистической революции **партией крайней оппозиции**, в отличие от всех других партий, которые могут рассчитывать так или иначе, в той или другой степени приобщиться к власти в буржуазном обществе. Чтобы определить, в чем заключается задача нашей партии, как партии крайней оппозиции, в момент политического самоосвобождения буржуазного общества, нам опять-таки необходимо исходить из ясного представления об условиях осуществления будущей революционной диктатуры пролетариата.

Об этих условиях я говорил. Диктатура пролетариата будет заключительным звеном его классовой борьбы с буржуазией, и она возможна будет тогда, когда пролетариат, как таковой, как классовый враг буржуазии, станет выразителем общенациональных, общенародных революционных интересов, когда его коммунистический лозунг станет общенациональным лозунгом, когда народ под его руководством восстанет против буржуазии. Но пролетариат должен иметь в виду конечную цель своей классовой борьбы с буржуазией на всем историческом протяжении этой борьбы и во всех ее эпизодах. Чтобы завоевать себе революционную гегемонию в борьбе за социализм, пролетариат должен приучить себя к роли авангарда народных масс и приучить народные массы видеть в нем свой авангард и в тех случаях, когда, по историческим условиям, по степени экономического развития страны, приходится выдвигать в качестве очередного лозунга не коммунистический, а какой-нибудь сравнительно менее революционный. Таким лозунгом у нас в настоящее время является созыв Учредительного собрания на основании всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права при полной свободе выборной агитации. И навряд ли русский пролетариат найдет более подходящий случай для выполнения своей роли демократического авангарда, чем теперь, когда ведется решительная борьба между старой и новой Россией.

Может казаться, что в настоящее время между русским пролетариатом и буржуазией не может быть классовой борьбы в ее развитой форме, т. е. политической борьбы, потому что оба эти класса пока политически бесправны, потому что оба они борются с общим врагом—с абсолютизмом. Это, однако, совершенно неверно. Такая классовая борьба не только возможна, она необходима, как наиболее верный залог успеха революции. Но для того, чтобы классовая борьба между пролетариатом и буржуазией привела к этой цели—к торжеству революции, она должна выразиться в их борьбе **за влияние на ход и исход революции, в борьбе за гегемонию в этой революции.**

Осуществление либеральной программы составляет у нас, как и всюду составляло, жизненный интерес буржуазии, потому, что без этого буржуазное общество не может дальше экономически развиваться. Политическая же демократия, хотя и является в буржуазном обществе покорным орудием классового господства буржуазии, нужна ей преимущественно, если не исключительно, как гарантия либерального режима. Вследствие этого, в зависимости от способностей исторических условий, от преобладающего влияния тех или других классов и общественных групп, самоосвобождение буржуазного общества исторически реализовалось в очень пестрых политических формах. Для пролетариата, напротив того, осуществление политическое демократии является почти элементарной потребностью. Этим определяется взаимоотношение либеральной и социальной демократии в буржуазной революции. **Все без исключения слои нашей оппозиционной и революционной буржуазии будут стараться и уже стараются использовать пролетариат, как орудие для своего политического освобождения**, как старалась об этом западно-европейская буржуазия во время своих буржуазных революций. Об этом **сознательно** стараются умеренные либералы, которые пугают правительство крестьянское анархией, рабочими беспорядками, выстрелами Балмашевых [45]) и Сазоновых [46]) и т. п., пользуясь этими самыми «беспорядками» для исходатайствования себе скромных политических уступок, учитывая таким образом жертвы пролетариата и прочей революционной демократии в своих узких групповых интересах.

Об этом старается **бессознательно** даже та революционная, но не социал-демократическая, молодежь, которая сейчас или скоро готова будет умереть на одной баррикаде с рабочими, но большинству которой после революции до рабочих не будет никакого дела, как не было им дела до них еще весьма недавно, когда они боролись за свои «академические» интересы. **Пролетариат поэтому должен**, в свою очередь, **стараться использовать самоосвобождение буржуазного общества в своих интересах и в интересах всей демократии,** становясь таким образом авангардом в общенациональной освободительной борьбе, защитником общенародного дела.

В чем может выразиться эта борьба между пролетариатом и буржуазией за гегемонию в революции? Мы не должны себя обманывать. Предстоящая русская революция будет революция буржуазная, а это значит, что, каковы бы ни были перипетии этой революции, хотя бы даже в этих перипетиях пролетариат на момент очутился у власти, она в конечном счете обеспечит только в большей или меньшей степени господство всех или некоторых буржуазных классов, и если бы она была наиболее удачная, если бы она заменила царское самодержавие демократической республикой, то и в этом случае она доставит безраздельное политическое господство буржуазии. Пролетариат не может получить ни всей, ни части политической власти в государстве, покуда он не сделает социалистической революции. Это то неоспоримое положение, которое отделяет нас от оппортунистического жоресизма. [47]). Но если так, то, очевидно, что предстоящая революция не может реализовать никаких политических форм **против воли всей** буржуазии, ибо она будет хозяином завтрашнего дня. Если так, то, путем простого **устрашения** большинства буржуазных элементов, революционная борьба пролетариата может привести только к одному—к восстановлению абсолютизма в его первоначальном виде,— и пролетариат, конечно, перед этим возможным результатом не остановится, он не откажется от устрашения буржуазии **на худой конец,** если дело будет клониться решительно к тому, чтобы мнимой конституционной уступкой оживить и укрепить разлагающуюся самодержавную власть. Но, выступая на борьбу, пролетариат, само собой разумеется, имеет в виду не этот худой конец.

Очевидно, борьба между пролетариатом и буржуазией накануне буржуазной революции должна в некоторых отношениях отличаться от этой же борьбы в ее заключительной стадии, накануне социалистической революции. Борьба за влияние на ход и исход буржуазной революции может выразиться только в том, что **пролетариат будет оказывать революционное давление на волю либеральной и радикальной буржуазии,** что более демократические «низы» общества заставят его «верхи» **согласиться** довести буржуазную революцию до ее логического конца. Она выразится в том, что пролетариат будет в каждом случае ставить перед буржуазией дилемму: либо назад в тиски абсолютизма, в которых она задыхается, либо вперед с народом. Он будет класть на весы ее холодного политического расчета не только свою готовность бескорыстно жертвовать собой для дела свободы, но, **вместе с тем,** свое умение использовать плоды своих жертв свою сознательность, свою сплоченность, свою влиятельность в народе. Пролетариат будет оказывать свою моральную поддержку, хотя бы самым умеренным либералам, пока и поскольку они находятся в оппозиции, **он восстанет и восстановит против них более радикальные элементы буржуазного общества, как только они обнаружат примирительные поползновения**; таким образом, он в **конце-концов** своей последовательной тактикой сгруппирует вокруг своих очередных политических лозунгов и революционно настроенные народные массы, и крайние элементы сознательной буржуазии. Только таким образом крайняя оппозиционная тактика пролетариата будет последовательно двигать революцию вперед и ни при каких условиях не сыграет на руку реакции, как это часто случается с бунтарской анархистской тактикой.

Нужно, однако, иметь в виду, что **борьба за влияние на ход революции основана не на словесной или литературной борьбе, а на борьбе общественных сил, на борьбе классов.** Поэтому она выродилась бы непременно раньше или позже к оппортунистическое политиканство, в «парламентарство», если бы она применялась за счет пролетариата одними лишь его «представителями», идущими «во все классы», чтобы «диктовать им программы». [48]) В девяти случаях из десяти, идейная борьба между социал-демократами,

оторванными от своего класса, с компактной средой другого общественного класса, привела бы не к тому, что буржуазная среда подчинила бы свои интересы красноречивым аргументам социалиста, а, напротив, к тому, что она подчинила бы его идеи своему влиянию. И дело бы нисколько не поправилось от того, что эти «представители» пролетариата, профессиональные революционеры, идя в чужие классы заниматься «высшей политикой», в то же время посредством распространения листков и прокламаций призывали бы рабочие массы к демонстрациям или к восстанию. Если бы даже рабочие массы откликнулись на этот призыв «таинственных незнакомцев», что весьма сомнительно, то, как я указал уже, буржуазия отлично сумела бы учесть и использовать в **своих** интересах полусознательное революционное движение народных ммасс, нисколько не смущаясь тем, что оно **формально,** и только формально, совершается под флагом социал-демократии.

Указанная тактика имеет социал-демократическую, а не буржуазно-демократическую ценность, лишь поскольку ее применяют **самостоятельно,** т.-е. **сознательно,** более или менее широкие слои пролетариата, которые, в свою очередь, имеют связи и влияние на народные массы, которые массовыми революционными актами подкрепляют силу **своих** аргументов. Лишь привлечением все больших и больших кругов рабочих к такому сознательному участию в процессе политического самоосвобождения буржуазного общества, наша социал-демократия может формировать уже теперь **самостоятельную рабочую партию,** которая в будущем победит это общество. Лишь таким путем социал-демократия может двинуть вперед буржуазную революцию и превратить ее в пролог к будущей социалистической.

Эта проблема стоит в настоящее время перед российской социал-демократией, и она составляет некоторым образом духовное завещание, которое нам оставили неудачные европейские буржуазные революции середины прошлого века. В революциях 1848 года пролетариат принимал очень деятельное участие, но лишь как черпорабочая сила, а не как самостоятельный, сознательный класс, и это определило в огромной степени исход революции. Если бы 1848 год не застиг европейский пролетариат на низком уровне классового развития, революция во Франции не пришла бы логически к бонапартизму, а революция в Германии и Австрии не отцвела бы, не успевши расцвесть. Парижский пролетариат в 1848 году не понимал еще условий своего полного освобождения, потому он не мог понять смысла тогдашней революции и не мог в ней ориентироваться. Он не понимал, что февральская революция была буржуазная революция, и что она другой не могла быть при данном уровне экономического развития Франции и при данном уровне развития ея классовых противоречий. Из того факта, что он завоевал республику на баррикадах, из того факта, что он принес для революции несравненно более жертв, чем буржуазия, он заключил, что он в этой республике может **разделить власть** с буржуазией что республика может ввести социалистические учреждения **рядом** с буржуазными. Преследуя эту утопическую цель, он не выполнил задачи, которую он должен был бы выполнить при тогдашних исторических условиях, исходя из своих верно понятых интересов,— он не заставил буржуазию углубить и укрепить свою революцию *). Буржуазия вполне сочувствовала республиканской **форме** правления, завоеванной в февральские дни, потому что она обеспечивала непосредственное господство всех буржуазных классов. Но когда призрак непосредственной диктатуры пролетариата,—а диктатура пролетариата в тот момент была только призраком,— стала угрожать классовому **содержанию** республики, т.-е. тому, что ценнее всего на свете для буржуазии, она вся без различия фракций сосредоточила свои силы на борьбу с пролетариатом. Вместо того, чтобы привязать к республике массу крестьянства и мелкой буржуазии радикальными реформами, она, напротив, заставила их еще расплачиваться за долги июльской монархии. [50]) Вопрос о спасении порядка отодвинул на последний план первоначальную задачу революции.

*) Во избежание ложного толкования моих слов я должен заметить: было бы, конечно, крайним филистерством жалеть теперь об иллюзиях парижского пролетариата в 1848 г. если эти иллюзии привели к его поражению, но, с другой стороны, июньское поражение [49]) послужило великим и может быть незаменимым уроком для пролетариата всего мира. Но из этого не следует, конечно, что мы теперь, очутившись в его положении, должны были бы опять проделать его ошибки.

Крестьянство ответило на это голосованием 10 декабря, [51]) т.-е. цезаризмом. Германский и австрийский пролетариат оказались еще гораздо меньше на высоте своего положения.

Франкфуртский парламент [52]) на большом протяжении своего бесславного существования имел не мало благоприятных случаев для того, чтобы фактически превратиться из говорильни в властное и суверенное законодательное собрание; но, благодаря трусливому слабоумию германской буржуазной демократии, он все эти благоприятные случаи пропустил. Несмотря на то, что он таким образом совершенно дискредитировал себя, лишь только он обнаружил признаки жизни, лишь только он вступил с правительствами в открытое столкновение из-за имперской конституции; германский пролетариат великодушно поддержал его рядом восстаний в Дрездене, в Баварии и в Рейнской Пруссии. Но в то время, в мае 1849 г., революция уже не могла быть спасена.

По поводу этих восстаний Маркс писал в 1852 г.*): «Рабочий класс принял участие в этом восстании, как принял бы его во всяком другом, которое сумело бы устранить некоторые препятствия на его пути к политическому господству, к социальной революции или, по крайней мере, побудить более влиятельные, но менее храбрые классы к более решительному и революционному образу действий, чем какого они держались раньше. Рабочий класс взялся за оружие с полным сознанием того, что в прямом смысле слова эта тяжба была не его собственной, но он следовал своей единственно правильной политике—не позволять ни одному классу, поднявшемуся на его плечах (как буржуазия в 1848 г.), упрочить свое классовое правительство, не давая рабочим простора для борьбы за их собственные интересы и довести дело до кризиса, благодаря которому нация или безвозвратно вступила бы на революционный путь или восстановила бы положение, возможно близкое к бывшему перед революцией. В обоих случаях рабочий класс представлял действительные и хорошо понятые интересы нации, взятой в целом, ускоряя, насколько возможно, тот революционый перелом, который теперь стал исторической необходимостью для старых обществ цивилизованной Европы»... Из двух возможных результатов восстания, указанных Марксом, на деле осуществился второй, наименее благоприятный в Германии «восстановилось положение возможно близкое к бывшему перед революцией». Почему же так случилось? Потому, что германский пролетариат следовал политике, которую Маркс называет «единственно правильной» не в течение всего революционного периода, потому что он не держал парламента под своим постоянным революционным надзором и контролем, потому что он вмешался в столкновение между буржуазным парламентом и правительством только тогда, когда было уже поздно спасти революцию, в момент, избранный не им, а политически близорукими и бесхарактерными демократами, потому что не он двигал их, а они увлекали его, несмотря на свою полную ничтожность. Правда, представители интересов пролетариата пытались руководить буржуазной демократией, правда, коммунист Вольф, заседавший в парламенте, давно указывал демократии, как следует действовать, правда. Маркс в «Рейнской Газете» то же самое делал в ряде блестящих статей; но демократы франкфуртского парламента вовсе не склонны были сообразоваться с революционной аргументацией Маркса и Вольфа, за которой не скрывалась сознательная сила пролетариата; германский же пролетариат того времени такой силы не представлял: «Трудящиеся классы,—говорит в той же книге Маркс о том времени,— не пользующиеся доверием, безоружные, неорганизованные, едва вышедшие из умственного крепостнического старого порядка, едва проснувшиеся—не для сознания, а лишь для инстинктивного понимания своего социального положения и потребной им политики,—могли только заявлять о себе шумными демонстрациями, нельзя было ожидать, чтобы они справились с затруднительностью момента. Но они готовы были—как всегда в Германии—биться до конца, если им дадут оружие». Жертвовать собою для свободы германский пролетариат был так же готов, как и венский как и парижский, как и пролетариат любой страны. В этом великая сила пролетариата и без этого никакая революция невозможна, но этого одного слишком недостаточно для успеха революции.

*) См. Маркс—Революция и контр-революция в Германии.

Революция 1849 г. окончилась поражением, потому что европейский пролетариат не способен был еще тогда к самостоятельной классовой политике, потому что он не в состоянии был еще оспаривать у буржуазии влияние на ход революции. Но именно потому, что они кончались поражением и всеобщей изменой буржуазии своим собственным принципам, они дали впервые моручий толчок к выработке самостоятельной политики рабочего класса.

Русская социал-демократия с первых же шагов ясно поняла завет, оставленный нам 1848 годом. Еще 20 лет тому назад Плеханов, доказавши, что в русском патриархальном социальном укладе (в общинно-натуральном хозяйстве) нет внутренних **активных** сил для развития к социализму, что Россия не может избежать европейского капиталистического развития, в то же время обращал внимание русских революционеров на выгодную особенность в исторической судьбе России,—на то, что она может воспользоваться уроком Запада: «Для нас,—говорил он,—не должно остаться потерянным то в высшей степени важное обстоятельство, что социалистическое движение началось у нас в то время, когда капитализм был еще в зародыше. Эта особенность русского исторического развития не придумана славянофилами и славянофильствующими революционерами. Она составляет бесспорный и всем известный факт, который принесет огромную пользу делу нашего рабочего класса, если только русские социалисты не растратят своей умственной и нравственной энергии на постройку воздушных замков в стиле удельновечевой эпохи» *). К числу этих «воздушных замков» Плеханов относил прежде всего «мечты» о захвате власти и о совпадении ближайшей русской революции с социалистической: «связывать в одно два таких существенно различных момента,—писал он еще раньше в брошюре «Социализм и политическая борьба», [54])—как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом, что эти два момента **совпадут** в истории нашего отечества— **значит отдалять наступление и того, и другого».**

Наша революция будет буржуазная,—говорил Плеханов; отсюда он делал вывод, приведший в великое негодование Л. Тихомирова, [55]) что наша задача заключается не в том, чтобы «пугать красным призраком» либералов, а в том, чтобы подготовлять элементы для рабочей партии. Русская буржуазия труслива, возражали Плеханову народовольцы. На это Плеханов отвечал: «что значат уверения историков в том, что в такой-то исторический период буржуазия или—что почти то же самое—общество боролось в такой-то стране против абсолютизма. Не более, не менее, как то, что буржуазия толкала и вела рабочий класс на борьбу или, по крайней мере, рассчитывала на его поддержку. До тех пор, пока ей не была обеспечена такая поддержка, она была труслива, потому что была бессильна».—Но Плеханова, стоящего на точке зрения рабочего класса, очень мало прельщала перспектива повторения истории 1848 года. «Предыдущее рассуждение,—пишет он,—лишний раз подтвердило ту истину, что рабочий класс очень важен «для революции». Но социалисту нужно подумать прежде всего о том, чтобы революция была полезна для трудящегося населения его страны». «Наша (социалистическая А. М.) интеллигенция должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и **экономические** интересы, равно как и взаимную связь этих интересов. Она должна позаботиться о том, чтобы еще в доконституционный период **изменить фактические отношения русских общественных сил в пользу рабочего класса...** Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы в первый же период конституционной жизни России наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии, с определенной социально-политической программой». «Нужно постоянно внушать слушателям, что «экономическое освобождение есть великая цель, которой всякое политическое движение подчинено, как средство». Усвоивши эту мысль, наш рабочий класс сам уже сумеет пройти между Сциллой и Харибдой, между политической реакцией государственного социализма и экономическим шарлатанством либеральной буржуазии».

Так двадцать лет тому назад Плеханов определил проблему русской революции. Плеханов с самого начала начертал нашу национальную революционную проблему

*) См. Г. Плеханова.—Наши разногласия 1885 г. [53])

твердой рукой, с поразительной ясностью и определенностью. Но в его книге еще не было, да его и не могло быть в то время, ответа на вопрос, в более узком смысле слова, тактический. «Наши разногласия» не указывают **каким способом** «еще в доконституционный период изменить фактическое отношение русских общественных сил в пользу рабочего класса, **каким способом** помочь рабочему классу «пройти между Сциллой и Харибдой», каким способом, словом, организовать самостоятельную политическую партию пролетариата уже теперь, до «первого» конституционного периода жизни России». На этот вопрос можно было ответить, не рискуя впасть в утопию, только тогда, когда социал-демократическое движение уже пережило свою кружковую, пропагандистскую фазу, когда социал-демократы перешли к массовой агитации. В это время, в 1897 г., выступил Аксельрод со своими «Двумя перспективами», [56]) которые Ленин в «Что делать». совершенно основательно называет «знаменитыми», замечательными по своей дальновидности. В своих брошюрах и послесловиях того времени, которые, кстати говоря, остались для огромного большинства тогдашних российских социал-демократических работников непонятными и неоцененными, Аксельрод предостерегал социал-демократию от ложных шагов и об'яснял, каким образом наша социал-демократия может сложиться в самостоятельную рабочую партию в политических рамках самодержавной России, каким образом наша социал-демократия может решить задачу, которую не решила еще ни одна европейская социал-демократическая рабочая партия до буржуазной революции. Проблема русской революции, поставленная Плехановым и Аксельродом, была основана на глубоком материалистическом прогнозе русского социально-политического развития. Когда они поставили эту проблему, элементы для ее решения находились еще в зародыше: естественно, что русские социал-демократические практики, отделенные умственной таможней от Западной Европы, усвоившие марксизм абстрактно, в его упрощенном, вульгаризированном виде, этого прогноза очень долго не понимали, что они поддавались всегда впечатлениям, производимым фактами, случайно лежавшими на исторической поверхности, естественно, что они решали очередные задачи всегда ощупью, наполовину стихийно, и, по иронии судьбы, самый ярый враг стихийности,—Ленин,—в конечном счете тоже оказался игрушкой стихийного роста буржуазной демократии. Только теперь блестяще оправдались предсказания Аксельрода и Плеханова, только в последнее время выступили в ясных очертаниях те общественные силы, появление которых для них, как для настоящих марксистов, было очевидно еще в середине 80 годов. Если уже раньше рабочее движение в его элементарной форме заставило зашевелиться разные общественные элементы, «придавши им храбрость», то в самое последнее время только слепой будет отрицать, что брожение «интеллигенции» и «общества» превратилось в политическое движение русской буржуазии накануне своего самоосвобождения. Если уже раньше передовые слои русского пролетариата доказали, что они способны бороться не только за свои особые «частичные права», но и за демократию, в целом, за полное низвержение самодержавия, то в последнее время в пролетариате накопилось не мало организованных и неорганизованных элементов, которые во имя этой демократии способны ставить условия оппозиционной и революционной буржуазии, способны оказывать **сознательное** давление на ход буржуазной революции, а история июльских стачек 1903 г. [57]) доказала, что это сознательное давление может и будет подкрепляться массовым народным движением. Словом, элементы для настоящей развитой классовой борьбы пролетариата уже существуют теперь в наличности, несмотря на слабость нашей партийной организации.

Но как-раз теперь, когда наша партия, после долгих блужданий и шатаний может, наконец, стать и действительно становится на твердую почву, как-раз теперь, когда развитие общественной жизни помогло ей разобраться в ее сложных тактических задачах, когда мы можем надеяться, наконец, на слияние социал-демократической теории с практикой, когда мы можем надеяться, что пролетариат встретит революцию в полном вооружении, как-раз теперь на сцене появляются люди, которые под флагом Ленина тщатся повернуть колесо истории.

Об'ективная ценность ленинской тактики в настоящей момент, если бы она действительно нашла себе отклик, заключалась бы в том, что она отвлекла бы пролетариат от

его настоящей революционной задачи, и увлекла бы его разными заманчивыми призраками на путь приключений, в результате которых он после революции очутился бы вновь у старого разбитого корыта.

Если бы ленинцы последовательно проводили в настоящее время свою тактику, **то об'ективно** они сыграли бы роль **сознательных или бессознательных политических авантюристов.** Если бы они пошли по этому пути, то мне не нужно было бы для них оценки прибавить ни одного слова к тому, что Маркс сказал по адресу фракции Виллиха-Шаппера, [58]) отделившейся в 1848 году от Коммунистического Союза:

«Союз коммунистов был не заговорщическое общество, а общество, которое тайно занималось организацией пролетарской партии... Само собой разумеется, что такое тайное общество, которое ставит себе целью **образование не правительственной, а оппозиционной партии будущего,** представляет мало привлекательного для тех господ, которые, с одной стороны, скрывают свое ничтожество под театральной мантией конспирации, с другой стороны, удовлетворяют свое ограниченное честолюбие в первый день ближайшей революции, для которых на первом плане важно играть роль в данную минуту, получить долю из демагогической добычи и быть приветствованными демократическими базарными крикунами».

ИЗ РЕЗОЛЮЦИЙ КОНФЕРЕНЦИИ КАВКАЗСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ[59])

По инициативе Тифлисского комитета Российской Социал-демократической Рабочей Партии, в средних числах апреля месяца состоялась конференция всех главных и влиятельных кавказских социал-демократических рабочих организаций. Задача конференции—как она определялась в воззвании Тифлисского комитета ко всем кавказским социал-демократическим организациям—ответить па практические вопросы, выдвинутые последними событиями общественно- политической жизни и в разрешении их об'единить все организации. На конференции были представлены с решающими голосами следующие организации: 1) Балаханско-Бибк-Эйбатская рабочая организация и ее районы, 2) Тифлисский комитет и его районные организации, 3) Батумский комитет и его районные организации, 4) Гурийский и 5) Терско-Дагестанский комитеты.

Конференция приняла следующие резолюции:

О временном правительстве.

Считая своей задачей использовать революционный момент для углубления социал-демократического сознания пролетариата, конференция, в целях обеспечения для партии полнейшей свободы критики нарождающегося буржуазно-государственного строя, высказывается против образования социал-демократического временного правительства и вступления в него, а считает наиболее целесообразным оказывать давление извне на буржуазное временное правительство для полной демократизации государственного строя. Конференция полагает, что образование социалдемократами временного правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от социал-демократической партии широких масс пролетариата, разочаровавшихся в ней, так как социал-демократия, несмотря на захват власти, не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса вплоть до осуществления социализма, с другой,—заставит буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабить ее размах.

О всеобщей стачке.

Отвергая всеобщую стачку, как необходимую стадию к вооруженному восстанию, конференция, учитывая громадное воспитательное значение всеобщей стачки на остальные слои пролетариата и примыкающие к нему широкие слои мелкой буржуазии, рекомендует рабочим организациям использовать это средство возможно-широко там, где благоприятствуют экономические условия, в целях революционизирования указанных отсталых слоев.

О собрании сословных представителей Кавказа.

Считаясь с возможностью созыва кавказским наместником собрания сословных представителей «народа», конференция предлагает рабочим организациям, не игнорируя его, воспользоваться им, как одним из средств об'единить все местное общество вокруг лозунга—Всероссийское Учредительное Собрание. В этих видах конференция предлагает рабочим организациям вначале потребовать свободы агитации и созыва собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права; по созыве же собрания представителей—пред'явить ему требование всей нашей программы-минимум, потребовать постановления собрания о созыве Всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, мотивируя, между прочим, и тем, что только Всероссийское учредительное собрание, отменив самодержавный порядок во всем государстве, даст гарантии политической свободы и в отдельных областях; в противном же случае никакие местные гарантии не могут быть устойчивы.

О работе среди крестьян.

1-е. В виду того, что главная задача соц.-демократии в деревне состоит в том, чтобы вербовать в ряды рабочей партии сельский пролетариат и полупролетариат; далее, в виду того, что разные мелко-буржуазные партии, как соц.-рев., националисты и прочие, под фирмой социализма проповедуют в деревнях мелкобуржуазные идеи, как например., социализацию земли в пределах капиталистического строя, «социализм трудящихся» и т. п. идеи, которые могут изолировать крестьянские массы от освободительного движения пролетариата и помешать усвоению ими пролетарской точки зрения;

Конференция предлагает товарищам, работающим среди крестьян, обратить главное внимание на выяснение перед ними истинно пролетарского социализма, как единственного средства их полного освобождения от гнета классового господства в современном обществе, и к этой главной цели приурочить необходимость всех экономических и политических реформ, как средств к ее осуществлению.

2-е. Принимая во внимание, во-1-х, что крестьянство в массах туго воспринимает идеи пролетарского социализма, что только пролетарские и полупролетарские элементы, по своему социальному положению, наиболее способны к воспринятию соц.-дем. идей; во-2-х, что наша партия должна воспользоваться своим широким воздействием на крестьянство для укрепления своего влияния в деревне в будущем, по уничтожении самодержавия,—конференция предлагает партийным работникам в деревне, в пределеах широкой,—составленной, большею частью, из демократов,— организации, создать в местах с широким крестьянским движением строго социал-демократическую организацию из наиболее зрелых в социал-демократическом смысле элементов, каковыми, главным образом, могут явиться пролетарские и полупролетарские элементы. С этою целью конференция рекомендует товарищам особенное внимание обратить на соц.- дем. пропаганду.

КАК ОБ'ЕДИНИТЬ ПАРТИЮ?

(«Искра», № 96, 5 апреля 1905 г.).

С'езд или конференция? Спросить это—значит, при наличных обстоятельствах, спросить: завершение раскола или начало умиротворения? Это отлично знают те твердокаменные фокусники, которые с одинаковым усердием об'ясняют необходимость одного и того же с'езда спачала тем, что с'езд есть единственный «честный, партийный выход», потом тем, что раскол стал уже «совершившимся фактом», потом снова необходимостью «об'единения» и т. д., и т. д. Это должны будут скоро понять и те измученные партийными неурядицами, товарищи, которые, не находя, по тем или иным причинам, действительного выхода из кризиса, готовы, зажмурив глаза, броситься в чреватую горькими разочарованиями авантюру.

Конференция—это договор, соглашение; с'езд, при ожесточенной враждебности фракций и отсутствия всяких мостов между ними,—это майоризация, подавление. **Только**

этим они отличаются друг от друга. Столковаться можно одинаково и на с'езде и на конференции по всем решительно вопросам политической и партийной жизни. Кто защищает с'езд против конференции, тот пусть не трудится, поэтому, приводить доводы в роде того, что настоящее время, когда и пр. и пр. выдвинуло массу новых вопросов и т. д. Все это верно. Верно и то, что все эти вопросы ждут разрешения. Верно, что следует стремиться выработать по этим вопросам коллективное партийное мнение. Но все это не имеет отношения к вопросу: с'езд или конференция? Чтобы решить **этот** вопрос, надо прямо, открыто и честно ответить, желаем ли мы подавления или соглашения. И только тот, кто будет иметь мужество сказать, что **об'единение** различных течений совершается успешнее всего путем **подавления** одного или нескольких течений, только тот может **теперь** стоять за с'езд против конференции и считать с'езд лучшим средством умиротворения партии. Но кто будет иметь мужество сказать это, тот должен вспомнить поучительные уроки II С'езда. Тот должен вспомнить, прежде всего, знаменитые ленинские диаграммы («Шаг вперед и пр.»), несмотря на всю свою смехотворность с статистической точки зрения, наглядно изображающие один, более чем грустный, факт: процесс «об'единения» партии методами подавления иллюстрируется в виде опрокинутой пирамиды. Широкое основание пирамиды—это те многочисленные организации и течения, которые были созваны на с'езд ради об'единения **всех их**; почти остроконечная верхушка пирамиды —это **одна** часть **одной** организации и **одного** течения, долженствовавшая представлять собою «об'единенную»(!) партию. И, принимая во внимание, что условия созыва так усердно пропагандируемого ныне «с'езда», если и изменились, в смысле представительства действительной воли **партии**, по сравнению с теми условиями, в которых был созван II С'езд, то изменились **к худшему**, всякий искренний и вдумчивый сторонник об'единения должен будет сказать: нет, не пирамидные чертежи, так любовно размалеванные Лениным, выражают процесс об'единения партии; не подавление положит начало умиротворению ее, а соглашение, договор, определяющий **условия совместной работы и совместного соперничества идейных течений в рамках одной партийной программы**. Но сказать это,— значит, при данных условиях, сказать твердо и решительно: конференция, а не с'езд!

У нас нет, разумеется, ни малейших иллюзий насчет истинной цены «об'единительных» стремлений Ленина и группирующихся вокруг него своеобразных «публицистов»; было бы непростительной наивностью хоть на минуту усумниться в том, что—поскольку это от нее зависит—«галерочная» фракция [60]) делает и будет делать все возможное, чтобы довести партию до раскола.

Но нам скажут: зачем же для раскола с'езд? Не проще ли, не экономнее ли произвести раскол без с'езда? И затем: неужели можно думать, чтобы «ленинизм», это олицетворение полного политического бесплодия, партийной дезорганизации и свары, мог выйти победителем со с'езда? Ведь на с'езде, как бы искусно он ни фабриковался, будут все же в большинстве товарищи, приехавшие из России, так или иначе прикосновенные к работе, убедившиеся на собственном опыте, что ни одной политической идеи, ни одного тактического указания, ни одного слова честной критики чужих идей, ни одного политического листка, ни одной политической брошюры не дал им прославленный «вождь» за те два года, которые для всей России были полны самыми бурными, самыми революционными событиями, и которые для него были заняты целиком мучительными и напряженнейшими думами над с'ездовскими диаграммами, составом центров, третьим с'ездом и пр. и пр. На это мы скажем: да, раскол Ленин и иже с ним могли устроить по гораздо более дешевой цене; да, «победителем», по существу дела, этот кулик, великий на своем болоте, выйти со с'езда не может, ибо у него нет знамени, во имя которого он мог бы одержать «победу». Те «принципы» кулачного права, во имя которых он «боролся» на II С'езде, и которые заставляли его, в самый разгар свалки, с упоением восклицать: «Какая прекрасная вещь наш с'езд!»—эти убогие принципы потерпели самое решительное фиаско, и он их **уже** не смеет громко выговорить. Те же новые якобинские принципы, которые быстро созревают на страницах «Вперед»,—он их **еще** не смеет провозгласить во всей полноте. Но если ленинская клика все же желает произвести раскол непременно **на с'езде**, то причина такого желания вполне ясна. Этим господам нужно произвести раскол в такой форме, чтобы истинные причины и цели его были по возможности затемнены.

Они отлично оценили выгоды той удушающей атмосферы дрязг, сплетен, мелочей и пустяков, которой им удалось окружить совершенно ясное по существу своему расхождение во взглядах, проявившееся на втором с'езде; они отлично помнят, какую жирную рыбу ловили они почти целых 2 года в разведенной ими мути. И вот, для своего нового подвига по части раздирания партии Ленин и К-° готовят новую подходящую «обстановочку», новую кучу сора, сплетен и дрязг, через которую товарищам, не присутствовавшим на с'езде, опять придется пробираться с невероятным трудом, чтобы добиться выяснения действительных причин расхождения. Товарищи не забыли, надеемся, какой огромной затраты сил и времени потребовала расчистка тех авгиевых конюшен, которые Ленин сумел завести в партии после II С'езда. С нового «с'езда» разногласия опять выйдут в форме вопросов о «составе центров» и т. п., и опять отец всей этой лжи будет кутаться в тогу непорочной «партийной» добродетели. Но мы говорим решительно: такого удовольствия сторонникам раскола не имеет права доставлять ни один товарищ, сознающий свои обязанности перед партией и не забывающий, что в число этих обязанностей входит об'яснение причин расхождения пролетариату,—тому пролетариату, которому трудно, почти невозможно разобраться в клубке кружковых сплетен. И потому мы говорим: если эти господа желают раскола во чтобы то ни стало, если они не желают соглашения, договора, если для них раскол уже решенное дело, то мы не дадим им произвести этот раскол в тумане кружковых дрязг, а заставим отколоться, так, чтобы причины раскола, линия, по которой он произошел, были ясны и очевидны всякому. Те принципиальные расхождения, которые в настоящее время разделяют большинство товарищей и которые мы считаем возможным вместить в пределах одной партии, которые для ленинцев служат достаточным предлогом для раскола, эти расхождения должны быть представлены в кристальной чистоте, их должен видеть и нащупать каждый партийный работник. И вот почему опять и опять: не с'езд, а конференция!

Но что может сделать конференция? Мы уже говорили, что она может и должна установить условия совместной работы и свободного соперничества всех течений, существующих в партии. И достаточно взглянуть на дело с этой точки зрения, с точки зрения действительного желания сохранить единство партии, чтобы увидеть, как просто и легко решаются задачи, кажущиеся такими головоломными тому, кто все еще тешит себя иллюзией водворить мир путем подавления, запрещения, недозволения, раскассирования, или —что, пожалуй, еще хуже—путем искусных личных комбинаций. Последнего сорта иллюзии еще хуже потому, что они основываются на полной слепоте к серьезным вопросам и сводят все дело к тем или иным качествам «вождей», а потому и решение ищется в сущности только в том, чтобы наладить оркестр, иначе «рассадив» музыкантов. Разумеется, ничего кроме разочарования и огромной путаницы в результате такого упрощенного способа решения сложных вопросов получиться не может. Действительное начало умиротворению может быть положено не закрыванием глаз на существующие разногласия, а, наоборот, лишь открытым и последовательным выяснением сущности и размеров их. Для того, чтобы «об'единить», надо прежде всего прямо сказать себе: я признаю наличность таких-то и таких-то течений в партии, которым, каких бы взглядов я сам ни держался, признаю возможным дать свободно **высказаться**; победу своих воззрений я основываю не на том, что тем или иным способом закрою рот своему оппоненту, а единственно и исключительно на том, что, опираясь на правильность своих взглядов, возьму верх в открытом равноправном и свободном состязании с представителями других взглядов. Только исходя из таких посылок и решившись последовательно держаться их, можно решить задачу установления мира в партии. Разумеется также, что нужно беспощадно гнать от себя маниловские мечтания, будто все разногласия, споры, трения и пр. могут быть уничтожены одним мановением руки. Не во гнев будь сказано почтенной редакции «Вперед», [61]) как организация масс и массовой партии есть трудный и длительный процесс, точно так же и умиротворение и об'единение партии есть продолжительный процесс и все что может сделать, при наилучших условиях, конференция —это положит хорошее и прочное **начало** этому процессу.

Прежде всего, весь прошлый опыт и все настоящее положение дел должны, на наш взгляд, заставить конференцию признать совершенно определенно: **процесс об'единения**

партии может и должен быть не чем иным, как процессом создания и роста действительно массовой партии. Все, что нас тянет к закостенению в виде тесного, подпольного кружка, в своей узкой сфере ставящего и решающего все вопросы,—все это способствует раздроблению, расколу, все это препятствует об‘единению. Социал-демократия с ее сложной постановкой политических задач, не может, органически не может развиваться в виде оторванного от масс «сообщества». Только растущее слияние с массой может дать социал-демократии устойчивое единство, только оно может противодействовать тому, чтобы различное решение возникающих перед нами вопросов, неизбежное именно в виду сложности нашей тактики, влекло за собою непрерывное кружковое дробление. Только действительное превращение социал-демократии в массовую партию, сверху донизу живущую одною и тою же партийною жизнью, создаст уверенность, что, несмотря на возможные временные отклонения, в общем и целом партия будет итти по верному пути, а следовательно, явится тем действительно компетентным судьею, к которому можно апеллировать, которому можно подчиниться сегодня, даже считая себя правым, в уверенности, что завтра правильные воззрения все же восторжествуют. Ведь вся наша теория говорит нам, что коллективный организм, состоящий из тысяч **сознавших свое классовое положение** пролетариев, **в общем и целом** не может не итти по пути классовой борьбы, который и является для социал-демократии верным путем; и, наоборот, эта же теория говорит нам, что оторванный от пролетарской массы интеллигентский кружок, каковы бы ни были его суб‘ективные намерения и настроения, **не может не терять** верно дороги. И потому, бесконечно отлична для социал-демократа та дисциплина, во имя которой требует от него подчинения кружок, от дисциплины, которой он добровольно подчиняется в массовой пролетарской партии. Вот почему **массовая** партия дает лучшие гарантии партийного единства, чем самые хитроумные комбинации, придуманные на с‘езде тесных кружков.

Но, если признать это положение верным, то отсюда неизбежно следует вывод: **не на с‘езде может быть положен прочный фундамент об‘единения, а на местах, не с верхушки должно оно осуществляться, а снизу.** «Сверху можно создать только благоприятные **условия** для об‘единения снизу. И только в результате **такого** процесса об‘единения с‘езд действительно может «увенчать здание». Более того. Только такой процесс об‘единения создаст самую возможность с‘ездов, решения которых, **с пользою для дела,** смогут претендовать на такую непререкаемость и обязательность, как, например, решения германских партейтагов.

Вот как мы представляем себе это об‘единение: везде, где существуют на местах двойные организации, они должны слиться во всех своих этажах. Мы не закрываем глаз на то, что в верхних этажах такому слиянию будут, пожалуй, кое-где противостоять почти непреодолимые, традиционно создавшиеся препятствия. В таком случае, не форсируя этого процесса об‘единения, мы скажем: слияние должно начаться с самого низу, с тех заводских кружков, где находятся пролетарии, признающие себя социал-демократами, разделяющие нашу программу, но, неведомо для них самих почему, «причисленные» к «большинству» и «меньшинству». Мы обращаем внимание товарищей на письмо рабочих СПБ металлургического завода, помещенное в № 14 «Вперед».[62]) Из этого письма ясно видно, что партия не сумела еще так втянуть в свою жизнь этих рабочих социал-демократов, чтобы им стала ясна, более или менее ясная для членов верхушки партии, разница между «большинством» и «меньшинством». Партия еще не успела сделать этих рабочих активными участниками тех своих политических шагов, полное понимание которых требует, между прочим, и представления о различных течениях партийной мысли. При таких условиях не правы ли авторы письма, когда на своем энергичном языке выражаются, что «подло и позорно» разделять рабочих социал-демократов только потому, что их «приписала» к себе та или другая фракция, и тем ослаблять их дружную борьбу.

Имеем ли мы право, да имеет ли и какой-нибудь смысл для нас удерживать от об‘единения этих пролетариев, разделенных только тем, что, к их несчастью, явились «2 интеллигентные группы»? Очевидно, ни права у нас на это нет, ни смысла в таком разделении нет, а препятствий для об‘единения, полного и немедленного, никаких не имеется.

И потому мы должны взять на себя инициативу сближения и об'единения этих слоев нашей партии в процессе совместной экономической и политической борьбы.

Чем выше будем мы подниматься по партийной лестнице, тем больше будет встречаться препятствий. И это отнюдь не будет капризом; ибо чем выше, тем яснее и отчетливее формируются разногласия, и тем труднее каждому подчинить свою волю чужой, когда по существу, отсутствует еще возможность проверки, что чужая воля действительно чем-нибудь лучше; придумыванием чисто формальных критериев вопрос, разумеется, не решается.

Но, как бы то ни было, мы уверены, что и сейчас кроме самых центральных групп—комитетов и подкомитетов—серьезных препятствий к слиянию всех остальных этажей организации не встретится. В таком случае нужно только создать на время какую-нибудь нейтральную комиссию между обеими верхними организациями для согласования их действий. На примере Петербурга мы видели, что и при самых обостренных отношениях такие комиссии возможны.

Теперь является вопрос: как будет при таких условиях итти работа? Нам кажется, что вопрос этот решается очень просто. Когда оказывается, что в партии есть две или более точки зрения на какой-либо политический вопрос, не только допустимо, но прямо-таки необходимо, чтобы **каждое** районное собрание, **каждый** рабочий кружок получили возможность выслушать все мнения, разобраться в них и вынести свое суждение. Это просто необходимо, если мы хотим, чтобы весь коллектив партии жил действительно коллективною партийною жизнью, и чтобы действительно складывалась партия; то-и-дело приходится слышать, что в то время, как политическая жизнь кипит и страна переживает революцию, в наших рабочих кружках господствует скука, вялость, мертвечина. Мудрено ли, когда этим кружкам никогда не приходиться серьезно и за своею ответственностью решать политические вопросы, когда—в целях «единомыслия»—всякие споры перед рабочими систематически устраняются, когда комитет сверху дает всем своим работникам одну директиву и—в лучшем случае—поручает ее «провести», т.-е. формально протащить через периферию? Пора понять, что политический опыт не может итти только сверху, что его необходимо высасывать снизу.

Только **взаимодействие** верха и низа партйной организации может дать полезные результаты. И потому мы настаиваем: всякий раз, когда по какому-нибудь вопросу текущей политики встречаются разные мнения, наша обязанность довести **все** мнения до сведения **всех** организованных рабочих, дать возможность каждому рабочему участвовать в решении спорного вопроса,—решении, которое, только став таким образом мнением всей местной организации, становится для всех обязательным. Пора перестать парадировать перед «низами» **только** в виде «спевшихся» коллегий руководителей—ибо в таком, исключительно закулисном «спевании»—смерть нашей партии. Пора положить конец этому, действительно позорному положению, при котором про серьезнейшие разногласия в нашей партии рабочий может говорит: «паны дерутся, а у хлопов чубы болят» («Вперед» № 14, письмо из Одессы), [63]) и в то же время, очевидно—в традиционно воспитанной уверенности, что «не нами заведено, не нами и кончится», ждать избавления своего «чуба» все от тех же «панов», которые где-то соберутся на «третий с'езд» и «промеж себя» все устроят, как нельзя лучше, к его хлопскому, благополучию.

Только тогда, когда все наши споры, все разногласия по тактическим и организационным вопросам, все недоумения будут открыто выноситься на обсуждение **всех** организованных работников, только тогда жизнь закипит ключом в нашей партии: только тогда политические директивы, которые явятся результатом такого коллективного обсуждения, будут действительно проводиться в жизнь; только тогда мы, посредством всего партийного коллектива, сможем двигать всей многомиллионной массой пролетариата; словом, только тогда мы развернем во всей полноте всю скрытую в нашей партии мощную силу. И только тогда же будет прочно закреплено партийное единство, только тогда каждое кружковое или индивидуальное мнение будет неизбежно подчинено действительно **партийному** мнению и—более того—будет все чаще и чаще добровольно подчиняться ему, ибо будет ясно, кому и во имя чего приходится подчиняться. Разумеется,

подчиняться не значит лишаться права продолжать **убеждать** товарищей по партии в своей правоте; это значит лишь—не успев еще убедить, подчинять свои **действия** коллективному мнению.

Вот почему мы не только не боимся идейного соперничества «меньшинства» и «большинства» перед такой, все более об'единяющейся снизу пролетарской массой членов партии, но, наоборот, всеми силами призываем его. Нам, разумеется, незачем говорить здесь о разных технических подробностях такого об'единения и такого согласования деятельности. При добром желании, товарищи, работающие на местах, лучше нас сделают это. Но одно для нас несомненно: этот процесс об'единения масс, при условии свободного соперничества идей, только и даст возможность говорить без напыщенного фанфаронства об единстве «без вождей или против вождей», если «вожди» окажутся «упорствующими». Обращаться же с этим лозунгом к среде, которая, в сущности, по отношению ко всей массе членов партии, только и состоит из «вождей» («панов»—по выражению одесского рабочего, «интеллигентных групп»—по выражению рабочих СПБ металлургического завода), значит блеском громко звучащей фразы заглушать голос партийной совести, которая должна, действительно, искать и найти выход из пагубной диктатуры «вождей» над партией.

Об'единение снизу не только положит прочное основание партийному единству; оно сделает гораздо более: создаст самое партию. А вместе с тем, все в растущей мере, оно будет создавать и условия для созыва таких с'ездов, решения которых, не только формально, но и по существу, будут обязательны, для каждого члена партии, потому что за ними будет стоять действительно сознательная политическая воля партии, а не более или менее искусная дипломатия партийных «генералов».

Уже цитированное нами письмо рабочих СПБ металлургического завода показывает, что этот процесс «об'единительного» давления снизу начинается. И мы не только не можем разделить того беспокойства, которое испытывает «Вперед» при мысли о том, что «настроение это может охватить значительную часть борющегося пролетариата», но, наоборот, с величайшею радостью приветствуем его. Оно показывает нам, что растущие слои пролетариата начинают чувствовать нашу партию **своею** партиею и требовать «гражданского равноправия» в ней. Они требуют, чтобы в партии не было расколов, непонятных им, чтобы вся жизнь партии, ее разногласия, ее вопросы были известны им, решались с их ведома. И мы очень советуем всем товарищам подумать об истинном смысле слов рабочих, что если их требования не будут выполнены, то «тогда у нас нет интеллигентного пролетариата». Это значит просто следующее: если то, что вы делаете, из за чего спорите и расходитесь, остается для нас книгою за семью печатями и отражается только в том, что «мы не находим фактически возможности работать в организации», то знайте, что мы обойдемся без вас. И это надо запомнить: пролетариат и без нас останется огромной исторической силой, мы же без пролетариата сразу превращаемся в ничто—в смешную кучку чудаковатых утопистов.

Но, к счастью, мы можем уверить петербургских товарищей-рабочих, что в нашей партии найдется достаточно «интеллигентного пролетариата», который захочет быть вместе с «рабочим пролетариатом», который твердо и решительно встанет на тот путь об'единения, который указан в письме рабочих и который нам представляется единственно возможным и ведущим к цели.

Обсудить и установить возможные формы такого об'единения—вот первое и самое главное дело, которое должна сделать конференция товарищей, искренно и серьезно желающих партийного единства. Только на почве этого основного вопроса могут получить удовлетворительное разрешение и все другие вопросы партийной организации.

Но наша статья слишком растянулась, и потому обсуждение этих других вопросов—постановки литературного дела, центральных учреждений партии, технической части и пр., пр.—мы вынуждены отложить до другого раза. Скажем только сейчас же, что дело—не в той или иной неподвижной схеме, а в приспособлении всего строя «верхушки» партии к потребностям об'единительного стремления снизу и свободного высказывания всех вмещающихся в рамки нашей программы течений.

К РАБОТАМ «ТВЕРДОГО» С'ЕЗДА.

(«Искра» № 101, 1 июня 1905 г.).

Вопросы организационные.

Знаменательной чертой «твердого» с'езда является в высшей степени консервативный характер тех его решений, которые имеют отношение к **организационным** вопросам.

Начать с постройки партии в целом. Стоит только пробежать новый устав, выработанный с'ездом, чтобы убедиться, что принимавшие его товарищи стояли всецело на почве **механического централизма.** Исторически сложившаяся ячейка нашей партийной руководящей организации—комитет. Со времени второго с'езда мы бьемся над задачей **об'единения** работы многочисленных комитетов, над задачей создания **центрального аппарата** руководства. Как решала партия эту задачу до сих пор. Опыт по руководству пролетарским движением имелся в головах наиболее поработавших, наиболее энергичных и наилучше подготовленных «комитетчиков». Совокупность их, воплощенная (по идее) в партийном с'езде, намечает **общие** директивы для партийных работников. Но дальнейшая разработка этих директив, применение их к быстро меняющимся внешним условиям нашей борьбы, самостоятельная инициатива в новых для партии вопросах—все это должно быть делом постоянного специального органа— центрального комитета. Как же образовать такой орган? Прежняя тактика решала его в том смысле, что он должен быть составлен из «неместных» специалистов—из товарищей, не связанных с местной работой, ибо «комитетчики», связанные с нею, прежде всего считаются ограниченными в своем кругозоре местных практиков и зараженными «приходским духом». Приходится, следовательно, составлять Центральный Комитет из социал-демократов, не ведших продолжительной и успешной работы по организации рабочих, по агитации и пропаганде в их среде. Где взять таких? Функции технически-конспиративные всякого рода создали значительные кадры таких «профессионалов». Коллегия наиболее влиятельных из них и составит Ц. К., прочие—тот многочисленный персонал «агентов» и «бюро», при посредстве которого она будет выполнять функции политического руководства.

Как же она будет выполнять их? Об'единение работы местных комитетов требует отличного понимания ее методов и ее условий; **руководство** ею требует, чтобы руководящие являлись инициаторами в деле постоянного улучшения способов агитации, пропаганды, организации, чтобы они постоянно направляли ведущуюся комитетами политическую борьбу. Первое условие для этого, чтобы руководящий центр являлся хорошо осведомленным о ходе работы во всех концах России, чтобы он мог из одного пункта охватывать всю партийную работу в целом. Механический централизм решал эту задачу как нельзя проще. Центр связан известными нитями с каждой из многочисленных местных организаций. По этим нитям местные организации передают в центр, вместе с сведениями о ходе движения, свой политический опыт; перерабатывая весь этот материал, центр должен выполнять свою функцию руководства.

Практика показала, что должно получиться при таком построении. Партийный центр, получая прошедшие через призмы его агентов и бюро сообщения о ходе работы на местах, **никогда** не имел перед собой сколько-нибудь полной и верной картины движения. Состоя из деятелей, очень мало или вовсе не связанных с местной работой, центральная коллегия совершенно не приобретала навыков в руководстве движением, не развивала в себе умения давать инициативу, направлять, в качестве **практического** центра, политическую деятельность комитетов, вести их за собою на путь определенных политических действий. **Ни разу** за время существования Ц. К. (и «бюро большинства», заменившего собой для части партии Ц. К.), от него не вышла какая-нибудь инициатива в деле политической борьбы. Поскольку в действиях наших комитетов замечалось единство содержания агитации по определенному политическому вопросу, оно достигалось лишь в той мере, в какой заграничному **литературному** центру удавалось бросить определенные политические лозунги и в какой эти последние усваивались комитетами (агитация против войны, земская кампания [64]). Обе «маевки» последних двух лет прошли без

всякого организационного влияния Ц. К. на агитацию комитетов. Могучее движение в январе-феврале [65]) точно так же направлялось комитетами, независимо от Ц. К. Партийный русский центр выполнял, так или иначе, технические и административные в узком смысле функции; политической работы он почти не выполнял. Состоя из специалистов технико-конспиративной отрасли нашего революционного дела, он в самом себе не обладал никакими гарантиями пригодности к роли политически руководящей организации, а его собственный организационный аппарат был как бы нарочно приспособлен к тому, чтобы не развивать в нем политических способностей, чтобы затруднять ему выполнение функций руководства, даже в наиболее простом виде. Благодаря упрощенному характеру централизма, проведенного в его громоздкой организации,—Ц. К.+агенты+местные комитеты,—даже общерусские политические прокламации, выпускавшиеся им в целях об'единения местной агитации, по роковой необходимости приходили всегда на места с непозволительным опозданием, раздражая местных практиков соображениями о тщете затраты многочисленных партийных средств и сил: так, листок о поражении под Ляояном пришел на места ко времени битвы под Мукденом, листки о политике Святополк-Мирского [66]) к тому времени, когда царили уже Булыгин [67]) с Треповым. В результате—местные комитеты, нуждавшиеся в общепартийной организации политической агитации, оставались предоставленными собственным силам, и это в значительной степени потому, что стремление к «идеально»-простой и совершенной форме централизации, выражающейся в **одной** центральной группе, горделиво возвышающейся над полусотней рассеянных по всей России комитетов, убивало в корне всякую возможность для т а к о г о центра об'единить и координировать что бы то ни было. Разветвление Центрального Комитета в виде сети бюро и специальных агентов только ухудшало дело, почти не подвигая вперед к выполнению поставленной задачи. Кое-что полезное эти бюро Ц. К. выполняли, но лишь постольку, поскольку, отступая от централистической схемы, становились подобием автономных областных центров; поскольку же они сохраняли значение исполнительных групп «сильного» центра, они только отрезывали его окончательно от непосредственного общения с местными работниками и содействовали его вырождению в чистую «руководящую» канцелярию, в свою очередь, создавая вокруг последней чисто бюрократический институт. Укрепление местного «кустарничества» в области политической работы и непомерное развитие партийной бюрократии,—таков конечный итог нашей централистической практики.

Здесь нам надо отвести одно ходячее возражение. Разве в западно-европейских соц.-демократических партиях нет такой же «бюрократии» специалистов на общепартийных функциях? Почему германский vorstand группа из пяти лиц—может выбираться на с'езд, а русский нет. Говорящие так забывают, что помимо наличности в той же Германии сложного аппарата областных центров, условия работы германских товарищей мешают вырождению общепартийных центров в учреждения бюрократические. Ауэрам [70]) и Бебелям [71]) нет необходимости работать в местных группах, чтобы **соприкасаться** с массовым движением в роли пропагандистов, агитаторов и организаторов. Парламентская деятельность и избирательная борьба, агитационные собрания и непосредственное участие в руководстве крупными стачками—все эти и многие другие «возможности» предоставляются членам германских центров для «повседневного» упражнения в себе способности политических деятелей. Между тем как у нас конспиративные условия неизбежно отрывают «профессионалов» общепартийной работы от всякого почти общения с проявлениями политической деятельности масс.

Надо ли говорить, в какой мере бюрократическое вырождение нашего централизма парализует партийную работу. Пролетарское движение неудержимо выливается за пределы узкой местной работы. Кто хочет сохранить за собой руководство им, обязан стремиться координировать, об'единять работу социал-демократии на всем протяжении движения. Это необходимо даже для «будничной» борьбы, которая, впрочем, все более и более становится непрерывающейся гражданской войной, революцией в полном смысле слова. А ведь, в перспективе у нас—«всенародное вооруженное восстание». Не только «назначить» и «подготовить» его, но просто руководить им и об'единить его проявление немыслимо при той организационной «разбросанности», которая царит в партии. Нужна

самая тесная связь между руководящими местным движением центрами; нужны революционная инициатива и организационное руководство, не сваливающиеся, как снег на голову, из далекого центра на местные группы, не рождающиеся внезапно в тиши более или менее замкнутых «центральных» кружков, но вырабатывающиеся на практике постоянного коллективного обсуждения и обмена мнений, в самом тесном соприкосновении с работой тысяч наших агитаторов, организаторов и пропагандистов. Нужно, чтобы не только один какой-нибудь центр, но и вся «округа», вся, по возможности, партия знали заранее о том, что готовиться в ближайшем будущем в таком-то пункте движения, какое массовое выступление стихийно нарастает, какие определенные действия планомерно подготовляются организацией; чтобы вся партия могла принять свои подготовительные меры, дабы иметь возможность «подхватить» начавшееся в одном углу движение; нужно, чтобы партийный центр обозревал ясную для него картину состояния движения, мог, в виду наступающих событий, **«с уверенностью»**, а не очертя голову, дать тот или иной пароль к определенным действиям по всей линии. Это именно и будет тем централизованным руководством, о котором у нас столько говорят, и для возможности которого так мало делают. В этом именно и нуждается прежде всего наша партия, если не хочет играть в революции роль бессильного придатка к мощному пролетарскому движению.

Перед этой задачей создания действительной центральной организации «твердый» с'езд оказался совершенно беспомощен. Снова отобрал он несколько членов партии и, назвав их «Центральным Комитетом», сказал им: придите и владейте нами. Как-будто никакого партийного опыта не накопилось у этих «46-ти голосов» за последние 2 года. Та же, созданная на Н.П.С. С'езде, скрипучая машина, даже не смазанная заново.

Впрочем, не совсем она осталась неизменной. «С'езд» постарался внять голосу жизни, он попытался несколько точнее определить права «всемогущего»... на бумаге центра по отношению к местным комитетам. Нельзя не признать, что соответствующие пункты устава продиктованы самыми лучшими намерениями. К сожалению, результаты получились более, чем скудные. Ц. К., говорится в уставе, не может по произволу вводить в комитеты новых членов. Очень хорошо. Но другой параграф определяет, что на постановления местного комитета о кооптации или об исключении может быть апелляция в Ц. К. Следовательно, Ц. К. решает в **окончательной инстанции** спорные вопросы о кооптации или исключении. Следовательно, «право ввода» Ц. К., против воли комитета, «своих людей», отнятое в одном параграфе, восстанавливается в другом, «реформа сведена на-нет, и, вместе с тем, сохранен в неприкосновенности давний источник столкновения между местными работниками и Ц. К.

«В старину» разбираемая система знала один талисман, для одухотворения созданного таким образом «парового цыпленка», то бишь Ц. К.,—подчинение литературному, «строго выдержанному», центру. Зависимость от последнего должна была предохранять Ц. К. от впадения в оппортунизм, «хвостизм», кустарничество и т. д. Времена этой веры прошли, как известно. И новый устав смело рвет с **ленинским** представлением о «двух центрах». Он создает единый—и притом русский—центр. Еще год назад сторонники такого именно построения— представители «Южн. Раб.»—об'являлись (в «Шаг вперед») оппортунистами. По нужде и закону перемена бывает. Ни для кого не тайна, что «единый русский центр» в лагере «твердых» означал конституционное ограничение абсолютизма той группы, которая наделала уже этим твердым столько хлопот своими «шагами», «документами» и прочей «галеркиной литературой».

И, однако, внимательное чтение устава показывает, что выработанная твердыми конституция и в этом пункте, как в пункте о правах комитетов (и еще больше—о правах «периферий»), принадлежит к типу «турецких». В самом деле. С'езд выбирает Ц. К., а Ц. К. издает литературный орган. Таково основное положение системы «единого русского центра». А затем: ответственным редактором органа является **один из членов Ц. К.,** на то уполномоченный коллегией. Перед кем же является ответственным этот член Ц. К., он же ответственный редактор? Перед Ц. К. Нет, **перед с'ездом непосредственно**: он по своему званию, имеет представительство на с'езде (Ц. К. посылает на с'езд двух представителей, из которых один должен быть ответственный редактор). Зная это, с'езд

поступил бы нелогично, если бы, выбирая состав коллегии Ц. К., не ввел в нее «профессионального литератора», который мог бы выполнить роль «ответственного редактора». Прежде у нас был Ц. К. и Ц. О., оба избранные на с'езде и координируемые в своей деятельности Советом, составленном из представителей обоих учреждений с преобладанием Ц. О.;—так «закреплялось» влияние литературного центра над практическим. Теперь у нас, с одной стороны, Ц. К., действующий в России, но не могущий принимать никаких важных решений без заграничного «ответственного редактора», не могущий против его согласия, кооптировать новых членов (§ 12 требует единогласия); с другой стороны, это ответственный редактор, единолично представляющий редакционную коллегию, представляющий фактически Ц. К. за границей и, независимо от последнего, отвечающий перед с'ездом. Прежде мы имели тенденцию подчинить русскую коллегию заграничной коллегии же; теперь, в эпоху твердого «либерализма», мы имеем заграничный «сверх-центр» в чистом виде,—в виде единоличном...

Такова постройка центра. Посмотрим на местную организацию. Основной ее единицей, попрежнему, оставлен комитет. С'езд «представителей партии» и впредь есть с'езд представителей комитетов. Решения местной организации, попрежнему, суть решения местных комитетов, хотя бы организация состояла из 400—500 рабочих, включая в себя 40—50 активных агитаторов и пропагандистов, а комитет состоял из четырех-пяти членов, в том числе из двух-трех, занятых бюрократическими или конспиративно-техническими функциями.

Организационный консерватизм здесь сказался с поразительной яркостью. За нашими плечами год коренной ломки старых организационных рамок, год быстрого роста всех местных организаций и еще более быстрого роста пролетарского движения, которое все менее удается охватить организационным щупальцам партии. Вчера еще обреченная на чисто кружковую и узко-конспиративную работу, местная оррганизация партии ныне должна играть роль руководителя пролетарских масс в многообразных проявлениях политической и социальной борьбы. Старый организационный аппарат был приспособлен почти исключительно к тому, чтобы собирать и сосредоточить в местном центре (комитете) возможно полные сведения о настроении масс и из этого центра вести **литературную** агитацию, поддерживающую в массах постоянное революционное брожение. Все частные организационные функции подчинялись этой главной цели. Пропаганда поставляла заместителей различных «должностей» в основном организационном механизме, задача которого была проводить нити, связывающие комитетский центр с массой или, вернее, с известным ее слоем. Комитет и, в лучшем случае, пара подкомитетских центральных групп составляли, в сущности, всю партийную организацию на месте, если под последней понимать местную часть партии, принимающую активное и сознательное участие в выработке партийного мнения и направления партийной работы. Пригодный для пропагандистского общества, этот тип организации с грехом пополам удовлетворял своему назначению, когда кружкам «профессиональных революционеров» приходилось действовать преимущественно в роли «аппарата распространения агитационных листков», ставившего себе задачей **пробудить** спавшие массы и в «праздничные» дни их пробуждения создавшего наскоро временные органы для руководства стачкой или демонстрацией. Но с переходом к широкой и уже наполовину открытой политической деятельности, с соответственным расширением содержания агитационной работы, когда в массах проявляется растущее с каждым днем стремление активно реагировать на все проявления политической жизни,—этот кружковой тип организации явно для всех стал анахронизмом. Как, в самом деле, оправдать такое положение, когда наиболее законспирированный, по необходимости, комитет исключительно определяет политическую тактику социал-демократии в то самое время, когда в роли действительных проводников в массу социал-демократического сознания являются уже не «безличные» комитетские прокламации, а реальные личности—«рядовые» члены агитаторских групп, выходящие, по поручению комитета, из подполья конспирации, выступающие на митингах, в «избирательной» агитации по поводу «какой-нибудь комиссии», непосредственно завоевывающие партии сочувствие и понимание масс, непосредственно работающие над политическим сплочением этих масс.

На закате дней самодержавия громадные пролетарские массы получают порой возможность активно и, до известной степени, свободно участвовать в определенных политических действиях и выбирать себе собственных политических представителей; перед нами выступают передовые пролетарии—социал-демократы, большей частью, «числящиеся» в «низших» сферах нашей местной организации. Путем «свободной конкуренции» с сторонниками других партий эти единицы приобретают себе прочное, признанное самими массами, влияние на последние, они становятся действительными представителями «рабочей интеллигенции»; в каждой крупной стачке, в «каждой» кампании митингов» происходит такой «отбор», составляющий самую суть процесса образования рабочей **партии** в перипетиях классовой борьбы пролетариата. И все эти элементы оказываются, в конце-концов, вне той **официальной** партийной организации, которая участвует в определении «воли партии», т.-е. в направлении всей борьбы в целом, в выработке ее задач, в определении ее методов. Какой-нибудь социал-демократический агитатор, избранный, несмотря на упорное противодействие гапоновских «экономистов», сторонников «рабочего либерализма» и других претендентов, в делегаты в комиссию Шидловского, [72]) завоевавший, благодаря своему умению бороться за партийные задачи на поле **открытой** политической борьбы, возможность отстаивать партийное дело перед многими тысячами, стоящими вне сферы действия подпольной работы,—такой агитатор в той самой партии, под знаменем которой он вел борьбу, не пользуется возможностью участвовать в определении направления ее политики и лишь в роли «исполнительного «органа» должен своей деятельностью доставлять полуобработанный материал, который позволил бы «комитету» решить, что и как должны в данный момент делать все эти агитаторы, организаторы и пропагандисты. Бывшие «ученики» или «слушатели» кружков самообразования, бывшие «распространители литературы» и «агитаторы», занимавшиеся агитацией в кружках из восьми-десяти человек лично знакомых рабочих, вынуждаются теперь выполнять функции «обер-и унтер-офицеров» политически действующей массы, вынуждаются, можно сказать, толкаются событиями, лично бороться за влияние идей нашей партии на массы с различными враждебными нам партиями,—и попрежнему остаются в партии какими-то «посторонними элементами». И ни для кого не тайна, что широкий слой передовых рабочих относится с недоверием к нашим местным руководящим организациям, считая их «интеллигентскими», оторванными от массы, видя в них группы «друзей рабочего класса», а отнюдь не его естественных представителей и руководителей.

Резолюция по организационному вопросу, принятая конференцией партийных работников, выясняет последствия, вытекающие из такого положения дел. С расширением движения, наши комитеты все менее и менее оказываются в состоянии справиться с ними, все менее и менее чувствуют себя кровно связанными с теми массами, которыми они должны руководить. Рядом с укреплением бюрократических и кружковых методов ведения местной работы, естественно развивается в сознании «комитетчиков» тенденция сузить самое содержание социал-демократической деятельности в сторону подмены революционной самодеятельности пролетариата авантюристской игрой в «делание революции». Утопические и фантастические представления о «захвате власти» и о «назначении восстания» идут рука об руку с оскудением действительно революционной работы социалистического просвещения масс и их политической организации.

Об этом зле достаточно говорилось в нашей печати, его достаточно сознают все серьезные работники. Очевидно, что партийная организация должна быть реформирована. Очевидно, что строить партию дальше по ленинскому «письму к товарищу», [73]), значит, губить ее. Очевидно, что то, что с грехом пополам годилось 2—3 года, теперь абсолютно никуда не годится. Требование «демократизировать» наши организационные отношения в последнее время не встречало серьезного отпора ни с чьей стороны. Можно было думать, что «примиренцы», [74]) отправившиеся на т. н. «третий с'езд», отстоят на нем эту неотложную реформу. Устав, выработанный этим с'ездом, обманул подобные надежды. Все оставлено по-старому. Местные комитеты попрежнему исчерпывают собой контингент партийных работников, имеющих голос в партийных делах. «Периферия» попрежнему безгласна. Впрочем, не совсем: по требованию 2/3 членов «периферии»,

потерявший ее доверие комитет должен быть смещен... если с этим согласятся 2/3 Центрального Комитета. А если не согласятся? Тогда даже **единогласное** требование всех организованных местных рабочих иметь других «руководителей» не может ничего сделать: старый комитет будет «руководить» попрежнему. Члены с'езда, при определении «прав периферии», очевидно, вдохновлялись проектом булыгинской «конституции». Как и в других случаях, они, попытавшись определить меру допустимого для них «демократизма», только обнаружили свои архаические «твердокаменные» организационные представления и для тех, кто до сего времени питал еще какие-либо иллюзии.

В самом деле. Старый устав ни о каких правах рабочих организаций не говорил. Но это умолчание принципиальными сторонниками «ленинизма» толковалось в наиболее благоприятном смысле. Не говорил ли сам творец этого устава, что основой отношений между революционерами—при отсутствии «демократизма»—является «товарищеское доверие». Не говорил ли он, в «письме к товарищу», что буде «не выбранный» комитет потерял доверие бесправной, по уставу, периферии, он так, или иначе, будет **свергнут.** Можно было, поэтому, думать, что наши твердокаменные товарищи **не считают** нормальным, чтобы в социал-демократической партии руководящий орган управлял организацией при отсутствии ее доверия к нему. Теперь же в новом уставе все сказано как нельзя более ясно: комитет представляет партию, независимо от согласия на это сотен организованных рабочих; только с согласия Ц. К., он может быть устранен, по желанию последних. Не очевидно ли, что партия для твердокаменных—это совокупность интеллигентских комитетов, рабочие же организации только «состоят при партии», как у Щедрина мужик состоял при генералах.

Булыгинские представления об отношениях между «руководителями и руководимыми» имеют, как известно, в основании Шиповскую «теорию» о «силе мнения и силе власти». Абсолютисты твердокаменности усвоили себе эту теорию. В смехотворной, невероятной на социал-демократическом с'езде, резолюции об «обязанности считаться с периферией», они вменяют комитетам в обязанность во всех важных делах партии опрашивать рабочих, давая им «совещательный голос». Забавная картина: комитет, верный решению с'езда, прежде всего привести в исполнение свой план, скажем, демонстрации, опрашивает 300—400 организованных рабочих, получает от них «совещательный голос», в смысле отрицания полезности демонстрации; затем, памятуя, что «демократизм»—вредная выдумка и что сознание в пролетарские головы вколачивается «извне», «об'являет» демонстрацию, а затем—во имя «партийной дисциплины»—требует, чтобы эти 300 рабочих явились исполнителями его «плана» (конечно, под угрозой «раскассирования» и исключения). Другая картина: совокупность комитетов решает, что «в интересах пролетариата» партии надо вступить в правительственный «блок» с буржуазной демократией, но что «мильеранизма» из этого не получится, ибо вступление Галерки и Ленина в демократическое правительство совершится по поручению пролетариата и под его контролем. Решение сие подвергается голосованию организованных рабочих-социал-демократов; они высказываются громадным большинством против. Ленин и Галерка с ясным челом вступают в правительство, гордо заявляя всем маловерам, что они приносят себя в жертву «по поручению пролетариата» и состоят под его «контролем». Шутники!

«Твердые» товарищи до сих пор не усвоили себе той истины, что руководящая **массами** социал-демократическая партия не может быть не чем иным, как **союзом социал-демократических рабочих организаций.** Совокупность комитетов не есть еще партия; в лучшем случае, это только совокупность ее исполнительных и руководящих органов. Совокупность профессиональных агитаторов, пропагандистов и организаторов не есть еще рабочая партия,—это только ее «становой хребет». Партия должна быть совокупностью всех передовых, сознательных элементов пролетариата, согласных вести координированную борьбу за интересы своего класса, согласных подчиняться дисциплине организованного целого. Фактическое, а не номинальное участие в такой партии предполагает участие в ее работе в целом, в выработке ее программы, ее политических решений, ее тактики. И если мы до сих пор переживаем процесс перехода от «организации профессиональных революционеров» к соц.-дем рабочей партии, если, по историческим условиям, этот переход не может совершиться «с сегодня назавтра», то обязанностью

всех, смотрящих вперед, социал-демократов является при постройке и перестройке партийной организации сознательно двигаться по направлению к этой цели.

На местах у нас должны быть прочные, широкие, и, по возможности, не бюрократически организованные рабочие организации. Каждый день приближения к политической свободе, каждый новый факт разложения царизма устраняют те затруднения, которые до сих пор мешали созданию и упрочению такой организации. Комитеты и другие руководящие органы должны все более приближаться к положению «уполномоченных» этих организаций, по их поручению и под их контролем выполняющих сложные задачи руководства работой местной коллективности. Это не значит, ни введения «референдума». как постоянного учреждения, ни стеснения инициативы руководящих органов, ни обязательного немедленного введения «выборного начала» во всех инстанциях местной организации, ни обязательства нарушать элементарные условия необходимой конспирации ради торжества «гласности» и «демократизма». Нет. Организованные рабочие охотно помирятся со всеми теми частными отступлениями от демократизма в организации, которые вынуждаются внешними условиями, и они, поверьте, достаточно дорожат интересами регулярной работы, чтобы не требовать референдума по поводу каждого выпускаемого комитетом листка, каждого, предпринимаемого им, шага. Необходимо только одно: чтобы строй наших организационных отношений обусловливал собой активное и ответственное участие в общей политике партии всех ее членов, ибо при этом только условии партийная организация втянет в себя действительный авангард пролетариата, только при этом условии рост рабочего движения будет находить свое выражение в расширении и укреплении партии. И только при этом условии «рядовые» рабочие, участвующие в наших организационных группах, найдут в себе охоту и умение разбираться в наших «интеллигентских» спорах о программе и тактике и будут считать себя не менее «руководителей» ответственными за тот или иной ход партийных дел. А вне этого сторонникам партийного единства и «порядка» не видать прекращения тех смут и кризисов, от которых некоторые из них готовы обороняться заржавелыми орудиями ленинского арсенала.

Устав «твердого» с'езда ни на волос не подвигает партию к решению этой задачи. Это значит только, что, попрежнему, рабочим, не представленным на с'езде, придется решать ее помимо и против комитетов, которые пожелают принять данный устав.

Разумеется, реформа нашей подпольной организации сама по себе не исчерпывает всех наших организационных задач. Как не меняется окружающая нас обстановка, мы все еще обречены строить организацию в подполье. Это одно суживает размах нашей организационной работы в тот период, когда прежде всего необходимо организовывать **массы**, чтобы дать им в руки оружие для успешного выполнения исторической миссии, возложенной на плечи российского пролетариата. Подпольная организация, в лучшем случае, может охватить десятки тысяч. Для того, чтобы пролетариат мог вступить в политическое состязание с быстро организующимися другими классами, он должен быть организован не менее широко, чем они. И громадная масса пролетариев, не могущих или не склонных войти в наши подпольные организации, проявляет лихорадочную жажду самоорганизации. В каком отношении должна стоять наша работа к этому вопросу? Должны ли мы просто «пользоваться» массовыми рабочими организациями, как об'ектом агитационной работы наших комитетов. Или мы можем—а, стало быть, и должны—взять на себя руководящую роль в этой работе по организации всех активных элементов пролетариата, чтобы уже теперь связать себя организационными нитями с этими об'единениями пролетариев, которые одни только представят в свободной России надлежащий организационный аппарат для руководства классовой борьбы пролетариата,—действительную рабочую партию. Или, замкнувшись в своих «комитетских» организациях, мы предоставим непартийным элементам «рабочелюбивой» интеллигенции выполнить эту «черную» работу организации масс—чтобы впоследствии оказаться в положении американских «де-леонитов» [75]), при всем своем социалистическом правоверии, сумевших стать совершенно чуждыми «стихийно» развивающейся к социализму пролетарской интеллигенции.

Решения «твердого» с'езда показывают, что этого вопроса для части наших комитетчиков даже и не существует. Правда, их резолюция об «открытом выступлении Р. С. Д. Р. П.» показывают, что мысль о предстоящей коренной ломке условий нашей работы мелькает в их сознании, но, с'ехавшись на свой с'езд, они не нашли момента достаточно «назревшим», чтобы указать членам партии на обязанность социал-демократии стать деятельным центром, направляющим этот стихийно развивающийся процесс образования политических и профессиональных рабочих союзов, возникающих вне плоскости партийного подполья. И жизнь жестоко насмеялась над ними. В то время как с узколобием старообрядческих начетчиков они извлекали из архивной пыли, из-под толстого полемического мусора, пресловутый ленинский § 1, чтобы торжественно поведать миру, что они твердо решились окончательно отгородиться от рабочего класса, который уже сам показал свое намерение отгородиться от них,—в это самое время в разных концах России рабочие социал-демократы и начали успешно работать над закладыванием основ будущей «легальной» пролетарской организации, создавая «явочным порядком» профессиональные союзы в Петербурге, участвуя в попытках харьковского «общества занимающихся ремесленным трудом» об'единить все «легальные» рабочие общества.

Вопрос об организации **масс** не привлек к себе внимание членов с'езда. Это и понятно: представители отживших традиций болезненного периода в развитии партии, они совершенно поглощены «техническим» приготовлением восстания. Они готовятся к революции, как «штаб спевшихся революционеров», сегодня предлагающий себя массам в роли руководителей повседневной борьбой, завтра—в роли участников временного правительства, послезавтра—в роли депутатов в парламенте. О том, что «организовать революцию» для социал-демократа значит «организовать массы», они до сих пор не догадывались.

Но непонимание значения организации масс стоит в тесной связи с **тактическими** воззрениями, восторжествовавшими на твердом с'езде. Оценке этих подозрений мы посвятим следующую статью.

К СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ.

(«Искра» № 101, 1 июня 1905 г.).

Этот уродец представлен почтеннейшей публике в напечатанном в № 10495 «Нового Времени» сообщении о «Государственной думе». Дальнейшие газетные сведения передают, что этот булыгинский проект принят с самым незначительными изменениями и советом министров. Таким образом можно считать, что мы имеем уже перед собою в законченном виде тот «лист бумаги», которым Николай II думает— в крайнем случае рассчитаться с «любезными верноподданными» за века самодержавного хищничества, за сотни тысяч жертв войны внешней и внутренней.

В этом проекте все характерно, начиная с названия будущего «представительного учреждения». Даже в архаическом «соборе» царское правительство почуяло слишком «вольный» душок! Начав с «Земского собора», перейдя к «Земскому совету», правительство, как говорит «Новое Время», сделало «за истекший месяц» «изменения, касающиеся наименования нашей будущей нижней палаты». В самом названии был сугубо подчеркнут **совещательный** характер учреждения (**дума!**), вытравлено всякое упоминание об опальной «земщине» и нарочито выдвинуто подчинение «конституционной» палаты государственной опричине!

О самой «конституции» не стоит, пожалуй, и говорить. $1^1/_2$—2 месяца в году заседающая «дума» с верхней палатой в виде... государственного совета, сохраняющего нынешнее свое устройство,—что это, как не насмешка над тем «народным представительством», которого требуют самые широкие слои населения? Но чего нельзя особо не отметить, это той системы избирательного права, которая будет положена в основу этого жалкого «представительства»! Выборы предполагается производить на основе избирательной системы земского положения 1864 г. [76]). В трех избирательных коллегиях (с'ездах), устанавливаемых этим положением—уездных

землевладельцев, городских и сельских обществ—будут так или иначе представлены все классы населения—от владеющих кое-какой собственностью городских мещан и крестьян до купцов, землевладельцев и зажиточных, солидных членов «либеральных профессий». Только рабочим да еще пролетаризованному интеллигенту-разночинцу нет места ни в одном из «с'ездов». Чечевичной похлебкой карикатурного представительства царское правительство думает приманить либерализм и демократию к измене двигателю российской революции—пролетариату, а вместе с тем и самой революции.

Нет ни малейшего сомнения в том, что значительная часть «прогрессивных» элементов готова была бы к такой измене, если бы историческая обстановка не толкала ее повелительно на совсем иной путь. Так как царское правительство и имущим классам может дать только **карикатурное** представительство, и так как даже и эта карикатура не может появиться на свет иначе, как в рамке военной диктатуры, неслыханного даже для России разгула административного произвола, открытой организации правительственных «черных сотен», безграничного владычества казацкой нагайки и положения об усиленной охране, то и тот, кто внутренне уже созрел для измены, не может изменить, ибо не самопроизвольно возникающие идеалистические порывы, а жизненные интересы начинающей заживо разлагаться капиталистической нации толкают имущие классы к борьбе за европейские «гарантии», за неприкосновенность личности, имущества, жизни, за прочный «правопорядок». И так как самодержавие не может дать и тени таких гарантий, то волей-неволей приходится либерализму и демократии подвигаться все более и более влево, все ближе и ближе к той огненной полосе, где ярким пламенем вспыхивают проблески народной революции. На гигантской наковальне военных поражений вдребезги разобьет революционный молот ржавые оковы царизма.

Отсюда, конечно, не следует, что те, кому будет даровано «право» избирать представителей в государственную думу, не захотят воспользоваться этим правом. Отнюдь нет. Адрес московского земского с'езда, составленный, в общем, в выражениях, более или менее похожих на те, которыми должны говорить люди, хоть наполовину сознающие себя гражданами, а не только «подданными»,—адрес этот весьма характерно умалчивает не только об избирательном праве, но и о правах того представительного учреждения, немедленного созыва которого требуют земцы. Та фигура умолчания, которая была употреблена в ноябрьских земских резолюциях, [77]) и противоречивый смысл которой пришлось очень скоро раскрывать различным группам земцев, теперь снова повторяется в целях все того же «единогласия». Как-будто прошлый опыт все еще не научил земскую демократию, что настоятельные запросы революции и критика социал-демократии заставляют очень быстро сбрасывать все туманные оболочки, закрывающие действительную сущность требований различных групп! Когда накануне, в шиповском «частном» совещании, часть тех самых людей, которые участвовали в земском «единогласии», устами г. Хомякова [78]) открыто выступает против всеобщего избирательного права, ссылаясь на то, что это «проповедь теории борьбы», выступает против демократической «платформы», заявляя, что это—«посев» того «раздора, который мы везде видим за границей», то может ли оставаться хоть малейшее сомнение насчет смысла того «единогласия», на котором сошлись земцы? Это единогласие означает не что иное, как **готовность** изменить народу; и ту же готовность выражает чудовищное обещание адреса превратить русско-японскую войну в «войну национальную». Страстное стремление об'единить всю оппозицию имущих классов то-и-дело заставляет буржуазную демократию делать зигзаги. Но, хотя не как свободный человек, а как раб, прикованный к колеснице триумфатора, она вынуждена будет итти за победоносной революцией.

Теперь, в случае осуществления созыва государственной думы, начинается новый фазис русской революции, и социал-демократия должна быть готова встретить его во всеоружии, должна быть готова использовать всякую комбинацию обстоятельств в интересах все того же требования своего—созыва Всенародного учредительного собрания, свободно избранного всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Всякое иное представительное учреждение, хотя бы оно было и иного

калибра, чем булыгинская дума, в глазах социал-демократии может быть лишь этапом на пути к Всенародному учредительному собранию. Необходимо теперь же, в связи с предстоящими выборами в Думу, развить самую широкую агитацию и заложить основы широкой рабочей партии. Нужно об'яснить рабочим массам тот новый акт насилия над ними, который совершает царское правительство, лишая их избирательного права, и нужно организовать их для борьбы за учредительное собрание. Нужно об'яснить им, какую крупную революционную роль могли бы сыграть депутаты рабочих в выборном учреждении, каковы бы ни были намерения творцов этого учреждения. Полулегальные, самовольно образующиеся **рабочие агитационные комитеты** должны быть образованы немедленно. В тесной связи с нашей нелегальной организацией они должны пустить в ход все наличные в рабочем классе силы для агитации за созыв Всенародного учредительного собрания и для всестороннего использования всей избирательной кампании, какие бы классы и группы в ней не участвовали. Они должны пред'являть требование В. У. С. в категорической форме всем общественным группам, имеющим право на участие в выборах, они должны требовать от этих групп императивного мандата для их представителей—заявить в думе требование созыва учредительного собрания и всех гарантий, необходимых для свободы выборов, и отказаться от всякого участия в необходимых для правительства, имеющих целью поддержание хода государственной машины, работах фальсифицированного «народного» представительства. Эти агитационные комитеты должны стать центром тяготения широких рабочих масс и связать их с подпольной партией. **Ненародным** выбором по земскому положению 1864 г. они должны противопоставить идею **народных** выборов—всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Они должны звать все слои населения—городского и сельского—немедленно приступить к осуществлению этой идеи и одновременно с тем, как будут выбираться «законные» депутаты, выбирать своих собственных, действительных представителей. Уездные и губернские собрания таких представителей революционного народа, с возможностью посылки ими своих депутатов на общероссийское собрание, могут создать мощную организацию для всего революционного движения, направленного на завоевание Всенародного учредительного собрания. Они создадут как бы целую сеть представительных органов революционного самоуправления с революционным всероссийским представительным собранием во главе. Роль, которую может сыграть такое революционное самоуправление народа, если бы его удалось осуществить в сколько-нибудь значительных размерах, необозрима. Оно сможет диктовать свое требование учредительного собрания всем прочим прогрессивным группам, ибо поставит их перед совершенно ясной дилеммой: или с безнадежно гибнущим самодержавием, или с безусловно побеждающей революцией.

Но, разумеется, и в этих **представительных** органах революционного самоуправления, в этой действительной организации всенародного восстания, движущим нервом, ферментом революционного брожения останется сознательный пролетариат. Мерой его **классовой** сознательности и **классовой** организованности, мерой влияния и роста социал-демократии, самостоятельной рабочей партии, будет определяться мера революционности «народных» представительных органов. А потому для успеха борьбы мы теперь же должны начать готовить рабочие **массы** к активному и самостоятельному выступлению в связи с созывом государственной думы. От состава думы, от способа действия ее членов будет зависеть, насколько это выступление, направленное прежде всего против царизма, будет направлено и против самой думы. Оно поддержит революционные шаги членов думы, и оно же сметет их вместе с самодержавием, если они вздумают вести двойную игру и итти на уступки царизму.

НЕ НАЧАЛО ЛИ ПОВОРОТА? [79]).

(«Искра» № 105, 15 июля 1905 г.).

Неоднократно указывали мы в «Искре» наличность в либеральном русском движении двух существенно-различных социальных элементов: помещичьей оппозиции и разночинского демократизма. Мы указывали на то, что разрыв установившейся между ними связи является первой предпосылкой для того, чтобы об'ективно-революционный

в современной России разночинский демократизм мог стать «становым хребтом» широкого **народного** (внепролетарского) движения. Поэтому, мы призывали «третий элемент» [80]) к самостоятельному от «земцев» действию, бок о бок с революционным пролетариатом. Поэтому, мы ставили движению самого пролетариата задачу оторвать от земско-либерального «блока» его левое крыло, так усиленно приковывавшееся к колеснице земских тузов стараниями «освобожденцев». Историческую задачу разночинной демократии мы видели в революционизировании и мобилизаций отсталых и стоящих вне сферы действия сознательного пролетариата народных масс.

Действительное развитие пошло несколько в иных формах. Организации разночинцев успели (благодаря, конечно, своей нереволюционной тактике) сделать слишком мало для политической мобилизации народа. В то же время обострение борьбы пролетариата с царизмом создало политическое положение, в котором умеренный, вышедший из земских кругов, конституционализм должен был или задохнуться, или взять **на себя** инициативу движения влево, не дожидаясь, пока его властно потянет туда его разночинный союзник. Попытку добровольно покончить с собою (с самыми благородными жестами) земские вожди сделали 6 июня в Петергофском дворце. [81]) Они лежали уже, казалось, полубездыханными политическими трупами у ног своего повелителя, но этому несчастному понадобилось удовлетворить свою самодержавную похоть, пнув их лишний раз сапогом. Последовал прием «истинно русских» людей. Этого не могли снести даже Трубецкой [82]) с братией. С берегов Черного моря донеслись залпы «Потемкина» [83]),— и конституционалисты услыхали от иностранных доброжелателей, что теперь им можно «мечтать» даже о насильственном перевороте при помощи недовольного офицерства. И вот, через месяц после петергофского самоунижения, конституционализм пытается снова возродиться в том единственном виде, в каком он отныне может жить, взяв на себя ту инициативу, которую не сумела взять демократическая интеллигенция. Опираясь на аппарат земской организации, собирать вокруг своего знамени народ,—такова задача отныне. Разрывая в принципе с «всесословным земским представительством», земский конституционализм становится конституционализмом демократическим. **Апелляция к народу**— эти слова впервые раздались в земском лагере.

С чем же земцы обратятся к народу?

Они намерены организовать повсеместные митинги против булыгинского проекта; [84]) будут пропагандировать неповиновение тем действиям администрации, которые нарушают основные права гражданина (хотя бы эти действия и соответствовали букве закона).

Это очень недурно. Но, берясь пропагандировать стачку граждан, необходимо поставить и вопрос о **средствах** для ведения гражданами этой стачки.

Земский с'езд посоветовал применять «все средства», но уступать насилию. Это очень благоразумно, конечно, но едва ли поднимет сколько-нибудь охоту граждан вступать в прямую борьбу с органами самодержавия и едва ли сколько-нибудь умерит рвение администрации в попытках применения произвольных мер. Сопротивление, поставившее самому себе принципиальную границу в насилии противника, сводится на-нет простой готовностью противника применять насилие без всякой «крайней необходимости». Что правительство Трепова [85]) обладает такой готовностью,—в этом едва ли сомневаются земцы. А если так, то их призыв к сопротивлению не является призывом к борьбе наступательной,—к борьбе, которая могла бы иметь шансы **завоевать** России свободу. «Пассивное сопротивление, как это показал опыт Финляндии, может в лучшем случае, помешать введению каких-либо новых острых репрессий, но заставить изменить царящий веками порядок—оно не в силах, ибо для того, чтобы расстроить в конец государственную машину, оно должно действовать очень долгое время, в течение которого внесет страшный хаос в жизнь самой нации. Собственно говоря, это самый **дорогой** для народа метод совершения революции.

Рано или поздно пассивное сопротивление наталкивается на предел, за которым наступает необходимость сопротивления «активного»,—необходимость наступления. И если земцы всерьез вступят на путь противодействия самодержавию, они придут к этому пределу.

Земцы постановили итти в народ с агитацией. Они явятся на митинги и будут звать народ не исполнять тех или иных требований власти. Что же ответят они на вопрос народа: **нужно ли вооружаться** для отпора полиции и хулиганам? продолжать ли устраивать отряды самообороны? отказывать ли в квартирах казачьим командам, прибывшим для экзекуции?

Вероятно, земцы ответят на этот вопрос отрицательно. На своих заседаниях они совершенно обошли молчанием вопрос об организации сопротивления, совершенно игнорировали поднятый в стольких думах вопрос об организации городской милиции. Более того: они даже не обязали земства и думы перестать выдавать деньги на содержание полиции и казаков. И в разгар дебатов с'езда газеты облетело позорное известие, что Нижегородская дума вновь ассигновала 10.000 руб. на расквартирование казаков.

Мы не принадлежим к числу тех, которые думают, что для содействия освобождения России имущие классы не могут ничего сделать, кроме как «содействовать социал-демократии в деле народного вооружения». Напротив, мы думаем, что буржуазия еще может, а следовательно, и должна многое сделать в деле расшатки самодержавия вовлечением в борьбу с ним более отсталых слоев народных масс (особенно сельских), не поддавшихся еще революционному воздействию «крайних» партий. В этом смысле, один факт перехода официальных организаций имущих классов к борьбе **нелегальной**, хотя бы в форме пассивного сопротивления и крупных политических демонстраций, будет иметь крупное агитационное значение. И нас нисколько не может смущать то соображение, что, ведя в народе такую агитацию, конституционалисты-земцы будут вербовать себе недостающие им теперь **народные массы**, становясь таким образом непосредственными нашими политическими «конкурентами». Политической конкуренции либералов нам всего менее приходиться бояться.

Но чем более действительно будет положительное значение обращения земцев к народу с агитацией, тем более оно потребует от них выполнения второй задачи, лежащей на имущих классах,—задачи вооружения народа; тем чаще они сами явятся непосредственно ответственными за те лишние жертвы, которые народ несет в борьбе с самодержавием, благодаря отсутствию у него средств к отпору. И об этой ответственности народ обязан напомнить земцам, когда они явятся перед ним в роли кандидатов на «политическое руководство». Если земцы не захотят—из боязни революции—**помогать** народу вооружаться, все их хождение «в народ» окончится жалким фиаско.

Социал-демократический пролетариат озаботится о том, чтобы возможно скорее конституционалисты увидели себя перед этой дилеммой—или уйти от народа обратно в «мир банкетов и с'ездов», или сделать еще один шаг вперед.

Другая задача сознательного пролетариата—выступить перед народом с разоблачением недостаточности и реакционности того представительства, которое будут пропагандировать земцы, согласно решению июльского с'езда. Двухпалатная конституция с монархом, имеющем право veto и распоряжающемся армией и флотом—таково это представительство. Пролетариат должен со всей энергией раз'яснять широким массам населения отсталость такого представительства и его полную недостаточность для осуществления тех социальных реформ, которые необходимы пролетариату и крестьянству.

Земцы постановили—и это очень важное постановление—приглашать на свои будущие конгрессы представителей крестьян. Предложение приглашать представителей **рабочих организаций** они передали в бюро, следовательно, **не решились его принять** (а может быть, не решились и отвергнуть его). В этом рабочие справедливо усмотрят аттестат своей политической зрелости, невольное признание, что в приготовительном классе политической школы, каким пока являются «земские парламенты», их передовым элементам делать нечего.

Вместе с тем, земцы создали официальную центральную организацию с широкими полномочиями центра, установив обязательный налог со всех входящих в организацию земств. Если они сумеют связаться с теми или другими народными слоями, земцы будут обладать крупной политической организацией, способной сыграть заметную роль в борьбе с царизмом. Как ни мал тот шаг, который они ныне сделали, он—если, конечно,

они не поспешат взять его назад—должен будет втянуть их в острую борьбу с самодержавием. И вокруг земского с‘езда уже носятся (преимущественно в иностранной печати) толки о «временном правительстве», о полной «изоляции» самодержавия, которую они проведут системой бойкота, стачки и пассивного сопротивления. Если **в данный момент**, когда земцы еще не нащупали почвы в народе, такие проекты могут представляться преждевременными, то несомненно, что бурное развитие революционных событий может их завтра же сделать совершенно реальными.

Пролетариат может только пожелать, чтобы представители имущих классов вступили решительно на этот путь. Он может только пожелать, чтобы они, в свою очередь, сделали кое-что для вовлечения нации в острый конфликт с силами реакции,—конфликт, который, разумеется, не удастся разрешить одним «косвенным сопротивлением», одной «изоляцией» Николая Романова. И пролетариат весь, как один человек, поддержит революционную инициативу конституционалистов, если они в один прекрасный день попытаются организовать временное правительство, которое взялось бы выполнить требования народа, отвергаемые монархией. Конечно, поддержит, поставив свои условия, и во главе этих условий будут стоять: **разоружение реакции, вооружение народа, созыв Всенародного учредительного собрания.** Попытка «пожаловать» народу июльскую двухпалатную конституцию с одним монархом будет, разумеется, встречена пролетариатом такой же борьбой, как и попытка Булыгина.

Стать в глазах сознательной части народа **не только** людьми **партии**, но и временным органом государственного переустройства земцы смогут тогда лишь, когда во главу угла своей агитации поставят созыв Всенародного учредительного собрания.

Пролетариат, сказали мы, поддержит революционную инициативу. Но он ее поддержит только для того, чтобы **открыть эру революции**, чтобы не дать остановить революционный процесс, чтобы не дать водвориться столь желательному для редактора «Освобождения» «сильному правительству». С этого момента пути революционного пролетариата и либеральной буржуазии разойдутся бесповоротно.

ОБОРОНА, ИЛИ НАСТУПЛЕНИЕ?

(«Искра» № 106, 18 июня 1905 г.).

Все ближе и ближе придвигается день, в который Николай Романов собирается «осчастливить» Россию, кроме военной диктатуры, черных сотен и казацких драгонад, еще и «представительным» учреждением в византийско-домостроевском стиле. За последнее время, правда, внушительная логика событий заставила, повидимому, и в скорбной главе самодержца зашевелиться мысли о необходимости несколько «европеизировать» построенное его слугами неуклюжее здание «представительства». В иностранной печати уже появились известия о различных узорах и пристройках, которыми самодержавная бюрократия думает прикрыть более чем «самобытный» фасад булыгинской государственной думы. [86]) Но все эти карнизики, балкончики и галлерейки столь мало меняют существо дела, что —если «благим намерениям монарха» суждено осуществиться в более или менее близком будущем—мы должны, несомненно, считаться с возможностью «представительства» того именно специфического типа, какой был пред‘явлен в булыгинском проекте.

Вместе с тем встает все настоятельнее вопрос: что делать, как реагировать на этот новый акт самодержавной политической мудрости? Вопрос этот оживленно обсуждается не только в рядах социал-демократии. Им занимался земский с‘езд, [87]) на него еще раньше дал ответ «союз союзов». [88]) Бойкотировать ли или не бойкотировать булыгинскую думу? Стараться ли привлечь народные массы к реагированию на созыв думы, **и если** да, то в какой форме и с какими целями? Те или иные ответы на эти вопросы и определяют собою основные контуры тактики по отношению к данному политическому моменту.

В № 103 «Искры» (ст. «К современному положению») мы пытались наметить эти контуры, как они представляются нам с точки зрения партии пролетариата. Но вопрос настолько важен, что не мешает еще раз подробнее остановиться на нем.

Мы знаем, что земский с'езд оставил открытым вопрос относительно бойкота булыгинской думы. «Союз союзов» же высказался за такой бойкот. Необходимо подвергнуть позицию, взятую либерализмом и демократией, критической оценке с точки зрения нашей собственной тактики, и извлечь из этой позиции возможно больше элементов для раздувания революционного пожара и для классового самоопределения пролетариата.

Основной принцип нашей тактики в переживаемое революционное время—это стремление не останавливать развития революции, а наоборот развязать ее, употребить все усилия, чтобы придать революционному процессу возможно большую экстенсивность и интенсивность, помочь ему до самого дна всколыхнуть застоявшееся всероссийское болото. С этой точки зрения всякое завоевание, сделанное народом в революционной борьбе, для нас ценно, прежде всего, как опорный пункт для дальнейших революционных шагов. Отсюда вытекают два вывода. Во-первых, так как непрерывное поступательное движение революции совершенно невозможно без одновременного прогрессивного роста концентрации и организации широких народных масс, то наша тактика должна всегда быть направлена к тому, чтобы вносить такое концентрирующее и организующее начало в нашу деятельность. Создавать своего рода агитационные трибуны все большего и большего масштаба и использовать все возможности, представляющиеся для такого создания, с одной стороны, и организовывать массы на почве агитации, раздающейся с этих трибун, с другой,—наша непосредственная задача. это—первый вывод из основного принципа нашей революционной тактики. Второй же вывод заключается в том, что всякое вызываемое нами массовое движение имеет для нас значение не в качестве изолированного, самодовлеющего явления, а лишь как одно из звеньев той цепи массовых движений, которая все укрепляет и расширяет революционную организацию масс, организует всенародное восстание.

Удовлетворяет ли этим условиям тактика безусловного бойкота проектированной «думы», принятая «Союзом союзов»? Нет сомнения, что, несмотря на всю свою карикатурность, и отчасти даже именно вследствие этой карикатурности и грубейшего нарушения всех политических прав народа, булыгинская дума дала бы в руки революции огромный агитационный материал. Она дала бы во всяком случае тот **всероссийский** пункт концентрации политического внимания народных масс, который крайне полезен для об'единения и усиления политической агитации. Агитация, широко развернутая вокруг вопросов о самом составе Думы, о порядке ее функционирования, вокруг вопросов, поднимаемых в самой Думе, и решений, даваемых ею, несомненно дала бы богатейший материал для политического воспитания масс и революционной организации их. Отвергать эту трибуну, при всех ее недостатках, целесообразно с нашей точки зрения лишь в том случае, если мы одновременно создаем взамен ее **лучшую** трибуну, лучшие пункты концентрации политического внимания и революционной организации.

Решились ли «Союзы», постановляя бойкот булыгинской Думы, создать одновременно другие, более выгодные в агитационном и организующем отношении, пункты политического тяготения? Нет, они ограничились одним бойкотом pur et simple.

Правда, бойкот дополняется в их представлении демонстративной политической забастовкой. Но, не говоря уже о том, что проведение всеобщей забастовки рассчитано лишь на элементы народной массы, уже так или иначе втянутые в круговорот политического движения, и оставляет совершенно в стороне многомилионную массу крестьянства, по самому положению своему лишенного возможности «бастовать», не говоря об этом, и самая забастовка рабочих и лиц интеллигентных профессий мыслится именно как «демонстрация», как изолированный, самодовлеющий акт выражения недовольства, долженствующий оказать «моральное» влияние. Предполагается не взрыв стихийного движения, по отношению к которому задача сводится к тому, чтобы раздуть пламя до крайних возможных пределов, до уличного восстания, до революции. Нет, имеется в виду мирная манифестация которая в 3—4 дня должна завершить свой цикл и которая направлена не к революционному захвату народом тех прав, которых его лишили, а лишь к выражению протеста против такого лишения, при чем, конечно, предполагается, что давление этого протеста побудит «власть имущих» к «уступкам», которые **предотвратят** революцию. Не наметив никакой определенной боевой задачи тому движению

масс, которое они проектируют в виде всеобщей забастовки, «Союзы» вырвали из него революционное жало.

Вот почему, несмотря на свою революционную и радикальную внешность, тактика, принятая «Союзом союзов», на самом деле отличается крайнею пассивностью. И себе самим и массе «Союзы» отводят чисто пассивную роль. Это нечто в роде политического «непротивления злу». Во зле не участвуют, против него протестуют, но с ним и не борются активно, **силе** зла не противопоставляют **силу** добра*).

И как всякая пассивная тактика, и намеченная «Союзом союзов», несомненно, вредит интересам народных масс.

При неудаче или неполной удаче—она ведет лишь к самоустранению сознательных элементов. Она дает возможность организоваться—в данном случае, на почве государственной думы—темным и реакционным силам и оставляет в хаотическом состоянии элементы прогрессивные, понижая таким образом их относительную силу или, в лучшем случае, оставляя в том же положении, не двигая вперед.

При удаче—она ведет к ряду уступок со стороны правительства,—уступок, которые, в свою очередь, ведут к умиротворению и откалыванию одного за другим верхних слоев оппозиционных элементов. и изолирует в бесправии «низшие классы», остающиеся, при последовательном проведении такой тактики, политически неорганизованными. И нужно иметь слишком много наивной веры в имманентную гражданскую доблесть либерализма и демократии, чтобы не предвидеть заранее того момента, когда именно против этих низших классов, весом своего стихийного движения вынудивших правительство к уступкам, встанут все умиротворенные слои оппозиции.

Вот почему мы никак не можем согласиться с товарищем, приславшим нам на-днях письмо, [90]) посвященное вопросу о нашей тактике по отношению к созыву государственной думы. Этот товарищ исходит из того предположения, что созыв думы никоим образом не может послужить «толчком к всероссийскому вооруженному восстанию пролетариата». Он полагает, что «так как пролетариату и не придется участвовать в выборах», то «тут не может быть места избирательной агитации». Остается, стало быть, за «невозможностью» восстания, «другая реакция со стороны пролетарита, физически, может быть, менее яркая, но более внушительная в качестве **демонстрации** (курс. наш) его сознательной политической зрелости». «**Единственной** (курс. наш) формой активного выступления пролетарита может быть в данном случае всеобщая политическая забастовка во имя всеобщего избирательного права и учредительного собрания. Эта забастовка могла бы быть **кратковременной, хотя бы в несколько дней, пробной мобилизацией** политических сил социал-демократии, практической целью которой должно быть политическое давление на те классы общества, которые будут призваны к выборам... Угроза вторичной, уже не «пробной», всеобщей забастовкой. со всеми ее осложнениями, легко предвидимыми в таком случае, явилась бы гарантией достаточного сильного влияния этой первой политической забастовки на все общество, а в том числе и на избирателей».— Так говорит автор письма.

Сравним предлагаемую им тактику с тактикой «Союза союзов». Отличие состоит в том, что автор письма исходит из предположения, что дума не бойкотируется избирателями. Но так как пролетариат к числу «избирателей» не принадлежит, то вопроса о бойкоте и небойкоте **ему** решать не приходится:, этот вопрос стоит вне **его** тактики. И поскольку рабочий класс будет в данном вопросе вести свою самостоятельную и активную политику, то или иное решение вопроса о бойкоте может несколько видоизменить форму, время, место и обстоятельства выступления пролетариата, но не может повлиять на существо пролетарской тактики. И вот что касается тактики самого пролетариата, то автор письма рекомендует ему ту же

*) Статья эта была набрана, когда в английских газетах появилось известие что «Союз союзов», совместно с земской левой, решил выступить на путь более активной тактики в направлении, намечаемом нами здесь и указанном уже раньше в № 103 «Искры». Остается выждать более подробных сведений, чтобы оценить, насколько последовательно пошла «конституционно-демократическая партия» [89]) по новому пути.

самую пассивную, оборонительную позицию, как и «Союз союзов». Элементов наступления, революционного захвата в предлагаемой «пробной» забастовке нет. Правда, они намечены в виде угроз уже не «пробной» а «настоящей» забастовкой «со всеми ее осложнениями», как глухо выражается автор. Но ведь это только «угроза», а для данного момента проектируется все же не более, как та же самая »мирная демонстрация», рассчитанная притом на силы не всего народа, а лишь одного рабочего класса, какую рекомендует и «Союз союзов». Поэтому нам кажется слишком оптимистической высказываемая автором письма надежда, что «намеченной всеобщей забастовкой пролетариат действительно стал бы во главе всего общественного освободительного движения. Она явилась бы и лучшим средством его организации для дальнейшей борьбы».

Нет, для того, чтобы «стать во главе всего освободительного движения», пролетариат должен не «демонстрировать» только перед всем населением, а своей тактикой действительно вовлекать его в борьбу. А чтобы использовать свое выступление для организации в целях дальнейшей борьбы, в это выступление должен быть вложен элемент революционной организации масс.

С этой точки зрения мы можем только еще раз настоятельно рекомендовать вниманию товарищей тот план революционного выступления, который уже намечен нами в № 103. Хотя «пролетариату-то и не придется участвовать в выборах», это отнюдь не мешает нам захватить себе право «избирательной агитации» путем учреждения **рабочих агитационных комитетов** для агитации во имя всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права и учредительного собрания. Более того. К образованию таких комитетов мы должны толкать и всех других «лишенных прав». Комитеты эти не должны ограничиться одним пропагандированием идеи всеобщего избирательного права и учредительного собрания. Они должны призывать и к **осуществлению** этой идеи в том или ином виде. Они должны поставить себе целью организовать выбор народом своих уполномоченных революционных депутатов вне тех «законных» рамок, которые будут установлены министерскими проектами. Они должны звать крестьян посылать своих свободно выбранных депутатов в города для совместного с городским населением обсуждения вопроса, что делать. Поскольку, такая тактика удастся—и мы, конечно, должны быть готовы к тому, что она удастся не вполне и не повсюду,—постольку нам удастся покрыть страну сетью органов революционного самоуправления. Всероссийское об'единение такого самоуправления создаст и ту политическую всероссийскую трибуну, которая нам так нужна. Если путем создания **такой** трибуны удастся «сорвать» булыгинскую думу, то это, конечно, нечто совсем другое, чем «срывание» ее простым бойкотом без создания чего-либо лучшего взамен. Во всяком же случае работа в этом направлении сделает все, что в наших силах, для революционизирования и революционной организации народных масс.

Но при такой постановке задачи, вопрос о бойкоте или небойкоте думы привилегированными избирателями теряет для нас свою остроту. Ибо, поскольку дело организации революционного самоуправления удастся, постольку архаической думе, если бы она и собралась, останется или подчиниться, или исчезнуть. И тут-то активное выступление масс, хотя бы в виде политической забастовки, приобретает совершенно иной характер, чем в проектах «Союза союзов» и цитированного нами выше письма. Тут **политическая забастовка** не будет простой «демонстрацией недовольства», а будет боевым шагом, направленным к прямой поддержке шагов органа революционного самоуправления, если созданием его дума будет «сорвана», к поддержке революционных шагов органа революционного самоуправления и думы против самодержавия, если дума все же соберется и решит встать на революционный путь; к поддержке органа революционного самоуправления против самодержавия и думы, если последняя окажется реакционной. Мы видим, как наступательная и организующая тактика, не связывая нам рук тем способом действий, который сочтут за благо принять другие партии и классы, скорее всего делает нас готовыми к войне на все фронты. Но при таких условиях политическая забастовка совершенно теряет свой мирный и «демонстративный» характер. Мы

должны смотреть на нее именно как на **возможный** пролог восстания, и в вызванной нами к жизни организации революционного самоуправления это восстание должно найти достаточную опору для превращения в восстание всенародное.

Нам остается еще возразить на внушенные скептицизмом сомнения относительно того, чтобы нам действительно удалось хоть в сколько-нибудь обширных размерах выполнить ту огромную задачу, которую мы поставили. Мы не разделяем этого скептицизма и полагаем, что при энергии, умелости и решимости мы сможем сделать очень много в этом направлении. Но если бы мы даже сделали очень мало, то во всякомслучае и это малое будет плюсом в деле всенародной «организации революции». Прибегнуть в случае неуспеха к «призыву» к простой демонстративной забастовке будет никогда не поздно. Наоборот, как бы малы ни были результаты наших усилий в намеченном выше направлении, они во всяком случае будут попутно наиболее действительным образом подготовлять успех нашего «призыва». Но начинать с того, чтобы ставить себе **минимальную** цель, значит в революционное время осуждать себя на полное бессилие, на полную зависимость от чужой тактики. Наоборот, ставить себе возможные в данной исторической обстановке **максимальные** цели, итти к ним, что называется, напролом—это единственно целесообразная революционная тактика. И уж самый ход обстоятельств, которые мы не можем заранее полностью усчитать, покажет насколько мы можем приблизиться к поставленной себе цели.

Революционное наступление по всей линии—вот что́ требует от нас историческая действительность!

НАША ТАКТИКА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

(Искра» № 108, 27 июня 1905 г.).

Нами получено от товарища Череванина [91]) следующее письмо.

«Дорогие товарищи!»

Не сегодня-завтра, может быть, будет об'явлено о созыве государственной думы, а по вопросу о нашей тактике в отношении ее существует, повидимому, пока полнейший разброд. Прежде всего мнения разделяются, повидимому, по той же линии, по которой они разделились в вопросе о комиссии Шидловского! [92]) Как видно из листков Донского комитета и Петерб. группы, обе эти организации высказываются за бойкот. Участие в выборах в такую думу они считают позорным, изменой делу революции и заранее клеймят тех либералов, которые примут участие в выборах. Таким образом исключается возможность сделать гос. Думу орудием демократической революции и отвергается, очевидно, агитация, направленная в эту сторону. Гос. дума рассматривается, очевидно, только как один из об'ектов агитации, направленной против самодержавия. Занятие такой позиции по отношению к гос. Думе имело бы смысл только в одном случае: если бы была большая вероятность ожидать восстания в ответ на об'явление рескрипта о созыве Гос. Думы. Тогда бы эта позиция была действенной, тогда бы она звала к борьбе. Но если эта вероятность не особенно большая, если рескрипт о созыве государственной думы не явится сигналом к восстанию, если он будет встречен сравнительно спокойно, тогда занятие указанной позиции явится фактическим устранением от живой работы, реагированием на, может быть, поворотный пункт в освободительном движении парой шаблонных листков, изобличающих самодержавие и либералов. Подобная тактика пойдет, пожалуй, навстречу тем буржуазным демократам, которые боятся вступить на почву революции, но в то же время желают сохранить свою демократическую чистоту. Вместо того, чтобы брать на себя революционное обязательство итти в гос. Думу с тем, чтобы добиваться превращения ее в революционное собрание, ниспровергающее самодержавие и созывающее Учредительное собрание на основе всеобщего и т. д. избирательного права, куда спокойнее просто не принять участия в выборах, об'явивши государственную Думу не тем, что нам нужно, и затем дожидаться у моря погоды. Нет, такой тактики мы не можем предлагать либералам, не можем и себя осудить на бездействие. Один харьковский товарищ намечает такой план действий: при об'явлении ре-

скрипта социал-демократия призывает пролетариат к пробной политической стачке, чтобы демонстрировать свою силу, затем, когда гос. Дума созвана, пролетариат призывается ко второй стачке с целью давления на гос. Думу. Недостатками этого плана является ни на чем не основанная вера в силу влияния нашей организации па массу,—вера, что наш призыв к политической стачке, да еще пробной, имеет сам по себе действенную силу, что наличность его даст какие-нибудь серьезные гарантии, что политическая стачка действительно будет, что она превратится в демонстрацию силы пролетариата, а не в демонстрацию нашего бессилия. Увы! таких гарантий она в себе не заключает. А если мы добьемся, что весьма вероятно, демонстрации нашего бессилия, это бросит сильнейшее бревно под ноги тактике воздействия на гос. Думу и агитаций вокруг этого воздействия.

Что касается нашего плана («И.» № 103), то я совершенно согласен с вами, поскольку вы отвергаете политику бойкота и рекомендуете решительное вмешательство в выборы и давление на них, согласен также с необходимостью образования полулегальных агитационных комитетов, но не могу согласиться с вашим предложением организации всенародных выборов и создания на их почве революционной организации народа, поскольку это предложение приурочивается к моменту об'явления рескрипта и следующих за ним выборов. Подобное предложение может иметь смысл только постольку, поскольку мы ожидаем, и с большим основанием ожидаем, что организация всенародных выборов перейдет очень быстро в вооруженное восстание, потому что в противном случае могло бы иметь самые скверные последствия,—неизбежное при такой тактике прекращение нашего существования в качестве конспиративной организации и открытие всех карт перед полицией. Можно согласиться с вашим проектом только в смысле проекта, который можно иметь в виду, если во время выборов или после конструирования гос. Думы сильное революционное возбуждение охватит широкие массы.

Та тактика, которую я предлагаю, заключается в следующем: рескрипт о созыве гос. Думы дает сигнал к агитации нашей в трех направлениях: а) невозможность удовлетвориться Думой, необходимость Учредительного собрания на почве всеобщего и т. д., а также необходимость предварительного установления свободы слова, собраний и т. д.; б) необходимость активно вмешиваться в выборы и оказывать давление на другие слои, чтобы депутаты в гос. Думу были посланы с императивными мандатами, добиваться превращения гос. Думы в революционное собрание, созывающее Учредительное собрание; в) организация повсеместных митингов и собраний и постановка на них вопроса о необходимости оказать давление на гос. Думу, потребовать от нее созыва Учредительного собрания, обсуждение вопроса о способе этого явления, выдвигание проекта политической стачки, как ответа на отказ гос. Думы немедленно по своем созыве предпринять это революционное действие. В отличие, таким образом, от харьковского товарища, я отвергаю совсем первую пробную политическую стачку, а вторую стачку с целью давления на гос. Думу я предлагаю предложить только в качестве проекта на рабочих собраниях. и только в том случае, если нам удастся организовать по всей России настоящие массовые митинги, и если политическая стачка из нашего проекта превратится в решение, вынесенное повсюду на этих рабочих митингах, только тогда мы подготовим действительно революционное воздействие на гос. Думу и только тогда мы будем в состоянии его провести. Что будет дальше,—окажет ли политическая стачка желательное воздействие на Гос. думу, или превратится в вооруженное восстание,—мы решить сейчас не можем».

* *
*

После № 103 «Искры», на который ссылается тов. Череванин, вопрос о нашей тактике в связи с созывом государственной Думы, был нами рассмотрен еще раз подробнее в № 106 (см. «Оборона или наступление?»). С тех пор, насколько нам известно, все большее и большее число товарищей примыкает к рекомендованной нами тактике активного вмешательства в ход политической жизни и наступления и бесповоротно отвергает политический абсентеизм, усиленно навязываемый партии некоторыми «вождями», очевидно, с целью принести на алтарь возлюбленного «временного правительства» всю свою quasi-социалистическую непорочность сразу. Уже так называемая «земская кампания»[93]).

носившая преимущественно «учебный», подготовительный характер, показала, что среди огромного большинства социал-демократических работников **обеих фракций** политическая мысль достигла такой степени зрелости, чтобы понять всю самоубийственность политики невмешательства и воздержания в мнимых интересах «подготовления» восстания. Теперь, когда дело идет уже не об учебных маневрах, а о настоящей кровавой битве, политика скрещенных рук, конечно, найдет еще менее адептов. Но если бы таковые и нашлись, то, несомненно, им очень скоро пришлось бы убедиться в одном: что на худой конец рабочий класс вмешается в ход событий без них, помимо них, против них. А в этом случае им не оставалось бы ничего другого, как или se demettre (подать в отставку), или,как это бывало кое-где и в «земской кампании», se soumettre (подчиниться) т.-е., иначе говоря, оказаться «хвостистами»—употребляем излюбленное выражение тех рыцарей революционной фразы, которые на словах не уставали итти «во главе», на деле же во всех политических выступлениях партии за последние два года неизменно плелись в тылу движения. Итак, наступательная тактика, «решительное вмешательство в выборы и давление на них»—это исходный пункт и, скажем сейчас же, самый важный и существенный пункт. В дальнейшем могут быть разногласия лишь в деталях, в тех или иных формах проведения в жизнь этого основного принципа. Предложенная нами тактика слагалась из трех моментов: 1) подготовительной агитационной кампании в связи с созывом государственной Думы; 2) закрепления результатов этой агитации в виде, хотя бы зачаточной, формы массовой революционной организации или, иначе говоря, организации революционного самоуправления народа; и 3) активных, боевых выступлений народных масс, имеющих целью поддержать шаги организации этого революционного самоуправления. При такой тактике самый вопрос о бойкоте или небойкоте Думы совершенно теряет для нас свой жгучий характер; он становится вопросом второстепенным, и пролетариат, которому, в виду «лишения прав», вообще не предстоит «бойкотировать», готовится к войне на все фронты.

Тов. Череванин принимает первый и третий пункты нашего тактического плана и отвергает второй. В № 106 «Искры» мы старались показать, что этот второй пункт является, не только тактически необходимым, но прямо-таки неизбежным следствием раз занятой позиции активного наступления. Мы не знаем, переубедила ли тов. Череванина наша аргументация, но и его собственное письмо дает достаточно материала для подтверждения справедливости нашей точки зрения.

Говоря о политической забастовке, как средстве «давления» на государственную Думу (прибавим от себя: а также, быть может, и на «избирателей»), тов. Череванин вполне правильно отвергает излюбленный метод простого «призыва», а требует для действительности ее «решения, вынесенного повсюду на рабочих митингах». В такой постановке вопроса заключается вполне правильное понимание того, что наша подпольная организация не пользуется, да по условиям своего существования и не может пользоваться, таким влиянием на массы, чтобы одного ее «призыва» было достаточно для уверенности в успехе задуманного дела. Очевидно, тов. Череванин понимает, что «политическая забастовка» должна опираться на организационную и политическую самодеятельность **самой массы.** Наша же подпольная организация может сыграть в этом случае крайне важную роль инициатора, политического вдохновителя и руководителя, может дать в руки массе кое-какой организационный аппарат, кое-какие организационные ячейки, при полном успехе, при развертывании политической забастовки в революционное восстание, может даже раствориться в возникающей атмосфере восстания широкой, массовой социал-демократической организации пролетариата, но никоим образом не может в своем наличном, подпольном виде охватить своими организационными клетками то грандиозное массовое движение, которое рисуется тов. Череванину и нам. Иначе говоря: с успехом «политической забастовки», намечаемой не в виде «демонстрации», а в виде активного, боевого выступления масс, и в меру этого успеха должна перерождаться и качественно повышаться наша партийная организация, поскольку она захочет приобрести и сохранить организационное влияние на ход событий. Но если партийная организация, в ее теперешнем составе или обновленном, перестанет быть организацией, воздействующей на рабочие массы извне, а станет признанным представителем их и

выразителем их воли, то можно ли применять к такому положению дела ту же мерку страхов и опасений, которая применима к нынешнему положению? Можно ли одновременно думать о грандиозном, действительно всерабочем движении и опасаться ареста социал-демократических руководителей в виду «прекращения их существования в качестве конспиративной организации»? Но ведь и «прекратят»-то они это постылое «существование» лишь в той мере, в какой им, как **организации**, удастся стать общепризнанным органом воли рабочих масс: а в таком случае страшен ли арест? Да и самое влияние такого ареста, если бы он и случился, на рабочие массы было бы, конечно, совершенно иное, чем теперь, когда во мраке ночи, под покровом тайны исчезают в пасти царских тюрем «конспиративные» анонимы...

Все это—непосредственные выводы из данной тов. Череваниным постановки вопроса о политической забастовке. Тем неожиданнее тот аргумент, которым он думает побить наше предложение об организации революционного самоуправления народа. Неожиданнее потому, что, ведь, если вопросы об агитационных рабочих комитетах и политической забастовке являются до известной степени **партийными**—поскольку в рабочей среде мы с полным правом можем рассчитывать на преобладающую и руководящую роль,—то организация всенародных революционных выборов, само собой разумеется, никоим образом делом одной нашей партии быть не может. Мы можем в данном случае явиться инициаторами, можем в городах и кое-где в деревне показать пример, но рассчитывать собственными силами поставить это дело во всероссийском масштабе нам, кажется, нельзя и думать. Следует стремиться к тому, чтобы пример наших рабочих агитационных комитетов побудил к такому же образу действий и другие демократические и революционные партии, с которыми мы и встретимся в тех **представительных** учреждениях, какими явятся несмотря на свой революционный характер, проектируемые нами органы народного самоуправления. Мы в праве, конечно, ожидать, что в рабочих агитационных комитетах социал-демократы окажутся в значительном большинстве, но думать о большинстве в органах революционного самоуправления народа, если они возникнут в сколько-нибудь широком масштабе, конечно, невозможно.

Опасаться «раскрытия всех карт перед полицией» в случае успеха кампании, разумеется, не приходится, ибо, конечно, если революционное настроение и политическая готовность, не только рабочих, а широких народных масс, достигнет степени нужной для успеха, то народ сумеет и защищать своих избранников. Но в случае неуспеха? В этом случае попросту никакие «карты раскрыты» не будут, ибо и «раскрываться» они будут опять-таки лишь в меру успеха. Представим себе худший случай: организовать выборы удастся лишь в нескольких крупных городах. Почему тов. Череванин думает, что выбранными окажутся непременно члены наших организаций? Хорошо бы, если бы это было так, и в таком случае, мы думаем, безопасность наших организаций только бесконечно возросла бы от того, что рабочие так же взяли бы их членов, как своих избранников, под свою защиту, как они взяли выборщиков в комиссию Шидловского. Но этот самый опыт с комиссией Шидловского показывает, к сожалению, что выбирать будут, хотя и социал-демократов или рабочих, готовых стать социал-демократами, но не членов нашей организации. И опять-таки, лишь в той мере, как нашей организации удастся в процессе этих политических выступлений переродиться, стать более массовой, лишь в той мере шансы на избирание рабочими именно ее членов увеличатся. Но в той же мере будут падать «конспиративные» опасения. Т. Череванин говорит, что наше «предложение может иметь смысл лишь постольку, поскольку мы ожидаем, что организация всенародных выборов перейдет быстро в вооруженное восстание». Да, мы ожидаем, что, при успехе, организации революционного самоуправления народа рано или поздно должны столкнуться с правительством и, в случае неуступчивости последнего, привести к открытым вооруженным столкновениям в виде ли одновременного восстания в разных местах, в виде ли ряда последовательных стычек.

А разве тов. Череванин не ожидает того же самого и от «действительного революционного действия» политической забастовки? Разве ему не ясно, что в случае «неуступчивости» думы и, прибавим, правительства, которое, ведь, может принять решительные меры против «уступчивой» думы,—разве ему не ясно, что при таких условиях дело

тоже должно дойти до решения вопросов силой? Какая же разница между нашим планом и планом тов. Череванина? Разница есть, и очень существенная. Он предлагает привлечь к «действительно революционному действию» только пролетариат (который, ведь, один только и может «бастовать»); мы говорим, что в это дело надо вовлечь не только рабочие массы, но и весь народ. Та самая концентрация политического воспитания и массовая революционная организация, которая создается для рабочих политической забастовкой, в том виде, как она рисуется тов. Череванину, может и должна быть создана для всего народа в виде организации революционных выборов «народной Думы» в противовес Думе государственной. В конечном счете план тов. Череванина **изолирует** пролетариат, подготовляя элементы только **рабочего восстания**; между тем как мы имели в виду подготовление элементов **восстания всенародного**, которое только и может разрешить стоящую перед нами революционную задачу замены государственной Думы Всенародным учредительным собранием.

Организация революционного самоуправления—это и есть единственный способ действительной «организации» всенародного восстания. Кто отвергает этот путь, тот, в сущности, отвергает и самое всенародное восстание, подменяя его восстанием отдельных классов и групп, или, что еще хуже,—группок и кружков. Работа по подготовлению организации революционного самоуправления народа и есть действительная работа по «подготовке» восстания, на фоне которой и могут приобрести важное значение подготовительные работы военно-технического характера. Это надо особенно подчеркивать теперь, когда в некоторых сферах нашей партии политическая наивность дошла до такой степени, что люди захлебываются словами о всенародном восстании, оружии, бомбах, пишут трактаты по военной тактике и стратегии, а революционное самоуправление народа согласны пропагандировать не иначе как с позволения правительства, хотя бы и «временного».

НА ОЧЕРЕДИ.

(«Искра» № 109, 29 августа 1905 г.).

«Бойкот Думы и революционное самоуправление народа».

Было бы удивительно, если бы сделанное в «Искре» предложение по вопросу о нашей тактике по отношению к булыгинской Думе [94]) не вызвало со стороны «Пролетария» самых горячих, хотя и совершенно бестолковых возражений. «Социал-демократическая маниловщина», «путаница», «уклонение от единственно революционной тактики пролетариата»—такими словечками редакция пытается «уничтожить» наш скромный план.

Но слова словами, а дело заслуживает того, чтобы на нем остановиться внимательно. Какую позицию в этом вопросе думают занять наши «большевики»?

«Искра» отвергла «пассивный бойкот» Думы; «Пролетарий» также отвергает его именно потому, что он пассивен. Далее, газета указывает, что, по существу, вопрос о бойкотировании или небойкотировании Думы есть вопрос «внутри буржуазной демократии», и пролетариат должен при решении вопроса, какое ему поддерживать из двух течений внутри демократии, отдать предпочтение тому течению, которое будет более революционировать политическую жизнь.

Нельзя не заметить, что автор статьи с самого начала сузил постановку вопроса, чем отчасти подготовил себе и неправильное решение тактической задачи. Надо было выяснить сначала: как должен действовать при данном положении общественных сил, по отношению к созываемой Думе, **пролетариат**? В зависимости от ответа на этот вопрос, мы уже могли бы решить, какая из двух пропагандируемых внутри буржуазной демократии тактик выгоднее для **нас**, т.-е для революции, какую **нам** будет легче использовать для ускорения революционного развития?

Идя другим путем к решению тактической задачи, «Пролетарий» [95]) с самого начала ставит тактику нашей партии в **зависимость** от тактики буржуазной демократии, т.-е. от тактики более революционного из двух ее течений. Но размах нашей собственной борьбы может быть только сужен тем, что мы стремимся не **наиболее революционную**

для данных обстоятельств тактику развить, но лишь **сравнительно более** революционную тактику буржуазии поддержать.

Самый вопрос о более революционной тактике буржуазной демократии «Пролетарий» решает так:

Рабочий класс... «безусловно заинтересован в поддержке той части буржуазной демократии, которая революционнее, он заинтересован в расширении политической агитации и обостренинии ее. Бойкот Думы есть усиленное обращение буржуазии к народу, развитие ее агитации, увеличение числа поводов нашей агитации, углубление политического кризиса, т.-е. источника революционного движения. Участие либеральной буржуазии в Думе есть ослабление ее агитации в настоящем, обращение ее более к царю, чем к народу, приближение контр-революционной сделки между царем и буржуазией».

Быть может, теперь, после опубликования «Положения о государственной Думе», «Пролетарий» признает, что участие либералов в выборах не только не отвлечет их от обращения к народу, но, наоборот, впервые сделает такое обращение вопросом жизни и смерти для либерализма? Как известно, избирательный закон рассчитан на то, чтобы более или менее подневольными голосами крестьян и более или менее «черносотенными» голосами мещан мелких городов задавить голоса «просвещенной» земельной и городской буржуазии. Участие в **таких** выборах требует от либералов, чтобы они «усиленно обращались к народу», стоя повсюду впереди в защите свободы выборов, **разжигали** конфликты между массой избирателей и администрацией, которые будут неизбежно возникать из бонапартистского характера всей булыгинской затеи. Кто хочет, чтобы либералы серьезно «обратились к народу» (а «Пролетарий» хочет этого), тот должен желать, чтобы они приняли участие в выборах в Думу.

Создавая свое «положение», правительство хорошо знало, к чему оно стремится: удалив из числа избирателей пролетариат и демократическую интеллигенцию, оно ставит лицом к лицу в избирательных коллегиях социальные группы, наименее политически воспитанные и наименее политически об'единенные, то-есть наименее способные отвлечься от минутных групповых интересов и возвыситься до понимания своих классовых интересов в целом. Сталкивая такие группы между собою и тщательно устраняя от общения с ними те элементы, которые могли бы внести в их взаимную дробную борьбу революционно-об'единяющее начало, самодержавие рассчитывает эксплоатировать в свою пользу их взаимные конфликты. Это обстоятельство должно особенно отталкивать идеологов буржуазии от участия в избирательной борьбе. Не даром московский либерал, г. Головин [96]), с сокрушением говорил о будущем «парламенте лавочников». Но мы-то, ведь, хорошо знаем, что столкновение социально-групповых интересов, в какой примитивно-грубой форме оно бы ни совершалось, есть, в конце-концов, основной «источник революционного движения» и, между прочим, именно потому, что такое столкновение **вынуждает** политических идеологов «обращаться к народу», сливать однородные по социальным интересам элементы в политической партии.

Всем известна эволюция российского буржуазного либерализма и буржуазной демократии. Еще 2—3 года назад тот и другая были в высшей степени не народными партиями, в том смысле, что оставались, и отчасти намеренно оставались, далекими тем самым слоям народа, интересы которых, по крайней мере в данный момент, они брались представлять. Мы говорим обыкновенно о мелкобуржуазном» характере «освобожденской» демократии, говорим с полным основанием. А. между тем, факт тот, что до самого последнего времени эта демократия и представляемая ею идеологически масса подлинного мелкого мещанства—городского особенно и сельского в значительной мере—находились в самых враждебных взаимных отношениях. И если в последние месяцы буржуазная демократия порывается «пойти в народ», то, смеем уверить редакцию «Пролетария», она это делает не столько в силу того, что ее «толкает» к этому социал-демократия разоблачением ее «половинчатости», сколько в силу того, что ее толкает приближение момента, когда «обывательская» масса явится действительным вершителем политических судеб страны. А приближение этого момента тесно связано с первыми же выборами, в которых «благорожденным» Петрункевичам [97]) придется ставить свои кандидатуры перед теми,

«кого нынче презрительно называют «лавочниками», кого завтра уже придется величать коммерсантами».

Практическая необходимость выступить политическими деятелями перед этими—получившими ныне право голоса—народными слоями скорее всего очистит русских либералов и демократов от присущего им традиционного барского отношения к «черни», столь тесно связанного с полной их неспособностью к мужественным действиям. Общение с этой «чернью» на той арене, где «чернь» явится хозяином положения, скорее всего вынудит либералов рассчитывать в своей политике на массы; необходимость же—под угрозой полного разгрома «черной сотни»—пробивать себе к этой «черни» дорогу сквозь частоколы, которые на нашем пути наставило и еще наставит полицейское самодержавие, самым верным путем приведет их к познанию всей тщеты маниловских иллюзий о «мирном» развитии и заставит их —под давлением все той же угрозы—толкать на борьбу с этим самодержавием свой отсталый «народ».

Ошибка, в которую впал «Пролетарий», имеет 2 источника: во-первых, исследуя революционность двух буржуазных тактик, почтенная газета,—и это все чаще и чаще случается с ней по мере того, как она все дальше уходит от **марксизма**—берет «революционность» со стороны **суб'ективного** настроения определенной группы, а не со стороны **об'ективного** значения ее политики. Суб'ективно, конечно, настроение, подсказывающее тактику «бойкота», революционнее, чем то, которое побуждает некоторых левых земцев не уклоняться от участия в выборах. Но об'ективное значение пропагандируемого ими воздержания сводится только к тому, что буржуазная демократия приглашается еще немножечко «погодить» итти « в народ», пока революционный пролетариат и внешние неудачи загонят самодержавие в такой тупик, из которого ему придется приманивать к себе обывателя уже «заправским» парламентом, разоружением разнузданной теперь «черной сотни».

Второй источник ошибки «Пролетария» заключается, как выше указано, в узости самой постановки вопроса, в искании не **наиболее** революционной тактики», которую пролетариат должен навязать демократии, а лишь **более** революционной между теми, которые наметились уже в самой этой демократии. Бесспорно, за тактику участия в выборах высказались, и должны были высказаться внутри буржуазной демократии, прежде всего, наиболее оппортунистические ее элементы, которые и не могут себе представить этого участия иначе, как в виде ступени к полному миру с царизмом. Но это только и значит, что, если мы можем «дерзать» оказывать свое влияние на весь ход национально-политической жизни, то мы должны попытаться **поднять** ее выше плоскости, в которой движутся обе, наметившиеся в демократии, политические тактики, и, отвергая одинаково как либеральное «приспособление к Думе», так и демократическое «бойкотирование» ее, выставить на своем знамени и сделать лозунгом общенационального движения «революционное преодоление» булыгинской «конституции».

Вместо того, чтобы пассивно приспособляться к «более» революционной—по намерениям ее адептов!—тактике одной из фракций демократии, «Искра» предлагает рабочим организовать такую агитационную кампанию «незаконных» **всенародных выборов**, которая заставила бы всю буржуазную демократию приспособить **свою** тактику к этому «новому факту» политической жизни по мере того, как практика выборов «законных» будет все более и более обострять политическую борьбу между прогрессивными и реакционными силами нашего отечества. И «Пролетарий» рассчитывает найти некоторое количество «добрых» людей (употребляя любимое выражение тов. Н. Ленина), которых можно будет убедить в том, что такая тактика есть именно «уклонение от единственно-революционной тактики пролетариата»!

Дабы оглушить заранее этих «добряков», автор передовицы угрожающе напоминает о «земской кампании «Искры» [98]).

Напоминание сделано очень кстати, и мы им воспользуемся. Параллель действительно, уместна.

Когда либералы вели свою земскую кампанию, то среди них намечались две тактики: одна, которую можно приурочить к фигурам Стаховичей [99]) и Шиповых; [100]), другая, которой следовали будущие «конституционалисты». Тактике тех и других «Искра

и «искровцы» предложили противопоставить тактику, расчитанную на участие в общественном движении, приуроченном к земствам, сознательных слоев народной массы, в качестве фактора, активно действующего на органы общественного самоуправления буржуазии, **навязывающего** им свои демократические лозунги, **толкающего** их на путь более радикальной борьбы с самодержавием, **вынуждающего** их считаться с голосом того народа, от имени которого они говорят. Эта тактика, конечно, должна была очень и очень прийтись не по душе особенно представителям **левого** земского крыла, которых вмешательство пролетариев в их кампанию лишало заранее ореола двигателей и направителей общественного развития. Г. Струве [101]) в те поры прочел нам по этому поводу суровую нотацию. Но г. Струве был не одинок в заграничной печати. Рядом с ним выступил против нас Н. Ленин, закричавший голосом велиим об «уклонении от революционной тактики» и, вслед затем, предлагавший нам устраивать демонстрации не в земствах, а «перед участками», т.-е. то самое, что предлагал г. П. Струве. Похвальные усилия обоих заграничных писателей не достигли однако цели, и рабочие в целом ряде мест манифестировали в земствах, думах и на демократических с'ездах, добиваясь от либералов и демократов включения в их «челобитные» и резолюции требований, в которых заинтересованы народные массы. К великому огорчению для тов. Н. Ленина, но к великой пользе для дела, эту тактику усвоили себе социал-демократы во многих местах, где, в общем, господствовало направление «большинства» (укажем для примера комитеты: Одесский, Северный, Нижегородский, Тверской, Саратовский, Самарский). Потерпев поражение в этом вопросе, Н. Ленин скромно умолк и ни словом не ответил на известное письмо Плеханова и на второе письмо редакции, в которых защищалась наша тактика против злостных нападок «Вперед». И когда на пресловутом «III с'езде» пришлось составить «статейный список» уклонениям «Искры» от единственно-революционного пути», то участники с'езда не решились ни одним словом напомнить о том «предательстве интересов пролетариата», которое мы совершили, рекомендуя пролетариату не сосредоточивать своего внимания на «участках» в то время, как в своих «закрытых помещениях» земцы залагают основания своей политической гегемонии над освободительным движением народа. Только теперь, когда первый конфуз от их неудачи с «земской кампанией» прошел у «впередовцев», они, время-от-времени, упоминают об этом грехопадении... «Новой Искры». Надеемся, однако, что впредь Ленин, так любящий перечислять случаи нашего согласия с «Освобождением», не позабудет упоминать, что в своей критике искровской «земской кампании» он совпал с г. Струве.

* * *

В вопросе о «земской кампании» Ленин и его сторонники **об'ективно** ограждали «неприкосновенность» той тактики, которую наметили себе левые земцы-конституционалисты, от всяких помех со стороны пролетариата. Если бы мы обладали злым правом публицистов «Пролетария», мы должны были бы сказать, что ленинцы невольно сыграли в этом случае роль «прихвостней» земского либерализма. Ныне «Пролетарий» опять-таки фактически борется за то, чтобы «Союзу союзов» [102]) не мешали организовать свой бесплодный и ничуть не революционный «бойкот». Как в прошлом году, ленинцы все усилия направляют к тому, чтобы удержать пролетариат от ведения **собственной** тактики, расчитанной на активную его роль в общенациональном движении, на его растущее влияние на непролетарские народные элементы. Об'ективно они при этом пассивно следуют за более «левыми» из буржуазных демократов. В этом сказывается их жоресистская шуйца. Суб'ективно они освящают это воздержание... от революционной тактики «лозунгом»: всенародное восстание. В этом их бланкистская десница. Ибо, как метко сказал тов. Плеханов (см. Дневник социал-демократа № 2), ничего, кроме «ублюдка жоресизма и бланкизма», не представляют собой нынешние тактические воззрения наших «большевиков».

Нам могут заметить, что «Пролетарий», поддерживая тактику «Союза союзов», дополняет ее предложением не ограничиваться «пассивным» бойкотом, а предпринять бойкот **активный.** Но ошибся бы читатель, если бы подумал, что под активным бойкотом здесь разумеется то, что на жаргоне студенческих беспорядков разумелось под име-

нем «активной обструкции», т.-е. в применении к данному случаю стремление **не допустить** избирателей произвести выборы. Нет! У «Пролетария» речь идет о гораздо меньшем. «Активный бойкот,—говорит он,—должен обозначать удесятерение агитации, устройство собраний везде и всюду, утилизацию избирательных собраний, хотя бы путем насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. п.». Великий ты утопист, но утопия у тебя всегда маленькая, приходится сказать «Пролетарию». Да какой же сторонник «пассивного», или просто бойкота, откажется от **подобной** активности? Ясно, что речь здесь идет только о том, какими средствами нам вести агитацию в то время, как, хотя бы часть «законных» избирателей, будет производить выборы. И автор далее говорит: «Активный бойкот есть агитация, вербовка, организация революционных сил в увеличенном масштабе». Но каковы же должны быть **специальные** лозунги **данной** агитации,—агитации в данных обстоятельствах, созданных первыми в России политическими выборами? Автор отвечает: «Таким лозунгом может быть только вооруженное восстание».

Итак, развивая свой «активный» бойкот, социал-демократия будет призывать массы... вы думаете, к немедленным восстаниям? Жестоко ошибаетесь. «Разумеется,—заканчивает автор свою статью,—тот, кто знает местные условия(?), всегда будет предостерегать от преждевременных попыток восстания». Стало быть, мы будем активно призывать массу пассивно ждать часа всенародного восстания, а до тех пор устраивать «демонстрации и забастовки» (с тем, однако, чтобы они **не смели** превращаться в частные восстания, ибо, как недавно заявил «Пролетарий», одесские рабочие **не должны** были отвечать на расстрелы мирных стачечников постройкой баррикад, раз матросы в Севастополе готовили только к осени общее восстание флота). Это-то и называется «единственно революционной тактикой» и эта-то «тактика» противопоставляется предложению звать массы **теперь же** к проявлению самой высокой революционной активности и энергичному «захватыванию» прав и свобод, к организации теперь же революционного самоуправления. Посмотрим же теперь, как наш ублюдок жоресизма и бланкизма справляется с этой идеей революционного самоуправления?

«На практике попытки организовать до победы восстания выбор народом своих уполномоченных будут целиком на-руку освобожденцам и выродятся в то, что социал-демократы окажутся в хвосте у них». Если эта угроза что-нибудь означает, то лишь одно: что, по автору, социал-демократия настолько мало еще влияет на народные массы, что ее попытка **теперь же** «окунуться» в эту пучину должна окончиться решительной победой демократов над нею. Если бы это было так, это было бы очень печально. Но если это так, то на чем же, собственно говоря, основана надежда «Пролетария» на возможность **в ближайшем же будущем** осуществить «диктатуру пролетариата в крестьянстве»? Ведь, казалось бы, партия, столь невлиятельная, что не сможет устоять против буржуазных демократов, при выборах «незаконных» уполномоченных, едва ли имеет шансы оказаться «во главе» победившего в восстании народа? Или ленинцы, в самом деле, думают, что при победе восстания они окажутся «на гребне» только потому, что в это время, по всем прецедентам, «освобожденцы» окажутся у себя по домам, а некоторые даже и под кроватями? Но, ведь, те же прецеденты учат, что к моменту провозглашения временного правительства это добровольное заключение демократов приходит к концу... Во всяком случае, очевидно, что если ленинцы так охотно взлетают ввысь мечтаний о «диктатуре», то это вовсе не потому, чтобы они чувствовали твердую почву со всеми врагами социализма. «От хорошей жизни не полетишь», говорил еще горбуновский купец.

Но—позвольте!—скажет нам автор статьи. Ведь, я об'ясняю, почему мы окажемся побиты «освобожденцами». Дело во внешних препятствиях. Рабочим и народу самодержавие, пока оно не заменено временным революционным правительством, **не даст** произвести никаких выборов, сколько-нибудь заслуживающих названия народных,—а освобожденцы, гласные земцы, произведут выборы и бесцеремонно выдадут их за «народные», за «революционное самоуправление».

Ну, это, господа, просто пустая оговорка. Вас приглашают организовать громадное революционное дело, попирающее всякие законные рамки, а вы хотите нас уверить,

что если нам **удастся** его организовать, то нас, революционеров, единственную партию, приучившуюся уже маневрировать и действовать, не имея опоры ни в каких законных гарантиях,—нас оттеснят люди, о которых вы сами на каждом шагу твердите, что они не умеют преодолевать противодействия самодержавия, что они боятся действовать «нелегально», что они боятся итти к народным массам. И с каких это пор вас начала смущать «бесцеремонность» либералов, готовых на фальсификации народных выборов?

Конечно, не оставляет никакого сомнения тот факт, что если революционные выборы удастся организовать повсюду, то вышедшее из них представительство отнюдь не может явиться социалистическим, несмотря на все те **преимущества**, какими, по сравнению с выборами легальными, будут обладать партии, привыкшие не считаться с легальностью. Оно не может явиться социалистическим, ибо масса «простого» народа в России еще далека от социализма. Более того. Это представительство—раз оно будет организовано более или менее повсеместно—не может быть и таким, которое дало бы основание надежде на осуществление ленинской «диктатуры пролетариата и крестьянства». Ибо масса того же самого «простого» народа далека в данный момент не только от социализма, но и от якобинского демократизма и непременно нашла бы своих представителей отчасти в той именно организованной буржуазной демократии, устранение которой Ленин считает предпосылкой для излюбленной им диктатуры. Это так и это вполне об'ясняет, почему, собственно, «Пролетарий» так **боится** революционных народных выборов. Но это обстоятельство, конечно, нисколько не доказывает опасности подобных выборов, а только лишний раз свидетельствует, на каком зыбком песке построены некоторые «планы». «От хорошей жизни не полетишь!»

Отвергать предложение организации революционного самоуправления» на том основании, что если эта организация **не удастся** (если ее «фальсифицируют» либералы), то неудачей воспользуются «освобожденцы»,—это то-же самое, что отвергать восстание на основании того, само по себе совершенно верного соображения, что в случае, если восстание будет раздавлено, в выигрыше могут оказаться «нововременцы».

Но «Пролетарий» знает еще один довод против нашей «затеи»... Организация революционного самоуправления, выбор народом своих уполномоченных есть не **пролог**, а **эпилог** восстания. Ставить себе целью осуществить эту организацию теперь, до восстания, помимо восстания, значит ставить себе нелепую цель и вносить путаницу в сознание пролетариата». Год тому назад пророчил я тов. Ленину, что не доведет его до добра усвоенная им в то время манера фривольных насмешек над диалектикой. Теперь он уже не может даже себе представить дело иначе, как что революционное самоуправление или **осуществлено** до падения самодержавия (так, думает он, предполагает «Искра»), или что оно будет осуществлено (как желает он сам) после падения царизма. Что революционное самоуправление может **осуществляться** в ходе систематической атаки на царизм, с тем, чтобы крах последнего, скажем, под натиском победоносного восстания хотя бы в нескольких городах, завершил и закрепил это до падения царизма начавшееся дело самоуправления,—представить себе такую картину писатели «Пролетария» абсолютно не могут, при одном намеке на нее они начинают бессмысленно хихикать по поводу «восстания-процесса» и, в припадках смеха, окончательно лишаются способности сознательно относиться к мыслям своих противников.

А, между тем, жизнь все-таки следует законам диалектики, и вопреки всем метафизикам совершает свои революционные ломки неизменно, как процессы. По Ленину, революционное самоуправление может быть только **эпилогом** восстания. А гурийские и тифлисские «мужики», не дождавшись «ленинского» восстания, практикуют это революционное самоуправление, а латышские крестьяне успешно следуют по проложенному ими пути; а польское крестьянство там и сям проводит в жизнь те же первые элементы «восстания-процесса»; а городские пролетарии во всех концах России революционным путем вырывают «под носом» у царизма отдельные элементы самоуправления, собирая свободные митинги, организуя заводское представительство, завоевывая временами для целых пригородов свободу от нашествия полиции и войск... И—удивительно!—всем этим эмпирикам революции и в голову не приходит, что, так как без законных гарантий все эти завоевания непрочны (а это несомненно), то задаваться приобретением их будет

«внесением путаницы», а лучше подождать, пока «временное правительство» позволит им собираться на «биржах», выгонять из сел царских старшин, вести в деревенских управлениях делопроизводство не на «казенном» языке и т. д., и т. д.

Повидимому, из всех сознательных пролетариев нашей партии только один не понял еще, как фактически подготовляется «решительная победа над царизмом»—именно «Пролетарий» женевский. Может быть, это об'ясняется тем, что, не обладая инстинктивной диалектикой революционной массы, он слишком легко освободил себя от той диалектики, к которой его обязывает наша теория?

Но там, где «марксисту» изменяет диалектика, обыкновенно на сцену выступает самая вульгарная **софистика.** О склонности тов. Ленина к софистике мне пришлось говорить как-раз тогда, когда я пророчил ему беду от его восстания против диалектики. Софист, чтобы «побить» противника на одном частном пункте, очень охотно берет оружие из его собственного арсенала. Когда, например, тов. Ленину надо было «разнести» нашу «крестьянскую» резолюцию и резолюцию о 8-часовом рабочем дне, то он, ничто же сумняшеся, доказывает, что «единственная революционная тактика» требует, чтобы мы и крестьянские комитеты (т.-е. **органы революционного самоуправления**) создавали теперь же, и 8-часовой рабочий день завоевали немедленно, не «дожидаясь санкции «сверху». Тогда, следовательно, тов. Ленина не смущало ни то соображение, что нам правительство «не даст» организовать этих комитетов, ни то, что, в силу этого, пожалуй, комитеты попадут в руки социалистов-революционеров... Не смущало тогда и то положение, что «самоуправление» есть не пролог, а эпилог восстания.

Спор о том, что чему должно предшествовать—самоуправление восстанию или восстание самоуправлению,—легко может превратиться в знаменитый спор о курице и яйце, если подходить к вопросу с такой неисправимо-метафизической точки зрения, которая свойственна нашим нынешним «экономистам наизнанку». **Всенародное** восстание должно быть и не может быть нечем иным, как **насильственным,** ломающим всякое сопротивление распространением начавшегося и пустившего уже известные корни «революционного самоуправления». До каких пределов успеет распространиться—в пределах данного порядка—народное самоуправление, выражающееся в систематическом «захвате» прав, прежде чем одним мощным ударом распространится на всю остальную поверхность общественной политической жизни (момент восстания)—это вопрос, не зависящий от наших «планов»—его решат особо благоприятные условия, которые заранее предугадать невозможно. Но революционер, который убежден, что дело идет восстанию, обязан пользоваться каждым удобным случаем, представляющимся народу для нового «захвата», так как чем шире будет плоскость временно (конечно!) оккупированной таким «процессом» территории, тем мощнее будет размах восстания, тем глубже его корни, тем шире слои **организованных для восстания сил.** И как комично звучит «возражение»: «Вам не дадут». Да разве мы спекулируем на то, что нам «дадут», а не на то, что мы сумеем «взять»? Разве в самой борьбе за уже взятое и назад отбираемое мы не видим источника дальнейшего революционного движения? Разве эта именно борьба не **организует** лучше всего и вернее всего те силы, которые революция должна иметь за собой в момент решительного столкновения?

«Если бы одесским товарищам,—продолжает мямлить «Пролетарий»,—в знаменитые одесские дни посоветовали в виде пролога восстания не организацию революционной армии, а организацию выборов одесским народом своих уполномоченных, то одесские товарищи, разумеется, осмеяли бы такое предложение». Очевидно, все восстание потерпело неудачу потому, что во-время не прибыли в Одессу по почте советы «Пролетария» «организовать революционную армию» на деревянных лошадках и с нестреляющими револьверами?.. А мы позволяем себе думать, что одесские товарищи должны были немедленно по получении с «Потемкина» ультиматума о бомбардировке города созвать собрания всех граждан для обсуждения вопроса, как принудить власть не подвергать города разгрому? Смеем думать, что если бы горожане выбрали временные органы самоуправления на место попрятавшейся плутократической думы, то в распоряжении революционных элементов в следующие дни при благоприятных обстоятельствах уже была бы кой-какая организация, **могущая** предпринимать решительные действия.

Суверенное презрение к революционному самоуправлению народа целиком коренится в бланкистской половине ленинского мировоззрения. Говоря о **всенародном** восстании «в передовице» обыкновенно не только игнорируют революционное самоуправление в период непосредственной подготовки к восстанию, но и в период, имеющий наступить после первых его побед. Захватив один город, повстанцы, по их мнению, должны «провозгласить временное правительство» и затем «давлением сверху» уничтожить реакцию, выпуская благодетельные декреты, подавляя контр-революционные попытки, заливая страну ворохом революционно-канцелярских бумаг, смещая чиновников и назначая новых и т. д., и т.д. При этом они любят упоминать о Парижской коммуне и не понимают, почему именно «меньшевики» в своих резолюциях о восстаниях употребляют этот термин—«коммуна». Поэтому будет не безынтересно привести здесь несколько строк из предисловия Энгельса к «Гражданской войне во Франции» Маркса:

> «Воспитанные в школе заговорщиков и привыкшие к строгой дисциплине, бланкисты думали, что сравнительно небольшое число смелых, хорошо организованных людей, может, при благоприятно сложившихся обстоятельствах, захватить власть и удержать ее до тех пор, пока не удастся привлечь народ на сторону революции и сгруппировать его вокруг небольшой кучки вожаков. Чтобы так дело удалось, нужна была раньше всего **диктаторская централизация власти** (курс. наш) в руках нового правительства. Что же сделала Коммуна, в которой большинство состояло из бланкистов? Она выпустила воззвание к провинциям Франции, в которых приглашала все коммуны свободно соединиться с Парижем в одну национальную организацию,—в организацию, впервые созданную, действительно, самой нацией», т.-е. организовать революционное самоуправление.

Путь революционного самоуправления есть единственный путь организации сил для действительно всенародного восстания, для всех тех будущих восстаний, которые смогут стать необходимыми в ходе революции. И только та партия будет играть роль действительного двигателя революции, только та партия сможет в стихийно-вспыхивающих восстаниях играть сколько-нибудь руководящую роль, которая возможно раньше научит массы и научится сама действовать на почве революционного самоуправления народа. Но кто желает действовать в этом направлении, тот должен бесповоротно отвергнуть, между прочим, и всякие попытки **задерживать** частные восстания, если они могут, по своей конкретной обстановке, служить делу расширения сферы действия революционного «захватного права».

И только «под знаком» развития революционного самоуправления надо рассматривать вопросы о принятии или непринятии тактики «бойкота», и только тактика, рассчитанная на развитие революционного самоуправления народа сможет извлечь действительную пользу для революции из «законных» выборов.

НАШИ ЗАДАЧИ.

(Парвус. Из брошюры «Россия и Революция»).

Политическая революция лежит в основе программы социал-демократии всех стран—пролетарская революция, которая завершит цикл революций, начатых Великой Французской Революцией.

Чтобы разбить старый сословный строй, буржуазия принуждена была опереться на народ. Она противопоставила нацию сословиям. Но уже с первого момента общей победы, когда были провозглашены свобода, равенство и братство, оказалось, что нация разделена. Сословные различия были отменены, классовые различия выступили наружу и определили дальнейший ход революции. Свергнув абсолютизм, буржуазия, раз'едаемая внутренними противоречиями, оказалась не в состоянии установить прочную государственную власть. Среди общего политического хаоса кормило правления быстро переходило из рук в руки, от одного общественного слоя к другому. Политические системы менялись как цвета в калейдоскопе, становясь, однако, под давлением мелкой буржуазии и рабочих, все радикальнее, пока не была пройдена вся шкала политической

демократии. Мелкая буржуазия, неспособная вследствие своей классовой неопределенности и вытекающей отсюда разрозненности управлять страной, беспомощная и в своей беспомощности вечно недовольная и волнующаяся, составила элемент политического разложения буржуазных партий и в то же время фермент революционного возбуждения народных масс. При помощи рабочих и ремесленников мелкая буржуазия добилась власти, но, не будучи в состоянии выставить экономическую программу, об'единяющую с нею рабочий класс, она, чтобы удержать власть, принуждена была воздвигнуть гильотину, жертвой которой она сама впоследствии пала. Пролетариат, с своей стороны, не мог не сознавать, что политическое равноправие еще не освобождает его от гнета фабрикантов и мастеров. Он боролся против господства буржуазии и гнал вперед революцию, смутно надеясь, что выработается, наконец, такой государственный порядок, который освободит его от экономической зависимости. Но только к концу революции, под влиянием все более определявшейся классовой оппозиции пролетариата, при заговоре Бабефа [103]) была выставлена социалистическая программа.

Таким образом, Великая Французская Революция в быстро сменяющихся фазах проделала уже все то развитие, которое с тех пор стало характерным для Западной Европы и всех буржуазных стран. Господство капиталистического класса—демократическая оппозиция мелкой буржуазии—социально-революционная оппозиция рабочего класса и готовящаяся диктатура пролетариата. Эти формы развития повторялись и во время революции 48 года, но вследствие более определившихся к тому времени классовых отношений и их более решительного выражения в политических программах, переход совершился гораздо более быстро и закончился открытой борьбой между началом и концом—между капиталистическим классом и пролетариатом. Во время Коммуны 71-го года промежуточная фаза была пройдена почти незаметно, пролетариат сразу стал у власти и должен был защищать ее против буржуазии. Эти фазисы развития в виде затяжного процесса проходят через всю парламентарную историю Европы. Они еще нигде не изжиты вполне, но их исходный и конечный пункты резко противостоят друг друга в Западной Европе.

Капиталистический класс Западной Европы давно изменил революции и ищет опоры для себя в усилении правительственной власти. С другой стороны, пролетариат, об'единенный в социал-демократические партии, сделал исходным пунктом своей борьбы свержение политического господства буржуазии и овладение государственной властью. В связи с этим социал-демократия выставила, однако, ряд законодательных требований, осуществимых без нарушения капиталистического порядка. Цель ее программы: демократизируя государство и освобождая рабочих от наиболее тяжелых форм, приемов и последствий эксплоатации, поставить их в более выгодные условия политической борьбы и увеличить их социально-революционную энергию.

Нигде и никогда буржуазии не удалось после свергнутой революции государственного строя, немедленно и беспрепятственно установить свой собственный «порядок». Везде и повсюду этому предшествовал более или менее продолжительный период политической сумятицы и ожесточенной борьбы классов.

То же самое происходит и в переживаемой нами революции.

Революция в России запоздала. Ее задержал европейский капитал. Европейский капитал в течение многих лет снабжал самодержавие оружием и деньгами и укреплял его в интересах своей наживы и своего собственного господства. Пока наши самобытники искали основы самодержавия в русской душе православного крестьянина, последнее давно уже пустило новые корни в банковских кассах Ротшильда, Мендельсона, Credit Lyonnais и проч., и проч., и проч. Но тот же европейский капитал перевернул все общественные и культурные условия России, создал революционный пролетариат и, наконец, вогнал правительство в войну, которая сломила его военное могущество и потрясло государство в его основах.

В настоящий момент мы переживаем период политической анархии. Старая государственная связь порвана, а новая еще не образовалась. Она может образоваться только после того, как все классы соразмерят свои силы в борьбе за политическую власть.

Запоздалость революции в России обусловливает необыкновенную путаницу классовых отношений, которые ей приходится учесть. К тому же, она происходит при новых мировых условиях. Среди класса капиталистов очень сильно представлена европейская биржа. Она независима от российского государства, не подчинена ему, а стремится подчинить его себе. Она вчера спекулировала на повышение курса самодержавия, сегодня она спекулирует на его понижение. Для нее судьба русского народа стоит не выше судеб эфиопов в Абиссинии. Но она боится за свой капитал и готова была бы, если бы это от нее зависело, послать в Россию прусские или австрийские войска, чтобы установить порядок, гарантирующий ей безнедоимочную уплату процентов по займам. К денежной бирже примыкает группа иностранных капиталистов, вложивших в той или в другой форме, значительные суммы в промышленные и торговые предприятия в России. Следует русская плутократия—банки, связанные узами кредита с европейскими финансовыми институтами. За ними всеми стоит всемирный капитал, нетерпеливо стремящийся расхитить богатство России и поработить народные силы. В то же время «национальный» капитал России пестреет всеми формами и разновидностями капиталистического хищничества: тут и «просвещенный» фабрикант на английский манер, и заводчик, наживающий на казенных заводах, коммерсант с широкой обстановкой сбыта, поставщик, вся коммерческая техника которого заключается в системе взяток, старозаветный купец, напоминающий скорее китайского торговца, чем европейского, и представители всех видов первоначального накопления—от ростовщика и кулака, обдирающего народ, и до лавочника, наживающего на тухлой рыбе. Не менее разнообразны аграрные отношения: аристократ, владеющий громадными латифундиями, которые он посещает разве что только для охоты, помещик-коммерсант, имеющий связи с хлебной биржей в Берлине и Лондоне, помещик-промышленник прусского типа, стремящийся опереться на побочные индустрии агрикультуры, устраивающий кирпичные заводы, винокурни, сахарные заводы; помещик-хозяин, напирающий на рациональную культуру; купец-землевладелец, ищущий прежде всего быстрого оборота капитала, тьма разоренных дворян-помещиков, крестьяне-торговцы в окружности больших городов, миллионы полукабальных крестьян, миллионы разоренных крестьян, миллионы крестьянского пролетариата и необ'ятные пространства земли во владении уделов, казны, церкви и монастырей. Миллионы нищих и бродячего народа в стране. Очень слабый слой ремесленников, Зато чрезвычайно многочисленная интеллигенция. Наконец, фабричный пролетариат, скованный в один класс не жалкими мануфактурами и фабричками Франции XVIII столетия, а современной крупной индустрией, но в значительных своих слоях еще не потерявший связи с землей. Все это имеет свои особые нужды, свои особые требования, свою особую политическую физиономию. Все эти разные нужды, требования, экономические и политические образования революции сталкивает между собой в общем круговороте политической борьбы.

Не по нашему декрету началась революция, и не нам декретировать ее конец. Суть не в том, желательно или нежелательно нам продолжение революционной борьбы. Сама революционная борьба отнюдь не тождественна с революционным восстанием. Не восстание создало революцию, а революция создала восстание, как свой естественный и решительный, но отнюдь не единственный способ борьбы. Революция—исторический процесс наибольшего напряжения политической борьбы, во всех ее видах и формах, ожесточенная борьба за государственную власть между разными классами, слоями и группами общества. Выработка исторической равнодействующей из этого водоворота общественных сил, при отмеченной выше пестроте и путанице классовых отношений в современной России, процесс долгий и мучительный, полный потрясений и внезапных переходов.

Нам приходится, следовательно, считаться не с моментом, а с продолжительным развитием. К этому должна быть приурочена наша тактика.

Наша первая, коренная задача—уяснить пролетариату его классовое положение и его историческую роль, способствуя таким образом совершающемуся в силу об'ективных условий отделению его от других классов. Это вопрос образования социал-демократической рабочей партии. В связи с этим надо старую, конспиративную организа-

цию слить с новой, массовой. Пропаганду этой идеи, агитацию за нее на фактах политической борьбы мы ставим ближайшей нашей целью.

На ряду с политической организацией пролетариата необходимо развитие его профессиональных организаций. Профессиональные союзы образуют наиболее тесную связь между рабочими и, организуя их непосредственную борьбу против капиталистической эксплоатации, углубляют их классовое самосознание. Они, правда, на определенной ступени своего развития проходят через период оппортунизма, т.-е. приспособления к капиталистическому государственному строю, но опасность эта для рабочих организаций в России еще очень далека, она абсолютно отсутствует во время революции, когда борьба за государственную власть стоит в центре политической жизни и может быть в России будет совершенно избегнута, благодаря опыту Западной Европы, а еще больше того, вследствие обострившейся во всем мире классовой борьбы пролетариата, которая привела даже английские трэд-юнионы к организации самостоятельной рабочей партии.

Организация пролетариата—база всей нашей дальнейшей деятельности. Под‘ем общественного интереса и общественной энергии, созданный революцией, нам в этом отношении открывает величайшие возможности. На что в другое время потребовались бы годы, то теперь можно сделать в месяцы, даже недели. Весь рабочий класс фабрик и заводов должен войти в социал-демократическую партию. Но и к сельскому пролетариату нам теперь более, чем когда-либо, открыт доступ. Надо покрыть всю страну политическими клубами и профессиональными организациями рабочих. Надо ввести рабочих в политическую жизнь, устраивая повсюду митинги и собрания. Надо всеми силами способствовать развитию рабочей прессы.

Наиболее широкое и энергичное использование политических прав—наилучшая гарантия возврата к прежнему бесправию. И, если на почве мирного парламентарного развития Западной Европы классовая организация пролетариата создала революционную силу, неминуемо ведущую к политической катастрофе, то нет сомнения, что классовая организация пролетариата в России во время революции усилит революционную энергию и увеличит политические возможности революции.

Непосредственная революционная цель пролетариата в России—осуществление такого государственного строя, при котором были бы обеспечены требования рабочей демократии. Рабочая демократия заключает в себе все самые крайние требования буржуазной демократии, но придает некоторым из них особый характер и присоединяет новые, чисто пролетарские. Так, свобода сходок и союзов, с общедемократической точки зрения, только разновидность свободы мнений и слова, а для рабочих это основные гарантии их классовой борьбы. Они, поэтому, особенно тщательно разрабатывают эту часть демократической программы, выделяя среди свободы организации особенно еще свободу стачек. Ко всей демократической программе пролетариат добавляет требования рабочего законодательства, в первую линию—нормальный восьмичасовой рабочий день. На ряду с политическими гарантиями гражданских прав, пролетариат требует для себя экономических гарантий возможности их использовать—права на отдых.

Таким образом, революция в России создает особую связь между программой—минимум социал-демократии и ее конечною целью. Это не диктатура пролетариата, имеющая своей задачей изменить коренным образом производственные отношения в стране, а все же она идет уже дальше буржуазной демократии. Мы не можем пока еще в России ставить своей задачей превратить буржуазную революцию в социальную. Но еще меньше у нас необходимости подчиниться буржуазной революции. Уже не говоря о том, что это противоречило бы исходному пункту всей нашей программы, сама классовая борьба пролетариата нас толкает вперед. Наша задача—раздвинуть рамки буржуазной революции, выдвигая в ней интересы пролетариата и создавая в самой буржуазной конституции возможно более широкую базу для социал-революционного переворота.

Правительство уже сейчас пошло в своих уступках далее того, чем удовлетворились бы либеральные партии до революции; не подлежит сомнению, что оно должно будет пойти еще дальше. Упорство реакции создало революцию, которая придала всем политическим вопросам более решительный характер. Но это только внешний вид событий. Те общественные силы, которые несут на себе революцию, должны были бы про-

явить себя при каких бы то ни было формах перехода к парламентарному порядку и сломить еще остающиеся преграды. Вполне основательная боязнь революции именно и удерживала правительство от реформ. Упорство правительства определяет только его собственную судьбу, а революционный ход событий определяется хаосом общественных отношений, который историческими условиями создался в России.

В страхе перед растущей политической силой пролетариата, буржуазия становится реакционной. Но ее собственные классовые соотношения ведут ее к борьбе за власть в собственной среде и к борьбе с правительством. Она, поэтому, будет переходить от революционного возбуждения к реакционной озлобленности и наоборот. Политика шатаний—политика бессилия. Класс, которому революция готовит политическое господство, во время самой революции оказывается наименее способным управлять событиями. Это пойдет на пользу политически организованному пролетариату, который уже с самого начала революции, благодаря своей классовой связи и революционной энергии, стал ее руководящей силой.

Мы будем толкать вперед буржуазию. Каждый шаг, который она делает на пути демократизации государства, ее пугает, так как он идет на пользу пролетариату. Именно потому в интересах пролетариата содействовать буржуазии в либеральной оппозиции. Мы не боимся успехов либерализма: напротив, они—условие наших дальнейших успехов. Зато при каждом отступлении либерализма мы будем преследовать его по всей линии. Во всех случаях и при всех положениях мы беспощадно будем критиковать классовый характер буржуазных партий как либеральных, так и демократических.

Победа революции выдвигает на политическую сцену крестьянство. Оно способствовало революции, умножая политическую анархию, но не было в состоянии концентрировать свою политическую борьбу. Теперь оно внесет в борьбу партии всю путаницу своих экономических требований и экономических невозможностей.

Капиталистический строй не в состоянии разрешить крестьянский вопрос. Поэтому, выступление крестьянства осложнит и продлит революцию и надолго еще помешает упрочению буржуазного порядка.

Социал-демократия опирается на пролетариат не потому только, что он исключительно рабочая партия, а потому, что видит в нем единственную силу, чтобы освободить от эксплоатации все слои трудящегося населения. Она непосредственно защищает как интересы рабочих, так и интересы крестьянства, поскольку оно прямо или косвенно подвержено эксплоатации. Но в интересах рабочих и самого крестьянства социал-демократия противится возврату к устарелым формам экономических отношений, которые разрушаются развитием производства. Наша задача—раскрыть и расширить экономические требования крестьянства, ведя его на путь социалистического переворота.

В то же время и в связи с этим мы раскроем все формы классовой борьбы на почве аграрных отношений и постараемся слить с рабочими фабрик и городов близко стоящие к ним слои сельского пролетариата и малоземельных крестьян.

Революционный период оставил нам в наследство социалистическую интеллигенцию. Наша задача—громадную умственную и революционную энергию, накопившуюся в этой среде, использовать в рядах социал-демократической рабочей партии, расширением политических и культурных задач революции, по возможности задерживая неизбежный в своем конечном результате переход буржуазной интеллигенции к жизненным идеалам и к жизненному укладу буржуазии.

Политическая путаница революции в России увеличивается борьбой национальностей, которых самодержавие исключительными законами и политикой национального порабощения поставило во враждебные друг к другу отношения. Национальный вопрос разрешен на практике демократической республикой в Швейцарии и в Соединенных Штатах Северной Америки. Такого же свободного союза наций мы должны достичь и в России. Наша задача—раскрыть все пути к самостоятельному политическому и культурному развитию отдельных национальностей, но, не менее того, также наша задача—во всех нациях, отделить пролетариат от других классов и пролетариат всех национальностей России об'единить в общую социально-революционную армию. Это создаст очень тесную общероссийскую связь, но создаст ее не против воли отдельных национальностей,

а благодаря внутреннему классовому противоречию, которое неминуемо разлагает национальности при капиталистическом строе. Мы об'единим национальности не государственной властью, а в борьбе против капиталистического государства.

Российское самодержавие находило опору в западно-европейском капитале,— российская революция находит себе опору в западно-европейском пролетариате. Если нам теперь нечего опасаться военного вмешательства со стороны Германии или Австрии, то мы этим исключительно обязаны западно-европейской социал-демократии. Попытка подавить извне военной силой революцию в России, несомненно, вызовет в этих странах пролетарскую революцию. По мере организации в России социально-революционной армии пролетариата, связь с социал-демократией всего мира расширится и углубится. С переходом от борьбы против самодержавия к установлению рабочей демократии создастся общность непосредственной политической борьбы. Борьба за восьмичасовой рабочий день сразу ставит пролетариат России на одну плоскость борьбы со весемирным пролетариатом. Успехи революции в России наполнили страхом правительства Западной Европы и сильно подняли революционую энергию западно-европейской социал-демократии. То, что достигнуто в России, находится еще далеко позади того, чем владеют народы на Западе. Но самая возможность революции отозвалась могучим откликом в чрезвычайно напряженной политической атмосфере Западной Европы. Дальнейшие революционные успехи российского пролетариата на пути к осуществлению рабочей демократии, которые будут уже успехами всемирного пролетариата, могут дать толчок к решительной борьбе между социально-революционными организациями пролетариата и государственной властью в Западной Европе. К тому времени социал-демократическая организация пролетариата в России охватит все рабочие массы, разовьется, окрепнет, к тому времени поднимется политическая сознательность рабочих и умножится их революционная уверенность. Тогда мы будем стоять перед задачей расширить нашу революционную программу за пределы рабочей демократии.

Революция в России только еще в начале своего развития. Она в своем течении поднимет народы и потрясет в его основах весь капиталистический мир.

Да здравствует Российская Революция!

Да здравствует социализм!

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ.

(Н. Троцкий: «Начало» № 10, 25 (8) Ноября 1905 г.).

Русская социал-демократия стоит сейчас в центре общего внимания. И она заняла это место по праву.

Либерализм видит в ее действиях опасность для «свободы» и «порядка». Реакция видит в ней угрозу своему существованию. И оба правы. Вчера мы были подпольным кружком. Полиция уделяла нам, правда, гораздо больше внимания, чем это было в наших интересах,—но работа полиции по существу была направлена на то, чтобы истребить подпольных «заговорщиков». Демократическая интеллигенция, не верившая в революционное будущее пролетариата, боролась с нами только, как с представителями враждебной ей идеологии. Сегодня положение резко изменилось. Социал-демократия поднялась во весь свой рост. Она руководит пролетариатом, который стоит в центре революционных событий. Это ставит социал-демократию в центре враждебного внимания всей прессы: реакционной, консервативной и либеральной.

Еще вчера нас упрекали с разных сторон в том, что мы переносим европейскую доктрину и европейскую тактику в самобытные русские условия. Сегодня нам кричат в сто голосов, что мы не имеем права на почетное имя, которое носим, потому что наша тактика не имеет ничего общего с тактикой европейской социал-демократии.

Г. Струве, пользующийся по этим вопросам авторитетом в буржуазных рядах, как перебежчик из марксистского лагеря, категорически заявляет, что российская социал-демократия представляет собою простую «помесь анархизма с якобинизмом».

Ссылаясь на г. Струве, «Новое Время»[104]), которое теперь солидарно с ним по всем основным вопросам политики, убежденно заявляет, что социал-демократия «в своем подлинном, немецком виде,—это не только терпимая, но, может быть, самая почтенная из германских партий». По сведениям газеты и в России существует группа этой «честной и мирной социал-демократии». Но ее оттирает группа анархистов, «натянувших на себя честный немецкий мундир».

Таинственные «марксисты», притаившиеся на запятках конституционно-демократической газ. «Наша Жизнь»,[105]) не отстают от общего хора и обвиняют нас в социал-революционном авантюризме. Буржуазная газета считает, что вся доктрина «эволюционного» марксизма восстает против нашего стремления «одним ударом покончить и с самодержавием и с капитализмом». Социал-демократия могла бы, по мнению «Нашей Жизни», сыграть огромную роль. «Пролетариат проникнут доверием к ней и готов вручить ей свою судьбу». Интеллигенция сочувствует социал-демократическим идеалам. Демократическая буржуазия пошла бы за интеллигенцией. Социал-демократия стала бы во главе и могла бы повести нацию к победе. Но для этого необходима та тактика «концентрации» всех демократических сил, какой якобы придерживается германская социал-демократия. Вместо этого русская, социал-демократия изолирует пролетариат, делает его одиноким и тем роет могилу демократии.

Для нас нет ничего удивительного в том, что националистическое «Новое Время» возмущено нашим отступлением от «честного» немецкого образца.

Реакционное скудоумие никогда не шло дальше противопоставления «анархических» социалистов своей страны «патриотическим» социалистам других стран. Когда правительству буржуазной республики нужно прибегнуть к репрессии против антимилитаристской агитации социалистов, оно неизменно ссылается в свое оправдание на «патриотических» и преданных родине социалистов Германии.

Хотя князь Бюлов[106]) запрещает агитационную поездку Жореса[107]) в Берлин, он, тем не менее, считает для себя долгом канцелярской мудрости противопоставить Бебеля[108]) и других «не ведающих отечества» социал-демократов таким французским социалистам, высшего «государственного» стиля, как Жорес. Что же удивительного, если нововременская рептилия, которая десятки лет служила царскому правительству, не пропускавшему через границу ни одного европейского социалистического слова, теперь, чтобы уничтожить нашу партию, противопоставляет нашему якобинству мудрость и политическое благочестие наших европейских товарищей. Что же удивительного, если вся реакционная пресса одновременно—и сочувствует покаянным псалмам г. Гапона[109]), который с самоуверенностью неуча обвиняет нас в перенесении европейских теорий в чуждые им условия русской самобытности, и в то же время аплодирует либерально-прокурорской речи Струве о нашем анархическом отречении от европейского образца.

Вполне понятно и то, что г. Струве, потерявший всякое чувство приличия в погоне за почетным положением официоза, предусмотрительно развязывает себе руки для репрессий против социал-демократии,—и петербургский прокурор только обнаруживает служебный смысл, когда почтительно цитирует, в обвинительной речи по делу Боевой Организации»[110]), своего будущего патрона.

Мы, поэтому, пройдем мимо площадных вылазок реакции, и остановимся лишь на недоумениях «эволюционных» марксистов из «Нашей Жизни».

Конечная цель, которая стоит пред германской социал-демократией,—завоевание государственной власти пролетариатом. Такова же и наша конечная цель. Путь, по которому идет братская партия в Германии,—развитие классового сознания рабочих масс, их объединение в одну социально-революционную силу. Точно таков же и наш путь. Как партия пролетариата, борющегося за классовую диктатуру, мы совершенно несходны и несродны со всеми буржуазными партиями, от правых и до самых левых,—и в то же время мы плоть от плоти международной социал-демократии и кость от ее костей. И, тем не менее, наша тактика так же отличается от тактики германской социал-демократии, как период реакции отличается от периода революции. Сорок лет развития пролетарской партии в Германии были эпохой напряженной буржуазной реакции. В 71 году

была разгромлена пролетарская коммуна в Париже, красное знамя было сорвано буржуазными вандалами, прусская каска, символ тупого и чванного милитаризма, воцарилась безраздельно, окропленная кровью коммунаров и униженная Пруссией. Третья Республика Франции вступила в союз с царской Россией. Буржуазия, имеющая в своем прошлом Великую Революцию, взяла на содержание азиатский абсолютизм, в котором она с полным правом видела подходящую фигуру на роль будочника мировой реакции. Капитализм делал свои «мирные» завоевания—на костях несчетных бесшумно гибнущих жертв; буржуазная демократия сама перестала интересоваться своим существованием; революционные традиции, завещанные безвременно погибшим 48 годом, были предательски забыты,—угар капиталистической наживы и буржуазного шовинизма густыми клубами заполнял политическую атмосферу Европы.

В этой удушливой непроницаемой атмосфере реакции слагалась и росла германская социал-демократия. Без опыта политически-организованной классовой борьбы пролетариата в прошлом, без прямых революционных традиций, она с изумительной настойчивостью подвигалась вперед, камень за камнем складывая то превосходное здание партийной демократии, которым ныне так гордится международный социализм.

Русский пролетариат все свои политические шаги делал «сверх-правовым» путем. «Фетишизм «законности» меньше всего мог завладеть его душою в пройденной им политической школе.

Наоборот, самодержавие, представ пред пролетариатом как воплощение тупой, откровенно-насильнической государственности, сразу внедрило в него убеждение в том, что «кодифицированное право»—это оковы, которые господствующая сила налагает на силу, стремящуюся к господству. Революционные методы борьбы показали пролетариату все преимущества непосредственного «сверх-правового», революционного соразмерения сил.

В то время, как социал-демократия красной, пролетарской Саксонии тщетно протестует из года в год в рамках парламентской тактики против трехклассовой системы выборов[111]), пролетариат «крестьянской» России одним революционным ударом отбрасывает в мусорную кучу основной закон о государственной Думе. Благодаря революционному характеру периода, пролетариат России, может быть, сейчас ближе к осуществлению восьмичасового рабочего дня, чем пролетариат Англии с ее могучими трэдюнионами.

Рабочие овладели методом революции и они добровольно не выпустят его из своих рук. Коренные требования рабочего класса социал-демократия сделала лозунгом революции,—и этим она обогатила революцию всей классовой энергией пролетариата.

В чем могла бы выразиться при таких условиях тактика «концентрации» демократических сил? Либо пролетариат должен отказаться от своих классовых требований, либо —что по существу одно и то же—от самостоятельности тактики. Если демократическая «концентрация» не простой оборот речи, то она означает приспособление тактики пролетариата к поведению буржуазной демократии. Но это вернуло бы нас на полстолетия назад.

В прусской и в австрийской революциях имела место политическая «концентрация» в духе демократов из «Нашей Жизни». Наперекор логике классовой борьбы, революционная демократия стремилась об'единить пролетариат и буржуазию. Лассаль призывал рабочих во имя единства отказаться от республиканских требований. Но демократия, пытавшаяся связать расколотую нацию демократической идеологией, оказалась неспособной—ни тащить вперед либеральную буржуазию, ни наложить запрет на классовый инстинкт пролетариата. Неоформленные классовые трения обессиливали тактику «концентрации»; в то же время политическая зависимость пролетариата лишала его возможности использовать свою классовую силу для самостоятельной организации революции. Героический пролетариат Вены разбил монархию в открытом бою. Но буржуазия не хотела республиканских плодов этой победы, демократии они были не по плечу, а пролетариат не был достаточно подготовлен, чтобы самостоятельно протянуть за ними руку.

Классовое расчленение буржуазной нации зашло у нас неизмеримо дальше, чем в Пруссии и в Австрии в 1848 г. Наша либеральная буржуазия выступает контр-рево-

люционно еще до революционной кульминации. Наша интеллигентная демократия каждый раз в критические моменты только демонстрирует свое бессилие. Крестьянство представляет собою в целом мятежную стихию,—оно сможет быть поставлено на службу революции лишь той силой, которая возьмет в свои руки государственную власть.

Остается пролетариат.

Страшная сила сопротивления, проявленная абсолютизмом, еще более усиливает развитую нашей революцией, доселе невиданную в истории планомерность. Преодолевая могучее сопротивление самодержавного государства и сознательную косность буржуазии, рабочий класс России развился в организованную боевую силу, каких еще не знало прошлое. Нет такого этапа в буржуазной революции, на котором могла бы успокоиться эта боевая сила, гонимая вперед стальной логикой классовых интересов. **Непрерывная революция становится для пролетариата законом классового самосохранения.**

Авангардное положение рабочего класса в революционной борьбе; связь, которая устанавливается непосредственно между ним и революционной деревней; обаяние, которым он подчиняет себе армию,—все это неизбежно толкает его к власти. Полная победа революции означает победу пролетариата.

Эта последняя, в свою очередь, означает дальнейшую непрерывность революции. Пролетариат осуществляет основные задачи демократии,—и логика его непосредственной борьбы за упрочение политического господства ставит перед ним в известный момент чисто социалистические проблемы. Между минимальной и максимальной программой устанавливается революционная непрерывность. Это не один «удар», это не день и не месяц, это—целая историческая эпоха. Было бы нелепостью заранее учитывать ее продолжительность.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС И РЕВОЛЮЦИЯ.

(А. Мартынов. «Начало» № 7 и 11, 20 (3) Ноября 1905 г.).

От того и иного решения крестьянского вопроса будет зависеть в значительной степени дальнейшая судьба русской революции.

Русская социал-демократия всегда отдавала себе в этом ясный отчет. «Революционное движение у нас восторжествует как рабочее движение, или вовсе не восторжествует» —писал Плеханов в 92 году, и он был прав,—пролетариат есть главный агент и главный двигатель настоящей революции.

Но, помня это, мы в то же время всегда ясно сознавали, что в тот или другой момент революции пролетариат привлечет на свою сторону крестьянство, как наиболее решительного временного союзника, и это подтверждалось при каждом крупном революционном выступлении пролетариата; это подтвердилось и в последний месяц—саратовское восстание[112]) было непосредственным откликом на октябрьскую стачку.

Социал-демократия до последнего времени совершенно игнорировала крестьянский вопрос—рассказывают по всем градам и весям соц.-рев. Это—не история, а беллетристика. Первые русские соц.-дем. были членами партии «Земли и Воли»[113]) и «Черного Передела»[114]), и первое, что толкнуло их на путь социал-демократии было убеждение в бессилии народничества решить крестьянский вопрос. Русская социал-демократия забыла про крестьянский вопрос? А чему посвящены главные ее литературные произведения—«Наши разногласия» Плеханова[115]), «Основы народничества» Волгина[116]), «Критические заметки» Струве[117]), «Развитие капитализма» Ильина?[118])

Социал-демократия смотрит на нашу революцию исключительно как на политическую,—рассказывают соц.-рев. в своих листках, в своих агитационных речах, в своих «научных» докладах. В ответ на эту басню достаточно указать на нашу программу. Это единственная программа, в которой элемент чисто политический—борьба с самодержавием—рассматривается, как частный случай более общей социально-политической борьбы с пережитками сословно-крепостного строя. А на чем держатся все эти пережитки?—На экономическом закабалении крестьянства помещиками и государством.

Социал-демократия есть партия только пролетариата городского и сельского, с укоризной отмечают соц.-револ.; это слишком узко. Да социал-демократия никогда и никому не обещала об'ять необ'ятное. Она только рабочая партия. Но этим очень много сказано. Именно потому, что она партия пролетариата—наиболее обездоленного класса,—она одна решительно выступает на защиту всех угнетенных и эксплоатируемых слоев населения. Именно потому, что она партия пролетариата—революционнейшего из всех классов,—она одна решительно поддерживает **всякое** революционное и оппозиционное движение.

Крестьянство в целом, как угнетенное сословие, ведет борьбу против помещиков и самодержавного правительства. Социал-демократия, как партия **демократическая**, решительно поддерживает эту борьбу.

Внутри крестьянства часть его—батраки и полупролетарии ведет борьбу со всей сельской буржуазией, в том числе с крестьянской мелкой буржуазией. Социал-демократия, как партия **социалистическая**, ставит себе целью руководить этой борьбой как частью общей борьбы всего пролетариата против всего капиталистического строя.

Конечная цель последней борьбы—**социалистическая революция**—может быть достигнута только после того как будет достигнута цель первой, только после того, как совершится **демократическая революция**. Это то несомненно положение, которое наша социал-демократия с первых своих шагов противопоставила утопии революционных народников 70-х годов, мечтавших совершить социалистическую революцию, минуя борьбу за «буржуазную» свободу.

Однако, чрезвычайно ложно нас понял бы тот, кто отсюда заключил бы, что мы предлагаем вести сначала **только** демократическую борьбу, с тем, чтобы **потом**, когда цель ее будет достигнута, **начать** борьбу за социализм. Поступать так—значило бы временно перестать быть социалистической партией, значило бы временно раствориться в буржуазной демократии,—и это делают соц.-рев. Они считают себя хранителями заветов революционных народников 70-х годов. Они клянутся их именем, воскрешают их лозунги. Но революционные народники 70-х годов были непримиримые революционные социалисты, хотя и утописты. Они смели думать до конца. Строя свою теорию на утопическом представлении о крестьянстве и о крестьянской общине, они шли прямо к социалистической революции. Соц.-рев. потеряли их цельность, их революционную непримиримость, сохранивши их утопизм. Они отказались от непосредственной социалистической революции; вместо нее они поставили слово: они называют социалистическим именем «**социализация**» мелкобуржуазное требование уравнительного передела земли, и таким дешевым способом устраняют от себя задачу подготовления условий для будущей социалистической революции уже в период совершающейся демократической. Соц.-революционеры, которые драпируются теперь в ярко красную мантию, которые клянутся именем истинного народного социализма, —защищают преимущества мелкого крестьянского хозяйства, кооперативов, артелей,—все «истины» из кладезя европейского оппортунизма и социального реформаторства.

Демократическая революция должна предшествовать социалистической. Но мы должны помнить, что в нашей деревне, как и в городе, сословно-крепостные пережитки старого времени тесно переплетаются с капиталистическими отношениями нового. Отсюда следует, во-1-х, что в деревне, как и в городе, борьба всей демократии (в деревне—крестьянского сословия) с самодержавием и помещиками осложняется одновременной борьбой пролетарской демократии (в деревне—батраков и полубатраков) с буржуазной. Отсюда следует, во-2-х, что хотя демократическая революция неизбежно должна предшествовать, как первый этап, социалистической, тем не менее их может и не разделить, как на Западе, продолжительный период мирного развития. Вполне возможно, что при известной длительности гражданской войны, наша революция, начавшаяся, как революция демократическая, закончится как революция социалистическая. С этой возможностью мы должны непременно считаться. Русская социал-демократия в противовес утопическому анархизму всегда утверждала, что Россия не может сделать скачок к социалистической революции, минуя буржуазную, но она никогда не бралась определить, какой промежуток времени должен отделять эти два этапа, и очевидно, что чем больше

история оттягивала момент гибели самодержавия, чем больше в недрах старой России развивались новые капиталистические отношения, чем больше развивался капитализм мировой, тем больше мы должны были считаться с возможностью непосредственного развития революции от демократического этапа к социалистическому.

Вульгарно понимающие марксизм против этого взгляда обыкновенно возражают: характер революции определяется степенью развития производительных сил; у нас **технически** невозможна в близком будущем социалистическая революция, потому что у нас не созрели для этого достаточно производительные силы страны. Эта апелляция к марксизму основана на недоразумении. Степень развития производительных сил, конечно, определяет характер революции, но только в последнем счете. Степень развития производительных сил непосредственно обусловливает только известное развитие и связанное с ними развитие классовой борьбы, и от этой борьбы уже главным и ближайшим образом зависит характер революции. Но нужно помнить, что развитие классовой борьбы происходит гораздо более конвульсивно, что оно подвержено в гораздо большей степени тому, что мы называем элементом «случайности», чем развитие производительных сил. Как быстро классовые противоречия могут развиваться в эпоху революции, как быстро общество может пройти разные этапы своего политического развития, лучше всего показывает история французской революции. Нужно помнить также в какой международной обстановке совершается наша революция.

Вот те общие принципиальные соображения, которыми соц.-демократия руководится в своей тактике по отношению к крестьянству,—тактике естественно меняющейся в зависимости от перемены внешних условий. Об этой тактике в другой раз.

II.

В предыдущей статье мы установили основные предпосылки нашей тактики по отношению к крестьянам.

Как партия демократическая, мы во имя демократической революции решительно поддерживаем борьбу всей крестьянской демократии против помещиков и самодержавно-полицейского государства, решительно поддерживаем ее требование передачи всей частновладельческой земли крестьянству.

Как партия социалистическая, мы уже теперь, в период демократической революции, подготовляем условия для будущего социалистической революции и сплачиваем во имя ее городской и сельский пролетариат—на борьбу со всей буржуазией, как городской, так и сельской, как крупной, так и мелкой.

Теперь мы идем в борьбе рядом со всей крестьянской демократией, но, идя с ней рядом, мы не разделяем её иллюзий.

Только развитие капитализма и неразрывно связанного с ним рабочего движения сделало возможной и неизбежной настоящую революцию, которая, в свою очередь, даст огромный толчок дальнейшему развитию производительных сил страны. Но крестьянство в массе не понимает смысла того исторического процесса, который совершается за его спиной и который пользуется им, как своим орудием. Деревня чрезвычайно отстала от города; если в городе капиталистические отношения уже вытеснили отношения, сложившиеся на основе натурального хозяйства, то в деревне эти пережитки прошлого еще очень сильны. Естественно, что у крестьян в настоящий момент глубоких общественных потрясений и катастроф, когда все устои общественного порядка готовы рухнуть, ожила старая заветная мечта о черном переделе и приобрела могучую власть над умами.

Наши «самобытники» социалисты-революционеры видят в этом крестьянском настроении особенность русской общественности и гарантию того, что она пойдет вперед новыми неисповедимыми путями. Современное настроение «трудового» крестьянства, однако, в такой же малой степени «самобытное» явление, как суб'ективный идеализм и утопизм его quasi-научных идеологов, копирующих старые, давно опровергнутые теоретические заблуждения германской революционной демократии 40 г.г. Достаточно вспомнить крестьянские войны в Германии, Фому Мюнцера[118]), знаменитые «12 пунктов» крестьянских требований эпохир еформации, чтобы убедиться, насколько в данном случае история повторяется.

Соц.-демократия идет пока в борьбе рядом с крестьянской демократией, но она не разделяет ее иллюзий!

Не говоря о том, что корень крестьянского разорения лежит не только в малоземельи, но также, и это главное, в низкой земледельческой культуре, связанной с отсутствием капитала, мы должны помнить, что весь свободный фонд непосредственно годной к обработке земли, которым располагают частные землевладельцы и казна, составляет всего 61 млн. десятин. Таким образом, когда все эти земли будут экспроприированы и переданы крестьянам, то площадь их запашки увеличится в полтора раза; **крестьянин** на душу получит лишь 1,4 десят. **и будет иметь в среднем** 4,5 десят., т.-е. несколько меньше, чем он имел в 60 г. (средн. надел помещ. и госуд. крестьян составлял тогда 4,8 десят.). Вот что говорят цифры, г.г. романтики: после экспроприации крестьянство вернется только вспять к тому пункту, с которого началась их печальная эпопея. Спрашивается, есть ли основание думать, что теперь эта эпопея не повторится? Никакого. Власть капитала теперь неизмеримо большая, чем в эпоху освобождения крестьян; политическая свобода даст ему несравненно больший простор для предприимчивости, даст гораздо больше гарантий, обеспечивающих доходность затрат в сельском хозяйстве. Очевидно, что капитализация сельского хозяйства и пролетаризация деревни пойдут более усиленным темпом, хотя гораздо менее мучительным путем и, что особенно важно, идеология «трудового» крестьянина, складывавшаяся на основе старого натурального хозяйства, начнет быстро вытесняться в одних случаях мелкобуржуазной идеологией крестьянина-собственника, в других случаях—социалистической идеологией современного пролетария.—Мы установим юридические плотины против пролетаризации деревни, говорят соц.-рев.; мы установим закон, по которому народ сможет распоряжаться только той землей, которую он способен обрабатывать собственными силами. Утопия! Закон может иметь реальное значение только тогда, когда он не идет в разрез с общественным развитием, когда его отстаивают жизнеспособные классы населения. Закон 19 февраля[120]) тоже предоставил крестьянам право периодическими переделами равнять землю, и все-таки масса крестьянства не сумела этого закона использовать; не сумеет оно его использовать и теперь.

Чтобы «уничтожить бедствия народные, проистекающие от недостатка земли»... чтобы водворить «прочный и справедливый» порядок землеустройства, нужно и т. д.—говорит резолюция крестьянского союза[121]), инспирированная соц.-рев. Давать такие обещания при сохранении капиталистического строя, значит вводить в заблуждение трудящиеся массы, значит усыплять их мысль и отвлекать их внимание от задач организации классовой борьбы за социализм. Против этой реакционной романтики социал-демократия боролась всегда и будет всегда бороться.

—Но как же вы предлагаете поступить с экспроприированной землей?—спрашивают нас соц.-революционеры.—Вы, стало быть, будете требовать расхищения экспроприированной земли буржуазией, вы будете содействовать укреплению частной земельной собственности, пролетаризации деревни во имя подчинения законам исторической необходимости?

Не раз уже народники нам приписывали подобные взгляды и намерения. Не раз мы раз'ясняли, что эти обвинения составляют сплетение извращений и невежества. Но за неимением новых, лучших аргументов им приходится повторять эти старые, негодные; мы же вынуждены в ответ повторять азбучные истины.

Мы считаем себя сознательными выразителями бессознательного исторического процесса,—это верно. Но процесс этот антагонистический, и если мы считаем неизбежной победу капитала над натуральным хозяйством, то мы считаем столь же неизбежной победу наемного труда над капиталом, и в нашу задачу входит только содействие этой последней победе, мы желаем быть сознательным орудием только **этой** исторической необходимости, предоставляя защиту капиталистического развития в целом апологетам буржуазного общества.

Вы спрашиваете, чего мы будем требовать в Учредительном собрании, как мы предложим поступить с экспроприированной землей?

Мы отвечаем ясно и категорически: мы будем требовать не «социализации», а социализма, не уравнительного пользования землей, а обобществления **всех** средств производства. Мы этого будем требовать, основываясь на убеждении, что только организация общественного производства, по крайней мере в крупных отраслях промышленности, составляющих главные артерии промышленной жизни и определяющих все направление ее развития, действительно, практически обеспечит землю за теми, которые на ней работают и избавит их от пролетаризации и обнищания.

Мы знаем, что когда мы выдвинем лозунг социализма, как лозунг очередной, мы, по крайней мере на первых ступенях революционной ликвидации старого режима, не встретим поддержки в большинстве нации, мы знаем, что масса крестьянской демократии, которая теперь довольно единодушна в борьбе с помещиками, тогда, когда придется делить шкуру убитого медведя, распадется на антагонистические группы собственников, которые будут бороться между собой за способ раздела земли, и что большинство из них вместе взятые будут бороться против крестьян-пролетариев. Мы знаем, что наша социалистическая программа не имеет шансов на практическое осуществление в ближайший момент великой русской революции. Из этого, конечно, не следует, что мы будем праздными и безучастными зрителями того аграрного переворота, той огромной революционной мобилизации земельной собственности, которая будет совершаться на наших глазах.

С точки зрения международной социал-демократии социальная революция не исключает социальной реформы, и революционная политика не исключает так назыв. «реальной» политики. С этой точки зрения, то социалистическое требование, которое **мы** выставили как свое требование и осуществление которого будет делом будущего, не избавит нас от необходимости и обязанности так или иначе отнестись к тем часто противоречивым требованиям, которые будут выставлять **другие** общественные группы, стоящие на точке зрения буржуазного общества.

Это не избавит нас от необходимости и обязанности в одном случае поддерживать требования одной группы крестьян, в другом случае—другой. При крайнем разнообразии и запутанности социальных отношений в деревне мы не можем установить на этот счет общего принципа для всей России, соответствующего интересам пролетариата и общественного развития. Мы можем, однако, сказать, что там, где преобладает развитое капиталистическое сельское хозяйство, мы будем поддерживать передачу экспроприированной земли в распоряжение того или иного органа демократического самоуправления на условиях, лучше всего обеспечивающих интересы сельскохозяйственных рабочих. Там же, где преобладает система сдачи земли в аренду мелкими участками, либо система отработков, т.-е. в значительном большинстве случаев, мы будем требовать раздела земли, что явится уже значительным шагом вперед по сравнению с кабальным помещичьим хозяйством.

Но какое бы мы из требований крестьян ни поддерживали, мы всегда и всюду будем считать своей главной задачей—сплочение деревенской бедноты в одну армию с городским пролетариатом, идущим под знаменем социализма, вне которого крестьянский вопрос не может быть окончательно решен. Какое бы мы требование крестьян ни поддерживали, мы всегда и всюду будем раз'яснять деревенской бедноте, что эти реформы не способны установить «прочного и справедливого порядка» в деревне и что ей нет спасения вне классовой борьбы пролетариата с буржуазией, вне дальнейшего развития революции.

В начавшейся великой революции некоторые союзники нас уже покинули: многие нас еще покинут ради скорейшего водворения «социального мира», ради утверждения «правового порядка». В числе этих отщепенцев от революции в более или менее близком будущем окажется наверно значительная часть тех «истинно русских» социалистов, которые думают решить социальный вопрос путем частичной и постепенной «социализации» и муниципализации средств производства.

Одна лишь «узкая» и «нетерпимая» социал-демократия решительно отвергает возможность смягчения классовых противоречий в рамке буржуазного общества. Она одна в настоящее время смело выставляет лозунг—непрерывная революция, она одна приведет трудящиеся массы к последней и решительной победе.

П. Б. Аксельрод.

НАРОДНАЯ ДУМА И РАБОЧИЙ С'ЕЗД.

(Из брошюры, того же назв. Изд. 1907 г.).

I.

Непосредственным поводом или толчком к моему обращению к меньшевистскому центру с предложением взять на себя инициативу подготовки и созыва рабочего с'езда послужили дебаты и разногласия внутри партии по вопросу об ее тактике во время ожидавшейся летом 1905 г. избирательной кампании и по отношению к самым выборам в булыгинскую Думу [122]). И избирательная система, и законосовещательный характер этого выкидыша канцелярских натуг заранее компрометировали его в глазах радикальной демократии, как пародию на народное представительство, лишенную всякого смысла и всякого права на существование. Большинство (кажется, даже подавляющее большинство) товарищей стояло поэтому за бойкотирование выборов, при чем если не все, то многие сторонники бойкота считали недостаточным простое самоустранение от выборов; они агитировали за активный бойкот, т.-е. за насильственное расстраивание самого процесса выборов с тем, чтобы они совсем не могли состояться. На другом, противоположном полюсе, стоял Парвус [123]), предлагавший партии непосредственно участвовать в выборах и избирательной борьбе. Я же, с своей стороны, находил нецелесообразной как тактику бойкота, так и прямо противоположную ей, пропагандировавшуюся Парвусом, хотя последняя диктовалась соображениями, политически более зрелыми, чем первая. Проведение на практике активного *) бойкота должно было свестись к ожесточенным столкновениям социал-демократов не столько с правительством и реакционерами, сколько с остальными слоями населения, возлагавшими большие или меньшие надежды на государственную Думу Он грозил нам опасностью вызвать против партии и следующих за ней пролетарских элементов вражду и ненависть со стороны избирателей-крестьян и других масс населения, враждебных бойкоту. Что же касается до участия партии в выборах, то оно исключалось уже тем фактором, что избирательный закон лишал пролетариат и массу демократической интеллигенции всяких избирательных прав.

Следует ли отсюда, что нам нужно было оставаться в стороне от политической арены в период избирательной борьбы и, со сложенными на груди руками, пассивно наблюдать, как состязаются между собою политически привилегированные элементы и их представители? Конечно, нет. Мы обязательно должны были самым энергичным образом политически использовать этот период. Но для этого нам следовало отыскать или создать для партии и пролетариата самостоятельную агитационную арену, а не путаться непосредственно и исключительно на той, которую правительство собиралось милостиво предоставить булыгинским избирателям.

Политическая задача, стоявшая перед нами в рассматриваемый момент, состояла в том, чтобы, опираясь на общественное возбуждение и недовольство «пожалованной» пародией на конституцию, вызвать в стране такое **организованное** революционное движение против нее, которое своим давлением на избирателей и на самую думу помешало бы правительству сделать ее своим покорным слугой и, наоборот, обратило бы ее в орудие революции, хотя бы и невольное.

Два пути или средства представлялись нам для этого. Один из них сам собою непосредственно указывался попыткой правительства подменить народное представительство представленным собранием народных эксплоататоров и угнетателей. Этой попытке все демократические фракции могли, с своей стороны, противопоставить агитацию в народных массах за самостоятельный созыв своей, «народной» Думы из подлинных представителей народа. Параллельно и в прямой связи с избирательной борьбой политически привилегированных партий, демократические пар-

*) О пассивном бойкоте вообще странно было говорить, когда сами творцы «конституции» позаботились об устранении демократических слоев от участия в выборах.

тии бесправных классов народа должны были организовать широкую агитацию в массах за создание ими самими, своими собственными организованными усилиями, своего общенародного политического центра из свободно выбранных ими представителей на основании общего, прямого и равного голосования. Мысль о создании такого политического центра, который, в качестве истинно народного представительного собрания, энергически противопоставлял бы эгоистическим стремлениям представительного собрания помещиков, капиталистов и сановных чиновников действительную волю, подлинные желания и требования эксплоатируемого, бесправного и угнетенного народа, мысль о создании такого центра, являясь общим лозунгом агитации, направляла бы оппозиционное и революционное движение в одно общенациональное, революционно-демократическое русло и сосредоточивало бы все его силы на одном центральном пункте.

Но абсолютно необходимым предварительным условием, не говоря уж об успехе такой агитации, но даже для серьезной попытки начать ее в сколько-нибудь широком масштабе, являлось соглашение между всеми фракциями и группами радикальной демократии для совместного проведения на практике политической кампании во имя указанного лозунга. Разумеется, при полном сохранении каждой из них своей, не только организационной, но и тактической самостоятельности.

Имелись ли налицо шансы для создания такой политической коалиции между составными элементами нашей демократии? Некоторые из сторонников бойкота ссылались, в доказательство возможности его широкого и успешного проведения, на тяготение демократической интеллигенции и ее главных организаций к бойкотной тактике. Но если это так, если интеллигенция эта проникнута была таким боевым настроением, то она оказалась бы способной проявить его и на почве политической кампании во имя **положительного** лозунга—самостоятельного созыва совместными силами демократических слоев своей собственной, «народной Думы». Находясь за тридевять земель от родины, я не мог, конечно, составить себе вполне ясное и определенное представление о том, насколько демократическая интеллигенция («Союз союзов»[124]) и т. д.) способна была бы на самом деле принять серьезное участие в такой, явно «противозаконной» политической кампании. Вот почему я об агитации в пользу народной Думы говорю в своих письмах [125]) только предположительно: «если..., то и т. д.».

Как бы то ни было, на этом пути мы всецело зависели от посторонних элементов: мы и вступить на него не могли бы без предварительного соглашения с другими группами и организациями демократии. Уже одно это обстоятельство налагало на нас обязанность не ограничиваться указанным путем, а искать еще другого, выбор которого зависел бы исключительно от нас и от настроения передовых слоев пролетариата. Но, если бы проектированный план общедемократической политической кампании и нашел для себя благоприятную почву, то все же перед нашей партией стоял бы ребром вопрос: «А как же нам использовать новый период общественного оживления в интересах дальнейшего развития, расширения и укрепления **классовой организации** рабочих масс? Неужели двадцатилетнее существование русской социал-демократии все еще не привело к «выработке элементов», необходимых для образования той, настоящей «рабочей социалистической партии», которую имел в виду Плеханов в предисловии к своей брошюре «Социализм и политическая борьба» [126]), появившейся в свет без малого четверть века тому назад? А если эти элементы имеются уже налицо, то они непременно проявят себя—именно на почве агитационной и организационной работы по подготовке и созыву рабочего с'езда, а самый этот с'езд явится отправным пунктом в процессе **сознательного** самопреобразования нашей партии в настоящую классовую организацию наших пролетарских масс.

Таково было общее, основное или принципиальное соображение, которым я руководился, предлагая партии летом 1905 г. сосредоточить свои силы в течение ожидавшегося тогда избирательного периода на подготовке и организации рабочего

с‘езда. Но непосредственно практическая цель его, диктовавшаяся специальными особенностями момента, состояла все-таки, главным образом, в том, чтобы партия политически наиболее плодотворным образом использовала этот период, концентрируя свои и революционно активные силы пролетариата на одном пункте: на создании такого общерусского пролетарского центра, который способен был бы группировать вокруг себя рабочие массы и руководить ими в **непосредственно** предстоявших новых **битвах** с реакцией. При данных же обстоятельствах, преследование второй, ближайшей цели, несовместимо было с такой основательной и систематической подготовительной работой по созыву рабочего с‘езда, которая безусловно необходима в интересах первой принципиальной цели.

Осуществление меньшевистским О. К. моего предложения о возможно скором созыве рабочего с‘езда, в лучшем случае, привело бы к образованию общерусского Совета рабочих депутатов,—учреждения, тождественного или очень близкого, по своему характеру и практическим задачам, к Петербургскому Совету рабочих депутатов, т.-е. такого политического органа, который приурочен был бы, главным образом, к тому, чтобы призывать и мобилизовать рабочие массы в боевые моменты. И мне самому отчасти рисовалась в воображении подобного рода пролетарская организация, как **непосредственный** осязательный результат кратковременной агитации и форсированного, так сказать, почти скоропалительного созыва с‘езда.

Такой пролетарский центр сыграл бы, наверное, огромную роль в ходе российской революции, об этом можно догадываться по тому огромному значению, которое быстро приобрел Петербургский Совет рабочих депутатов, да и советы рабочих депутатов в некоторых других городах. Но он едва ли мог бы послужить отправным пунктом и орудием для достижения нашей принципиальной, основной или «конечной» организационной цели—создания такой рабочей организации, которая не только опиралась бы на рабочие массы, но и непосредственно об‘единяла бы их и притом не только применительно к тому или другому преходящему моменту особенно высокого революционного под‘ема, но и к повседневной, хронической борьбе за интересы своего класса на почве программы и тактики, пропитанных учениями международной социал-демократии. Для подготовления с‘езда, с непосредственной целью, если не создать, то хотя бы дать решительный толчок процессу образования такой пролетарской организации, необходима была, конечно, значительно более глубокая и продолжительная работа, чем та, которая возможна была $1^1/_2$—2 года назад, когда на очереди перед нами и пролетариатом стоял неотложный практический вопрос: какую позицию занять по отношению к булыгинской думе и к выборам в нее и что делать для того, чтобы кратчайшим путем, уже ко времени появления в жизни этой думы, создать пролетарский политический центр, который, группируя вокруг себя рабочие массы и поддерживаемый ими, решительно и энергично выступал бы во главе их и от их имени, против правительства и дворянско-капиталистических реакционеров в думе? Ни на минуту нельзя было и не следовало тогда отсрочивать широкую агитационную и организационную работу по подготовке с‘езда из опасения, что от такой поспешности пострадают ее содержание и **прочность непосредственных** результатов.

Вторая попытка побудить партию взять на себя инициативу созыва рабочего с‘езда сделана была, наоборот, в такой момент, когда об одной только **длительной предварительной** подготовке его путем всесторонней пропагандистской и организационной работы среди социал-демократических и вообще наиболее передовых рабочих, и можно было серьезно говорить. Об агитации в широких массах в самом начале эпохи господства военно-полевого режима, в мертвой атмосфере всеобщей придавленности нечего было и думать. И не будучи пророком, не трудно было предвидеть, что режим этот процарствует, по крайней мере, несколько месяцев и что новый под‘ем оппозиционной волны можно было ждать только через некоторое время, когда население, так сказать, приспособится к этому режиму, придет немного в себя и потеряет отчасти свой страх перед его бичами и скорпионами. Немедленное обращение предложения о рабочем с‘езде в официальный партийный

лозунг для непосредственной агитации не имело бы, при таких условиях, никакого практического смысла и было бы в высшей степени нецелесообразно. В переходный период, начало которого ознаменовалось разгоном думы и усилением варварских репрессий на несколько степеней, партия могла и должна была бы сосредоточить свою главную работу на «собирании» и подготовке наиболее сознательно-революционных элементов пролетариата для организации и руководства рабочими массами в тот момент, когда обстоятельства дадут возможность развернуть широкую агитацию в этих массах; формирование и организация передовых кадров пролетариата, вышедших из его собственных недр и пребывающих в его среде, для указанной миссии, являлись насущной и вместе с тем и наиболее выполнимой для партии задачей в период политического затишья и всеобщего утомления безрезультатной борьбой с реакцией в течение почти-что двух лет. Предлагая использовать этот период для длительной работы по подготовке созыва рабочего с'езда, я этим самым указывал путь для выполнения и только-что упомянутой задачи.

Первым, предварительным шагом в этой работе, я считал, само собою разумеется, обстоятельное обсуждение в руководящих партийных кругах (под которыми я подразумевал и подразумеваю наиболее интеллигентных и влиятельных товарищей рабочих) программы и задачи с'езда, общего плана подготовительных работ, содержания, методов, форм, средств пропаганды, агитации и организации—в связи с его подготовкой. К первым же шагам я относил и образование литературной группы для выработки **общего коллективного** плана литературной пропаганды в пользу с'езда, при помощи специальных брошюр и статей, которые выясняли бы и освещали бы значение рабочего с'езда для решения **конкретных** вопросов и задач, связанных с насущными нуждами и потребностями пролетариата и с жизненными интересами всего угнетенного народа *).

Следующий шаг должен был, по моему мнению, состоять в перенесении вопроса о рабочем с'езде, его задачах, путях и средствах его подготовки и т. д. на обсуждение более широких социал-демократических кругов, главным образом, конечно, на обсуждение кружков и собраний социал-демократических рабочих. В этой стадии работа по подготовке с'езда должна была бы иметь непосредственной целью не только пропаганду его и выяснение вопросов, связанных с его созывом, но и образование тех передовых кадров, инициативных кружков и организаций в пролетариате, наличность и активное участие которых является одним из необходимейших условий для плодотворности такого дела, как организация пролетарского с'езда. Чтобы не быть просто пародией на рабочий парламент, проектируемый с'езд должен явиться воплощением фактически существующего уже в пролетариате стремления к самоорганизации и этапом в процессе этой самоорганизации, он должен явиться собранием наиболее активных и интеллигентных представителей рабочих масс, **уже вступивших** на путь организованной самодеятельности; если бы такого стремления и элементов, способных дать ему практическое выражение, не оказалось налицо в нашем пролетариате, то и созывать рабочий с'езд не стоило бы. Поэтому я полагал и теперь полагаю, что официальному выступлению ЦК в деле созыва с'езда обязательно должны предшествовать намеченные выше стадии в подготовительной работе, стадии, в течение которых социал-демократические элементы пролетариата проявили бы и развили в себе сильную активность и инициативу внутри существующих уже пролетарских организаций и в созидании новых организационных ячеек, необходимых для того, чтобы непосредственная агитация в массах за с'езд и его совещания дали серьезные и прочные результаты.

Относительное оживление, внесенное в рабочие массы избирательной кампанией и которое, нужно полагать, будет поддерживаться и усиливаться существованием думы и конфликтами между нею и представителями реакции, работа профес-

*) Предполагалось предпринять также издание очерков из истории образования рабочих партий на Западе и той роли, которую играли в ней рабочие с'езды, со специальной целью давать материал для конкретизации, углубления и обогащения содержания пропаганды и агитации за с'езд.

сиональных союзов, все более пробуждающееся в передовых кругах нашего пролетариата стремление политически стать на собственные ноги, наконец, несомненные успехи мысли о рабочем с'езде как в руководящих сферах, так и в ее низах, дают основание надеяться, что теперь предварительная пропагандистско-агитационная и организационная работа в указанном направлении может пойти гораздо более ускоренным темпом, чем это возможно было в эпоху бездумья и всеобщей политической усталости. Но сторонникам с'езда придется еще вести не легкую борьбу с консервативными элементами в нашей партии, открывшими крестовый поход против самой мысли о созыве рабочего с'езда, как только в их генеральном штабе получилось «сообщение», что она дебатируется в социал-демократических кружках*). Теперь, в виду предстоящего партийного с'езда охранители «незыблемости основ» партии с новой энергией возобновили свою агитацию против рабочего с'езда, достойным выражением которой является резолюция «большевиков». И, с своей точки зрения, они вполне правы, забив тревогу по поводу угрожающей старым «устоям» нашей партийной организации «опасности». Консервативный инстинкт их не обманывает. «Идея рабочего с'езда» столь же опасна нашему старому партийному режиму, сложившемуся на почве старого государственного режима России, как «идея» народного представительства—для этого последнего.

II.

Представим себе, в самом деле, что агитация за рабочий с'езд увенчалась полным успехом. Всевозможные рабочие организации, начиная от профессиональных и кончая кружками самообразования, клубами, местными советами рабочих уполномоченных, выборщиков и т. д. приняли самое живое, горячее активное участие в его подготовке и созыве; социал-демократы, рабочие и интеллигенты, позабыв совершенно о том, что на свете имеются «большевики» и «меньшевики», неустанно работают внутри и совместно с названными организациями над подготовкой с'езда, пропагандируя в рабочих собраниях и кружках программу нашей партии, выясняя в непосредственной связи с его задачами, на почве повседневных вопиющих явлений русской жизни и острых нужд рабочих масс, наши конечные цели и ближайшие требования; не требуя от рабочих масс присяги в верности нашей партии, наши пропагандисты, агитаторы и организаторы не скрывают, тем не менее, а, наоборот, ясно и настойчиво подчеркивают свою принадлежность к социал-демократии, об'ясняя конкретными фактами из жизни рабочих и из исторического опыта пролетариата других стран, почему именно они считают, что только социал-демократия указывает рабочим массам верный путь к их освобождению от экономического рабства и политического гнета. Не будучи чрезмерными оптимистами, дозволительно и законно питать уверенность, что своей пропагандой и агитацией нам удастся глубоко провести в умы социально-активных рабочих масс сознание невозможности добиваться каких-нибудь серьезных улучшений в условиях своей жизни, не об'единившись в самостоятельную, классовую, политическую силу. Рабочие массы, проникнутые сознанием необходимости сплотиться в классовую политическую организацию, выберут на с'езд делегатами, конечно, таких лиц, которые проявят перед ними ясное понимание задач с'езда, как этапа на пути образования такой организации, и способность отстаивать эти задачи. Если же большинство членов с'езда будет состоять из таких делегатов, то ведь он будет социал-демократическим.

И в этом-то случае может произойти, действительно, нечто ужасное— с точки зрения охранителей «старины». С'езд, в составе которого, будет, конечно, не мало, испытанных членов нашей партии (который и подготовлен-то будет при ее энергичном содействии), возьмет да и об'явит себя **Учредительным** собранием сознательно

---

*) Уже в августе или сентябре прошлого года «большевики» забили тревогу против агитации за рабочий «с'езд». По этому поводу я поместил в № 1 «Социал-демократа» письмо «По поводу одной заметки», которое считаю не лишним перепечатать в приложении к предлагаемой брошюре под новым заглавием: «По поводу агитации против «идеи рабочего с'езда».

революционного русского пролетариата, призванным взять на себя ликвидацию старого партийного строя русской социал-демократии, сложившегося в ту эпоху, когда главной носительницей революционно-демократических и социалистических стремлений в России являлась радикальная интеллигенция, а пролетариат представлял собою бессознательную «стихию», способную лишь служить для нее пассивным об'ектом воздействия и опеки. Исторические условия зарождения и развития русской социал-демократии в дореволюционную эпоху привели к тому, что она, в конце-концов, сложилась в организацию, в которой революционная интеллигенция является как бы правящим классом, охраняющим ее принципиальные основы, а пролетарские элементы—классом управляемым и опекаемым против всяких искушений извне буржуазным духом. Но, в действительности, этот «правящий» элемент все более и более теряет спобность выполнять свою принципиальную миссию—развивать классовое сознание русского пролетариата и, наоборот, в лице своих консервативных представителей, становится тормозом для социал-демократического развития рабочих масс; под флагом социал-демократии, они сами заражают доступные их влиянию слои пролетариата буржуазным революционизмом и мешают развитию его политической самостоятельности. Да и зачем, для чего им развивать в рабочих массах эту самостоятельность, когда они, по примеру покойного вятского комитета нашей партии, считают, что революционное назначение нашего пролетариата сводится к тому, чтобы повиноваться, когда партийное начальство призовет их к открытому восстанию»? В уставе названного комитета мы уже 3 года с лишним тому назад читали: «Признавая, что при настоящих условиях насильственный переворот в России можно провести, лишь опираясь **на готовую к повиновению** и к открытому восстанию рабочую массу крупных промышленных центров, мы главным центром нашей работы ставим организацию рабочего класса». Здесь с классически наивной откровенностью выражена и конечная цель охранительного усердия наших фарисеев «принципиальной чистоты» и т. д.

И вот, свободно выбранные представители этой самой рабочей массы провозглашают свой с'езд верховной политической инстанцией русского пролетариата, принимаются за ликвидацию того партийного режима русской социал-демократии, который должен обеспечить «повиновение» пролетарских масс, лишь только их призовут «к открытому восстанию», и берутся закладывать фундамент для организации, в которой они сами, эти массы, явятся политически самоуправляющейся силой.*)

Ну, разве это не антигосударственная, то бишь, антипартийная перспектива! Как же не поднимать тревоги и не усиливать идейного хаоса в партии—когда на сцене появилась «крамола», угрожающая ей такой опасностью?

Зеелигсберг, июль, 1905 г.

II.

Мне кажется, нужно было бы сосредоточить все внимание передовых и инициативных единиц партии на одном практическом деле: организации и созыве общего рабочего с'езда, для обсуждения и принятия определенных решений по вопросу о программе ближайших требований и образе действий рабочего класса. В связи, рядом и одновременно с этим общим с'ездом должен быть созван и заседать с'езд социал-демократов, большинство делегатов которого должно опять-таки состоять из рабочих.

Порядок и ход агитации мне представляются в таком виде: «Организационная Комиссия» созывает конференцию, примерно, из десятка, или около того, из-

*) Я набросал перспективу идеально благоприятную—с принципиальной точки зрения социальной демократии. Но если бы энергичная работа нашей партии по подготовке с'езда и не увенчалась для нее таким торжеством, то партия на этой работе настолько тесно сблизится с передовыми слоями пролетариата настолько освежит и подкрепит свои силы, обогатится новым опытом и до того внутренно преобразуется, что сможет фактически занять положение авангарда и союзника по отношению к массовым рабочим организациям вообще и к той рабочей организации, которую с'езд вызовет к жизни—в частности.

вестных ей партийных работников, и, обсудив на ней план агитации среди рабочих в пользу с'езда и проект программы его очередных вопросов, обращается затем от имени партии к рабочим с воззванием, в котором должны быть, во-1-х, кратко указаны факты выступления официальных органов либеральной и демократической буржуазии, охарактеризованы социальный состав и программы действий этих органов («Союз союзов», «Бюро земского с'езда» и т. д.); во-2-х указано, что ждет рабочих, если они немедленно не сорганизуются в особый союз, с самостоятельной программой и тактикой, вместо того, чтобы тащиться в хвосте за буржуазными союзами или входить в их состав, как отдельные индивидуумы, или даже целыми группами.

Нужно, в-3-х, указать на рабочий конгресс, как на первый шаг к образованию такого союза.

Главной задачей с'езда должно быть обсуждение очередных вопросов общественной жизни: созыв Учредительного собрания, отношение к правительственной карикатуре народного представительства и к тактике организаций и собраний буржуазной оппозиции. Тактика и план действия рабочего союза в борьбе за созыв Учредительного собрания (на известных основаниях), условия, на которых рабочий класс может и должен входить в соглашения с либерально-демократическими союзами и оказывать им поддержку. Экономические и политические реформы, которые должно будет осуществить Учредительное собрание и за которые нужно будет агитировать уже до и во время выборов в это собрание.

Исходя из указанных (в предполагаемом воззвании соображений, социал-демократическая Рабочая Партия (в лице «конференции», «Организационной Комиссии» одной, или совместно с редакцией «Искры») считает своей обязанностью взять на себя почин созыва и организации общерабочего с'езда и с этой целью обращается к помощи всех передовых, сознательных рабочих—все равно, принадлежат ли они к партии или нет. Социал-демократия не знает и не преследует других интересов, кроме интересов рабочего класса. Пусть все развитые рабочие, проникнутые сознанием своей ответственности и своих обязанностей перед пролетариатом, немедленно примутся за организацию повсеместных рабочих клубов, кружков, мелких и крупных собраний для обсуждения очередных вопросов с'езда и для выборов в него представителей.

Разумеется, литературные обращения к рабочим должны явиться лишь одним из средств агитации в пользу с'езда. Наши товарищи должны развернуть самую широкую агитационную и **организационную** работу по подготовке с'езда в примыкающих к нашим организациям или доступных их влиянию рабочих кругах. И рядом с этой агитацией нужно сделать попытку воодушевить товарищей рабочих, членов наших «профессионально революционных» организаций, мыслью о реформировании всей партии. Идеалом, разумеется должно быть такое активное участие партии в общем с'езде, чтобы он и союз, которому он положит начало, фактически пропитаны были духом соц.-демократии и готовностью итти **рука об руку с ней.**

Чтобы не забыть: проявленное земским с'ездом отношение к рабочим—в отличие от крестьян—должно быть, сверх других подвигов его, всесторонне использовано, как иллюстрация в пользу необходимости самостоятельного рабочего с'езда и самостоятельной организации рабочего класса.

Но что, если «Союз союзов» уже на всех парахработает над созывом рабочего с'езда, и мы уже являемся слишком поздно? По крайней мере, такое опасение высказывают женевцы в ответ на мое предложение, о котором я им писал с неделю тому назад.

По-моему, в этом случае, нашим следовало бы повести самую энергичную и широкую агитацию среди социал-демократов и полусоциал-демократов рабочих за посылку на этот конгресс делегатами возможно большего числа членов партии, с тем, чтобы они там выступали, как самостоятельная, тесно сплоченная группа, т.-е., предварительно по каждому вопросу совещались между собой и затем говорили и голосовали солидарно, от имени партии. То-есть, желательно было бы, чтобы, чи-

сленно и качественно, в силу своего выбора и мандата, наши делегаты, имели возможность фактически конституировать рядом с предполагаемым с'ездом, свой социал-демократический конгресс, который мог бы взять на себя роль реорганизатора и реформатора партии.

Но... если бы все-таки возможно было созвать общерабочий с'езд исключительно по инициативе и от имени партии, то мне кажется, что агитация, обсуждение задач и программы его должны бы быть по возможности открыты: назначение же места и времени—смотря по обстоятельствам. Этот с'езд должен был бы стать силой или создать такую организацию, которая способна была бы от имени рабочего класса выступать, как против официальных организаций буржуазной оппозиции, так и вступать с ними в переговоры, коалиции, соглашения для определенных действий.

Ваш П. Аксельрод.

Зеелигсберг, август 1905 г.

III.

Вы спрашиваете меня, думаю ли я, «что агитация в пользу общего рабочего с'езда может стать тем центром, который стянул бы к себе социал-демократических и полусоциал-демократических рабочих», что, во 2-х, «это практическое дело могло бы также стать лозунгом и для широкой массы, т.-е. таким лозунгом, который мог бы захватить ее так, чтобы в нем она видела путь к удовлетворению своих запросов» и, наконец, что, в-3-х, сознательные передовые рабочие «пойдут теперь (в настоящий момент) с надлежащим энтузиазмом за таким лозунгом, который не увлечет за собой до конца всю широкую массу»?

Отвечаю: я настолько убежден в первом, что опасаюсь, как бы радикальное крыло освобожденцев не побило нашу партию именно на этой почве, взяв на себя инициативу созыва и организацию такого с'езда. Если часть передовых рабочих Питера могла пристать к Гапону [127]), то нет сомнения, что в настоящий момент всеобщего возбуждения они с радостью ухватятся за помощь либеральной демократии в таком практически осязательном деле, как устройство общего рабочего с'езда. Вот почему я того мнения, что если уж мы опоздали со своей инициативой, мы обязаны, в интересах извлечения возможно большей пользы для рабочего класса из такой попытки либеральной демократии, принять самое активное участие в агитации и выборах делегатов, с тем, чтобы наложить партийную печать на ход и содержание этой агитации и обеспечить партии такое представительство на с'езде, которое способно было бы превратить его в орудие и центр действительного классового сплочения пролетариата. Но если либералы не взялись еще за это, то было бы совершенно немыслимо, противоестественно, если бы передовые рабочие не пошли за нами с увлечением в первой попытке действительного об'единения их вокруг ими же созданного центра.

Само собою разумеется лозунг: «рабочий с'езд», пущенный в оборот **изолированно**, мотивированный **лишь** общими принципами и чисто фракционными соображениями, не стянул бы вокруг себя большинства передовых, сознательных рабочих. Но, ведь необходимость с'езда вызывается весьма **конкретными** злободневными вопросами и фактами, повседневными явлениями и событиями русской жизни, жизненными интересами пролетариата и—строго говоря—интересами всей демократии. Значит, дело партии осветить и подвергнуть надлежащей оценке—с точки зрения осязательных, насущных, доступных пониманию охваченных революционным возбуждением рабочих масс, интересов пролетариата—все эти **конкретные, жгучие** вопросы, все те события и явления, которые непосредственно волнуют массы или имеют самое непосредственное отношение к их интересам и ближайшей судьбе. Мне кажется, что, мотивировав **таким** образом необходимость с'езда и выставив простую, вполне конкретную цель и программу для с'езда, мы непременно живо заинтересуем им «сознательных передовых рабочих» и сделаем его для них лозунгом, за которым они пойдут «с энтузиазмом».

Но, спрашиваете вы, во-вторых, может ли этот лозунг «захватить» и широкую массу «так, чтобы она видела в нем путь к удовлетворению своих запросов». Не решаюсь ответить категорически на этот вопрос. Прежде всего условимся, что подразумевается под «широкой массой». Миллионы, сотни или десятки тысяч рабочих? Я думаю, что **десятки** тысяч рабочих он наверное может **«захватить»**, а такая масса, в момент всеобщего революционного брожения, достаточна для того, чтобы обеспечить с'езду, его решениям и созданной им организации огромное авторитетное значение как в среде менее сознательных масс пролетариата, так и в глазах либеральной демократии. Но, опять-таки,—все зависит от того, насколько «Организационой Комиссии» и другим товарищам удастся ярко осветить и непосредственно связать идею с'езда с теми очередными вопросами и текущими событиями, которые затрагивают **насущные интересы** рабочих масс,—интересы, для отстаивания которых массы эти должны сплотиться вокруг ими же вызванного к жизни и ими же постоянно контролируемого и поддерживаемого центра.

Нечего и говорить, что центральным фокусом агитации должен быть вопрос об организации народных сил для активного противодействия попытке правительства подменить народный парламент, «народную Думу» карикатурой под именем «государственной Думы», и для борьбы всякими средствами за созыв Учредительного **Народного** Собрания, т. е.. действительно «народной Думы», полновластной, свободно избранной всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов. Я думаю, что проектируемая правительством «государственная Дума» живо интересует теперь сотни тысяч рабочих и крестьян. Не трудно вызвать страстный интерес в этих **широких** массах к агитации, выясняющей весь обман, заключающийся в правительственном проекте, и все опасности, которыми его осуществление угрожает народу, и призывающей последний на **организованную** борьбу против реакционной шайки народных врагов—во имя самовластной народной Думы, не имеющей над собою другого повелителя, кроме **самодержавного** народа. Но если газетные слухи оправдаются и наше правительство, действительно, издаст манифест о созыве булыгинской государственной Думы, то этому мы должны противопоставить лозунг: немедленный приступ к организации повсеместно свободных выборов народных представителей в другую «народную Думу», на обязанности которой будет лежать во-первых, пред'явить «государственной Думе» требование сознательных слоев народа созыва Учредительного собрания, избранного всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов, и об'явления себя некомпетентной, не имеющей права функционировать, как представительное учреждение, решающее за народ общегосударственные вопросы; во-вторых,—служить центром и выразителем воли всех демократических слоев населения и организатором оборонительных и наступательных действий этих слоев против правительства и его союзников. Вы уже знаете, что. по моему мнению, существо дела и характер проектируемого здесь Собрания, как представительства не классового, **а общенародного**, требуют **соглашения, сговора** и совместного действия нашей партии с центральными организациями либеральной демократии. Если (и поскольку) социал-демократия выступит в этом случае, как инициатор, и поведет широкую агитацию, то она сумеет увлечь за собою уже не только социал-демократических и полусоциал-демократических рабочих, но и значительные массы таких пролетариев, которые стоят вне всякой связи с нашей партией.

* * *

...Манифест о царской «конституции» и само это чудище (на бумаге) уже появились на свет. Кроме того, передовица в № 107 «Искры», полученном мною на-днях, намечает тактику, по своему внутреннему смыслу и характеру совпадающую с той, которая предполагается в предыдущих письмах, а в только что просмотренном мною «политическом обозрении» № 11 «Социал-демократа» обосновывается довольно популярно та же тактика. Во избежание недоразумений, замечу. что я и не сомневался в том, что у меня с редакционной коллегией не произойдет никаких существенных разногласий по вопросу о тактике в данный момент,

тем более, что мы его предвидели еще весной и сошлись на том, что политика голого, по существу анархического, а главное, очень полезного для черносотенной партии «бойкота» никоим образом недопустима. Теперь я знаю, что не вношу диссонанса и своим практическим предложением пустить в ход пароль: «государственной Думе» бюрократов, дворян и плутократов политически сознательные слои народа должны противопоставить свою, свободно, без правительственного разрешения выбранную «народную Думу», как прообраз того Учредительного собрания, созвания которого она должна будет, опираясь на революционный народ и поддерживаемая им, добиваться всякими путями и средствами.

Итак, я теперь со спокойной совестью могу пропагандировать среди влиятельных товарищей свое практическое предложение, которое в моей голове неразрывно связано с агитацией в пользу общерусского **рабочего** с'езда. В самом деле: ведь, «народная Дума», хотя бы созванная по нашей инициативе и при самом энергичном участии нашем в избирательной агитации, все же явится представительством разнородных общественных слоев, и она тем более будет носить этот характер, чем в большей мере на практике будут проведены и применены те демократические начала, на которых, сообразно нашей партийной программе, должны происходить выборы в Учредительное собрание. Принимая же это во внимание, имея в виду разнородность состава представителей нашей «народной Думы», какую гарантию мы имеем, что она проявит ту решительность и непреклонность в своих действиях и тот революционный демократизм в своих требованиях, которые необходимы для отстаивания интересов демократии вообще и пролетариата в частности? Для нас ответ может быть только такой: передовые слои рабочего класса должны создать свою собственную политическую организацию, имеющую свой центр и сплачивающую рабочие массы—**под всевозможными** формами—вокруг своего знамени, неустанно поддерживающую в них горячий интерес к животрепещущим событиям дня и мобилизующую их на арену решительных революционных действий всякий раз, когда на очереди стоят вопросы, затрагивающие жизненные интересы рабочего класса и народных масс вообще. А разве в такой революционный период, какой переживает Россия, много таких дней найдется, в которые ощущался бы недостаток в горючем материале для агитации в массах и приведения их в движение на дружную защиту своих прав и интересов? Но само собою разумеется, что предполагаемая мною политическая организация рабочих может быть вызвана к жизни только под энергичным воздействием и при прямом участии (если уж не по инициативе) социал-демократов (рабочих и интеллигентов), как тесно **сплоченного** ядра, действующего по определенному плану и вносящего в среду охваченных общественным движением пролетариев то осмысленное воодушевление мыслью о самостоятельном выступлении своего класса на общественно-политической арене, которое необходимо для того, чтобы они страстно заинтересовались делом агитации в пользу рабочего с'езда и его созывом. Только такая партия, которая всецело проникнута лозунгом: «освобождение рабочего класса может быть делом только рабочего класса», только социал-демократия, для которой революционное выступление пролетарских масс является не средством для посторонних элементов и преследуемых ими целей, а, наоборот, самодовлеющей целью, самодовлеющею в том смысле, что оно должно служить проявлением классовой самодеятельности этих масс и рычагом для их политического возвышения, только партия, относящаяся **таким** образом к политической мобилизации пролетариата, может использовать созыв общего рабочего с'езда в интересах действительно политического об'единения его активных революционных элементов в самостоятельную революционную силу. Вот почему я так настаиваю на том, чтобы наша Организационная Комиссия и местные группы или комитеты привлекали к этому делу возможно большее число социал-демократических рабочих, и ставлю созыв и работы с'езда в прямую связь с задачей реорганизации нашей партии,—задачей, которую должны будут выполнить те делегаты с'езда, которые выбраны будут социал-демократическими рабочими собраниями.

Теперь о третьем замечании. Вы спрашиваете: «Пойдут ли теперь (в настоящий момент) сознательные передовые рабочие с надлещащим энтузиазмом за таким лозунгом, который не увлечет за собой до конца всю широкую массу?». По-моему, самая постановка вопроса не совсем правильна. Ради краткости и наглядности поясню свою мысль примером: Лассальянский союз и его первый с'езд вызваны были «лозунгом», который отнюдь не увлек за собой «всю широкую массу». Наоборот, эта масса, поскольку она политически шевелилась, увлекалась лозунгами либеральной демократии и нередко яростно выступала против социал-демократии, не исключая самого Лассаля. А, между тем, «передовые сознательные рабочие» с страстным энтузиазмом пошли «за лозунгом» Лассаля. Почему? Да прежде всего потому, что лозунги (создание общегерманского рабочего союза [128]) для завоевания всеобщего избирательного права, с целью перенесения государственной власти в руки пролетариата) Лассаля отличались жизненностью, имели самое непосредственное отношение к интересам и смутным освободительным стремлениям пробужденных либеральной демократией рабочих масс, указывали их наиболее передовым элементам путь, на который они сами должны стать, чтобы уже затем увлечь за собою все более и более широкие слои этих масс, наконец потому, что Лассаль и его ближайшие сотрудники сумели выяснить «передовым сознательным рабочим» жизненное непосредственно практическое значение выставленных ими лозунгов, связать их с теми вопросами, которые **уже** интересовали и волновали этих рабочих. Как видите, дело не в том только, что наш лозунг «рабочий с'езд» **непосредственно** увлек за собой «до конца всю широкую массу»; центр тяжести вопроса заключается в том, имеется ли среди наших передовых рабочих сознательное стремление увлекать за собою «рабочую массу» на путь революционной борьбы. Если да, то они жадно ухватятся за лозунг, указывающий им первый шаг к их об'единению, для того, чтобы создать таким путем сплачивающий и руководящий центр для всего рабочего класса. Воодушевление для организации с'езда даст им одно уже сознание необходимости и громадной важности его, как первого шага на пути к выполнению ими своих обязанностей по отношению к своему классу.

Широкие же массы могут быть увлечены скорее лозунгом, противопоставляющим «государственной Думе» чиновников и всяческих угнетателей и эксплоататоров народа «Думу народную», которая состояла бы из истинно народных выборных. А для того, чтобы в этой Думе и в том Учредительном собрании, которого она должна будет, во главе народа, добиваться, рабочий класс был возможно полнее и лучше представлен, необходимо **организованное** участие передовых рабочих в деле созыва и организации ее, не говоря уже о широком участии их, как самостоятельной, тесно сплоченной партии в агитации и выборах. Об'единение их в такую партию необходимо опять-таки и для того, чтобы окружить народную Думу, а потом Учредительное собрание плотной революционной атмосферой, своим высоким давлением способной толкать их вперед, поскольку в них проявились бы тенденции антиреволюционные и антипролетарские. Словом, для того, чтобы «передовые сознательные рабочие» с полным «энтузиазмом» увлеклись идеей общерусского с'езда, совершенно достаточно, чтобы хотя бы только они одни прониклись сознанием необходимости его, как средства для организации той народной революционной силы, которая сможет обеспечить революции победу над всеми врагами ее, а вместе с ней обеспечить и пролетариату возможность добиться максимума политических прав и экономических улучшений, возможных на почве капитализма. Атмосфера всеобщего революционного возбуждения не может не предрасполагать передовые элементы нашего пролетариата к сочувствию такому делу как созыв с'езда из их представителей с целью создания об'единяющего и руководящего центра для пролетариата. Использовать же эту атмосферу в таком смысле, превратить потенциальное сочувствие в сознательное и страстное стремление к делу создания такого центра, увлечь названные элементы на указанный путь и есть обязанность социал-демократов, как уже исторически сложившейся ячейки политической партии пролетариата. В процессе об'единения передовых слоев пролета-

риата она должна сама реформироваться и развиться в настоящую партию рабочих масс, пропитывающую их повседневную борьбу за частичные улучшения своими принципиальными, основными стремлениями и выступающую в ней их сознательным революционным авангардом.

Чтобы на этот раз покончить с письмом, укажу еще, в двух словах, на один фактор, который очень мало, весьма спорадически и крайне поверхностно утилизируется нами в интересах **фактического** захвата пролетариатом права открыто собираться для обсуждения вопросов дня и для принятия определенных решений подобно тому, как это делают земские либералы, либеральные капиталисты и демократическая буржуазия. Задачу «отмежевания» от буржуазной демократии мы выполняем хлесткими бичеваниями ее буржуазности и пред'явлением к ней требования, чтобы она об'явила себя сторонницей демократической республики. Но это, во 1-х,— только более или менее **словесное** «отмежевание», едва ли способное серьезно содействовать процессу политического развития пролетарских масс, действительному сплочению их в самостоятельную политическую силу; а во 2-х, товарищи частенько забывают, что **в настоящий** исторический момент процесс политического об'единения российского пролетариата **неразрывно** связан с делом вовлечения соц.-демократией буржуазно-демократических организаций в договоры и соглашения с нами, как с **партией**, для разных актов борьбы с реакцией. Отдельные товарищи шушукаются с отдельными либералами, частным образом будируют в среде либеральной демократии. Но это еще не то, что переговоры между двумя партиями или организациями, как самостоятельными и принципиально отличающимися друг от друга политическими коллективностями, в виду взаимной поддержки друг друга на арене борьбы с общим врагом. Говоря конкретно: не словесные уверения либеральной демократии в том, что и она стоит за республику и т. п. для нас важны, **а действия, реальная** поддержка нам с ее стороны в деле организации и мобилизации нами рабочих масс для революционной пролетарской классовой самодеятельности. Активная помощь материальными средствами для оборонительной и наступательной борьбы, употребление либеральной демократией всего своего влияния на официальные общественные учреждения и использование ею всех своих связей с бюрократической и военной средой в интересах облегчения нам и руководимым нами слоям пролетариата организации открытых политических выступлений—вот первая и главная основа для серьезных переговоров и договоров между нашей партией и либеральными организациями. На почве и путем такого рода противопоставления передовых элементов пролетариата буржуазно-оппозиционным и революционным элементам, мы гораздо вернее и скорее выполним свою задачу политического отмежевания пролетариата от буржуазии, а вместе с тем, выполним и другую, неразрывно связанную с нею обязанность: толкать вперед все оппозиционные слои буржуазии и способствовать установлению своего рода коалиции этих слоев с организованным пролетариатом для общего решительного натиска на самодержавие. В намеченном смысле и направлении нам необходимо использовать буржуазную оппозицию и для проведения на практике того плана ближайших действий, которые я очень обще и схематически набросал в настоящем и предыдущих письмах.

Искренно преданный вам **П. Аксельрод.**

PS: ... Не могу совсем обойти молчанием вашего нового возражения против проекта агитации за созыв народной Думы—против Думы государственной. Вы говорите: «мы (т.-е. наша партия) слишком слабы для того, чтобы собственными силами осуществить этот лозунг». Но, ведь, я с самого начала заявил и не однократно подчеркивал, что для осуществления его нам необходимо войти в соглашение (организационно-технического характера) с демократическими союзами. Если бы мы были даже в пять раз сильнее, чем мы есть, то и тогда мы должны были бы, ради успеха такого **общедемократического** дела, предложить другим группам радикальной оппозиции коалицию. Ведь только на почве такой коалиции, только Дума, созванная совместными усилиями революционного пролетариата и революционной

буржуазией, будет—относительно—действительно общенародным представительством. «Но—говорите вы—либеральные демократы не пойдут с нами и за нами по такому, явно революционному пути». Очень может быть, что они побоятся вступить на этот путь—и тогда нам от проекта созыва народной Думы придется отказаться. Но что мы от неудавшейся попытки концентрировать общественное внимание на этом пункте потеряем, раз эта неудача произойдет от трусости и нерешительности буржуазной демократии? Вы опасаетесь, что неудача обнаружит наше бессилие, скомпрометирует нас. По моему мнению, такое опасение уместно было бы только в том случае, если бы мы на **свой** риск и страх решили призвать население, с оружием в руках, в определенный день и час восстать, по указу центра, или по собственному «комитетскому» почину, об'явили бы генеральную политическую стачку. Но пустить в оборот известное практическое предложение для **обсуждения** его всеми активными и организованными элементами демократической оппозиции, попытаться привлечь их к коалиционным действиям для его осуществления—такой шаг даже и в случае неуспеха никоим образом не может **нас** скомпрометировать. Наоборот, раз неудача произойдет вследствие отклонения буржуазной демократией нашего предложения, она скомпрометирует или может скомпрометировать эту последнюю, а отнюдь не нас, не берущих на себя одних такой работы, которая может быть лишь делом всех демократических партий. Это будет лишь новым аргументом в наших руках для рабочих в пользу неотложной необходимости немедленно приступить к созданию своего самостоятельного центра для проведения своей пролетарской классовой политики.

Кстати, вы не замечаете, что противоречите самому себе, когда мотивируете политику простого «бойкотирования» государственной Думы ссылкой на то, что либеральная демократия не пойдет за нами или с нами в осуществлении проекта организации созыва общенародной Думы. Вы говорите, что бойкотирование должно будет выразиться в публичных протестах против участия в выборах, в повсеместном противодействии участию «политически-порядочных» людей, принадлежащих к привилегированным кругам (избирательным) в выборах; при этом вы вполне признаете, что только единодушные совместные действия всех оттенков демократии могут увенчаться в данном случае успехом, что собственными силами мы и тут ничего не поделаем. Но разве путь такого т.-е. решительного, активно-революционного «бойкотирования», менее рискован, чем концентрация агитации на **положительном**, вполне конкретном лозунге? Одно из двух: или либеральная демократия фактически или потенциально способна к решительным действиям, предполагаемым политикой активного бойкота—и тогда я не понимаю почему она испугается нашего положительного лозунга; или же она нерешительна, трусит революционно выступающих народных масс и боится жертв—тогда она не станет проводить бойкота. Да если бы она и готова была на решительные действия, то и в таком случае она, в целом, не станет «бойкотировать», препятствовать «политически порядочным» людям участвовать в выборах, во 1-х, потому, что это значило бы содействовать правительству в деле подбора желательного ему состава государственной Думы, а во 2-х, она (и мы) столкнулась бы при этом с целыми слоями населения, быть может, даже с значительными народными массами (мелкобуржуазными, особенно крестьянскими); политика простого бойкота может вызвать на сцену коалицию разнороднейших элементов, в которой черносотенные герои смешаются с теми слоями, которые возлагают надежды на эту Думу, в одну сплоченную массу, руководимую и вдохновляемую правительством против всей демократии. Я уже вам лично сказал: такая политика—чисто отрицательного свойства—была бы, в настоящем фазисе русской революции, прямо реакционной и в то же время утопичной. Не на борьбе за утопическую идею воспрепятствования **путем бойкота** булыгинскому детищу появиться на свет должны мы концентрировать силы нашей партии и демократии вообще, а над мобилизацией и организацией тех сил, которые и это измышление бюрократически-реакционного творчества способны будут превратить в орудие и опорный пункт для революции. Политика бойкота, это—политика раздробления,

децентрализации элементов и проявлений революции. Для внесения единства в агитацию, для концентрации боевых сил необходим положительный лозунг, определенная, конкретная цель: создать такое общенародное учреждение, которое—до будущего Учредительного собрания—явилось бы выразительницей требований и воли народа и имело бы полномочие, именем народа, требовать от государственной Думы, чтобы она **официально** и решительно присоединилась к его требованиям и чтобы, об'явив правительству те условия, на которых и при которых должно быть созвано Учредительное собрание, она прекратила свое официальное существование. И если бы предполагаемая Дума и не появилась на свет, агитация за ее созыв, в значительной мере, достигла бы своей цели и создала бы то общественное давление на государственную Думу, которое необходимо для того, чтобы она явилась опорным базисом для революции.

К ВОПРОСУ О РАБОЧЕМ С'ЕЗДЕ.

(Отрывок из неизданной брошюры *).

Разгон Думы, в связи с непосредственно сопровождавшими его событиями, с особенной остротой выдвинул перед нами задачу: «Нужно собрать пролетариат». Но «на почве какого дела и во имя какого дела должны мы его собирать?» «Идея» рабочего с'езда и является ответом на этот вопрос. Работа над ее осуществлением является, по моему мнению,—особенно в данный момент—тем делом, на почве и во имя которого можно и должно начать «собирать» пролетариат» в указанном смысле и для указанной цели. «Можно и должно» хотя бы уже потому, что целый ряд фактов с достаточной ясностью обнаружил наличность в нашем пролетариате элементов, стремящихся к организованной самодеятельности, но проявляющих это стремление наиболее активно—вне рамок нашей партийной организации, и притом отнюдь не на почве одного только профессионального движения.

Перед нами такой, беспримерный в истории буржуазных революций, факт колоссального значения, как образование в октябре прошлого года Советов рабочих депутатов, сразу ставших авторитетными центрами для рабочих масс, да и не для одних только этих масс. Петербургский совет рабочих депутатов быстро приобрел значение центрального, руководящего органа для всей революционной демократии столицы, с которым правительство и капиталистическая буржуазия считались, как с общепризнанным, власть имущим представительным учреждением ее пролетариата. Эти, как бы из земли выросшие политические органы рабочего класса, в особенности петербургский, воочию показали, какое огромное значение может иметь наличность политического, вполне пролетарского центра в момент общественного под'ема и правительственных шатаний для рабочего класса и для самой революции. Но ведь это были только своего рода импровизированные организации, появившиеся на свет с сегодня-на завтра, без всякой соответствующей, мало-мальски серьезной подготовительной работы, хотя и под непосредственным влиянием и большей частью по инициативе социал-демократов. Что влияние последних преобладало в Советах рабочих депутатов, что в заседаниях их, если можно так выразиться, витал дух наших учений и нашей программы, что сама тактика этих импровизированных центров рабочего класса во всем существенном проникнута была тем же духом—это настолько всем известно, что незачем здесь доказывать.

---

*) Брошюра эта первоначально задумана была, как предисловие к моим письмам о рабочем с'езде, которое под влиянием бесед и дебатов о нем, незаметно для меня самого, разрослось за предположенные рамки и приняло размеры и характер самостоятельного произведения. Так как главным ее содержанием является разбор и опровержение аргументов, выдвигавшихся летом и осенью против рабочего с'езда, из которых многие уже при начале избирательной кампании потеряли всякое значение и т. к., с другой стороны, с тех пор, как я писал ее, появилось не мало статей и брошюр о нем, которых я тогда не мог принять во внимание, то брошюра в целом уже устарела, а потому и не вышла в печати.

Но история возникновения и деятельности тех же пролетарских политических организаций наглядно показывает, что наша партийная **организация** далеко не охватывает всех активных и тяготеющих к социал-демократическому знамени элементов рабочего класса и что не мало даже сознательных социал-демократов стоят вне ее. И не заслуживает ли особенного внимания то обстоятельство, что председатель петербургского Совета рабочих депутатов, официальный руководитель и глава его Хрусталев, [129]) социал-демократ по своим убеждениям, впервые ярко проявил свои выдающиеся силы на пользу пролетариата не в рамках нашей партийной организации, а вне ее, на почве классовой организации, вышедшей из недр самих широких рабочих масс?

Напомню, кстати, что в гапоновской организации, подготовившей первое грандиозное выступление петербургского пролетариата с программой политических требований, во имя своих классовых интересов, первостепенную и самую активную роль играли социал-демократы рабочие, не принадлежавшие, однако, к нашей партийной организации. Да и в движении, вызванном назначением пресловутой комиссии Шидловского, [130]) опять-таки принимали очень активное участие сознательные рабочие, по своим стремлениям приближавшиеся к социал-демократии, но, тем не менее, не принадлежавшие к нашей организации. Одним словом, факты не оставляют никаких сомнений на счет того, что популярность Российской социал-демократии распространялась в последние годы среди все более и более значительных масс пролетариата, но что организационная связь ее с этими массами по-прежнему крайне слаба и что значительная часть, а быть может даже подавляющее большинство политически сознательных (на русский масштаб) или, по меньшей мере, революционно настроенных рабочих организационно не примыкают к ней и сами не организованы *).

В виду всех этих и аналогичных фактов дозволительно было не сомневаться, или точнее, не позволительно было сомневаться в том, что большинство товарищей отнесется с горячим сочувствием, если не к немедленной широкой агитации за рабочий с'езд, то к расчистке и подготовке почвы для такой агитации. Нужно ли мне еще открыто признаваться в своей грубой ошибке? Я считал, что «непозволительно сомневаться», а на деле оказалось, что это было одно легкомыслие с моей стороны. В самом деле: едва в небольших рабочих кружках и собраниях, в частных беседах некоторых товарищей, только затронули вопрос о рабочем с'езде, как патентованные охранители священных организационных устоев и «единения» нашей идеально единой партии, изо-всех сил забили тревогу. Можно подумать, что они почуяли в беседах о рабочем с'езде грозную опасность не то для плодотворной агитации за «партийный с'езд» (конечно для упрочения партийного «единства»), не то для подготовки вооруженного восстания, путем организации испытанных троек и пятков.

Простите, товарищи, но, право же, шумливая кампания против «идеи рабочего с'езда», не вышедшей еще из стадии предварительного обсуждения в тесных партийных «низах», да и то почти что в одном только Питере, эта антис'ездовская агитация невольно напрашивается на аналогию с исконной скоропалительной стремительностью охранителей старых «устоев» нашего государственного и общественного строя, при малейшей попытке (или даже только при известии о такой попытке) обывателей потолковать или хоть пошептаться сообща об общественных делах, без особого соизволения на то начальства.

Вот уже почти два месяца, как у нас воцарилась политическая тишина; никаких революционных «выступлений» со стороны партии, никакой массовой агитации, если не считать за таковую «агитацию за партийный с'езд» и разговоры о вооруженном восстании, то бишь, о тройках и пятках. И об избирательной кампании еще ничего не слыхать. При таких обстоятельствах, казалось бы, кому и

*) За исключением тех, которые входят в профессиональные союзы. Успехи последних являются опять-таки весьма знаменательным показателем развития в наших рабочих стремления к организованной самодеятельности.

чему может повредить или помешать «идея» рабочего с'езда, даже если о ней говорят и, что еще хуже, интересуются в партийных «низах». Да, в «низах», вот тут-то и заковыка. Вместо того, чтобы получать готовые «директивы» из высших партийных сфер и голосовать за преподносимые начальством «резолюции», «низы» эти или, если позволено будет **так** выразиться, социал-демократические обыватели, партийная чернь, начинают вдруг самостоятельно рассуждать и толковать об «идее», с явным намерением в более или менее недалеком будущем превратить ее в «директиву» для самых этих сфер и, при помощи последних, в официальный лозунг партии. Ну, разве это не прямое, самое непосредственное подрывание основ нашего старого партийного режима, так хорошо и прочно сложившегося на почве нашего азиатского государственного режима? Ясное дело, что медлить нельзя ни минуты, необходимо развернуть самую широкую агитацию (благо другого более живого и неотложного революционного дела нет налицо) и сочинять резолюции против «идеи рабочего с'езда, о которой ни сочинители этих резолюций, ни те товарищи, которые принимают их, на основании доклада, даже смутного представления не имеют. Можно представить себе, какие это были доклады.

В добрые старые времена (впрочем, не очень старые), вскоре после нашего второго с'езда, некоторые комитеты принимали грозные резолюции против крамольников, т.-е. меньшевиков, не видя в глаза ни одной печатной строки о том, что происходило на этом с'езде и каким образом произошел раскол—просто «по доверию» к словесному сообщению какого-нибудь «агента» от партийного начальства или просто-напросто от Ленина. Так, например, Петерб. комитет—по уверению одного из его бывших и притом отнюдь не меньшевистских, членов—принял резолюцию против так называемого «меньшинства» с'езда, по выслушании четырех или пятиминутного доклада (**буквально**) о с'езде и об опасных для партии кознях этого меньшинства. А докладчик, только что получивший звание «агента ЦК», сам-то и не был на с'езде и все свои сообщения почерпнул из рассказа другого агента. Неудивительно, что ему хватило материала всего на 4—5 минут. Гораздо удивительнее, что нашлась партийная коллегия, которая считала для себя возможным удовлетвориться таким «докладом». Когда же, наконец, партия наша совсем избавится от привычек и способов действия, свойственных политическому варварству?

Инициатором, застрельщиком и знаменосцем в крестовом походе против «идеи рабочего с'езда» выступил «Пролетарий», орган экс-большевиков. Последние, как это видно из заметки в № 1 «Пролетария», усмотрели в мысли о рабочем с'езде не что иное, как злокозненную выдумку бывших «меньшевиков», с исключительной целью помешать им, бывшим «большевикам», при помощи скоропалительно созванного партийного с'езда, стать опять настоящими большевиками. Но тут-то они дали маху и проявили всю свою близорукость. «Меньшевики» оказались в вопросе о рабочем с'езде в значительной своей части почти такими же консерваторами, как «большевики», Правда, и направление «Искры», как органа, признававшегося по преимуществу меньшевистским, и общий дух резолюций, принятых на последнем с'езде, обязывали, как-будто, «меньшевиков» («бывших»), если не присоединиться к «идее рабочего с'езда», то по крайней мере, отнестись к ней сочувственно и с большим вниманием. Но, нам ведь уже не впервые случается на практике оказываться в прямом противоречии с тем направлением, которое признается нами в теории или официально.

В основе всех возражений против рабочего с'езда лежит представление о нашей партии, как об организации, вполне пролетарской, органически связанной с рабочими массами. Не только «большевики», но и среди «меньшевиков» находятся товарищи, которые не прочь признать за русской социал-демократией неоспоримое право уже говорить о себе словами французского короля Людовика XIV, умершего, как известно, уже около 200 лет тому назад: «Государство,—гордо и самоуверенно заявлял этот самодержавный король,—это—я!». Точно так же и партия наша может, по мнению некоторых наших товарищей, сказать о себе: «организованный в классовую партию пролетариат,—это—я! Мои жизненные проявления, моя воля и мои

решения суть не что иное, как проявление классовой воли и классовой самодеятельности рабочих масс. Первые и последние—это одни и те же явления, только под разными названиями».

Словом, и наша партия есть подобно германской, австрийской, бельгийской или французской социал-демократии, кость от кости и плоть от плоти рабочего класса и так же, как эти партии, кровно и организационно связана с широкими рабочими массами. При таком взгляде на ее характер и значение, мысль о созыве какого-то общего рабочего с'езда, естественно представляется никчемной. Раз Российская социал-демократия (я говорю о ней как об **организации**) представляет собой самодовлеющую классовую силу российского пролетариата, то ее собственные с'езды и являются настоящими заправски-политическими конгрессами нашего рабочего класса. Правда, в такой революционный момент, какой мы переживаем, необходима организованная активность таких громадных масс пролетариата, которые и в передовых странах Запада стоят еще вне социал-демократической партийной организации. И наши австрийские или немецкие товарищи, разумеется без всяких колебаний, поспешили бы в аналогичных обстоятельствах взять на себя дело подготовки и созыва такого с'езда, на котором и эти массы представлены были бы. Но они знают силу своей партии и не боятся зловредного действия на нее от возможно более интенсивной и широко организованной самодеятельности не записавшихся в ее ряды пролетарских масс.

Но отождествление нашей партии с политической организацией, органически выросшей в недрах пролетариата и уже органически связанной с рабочими массами, является зловредной и недостойной ее иллюзией. Не только все ее прошлое, ее происхождение и развитие, но и факты последних лет резко противоречат этой самоидеализации русской социал-демократии (как организации). Возникновение, состав и функционирование Совета депутатов петербургских рабочих воочию показали что рабочее движение выделило уже значительную массу политически активных и (относительно) политически сознательных элементов, не входящих еще в нашу организацию: мало того, даже товарищи рабочие, принадлежащие к ней, проявили большую активность и инициативу не внутри ее, а вне, на почве движения, имевшего своим центром названное учреждение, вышедшее непосредственно из недр самих рабочих масс. Что наша партийная организация далеко не охватывает и тех элементов пролетариата, которые уже политически сознательны и отчасти даже прямо сочувствуют учениям и требованиям социал-демократии, это, в сравнительно малом масштабе, обнаружила и агитация по поводу комиссии Шидловского, а отчасти гапоновская агитация, в которой первую роль играли выходцы рабочие из нашей партии, оставшиеся, однако, верными делу освобождения своего класса. Пора, год тому назад пора было признать и констатировать тот факт, что наше рабочее движение уже значительно, очень даже значительно переросло нашу исторически сложившуюся организацию, что зародившись и упрочившись, как организация интеллигенции, с целью революционно влиять на рабочие массы, она в **настоящем** своем виде, со всеми выработанными ею навыками и методами, не может заменять собой организацию **самих масс**.

Не в том дело, что, как выражаются некоторые товарищи, партия наша «больна», что внутренние раздоры парализуют ее силы. Это, конечно, большое зло, но оно само по себе является следствием и симптомом того, что ее организационные рамки, навыки, методы и приемы деятельности устарели и отстали от потребностей и сил нашего рабочего движения и запросов революционной эпохи, отстали чуть не в такой же мере, в какой старый самодержавно-бюрократический строй российского государства отстал от насущных потребностей и запросов развившегося в недрах его, но уже давно опередившего его нового, буржуазно-капиталистического общества. Если бы в ней даже царили полное единение и братство, если бы она была так же здорова, как цветущий двадцатилетний юноша,—все равно перед ней ребром стоял бы вопрос о коренном переустройстве своего, выросшего в отжившую или отживающую эпоху, организационного здания, с тем, чтобы сделать его

достаточно поместительным и удобным для передовых слоев пролетариата, с развитым классовым сознанием. С какого конца подойти к решению этого вопроса, как и где найти путь, ведущий к решению этой стоящей перед нами задачи?

В рабочем с'езде и подготовительной работе к нему я и вижу исходный пункт и начало этого пути.

Предаваться самообольщениям на счет фактического состояния и характера нашей партии, отождествлять ее роль по отношению к рабочим массам с пролетарскими партиями в Германии, Франции и т. д. в сущности равносильно самой идеализации социал-демократической интеллигенции,—в значительной степени напоминающей самоидеализацию народнической революционной интеллигенции в эпоху ее разложения и упадка. Известно, что в начале 70-х годов наша революционная интеллигенция провозглашала, что она сама по себе,—ничто, а «народ« (крестьянство)—все; себя и свою партию она считала лишь орудием истории для того, чтобы вывести крестьянство на арену истории и помочь ему сложиться в самостоятельную революционную силу. Под конец же 70-х годов и особенно в начале следующего десятилетия, по мере того, как борьба с правительством и стремление избавиться от самодержавия оттеснили в ней на задний план стремления социально-революционные, та же радикальная интеллигенция начала смотреть на себя и на свою партию, как на самодовлеющую историческую силу, призванную и способную самостоятельно, за народ, совершить политический переворот и даже взять на себя инициативу в произведении и социального переворота. «Народ» предполагалось призвать к активной роли в политической жизни лишь после низвержения абсолютизма.

Этот переворот в представлении народнической интеллигенции об относительной роли в революции крестьянства, с одной стороны, и своей собственной—с другой, имел свое оправдание в революционной пассивности народных масс в 70-х и 80-х годах и всеобщем политическом индифферентизме имущих классов в то время. Да и как могли бы тогдашние революционеры совершить те чудеса революционного самоотвержения и героизма, которым ознаменовался народовольческий период, если бы их не одушевляла вера в историческое всемогущество своей партии? Но вместе с тем приходится констатировать, что период самообожания радикальной народнической интеллигенции был и периодом разложения ее социально-революционной партии и что это самовозвеличивание ее оказалось одним из симптомов и спутников ее разложения.

Сила и значение нашей партии коренятся не в индивидуальном героизме отдельных лиц или групп и не в революционной пассивности пролетариата, с которым она идейно связана, а наоборот, в **его** революционной **активности** и в приобретенном ею влиянии на его передовые слои. Но **«конечная»** цель социал-демократической интеллигенции состояла не в том, чтобы организоваться в самостоятельную партию для приобретения «влияния», в качестве внешней, возвышающейся над этими слоями политической силы, а в политическом и организационном **слиянии** с этими слоями.

На свою интеллигентскую социал-демократическую партию мы смотрели, как на переходную организацию и орудие в историческом процессе образования классовой политической организации рабочих масс. И с точки зрения этой, прежде всеми нами признававшейся исторической миссии нашей партии, она в настоящий период,—период крушения старого общественного и политического строя России, обязательно должна предпринять первые предварительные шаги для коренной переустройки и своего собственного организационного здания (не только в формальном и техническом смысле) на «устоях», вполне пролетарских. Такими предварительными шагами, повторяю, я и считаю созыв рабочего с'езда и агитационную и организационную работу партии (**в этой** именно **подготовительной** работе лежит центр тяжести успеха всего дела) по его подготовке. Эта подготовка и самый с'езд могут и должны послужить первыми этапами на пути превращения Российской социал-демократии из партии революционной интеллигенции, идейно и политически влияющей на передо-

вые элементы пролетариата (и на этом основании и по праву говорящей и выступающей от его имени), в непосредственно классовую партию самого пролетариата.

Откуда же берется у нас страх перед рабочим с'ездом? Очевидно, непосредственным источником этого страха является сознание слабости своей партии, питаемое прежде всего тем фактом, что постоянная организационная и так сказать деловая связь ее с широкими пролетарскими массами еще слаба и что внутри ее самой рабочие далеко не играют роли элемента, прямо и непосредственно определяющего всю ее политику. Но есть еще один источник, частью психологического, частью логического свойства. Я имею в виду самоидеализацию интеллигенции, как носительницы или воплощения социал-демократической «сознательности», «принципиальной выдержанности» и т. п. добродетелей—в противоположность рабочим массам, осужденным, в представлении теоретиков этой идеализации, природой и историей служить лишь воплощением бессознательности и «стихийности». И опять невольно приходит в голову аналогия между отношением некоторой (трудно сказать, какой приблизительно) частью товарищей к пролетарским массам и отношением высшей бюрократии полицейского государства ко всему населению, к обывательской массе. Последняя представляется бюрократии слепой, стихийной силой, обуреваемой антигосударственными разрушительными инстинктами, сдерживаемыми лишь железной дисциплиной полицейского государства. Себя же эта бюротратия превозносит, как олицетворение государственного разума и как силу, самим богом призванную охранять общественный порядок—против общественной стихии, олицетворяемой подданными. Не ясно ли, как божий день, что она не может, что она права не имеет выпускать из рук своих власть и допускать проявления общественной самодеятельности, неизбежно угрожающей гибелью этой власти?

Такова же, приблизительно, логика тех социал-демократических апологетов интеллигентской «сознательности», которым мерещатся всякие ужасы и опасности для социал-демократии, лишь только до них дойдут «известия», что в партийных низах зарождается не попытка, а хотя бы еще одно только стремление открыть передовым слоям пролетариата возможность и пути для приобретения влияния на жизнь и развитие той партии, которая говорит и действует от имени их класса. Этот взгляд на пролетариат, как на вместилище всякой антисоциал-демократической скверны, имеет свои исторические корни в прошлом; он развился и сложился в ту эпоху, когда наши рабочие массы, действительно, представляли собой почти сплошь бессознательную стихию, лишенную всяких проблесков классового сознания и совершенно равнодушную к политической и общественной жизни страны. Но в настоящее время—и главным образом, или в очень значительной мере, благодаря 20-летней с лишним деятельности нашей же партии—такое отношение к нашему пролетариату не имеет уже никакого об'ективного оправдания. Приходить в ужас при одной мысли о том, что революционно-активные слои пролетариата выступят на путь политической самоорганизации и тем самым неизбежно потопят русскую социал-демократию в бездонном океане пролетарской «бессознательности»—значит страшно низко оценивать многолетнюю работу нашей партии и совершенно закрывать глаза на то, относительно, высокое культурное и политическое развитие, которого уже достигли заметные слои нашего рабочего класса. Едва ли кто из наиболее пессимистически настроенных товарищей решится выставить такое свидетельство о бедности русской социал-демократии, а вместе с нею и русскому пролетариату.

ШИРОКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ, КАК ОЧЕРЕДНАЯ ЗАДАЧА.

(Из брошюры Юрия Ларина «Широкая рабочая партия и рабочий с‘езд», Москва 1906 г.).

«Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ».
(**Маркс**).

«Смелость, смелость и смелость!».
(**Дантон**).

Несомненный упадок настроения в довольно широких кругах товарищей в связи с общим разложением, временной приостановкой и даже частичным вырождением в прямую анархию всего городского движения делает для людей партийных еще более мучительной, почти невыносимой нашу неприглядную действительность. Смятенная мысль, частью изверившись в привычных методах действий, частью обжегшись, что-называется, на своих неудачах, загнанная в тупик, как ей кажется, политического бессилия, лихорадочно ищет какого-нибудь выхода. Неудавшийся призыв нашей партии к общей забастовке, сделанный в июле [131]) и Петерб. Комитетом большевиков и меньшевистским Центральным Комитетом (и тогда же неразделявшийся автором), значительно подорвав переоценку и обаяние нашей партии в ее собственных глазах, особенно остро поставил вопрос, как быть, что делать.

Как и чем действенно служить делу обособления и классового развития пролетариата в русской революции? Такой вопрос так же остро стал и после декабрьского разгрома, и тогда руководящие элементы «меньшинства» дали лозунг—участвовать в выборах и не участвовать в Думе, а может быть и образовать революционное самоуправление. Лозунг, замечательный как своею оторванностью от жизни и неопределенностью, так и тем, что он, несомненно, пытался направить партию на правильный путь участия в общенациональной политической жизни, своей половинчатостью и недоговоренностью заранее обрекая себя в то же самое время на неудачу. Широкие народные массы могут прийти в движение только ради великой задачи, очевидной цели. Игра впустую, игра втемную никогда их не соблазнит; —чем, как не такой игрой должны были казаться выборы для процесса участия в них, выборы не то для демонстрации, не то для революции? Эти соображения, развитые нами в свое время, невольно вспомнились мне при тех толках о рабочем с‘езде, которых теперь так много. Рабочий с‘езд—вот то лекарство, которое нас исцелит, гласит первое положение его сторонников. Затем почти всегда идет путаница, неопределенность, половинчатость. Идут могущие вызвать лишь пожатие плеч разговоры об интеллигентском составе нашей партии, о «развязывании революции», которое-де должен принести с собой этот с‘езд и т. п. А рядом с этим —полная неопределенность в вопросе о его последствиях, о том, с чем нам, партийным, являться на него, и ссылки на имеющие-де проявиться там творческие начала, иногда—на закрепление авторитетности нашей партии революциями этого с‘езда и т. д. Какою-то недоговоренностью, робостью мысли, может быть просто не решающейся громко высказать то, что уже назрело внутри, запечатлены почти все эти разговоры. Необходима ясная и недвусмысленная постановка вопроса, необходимо доведение до конца того хода мыслей, который приводит многих часто лишь инстинктивно, стихийно к согласию на такой с‘езд. К сожалению, отчетливой со всеми следствиями, кроме общих положений о классовом сплочении рабочего класса, постановки дела мы не встретили и в построениях П. Б. Аксельрода. насколько они известны из газет. Честь и уважение тов. Аксельроду, который с юношеской энергией с истинным партийным мужеством решительно выдвинул на авансцену нашей партийней жизни вопрос о «новых путях». Наша задача—задача так много обязанных ему его учеников—поднять вопрос во весь рост и широко развернуть то знамя, под которым суждено собираться и сплачиваться живым силам рабочего движения вообще и нашей партии в частности. А мы крепко верим в эти живые силы. Сто-

личные товарищи, слишком иногда втянутые в затхлый уголок организационной борьбы и находящиеся под впечатлением более интенсивной в столицах политической жизни других общественных групп, иногда приходят к самым пессимистическим выводам относительно наших организаций. Нас же пребывание в провинции, ближе к подлинной обывательской гуще жизни, еще более укрепило в правильности изложенных нами в № 5 «Откл. Соврем.»[132]) воззрений на нашу партию, ее значение и будущее. Российская социал-демократия не может исчезнуть, нет другого личного материала, вокруг которого и помимо его могла бы сложиться широкая партия будущего, который мог бы в нее переродиться. Но она может оставаться еще некоторое время такою и в таком состоянии, как сейчас, и ждать, пока история насильно (и при потере ею гегемонии) заставит вступить ее на этот путь,—или сама пойти навстречу истории, навстречу теперешней основной потребности рабочего класса. Воодушевленные верой в силы и влияние нашей партии, знанием ее близости и чуткости к настроениям широких передовых кругов рабочих, мы предлагаем эти строки вниманию тех, кто не боится думать до конца и не делает себе фетишей, неприкосновенных идолов из слов.

I.

Одни предлагают созвать рабочий с'езд, для обсуждения момента: проведем через него наши резолюции, тогда им будут больше следовать. Другие «для определения отношения к Думе», что почти то же, или даже для «подготовки на почве агитации за с'езд к избирательной кампании», для противопоставления рабочей Думы Думе государственной (выражения «письма»). Затем следуют еще более смелые предсказания о том, что с'езд «развяжет революцию»—наперекор, так сказать, стихиям, отнюдь эту роль, городу не предоставляющим. Наконец, товарищи менее решительные по части придумывания с'езду дела откровенно признаются, что они просто намерены ждать «проявления творческих сил» рабочей массы, хотя, понятно, с'едутся элементы вовсе не первобытно-массовые. То, что идея с'езда принята с таким интересом и сочувствием, то, что товарищи так стараются к чему-нибудь ее подогнать, как-нибудь оправдать с своей точки зрения,—все это показывает на действительную связь ее с потребностью момента. Но мы совершенно не намерены заниматься этого рода отвлеченными умствованиями, довольно распространенными сейчас. Мало цены рассуждать о необходимости, значении и цели общерабочего с'езда, исходя из суб'ективных построений о желательности того или иного. Фактически такие рассуждения сводятся все к той же потребности освежить себе душу чем-нибудь новым после всех пережитых неудач (отсюда—определение каждым на свой лад задач с'езда). Нам нужен учет об'ективного положения дел в рабочей среде и тех переживаний, какие испытывает рабочий класс в наши дни. В этом отношении я прежде всего обращаю внимание на такие три пункта.

Первый, как факт,—общепризнан. Он заключается в наличности среди рабочих многих активных и живущих политическою жизнью и интересами рабочего класса людей, стоящих в то время вне партийных организаций. Каждое выступление пролетариата, каждое важное событие в его жизни в любой местности обязательно выдвигает таких рабочих. Еще большее их количество следует как-будто нашим призывам, но все же стоит в стороне от партийной жизни. Наша партия и лишь довольно узкое—120 тысяч на 9 миллионов—об'единение молодых рабочих конспираторов, далеко не поглощающее всех серьезно пытающихся разобраться в жизни и готовых на общественную деятельность (особенно в своей среде) рабочих. Обстоятельство это, повторяю, общепризнано, но твердо установленного ему об'яснения еще нет. Мне кажется, оно заключается в том, что исторически рабочему классу, стало быть и им, почти до сих пор вовсе не нужно было их присутствие в партии, вовсе не нужна была такая партия, где бы были все его передовые элементы. Причина этого—характер поведения активных слоев нашего пролетариата, обычный для всякого «начинающего» пролетариата, неискушенного еще горьким опытом в политической примудрости. В приложении мы приводим из июньских

«Откликов Совр.» заметку нашу, трактующую подробней об этом характере, и с удовольствием отмечаем, что судя по «Дневнику» о роспуске Думы, таково же компетентное мнение о нем Г. В. Плеханова, прямо квалифицирующего тактику российского пролетариата, как стихийную.

Политические акты русского пролетариата почти до последнего времени ясно обнаруживают, согласно этому взгляду, руководство настроениями, стихийно возникающими в головах,—вернее в сердцах,—широких кругов активных элементов рабочего класса под влиянием тех или иных событий во вне, с предположительным перенесением своих настроений и на другие части общества или почти с полным отсутствием представления о их действительном значении и роли, вытекающих из классового характера этих частей и наличной политической обстановки. Между тем политическая партия всякого класса понимается нами, напротив, как его сознательный авангард, как об'единение активных элементов данного класса для действий на основе именно планомерного расчета и оценки об'ективных отношений, а не суб'ективных настроений, хотя бы то и были настроения целого класса. Пока же и там, где прошлое класса не создало еще почвы для действий на основе расчета, неизбежно подразумевающих постоянное сплочение и взаимодействие всех активных элементов класса,—там вовсе нет и надобности в политической партии в этом европейском смысле слова. В таких обстоятельствах политика класса (как целого) неизбежно является, как выразился Каутский в письме к Маслову о муниципализации, «политикой стихийных порывов». Для стихийных же порывов нет надобности в предварительном постоянном живущем общей жизнью и в этой жизни вырабатывающем классовой «расчет» об'единении живых сил класса, его активных элементов. При таких обстоятельствах необходим лишь более или менее многочисленный технический аппарат для обслуживания стихии,—аппарат, который мог бы сформулировать ее направление при каждом под'еме, который мог бы оформить ее движение (хотя бы по видимости руководя ею). Сколько технически необходимо человеку для поддержания такого аппарата в более или менее дурном порядке, чтобы он всегда был наготове на случай стихийных надобностей,—это зависит от ряда условий, сравнительно медленно меняющихся в каждой данной местности, и потому даже численность наших местных организаций мало меняется в течение целых периодов освободительного движения, как от стачек 1903 года до 9 января, от января до октября 1905 г. и т. п. Рабочие, которые были бы на месте в партии об'ективно-планомерного политического действия, одним своим присутствием в ней расширяя область выработки «расчета» и этим уже «делая дело», должны оказываться совершенно лишними в аппарате, обслуживающем стихию, где почти каждый должен иметь или быть готов взять на себя какие-либо определенные обязанности, и, естественно, выталкиваются из этого аппарата самим ходом вещей. Много ли было в наших организациях, особенно до октября, семейных? Числились ли в них в 1905—1906 гг. те многие десятки тысяч рабочих, которые прошли через них за предшествовавшие 15 лет? Эти вопросы не нуждаются в ответах.

Таким образом, для меня очевидно, что раз поведение российского пролетариата по всем условиям его прошлого не могло ни быть стихийным, то не было для него надобности в образовании партии планомерного действия, нужен был лишь сравнительно узкий технический аппарат для обслуживания стихии, а потому не могло не оставаться вне наших организаций и подавляющее большинство активных и способных к политической жизни элементов рабочего класса. А потому и наша партия не могла ни быть лишь таким аппаратом (напр. летние стачки 1903 г., октябрьские и декабрьские дни 1905 г.), в досужие часы исполнявшим, кстати, и функции пропагандистского общества. Влияние ее, как аппарата, обслуживавшего стихию,—было очень велико, но самостоятельность—иллюзорна, и размеры влияния соответствовали степени обобщения захватывавших рабочие круги настроений, отраженному воплощению партией в себе направления стихии. В этом и заключается то, как мне ясно, бывшее совершенно неизбежным и лишь кажущееся противоречие между широким влиянием и организационной слабостью и узостью социал-демократии,

на которое, например, с такой энергией указывал г. Старовер в своей книге *), равно как и многие другие. Им казалось это противоречие реальным и—скажу по совести—довольно-таки загадочным, потому что, довольствуясь указанием факта они почти не пытались понять и об'яснить его историческую непреложность и целесообразность и вместо самых условий образования и существования партии исследовали психологические переживания ее членов. Немудрено, что при таком методе иные товарищи, не обладающие староверовской тонкостью, доходили уж прямо до рассуждений «в чем мы, партийцы, виноваты» и крупное общественное явление сводили к «нашему неуменью», «нашей интеллигентщине», «нашим ошибкам» и в порыве горького чувства чуть ли не ставили крест над собой и над всей организацией. Все это, конечно, лишь затемняло дело, путало карты и дельных и разумных людей доводило до заключений в роде «либо дождик, либо снег»: может наша партия погибнет, может хорошей выйдет; может у нас с.-д-изм будет, а может и револ. синдикализм. А иногда оказывался и дождик и снег сразу: так мы «всегда плелись в хвосте событий» и мы же «всегда форсировали события». Вообще, «мы, мы, мы»...—оказывалось, чуть ли не потому у русских рабочих была «плохая» партия, что интеллигенты были «нехорошие»: необразованные, политически невоспитанные, мальчишки и пр., как мы еще себя честили (преимущественно, впрочем по заслугам, но это не имеет здесь особого значения). Такое по внешности принижение интеллигенции в действительности было чрезвычайной переоценкой ее роли и значения, невольным самомнением, своего рода самолюбованием наизнанку. В действительности же движение русского рабочего класса, конечно, привлекло бы к себе нужные ему элементы другого рода из интеллигенции и отовсюду и воспитало бы уже привлеченные, если бы в том была надобность по характеру организации, которая в интересах классовой экономии в то время соответствовала потребностям рабочего движения. Оно и привлекало те элементы, какие подходили к техническим и прочим задачам организации: по Сеньке и шапка, выражаясь вульгарно. В действительности, одним словом, партия была, как-раз такою, какая нужна была при таких обстоятельствам рабочему классу,—техническим аппаратом по части обслуживания стихийных настроений и порывов и пропагандистским обществом. На нее же смотрели и о ней судили, как о европейской партии действия на основе расчета и... бранили, не понимая ее состояния, как необходимого этапа в процессе образования партии пролетариата в России. Боже, сколько унылых речей было произнесено, сколько уныния все это наводило и как мало мы были марксистами!

С такой разрозненностью, несвязанностью при обычных условиях своих активных элементов вступил рабочий класс в революцию и прошел ее первые этапы. Но здесь начало изменяться самое существенное, и то, что прежде было нормальным, терпимым и даже наиболее выгодным с точки зрения экономии классовых сил—нахождения большей части «активных» вне революционных сплочений небольшой их части, употребляя военный термин, в постоянном запасе,—становится теперь невыносимым для того же рабочего класса. В этом и заключается наш второй пункт. Об'единение всех активных элементов рабочего класса становится об'ективно необходимым и, стало быть, практически неизбежным. Дело представляется мне так.

Ряд поражений, разбивая всякие иллюзии и пр., должен был в ходе русской революции толкать пролетариат от руководства стихийными настроениями к руководству учетом об'ективных отношений. Он приучался судить о вероятном поведении других классов не по собственным настроениям, приучался подчинять собственные настроения данному соотношению общественных сил, познавал силу и роль других классов общества. Декабрь давал практические уроки следствий политической изолированности, эпоха госуд. Думы уясняла, что значит органический рост революции и т. п. Непосредственно после Стокгольмского с'езда мне приходилось

*) «Этюды о русской интеллигенции», изд. Поповой. СПБ 1906 г.

уже писать, как в процессе накопления этого опыта революционные сплочения более активных элементов пролетариата становятся на путь преобразования в классовую рабочую партию. Тогда мы, между прочим, писали, что ближайшее же время должно дать повод к столкновению между реалистами социал-демократии, учитывающими об'ективное положение вещей, и между ее утопистами, руководящимися чувством. Мы указывали, что это расхождение должно произойти на почве форсирования революции, на почве попытки вновь призвать пролетариат к выступлению декабрьского типа при первом же возбуждении в его среде, хотя бы и без условий во вне. Наконец, мы подчеркивали, что победа меньшевизма на с'езде отнюдь не является гарантией победы и политического реализма, как бы это следовало, потому, что и сама она в ту минуту была лишь «тень-тени»—отражением настроения, созданного в передовых рабочих кругах впечатлением от избирательных побед кадетов. Наши предположения оправдались, к сожалению, в самой полной мере. Не кто иной, как сам меньшевистский Центр. Ком., порывая со всеми, казалось, установившимися традициями меньшевизма, призвал партию к прыжку в неизвестное. Близнецы-соперники дружно приготовятся броситься в волны стихии в одинаковых позах при первом же подходящем случае.—писали мы тогда. И через $2^1/_2$ месяца Петерб. Комитет,—который по его нравственному значению можно считать Центр. Ком-ом большевиков,—по-братски на ряду с ЦК также провозгласил «великую всероссийскую забастовку». Но оба Комитета только собрались прыгать—прыгнуть же всероссийски не пришлось: рабочие не пожелали—и при очень любопытных обстоятельствах. Именно, несомненной являлась в то время готовность к забастовке и достаточное собственное настроение для нее в Екатеринославе, Донецком округе, в Севастополе, Москве и почти всюду, как сообщают местные товарищи. И в то же время везде последовал решительный отказ начать немедля борьбу.

Ясно, что здесь причиной служит не недостаток **настроения**, но присутствие **расчета**. Да и в Питере, как известно, отказались бастовать самые многочисленные, самые активные, самые прославленные политические заводы, а пошли на забастовку в значительной части более отсталые слои, не прошедшие еще должной политической школы. Партийные верхи, привыкшие к тому, что рабочие в своих действиях руководятся своим настроением, и на этот раз правильно обобщили настроение и дали лозунг к забастовке, по заведенному шаблону, считая себя лишь регистраторами пролетарских настроений. Но оказалось, что за последнее время произошла перемена: действия рабочего в значительной мере перестали соответствовать его настроению и стали обусловливаться расчетом: не будем действовать изолированно и на авось.—было господствовавшее настроение. декабря не должно повториться, пусть начинают крестьяне или пусть новая Дума еще более расшатает устой старого строя и облегчит нам дело. И наша партия, подчиняясь этому настроению активных частей рабочего класса, можно сказать, повсеместно отказалась следовать призыву своих центральных учреждений—и Пет. К. и Центр. Комитета. Так настроение, созданное чувством, столкнулось здесь с настроением, созданным расчетом, и последнее победило. И это было большим испытанием, созданным рабочим классом. История, наказывавшая его за невежество в политической науке суровым декабрем и знаменитым бойкотом,—переводит его теперь в следующий класс. Да, русский с.-д. может уже вздохнуть свободней: в рабочей среде мы имеем дело уже не только со стихийными настроениями, но и с политическим расчетом, рабочие круги уже начинают учитывать накопленный опыт, революция уже—наконец-то—кое-чему научила. Мы были кустарными социал-демократами, были искровскими, потом меньшевистскими и большевистскими, пора нам быть европейскими, и европеизирование поведения передовых рабочих кругов говорит нам, что это превращение уже в ходу—и ничто его не удержит. Большевизм сыграл уже свою роль и признание бывш. большевиками выборов в Думу есть, собственно, смерть старого большевизма. Да он и вообще не имеет значения, как такое течение, которое вело бы дальше партийную жизнь. Большевизм всегда при-

нимал, в конце-концов, меньшевистские решения, отставая от них лишь на несколько месяцев, начиная с вопросов о профессиональных союзах и Совете Рабочих Депутатов и кончая отношением к выборам в Думу и экспроприациям. Но теперь и официальный меньшевизм с его половинчатой и неуверенной практикой, с его унынием и непониманием своего положения, стоит перед своей ликвидацией и здоровый реализм европейской социал-демократии уже приходит к нему на смену. Голос его довольно явственно звучит уже не с сегодняшнего дня в устах Плеханова и Аксельрода,—единственных, собственно говоря, европейцев в нашей «варварской» среде,—но лишь теперь начинает находить он себе достаточно заметный и хоть несколько сознательный отклик.

Итак, широкие круги активных элементов российского пролетариата переходят к политическому расчету, к руководству учетом об'ективных отношений. Тем самым создаются потребность и материальные условия и для превращения существующих революционных сплочений части этих элементов в политические коллективы. Рабочий класс, участвующий в общенациональной политической жизни, лишь стихийно может позволить себе роскошь довольствоваться техническим аппаратом вместо настоящей партии. Пред рабочим же классом, поставленным в необходимость и уже научающимся **политически** действовать, сейчас же встает задача—собрать воедино все свои действенные силы, чтобы обеспечить наибольшее единство и вескость своих действий, правильность и подготовленность своего расчета. Если прежде, между двумя «стихийными порывами», организация превращалась в пропагандистско-агитационное общество **политического воспитания**, то теперь этого мало. **Расчет и оценка об'ективных условий вырабатываются непрерывно и правильный рост их может быть обеспечен лишь постоянным организованным взаимодействием той части рабочего класса, которая создает его общественное мнение.** Поэтому рабочий класс, как скоро он начинает переходить от политики стихийных порывов к политике планомерного действия, начинает испытывать потребность заменить партию-аппарат, партию политического воспитания—партией рабочего авангарда, партией политического действия. А мы уже указали, что если партия пропаганды и обслуживания стихии свободно может существовать без сплочения в ней всего рабочего авангарда, подавляющего большинства передовых активность сил рабочего класса, то партия—лаборатория классового расчета и планомерного, а не стихийного действия—не может быть без такого сплочения, она в нем и заключается. Возникновение такой партии европейского типа, преобразование в нее старых организаций, традиционно обслуживающих общественные нужды рабочего класса, делается таким образом для пролетариата прямо стихийной потребностью. Отсюда то тяготение к об'единению и согласованию действий всех активных рабочих, та любовь и влечение к широким беспартийным организациям, какие сейчас существуют в рабочей среде. Они служат наглядным выражением пока еще полуинстиктивного стремления к такому сплочению, об'единению, к широкой рабочей партии, куда было бы собрано все, что может выдвинуть из себя пригодного для активной политической жизни рабочий класс.

Таким образом, изменение самого характера и состава современных революционных сплочений рабочего класса об'ективно неизбежно. Раз задача—сплотить **все** активные элементы рабочего класса, то это сплочение неизбежно и в сторону об'единения всех уже сейчас существующих сплочений некоторой части пролетариата и в сторону расширения их до превращения в организацию всех действенных элементов рабочих, независимо от того, является ли и насколько последовательным социалистом каждый из них лично.

Мы подчеркиваем, что речь здесь идет не о растворении партии в классе, организации авангарда, в организации всей массы *), но лишь об об'единении

*) В этом отношении много путаницы вносит и порождает много различных сомнений неопределенность разговоров о рабочем с'езде—ср. № 3 «Пролетария» [133]) и голосование иваново-вознесенских меньшевиков против идеи рабочего с'езда по сходным соображениям. Мы не думаем, конечно, отрицать значение общеклассовых организаций в настоящее время, но это не партия, сейчас не о том речь. О том, как согласно со всем сказанным, представляется состав с'езда—ниже.

авангарда—900 тысяч из 9 миллионов,—лишь об оформлении и организационном закреплении той практики, которая уже начинает прорываться и иногда овладевать жизнью. Утверждать что-нибудь иное, данное состояние рабочей среды не дает нам права. Наличность внепартийных организаций большинства действенных элементов, думается, вне сомнения. Так же очевидно для нас идущее все в глубь преобразование «в сторону расчета» в переживаниях и методах политического мышления, словом, во всем характере тактики пролетариата. Решение всех важных вопросов уже не партийными организациями, как прежде, а более широко базирующимися учреждениями, обычное исчезновение в политической практике за последнее время заметных различий между рабочими разных революционных партий,—все это общеизвестно. Но все это вместе и есть условия необходимые и вместе с тем достаточные для нарождения потребности в об'единении широкого политического активного ядра всего российского рабочего движения.

Действия пролетариата начинают основываться на расчете, организованного же расчета нет без об'единения, по возможности, всей массы вырабатывающих его элементов. Широкая рабочая партия на место узких разрозненных социал-демократических и социал-революционных организаций—вот что ставится очередной задачей самым ходом вещей. Основание широкой рабочей партии путем об'единения всех существующих сплочений с социалистическими тенденциями и стоящих вне их действенных элементов—составляет первый шаг к европеизированию форм нашего рабочего движения, нашей социал-демократии, к превращению ее—пользуемся раз употребленным термином—в лабораторию классового мнения, в штаб классовых действий, в авангард классовой армии. Делая тяжелее на под'ем всю организацию, подрывая почву под политической авантюрой, этот шаг создает условия более широких и ценных переживаний, отвечает уже назревшей потребности и ускоряет и в будущем рост партии, как закреплением единства рабочего движения, так и приближением к тому среднему передовому активному рабочему, который хочет, чтобы у рабочего класса была своя политическая партия для защиты его интересов и, пожалуй, в общем тяготеет к социализму, но решительно не способен ни назвать себя ни отдать отчет, с.-р. он или с.-д., бернштейнианец или ортодокс, большевик или меньшевик. В состав английской широкой рабочей партии, так красиво и мощно выступившей на сцену исторической жизни, в состав французской, итальянской рабочих партий повсюду входят элементы рабочего класса различной степени сознательности и близости к последовательному социал-демократизму. И нельзя сказать, чтобы эти партии больше нашей отставали от тех требований, что мог бы пред'явить им пролетариат. Впрочем, к вопросу о включении с.-р. и близких к ним в широкую рабочую партию, в русскую социал-демократию в европейском смысле этого слова—пользуясь счастливым выражением Парвуса—мы вернемся ниже особо.

Определяемое историческими условиями, в которые поставлен рабочий класс, и характером самых его переживаний, внутреннее единство рабочего движения все настоятельней должно требовать единства внешнего. С другой стороны и наша партия в своем развитии, в силу перемен в рабочем классе чувствуя неизбежность и необходимость перехода от положения аппарата на положение партии—и страстно стремясь к этому переходу—должна чем больше, тем быстрей испытывать желание раздвинуть свои рамки, должна все более ощущать острую потребность в об'единении со всем передовым кругом рабочих. Отсюда эти разговоры о широком беспартийном рабочем с'езде, неопределенность которых соответствует сейчас еще полустихийному влечению на тот путь, о котором мы говорили, и неопределенностью этого влечения и об'ясняется. Но самые толки и споры о рабочем с'езде должны способствовать прояснению сознания. Мысль о широкой рабочей партии выкристаллизуется из них и претворится в твердое сознательное решение широкого рабочего авангарда.

В процессе этих споров неопределенность постановки вопроса о с'езде будет отброшена, идея о созыве с'езда «вообще», для «определения положения отношения

к Думе», для «развязывания революции» будет ставлена. И когда придет время такого с'езда—а когда оно придет, это прежде всего зависит от Р. С. Д. Р. П.— то он будет созван определенно под знаменем не спорных личных построений, но диктуемой об'ективным положением вещей «великой задачи, очевидной цели» (при том связанной определенно с политическим положением, о чем ниже). Великая задача—конституирование, утверждение рабочей партии, очевидная цель—организационное об'единение ради этого всех социалистических элементов в связи и под влиянием авторитета общерабочего с'езда.

Российская социал-демократическая рабочая партия накопила в себе значительную и самую сознательную, самую инициативную часть активных элементов рабочего класса—можно сказать, большую половину всех рабочих России, как бы то ни было политически организованных. Она исполнит возложенную на нее историей задачу, если решится теперь довершить дело образования классовой партии российских рабочих, проявив инициативу в очередном деле формирования широкой рабочей партии, она оплодотворит себя, свои личные силы и накопленное умение, широкой партией и даст ей в себе прочное ядро. Партия реалистов, мы не делаем себе неприкосновенных кумиров из своего звания—из слов, которым к тому же в значительной степени не соответствует содержание,—и должны суметь пожертвовать названием и видимостью там, где дело идет о действительном завоевании в деле классового сплочения пролетариата. «Каждый шаг действительного движения рабочего класса важнее дюжины программ»—это было хорошо сказано. Тысячу раз это верно тогда, когда такой шаг фактически, хотя бы при уменьшении словесной формальной видимости, должен привести к торжеству этих самых программ. Пути истории ведут русский пролетариат на дорогу широкого, здорового социал-демократизма, и образование широкой партии, которую условия и опыт заставят быть и делаться все более социал-демократической в целом по духу и поведению, лежит на этом пути. Нечего бояться, что если вы теперь снимете вывеску и широко пустите в партию подлинные действенные силы рабочего класса,—нечего бояться, что они тогда принизят движение или совлекут его с верного классового пути. Ведь речь идет об авангарде, о цвете рабочего класса—на что же нам, социал-демократам, еще надеяться, какой расписки еще просить у судьбы, кроме гарантии неизбежного об'ективного хода вещей. Не принижение движения грозит нам на этом пути, но—самое большее—принижение фразеологии, рассеяние «нас возвышающих обманов»—стоит ли об этом жалеть? «Смелость, смелость и смелость»,—повторим мы великие слова всем колеблющимся, нерешающимся еще открыто порвать со всей традиционной напыщенной фразеологией. со всеми мишурными украшениями, прикрывающими наше здоровое тело. Потребность создалась, проявления очевидны, дорога ясна. Кубок наполнен, вино пенится, надо пить. Широкая рабочая партия пролетарского авангарда через об'единение всех социалистических сил и привлечение всех действенных элементов рабочего класса—это должно стать лозунгом для всех, желающих итти навстречу велениям истории.

II.

Таким образом, в настоящий подготовительный период развязывания творческих сил, Дума, ее состав и поведение играют неизмеримо важнейшую роль, чем все призывы и разговоры о вооруженном восстании, хотя бы оно и «назначалось» в разных брошюрах и листках, то на август, то на октябрь. **Русская революция не идет путем всенародного вооруженного восстания** в действительном смысле этого слова, как северо-американская или польская. Открыто и всенародно будет расти она, разрушая старую гниль и возводя леса для новых построек. И если мы видели в какой-нибудь Персии учредительное собрание, созванное при невольном согласии монарха, если мы видели во Франции признание королем прав учредительного собрания за обыкновенным собранием народных представителей, то ход событий—к Учредительному собранию без форменного восстания не будет представлять собой даже чего-нибудь оригинального, самобытного.

Сознание необходимости через Думу ослаблять, разлагать старый строй, естественно, привело активные слои рабочего класса к переоценке вопроса об участии или неучастии в выборах. Рабочему классу необходимо принять свои меры, чтобы новая Дума оказалась выше по сознанию стоящих перед ней задач, по своим требованиям, чем первая. Средство для этого в пределах избирательной кампании —сплотить как можно более свои силы и голоса для выборов *). Отсюда предстоящий момент современного периода—избирательная кампания—делает наглядной для самых широких слоев рабочих потребность в избирательном об'единении в городской курии и этим также готовит почву для широкой рабочей партии. Ясно, что существующие ныне революционные сплочения некоторых элементов рабочего класса, с.-д. ли они, или с.-р., гораздо ближе друг к другу, чем, например, к кадетам. Ясно, далее, что в большинстве городов в случае выставления с.-д. и с.-р. параллельных кандидатур или при голосовании в губернских собраниях выборщиков с.-д.-ов и с.-р.ов друг против друга—не пройдут ни те ни другие, а пройдут в лучшем случае кадеты. Понятно, на такое самоубийство не найдется много охотников и потому избирательное соглашение всех социалистических организаций неизбежно. Даже если бы им этого и не очень хотелось, к этому заставит прибегнуть общественное мнение рабочего класса, которое не может допустить разбить свои силы международной борьбой, как не позволяло делать арену для нее из Сов. Раб. Депутатов. Насколько мы знаем, избирательное соглашение всех социалистов всеми почти признается желательным. Мы не думаем, чтобы оно должно было быть поставлено на общерабочем с'езде. Созыв его до Думы нам представляется и вряд ли возможным и слишком поспешным. Необходимо, чтобы идея широкой рабочей партии получила раньше большую распространенность и влияние в широких кругах. Свезенный кое-как,—были бы делегаты,—с'езд, от которого рабочие круги не ждут чего-нибудь важного и определенного, не соответствует стоящим перед ним задачам, прежде всего в силу отсутствия авторитетности. Для избирательной же кампании достаточно соглашения между партиями, как с.-р-ой, так и с непримкнувшими еще местными организациями (P.P.S: белорусская, литовская и пр.). Факт общего голосования по одним спискам закрепит в представлении рабочей массы мнение о возможности слияния для политической практики в одну партию всех активных элементов рабочего класса и создаст таким образом в их головах материальную предпосылку для реализации широкой партии. С этой точки зрения, как, впрочем, и со всех других, мы должны решительно высказаться против всяких проектов о голосовании за общие списки кандидатов в выборщики, выставленные с.-д-ами и кадетами, мысль о чем бродит, повидимому, в некоторых головах, к сожалению, считающихся меньшевистскими. **Такого рода** избирательный блок,—блок при избрании выборщиков первой степени, т.-е. при голосовании массы, блок, подразумевающий выставление общих списков,—не только не сплачивал бы все тяготеющие к социализму элементы, но, наоборот, вредил бы главнейшей задаче социал-демократии: обособлению классового движения пролетариата. **Такой блок** означал бы забвение всех наших задач, как с.-д-ов, и превращение в простую составную часть прогрессивной демократии вообще и разрыв со всеми традициями меньшевизма в частности. Меньшевизм учил не закрывать глаз на значение буржуазии вообще, либералов в частности, и не создавать себе на этот счет иллюзий,—но в интересах несмешения с ними, а укрепления самостоятельности и здорового чувства реализма в нашем рабочем движении. Единственное, что мы можем предпринять в этом смысле—это в собраниях выборщиков (а не при голосовании массы), если наши кандидаты, даже по соглашению с более близкими нам и с.-р-ам крестьянскими выборщиками, не могут пройти в Думу,—голосовать за наиболее приличную из борющихся партий, т.-е. за кадетов против октябристов. Проповедь же всяких других блоков с каде-

*) В мелких городах, как квартиронаниматели, рабочие при сплоченности могут провести много выборщиков в губернские избирательные собрания. Примерами из прошлых выборов могут служить Феодосия, Омск, Батум и другие города, где прошли с.д. А при соглашении с крест. выб., это дает большинство при выборе членов Думы.

тами, переносящих соглашение в массу выставлением общих списков в первой степени выборов, подрывает почву под самой социал-демократией и важнейшей очередной задачей нашего времени—сплочением всех активных сил рабочего класса в обособленную массовую единую рабочую партию. Между тем такое соглашение вовсе, даже и практически, неважно. В Питере и Москве, вообще, в крупных центрах, конечно, не пройдут в Думу при теперешней избирательной системе даже об'единенные с.-д. и с.-р. Но в провинции всякие уездные и иные губернские города дадут нам много выборщиков без всякого об'единения с кадетами. Прошлый раз **всюду** где кадеты против нас ни выступали, они были побиты: и в Тифлисе и Омске, и в Феодосии и в др. городах. В деревнях же и подавно союз с кадетами не нужен т. к. вызовет только недоверие к нашим земельным требованиям: нельзя голосовать сразу за конфискацию и выкуп, за всю землю и за половину земли. При теперешнем настроении деревни тех местностей России, на которые можно более или менее рассчитывать, избирательный союз с кадетами способен нас только скомпрометировать в глазах крестьян, но главное—самой природе нашей противоречит отказ от старого принципа: хоть и иногда вместе или рядом, но итти—врозь. Странное впечатление самой своей неопределенностью производит заметка о блоке с кадетами в № 1 московской газеты «Наше Дело», [134]) подписанная Череваниным и подхваченная буржуазной прессой, которой захотелось сделать из автора своего рода Мильерана кадетства.

Автор этих строк всегда шел в рядах меньшевизма, не раз выступал при разных обстоятельствах в качестве его ответственного представителя—и тем более считает нужным открыто возражать против тех его сторонников, которые способны бросаться то в область политической авантюры (июльская всеобщая забастовка), то в сторону затушевания классовой позиции пролетариата (блок с кадетами). Против такого упрощенно казенного меньшевизма нельзя не протестовать в собственных же его интересах. Мы говорили о перерождении европейцев и ниже коснемся еще причин вырождения традиционного «ищущего» меньшевизма в меньшевизм казенный, творящий из головы своей и потому сегодня расположенный желать братоубийственного разрыва среди самой же социал-демократии, а завтра—не менее самоубийственного соединения с ее противниками из буржуазного лагеря. Как и все сторонники из меньшевиков коренной партийной реформы, которая, сохраняя преемственность и все накопленные богатства, вывела бы нас на широкую дорогу европейского движения,—я не считаю случайным это начавшееся вырождение, как не случайно выродился и выдохся на наших глазах большевизм. И отношение широких слоев партии к июльской забастовке, к проповеди П. Б. Аксельрода о рабочем с'езде—все это говорит мне, что я лишь один из многих. Я, прежде всего,—с той подавляющей массой меньшевистских членов нашей партии, которым жизнь, как и мне, помогла довести до логического конца выводы из своего меньшевизма и в силу этого пробудила желание из меньшевиков превратиться в европейцев, и которые составляют большинство в самом меньшинстве. И я, вообще со всеми теми, ее членами и членами других партий, кто учел ход вещей и хочет работать для того, что вызывается и переживаниями в самой рабочей среде и общими условиями времени—для **широкой рабочей партии**, создание которой должно стать задачей нашей «Р.С.Д.Р.П.».

III.

Ясно, что попытка образования рядом с существующими социал-демократическими и социал-революционными организациями какой-нибудь третьей партии не дала бы того, **что** надо, т.-е. об'единения всех активных сил пролетариата для политического действия. Наоборот, если бы она и оказалась возможной; то внесла бы еще более раздробленности и сектантства. Она не об'единила бы тех элементов, которые не пойдут в узкую партию строгих единомышленников, но составили бы достаточный контингент для широкой партии. Программа такой широкой партии формулировала бы, как это сделал когда-то Маркс для Международного Товарищества

рабочих, то, что составляет уже достояние широких слоев передовых рабочих, предоставив поведение партии в частных случаях определять специальным решениям большинства ее членов. Подобным образом сейчас английский комитет рабочего представительства, об'единяющий до полутора миллиона рабочих, в уставе своем ограничивается лишь выставлением своих общих целей, в практической политике следуя решениям конгрессов. При влиянии социализма в России, общая программа широкой партии могла бы и сейчас уже оказаться более полной и строгой; например, она заключала бы в себе признание социалистического строя конечной целью партии. Отдельные с.-ры и с.-ды или даже целые их группы оставались бы при таком порядке пропагандистскими центрами, обществами внутри широкой партии, которым, несомненно, принадлежала бы руководящая роль, как принадлежала она в Советах Рабочих Депутатов, и которые способствовали бы укреплению широкой партии на почве международного социализма.

Но возникновение какой-нибудь третьей сколько-нибудь **влиятельной** рабочей партии, помимо ее бесполезности и недостаточности для разрешения стоящей перед пролетариатом задачи, представляется мне более чем маловероятным. Самые привычные к политике личные силы русского пролетариата сосредоточены в теперешних революционных организациях. Хотя они далеко не обнимают всех активных сил рабочего класса, все же здесь собраны те, кто более всего обычно «занимается политикой», живет политической жизнью и систематически, а не в общем лишь, разбирается в ней. Поэтому обобщение всякого стихийно назревающего в широкой массе вывода скорее всего должно совершаться здесь. Поэтому и самая идея о широкой партии — отклик на неоформленное стремление к ней массы — должна была возникнуть сначала и укрепиться в Р.С.Д.Р.П. и ею быть поставленной на обсуждение. Поэтому, наконец, для меня ясно, что всякий иной путь действия, кроме как через партию, при наличных данных относительно состояния рабочей среды, непригоден. Вопрос о необходимости партийной реформы в смысле перерождения социал-демократии в широкую организацию рабочего класса, — вопрос о рабочем с'езде должен быть поставлен партийно и партийно же разрешен, Только это есть настоящий путь, ибо, очевидно, против воли Р.С.Д.Р.П. или большей ее части никакой действительно общерабочий с'езд невозможен. А если бы и состоялся какой-нибудь суррогат — то на нем и в новой партии отсутствовали бы как-раз элементы самые нужные, самые желательные для нас — социал-демократические рабочие, как-раз те, кто должен составить ядро новой широкой партии, утвердить преемственность накопленного опыта, без коего она осталась бы лишь покушением с негодными средствами. Быть может, путь через партию несколько более медленный, быть может, партия не сразу переработает в себе и воспримет необходимость этой реформы, — но другого верного пути нет, всякий раскол по этому поводу был бы лишь пагубен для самого дела. Мы видели, как партия отвергала в феврале почти единогласно участие в Думе и как она **единогласно же**, наученная опытом жизни, признает его в сентябре. То же будет и с рабочим с'ездом, который должен сделаться центральным предметом внутрипартийного обсуждения, особенно после отказа большевиков от бойкота Думы и при характере современного периода движения, наглядно исключающего представление о непосредственной близости сейчас массового активного выступления агрессивного характера *). Будет ли избирательная кампания или нет (по условиям, в которых находится правительство, не сомневаюсь, что будет), сплочение своих сил останется неизбежной задачей передовых кругов пролетариата, и потому вопрос о широкой партии не может уже быть снят с очереди, хотя бы первый раз партийный с'езд и высказался против него. [135]) Надо не нервничать, чуть что выкрикивая «раскол», но несколько более полагаться на здоровое чутье передовых кругов рабочих, которые, может быть,

*) Под «развязыванием революции», кстати, разумею, надеюсь ясно, не разнуздывание ее, но устранение препятствий, стоящих перед проявлением творческих, организующих сил движения. Разнуздывание, анархизирование — проповедь частичных выступлений «партизанских действий» и т. п.

несколько медленнее, чем академики, но все же неизбежно не могут не приходить к тем выводам, на какие ясно указывает жизнь. Пора положить предел организационному почкованию фракций, хотя бы и в случае разногласий, пора не только отвлеченно, но и практикой своей соглашаться с чьими-то, кажется Парвуса, справедливыми словами: лучше сделать ошибку на почве классового сплочения пролетариата и расширения его политической деятельности, чем разбивать это сплочение и суживать эту деятельность, боясь сделать ошибку. Ход событий оправдал для меня мой личный «об'единительный» опыт, сводящийся к об'единению большевиков и меньшевиков в С.-Петербурге, начавшемуся с Выборгского района, представителем которого я был в Спб. группе и Федер. Сов. нашей партии, и к защите об'единения с Бундом на стокгольмском с'езде. Помню, как в последнем случае на фракционном собрании меньшинства товарищи упрекали нас в излишней сентиментальности и мягкотелости, побуждающих-де ради об'единения с Бундом рискнуть нашей тактической «победой». Полагаю, время убедило их, что тут было не простое прекраснодушие, но здоровое чувство доверия к живым силам и жизненному чутью пролетариата. И действительно, уже через несколько месяцев на общем с'езде Бунда уже оказалось подавляющее большинство за политический реализм и даже более узко—за меньшевизм.

Что же касается с.-р-ов, то, конечно, об'явлением одних себя широкой партией мы бы тоже могли попытаться расширить свои рамки, но это все-таки было бы уже не то. Попрежнему в глазах массы не только одни останутся с-д., а другие с.-р., что будет и внутри широкой партии и что с нашей точки зрения совершенно необходимо, но и организации остались бы одни официально с.-р-ми, другие, может быть, официально с.-д-ми; что совершенно изменило бы всю постановку дела. Отпал бы главный момент—открытые двери партии для всех активных элементов, и они бы попрежнему остались вне ее колебаться между с.-р. и с.-д. и не решаться на присоединение ни к тем, ни к другим. Насколько должен обеспечивать наше идейное торжество дух социал-демократии, если мы ему верны, настолько же убивает нас организационный забор из нашего сектантства. Маркс не переставал быть хорошим с.-д. от участия в Международном Товариществе Рабочих (и даже руководства им), как известно, вовсе не состоявшем из марксистов. Боязнь, отказ от соединения с с.-р-ами есть такая же непоследовательность, половинчатость мышления, как протесты против кажущегося и чисто формального «всемогущества интеллигенции» в наших организациях, в наши дни, есть проявление несознательного невыкристаллизовавшегося еще стремления к широкой рабочей партии: чувствуя, что «в царстве Датском что-то гниет», хотят уложить это в привычные рамки.

В самом деле, раз необходима рабочим массовая партия, более близкая к ним по своему характеру; раз у нас не может сложиться какая-нибудь третья рядом с существующими с.-д. и с.-р.;—то рабочему классу остается только одно из двух. Либо ликвидировать одну из существующих партий и другую превратить в широко-социалистическую в роде английской с ее сразу после образования проведенными в парламент 30 депутатами. Либо заставить ассимилироваться существующие, принудив их вместе с тем раздвинуть свои рамки для всех активных рабочих. Первое—в России невозможно благодаря наличности на обеих сторонах известных традиций и уровня сознательности в некоторой части передовых элементов, благодаря тому, что обе партии «крепко сидят»—в значительной мере в силу своего практического сходства. Известно, что при отсутствии литературы с.-д. раздают с.-р.-ие брошюрки, обрывая фирму, и наоборот. А в некоторых местах, напр., по слухам, в г. Алуште (до 20 ч. орг.), говорят, доходят почти до навязывания ленточек на шею, чтобы можно было отличать друг друга. Но если невозможно взаимоистребление, то остается, значит, лишь второй путь. Повторяем, нечего бояться, что это приведет к исчезновению **духа** международной социал-демократии—за его присутствие в русском рабочем движении ручаются исторические условия, властно направляющие русских рабочих—правда, иногда через тяжкие удары—к крепкому политическому реализму. Недоверие к рабочему классу и недоверие совершенно неосновательное—вот, что я

вижу в такой боязни. Прибавлю еще в качестве свидетельства в пользу наших построений о том преобразовании, какое происходит внутри самой с.-р.-ой партии. Именно, она, если можно так выразиться, все более «орабочивается». В самом деле, приобретение с.-р.-ами приверженцев в рабочей среде, изменение социального состава партии не могло же на ней не отразиться. И вот, мы видим, происходит ее очищение от разных крайних утопических и мелкобуржуазных элементов анархистского и социал-реформаторского типа. С одной стороны—от с.-р-ов,—численность всех организаций, которых кажется, их с'езд определял в 50—60 тысяч *), —откололись группки максималистов, [136]) куда ушли представители как чистого терроризма, так и прочие близкие к анархизму элементы, не стоящие на почве международной социал-демократии (социализм, как цель; классовая борьба во всех ее формах, как путь; завоевание политической власти, как могущественное средство; реализация программы-минимум, как текущая задача). С другой стороны от с.-р-ов обособились «умеренные» из «Русского Богатства», [137]) с их «народно-социалистической партией», [138]) имеющей претензии об'единить «весь народ», пожалуй, скорее всего об'единяющей левых кадетов—буржуазных радикал-социалистов французского типа, и пока не об'единившей даже трудовиков, в расчете на популярность которых группа и заявила о своем существовании. Не сомневаюсь, в будущей Думе будет много элементов для новой трудовой группы—конечно, более последовательной и твердой, чем покойная, не решившаяся даже всенародно требовать Учредительного собрания и провалившая свои собственные предложения. Но несколько комичное впечатление производят попытки бывших депутатов—при всем к ним расположении—завести каждому по своей трудовой партии. Проф. Локоть санкционирует «трудовую народно-социалистическую партию» Русского Богатства, Г. Седельников [139]) другую «народно-трудовую» партию и т. д. С.-р-ы же—и мы это подчеркиваем—с трудовиками отнюдь не сливаются в частности и своего революционного социалистического знамени не свертывают вообще. По своему мнению, они и сейчас вполне стоят на почве классовой борьбы. По-нашему—требование, напр., раздела крупных сельских хозяйств на мелкие—этому противоречит. Хотя с.-р-ы и кидают нам мостик своим решением о поощрении крупных кооперативных хозяйств. Отсюда уж не так далеко и до признания общественного муниципального хозяйства на землях крупных хозяйств без пускания их в дележку и с представлением всей массы прочих земель в пользование трудовому крестьянству. А это и есть наша теперешняя аграрная программа, хотя мы и ждем от ее осуществления иных следствий для народного хозяйства, чем с.-р-ы. С.-р-ы в теории признают классовое деление общества, но слой мелкого, не нанимающего рабочих полусамостоятельного крестьянства хотят взять за одни скобки с наемными рабочими. На практике это, впрочем, составляет не очень значительную разницу, так как и русские социал-демократы, как и социал-демократы Германии, Италии, Франции и всех других стран также считают необходимой социалистическую работу среди этих слоев крестьянства, только с другим обоснованием. С.-р-ы полагают, что мелкое крестьянство обязательно доживет, не сократившись, до социализма, и надеются привести его к нему через развитие коопераций, товарищеского способа ведения хозяйства, надеются видеть его активным борцом за уничтожение товарного строя Как известно, взгляд этот распространен и среди некоторых групп наших западных товарищей, например, в итальянской социал-демократии. Среди русских же социал-демократов преобладает мнение—на наш взгляд, правильное—что главная гарантия реализации социализма—это увеличение численности и сплочения пролетариата, что мелкое производство, в том числе и в земледелии, экономически, по сравнению с общей массой производимых благ, все более оттесняется на задний план, что мелкое кре-

*) Нам, впрочем, неизвестно применявшееся здесь мерило организованности, тем более, что непрочный и текучий характер городских с.-р.-х организаций известен. Но даже и 30 тысяч в сравнении со 120 тыс. членов Р.С.Д.Р.П. представляли бы собой величину далеко не безразличную. Меньше же 30 тысяч оценивать с.-р-ов во всяком случае нельзя.

стьянство, поскольку оно доживет до социалистического строя, в массе своей перейдет к нему, не столько как активный носитель его идеи, сколько под влиянием примера и воздействия других слоев населения.

Мы можем смотреть на с.-р.-ство, как на аграрный оппортунизм в широкой русской социал-демократии, но по самому характеру своему широкое рабочее движение не может быть в наши дни без оппортунистической струи. Чем шире его захват, чем больше его роль, тем более группирует оно вокруг себя надежды всех униженных и обиженных, и тем более новые их потоки приливают к рабочей партии. И чтобы войти в рай revol. марксизма, они вынуждены побывать в чистилище оппортунизма, дабы свести счеты своих старых переживаний с новым мировоззрением. Поэтому отсутствие оппортунистической струи в общем потоке социалистического движения в наши дни свидетельствовало бы об его относительной слабости. А по всем условиям экономического строения России у нас оппортунизм, конечно, должен принять форму оппортунизма аграрного, как он стал министриальным в радикальной Франции или фабианским в Англии с ее культом права.

Мы упомянули несколько выше о ленточках. Кто не знает, как много рабочих сплошь и рядом переходит из с.-р-их организаций в наши и наоборот. А потом обратно. Кому не приходилось говорить об этих «перелетах» с товарищами с доброй снисходительной усмешкой? Между тем, самая распространенность этого явления, свидетельствующая об общей основе, казалось, побуждала бы отдать себе в нем более серьезный отчет. А он может заключаться лишь в подтверждении внутреннего единства движения в том, что, несмотря на все различие в фразеологии верхушек, у нас наблюдается, собственно, почти полное единство рабочего движения в целом, случайно разбитого по разным организациям, поскольку оно вообще организовано. Если взять личный состав с.-р-их и с.-д-их сплочений—с.-р-ие окажутся такими же как наши, т.-е. большинство членов—те же самые рабочие, иногда даже лично те же, и притом одинаково настроенные. Небольшие кучки наверху соперничающих организаций, а иногда поблизости к ним и их приверженцы, воюют друг с другом—но и то лишь в теории. Если же взять политическую практику, то с.-р. ие организации такие же, как наши, т.-е. такие же аппараты при стихии, только менее значительные.

Но каковы бы ни были **мнения** с.-р-ов насчет исторического материализма и насаждения социализма через русскую общину путем кооперации,—**на деле** они почти столько же стоят на почве международной социал-демократии, вернее, с такими же шатаниями, как и русские социал-демократы. Вспомним мнения о бойкоте выборов, с одной стороны, о блоке с кадетами—с другой. Мы не видим, чем это лучше на практике хотя бы с.-р.-ого терроризма. Мы не видим далее, чем «поправки» тов. Богданова [140]) к основам марксистской философии или «поправки» тов. Нежданова [141]) к основе экономического учения Маркса—теории прибавочной стоимости, лучше «поправок» тов. Чернова [142]) к аграрным взглядам Каутского [143]) относительно значения коопераций. Можно быть не вполне последовательными марксистами, как тт. Чернов, Богданов и Нежданов, и в то же время итти практически в рядах широкой классовой партии с пользой для дела. А наша задача,—задача социал-демократов, считающих себя последовательными—внутри партии всей силой марксистского анализа содействовать выбору надлежащего пути. Гэд [144]) и Жорэс [145]) во Франции, Каутский и Бернштейн [146]) в Германии, Ферри [147]) и Турати [148]) в Италии, право я не вижу оснований, почему бы Плеханову и Чернову, уживающимся в Международном Социалистическом Бюро, не ужиться и в каком-нибудь Всероссийском Центральном Бюро. Помню, в совете Раб. Деп. с.-д-ы и с.-р-ы ни разу не разошлись друг с другом, только раз заставили весь совет—высший орган 200 тысяч пролетариев, с властью которого не всегда решалось спорить само правительство,—заставили голосовать: надо сказать в резолюции «трудовое крестьянство» или просто «крестьянство». Первый термин нам почему-то показался обидным, мы видели чуть ли не подвох против социал-демократии и добились его замены—воистину, это было великое торжество духа нашего движения—боюсь только, Маркс не одобрил бы таких

подвигов. Теперь я, как вероятно и многие другие, не могу без улыбки вспомнить всех этих, по истине комичных в своей торжественности эпизодов.

Я не знаю, разговоры о соединении с с.-р-ми—большая «ересь», хотя лишь только формальная, против буквы закона, и в с.-д-ой литературе их вовсе, кажется, еще не приходилось встречать. Но я охотно бы взял под свою защиту с.-р-ов, если-бы только им это не было уже не нужно—их взяла под защиту их и наша практика почти тождественная и притом одинаково первобытная. Многие нервные товарищи—может быть, их еще большинство—еще и теперь способны упасть в обморок от одной мысли о соединении с с.-р-ми. Надеюсь, неумолимая логика событий укрепит их нервы. Пока для своей «реабилитации» скажу, что написал «целых 2 брошюрки против с.-р-их взглядов и еще напишу—и всетаки нахожу неизбежным, необходимым и полезным это соединение и не боюсь, что тов. Чернов обратит меня в с.-р-ство, когда будет со мной в одной партии.

Кто хочет охранять классовый характер рабочих организаций, должен делать это не путем закрывания глаз на роль с.-р-ов в рабочей среде, хотя подчиненную, но несомненную, но путем вовлечения их в круг своего влияния и общей жизни. Политика простого отрицания, политика страуса—неподходящая политика для социал-демократов, и очень трудно переубедить кого-нибудь, предварительно воздвигнув между ним и собой организационную стену. Нам надо тосковать не по русской секте, но по европейской широкой социал-демократии. Из европейской же с.-д-ии не было еще случаев изгнания ни д-ра Давида [149]) в Германии, ни его единомышленников в Италии. Европейская с.-д-ия дала с.-ра-ам ту же санкцию, что и нам, включив их, как и нас, в свое Международное Бюро и не делая никаких оговорок о России при признании международным рабочим социалистическим конгрессом желательности существования в каждом государстве единой социалистической партии.

IV.

Иногда против рабочего с'езда возражают просто с технической точки зрения: как определить состав с'езда, как его собрать? И сами защитники с'езда зачастую весьма путаются на этот счет—в силу той же неопределенности понимания об'ективно выдвигаемой перед с'ездом задачи закрепления широкой рабочей партии. Так говорят об избрании на с'езд делегатов Советами Рабочих Депутатов. Но их нет и весьма возможно долго еще не будет. Вообще, несмотря на все их значение в момент революционного выступления, Советы Рабочих Депутатов—учреждения весьма скоропреходящие. Только энтузиазм особых минут может подвинуть всю массу на выборы такого парламента. Где только для этого представится возможность и надобность, мы будем, конечно, хвататься за это дело обеими руками, хотя и сознавая его непрочность. Но этого мало. Если вся масса—9 миллионов—может чувствовать острую потребность в классовом парламенте лишь в особые моменты, то круг передовых активных элементов—900 тысяч—уже сейчас может быть прочно сплочен в классовую лабораторию, в политическую партию европейского типа. Для Совета Рабочих Депутатов характерно между прочим то, что они держатся преимущественно на неоформленной моральной связи массы с депутатами. Политическая партия может опираться только на организационные ячейки. Определенная постановка цели организации широкой партии вносит в этом смысле полную определенность и в вопросы о составе с'езда и способах его созыва.

Прежде всего, очевидно, с'езд не может составиться из представителей **распыленной массы**. Если бы после с'езда не оказалось никакого организационного аппарата для всей вытекающей из самого факта его работы, дело его в смысле фактического закрепления широкой партии было бы уже на большую половину проиграно. Не следует забывать, что Советы Рабочих Депутатов имели в своем распоряжении весь громадный и более или менее налаженный организационный и агитационный аппарат с.-д. партии, с.-р-ов и т. д. Да, если-бы и не было никаких Советов Раб. Деп., потребность в с'езде остается.

Выборы на загородных массовках по случаю с‘езда и т. п. мы, следовательно, решительно отвергаем,—это и будут выборы от распыленной массы. Момент, определяющий состав с‘езда, это—привлечение к нему именно передовых активных кругов рабочего класса, представляющих вместе с тем организационные единицы сколько-нибудь заметной величины. Под это определение одинаково подойдут все местные политические организации рабочего класса всех социалистических партий, достигающие, скажем, тысячи человек, все профессиональные союзы с меньшим числом членов, центральные учреждения социалистических партий, которые могут представлять собой все меньшие организации каждой партии, местные центральные бюро профессиональных союзов, которые представляли бы собой мелкие професс. союзы и, наконец, крупные заводы с 2—3 тысячами рабочих и выше, так как каждый из них представляет собой нечто цельное и сплоченное. В таких крупных предприятиях сосредоточены именно самые активные и влиятельные слои рабочих. В Питере, напр., в Нарвском районе достаточно постановить Путиловскому заводу, чтобы этому следовал весь район; что в Киеве предпринимают жел.-дор. мастерские, к тому примыкают обычно все. Вместе с тем каждый крупный завод уже отвоевал себе за последние полтора года своего рода внутреннее самоуправление. Правда, пределы «фабричной конституции» различны. В Риге и по сию пору, несмотря на военный террор, выбранной от всех мастерских или отделений рабочей комиссии принадлежит право принимать и увольнять рабочих, а в Севастополе старосты портовых мастерских признаются начальством, как представители рабочих, лишь в вопросах сношения с администрацией как по экономическим, так и политическим поводам. Но во всяком случае почти повсюду каждое крупное предприятие представляет собой несомненно **организационное целое**, которое иногда является даже определенной политической единицей с своей индивидуальной групповой физиономией, со своей преемственностью и традицией. По всей России в таких предприятиях, вполне способных, как организованные сплочения, принять участие в с‘езде, сосредоточены многие сотни тысяч рабочих. Они же служат главным средоточием того запаса передовых сил рабочего класса, какой сложится и должен сложиться в широкую партию и не может уместиться в наших аппаратных организациях строгих единомышленников. На таких заводах, как Обуховский, Семенниковский, так называемых «сознательных рабочих» считается по нескольку тысяч, а входит во все революционные организации вместе взятые едва по нескольку сот. Смешно сказать, но в Питере с его глубоким движением, с его сотнями тысяч наемных рабочих в нашу организацию входит всего 4 тыс. чел. По переписи 1897 г. в Спб. десять лет назад всех живущих наемным трудом 433 тысячи, не считая несамостоятельных членов их семейств. Наша широкая партия свободно об‘единила бы их, конечно, далеко не всех, но все же тысяч 50—60, если не больше; конечно, не повсюду, численное соотношение передовых рабочих к общей массе так благоприятно, как в Питере.

В революционных организациях у нас есть 120—130 тысяч в Р.С.Д.Р.П. и, вероятно, столько же у всех остальных, взятых вместе: польская социалистическая партия P. P. S.,[150]) партия социалистов-революционеров, пол. соц. партия «Пролетариат», литовская социал-демократия, социал-демократия Литвы (польская), белорусская соц. громада, прибалтийский с.-д. союз, украинская с.-д. партия, армянская с.-д. федерации и пр. Тысяч до 300, по подсчетам профессиональных союзов, сорганизовано у них по всей России. В некоторой степени в разные рубрики тут должны входить те же люди, хотя впрочем не в такой степени, как это обычно думают. Так в Питере при 4 т., партийно у нас организованных, наберется не менее 30 т., об‘единенных в союзах, то же в Москве и других известных нам лично местах. Сходство итоговых цифр всех партийно-организованных и профессионально-организованных в значительной степени об‘ясняется тем, что партийные организации прочно существуют всюду, профессиональные—лишь там, где это позволяет отсутствие крайностей реакции. Принимая далее во внимание крупные предприятия, в итоге все же наберется до миллиона передовых рабочих, с‘езд от

которых будет иметь возможность организационно закрепить и проводить свои постановления.

В какие формы может сложиться об'единение этого авангарда рабочего класса—я бы не взялся предсказывать с той же уверенностью, с какой констатирую самую об'ективную необходимость этого об'единения. В приложении привожу—недостаточно, по-моему, совершенный устав Комитета Рабочего Представительства, конституирующий английскую широкую рабочую партию, состоящую как из политических организаций, так и из профессиональных союзов и местных «советов труда»—учреждений аналогичных нашим местным центральным бюро. Мне кажется, русские условия допускали бы не только об'единение на федеративных началах, как это принято в Англии, всех соединяющихся учреждений (местные политические организации, их центральные учреждения, профессиональные союзы, центральные бюро, отдельные крупные предприятия, которые также могут быть легко об'единены территориально их депутатами). Напротив, считаю вполне осуществимым в России об'единение более сплоченное, конечно, с известной степенью автономии всех составных частей, а быть может—и это лучше всего—**слияние всех политических организаций каждого города и представительство крупных заводов в местных центральных бюро, при чем все партийные комитеты составлялись бы из представителей и профессиональной и политической организаций.** Во всяком случае, мы решительно высказываемся за организационное закрепление идейного единства профессионального и политического движения. Важность этого и вред оторванности, полагаю, слишком очевидны для всех участников рабочего движения и наглядно выяснены и нашим собственным опытом и примером европейского движения. В России до сих пор, несомненно, существовало полное идейное единство между органами этих двух форм классовой борьбы в силу как общих условий революционного времени, так и устройства и руководства почти всеми профессиональными союзами партийными социал-демократами. Но закрепить это организационно сейчас нет возможности, раз с одной стороны—беспартийные профессиональные союзы, удовлетворяющиеся признанием принципа классовой борьбы в целях освобождения рабочего класса, а с другой—узкие фракционные организации с.-д. или с.-р. Для такого солидаризирования необходима, так сказать, «беспартийная партия», столь же широкая, как и профессиональные союзы, и так же, как они, стоящая на почве международного рабочего движения. Поэтому все деятели профессионального движения, желающие правильного развития его с высоко развернутым классовым знаменем и вместе с тем непосредственного учета его влияния в политической области, должны, на мой взгляд, явиться решительными сторонниками партийной реформы в указанном нами смысле. Ряд резолюций, вынесенных профессиональными союзами в пользу широкой рабочей партии, произвел бы крупное впечатление и дал бы хорошие результаты.

Не говорю здесь, опять-таки, о чем-нибудь оригинальном, не предлагаю вниманию товарищей каких-либо личных измышлений. Наоборот, в историческом отношении можно указать не только на Англию, как на страну, где пролетариат оформил классовую политическую борьбу образованием широкой партии. Это понятно: раз перед ним вырисовывалась не в абстракции только, но определенно серьезная политическая задача, он спешил сплотить все свои активные силы для борьбы за нее. Бельгийская рабочая партия,—один из наиболее уважаемых отрядов международной социалистической армии,—основана 9 апреля 1885 года в Брюсселе на с'езде сотни представителей 59 ассоциаций, в числе которых были чисто социалистические группы, отдельные профессиональные союзы и их федерации, кооперативные общества, территориальные об'единения профессиональных союзов, соответствующие нашим центральным бюро, и Бельгийская социалистическая партия, составившаяся из Брабантской и Фламандской соц. партии. Немедля началась оживленная борьба за всеобщее избирательное право, приведшее к его введению в 1893 г. и к пропорциональному представительству в 1899 г. Теперь партия имеет в парламенте 34 депутата из всех 166. Впрочем, блестящая история бельгийского движения широко известна*).

*) См. особенно Вандервельдэ и Дэстре. Социализм в Бельгии. М 1906 г., изд. Гранат.

Некоторые товарищи колебались было тогда изменить звание своей партии «социалистическая» на простой титул «рабочая». «Рабочая Партия,—писал по их адресу самый видный теоретик бельгийского социализма Цезарь де-Пап,—что может быть шире, определеннее, и в то же время проще этого названия? Что прибавили бы к нему такие слова, как социалистическая. коллективистическая, рационалистическая, демократическая, республиканская и прочие ограничительные эпитеты? Кто говорит «Рабочая Партия», тот этим самым указывает на ее классовый характер. И раз рабочий класс организуется в партию, какою же она может быть по своим стремлениям и принципам, как не социалистическою и республиканскою?»

«Все это настолько верно,—прибавляет Вандервельдэ (стр. 10),—что в настоящее время никто уже более не упрекает Рабочую Партию в том, что это название, принятое при ее основании, явилось результатом оппортунистического компромисса». Да, надо уметь смотреть вперед и надо сметь смотреть вперед, прибавлю я. И сожаления достойны те, кто за деревьями не видят леса. История оправдала бельгийцев и из их широкой партии сделала предмет гордости современного социализма. Крупных коопераций, как в Бельгии, у нас нет, но если бы они были, и им, конечно, должно было найтись место на том всеобщем рабочем конгрессе, который, закрепляя уже достигнутую ступень движения, должен утвердить, как утверждена была в свое время Бельгийская, единую **Всероссийскую Рабочую Партию**. У нас условия даже более благоприятные, так как бельгийский пролетариат в 1885 г. еще не имел никаких избирательных прав—этого могущественного оружия для обособления и сплочения рабочего класса. Быть может и у нас было бы возможно образование для предстоящих выборов какого-нибудь Комитета Рабочего Представительства всех социалистических партий и профессиональных союзов путем соглашения между организациями. Вообще соглашения, правда, неизбежны, но для нас вопрос—согласятся ли эти организации так их оформить. Впрочем, хороший признак времени уж то, что среди с.-д. вообще возникли разговоры на тему о широкой партии. При несомненной гегемонии социал-демократии в революционной среде вопрос этот скоро выйдет за пределы наших организаций и будет поставлен общероссийски. Впрочем, хотели бы организации или нет, но «коготок увяз—всей птичке пропасть». За избирательным соглашением должен будет последовать и социалистический блок в Думе, когда по целому ряду вопросов социалисты окажутся солидарными и об'единенными против кадетов и даже трудовиков. Мы ведь помним, как для прошлой Думы трудовики вырабатывали проекты предоставить распоряжение землей выборным всего населения уезда и губернии, кроме... жителей городов с населением свыше 40 тысяч, т.-е. фактически собирались лишить наиболее крупные сплочения пролетариата права голоса в земельных делах.

Должно еще указать, что вопрос о конспиративности или явности с'езда не играет особой роли, раз он созывается не от распыленной массы, а от организационных ячеек, раз он опирается не только на неоформленный моральный авторитет, но и на прямую организационную связь. А как будут существовать учреждения широкой партии, если нынешние или сходные полицейские условия протянутся, скажем, целый год, вообще, переживут вторую Думу? Да хотя бы так же, как существуют теперь открыто и вместе с тем конспиративно всякие не признаваемые законом и преследуемые администрацией Центральные Бюро профессиональных союзов, как наши партийные учреждения, напр., на Кавказе. Открыто, потому что они в постоянном соприкосновении с рабочими; обслуживая широкие массы, потому что о них постоянно печатается в газетах и они сами издают журналы в Питере, Москве, Харькове и других городах; конспиративно, потому что они собираются не открыто и не публикуют о своем личном составе. Достаточно, чтобы все составные части организации признавали себя членами единой Всероссийской Рабочей Партии и жили бы общей жизнью в постоянном близком общении, обладая притом общими выборными учреждениями и общей печатью. При желании можно придумать, даже применительно к закону о союзах, легальную форму для разных учреждений, собраний и пр., если у кого-нибудь есть сейчас охота заняться этим. Но гораздо

вероятней, конечно, думать, что факт открытого присутствия представителей рабочих в Думе, прочность, которую уже кое-где приобрело профессиональное и политическое движение, и хоть небольшое смягчение общих полицейских условий—вовсе облегчат рабочей партии правильное функционирование даже при официальной нелегальности и при более совершенной организации, чем простая федерация ее частей, которая могла бы смело выдержать и теперешние условия. Известно, что и сейчас часто фабричная администрация и местная полиция прекрасно знают, что такая-то сотня или две рабочих на данном заводе—«крамольники», но не трогает их, потому что рядовых «крамольников» слишком много и хватать их бесполезно, а руководящие партийные учреждения охраняются членами партии и всеми сочувствующими и не так скоро узнаешь, кто из рабочих в них состоит. А тогда, при широкой партии, рядовых будет еще в несколько раз больше и определение личного состава учреждений еще затруднительнее. Да и теперь в городе средней руки зачастую бывает, что даже комитетчика нашей узкой организации знает чуть ли не «весь город», кроме полиции, живущей как во враждебном лагере. Впрочем, на технике дела, вообще, останавливаться не стоит, так как это всегда вопрос обстоятельств, и что возможно было в мирной Германии при исключительном законе против социалистов, то должно оказаться возможным и в проникнутой революционным энтузиазмом России, хотя бы и при худших условиях. Об'ективная же неизбежность партийной реформы, как нам кажется, очевидна.

Совершить эту реформу когда-то брался меньшевизм.

Историческая его заслуга была в том, что он поставил, вернее оформил в общем сознании, навязывавшиеся жизнью выводы о Р.С.Д.Р.П., рассеял традиционные иллюзии, подчеркнул важность реального политического действия и вопросов тактики в противовес политической фразе и технике революционного дела и, наконец, поставил вопрос о «настоящей» партии, о партийной реформе,—но разрешить его не сумел и не мог суметь по условиям своего возникновения, партийного и политического быта. Всякие мудрые и хитрые штуки придумывали мы, меньшевики, начиная от выборного начала и земской кампании и вплоть до собирания партии путем участия в выборах с целью бойкота Думы. Добились преобладания в нашей организации, потому что у нас собрались живые, ищущие дорог, инициативные силы,—а «настоящей партии» все не вытанцовывалось. Изо-всех сил кричали «к массам, к массам!»—и были от них далеко (в организационном смысле) попрежнему и устраивали расколы с большевиками и т. п. Перед глазами было темно, и когда стал раздаваться голос Аксельрода о рабочем с'езде—мало кто и обратил внимание, слишком мы были еще не подготовлены событиями. Многие—никогда мы лично—занимались обвинением большевиков в тяготении к анархизму, не видя или не понимая собственной половинчатости и шатаний, сваливая на ход русской революции собственную тоску и уныние—следствие неумения разобраться в происходящем и оценить наши великие возможности и великое будущее. Между тем и большевики и меньшевики, как и все социалистические элементы, действовавшие в тесной связи с массовым движением, с неизбежными отклонениями и колебаниями постепенно подвигались, на основе этого движения и вместе с ним, к европейскому социал-демократизму. Путь еще не кончен, но многое пройдено, много элементарных для европейца истин уже переработано в нашем опыте и сознании. Менее быстро приспособляющиеся элементы, особенно многие товарищи из более отсталых политически районов, группировались в большевизм—общеизвестно шутливое название его великорусской фракцией, или преобладание меньшевиков на Юге и Кавказе. Более беспокойные, более инициативные шли к меньшевикам—потому они и победили внутри партии, начав с небольшой кучки. Разница была в темпераменте, в политической воспитанности, но не было пропасти, ее же не прейдеши,—я все время говорю о большевизме и меньшевизме, как групповых явлениях, я не осведомлен достаточно, да и мало интересны личная психология и возможное будущее тех или иных из наших вождей. В действительности же, не-

сколько опаздывая, большевизм со времени своего возникновения движется по тому же пути, по какому несколько впереди идет меньшевизм,—иногда «упорствуя», часто «волнуясь» и не особенно-то «спеша». Достаточно вспомнить важнейшие моменты истории большевизма, чтобы убедиться в этом. Сначала за «бюрократический централизм» вплоть до насильственного расточения непокорных организаций и против выборного начала во всей партии. Потом место «бюрократического» занимает «демократический» централизм и выборное начало признается, как раньше у меньшевиков. Сначала за подчинение профессиональных союзов партийным организациям, за придание им партийной окраски,—известны даже примеры таких союзов в Москве и других местах. Потом—полное признание широкой беспартийности профессиональных союзов, как раньше у меньшевиков. Сначала, при первом появлении Совета Раб. Деп.—примечательное стремление навязать **партийную** программу очевидному рабочему **парламенту**. Потом—определенный отказ от этой позиции, встретившей наше противодействие. Сначала по отношению к Думе 27 апреля—протест против образования там фракции. Потом—признание ее необходимости и полезности, как раньше меньшевиками. Сначала—отказ от участия в выборах при системе репрессий и теперешнем избирательном законе. Потом—обязательно участие, чего и добивались меньшевики. Сначала—покровительство некоторым видам экспроприации, как «партизанским выступлениям». Теперь—распространение среди широких кругов большевиков того же отрицательного отношения к ним, за какое высказалось меньшевистское большинство па об'единительном с'езде. Этот ряд фактов в моих глазах категорически свидетельствует о единстве рабочего движения и в пределах наших партийных организаций и решительно опровергает предположения о возможности уклонения к анархизму большевизма, как целого влиятельного течения. Отдельные лица из большевиков могут попасть, конечно, к анархистам, как мне известны отдельные лица из меньшевиков, попавшие к ним же. Но большевизм, как течение, стоит на той же почве, что и меньшевизм. Да и очень уж большое неверие должно бы быть в живые силы рабочего класса, чтобы серьезно, не ради «красного словца», предположить возможность при настоящих условиях такого перехода столь значительной части передовых его элементов. Поэтому я не могу не осудить—и в этом со мной сойдется подавляющая часть партии и все стоящие вне ее передовики самым энергичным образом—всех, кто решился бы привычным приемом—отделением маленькой или большой собственной секты, **расколом**—решать большие вопросы и губить великое дело, которого представителями доверяют нам сейчас быть рабочие массы. Не было бы вреднейшего врага у социал-демократии и у рабочего движения вообще, как тот видимый единомышленник, кто призвал бы к разрушению с таким трудом, с такими невероятными трениями начатого уже достигаться единства, сплочения в одно целое активных сил пролетариата, начало которому положено об'единением большевиков и меньшевиков. Сила партийного мнения—в руках рядовых членов партии. Я видел, как один раз они постановили об'единение—об'единение с Бундом—против воли молчавших и голосовавших против вождей. Это был знаменательный, счастливый момент, и я сказал себе: да, уже создаются элементы, живо чувствующие свою ответственность перед массами, элементы, способные жить и дышать вместе с ними и раньше всего ставить политику движения, а не политиканство группы—хотя бы я и сам к ней принадлежал. Я видел, как другой раз, своим широким чутьем опережая регистраторов их прежних настроений, они заставили Петерб. Гр. и Петерб. Ком. почти против их воли санкционировать об'единение большевиков и меньшевиков в Петербурге, имевшее крупное значение для всей партии. Нам случалось, правда, сталкиваться и с иным. Меньше чем кто-либо, мы склонны льстить массам или закрывать глаза на их политическую невоспитанность. Широкая партия—это не панацея, это лишь крупный шаг к европеизированию движения. Но во всяком случае,—хотя бы и писал г. Лядов, что только будущее покажет, прочно ли об'единение большевиков и меньшевиков,—и сколько бы не повторяли то же некоторые узкоголовые меньшевики (есть и такие),—дело сделано и переделать его

не позволят ни масса самой партии, ни общественное мнение тех рабочих слоев, которые стоят вокруг нее и давление которых заставит ее решиться на дальнейший шаг—перерождение в широкую.. Но вернемся к меньшевизму.

Меньшевизм был лишь инстинктивной полустихийной тоской по партии. Лишь инстинктивной, потому что он базировался идеалистически, на суб'ективных переживаниях нас, партийцев, исходил из **желания** иметь «настоящую» партию, а не из понимания об'ективных условий ее образования. Говорю о меньшевизме», как он был распространен в партии, о нашем рядовом меньшевизме, что же было на душе, например, у Плеханова или Аксельрода было неизвестно; в печати они высказывались мало и лишь очень осторожно касались щекотливых вопросов. Отличительной чертой русского меньшевизма являлось отсутствие представления о стихийной логике процесса складывания рабочей партии в России и переоценка роли и значения интеллигенции. К характерным психологическим чертам, обусловленным обстоятельствами ее социального быта, пытались иногда свести об'яснения нашего движения. Вопросы ставились на-голову. Не столько спрашивали, почему рабочий класс создал себе или довольствуется именно такой организацией, почему представляет в ней интеллигенции именно такую роль, не очень пытались даже анализировать самый характер этих организаций со стороны интересов и потребности рабочего движения, а не вливающейся в него интеллигентско-буржуазной струи,—сколько задавали вопросы: как нам «направить» дело, почему мы до сих пор направляли его так, а не иначе. Словом, не столько искали историческую целесообразность, сколько заменяли ее целепостановлением, разработкой наших целей, определением желательного и придумыванием к нему подходящих путей. Тут была та же разница, как между научным об'ективным социализмом Маркса и социалистами-утопистами, обладавшими социалистическим идеалом и не умевшими связать его с необходимостью для его же осуществления—пройти через всю неприглядную действительность капиталистического строя и в нем самом отыскать элементы его дальнейшего развития. Трагедия, если можно употребить это слово, меньшевизма в том и заключалась, что он обладал, более или менее, партийным идеалом, и не мог связать его с партийной действительностью. Тонкий иногда анализ оказывался недостаточным, разыгрывался впустую, без определенных выводов или с самыми скудными, абстрактными—потому что совершался не на необходимом фоне исследования об'ективных условий рабочего движения. Но уразуметь эти условия, понять внутреннюю закономерность, а не обидную случайность всех пережитых и переживаемых стадий рабочего движения возможно лишь тогда, когда оно достигает уже известной цели, ступени (как и товарно-капитал. строй). Этой ступени не было и не могло быть, пока рабочий класс не стал переходить от стихийных порывов к классовой политике. Отсюда вечная тоска, половинчатость, неуверенность меньшевизма: как Моисей Ханаанскую страну, он уже знает цель—в этом его прогрессивное значение по сравнению с прошлым,— но еще не видит к ней путей. Это было неприятно, но терпимо и даже лучше в сравнении с предшествовавшей невинностью, пока история уже не создала предпосылок для политической партии европейского типа. По мере того как это совершалось, меньшевизм из прогрессивного явления превращался в реакционное. Подобно замене всей партией политики классового расчета политикой обобщения стихийных настроений и меньшевизм следование положению рабочей среды **заменял построениями на основе настроений, навевавшихся нашей партийной обстановкой,** стремлением построить «настоящую» партию вместо «ненастоящей». Раньше были сравнительно безвредны, даже будили мысль все эти построения, «придумывание» всяких иногда удачных изворотов для подходов к цели —авось обманем историю—в роде, скажем, земской кампании [152]) с ее почти ничтожным реальным значением для фактических переживаний масс, или разговоров о выборном начале (в СПБ. группе на деле его не было еще и осенью 1905 г.) На основе указанной замены они были безвредны, потому что при отсутствии в то время об'ективных условий для «настоящей» партии была исключена возможность столкновения между этим личным и групповым творчеством и об'ективными действитель-

ными путями к европейской партии рабочего класса. Теперь же они приводят к таким, несомненно реакционным и притом противоречащим исходной точке, столкновениям и положениям, как, например, иногда имеющая место проповедь раскола ради... охранения меньшевизма. Раньше при элементарном характере движения достаточно было обобщить стихийные настроения масс, чтобы итти во главе их, этим уже сближаясь с ними, попадая в тон и удовлетворяя их первобытным общественным потребностям. Тогда почти не было надобности политически считаться с об'ективным положением рабочей массы относительно прочих классов, так как с ним не считалась и сама масса,—довольно было руководиться своим собственным настроением чувства, общим, естественно, с настроением всякого живого и политически-чувствительного человека в рабочей среде, и подбирать к нему подходящую мотивировку из имевшегося запаса знаний, слов и пр. Теперь же обобщение настроений, связанное с отвлечением от учета положения рабочей среды к учету ее «душевных движений», т.-е. замена всего расчета одним его моментом и притом второстепенным—учетом собственного чувства, также оказывается уже реакционным. Реакционным—поскольку рабочая среда начинает перерастать уже этот низкий уровень и политику нервов начинает как-будто заменять политикой мысли. Реакционным—поскольку это отвлечение, эта замена, это базирование на идеалистических моментах приводят, как мы видели, к призывам анархизировать, разбить движение частичными массовыми выступлениями под видом «развязывания» революции, которое в действительности заключается в органическом внутреннем росте условий для закрепления возможности нового проявления ее творческих сил; к призывам повторять декабрские торопливые неудачи, когда рабочие их уже переросли, и то, что было героической трагедией в декабре, превращается в авантюристский фарс в июле.

Ясно, между тем, полагаем, что все это отвлечение от об'ективных моментов, базирование на личных и групповых переживаниях чувства и т. д.—тесно связано и вытекает из традиционной роли партии, как аппарата, обслуживающего стихию, со всем сюда относящимся. Из этой тяготеющей, еще пока, быть может, неосмысленно для нас самих, над нашим мышлением и поведением традицией прошлого вытекают, таким образом, встречающиеся более или менее часто, более или менее сильно выраженные—и наклонность к расколу, и наклонность к авантюре. Тем же об'ясняем мы и преувеличение роли руководящего личного состава организацией, роли интеллигенции—в партии-аппарате, а не лаборатории классового мнения, главным было обслуживать стихию; отсюда выдающаяся, непропорционально большая, хотя фактически лишь формальная, внешняя, исполнительная (по отношению к стихии) роль руководящего личного состава. Нам, деятелям организации, к тому же не понимавшим толком характера этой роли, она естественно, казалась руководящей.

Итак, одним словом,—мы отказываемся признавать случайными неудачи, непоследовательности и промахи меньшевизма последнего времени, решительно отвергаем об'яснение их личными недостатками той или иной группы наших партийных работников—неужели все сразу вдруг «испортились»? Нет, мы считаем, что все недостатки совершенно неизбежны при дальнейшем консервировании меньшевизма. Они обусловлены прошлым рабочего движения и нашей партии,—мы пытались показать, как именно: условиями его происхождения и его характером, прогрессивным в свое время и реакционным сейчас. Если прежде обычный меньшевизм будил нашу мысль и практику, то теперь он их стесняет, он давит нас и нуждается в дальнейшем развитии. Он стоит перед своей ликвидацией и переходом к более выдержанным и последовательным общим и практическим выводам, главный и центральный из которых—в сторону широкой партии, европейского реализма—мы пытались здесь наметить. Постановка на очередь уже не в кучке лиц, но во всем меньшинстве вопроса о рабочем с'езде—который, как мы хотели показать, может и должен быть вопросом о широкой партии—ясно свидетельствует о начавшемся уже кризисе. Как следует из всего сказанного, перед таким же кризисом, быть-может несколько позже, должен стать и большевизм, и чем дальше, тем больше будет

прорываться в нем относительно рабочего с'езда поток сомнений через плотину простого отрицания. Старые названия—большевики и меньшевики—еще остаются, но содержание их уже изменилось весьма значительно сравнительно не только с тем, что было, скажем, в начале 1904 г., но и с тем, что было, в начале 1906 г., и изменится еще больше. Это уже—не прежние большевики и меньшевики, это—то, во что они развились и развиваются, постепенно подходя друг к другу. И хотя многие из нас являются еще **«узкими социал-демократами»**, сторонниками узкой теперешней партии, но их будет все меньше—за это об'ективный определяющий наше личное направление ход вещей—все же **«широкие социал-демократы»**, сторонники широкой партии, в этом смысле обозначения преемственности могут и себя продолжать считать меньшевиками. Ибо меньшевизм, несомненно, уже основательно вступил на тот путь, который приводит к проповеди широкой рабочей партии. И трудно было бы сейчас сосчитать, сколько меньшевиков согласны еще оставаться меньшевиками в старом смысле—казенными меньшевиками, сказал бы я, все отживающее приобретает казенный отпечаток—и со сколькими вместе я могу сказать: довольно меньшевизма, время и место европейскому реализму.

Широкая рабочая партия—вот лозунг дня для всех желающих осмыслить жизнь партийцев, для всех бьющихся вне наших рамок рабочих, страстно ищущих себе дороги и просвета, для всех деятелей и участников профессионального движения.

Смело и широко должна быть проведена партийная реформа—только в этом залог ее жизненности, довольно половинчатых начинаний и благородной растерянности. Уверенной рукой должно делаться трудное дело.

«Защитники реакции не краснобаи, но дельцы.—Следуйте их примеру!»—учил германских рабочих и всех нас Ф. Лассаль. Товарищи, если кто-либо из вас намерен следовать совету Лассаля, то помните, что деятели реакции всегда руководствуются правилом Либкнехта: каждый шаг действительного движения (на пути к конечной цели) важнее дюжины программ (по поводу этого движения и его цели). Мощное рабочее движение, увлекая нас за собой, ведет нас к прочному здоровому политическому реализму: сумеем же услышать голос жизни.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА и ПРОЛЕТАРИАТ.

(Ф. Дан. Из брошюры «Государственная Дума и социал-демократы [153]).

* * *

Для революционной организации и мобилизации масс и для развития партийной организации тактика бойкота не извлекает из политических выборов уже ровно ничего.

Конечно, это не значит, чтобы социал-демократы, проповедующие бойкот, или, как теперь иные выражаются, «избирательную забастовку», совершенно забывали о такой основной задаче социал-демократии, как организация масс и организация классовой партии пролетариата. Но дело в том, что эту задачу они думают выполнить совершенно в стороне от избирательной кампании, вне всякой связи с нею. Они с самого начала решают, что для выполнения этой задачи избирательная процедура ни с какой стороны использована быть не может. И так как, с другой стороны, они не могут в настоящее время указать никакого другого крупного политического дела, вокруг которого можно было бы собирать и мобилизовать массы и на выполнении которого можно было бы развивать и укреплять партийную организацию, то дело сводится к тому, что сторонники бойкота думают попрежнему растить партию в стороне от большой дороги политической жизни, собирать массы попрежнему не вокруг действительного дела политической борьбы, действительного дела подготовки активного выступления, а исключительно вокруг **идеи** политического переворота,—идеи восстания.

Думается, что и в этом отношении партийная практика дала уже достаточно доказательств негодности такого метода организации масс и организации партии.

Иначе обстоит дело, если социал-демократия всеми силами своими участвует в таком крупном общенациональном деле, каким являются политические выборы, совершенно независимо от воли и желания тех, которые написали избирательный закон и положение о государственой Думе.

Рассмотрим вопрос, прежде всего, с точки зрения революционной мобилизации и организации масс. Втянуть массы в избирательную борьбу—значит втянуть их в круг политических интересов, значит поставить перед ними политические вопросы и сделать то или иное решение этих вопросов кровным делом избирателей. Это значит разбить худшего врага революции—политическую пассивность тех масс, которым достаточно «заинтересоваться» политическими вопросами, чтобы в силу своего социального положения быстро прийти к вполне определенному решению этих вопросов и тем дать могучий оплот делу революции.

Достаточно известно, сколько усилий приходится тратить социал-демократии и в более культурных странах, чтобы пробить кору пассивности, уменьшить процент «воздержаний» при выборах. Тем больше значения имеет борьба с политической пассивностью у нас, где в рабочей среде и, тем более, в городском мещанстве и крестьянстве еще очень широко распространено полное равнодушие к «политике», полное непонимание ее значения. При таких условиях «избирательная забастовка», опирающаяся не на страстный протест масс населения против государственной Думы, а на равнодушие обывателя к политическим судьбам страны, может иногда оказаться «линией наименьшего сопротивления», но в таком случае она будет знаменовать собой не силу, а слабость революции. Не мешает помнить это и не уклоняться от той более трудной и более сложной работы, которая связана с участием социал-демократии в избирательной кампании.

Итак, в деле революционной мобилизации **масс** во имя определенных требований тактика «участия», несомненно, может дать очень много. Но она же может содействовать и созданию более крепкой политической организации, которая охватит собой широкие массы, даст им возможность выступать в политической борьбе, как организованному целому. Дело такой организации значительно облегчается одною счастливою особенностью, присущею новому избирательному закону. Эта особенность—выделение рабочего класса в особую курию на первых ступенях избирательной лестницы.

Конечно, это выделение проведено в законе ради реакционных целей. В этом созналось само правительство, открыто формулировавшее свои опасения насчет «пагубного» влияния рабочих при слиянии их с другими классами населения в одних избирательных собраниях. Но от того, что думало правительство, дело ничуть не меняется. Остается факт, что на первой и второй ступенях избирательной лестницы уполномоченные (и выборщики) рабочих крупных промышленных заведений действуют совершенно обособленно от всех других классов населения. Собрание уполномоченных или выборщиков рабочей курии явится настоящим представительством российского крупно-промышленного пролетариата.

Конечно, значение этого представительства до известной степени умаляется ограничениями всеобщности избирательного права рабочих (выключение рабочих, занятых в заведениях, имеющих менее 50 рабочих и женщин) и непропорциональностью представительства (фабрики, насчитывающие от 50 до 1.000 рабочих, одинаково выбирают по 1 представителю). Но если значение рабочего представительства умаляется благодаря этому, то оно далеко не уничтожается.

Надо еще иметь в виду, что всякие ограничения и искажения всеобщего, равного и прямого избирательного права имеют гораздо меньше значения, когда на почве выборов не происходит **классовой** борьбы, когда выборы производятся в пределах одного класса когда социальное положение и настроение всех избирателей более или менее одинаково, когда отсутствует экономическая и политическая зависимость одних избирателей от других, отсутствует возможность подкупа, запугивания и т. д., и т. д. Любая рабочая организация, требующая для общеполитических выборов всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, может в своих собственных организационных делах, ради соображения технического удобства или соображений моральных, устанавливать и степенные выборы, и открытое голосование, и т. д. Таким образом, можно рассчитывать, что

искаженное избирательное право даст приблизительно верное выражение воли российского пролетариата. Если же принять за общее правило, что рабочие крупных заведений являются наиболее передовым элементом пролетариата, то этот факт непременно отразится на политической физиономии собрания рабочих уполномоченных, хотя и будет несколько уравновешиваться тем, что рабочие более мелких фабрик (50 чел. и т.д.) будут представлены сравнительно сильнее, чем рабочие самых крупных промышленных заведений. В конце-концов, и Советы Рабочих Депутатов, построенные на основе представительства не определенного числа рабочих, а определенной промышленной единицы—фабрики или завода, тоже не могли похвастать пропорциональностью представительства, что, однако, не помешало им довольно точно выражать волю и настроение рабочих широких масс.

Конечно, имея в виду использовать первые ступени избирательной кампании для создания органа представительства рабочего класса, социал-демократия должна употребить все усилия, чтобы сделать это представительство возможно более полным и свободно избранным. На всяком шагу избирательной кампании своей социал-демократия должна вести упорную борьбу за расширение тех рамок, которые закон ставит свободному представительству рабочих. Отстаивание свободы собраний, борьба за свободу печатной и устной агитации, организация выборов и среди тех слоев рабочего класса, которые законом от участия в них исключены,—все это составляет задачу социал-демократии.

Разумеется, не от одного только желания социал-демократии зависит, насколько эти усилия ее увенчаются успехом; но она должна сделать все, что только возможно. И если ей даже не удастся разбить оковы закона на первой ступени избирательной процедуры, то все же она за это время столкнет массы и ее уполномоченных лицом к лицу со всеми подвохами закона, научит видеть эти подвохи, понимать их значение и бороться с ними.

Таким образом, в случае благоприятного развития событий, нам удастся добиться создания полного политического представительства рабочего класса, которое, конечно, никак не может ограничиться узкою задачей—выбрать выборщиков,—поставленною ему правительством. Это представительство, даже если предположить, что оно признает нужным произвести дальнейшие выборы, во всяком случае должно будет предварительно поставить перед собою вопрос о том, что делать рабочему классу, должно будет с точки зрения пролетариата оценить политическое положение, явиться, словом, настоящим парламентом рабочего класса.

В случае, если обстоятельства не позволят еще при выборе уполномоченных разбить «законные» рамки, представительство рабочих будет не совсем полным. Но и только. Задачи, которые встанут перед ними, останутся по существу теми же; и среди этих задач выступит, конечно, на первый план задача самопополнения.

Сразу бросается в глаза сходство этого предполагаемого пролетарского представительного учреждения с Советом Рабочих Депутатов[154]). И это сходство, несомненно, есть. Оно заключается в том, что оба учреждения являются самочинным представительством рабочего класса. Но есть и различие, притом чем очень важное. Различие основано на том, что собранию уполномоченных будут предшествовать избирательная борьба и партийное самоопределение рабочих масс. Вследствие этого задачи, которые способно будет выполнить собрание уполномоченных, будут гораздо шире, чем это было для Совета. Ведь самые выборы будут производиться во имя самых широких политических целей.

С другой стороны, и образ действия этих представительных органов будет гораздо определеннее. Политика Советов Рабочих Депутатов была по большей части социал-демократическою. Это происходило потому, что большинство их членов оказывалось социал-демократами, что, конечно, вполне естественно. Однако, весьма существенно то, что выбирались депутаты в Советы далеко не всегда, как социал-демократы; их выбирали без сознательного соображения с партийной окраской. Вследствие этого и рабочая масса не могла чувствовать себя политически связанной именно с определенным, социал-демократическим характером политики.

Другое дело в собрании уполномоченных, где каждый делегат боролся и выбран под определенным партийным знаменем. Тут социал-демократическое большинство, на которое мы имеем все основания рассчитывать, явится показателем того, что масса рабочих действительно хочет и будет итти под знаменем социал-демократии.

Нам думается, что нет надобности доказывать все огромное политическое значение такого рабочего парламента, все значение его для боевого наступления рабочего класса. Кого вся предшествующая история не научила, кто готов попрежнему подготовлять боевые действия только путем создания тесных тайных организаций,—того, конечно, незачем уж пытаться учить.

Так как—и это тоже должно быть всем ясно—ни политическая борьба пролетариата в переживаемый исторический период, ни тем более боевые наступления его никоим образом не могут и не должны быть изолированы, протекать совершенно в стороне от борьбы и наступления других революционных классов, то социал-демократия может рекомендовать избирателям и других курий тот же самый образ действий.

Всероссийское об'единение собраний уполномоченных от рабочих и затем всероссийское об'единение рабочих уполномоченных с уполномоченными других революционных слоев может создать революционный парламент, способный, в противовес проектируемой правительством Думе, взять на себя самые широкие политические задачи. Разумеется, политическая самостоятельность руководимого социал-демократией рабочего класса так же мало пострадает от участия его в революционном парламенте, как мало страдает она от участия социал-демократии в парламентах любой страны.

Формы проектируемой самочинной организации и формы ее деятельности могут быть бесконечно разнообразны в зависимости от наличных обстоятельств. И это—безусловное достоинство предлагаемой нами тактики. Выполняя на каждом своем шагу основную задачу мобилизации и организации народных масс, она идет дальше в зависимости от достигнутого успеха, не связывая рабочему классу рук определенными **формами,** которые при изменившихся обстоятельствах могут оказаться совершенно непригодными. Такова и должна быть тактика. Она никогда не должна цепляться за форму, и всегда за сущность. Она всегда должна быть построена так, чтобы и самое поражение, если оно вопреки ожидания произойдет, не вызывало политического и организационного разброда.

Возражают еще, что проектируемое революционное представительство неосуществимо, что попытка построить его разобьется о сопротивление правительства На это мы ответим, прежде всего, что мы рассчитываем на революционный ход событий, на острую борьбу гигантских общественных сил, которая делает, как уже показал опыт, возможным многое из того, что в обычное время кажется неосуществимым. Разве тот же скептицизм не встретил брошенную «Искрой» идею революционного самоуправления во всех его видах? Разве часть товарищей не говорила и тогда, что это—маниловская утопия, что революционное самоуправление возможно лишь после окончательной победы революции? И однако—с тех пор мы видели уже и Совет Рабочих Депутатов, и революционное самоуправление Кавказа,[155]) латышской деревни,[156]) университетов, даже линии Сибирской железной дороги[157]) и т. д. Конечно, если организация революционного самоуправления не приводит к окончательной, хотя бы и местной, победе революции, органы самоуправления исчезают. Но кто скажет, что существование их, хотя бы и временное, было бесполезно? Кто будет отрицать, что именно благодаря их существованию удастся в короткое время добиться таких результатов в смысле политического и организационного влияния на массы, какие без них были бы немыслимы?

Избирательный закон, при умелом использовании его, дает возможность заложить основы такой самочинной организации на самых широких началах. Было бы величайшей нелепостью воспользоваться этой возможностью, не понять, что только на почве предлагаемой широкой политической деятельности и широкой организации народных сил сулят успех всякие «подготовки», о которых столько говорят и для которых фактически так мало можно сделать в обстановке политического уединения. Было бы нелепостью не понять, что именно пользование избирательным законом дает возможность

об'единить в планомерных действиях движение сельское с городским и тем решить задачу, которая до сих пор остается нерешенною.

* * *

После развитых выше общих соображений, говорящих за участие социал-демократии в избирательной кампании, нам остается еще рассмотреть некоторые возражения против такого участия, опирающиеся на особенности данного политического положения.

Мы уже говорили выше, что факт абсолютной негодности Думы и положенного в основу ее избирательного права ровно ничего еще не говорит против возможности использовать избирательную кампанию именно для того, чтобы сделать созыв Думы невозможным, чтобы добиться созыва Учредительного собрания. Но некоторые товарищи делают еще другие возражения. По их мнению, организовать революционное самоуправление в процессе избирательной кампании—дело совершенно непосильное для социал-демократии. Начав принимать участие в выборах, мы непременно дойдем до самой Думы, а Дума послужит «умиротворению» революции, а не дальнейшему развитию ее. Между тем теперь со дня на день можно ожидать новых наступательных боевых действий, и тратить в это время силы на такое дело, как избирательная кампания по поводу Думы, значит отвлекать их от дела, неизмеримо более важного.

Разберемся в этой аргументации. В ней прежде всего поражает явное противоречие: с одной стороны—«со дня на день можно ожидать», а с другой—недоверие к возможности революционно организовать массы. В каком же виде представляется возражателям боевой натиск? Неужели только в виде боевого действия небольшой удалой дружины? И если изолированная дружина способна выполнить такое чудо, как освобождение собственными силами целой страны от оков политического рабства, то почему же она не в состоянии обеспечить существование массовой революционной организации? И каким образом, раз можно «со дня на день ожидать» решительного боевого наступления, каким образом при таких условиях Дума может способствовать «умиротворению»? Опять-таки спросим: в каком же виде представляется возражателям революция? Считают ли они ее результатом удачных операций отдельных вооруженных отрядов, или видят в ней итог гигантской борьбы массовых общественных сил? Если последнее, то каким образом деятельность, направленная на политическую мобилизацию и организацию масс, может мешать образованию всяких «дружин», каким образом может она рассматриваться, как «отвлекающая сила», а не наоборот, как привлекающая массовые силы к делу, которое таких сил требует? И каким образом, раз социальная борьба достигла такой точки кипения, что «со дня на день можно ожидать», каким образом простой факт созыва Думы может всей этой борьбе вдруг положить конец, привести к «умиротворению»? Очевидно, тут целый ряд безысходных противоречий, об'ясняемых лишь непродуманностью всего построения в целом, отсутствием логической связи между посылками, вытекающими из общих основ марксистского миросозерцания, и выводами. И как ни громко звучат фразы о боевом натиске, как единственно возможном и близком исходе и пр., и пр., но в сущности сторонников такой будто бы «боевой» тактики нет настоящего доверия к социальным силам, делающим революцию неизбежною. Они опасаются, что какая-нибудь несчастная случайность приведет к «умиротворению», и потому охотно заменили бы действие социальных сил своим собственным действием. Но такое недоверие влечет на путь якобинских иллюзий, казалось, бесповоротно уже отвергнутых и все же всегда снова возрождающихся благодаря своей кажущейся цельности и «героической» красоте.

Но социал-демократия, раскрывшая научным анализом источники русской революции, предсказавшая появление социальных сил, которые ныне являются ее носителями, предсказавшая даже форму, в которых русская революция совершается,—социал-демократия не может исходить из недоверия к действию социальных сил.

Русская революция началась, и мы знаем, что она не может кончиться раньше, чем не добьется полной победы. Конечно, могут быть временные периоды сравнительного затишья и торжества реакции, и один из таких периодов мы сейчас переживаем. Но и то надо сказать, что лишь весьма условно можно говорить о затишье и о торжестве реакции, ибо они не имеют всероссийского характера. Какое же это затишье и какое торжество

реакции, когда изо дня в день гремят по лицу земли русской орудийные выстрелы и воздвигаются баррикады, когда Прибалтийская край в открытом восстании, Кавказ и Сибирская железная дорога—во власти революции. Приближается весна, и вместе с нею—это почти несомненно—тронется в революционный путь многомиллионное крестьянство. Финансовые ресурсы правительства истощены, и неудача парижского займа нанесла ему удар, который стоит хорошего восстания. Армия и полиция, которые еще служат правительству, раскидываются для «усмирения» каждый день на все большее и большее пространство; а каждый новый шаг гражданской войны пробивает новую брешь в военной дисциплине. Буржуазия, даже крупная, даже изменившая уже делу свободы, начинает видеть, что от этого правительства ей нельзя ждать даже того, что для капиталиста дороже всего в мире—спокойствия и обеспеченности торгового оборота.

При таких условиях мы имеем все шансы ожидать, что дело организации революционного представительства удастся нам, что, имея перед собой расшатанное правительство, рабочая масса, дружным и непрекращающимся напором сумеет снести те плотины, которые воздвигнуты на ее пути избирательным законом и всеми другими каторжными законами, которые успело уже издать «конституционное» министерство. При систематической и повсеместной борьбе правительство не в состоянии будет сладить с натиском масс. Задача социал-демократии—сделать этот натиск систематическим и повсеместным, вызвать его на каждой фабрике, на каждом избирательном собрании городских выборщиков, перенести его из города в деревню.

Но, если бы даже наши расчеты на ход дел в ближайший период времени оказались неверными, если бы, помимо нашей воли, Дума в том виде, как она проектирована законом, собралась, то и тут мы не можем усмотреть никаких элементов «умиротворения». Если бы все зависело только от «столковывания», то «столковаться» реакционные элементы буржуазии с правительством отлично могли бы и без Думы. Выборное учреждение, которое, посреди пожара гражданской войны и кипения политических страстей, ставит хотя бы в самой уродливой, самой реакционной форме общенациональные политические вопросы, такое учреждение не может сыграть «умиротворяющей» роли, как бы оно само этого ни хотело. Самое существование его уже будет вносить все новые и новые элементы политического возбуждения, будет вызывать к действию те силы, которые снесут его. Наша работа в процессе избирательной кампании, хотя бы она и не увенчалась непосредственным успехом, во всяком случае, сделает все, в данной обстановке возможное, чтобы мобилизовать и вывести на арену открытой политической борьбы эти могучие силы.

Правительство отлично понимает, какая опасность грозит ему от самого факта существования Думы; вот почему оно, которому Дума так нужна для «успокоения» и поддержания кредита, одною рукой «ускоряя» созыв ее, другою—судорожно цепляется за всякую возможность этот созыв отсрочить в надежде, что минет его чаша сия. И еще более понимает правительство, какие опасности несет для него избирательная кампания, которая может всколыхнуть народные массы. И оно старается найти квадратуру круга: об'явить всю страну на военном положении, под усиленной и чрезвычайной охраной, организовать массовые расстрелы и казни, набить тюрьмы до переполнения, воспретить и разогнать все собрания, заткнуть все рты, задушить всю печать,—и в то же время произвести выборы. Оно хочет выборов без избирательной кампании, без агитации, в могильной тишине. Социал-демократия должна употребить все усилия, чтобы возможно скорее и основательнее разбить этот—по существу противоречивый—замысел. Она должна напрячь все усилия, чтобы возможно скорее поставить правительство перед дилеммой: или отказ от белого террора, или отказ от выборов, от Думы, от возможности заключить новый заем, от последней надежды на «успокоение». Пусть тогда правительство отменит созыв Думы, пусть оно проводит «бойкот» Думы,—его позиция будет потеряна. Пусть даже оно соберет Думу, которая совершенно ясно для всех будет выбрана при господстве белого террора, с исключением всех сколько-нибудь прогрессивных партий, с арестами и высылками их членов, с виселицами и расстрелами! Если только такая Дума явится не результатом самоустранения прогрессивных элементов, а результатом явного насилия правительства, явного для рабочих, явного для крестьян, для городского

мещанства, для европейской буржуазии,—и в этом случае положение правительства безнадежно: ни «успокоения», ни займа ему не видать, как своих ушей, оно погибнет в минуту своего видимого торжества.

Вот как обстоит дело. И при таких условиях говорить о том, что полиция арестует рабочих уполномоченных, что партия, выставляя кандидатов, выдает головою своих лучших людей,—значит совсем не понимать положения. Не говорим уже о том, что с точки зрения сторонников «бойкота», совершенно непонятно, почему те боевые силы, которым они отводят такую крупную роль, не смогут защищать уполномоченных, нужно сказать вообще, что если ставить всякое политическое дело в зависимость от возможности ареста, то никакая деятельность невозможна. И уже во всяком случае арест выбранных массами рабочих уполномоченных будет для правительства гораздо труднее, чем арест неведомых массе, законспирированных членов дружин, которые могут быть перебраны при полном равнодушии массы. К аресту своих выборных пролетариат во всяком случае равнодушен не останется. А так как арест уполномоченных (и притом не только рабочих, если рекомендуемую тактику удастся привить и крестьянам и городским избирателям) будет означать не что иное, как отказ правительства от созыва Думы, со всеми указанными уже выше последствиями такого отказа, то можно быть уверенным, что правительство тысячу раз отмерит, прежде чем решится на такой шаг. А если все-таки решится, ну тогда можно сказать, что этот арест тоже будет стоить хорошей победы революции.

Таковы перспективы, возникающие на почве рекомендуемой нами тактики. Особенно важно взяться за всю связанную с нею работу теперь, когда и партийная и внепартийная организация рабочего класса расшатаны предшествующей борьбой, когда виднеются уже в перспективе новые грандиозные битвы, когда во многих местах, дымящихся еще от выстрелов правительственной артиллерии, придавленных пятой военного положения и белого террора, избирательные собрания являются единственно возможной ареной общения рабочих между собою, избирательная кампания—единственный путь для возрождения массовых рабочих организаций. Уже один тот факт, что на все репрессии правительства, на все неистовства белого террора пролетариат ответит, как это с несомненностью можно ожидать, избранием огромного большинства социал-демократов в уполномоченные,—уже один этот факт будет иметь громадное политическое значение.

Отказываться от работы в намеченном направлении значит, по нашему мнению, безрассудно упускать случай сделать огромный шаг вперед в деле накопления и организации своих сил, упускать случай нанести сильнейший удар правительственной реакции.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

(Н. Рахметов[158])—«Голос Труда» № 2 и 3, 1906 г.).

I.

Что с возу упало, то пропало,—говорит совершенно справедливо пословица. Многие из вопросов, которые еще недавно были исходными пунктами ожесточенной междуфракционной полемики, сняты самой жизнью с очереди, и поэтому—как бы мы ни были просветлены задним числом относительно их действительного значения—не в нашей власти придать положению дел другой оборот. Нам приходится брать действительность такою, какая она есть. Это соображение относится прежде всего к вопросу о пресловутом бойкоте государственной Думы, который не так давно тому назад играл главную роль при обсуждении тактических задач нашей партии. Вопрос о «бойкоте» сейчас решен самою жизнью и решен, как мне кажется, отнюдь не в пользу его рьяных защитников. Но не в этом дело. К чему разбирать, «кто прав, кто виноват». Это—дело будущего историка нашего движения. Перед нами—современниками и деятелями российской революции—стоит другая задача: выяснить по мере сил и разумения задачи того класса, интересы

которого представляет социал-демократия и в руки которого история вложила судьбы политического освобождения нашей родины.

Каковы революционные задачи пролетариата в конкретный исторический момент? На этот вопрос можно ответить общей фразой. Можно сказать: задача пролетариата заключается в том, чтобы развивать и обострять таящуюся в общественных отношениях революцию, другими словами, быть акушером истории, употребляя прекрасное выражение Маркса. Но, отвечая такого рода общей фразой, мы должны считаться с недостатками, вообще присущими общим фразам и выражающимися, главным образом, в том, что они не дают руководящей нити к данному конкретному положению. А для рабочего класса вопрос об отношении к русской революции есть именно вопрос об отношении к тем беспрестанно меняющимся конкретным формам, в которые в каждый данный период времени выливается абстрактная «революция». И если вопрос об отношении к революции «вообще»—можно считать для социал-демократии решенным, то этого отнюдь нельзя сказать про отношение к конкретным **формам** революции. Мы видим, что в этом пункте возможны очень и очень ожесточенные споры. Вот почему надлежит как-раз на него обратить особенное внимание.

Конкретной, что называется злободневной формой русской революции является в настоящее время государственная Дума. Каковы бы ни были замыслы ее авторов, одно обстоятельство остается непоколебимым и не поддается оспариванию,—то именно, что государственная Дума создалась, во-первых, под влиянием растущей революционной волны и превратилась, во-вторых, в первый по времени всероссийский общенародный митинг. Иначе говоря: рожденная, как попытка усмирить революцию, государственная Дума превратилась в революционный факт первостепенной важности; продиктованная желанием задушить в зародыше политическое сознание народа, она в процессе своего собственного развития только то и делает, что будит широкие массы к сознательной политической жизни. Это обстоятельство нужно в первую голову иметь в виду. **Г. Бикерман** из «Народного Вестника» полагает, что государственная Дума является теперь только географическим, а не политическим центром общественной жизни в стране. Говоря так, г. Бикерман обнаруживает сугубое непонимание того, что происходит в действительности. Географический центр внимания не может не быть и политическим, поскольку вызванное им внимание питается политическими столкновениями представителей старого режима с носителями «новой» (т.-е. капиталистической) России. Заседания в Таврическом дворце—и каждая газета приводит тому бесчисленное множество примеров—все больше и больше **сплачивают** население вокруг вопросов о политической свободе и все больше и больше **оголяют** отживающий режим, показывая **воочию** стране все его отвратительное безобразие, все чаще и чаще **заставляют** наше правительство проявлять с возможной откровенностью свою истинную сущность, как это произошло, напр., во время чтения «отныне знаменитой» горемыкинской «декларации»*) [159]). Не замечать этого, значит уподобляться тому крыловскому персонажу, который «слона-то и не приметил»...

Вот почему в высшей степени нелепо думать, будто возможен сейчас «географический» центр внимания (употребляя неудачную терминологию народнического публициста), не имеющий политического значения, что внимание страны может быть сосредоточено в каком-нибудь другом фокусе, помимо **политического.**

Таким образом, исходя из этих соображений, приходится сказать: пролетариату, как одному из действующих сейчас в России классов, отнюдь невыгодно предоставить государственную Думу себе самой: это значило бы вычеркнуть себя из списка живых политических сил, это привело бы единственно к тому, что пролетариат далеко не использовал бы русской буржуазной революции во всей доступной для него полноте. Стоит только поставить вопрос таким образом, чтобы увидать, что двух ответов на него быть не может. Приходится громко и решительно заявить: государственная Дума является

*) Эти строки уже были написаны, когда телеграф принес сообщение относительно ответа г. Столыпина на думскую интерпелляцию. Подробные отчеты о посвященном этому ответу заседании сделают страшно много для развития политического самосознания русского народа. И находятся после этого люди, которым непонятно громадное революционное значение Думы!

делом революции и, стало быть, пролетариата. Пролетариат обязан—как перед самим собою, так и перед всей страной—не только не поддерживать пассив нейтралитета в деле борьбы Думы с самодержавием, но смело и решительно стать **в этой борьбе на сторону Думы против правительства.**

Принцип, который лежит в основе такого поведения, очень прост и, смею думать, вполне соответствует научному социалистическому мировоззрению. Вот он в нескольких словах. В той же мере, в какой политическое представительство и легализация оппозиции фактически уничтожают неограниченное господство «бюрократии», должен рабочий класс использовать этот процесс и становиться на почву тех более или менее конституционных подпорок, которыми умирающая власть пытается продлить свою предсмертную агонию.

Газета «Светоч»,[160]) вероятно, отнесется с большим скептицизмом к подобной тактике. Эта газета пишет: «Безупречная диалектическая схема «революции через Думу» страдает забвением лишь одного будничного прозаического факта,—того факта, что наличная Дума есть учреждение, состоящее в большинстве из буржуазных элементов, боящихся революции и, в силу этого, ей враждебных». Подобные рассуждения могут служить наилучшим показателем того, как не следует никогда и ни в каком случае рассуждать социал-демократу. Социал-демократ обязан знать, что политическая тактика пролетариата диктуется не **настроением** других общественных групп, а тем об'ективным историческим процессом, который **принудит** эти группы к определенным **действиям.** Социал-демократ обязан знать и учесть, что **должны** будут сделать те классы, с которыми ему приходится иметь дело. А ставя вопрос таким образом, он убеждается в следующем: выражая готовность революционно поддерживать Думу против царизма, **тем самым** вынуждает Думу к большей революционой активности. Нужна значительная доля политической незрелости, чтобы не понять этой простой «истины».

Когда Дума охвачена огненным кольцом революционного напора, когда перед ней, стало быть, встает вопрос—или сгореть, или слиться с общим пламенем, тогда она должна отбросить колебания и сомнения, ибо действительность, обостряя положение дел, ставит перед нею вопрос о жизни или смерти.

Одним словом, повторяю, революционный пролетариат сможет в том случае наилучшим образом превратить Думу в орудие революции, если открыто заявит всей стране о своей готовности поддержать ее борьбу против существующего режима.

Государственная Дума не оторвана от всей страны,—наоборот она связана с нею бесчисленным количеством нитей*). Крестьянские депутаты, которым выборщики внушали: «лучше умри **там** со славой, а то умрешь здесь со стыдом», надо полагать, очень чутки к положению в стране. Дума **не может** быть пассивной или предательской **в то время**, когда вся страна ждет и требует от нее действительной борьбы за народные права. Дума только до тех пор будет вилять или колебаться, пока страна (и в первую голову, конечно, рабочий класс) **бездействует.** Но на революционные **действия** она не может ответить бездействием и молчанием. Этого ей не позволит инстинкт **самосохранения.** А кроме того, повторяю, в Думе сидят люди, которые связаны с остальной массой населения, которые зависят от нее **).

Таково положение дел.

Но у читателя может возникнуть следующее соображение. Он скажет: ведь раз социальной демократии и руководимому ею пролетариату удастся пробудить всю страну

*) Чего стоит хотя бы такое обращение к одному из членов государственной Думы? На имя члена государственной Думы З. Г. Френкеля поступило следующее письмо, которое мы воспроизводим с соблюдением орфографии: «Бог напомочь добрые народные избронники, наши родные костромичи, от души приветствуем вас, делотили ниродного всеобщего дела, весьма желали бы мы видить вас как наших сердцу блиских товарищей, до земли вам кланеемса, с истинным почтением квам ваши землички». («Речь», № 90).

) Понятно при этом, что говоря «Дума», я имею в виду «думское **большинство. Того, что вовсе не вся Дума станет на путь революции, я и не думаю оспаривать (**да и не в этом спорный пункт!**). Читатель понимает, что я имею в виду действительно влиятельную часть Думы, т.-е. депутатов рабочих плюс крестьянские депутаты, плюс кадеты (буржуазная демократия). В дальнейшем то же словоупотребление.

и призвать ее к открытой сознательной революции, то Дума должна будет, все равно, подчиниться этой последней. Как говорит Н. Ленин,—«Будет пар в котле—будут свистеть и свистки». Будет сила у революции, будут свистеть и кадеты (т.-е. кадетская дума, Н. Р.[161]).

Тот, кто аргументирует так, упускает из виду два обстоятельства кардинальной важности. Первое: пар в революционном котле может всего лучше поддерживаться путем всестороннего использования государственной Думы. Представлять себе, что революция может в настоящее время итти стороной от Думы, значит питать совершенно неосновательные и крайне вредные иллюзии.

Нечего греха таить, приходится сознаться, что самые широкие слои городского и сельского населения далеко не достигли того уровня политической зрелости, без которого успех русской революции немыслим. В этом убеждает хотя бы то обстоятельство, что революция **должна была бы** уже вырваться **на улицу,** если бы она была в достаточной степени в **головах**. Министерская декларация исполнена такого откровенного и грязного цинизма, что революция должна была бы разыграться, **если бы,** перефразируя слова Маркса, революционная теория до такой степени овладела массами, чтобы превратиться в материальную силу. Но, очевидно, момент еще не настал. С этим необходимо считаться. Старуха-история мчится, как видно, не с такою быстротой, какая была бы нам желательна. Страна, отставшая на добрых два столетия от Европы, очевидно, тяжела на революционный под'ем. Что поделаешь! Нам остается только приложить все усилия к тому, чтобы облегчить ей его. И с нашей стороны было бы преступно, если бы мы пренебрегли таким прекрасным орудием политического воспитания и обучения масс, каким является государственная Дума.

Далее. Телеграф то-и-дело приносит известия об учащающихся случаях брожения в войске. Армия еще не почувствовала с полной ясностью своей связи с остальным населением. Армия еще не на стороне народа. Но минута близка, когда даже штыки изменят нашему гнусному режиму, который только потому не стоит критиковать, что он ниже всякой критики.

Армия поймет, кто ее действительный враг; порукой тому неумолимый процесс исторического развития, порукой тому Севастополь, «Князь Потемкин-Таврический»,[162]) и целый ряд более мелких, но не менее знаменательных эпизодов из истории пробуждения нашей армии, о которых сообщалось в газетах*). Социал-демократия будет, понятно, с нетерпением ожидать той минуты, когда против монархии восстанут ее собственные телохранители, она обязана всеми силами содействовать скорейшему наступлению этой минуты, и не имеет поэтому никакого права оставлять без внимания тот политический центр, который в настоящее время всего лучше может содействовать делу об'единения армии с народом, если мы сумеем его надлежащим образом использовать**).

Одним словом: государственная Дума является во всех отношениях крайне важным и крупным фактом нашей политической жизни. В забитой, безгласной, отсталой стране, где только сознательный пролетариат дерзал говорить полным голосом, в этой стране заседает выборное учреждение, в котором представители крестьянства и мещанства столкнулись впервые лицом к лицу со своим смертельным врагом. Мы были бы жалкими болтунами и немыслящими фразерами, если бы вздумали попросту обойти это крупное событие, заговорить его, не использовать его во всей широте и полноте! Второе из тех

---

*) В газ. «Дума» (№ 30) сообщается о следующих случаях военного возмущения: «Козловский полк (**в Курске**) вместе с примкнувшим к нему обоянским и льговским батальонами заявил пять требований... казаки, призванные усмирять, отказались это сделать... **В Полтаве** забастовка елецкого полка. К ельцам присоединился севский полк и артиллерийская бригада... **В Грузии** забастовали все нижние чины башлацыклярского резервного батальона... **В Воронеже** нижние чины невского полка отказались заступить в караул. **В Выборге** задержано более 20 нижних чинов за участие в недозволенных сборищах, с целью пропаганды... **В Костроме** сидят в тюрьме 26 солдат... **В Туапсе** (Черном. губ.) забастовали казаки-пластуны».

**) Во французских газетах напечатано следующее известие: «25 июня состоялся в Одессе митинг 650 солдат, которые провозгласили свою солидарность с Думой». Как мы видим, Дума начинает занимать теперь в солдатских головах то место, которое раньше принадлежало исключительно «престол-отечеству». Это очень важно запомнить.

обстоятельств, которые упущены Н. Лениным из виду, заключается в следующем: народ **еще** верит в Думу, **уже** переставая верить в то, что еще для него недавно было свято и дорого. Простой политический расчет требует от нас поэтому, чтобы мы, пользуясь этой народной верой, заставили Думу имеющимися в нашем распоряжении средствами стать на возможно более крайний путь и увлечь за собой верящие в нее слои и круги народа, повторяю, отнюдь не малочисленные. Доказывать правильность подобного соображения излишне. Можно сказать, что оно относится к числу элементарных положений нашей тактики в настоящую минуту.

Но найдется, вероятно, читатель, который скажет: все это слишком общие положения. Говорите конкретнее: как поступать государственной Думе, каковы те конкретные требования, которые мы в каждом данном случае должны к ней пред'являть. Отвечаю: как поступать в каждом данном случае—зависит именно от каждого данного случая. Чтобы выяснить это, возьмем для примера хотя бы думские прения об аграрном законодательстве. Как должна держать себя социал-демократия в данном конкретном случае?

По-моему, так как Думе представлены на обсуждение различные проекты земельной реформы: кадетский, трудовой и т. д., с.-д. должна путем непрестанной агитации вне Думы и, если возможно, в самой Думе влиять на содержание этих проектов. Затем она должна раз'яснять их сущность народу, указывать на их прогрессивные (или реакционные) черты, революционное значение. Обращать самое пристальное внимание на отношение представителей правительства к аграрным проектам Думы. И в конце-концов пропагандировать в народных массах идею необходимости революционно поддерживать революционные шаги Думы. Тем самым Дума будет вынуждаться к таким шагам.

Я привел примерную схему. Не трудно видеть, что она всецело продиктована именно общими принципами нашего отношения к государственной Думе. Вот эти-то принципы и надобно постоянно иметь в виду. Что же касается до правил поведения в каждом данном случае, то здесь, повторяю, все зависит именно от каждого данного случая*).

Я сказал выше, что в задачу пролетариата входит, пользуясь революционизирующим влиянием государственной Думы, втянуть в водоворот революционной борьбы самые широкие народные массы. При этом я считаю, однако, необходимым отмежеваться от того утопического бланкизма, который некоторые из наших товарищей простодушно смешивают с социал-демократической тактикой. Вот несколько любопытных образчиков подобных бланкистских увлечений.

В 14 № «Новой Жизни» от 16 ноября 1905 г. читатель найдет статью Юрия Каменева «О гегемонии пролетариата и о задачах партии»[163]). По мнению Юрия Каменева, «гегемония» пролетариата это есть «гегемония его политических лозунгов и **практического руководства»**. Такого же мнения держится и Н. Ленин. Под его влиянием (как сообщалось в газете «Волна»—если не ошибаюсь—в последнем номере или в первом номере «Вперед») собрание Нарвского подрайона (в Петербурге) приняло резолюцию, в которой говорится, между прочим, следующее: «Не Дума нас освободит от произвола бюрократии, а сплоченность революционного народа под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии» (см. газету «Вперед» № 1, от 26 мая 1906 г.). Нужно признаться, что воззрения, выраженные этой резолюцией, **пагубны** до последней крайности. Если только они приобретают популярность—в чем можно очень сильно сомневаться—то рабочему классу придется расплачиваться за них очень горькой и очень тяжелой ценой. Нужно обладать полной политической слепотой, чтобы говорить о «сплочении всего народа» под знамена РСДРП в то время, когда, во-первых, нам нужно делать громадные усилия для того, чтобы привлечь к этим знаменам весь рабочий класс, и когда, во-вторых

*) Особенно хлопочет о таких правилах Н. Ленин. Как типичный бланкист, он хотел бы иметь расписание тактических приемов «на всякий случай жизни». Дело только в том, что в политике все зависит от обстоятельств, времени и места, как говорил Н. Г. Чернышевский. Можно дать руководящий **принцип** для данного политического **периода**, но составлять «планы действия» для каждого **момента** в этом периоде, значит добровольно причислять себя к породе тех людей, которых, по пословице, и в бане бьют и которым, стало быть, трудно надеяться на благоприятный исход вооруженного восстания.

буржуазные слои народа—мещанство, крестьянство—отчасти **уже** сорганизованы и имеют во всяком случае гораздо более **подходящее** пристанище, чем партию **пролетариата.**

В нашем революционном деле фразистая иллюзия всего вреднее. **Она только наруку демагогам.** Думать о сплочении всего народа под нашим практическим руководством, значит страдать политическими галлюцинациями.

Повторяю еще раз: против этой болезни необходимо бороться всеми силами, ибо она **может** принести много, очень много непоправимого вреда нашей партии. Те, кто ею страдают, нуждаются в заботливом уходе, но отдавать в их руки политические судьбы нашего движения—преступно.

* * *

Непосредственно с вопросом о государственной Думе стоит перед пролетариатом вопрос об отношении к буржуазной демократии, т.-е. к конституционно-демократической партии. Этот вопрос тем необходимее поставить, наконец, на правильную почву, что вокруг него скопилось бесконечное количество предрассудков и заблуждений, ложащихся тяжелым и ненужным балластом на нашу тактику.

Исчерпать все эти предрассудки и заблуждения невозможно в небольшой, спешно написанной статье. Я ограничусь поэтому несколько наиболее вопиющими. Некоторые «услужливые» друзья российского пролетариата (из числа тех, которые, по мнению дедушки Крылова, «опаснее врагов») думают сослужить ему полезную службу тем, что предоставят его в деле политического освобождения нашей родины **своим собственным силам.** Эта губительная тактика—изоляция пролетариата от остальных борющихся сил—кажется некоторыми из наших товарищей в высшей степени «ортодоксальной», ибо они рассуждают согласно с правилом: «отойди от зла, сотворишь благо». Буржуазная демократия—зло,—нужно, стало быть, отойти от нее. Того, что буржуазная демократия—зло только как **буржуазная** демократия, и благо как буржуазная **демократия**, наши «ортодоксальные» не по разуму товарищи не понимают.

Вот почему они разражаются такого рода тирадами: «этот (т.-е. предлагаемый буржуазной демократией. Н. Р.) лозунг не новость, это старый и испытанный лозунг: «итти врозь, бить вместе». (Казалось бы, что против **подобного** предложения пролетариат ничего иметь не может, наоборот он должен ухватиться, что называется, обеими руками за предложение буржуазной демократии «бить вместе». Однако, не так думает автор цитируемой заметки. Он продолжает: «Пролетариат и на этот раз не откажется завоевать для буржуазного общества полную свободу от произвола. (Вы очень, очень любезны,—говорит буржуазное общество). Но он будет хорошо помнить, что как нельзя верить правительству, так безумно доверять и буржуазии. Вы **хотите временного союза? Он не нужен.** И без вашего приглашения пролетариат сделает то, чего вы от него ждете.» («Новая Жизнь» № 1, 27 октября 1906 г. Курсив мой. Н. Р.).

Буржуазии остается только кланяться и благодарить: лучшего, большей предупредительности со стороны пролетариата она и желать не может...

Однако, шутки в сторону. На только-что цитированном отрывке читатель мог наглядно убедиться, какие путаные понятия господствуют у нас и как мы в сущности далеки от действительного понимания научного социализма. Кое как, с большим трудом, мы затвердили фразу о том, что наша революция есть буржуазная революция, но сделать отсюда соответствующие выводы мы уже не в состоянии. Мы никак не можем понять, что делать буржуазную революцию без буржуазии так же нелепо, как социалистическую без пролетариата. (Говорю «делать» в смысле «представлять себе возможною». Одной ногой мы стоим на почве науки, другой—на болоте утопизма, восходящего еще к временам Народной Воли,[164])—Нужно обладать поистине изумительной беззаботностью к логическому и научному мышлению, чтобы верить в возможность единоличного проведения пролетариатом нашей революции. Я не говорю уже о том, что подобная вера обнаруживает полное незнание недавнего прошлого нашего освободительного движения.

Но мне скажут: те, кто защищает разбираемые вами взгляды, вовсе уже не так наивны, какими вы их изображаете. Они вовсе не думают единственно силами пролетариата

произвести революцию. Они просто хотят сказать, что только пролетариат может повести за собою народ на штурм нашей российской Бастилии.

На это я отвечу: чего стоящие за Н. Лениным товарищи хотят и что они думают, я не знаю. Но я знаю зато, что они высказывают в высшей степени превратные и печальные взгляды, которые я выше уже охарактеризовал. Если читателю желательны еще доказательства, то я попрошу его развернуть 10 номер «Новой Жизни» и прочитать там в статье уже знакомого нам Юрия Каменева следующие заключительные строки: «буржуазия (заметьте, вообще буржуазия! Н. Р.) открыто изменяет делу свободы—**это значит:** революция идет вперед».

Великолепно, лучшего подтверждения моих слов не надо. Революция идет вперед тогда, когда изменяет «буржуазия»; другими словами: изолированный пролетариат своими собственными силами свергает монархию. Это очень эффектная картина (Юрий Каменев вообще эффектно пишет), но, к сожалению или к счастию, не больше как **картина.**

Если бы буржуазия действительно «изменила свободе», то самостоятельное выступление в ее защиту пролетариата привело бы только к полному разгрому наших сил. И хороши были бы мы, если бы пошли при подобных условиях на штурм вражеской крепости.

И еще одно: если бы тактика, которой придерживается Н. Ленин и его соратники, восторжествовала в нашей партии, то значило бы просто-напросто только то, что она поставила своей целью снять с плеч буржуазных классов возможно большую часть политического бремени, если не все бремя, т.-е., другими словами, эта тактика радикально противоречила бы действительным интересам рабочего класса, **которому прежде всего крайне выгодно перегрузить возможно большую часть своей исторической клади на плечи так называемых господствующих, а пока борющихся за господство, классов.**

Этим и определяется наше отношение к буржуазной демократии. На обязанности политического деятеля лежит учитывание результатов взаимодействия различных общественных сил. Социал-демократия лучше, чем кто бы то ни было другой, знает истинную подоплеку либерализма. Но, именно благодаря этому знанию, она может безо всякой опасности для чистоты своих принципов стремиться к использованию либеральной оппозиции. Подобное стремление определяется еще тем обстоятельством, что тактика правительства, можно сказать, толкает либерализм в об'ятия революции. «Бюрократия» уже не первый год роет свою собственную могилу, но никогда еще она не теряла до такой степени всякую способность соображения, как сейчас. Поистине—бог лишает рассудка тех, кого хочет погубить. В этом отношении можно сказать, что бюрократизм теперь так **ограничен,** как никогда. Но пролетариат обязан извлечь из этой самоубийственной политики правительства все возможные выгоды.

Никогда еще торжество политической свободы не казалось и не было в действительности таким близким, как сейчас. Но наступление минуты этого торжества зависит прежде всего от пролетариата и его тактики. История вложила в его руки судьбы России. В своих собственных интересах, в интересах международного социализма, в интересах страны пролетариат должен показать, что эти судьбы находятся в достойных руках. А для того ему прежде всего нужно отдать ясный отчет в том, как обстоит положение дел.

В настоящую минуту буржуазная демократия столкнулась в государтсвенной Думе лицом к лицу с политическим наследством феодализма. Мы знаем, что буржуазия является законным хозяином русской буржуазной революции. Поэтому в наших интересах лежит подольше—по возможности до конца переворота—продержать ее на аванпостах, под огнем неприятельских батарей. Пусть, оставаясь на этих аванпостах, она постоянно знает, что за ее спиной стоит армия, на которую она может **рассчитывать** в том случае, когда перейдет **к наступлению,** и которая отрежет ей путь, если она вздумает отступать. В этой перспективе нет ничего невозможного, поскольку дальнейшее существование буржуазной России в оковах полицейского государства **невозможно** и поскольку наше правительство **не способно** удовлетворить нужды страны.

Для нас же, я повторяю, подобное развитие революции крайне выгодно. Пусть наше господство выражается в том, что под влиянием нашей тактики и нашей агитации

растет и крепнет крайний демократизм. Для нас этого вполне достаточно. Пытаться повести за социальной демократией российскую буржуазию—значит «растратить запас сил в попытках», как говорит поэт; буржуазия с большей, с гораздо большей охотой пойдет за буржуазной демократией. Вот почему мы не имеем никакого права отказываться от временного союза с этой последней.

Что это соглашение не только необходимо, но и возможно, увидит всякий, взяв в руки буржуазно-демократические газеты. Пролетариат **нужен** им. Поэтому они говорят о необходимости сообща изолировать реакцию. Нам необходимо сейчас изолировать реакцию, лишить ее воздуха, поэтому мы должны соединиться с демократией для совместных действий. Вот и все. Тут с обеих сторон просто политический расчет.

Ну, а как же быть с критикой? Как быть с кадетскими шатаниями? На это я отвечу: воля читателя, а я думаю, что кадетам гораздо легче шататься и вилять, когда их встречает огульное недоброжелательство, чем тогда, когда к ним подходят с желанием **политической коалиции.**

Если говорить правду, так надо сказать, что **выкрикивания** были у нас до сих пор в большем ходу, чем сознательное отношение политиков. Давлением общественного мнения на кадетов (присылкой в Думу резолюций, наказов, петиций, требований, организацией собраний протеста, переговоров между рабочей группой и кадетами*) можно сделать гораздо больше, чем неосмысленным, а потому бесцельным дебоширством, выражаясь резко.

* * *

Кому много дано, с того много взыщется. Это—святая истина. Нам, русским социал-демократам, дано бесконечно много. В минуту великого исторического переворота мы призваны блюсти интересы класса, представляющего собою, по прекрасному выражению Лассаля, тот камень, на котором созиждется церковь будущего. Мы призваны облегчить муки родов демократической России. Много жертв принесено русской социал-демократией ради достижения этой цели.

Русская социал-демократия может по праву гордиться своей исторической ролью в деле политического освобождения нашей страны.

Но именно сознание этой роли не позволяет ей забыть хотя бы на одну минуту тех грозных требований, которые к ней пред'являет история. И первое из этих требований гласит: «быть мудрым, как змеи»... Мы должны помнить, что каждая новая ошибка ляжет тяжелым стопудовым гнетом на плечи будущего поколения борцов за окончательное освобождение рабочего класса.

Вот почему нужно кричать на каждом перекрестке, не уставать напоминать о том, что пренебречь таящеюся в обстоятельствах возможностью повести в самом близком, быть может, будущем весь народ в атаку на неприятельские бастионы было бы преступно, было бы непростительно. Вот почему нужно на каждом шагу, по поводу каждого данного случая проповедывать истину, чтобы задушить, наконец, те пагубные заблуждения которые все время мешают нам выпрямиться во весь рост. А эту истину прекрасно поняли, например, обуховские рабочие. С чувством величайшего удовольствия читаешь хотя бы следующее место из принятой ими резолюции: «Поддерживайте все шаги госуд. Думы, направленные на то, чтобы вырвать власть из рук придворной камарильи и подготовить **условия выборов** всенародного Учредительного собрания на основе всеобщего и т. д.»

Вот взгляды, продиктованные истинным классовым чутьем. Можно лишь пожелать, чтобы они получили возможно большее распространение в рабочей среде. А пока нужно, я повторяю, содействовать этому всеми силами.

---

*) Мне, наприм., кажется, что мы делали большую ошибку, не печатая пролетарских резолюций с определенным наказами госуд. Думе. «Известия Крестьянских Депутатов» (и затем «Трудовая Россия»), печатая подобного рода крестьянские резолюции и «наказы», приносят, я думаю, большую пользу развитию политического сознания в русском обществе и деятельно «толкают» госуд. Думу вперед.

ДУМА—ОРГАНИЗУЮЩИЙ ЦЕНТР.

(А. Потресов—«Курьер» № 3, 1906 г.).

Ясность и простота во взаимных отношениях есть благо в житейском обиходе. Еще большим благом являются ясность и простота в политике. В этом смысле день 13 мая[165]) был хорошим историческим днем. Он до последней степени уяснил и упростил положение. Правительство обращается к Думе и говорит: Мне нет дела до ваших мнений и требований; Дума, со своей стороны, отвечает: Уходите вон... Затем, после непродолжительного обмена любезностей, наступает томительная пауза. Каждый из противников остается на месте, занятый собственным делом: Дума продолжает вырабатывать законопроекты, правительство—вешать, расстреливать, заточать, истреблять.

Положение ясно... до боли, но именно ясность положения поставит в упор вопрос: что же дальше? Перед Думой—стена самодержавной бюрократии; но ведь со стеной разговоры бесполезны: ее можно сломать, пробить в ней брешь, но убедить невозможно. Ее надо сломать. За ломку может взяться только сила. Представляет ли Дума эту силу?

И да, и нет: она сила—возможности—огромная, всесокрушающая сила. Она сила—в соединении с страной, как говорил Михайличенко в заседании от 16 мая[166]). Правда, она вышла не из всенародного избрания, а из выборов на основе смехотворной и жалкой. Правда, бойкот сделал, сверх того, все, чтобы ее исковеркать и отдать в почти безраздельное пользование к.-д. партии, обезглавив и обесплодив всю крайнюю левую. И тем не менее она—центр, при всей кадетской размеренной буржуазности,—тот, в своем роде, единственный и ни с чем несравнимый центр общественного внимания, куда тянутся надежды, желания и на который устремляются ненависть и злоба. Она—трибуна, обращенная ко всем и видимая от края и до края; она—место непосредственной встречи правительства с политическими элементами страны и, тем самым, школа всенародной политической выучки.

Но она не только это и она не может быть только этим. Хочет она или нет, желают или нет тверские помещики, петербургские, московские или иных городов профессора-лидеры большинства государственной Думы, но она должна стать собирательницей русской земли, той исходною точкой, от которой во всенародном масштабе будут отправляться призывы мобилизации и группировки общественных сил. Всем предыдущим ходом вещей, под угрозой бесславного конца—и об этом ей напомнил день 13 мая—она приведена к тому, чтобы взять на себя инициативу в организации сил, в создании повсеместных органов, которыми она, как щупальцами, нащупает почву мнения и воли страны всякий раз, когда ее слову суждено превратиться в реальное действие.

Аграрные комитеты, о которых уже не раз говорилось в печати и которые поставлены на очередь дня трудовой группой в Думе,[167]) только первый—правда, резкий, рельефный—пример этого неизбежного предстоящего Думе строительства. Каждым шагом работы связываться с массой, каждым действием протягивать нити в страну и ткать организационную паутину: парламентские комиссии, густая сеть отделений на местах, с участием самых широких слоев населения, коллегии выборщиков, избирателей, всенародные митинги, на которых депутаты отчитываются в своих действиях перед гражданами, непосредственные обращения к стране, целый ряд таких обращений по каждому существенному поводу, словом—постоянное взаимодействие, непрекращающийся ток между Думой, апеллирующей к народу и народом, выражающим свою волю в петициях и требованиях.

В **таком** соединении Думы со страной—повторяю слова Михайличенки—не только залог ее возможной победы, но и непременное условие ее дальнейшего существования вообще. Через это условие Дума **должна** пройти, как бы буржуазна она ни была,—из элементарного чувства самосохранения.

Должна! Но «должна» не значит еще, что она к этому идет—решительно и бесповоротно, не сбиваясь в стороны, не топчась подолгу на месте. На то она и буржуазная, на то она и «кадетская» Дума, чтобы сбиваться с пути и топтаться на месте. На то она и буржуазная, чтобы не давать себе ясного отчета в этой главной, основной своей задаче.

Выпрямить ей путь и **заставить** ее итти по нему—задача всенародного мнения и всенародной воли страны, задача той мобилизации, которую должны предпринять все партии, связанные с массами и в первую голову, конечно, та партия, которая называется партией революционного пролетариата.

На всех собраниях и митингах, во всех клубах и всех организациях должно быть поднято это требование к Думе, как ближайший лозунг дня. Дума—организующий центр. Дума, идущая к единению с народом!

Только при наличности и во имя этой задачи единения Думы со страной социал-демократия может вести кампанию в защиту государственной Думы, но зато этой задаче она подчиняет и свою критику Думы, и свою расценку ее слов и ее дела.

Мерило критики здесь· выполняет ли Дума эту, всем предыдущим развитием навязанную ей миссию, или нет,—а не в каком-то органическом или неорганическом характере ее работы, и не в тоне, конечно, хотя тон и «делает музыку».Фальшь тона—беда, но это исправимая беда, это полбеды по сравнению с малейшей ошибкой, с самым незначительным отклонением от направления курса корабля народного представительства к той конечной и в то же время ближайшей цели, которая есть: **организованное общение со страной,** без которого невозможны даже и первые шаги к единовластию.

О КАДЕТАХ.

(Вл. Горн—«Наше Дело» № 3, 1906 г.).

Только-что закончился четвертый с'езд конституционно-демократической партии[168]) партии, занимавшей господствующее положение в первой государственной Думе.

С'езд этот заслуживает самого серьезного внимания. Но, прежде чем говорить о нем, нужно вообще ответить на следующие вопросы: что такое кадеты, из кого они состоят, когда они образовали политическую партию, какие их цели и какие способы действия?

Кадетская партия образовалась из слияния двух организаций: «союза освобождения» и «союза конституционалистов».

Первую организацию образовали группы интеллигенции, не вошедшие в партии пролетарскую и крестьянскую, но все же стремившиеся к политическому освобождению от гнета самодержавно-бюрократического строя (отсюда их название «освобожденцы»).

Союз конституционалистов об'единял в себе тех землевладельцев и немногих крупных промышленных капиталистов, которые также стремились к установлению в России конституционного образа правления, т.-е. издания законов и назначения налогов с согласия выборных народных представителей, установления со стороны последних контроля над администрацией и т. д.

Но не все недовольные самовластием и злоупотреблениями бюрократии землевладельцы и буржуа вошли в кадетскую партию. Подавляющее большинство членов этих классов разместилось по союзам 17 октября, торгово-промышленной партии, партии правового порядка и даже союза истинно-русских людей. Кадетами стали те члены и экономически-господствующих классов, которые сознали, что добиться своих целей они не могут без помощи народных масс, и потому для того, чтобы получить их поддержку, решились на признание некоторых требований пролетариата и крестьянства. Потому-то они в названии своей партии и прибавили к слову—конституционно—слово: демократическая, народная. Мы должны здесь же сказать, что демократичность кадетов, землевладельцев и промышленников весьма и весьма умеренна и очень ненадежна. Гораздо дальше их в признании народных требований идут кадеты-интеллигенты. Они, как люди, занимающиеся, хотя и привилегированным, но все же трудом и часто наемным, непосредственно заинтересованы в под'еме образования и благосостояния народных масс, так как спрос на их труд повышается вместе с ростом потребностей народа. Поэтому-то в среде кадетской партии постоянно происходит внутренняя борьба между правым—владельческим и левым—интеллигентским крылом.

Но почему же они держатся вместе?

Да потому, что все они не могут примкнуть ни к партиям, защищающим, исключительно, интересы классов эксплоататорских, ни к классам эксплоатируемым. Они занимают среднее, промежуточное положение и стремятся к мирному развитию государства, к смягчению борьбы между различными классами. Поэтому они выставляют в своей программе улучшение положения рабочих и крестьян и тем отделяются от всего класса землевладельцев и капиталистов, но, вместе с тем, они не могут стать целиком и на сторону трудящихся масс и высказываются за лишь крайне недостаточные реформы, направленные в пользу последних.

Благодаря такой программе кадетскую партию могут поддерживать во всей массе лишь средние общественные слои: мелкая городская и сельская буржуазия (торговцы, ремесленники, высшие служащие) и более зажиточное крестьянство.

Этим составом партии, т.-е. общественным положением лиц, в нее входящих и ее поддерживающих, определяется и политическое поведение, тактика партии. Она не самостоятельна. Она не опирается на пролетариат и крестьянство, она лишь учитывает, принимает в расчет рабочее и крестьянское движение и, считаясь с ним, требует известных реформ в пользу этих классов.

Поэтому она не руководит народными движениями, она лишь участвует в них и то в очень немногих формах. Кадеты устроят банкеты для средних слоев населения, но на народный митинг не пойдут. Кадеты не об'явят политической забастовки, а лишь выразят ей сочувствие, окажут материальную поддержку, в лице отдельных своих членов примут в ней участие. Главной же формой тактики партии всегда будет участие в выборах в законодательное и местные учреждения и проведение законов, критика правительства в представительном собрании.

В этих выборах кадеты надеются не только на те слои, на которые они опираются и интересы которых непосредственно выражают, но и на то, что за них будут голосовать многие рабочие и крестьяне, еще недостаточно сознавшие свои интересы, еще не проникшиеся сознанием своей силы и потому довольствующиеся обещанием некоторого улучшения своего положения, которое, несомненно, содержится в программе кадетов.

В Думе кадеты внимательно присматриваются к соотношению сил как внутри нее, так и вне ее, в самом народе, и изготовляют такие законы, которые могут получить большинство в Думе и которые не вызовут протеста большинства населения и особенно влиятельных общественных классов. В прошлой Думе кадеты представили проект земельной реформы, на котором, по их мнению, примирится и большинство еще очень мало требовательного крестьянства и благоразумная часть самих землевладельцев, которым они давали право на выкуп их владений; туда же они внесли такие проекты законов о свободе печати и собраний, которые вызвали негодование всех сознательных рабочих и крестьян, но они рассчитывали, что большинство этих классов еще не поднимется против них. Вместе с тем, кадеты, как уже выяснено, по самому своему составу не могут не стремиться держать народные массы в известных рамках. Они не могут высказаться за неограниченную свободу, так как при ней трудящиеся классы получат гораздо большее влияние, чем то входит в планы кадетов, и прежде всего лишат их роли руководителей государственного корабля. А они именно к этой роли стремятся. Одна из причин русской революции лежит в том, что теперешняя государственная власть оказалась неспособной обеспечить мирное развитие общества, считаться с силами каждого класса, во-время предпринимать те или иные реформы, чтобы предупредить грозные волнения масс. Кадеты стремятся получить власть в свои руки, чтобы поступать так. Но они уже понимают, что власть их должна быть подотчетной народному представительству, выбранному всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, так как иначе народные массы также будут относиться к ним как и к теперешнему правительству, т.-е. как власти враждебной, насильственной.

Вообще надо сказать, что все поведение кадетов, равно как и все их программные требования целиком зависят от силы народного движения. Чем сильнее последнее представляется кадетам, тем больше они идут на встречу народным требованиям, тем более решительную тактику по отношению к правительству применяют. Так, первый кадет-

ский с,езд [169]), происходивший во время великой октябрьской забастовки высказался за созыв вместо Думы всенародного Учредительного собрания, но затем поражение народного движения побудило их отказаться от этого требования.

КТО ХОЗЯИН В ДУМЕ?

(«Курьер» № 9 и 11, 1906 г.).

Дума—кадетская. Кадеты—«буржуазия соглашательская, предательская, заведомо готовящая сделку с самодержавием, заведомо неспособная на решительную борьбу». Поэтому, поддерживать Думу в целом нельзя, так как это означало бы поддерживать заведомых предателей. Другое дело—поддержка думской левой, трудовой группы. Трудовики —«буржуазия мелкая, трудящаяся, угнетенная неимоверно, мечтающая об уравнительной дележке земли, способная на самую решительную, беззаветную борьбу, толкаемая к этой борьбе всем ходом событий и поведением правительства». Эту буржуазию пролетариат должен поддержать всеми силами и средствами. Так рассуждают теперь бойкотисты из бывшего «большинства» [170]), при чем их симпатии к трудовикам доходят до того, что они, отрясая последний социал-демократический прах с своих ног, выражают полную готовность поддерживать утопический и реакционный аграрный законопроект, выработанный комиссией трудовой группы при благосклонном содействии эсеров.

Звонкие фразы, в которые облечены эти мысли, повторяются во всех резолюциях на всех митингах и постепенно превращаются в заклинания, принимаемые на веру, как священные истины.

Посмотрим, однако, насколько они справедливы?

Постараемся рассеять туман красивых громких слов и с цифрами и фактами в руках выяснить три вопроса: 1) правда ли, что кадеты—хозяева в Думе; 2) правда ли, что думские кадеты являются представителями предательской крупной буржуазии и 3) правда ли, что трудовики так отличаются от кадетов и так революционны, как их изображают большевистские политики. Первый вопрос разрешается легко. Из 446 депутатов, заседающих в Думе, к кадетской партии принадлежит не более 150 человек. Следовательно, кадеты не имеют большинства и, по количеству, не могут быть полновластными хозяевами Думы. Проводя какой-либо законопроект, кадеты, при таком соотношении голосов, всегда должны считаться с другими партиями. О численном господстве кадетов, следовательно, нечего и говорить. Остается, следовательно, вопрос об их идейном господстве в Думе. Здесь мы подходим к разрешению второго поставленного нами вначале вопроса, правда ли, что кадеты—предательская крупная буржуазия. И здесь бывшие большевики глубоко ошибаются, нападая на кадетов в целом. Сказать «кадет»—значит сказать очень мало.

Бывшие большевики это понимают и, поэтому, точно указывают, что кадеты—представители крупной буржуазии, которая, несомненно, склонна заключить сделку со старой властью. Но, определяя таким образом думских кадетов, бывшие большевики опять не считаются с фактами. Обратимся к социальному составу Думы. Из 442 депутатов, избранных до 27 апреля, было:

142—крестьян-землевладельцев,
128—капиталистов и землевладельцев,
120—«трудовых интеллигентов»,
27—ремесленников и фабричных рабочих,
16—священников.
9—неизвестных занятий.

Таким образом, вообще среди депутатов, даже если считать часть «трудовой интеллигенции» идеологами крупной буржуазии, эта крупная буржуазия находится в несомненном меньшинстве. Большинство депутатов первого нашего «парламента», по своему социальному положению, является представителями мелкой буржуазии.

Внутри кадетской партии наблюдается такое же соотношение социальных групп. Если считать представителями крупной буржуазии помещиков, управляющих имениями, служащих по дворянским, земским и городским выборам, то оказывается, что таких

среди думских кадетов—всего 59 человек. Прибавим к ним даже несколько профессоров, инженеров и т. д., и тогда они будут в меньшинстве. Большинство думских кадетов все-таки составляется из крестьян, врачей, сельских учителей, журналистов, которых, при всем старании, нельзя причислить к капиталистической буржуазии. Это—та же мелкая буржуазия, которая собралась и под неопределенным флагом трудовой группы. Расплывчатость последней фракции не позволяет дать точных цифр относительно ее состава. Но известно, что в трудовой группе мы встречаемся с теми же крестьянами, журналистами, профессорами, статистиками и т. д., которые числятся и в рядах кадетской партии. Более того, неоконченный пока опрос тов. Бородина показывает, что в трудовую группу входят, например, крестьяне, принадлежащие к партии народной свободы. Социальный материал, из которого составилось большинство обеих буржуазных партий Думы, является, таким образом, совершенно однородным.

Данные о социальном составе Думы, разумеется, только очень приблизительно могут служить показателем ее политического состава. Но они все-таки являются показателем, в особенности, если принять во внимание, что большинство выборщиков-помещиков, как известно, голосовало за октябристов.

Этим и об'ясняется то «единодушие«, которым отличаются голосования Думы по всем важным политическим вопросам. Мелкая буржуазия—большинство кадетов и трудовиков,—единодушно голосует против крупной буржуазии—октябристов, торгово-промышленников и пр. То обстоятельство, что эта мелкая буржуазия распределилась по различным партиям, в значительной степени зависит от случайных обстоятельств: от политической неорганизованности населения, от бойкотной тактики, загнавшей к кадетам много левых элементов и т. д. В Думе произойдет и уже происходит иное распределение. Мелкая буржуазия найдет себя и организуется в одну энергичную и жизнеспособную группу, отбросив старые клички и старых вождей. Но уже теперь, на основании данных о социальном составе депутатов, мы можем сказать вполне определенно, что, во-первых, кадеты в Думе не господствуют безраздельно и, следовательно, Дума не кадетская и, во-вторых, что думские кадеты, в большинстве, являются представителями не крупной, «предательской», а мелкой, столь же «способной на решительную борьбу» с буржуазией, как и трудовики,.

* * *

Выясняя политический и социальный состав госуд. Думы, мы пришли к заключению, что нельзя считать Думу ни выразительницей интересов крупной буржуазии, ни филиальным отделением кадетской партии. Мы старались показать, что большинство депутатов по своему социальному положению принадлежит к мелкой буржуазии, а по своим политическим взглядам, представляет тот неопределенный и расплывчатый демократизм, который отличает русскую мелкую буржуазию в настоящий момент ее исторического развития.

Мы старались показать, что полная несамостоятельность и нерешительность так называемой трудовой группы об'ясняется не внешним давлением кадетов, не их численным преобладанием, а внутренней слабостью и политической незрелостью тех однородных социальных элементов, которые преобладают в Думе, выступая там под названием кадетов или под названием трудовиков. Ставя точку над и, мы должны сказать, что, пока трудовая группа стремится охватить все крестьянские, интеллигентские и пролетарские элементы, она просто не существует в качестве определенной политической величины и уж ни в каком случае не представляет какую-то «беззаветно революционную» мелкую буржуазию. Поэтому, на трудовую группу в ее настоящем виде никаких надежд возлагать не приходится и поддерживать ее весьма затруднительно по той простой причине, что нельзя поддерживать то, чего нет. Мы, как социал-демократы, которым «стыдно прикрашивать действительность», обязаны признать этот факт и построить свою тактику применительно к «плохой» действительности, а не применительно к «хорошим» фантазиям.

Тов. Богданов[171]) считает эти выводы «розовыми». Мы, наоборот, считаем их очень печальными. Если бы в Думе царили правые крупно-буржуазные кадеты, то борьба с ними, при всей их ловкости, была бы легким делом. Но если в Думе царит политически

неопределившаяся, текучая мелко-буржуазная масса, то приходится вести уже не внешнюю войну против контр-революционных элементов, а внутреннюю—против политической шаткости и слабости элементов, в будущем несомненно революционных. С этой точки зрения, нерешительность думской тактики об'ясняется не вредным господством кадетов, как уверяют жизнерадостные товарищи из «Вперед», а политическою «нерешительностью» русской мелкой буржуазии.

Таким образом, вялость и слабость думской тактики служат показателем более печального факта, чем контр-революционное настроение правых кадетов. Мы встречаемся здесь с тем же явлением, которое наблюдалось в декабрьские дни. Мелкая буржуазия только готовится, но еще не готова к активной борьбе, еще не способна к решительному наступлению. Поэтому, ни трудовики, ни левые кадеты, несмотря на численное превосходство и на полную готовность, не могли провести ни одного ясного и определенного решения. В вопросах о полной формуле избирательного права, об отмене смертной казни, об аграрных комитетах трудовики и левые кадеты, несомненно, остались недовольны половинчатостью думских решений, но по внутренней слабости, по отсутствию политической твердости подкрепили уклончивые резолюции своими голосами.

Таково, по нашему мнению, положение дела. Оно представляется нам совсем не розовым. Но из того, что Дума в большинстве своем состоит из политически неопределившейся мелкой буржуазии, вовсе не следует, что соц.-демократы должны **или** поддерживать обе думские фракции, **или** против обеих бороться, как думает «Речь», совершенно напрасно ссылаясь при этом на Плеханова, который, как известно, все время борется против этого метафизического «или-или». В этом случае «Речь» [172]) сходится не с Плехановым и нами, а с б. «большевиками» нашей партии. Из неопределенности и расплывчатости обеих частей думской буржуазии мы делаем только тот вывод, что с.-д. фракция, когда она будет, и рабочая группа, пока она есть, должны оставаться независимыми и от той и от другой буржуазной фракции, ведя самостоятельную политику и то борясь, то поддерживая отдельные шаги обеих фракций и вместе и порознь, поскольку эти шаги в данный момент выгодны революционному движению. Вот тот первый вывод из анализа социального и политического состава Думы, который мы хотели бы передать нашим читателям. Второй же вывод заключается в том, что пролетариат должен связать свои расчеты и надежды не с трудовою, а с рабочею группой теперь и с.-д. фракцией, когда она составится после вступления в Думу партийных кандидатов, выбранных на Кавказе и, надеемся, в Сибири. Эта фракция, пользуясь испытанным методом международной социал-демократии и постоянно, с твердостью, свойственной представителям пролетариата, выставляя последовательно демократические требования, будет содействовать самоопределению буржуазной демократии и толкать ее вперед, на путь решительной борьбы.

Тогда из текучей массы кадетов и трудовиков выделится та доброкачественная и, действительно, способная на активную борьбу демократия, элементы которой бесплодно гибнут сейчас и в трудовой и в кадетской партии. Мы не думаем, чтобы процесс самоопределения буржуазной демократии был очень продолжителен. Насыщенный раствор кристаллизуется иногда от незначительного толчка.

ЗА ДУМУ ПРОТИВ КАМАРИЛЬИ.

(«Голос Труда» № 5, 1906 г.).

Вырвать власть из рук министров Кишинева и Белостока [173]), сделать исполнительную власть ответственной перед народным представительством—это, несомненно, очередная задача освободительного движения, без решения которой оно не может подвинуться ни на шаг вперед. Весь народ, жаждущий свободы, кровно заинтересован в этом решительном переломе в государственной организации страны, означающем не что иное, как **переход от мнимо-конституционного строя к действительной конституции.**

Нечего бояться, что такой переход «остановит» дальнейший ход освобождения России **от всех** пут старых порядков, доведение дело освобождения до конца. Если правильны соображения социал-демократии, что острые столкновения созревших под эгидой абсолютизма сил капиталистического общества делают вероятным революционное

преобразование русского государства на основах полного демократизма, если правилен этот анализ, то действительная конституция не только не сможет «остановить» этого процесса, но облегчит его ход еще более, чем это сделала полуконституция, несмотря на все однородные «опасения», высказывавшиеся до созыва Думы и послужившие основанием «бойкоту».

Раз вопрос стоит так, то остается только решить, кто может взять вырванную из рук старого правительства власть в свои руки? Этого **сейчас** не могут сделать ни пролетарские, ни крестьянские организации; этого сейчас не может сделать ни пролетарское, ни крестьянское представительство в Думе. Ибо вырвать власть из цепких рук «вахмистров»—задача столь трудная, что решить ее могут лишь соединенные усилия революционных и оппозиционных слоев народа. А органом, об'единяющим борьбу **всех** слоев народа, является пока не какая-либо часть Думы, а вся Дума в целом.

Таким образом, хотим ли мы того или нет, но, так как взять власть сейчас в свои руки мы не можем, вопрос стоит для нас так: поддержать ли в этой борьбе Думу и стоящий за ней народ, или своих усилий к этой борьбе не присоединять, т.-е. **усилить шансы на победу самодержавной бюрократии.**

Совершенно очевидно, что второе решение означало бы прямую измену делу свободы и революции. И уже, конечно, испытанный борец революции—пролетариат не нападет в тыл освободительному движению. Но поддержать Думу в борьбе с камарильей, значит поддержать требование перехода власти в руки **всей** Думы, т.-е. в руки ее большинства. И никакие вопли против кадетов тут не помогут. Потому что сейчас **приходится выбирать** не между ними и, напр., социал-демократами, а между ними и безответственной камарильей.

Когда мы переживаем исторический период, в который еще невозможно осуществление социализма и приходится только выбирать между докапиталистическими порядками и капиталистическими, мы выбираем капиталистические, потому что они являются **условием** нашей окончательной победы. Точно так же теперь, когда приходится только выбирать между крепостниками и буржуазией, мы выбираем буржуазию, т. к. ее господство является **условием** дальнейшей революционной борьбы за полное народовластие.

Но, поддерживая Думу в ее борьбе за власть, пролетариат должен употребить все усилия, чтобы эта победа была возможно более **скорою и полною**. Образование «смешанного» министерства из чиновников и депутатов сделало бы процесс перехода власти в руки народных представителей крайне затяжным и болезненным для народа. Мы должны требовать «**чистого**» парламентского министерства. Борьбу за такое «чистое» министерство мы и будем поддерживать.

БОЛТУНЫ и СОГЛАШАТЕЛИ.

(«Голос Труда» № 8, 1906 г.).

Мы хотим Учредительного собрания. Но мы хотим не только шуметь об Учред. собрании, мы хотим его действительно завоевать, а для этого есть одно средство—опираясь на реальное соотношение общественных сил, изменять его в сторону, благоприятную для развития революции.

В настоящее время борьба между революцией и реакцией ярче всего проявляется в борьбе госуд. Думы с камарильей. Этой борьбой занято внимание всей нации. По этому пути теперь идет революция. Если мы действительно хотим двигать революцию, если мы хотим действительно делать историю, а не вариться в своем собственном соку, мы должны самым активным образом вмешаться в эту борьбу, мы должны самым решительным образом поддержать Думу в ее борьбе с камарильей, мы должны ей помочь вырвать исполнительную власть из рук камарильи и передать ее в руки министерства, ответственного перед Думой. Это будет огромная принципиальная победа парламентаризма над бюрократией. Это будет только этап, но чрезвычайно важный этап в развитии революции.

За это выступил наш ЦК. Против восстали наши шумливые товарищи из анархистско-бланкистского крыла партии:

Обман!—кричат они. Это не будет ответственное министерство: оно будет **назначено** камарильей, и она же сможет его в любой момент сменить: умные члены камарильи **рассчитывают** таким способом успокоить кадетов, провести их за-нос. **По закону** министерство будет ответственно не только перед Думой, но и перед госуд. Советом и перед камарильей. Кадеты это знают, они идут на это, они стучатся в заднюю дверь, они **не хотят** полной свободы, они **не хотят** полного уничтожения гос. Совета и т. д. и посему.... посему, вместо того, чтобы завладеть новой реальной позицией в войне с неприятелем, давайте, братцы, шуметь.

Все это знакомые рассуждения. Мы слышали их, когда речь шла у нас о возможной будущей роли госуд. Думы. Тогда наши шумливые товарищи тоже кричали:—Обман! Дума будет черносотенной, Дума будет полицейской, потому что она созвана правительством, потому что этого хочет камарилья. Мы тогда им раз'ясняли на все лады: Любезные товарищи! Не в том дело, чего хочет камарилья и чего не хотят кадеты. Для нас гораздо важнее, чего хотим мы, чего хочет пролетариат, чего хочет народ, чего хочет логика революции. Если мы предпочтем революционной фразе революционное дело, то госуд. Дума из органа контр-революции превратится в орган революции. И это блестяще оправдалось действительностью.

Теперь наши шумливые товарищи вынуждены это сами признать, по крайней мере, до известной степени.

Раньше они об'являли изменником, предателем всякого, кто будет выбирать или кто пойдет в «полицейскую Думу». Теперь они сами призывают поддерживать, если не всю Думу, то по крайней мере, известные группы этих «предателей». То же, конечно, повторится и с вопросом о думском министерстве.

Мы знаем, на что рассчитывает камарилья, знаем, чего хотят кадеты, мы знаем, что если они еще не шептались с камарильей в Петергофе, то они намерены это сделать завтра, мы знаем, что если они еще не пошли на уступки, то они готовы будут итти на эти уступки завтра. Мы знаем вообще, что кадеты партия буржуазная. Мы никогда буржуазией не очаровывались и потому не можем в ней разочароваться.

И если мы при всем том в известные моменты готовы поддержать буржуазию, то мы это делаем не из уважения к ее добродетели и не из доверия к ней, а из политического расчета, потому что мы ведем войну и хотим победить.

Кадеты могут предать! Но на то и щука в море, чтобы карась не дремал. Мы знали, что, несмотря на формальные условия составления министерства и на формальные законы, ограничивающие права Думы, у нас может составиться министерство, которое обяжется фактически выполнять волю только Думы. И пролетариат, опираясь на свою силу,—силу народа и на логику революции, может заставить министерство принять на себя эти обязательства и соблюдать их.

А если дело обстоит так, что наша задача заключается не в том, чтобы шумихой фраз отвлечь внимание пролетариата от неотложного вопроса, который должен быть разрешен и который будет разрешен при его содействии или без его содействия, а в том, чтобы, вмешавшись в дело, повлиять на решение вопроса в сторону, наиболее благоприятную для развития революции.

Сначала революция, а потом ответственное министерство!—твердят наши шумливые товарищи.

Это пустые фразы—отвечаем мы.

Для дальнейшего развития революции и только для этого, нам нужно сейчас, немедленно, министерство, ответственное перед Думой.

А чтобы оно было действительно ответственно, оно должно потребовать одновременно со своим призывом уничтожения усиленной и чрезвычайной охраны, полной амнистии, восстановления свобод и должно тотчас же об'явить, что оно будет действовать в полном согласии с волей большинства Думы.

Это ясно и понятно, и все-таки мы убеждены, что наши шумливые товарищи этой простой мысли не усвоят.

Но это нас не смущает. Когда наша ближайшая задача осуществится, когда революция сделает еще шаг вперед, они догонят историю, хотя бы петушком.

ПРОЛЕТАРИАТ В ГОД РЕВОЛЮЦИИ.

(В. Миров.«—Наше Дело» № 6, 1906 г.).

Год великих бурь, светлых надежд и горьких разочарований! Год неустанной борьбы народа за свободу, год гигантских под'емов движения и его грандиозных поражений! Что внес он в сознание пролетариата, чем обогатил он его опыт, чему научил он рабочий класс? Попытаемся разобраться в том наследстве, которое накоплено нами за год.

С какими силами, с каким пониманием своей роли и своих задач застаем мы пролетариат в начале этого года? Великая октябрьская забастовка выдвинула пролетариат на передовые посты революции, она поставила его во главе движения, она подчинила его руководству все остальные слои русского общества, отведя им второстепенные места вспомогательных отрядов освободительной армии, его лозунгами проникнуты все сколько-нибудь значительные выступления народа, под его знаменем идет все мало-мальски живое в стране.

Вся борьба предыдущих лет отмечена той же первенствующей ролью рабочего класса; массовые выступления пролетариата—вот что вынуждает правительство к уступкам, вот что скрашивает убогую картину русской действительности.

На фоне общей политической слабости и несознательности, на фоне только-что начинавшейся организации отдельных групп русской демократии—силы пролетариата казались неисчерпаемыми, колоссальными; его организация представлялась мощной в атмосфере несложившихся политических группировок. Октябрьская забастовка своими размерами, своим блестящим политическим исходом еще более закрепила это обаяние пролетарской силы, сплоченности и сознательности.

Октябрь и ноябрь были расцветом движения,—медовым месяцем пролетариата. Вся обстановка политической жизни ставила рабочий класс в центре борьбы, делала его общенародным вождем, толкала его на решительную борьбу за угнетенных. Так, пролетариат Петербурга—этот передовой боец—ноябрьской забастовкой встал на защиту Польши и гнета военного положения,—оно пало. Он выступил в защиту матросов-кронштадцев от смертной казни, и правительство не посмело наказать их. Оно осудило матросов позже, через несколько месяцев, когда народное движение было разбито, в темную ночь реакции.

Рабочий класс создал и охранял свободу печати, слова, собраний, союзов. Он обеспечил эти необходимые, как воздух и свет, права для всей нации. Лихорадочное профессиональное строительство получает широкое развитие именно в эти великие дни; митингами и собраниями покрыта вся страна. Где живое слово? Где жизнь и сила?. На рабочих митингах, на заседаниях С. Р. Д. Это верно не только по отношению к Москве и Петербургу, но и (даже особенно) по отношению к провинции, где единственными светлыми точками, благодаря бедности жизни, были именно эти митинги, куда стекались все свежие силы народа.

Но уже вскоре после манифеста движение, бывшее как-будто общенародным, разбилось. Резко проступили классовые противоречия, обострилась классовая борьба. Мощь пролетариата заставляла его верхушку—организованную и сознательную часть—думать, что уже теперь возможно расширить пределы русской революции и осуществить более сложные и глубокие задачи, чем достижение политической свободы. Многие верили в возможность перехода всей власти в руки пролетариата, немедленного установления полного народовластия. Иные шли еще дальше и представляли себе, что мы стоим уже на пороге борьбы за социалистический строй. Это было крупной ошибкой, ибо у нас не было и нет еще налицо тех условий, при которых возможен социализм.

Борьба пролетариата, не желавшего удовлетвориться жалкими подачками, подняла против него не многие силы современного общества, оттолкнула прежних союзников; а так как других сплоченных сил, которые могли бы поддержать пролетариат, не было, то он остался одиноким. Правительство, пользуясь всеми имеющимися в его распоряжении средствами, вело дело к новому решительному столкновению, чтобы разбить пролетариат в открытом бою. И декабрь принес истощенному, надорвавшемуся рабочему

классу решительное поражение. Но еще раньше он потерпел неудачу в своей борьбе за введение революционным путем 8-часового рабочего дня.

Урок был усвоен пролетариатом, и он доказал это впоследствии.

Теперь смешно было бы осуждать кого бы то ни было. Политика правительства с его репрессиями и пр. неизбежно толкала на отпор. Залить кровью страну, разбив пролетариат, было необходимо для него, ибо иначе на карту ставилось все.

Дни реакции были и днями восстановления экономического гнета, безработицы, нищеты. Рабочий класс нес в значительной степени один на плечах тяжесть борьбы. Хозяева подняли голову и стали отбирать назад все достигнутые улучшения. Разгромленные союзы не могли дать отпора дикой расправе капиталистов, выбрасывавших сотни рабочих на улицу за участие в политической борьбе. И отсутствие сплочения, отсутствие широких массовых организаций дало себя тяжело знать. Безработица охватила города и десятки тысяч рабочих по всей России. Какой-то кошмар навис над страной.

Но действительно великие силы таились в рабочем классе. Оправившись от первых поражений, кое-как залечив раны, он снова и снова берется за борьбу, обогащенный опытом великих дней. Он борется за организацию массовых профессиональных союзов, развернув громаднейшую работу в этом направлении. Рост профессионального движения—основной тон движения. И если мы вспомним, что карательные экспедиции и прочие реформы правительства не давали возможности развернуть рабочим в широком масштабе политическую организацию, то мы согласимся, что профессиональная организация была единственной формой массового движения рабочего класса. Инстинкт самоорганизации и уроки прошлого толкали как-раз в эту сторону. Вырвав закон 4-го марта о профессиональных союзах [174]), пролетариат использовал его блестяще в целях своей организации.

Волны стачечного движения, стихийно проходящего и руководимого профессиональными союзами, все сильнее хлестали по России, внося все новое и новое оживление в рабочие круги, поднимая настроение, вовлекая отсталых в борьбу, втягивая их в организацию. Силы росли, и таяло оцепенение последекабрьских дней.

Избирательная думская кампания застала пролетариат за укреплением своих позиций, за борьбой за свое экономическое положение. Обаяние октябрьских событий, вера в то, что пролетариат все может, что только он сила, а все остальные слои русского общества—бессильны, еще раз сказались в бойкоте избирательной кампании. Бойкот не прошел целиком по всей России, он раздробил пролетариат, оторвал его от связи с другими революционными силами России, помешал его организации вокруг самостоятельного представительства в Думе с самого начала ее.

Но эта ошибка была быстро понята рабочим классом. Появление в Думе рабочей группы; ее первые шаги, борьба Думы с правительством немедленно привлекли к себе внимание широких масс. Усложнение же политического положения, выступление на сцену ряда сплоченных политических партий буржуазии, появление крестьянского представительства заставили пролетариат тщательнее и более трезво оценивать свои и чужие силы. Упорная экономическая борьба с хозяевами, очищение своих рядов от черносотенных элементов, борьба за профессиональные союзы и, наконец, упрочение связи с рабочей фракцией—вот богатое содержание жизни рабочих масс за период Думы. И в сущности, профессиональные союзы были не только органами, руководившими борьбой рабочих за улучшение экономического положения. Одновременно, это были политические клубы, где раздавалось смелое слово борьбы и обличения, куда сходился весь цвет рабочего движения. В дни полулегального существования, в дни Думы, профессиональные союзы сыграли огромную роль в деле политического пробуждения и воспитания пролетариата. Отсюда-то и ненависть к ним правительства.

Сотни горячих резолюций, десятки и сотни митингов по всей России с приговорами и адресами для с.-д. представительства рабочих показали настоятельную потребность пролетариата сплотиться вокруг Думы, его желание поддержать ее борьбу против правительства. Уже на местах создавались организации пролетариата, связывавшиеся с думской рабочей группой, уже подготовлялась массовая всероссийская организация рабочего класса. И, на ряду с этим, упрочились и возникали вновь советы безработных [175])

руководившие их борьбой, об'единявшие тысячи рабочих, ведшие определенную кампанию.

Так исправлял пролетариат те ошибки, которые были невольно допущены в октябрьские дни, так пополнял он недостатки своей организации. Правда, оп не смог наверстать всего потерянного: связь с Думой, понимание ее важности в борьбе за свободу еще не проникли достаточно прочно в сознание масс. Вот почему, отчасти, на разгон Думы он ответил частичным лишь протестом. Но это было так и потому, что, наученный горьким опытом декабря, пролетариат не хотел изолированных выступлений, не хотел выступать вне связи с другими народными силами.

Пусть нет веры в возможность одним ударом (как в это верили в славные октябрьские дни) покончить с врагом, зато есть ясное понимание задач и правильная оценка своих сил,—а это необходимые условия победы.

МАСКА СОРВАНА.

(«Курьер» № 22, 1906 г.).

В заседании Думы 8 июня [176]) перед лицом всей России, всего мира сорвана маска с тех, кто своим «управлением» позорит родную страну. Подавляющим фактическим материалом доказано, что это они из «недосягаемых сфер» направляют деятельность разных Горемыкиных [177]) и Витте [178]), что это они, через посредство черносотенных чиновников, ведут систематическую вооруженную войну против честных граждан. Перед лицом мира нынешняя власть предстала в образе чудовища, по-шею утопающего в народной крови и готового в каждую минуту снова повести хулиганские толпы на мирных обывателей.

Жандармские герои, печатающие на тайных станках прокламации, призывающие к погромам и раздающие громилам оружие; полицейские, организующие черную сотню, губернаторы, высылающие солдат расстреливать самооборону; прокуроры, прикрывающие все эти преступления, и министры, представляющие преступников к награде,—вот кто составляет то, что носит горделивое имя: «русское правительство». Дума обнажила этот факт от всяких покровов и, если бы она даже попыталась впоследствии накинуть новый плащ на тело «русской государственности», ей не удастся изгладить первого впечатления, которое огненными буквами врежется в душу каждого гражданина: «нами управляют отпетые разбойники».

Маска сорвана. Теперь не только революционный авангард народа, теперь весь народ знает, что нужно сделать в первую голову.

Власть должна быть вырвана из этих окровавленных рук.

Власть должна быть вырвана, и первый и очень важный шаг в этом направлении может быть сделан еще прежде чем произойдет то, что принято называть «активным выступлением».

Госуд. Дума потребовала назначения ответственного министерства. Если правительство уступит Думе, тем самым еще не будут выбиты из-под ног черносотенной камарильи **все** опоры ее могущества. Но в стане врагов народа дело свободы будет обладать одной позицией и из этой позиции можно будет обстреливать неприступные теперь твердыни.

Добиться думского министерства—значит вбить клин в твердыню абсолютизма, значит вызвать самую острую борьбу за власть между буржуазными и мелкобуржуазными элементами общества, с одной стороны, и правящей реакцией—с другой. А от сознательности и упорства революционного народа будет зависеть, пользуясь этой острой борьбой, дальнейшим давлением вбивать клин все глубже и глубже и не давать этой борьбе закончиться каким-нибудь жалким соглашением.

Вопрос стоит теперь так: скоро правительству не останется другого выбора, как или совершить государственный переворот, разогнать Думу и об'явить военную диктатуру, или же начать делать уступки думскому большинству. Но с каждым днем шансы государственного переворота все более падают, и тревога, и неуверенность, сказавшиеся и в думских речах Столыпина [179]), все более охватывают правительство при мысли о

такой развязке. Известия о настроении в войсках, несущиеся со всей России, докончат то, что начало давление царей международной биржи. Скоро и сами всесильные Треповы [180]) должны будут сказать себе: «слишком поздно».

Дело организованного пролетариата напрячь теперь все силы, чтобы втянуть самые широкие народные массы в поддержку требования об ответственном министерстве, чтобы ускорить начало развязки. И пусть не смущаются рабочие тем, что за это требование стоит либеральная буржуазия. Либеральная буржуазия надеется, что думское министерство остановит развитие революции. Мы же знаем, что ответственное министерство с первых же дней станет перед неотложной задачей раскрытия во всех подробностях всех преступлений чиновников, перед задачей **разоружения** правительственной черной сотни. Мы знаем, поэтому, что став у власти, либеральное министерство не сможет, если бы и захотело, стать на путь реакции, на котором ему будет угрожать месть неумолимой камарильи. Стало быть, нам нечего бояться толкать либеральную буржуазию к власти. И нельзя нам отказываться от поддержки революционного, по существу, шага Думы только на том основании, что некоторые социалисты-революционеры и перекинувшиеся на их сторону «большевики» построили в своих головах совсем хороший «план»—обойти либералов и, не дав им дойти до власти, сразу на месте самодержавия путем «активного выступления» водрузить «диктатуру пролетариата и революционного крестьянства».

План этот был бы, быть может, совсем хорош, если бы... если бы «революционное крестьянство» **уже** имелось налицо в качестве внушительной силы. К сожалению, этого нет, хотя и крестьяне революционизируются с каждым днем деятельностью «кадетской» Думы: подавляющая масса крестьян о восстании, направленном к завоеванию власти, не хочет и слышать и пока еще пролетариата на этом пути не поддержит. Но и эта масса пойдет за Думой, чтобы вырвать власть из рук камарильи.

Большой грех перед пролетариатом совершают те товарищи, которые говорят ему неправду о «революционном крестьянстве», якобы готовом итти теперь же «мимо Думы». Это такая же неправда, как и та, которую те же товарищи говорили в марте, когда убеждали, что крестьяне будут бойкотировать выборы.

Кто хочет обособить пролетариат от движения всего народа, тот пусть ведет борьбу против требования ответственного министерства. С ними нам не по дороге.

ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА ДУМЫ.

(Л. М.—«Невская Газета» № 9, 1906 г.).

На-днях, по поводу внесенного в Думу законопроекта по аграрному вопросу,[181]) мы указали, что самым правильным путем в этом вопросе будет для Думы немедленное образование в волостях и уездах комитетов, избранных всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, для подготовки земельной реформы. Участие таких демократически организованных комитетов в подготовке решения земельного вопроса явится поправкой к нынешнему положению дел, когда от имени народа может в этом деле говорить только Дума, отнюдь не являющаяся правильно избранной представительницей всего народа.

Будучи необходимым для подготовки земельной реформы, образование таких волостных и уездных комитетов может иметь громадное значение и в политическом отношении. Приступив к созыву сельских комитетов, Дума начала бы работу по организации вокруг себя народных масс. А эта организация является главным делом, которое Дума могла бы и должна выполнить.

Все те политические задачи, которые ставит себе Дума, встречают яростное противодействие со стороны реакции. Сломить это противодействие может только организованная сила. Такая сила должна быть подготовлена, ее организация должна создаваться и развиваться на живом деле содействия Думе в решении или подготовке к решению основных вопросов русской жизни.

В настоящее время Дума опирается на явное сочувствие многих миллионов граждан. Но эти миллионы, в силу проклятых условий русской жизни, разрознены, не организованы, а потому и не могут действовать планомерно и решительно когда в этом представится

надобность. Реакция постарается использовать такое положение дел в своих выгодах, и от нее потребуется только «быстрота и натиск», чтобы разогнать Думу, прежде чем народ сможет организованно и солидарно дать ей отпор.

Правительство энергично мобилизует свои силы. Если Дума понимает неизбежность конфликта и не хочет висеть в воздухе, она должна приступить к мобилизации тех сил, которые в настоящее время стоят или могут стать за нею.

Организация сельских комитетов для рассмотрения земельного вопроса является особенно важной потому, что в земельном вопросе заинтересована громадная масса крестьянства. Но рядом с этой организацией Дума должна была бы создавать и иные формы организации общественных сил в связи с насущными вопросами жизни, обсуждаемыми в Думе.

В Думу уже внесен запрос о действиях департамента полиции по организации черносотенных погромных шаек и о произвольных арестах по всей России. Через месяц министр внутренних дел должен будет дать свое об'яснение на этот запрос, но от этого об'яснения нельзя ждать ничего путного, в виду того, что положение о Думе превращает столь важное в парламентских странах право запроса в чистейшую комедию. Для того, чтобы пользование этим правом в данном случае имело не только агитационное значение, Дума должна образовать из своей среды комиссию для подробного расследования всех подвигов правительственных агентов как по части подготовки погромов, так и по части массовых арестов, экзекуций, карательных экспедиций и тому подобных проявлений «белого террора». Такая комиссия, в свою очередь, связалась бы тысячами нитей с организациями граждан, могущими помочь ей в раскрытии темных дел бюрократии.

Не может государственная Дума пройти и мимо вопроса о безработице и голоде, столь остро волнующих теперь пролетариат и разоренное крестьянство. Но как и в прочих областях, так и здесь Дума в нынешнем своем положении не может оказать непосредственную помощь жертвам безработицы и голода. Она не имеет ключей к казенному сундуку, не может организовать общественные работы, не может организовать на правильных началах помощь голодающим в городе и деревне. Она может только требовать у правительства помощи безработным и голодным, но правительство, готовясь к войне с Думой, вовсе не будет склонно удовлетворять такие требования.

Думе остается одно—содействовать демократической организации рабочих и крестьян в целях борьбы с безработицей и последствиями голода. Такая организация уже сама, путем давления на органы нынешней власти, сможет добиться того, чтобы государство пришло на помощь голодающим и безработным. Государственная же Дума взяла бы на себя, таким образом, почин в организации народных масс.

Буржуазная печать горько жалуется на то, что народ недоволен медленностью работ Думы. Она старается показать вид, будто народ жаждет от Думы чудес, будто он ропщет на то, что через 2 недели после открытия Думы, весь правительственный гнет остался непоколебленным. Ошибаетесь, господа! Сознательная часть народа, выражающая недовольство, никаких чудес от вас не ждет! Лучше вас она знает, что не от ваших труб падут стены самодержавия! Негодуют не на то, что мы еще не свободны, а на то, что до сих пор вы не усилили позицию классов, борющихся за свободу! А усилить эту позицию—в вашей власти! Надо только Думе приступить к делу организации народных масс, и делать это дело в возможно широких размерах! Пусть народ увидит, что вы способны не только стучаться в закрытые наглухо двери, но и помогать ему сколотить тот таран, которым эти двери, в конце-концов, будут открыты!

ПРОЛЕТАРИАТ В РЕВОЛЮЦИИ *).

(Череванин—«Борьба общ. сил в русской революции»).

От 17-го октября до декабрьского восстания.

Октябрьская забастовка не привела и не могла привести к полному крушению старой власти, но она принесла с собой существенные уступки освободительному движению.

*) В. Горн, В. Мечь и Череванин—«Борьба общественных сил в русской революции», выпуск II, 1907 г.

Должен ли был пролетариат использовать эти уступки для дальнейшего развития революции? Независимо от свобод, которые пролетариат, конечно, мог и должен был использовать для дальнейшей борьбы, вопрос стоял таким образом: что должно быть ближайшим этапом революции—**Учредительное собрание, созванное революционным путем, или Дума, созванная старой властью?**

То, что старая власть обязалась созвать парламент, не значило, что у нас уже есть конституция, но парламент, раз он был бы созван, раз он вышел бы из недр населения, не мог не стать органом борьбы с силами старого общества. Буржуазия и значительная часть интеллигенции могли питать «бессмысленные мечтания», что вместе с созывом Думы закончится революция, но социал-демократия не могла так смотреть на Думу и ей не было оснований опасаться Думы. Она должна была посмотреть на Думу с совершенно иной стороны, **со стороны организации и вовлечения в более сознательную политическую жизнь крестьянства.** Ничто лучше не могло способствовать выполнению этой задачи, как выборная кампания среди крестьян и затем борьба Думы с правительством. Эта борьба была неизбежна. Дума не могла стать ареной соглашения между крестьянством и представительницей интересов дворянства, бюрократией, в виду полной непримиримости их интересов. Неизбежно должны были столкнуться с бюрократией и те слои населения, которые под давлением крестьянского движения пришли к сознанию необходимости серьезных уступок этому движению, а к числу таких слоев принадлежали— и масса интеллигенции, и более образованная часть буржуазии и дворянства. Все это говорило за то, что Дума, созываемая старой властью, не могла не стать органом борьбы с этой властью, а следовательно, и этапом революции. Какие же шансы были в этот момент за то, что непосредственным этапом революции станет Учредительное собрание, созванное революционным путем? Никаких.

Крестьянство волновалось; под влиянием пролетарского движения волнения его принимали более широкий и интенсивный характер, но оно продолжало оставаться стихийной революционной силой; стремясь уничтожить помещиков, оно тем самым посягало на бюрократию и даже на монархию, но связь между помещичьим господством и остальными силами старого общества для него оставалась неясной.

Как стихийная революционная сила, лишенная политической сознательности, крестьянство в этот момент не могло быть надежным союзником в восстании; будучи же монархическим по своим чувствам и убеждениям, оно при серьезных попытках свергнуть монархию могло легко стать контр-революционной силой, поднявшись на почве тех или других лживых обещаний против революционного города.

Революционное брожение города и деревни не могло не отражаться на войске, но, вследствие крайней затрудненности среди войска прямой пропаганды и агитации, воздействие революции на войско носило еще более неопределенный характер, чем воздействие ее на крестьянство. Отдельные солдатские бунты, возникавшие то там, то здесь, обыкновенно на почве чисто солдатских требований, оставляли очень слабый след в войске и те же солдаты, которые вчера волновались, сегодня выступали в качестве зверских усмирителей. Более серьезное революционное настроение создавалось среди тех слоев войска, в которых были сильно представлены городские элементы, как-то среди саперов, моряков. Но главная масса войска,—пехота, состоящая из крестьян, оставалась послушным орудием в руках правительства.

* *

Оставался только рабочий пролетариат; его только можно было надеяться увлечь на путь восстания, но сам по себе он был совершенно бессилен нанести смертельный удар старой власти.

Вот каковы были те об'ективные условия, которые властно диктовали пролетариату, под угрозой остаться изолированным, не стремиться сейчас же после манифеста на почву восстания, на которой могло ожидать только поражение, а опереться на то, что завоевано, на Думу, с тем, чтобы ее сделать основой для дальнейшей революционной борьбы.

В октябре правительство почувствовало себя вынужденным уступить, благодаря единодушию городского движения; та борьба, которая могла разгореться на почве Думы,

могла поставить всю страну в неразрешимый конфликт со старой властью и привести к ее полному падению. Но такой реалистической постановке вопроса мешала масса условий. Прежде всего все, что было обещано манифестом, казалось чем-то эфемерным,—сегодня оно обещано, завтра оно могло быть взято назад. В деятельности правительства не было никакой последовательности: первые же дни свободы сопровождались погромами[182]), явно инспирированными из Петербурга. Правительство допускало неограниченную свободу и в то же время совершало акты самого грубого произвола в роде ареста представителей крестьянского союза [183]), или об'явления всей Польши на военном положении [184]).

Но, на самом деле, на что это указывало? Только на то, что революция еще не кончилась, что она продолжается. Вполне устойчивый конституционный порядок означал бы, что революция достигла всего, чего она могла достигнуть, что она ликвидирована. Но среди революции были элементы, которые и после манифеста не отказались от мысли о полном свержении старой власти, а среди бюрократии и дворянства были элементы, неспособные примириться и с теми уступками, которые были сделаны. Шаткость и непоследовательность в действиях правительства были при таких условиях неизбежны, но они ни в каком случае не превращали завоеваний 17 октября в мираж. Не было никаких оснований думать, что правительство посмеет отказаться от созыва Думы, лишить ее законодательных прав, не привлечь к выборам в нее пролетариат и интеллигенцию, а напротив были все основания ожидать, что на почве организации общественных сил можно принудить правительство пойти дальше по пути уступок, введя четырехчленную формулу при выборах в Думу.

И поэтому совершенно неправильно умалялась только-что одержанная победа в «Известиях Совета Рабочих Депутатов», когда вскоре после манифеста они писали: «Дана конституция, но оставлено самодержавие. Все дано и не дано ничего» [185]).

Но помимо ложной оценки достигнутых результатов, мысль пролетариата и социал-демократии толкали совершенно в другую сторону: и революционное возбуждение, явившееся последствием только-что пережитой забастовки, и широко разлившееся под явным ее влиянием движение среди крестьян, охватившее 26 губерний, и ряд волнений среди войска (в Севастополе, Кронштадте, Киеве, Екатеринодаре, Новороссийске, Харькове). На почве революционного возбуждения все известия о волнениях, кроме того, страшно раздувались и, например, мирная демонстрация саперов в Киеве, окончившаяся их разгромом, в Петербурге принимала характер настоящего восстания, Киев оказывался «в руках восставшего народа» (см., напр., «Начало» № 8). Дума затем, которая могла бы явиться всенародной организацией и сгруппировать вокруг себя широкую массу населения, оставалась где-то в туманной дали, а вместо нее непосредственно из октябрьской забастовки вышла чисто рабочая массовая организация—петербургский Совет Рабочих Депутатов. Не было Думы, в которой различные классы могли бы вести свою политику, не было и общерабочего представительства, в котором всероссийский пролетариат мог бы выразить свою волю; на авансцену выступил петербургский пролетариат, наиболее передовой, наиболее развитой, по крайней мере среди русского пролетариата, и создал свое массовое правительство, свой рабочий парламент. Совет Рабочих Депутатов, имея за собой октябрьскую забастовку и вокруг себя возбужденный и готовый к революционной борьбе пролетариат, становился перед лицом растерявшегося правительства из органа борьбы до известной степени органом власти. Правительству приходилось его терпеть, считаться с ним и с его постановлениями, вступающими сплошь и рядом в самое резкое противоречие с видами и распоряжениями полиции. Витте, например, предлагает журналистам считаться до выхода законов о печати с цензурой, Совет Рабочих Депутатов постановляет, что рабочие будут работать в типографиях только тех газет, которые будут выходить без всякой цензуры, и постановление Совета строго соблюдается. Еще до манифеста был опубликован закон о собраниях, по которому на всех публичных собраниях должна присутствовать полиция; Совет Рабочих Депутатов постановляет не допускать на собрания полиции и сам собирается открыто при громадном стечении народа без полиции. Полиция борется за свое право присутствовать на собраниях, врывается на собрания, распускает их, но перед дверьми Совета и она останав-

ливается, не решаясь посягнуть на рабочий парламент. Исключительное положение, которое занял Совет Рабочих Депутатов, отсутствие рядом с ним других достаточно влиятельных общественных организаций влекли пролетариат Петербурга, а за ним и других городов, создававших тоже свои Советы Депутатов, к явной переоценке в этот момент сил пролетариата и революции. Содействие в этом направлении оказывал и крестьянский союз, вскоре после 17 октября организовавший свой с'езд. Его влияние на крестьянство было достаточно ничтожно и, конечно, ни в какое сравнение не шло с влиянием петербургского Совета на петербургских рабочих, но, выступая от лица крестьянства, он шел навстречу тому настроению, которое создавалось у пролетариата. Не от лица, конечно, массы невежественного и политически неразвитого крестьянства, а от лица небольших сознательных кучек его, попавших под влияние эсеров, крестьянский союз постановил «считать врагами народа всех участников на выборах в государственную Думу и выбирать только в Учредительное собрание, открыть для этого широкую агитацию». Это классическое постановление выражало настроение не только крестьянского союза, но и массы пролетариата, шедшей за социал-демократией.

Дума для социал-демократии и петербургского Совета Рабочих Депутатов не существовала. Прошлая булыгинская Дума была сметена забастовкою, новая обещанная Дума должна быть сметена восстанием. После декабрьского поражения перед социал-демократической партией встал вопрос бойкотировать или не бойкотировать Думу; в дни свободы, в октябре, ноябре, даже вопроса о Думе не существовало. Смелой фантазией вождей пролетариата она была обречена на-смерть раньше, чем она родилась.

* *
*

Итак, смелой рукой был начертан один прямой путь революции—к непосредственной революционной схватке со старой властью, к свержению ее путем восстания. Никаких промежуточных этапов! Представительное собрание может быть допущено только то, какое будет созвано самим революционным народом после свержения старой власти; всякий, кто идет или желает итти в Думу, созываемую правительством, становится в контрреволюционные ряды, в ряды изменников народа, предателей революции. Та свобода, которая была завоевана в октябре, должна быть использована в целях широкой пропаганды идеи восстания. И эта пропаганда, можно сказать, повисла тогда в воздухе. «Совет,—говорит тов. Звездин [186]) («История Совета Рабочих Депутатов»),—подготовлял вооруженное восстание всей своей агитацией и всей своей организацией. Во всех руководящих статьях «Известий Совета Рабочих Депутатов», почти во всех его резолюциях и воззваниях, в речах его ораторов на заседаниях Совета, в районных собраниях депутатов на фабрично-заводских и иных митингах красною нитью проходит мысль о неизбежности вооруженной борьбы с самодержавием».

Можно было бы поставить вообще вопрос, имеет ли какое-нибудь значение пропаганда восстания. Восстание до сих пор везде и всегда, где оно возникало, возникало в качестве стихийного народного взрыва на почве крайне обострившихся противоречий. Восстание для народа всегда и везде является крайним средством, он не готовится к нему заранее и хватается за него только в порыве крайнего возбуждения или отчаяния. Но пропаганда восстания в дни свободы носила скорей характер призыва к восстанию, чем подготовки его в более или менее отдаленном будущем. Уступки правительства отвергались даже в качестве временного перемирия. Дума правительственная трактовалась как нелепое измышление, которое перерос уже народ, люди, желавшие использовать эту Думу, об'являлись предателями. Общественная сила, ставшая в такое положение к правительству, должна была готовиться к немедленной схватке с ним, так как ясно было, что правительство не станет дожидаться того момента, когда восстание будет подготовлено, а постарается вызвать решительное сражение с своим врагом раньше.

* *
*

Теперь посмотрим, как **действовал** в это время пролетариат, как действовала его массовая организация—Совет Рабочих Депутатов.

Официально будучи беспартийной организацией, Совет Рабочих Депутатов фактически имел ярко социал-демократический характер.

Он был реализацией социал-демократического влияния и социал-демократической работы среди петербургского пролетариата. Огромное большинство депутатов открыто примыкало к социал-демократической партии.—Среди социал-демократической пропаганды видное место занимал всегда 8-часовой рабочий день. Так называемый III с'езд социал-демократической партии, сорганизовавший большевистскую партию, высказался за введение 8-часового рабочего дня захватным путем [187]). Эта идея пользовалась большой популярностью и среди меньшевиков. Это—была несчастная идея, которая ничего кроме вреда революции принести не могла. Одно из двух: или борьба заканчивается полной победой революции, создается демократический орган власти и тогда 8-часовой рабочий день может быть проведен государственным путем, или борьба еще не кончена и тогда осложнять ее такой крупной схваткой с капиталистами, какой не могло не стать насильственное введение 8-часового рабочего дня, значило только ослаблять силы революции, значило уменьшать шансы на победу.

То исключительное положение, в котором очутился Совет Рабочих Депутатов после 17 октября, налагало на него и на руководившую им социал-демократию особенно сильную ответственность и должно было побудить их с особенной осторожностью отнестись к такой мере, как введение захватным путем 8-часового рабочего дня. Можно было заранее предвидеть, что насильственное установление 8-часового дня встретит отчаянное сопротивление со стороны капиталистов, что борьба с ними на этой почве бросит их в об'ятия реакции, что она усилит позицию правительства, что пролетариат рискует растратить в этой борьбе массу сил, имея очень слабые шансы одержать в ней победу. Хрусталев [188]) в своем интересном очерке отмечает, что низы пролетариата чувствовали сильное тяготение к захвату 8-часового дня. Это было более чем естественно после всей той агитации, которая велась за 8-часовой рабочий день, но вожди пролетарской массы, ее сознательные элементы, существуют не для того, чтобы слепо следовать за настроением массы.

«Революционный путь завоевал свободу стачек, собраний, свободу слова. Почему этим путем не завоевать восьмичасовой день?»—Так формулирует Хрусталев настроение, широко распространенное тогда среди рабочих. Необходимо было самым энергичным образом восстать против такого настроения, необходимо было провести резкую разницу между борьбой за свободы и борьбой за 8-часовой день, необходимо было указать пролетариату, раз'яснить его широкой массе, что в борьбе за свободу он имел на своей стороне все производительные классы населения, в том числе и своего врага буржуазию, а борьбу за 8-часовой рабочий день ему придется вести одному, без особых надежд одержать победу, и с большими основаниями способствовать образованию союза между своими врагами—правительством и капиталистами.

Но, к сожалению, это безумное настроение, которое роковым образом подействовало на дальнейшую борьбу пролетариата, не встречало противников. Революционное возбуждение совершенно затемняло в этом момент сознание вождей пролетариата, делало их совершенно неспособными руководиться в своих действиях правильным анализом соотношения общественных сил.

29 октября ночью Совет декретировал введение восьмичасового рабочего дня. Декрет решено привести в исполнение с 31 октября.

* *

В то же время резко изменилось политическое настроение капиталистов; насильственное введение 8-часового рабочего дня бросило их в об'ятия реакции. Во время октябрьской забастовки, как мне уже приходилось указывать, капиталисты выдавали рабочим заработную плату и не препятствовали митингам. «За стачку никто не был расчитан. На Путиловском и других заводах фабричная администрация выплачивала депутатам Совета заработок полностью в те дни, когда они были заняты на заседаниях Совета. Администрация Обуховского завода предупредительно предоставляла депутатам Совета заводский пароход для поездок в город». Теперь положение круто изменилось. Капиталисты обратились за содействием к правительству. «На заводы были командированы войска. Митинги запрещены. На фабрике Максвеля у депутата Совета были отобраны ключи от

фабричного помещения, в котором устраивались митинги. На картонажной фабрике «Прогресс» на требование рабочих отвести помещение под митинг, хозяин ответил: «Митингов не будет. Вы задаетесь очень высокими политическими целями. Насильно вводите восьмичасовой рабочий день» (История Сов. Раб. Деп., с 127—129).

Борьба за немедленное введение 8-часового рабочего дня принимала явно безнадежный характер. До 100 тысяч рабочих в результате этой борьбы оказались выброшенными на улицу. После долгих колебаний Совет Рабочих Депутатов вынужден был признать «необходимым временно приостановить немедленное и повсеместное захватное введение 8-часового рабочего дня». Вслед за тем Совет Рабочих Депутатов постановил, чтобы «все закрытые заводы были немедленно открыты и все рассчитанные товарищи приняты обратно на свои места», и для поддержания этого требования постановил «обратиться к солидарности всего российского пролетариата и, в случае отказа в выполнении требования, призвать его к всеобщей политической забастовке и другим видам решительной борьбы».

Положение Совета Рабочих Депутатов принимало явно трагический характер. Из организации боевой, совершающей наступление на врагов, он превращался в организацию оборонительную. Деятельность его привела не к под'ему петербургского пролетариата, не к новым победам и завоеваниям, а к поражению, к резкому и сильному ухудшению его положения. Теперь уж приходилось не только отказываться от таких смелых попыток, как введение захватным путем 8-часового рабочего дня, приходилось всеми силами бороться за возвращение пролетариата к тому положению, в котором он находился непосредственно после ликвидации октябрьской забастовки. Вместе с завоеванным на мгновение 8-часовым днем пролетариат терял и те частичные завоевания, которые ему удалось получить в отдельных предприятиях. Капитал смело наступал и, чтобы привести рабочих к покорности, не спешил открывать заводы, несмотря на декреты и угрозы Совета. Совету приходилось превращаться до значительной степени в организацию помощи рабочим, пострадавшим от той деятельности, которую они совершали под его руководством. Из 30 тыс. своих денег 10 тыс. пришлось израсходовать на столовые для безработных.

* *
*

Декабрьская забастовка начиналась совершенно иначе, чем октябрьская. Октябрьская началась в качестве демонстрации, и капитуляция правительства была ее непредвиденным результатом. Декабрьская забастовка об'являлась в качестве решительной схватки с правительством, как забастовка, которая должна стремиться к переходу в вооруженное восстание. В Москве даже прямо было принято решение—об'явить в Москве с 12 час. дня 7 декабря всеобщую политическую стачку и **стремиться перевести ее в вооруженное восстание**[189]). Фактически таким образом об'являлась не забастовка, а вооруженное восстание. Эту забастовку-восстание об'явили четыре организации: Петербургский и Московский Советы Рабочих Депутатов, конференция представителей железных дорог и почтово-телеграфный с'езд.

Ошибочно ли поступили эти организации, решаясь на забастовку? На этот вопрос нельзя ответить ни да, ни нет, так как самое забастовку нельзя брать вне связи со всем предыдущим движением пролетариата. Это движение предопределило декабрьскую забастовку, и вопрос поэтому необходимо перенести дальше: правильна ли была та позиция, которую занял сознательный пролетариат и его главная и передовая организация, Петербургский Совет Депутатов, после 17 октября.

Мы уже ответили на этот вопрос в начале настоящей главы: позиция была глубоко неправильна. Может быть она была неизбежна, может быть при полном противоречии поведений правительства и революционном настроении пролетариата всякая другая позиция в этот момент была немыслима. Но это нисколько не меняет об'ективного вывода: пролетариат мог притти к победе, только сделавши Думу опорным пунктом для своей дальнейшей борьбы. Только посредством Думы, через Думу он мог достигнуть той идейной и организованной связи с крестьянством и армией, при которой могло быть

подготовлено полное низвержение старой власти и проложен путь к полному народовластию.

То, что Дума была только обещана, нисколько не исключало необходимости сделать ее опорным пунктом. Пролетариат должен был требовать скорейшего созыва Думы, он должен был настаивать на расширении избирательных прав вплоть до полного осуществления четырехчленной формулы при выборах в Думу. В этих своих требованиях он нашел бы тогда общую почву с другими слоями населения, для концентрирования давления на правительство и, держа правительство в прежнем изолированном состоянии, мог бы принудить пойти на эти уступки. Но если бы ему и не удалось добиться расширения избирательного права до четырехчленной формулы, то его организованная деятельность сделала бы во всяком случае необходимым созыв Думы на основании того избирательного закона, который был опубликован 11 декабря, а этот избирательный закон открывал широкую возможность для организации общественных сил. Но вместо того, чтобы сделать Думу опорным пунктом для своей дальнейшей борьбы, пролетариат занял позицию, при которой неизбежно было его поражение: он явно и открыто заявлял желание воспользоваться той свободой, которую он отвоевал у правительства, для того, чтобы возможно скорее подготовить вооруженное восстание и низвергнуть правительство. Эта нота в дни свободы звучала чуть не в каждой строчке выходившей тогда социал-демократической печати, она резко раздавалась на всех рабочих собраниях.

Для бюрократии и монархии становилось ясным, что если они не желают добровольно итти к погибели, а желают закончить революцию, сохранивши свое существование, им необходимо предварительно раздавить пролетариат, как силу, с которой у них не может быть никакого мира.

Всеми своими действиями петербургский пролетариат и его Совет настойчиво будили это сознание у правительства. Во имя вооруженного восстания, для того, чтобы подготовить этому восстанию поддержку солдат, петербургский пролетариат, не успевши оправиться от ряда пережитых забастовок, бросился в новую, чтобы защитить восставших матросов от расправы правительства [190]). Борьбу с правительством за армию он ставит открыто своим лозунгом и, под угрозой вырвать главную опору из-под ног правительства, толкает его к отчаянной борьбе с собой.

Изнемогая в борьбе с соединенными силами правительства и капиталистов, ответившими локаутом на его попытки насильственно ввести 8-часовой рабочий день, петербургский пролетариат в лице своей организованной силы, Совета, продолжает всем, чем может, вредить правительству. Как-будто специально для того, чтобы обострить положение и ускорить взрыв, почтово-телеграфный союз в это время об'являет забастовку, расстраивающую административный механизм правительства [191]).

Совет депутатов не мог, конечно, не поддерживать эту забастовку всеми имеющимися у него средствами, раз она возникла, но совершенно легкомысленным поступком, стоящим в полном противоречии с ослабленными силами петербургского пролетариата. В этот момент следует признать призыв исполнительного комитета к бойкоту государственных сберегательных касс [192]).

Когда затем правительство отвечает на это арестом Хрусталева, Совет депутатов единогласно принимает вызывающую резолюцию, в которой заявляет о своих приготовлениях к вооруженному восстанию. Рядом с этим вместе с Крестьянским Союзом и центральными комитетами социалистических партий он опубликовывает манифест, призывающий к податному и финансовому бойкоту правительства, и под его давлением этот манифест печатается во всех прогрессивных газетах.

Вся эта деятельность Совета депутатов, являясь несомненным вызовом по адресу правительства и происходя на фоне непрекращающегося брожения среди крестьянства и армии, заставляла правительство торопиться и выдвигала перед ним задачу—вызвать неизбежную схватку с пролетариатом раньше, чем революционный пожар овладеет его главной опорой—армией. И в последний момент правительство своими репрессивными мерами явно имеет целью не предотвратить, а провоцировать восстание с тем, чтобы, раздавивши его, оборвать угрожающий ему революционный процесс.

С другой стороны, пролетариату в этот момент уже было трудно избежать тех провокационных сетей, которые ему расставляло правительство. Не отвечать на репрессивные меры правительства, на арест Совета депутатов?

Но в виду того вызывающего положения, которое Совет занял по отношению к правительству, в виду того крайне преувеличенного представления о силах пролетариата и бессилии правительства, которое он вызывал своей деятельностью, не значило ли бы это демонстрировать перед правительством полное бессилие революции и проложить этим дорогу безграничному разгулу реакции? В случае отсутствия ответа на меры правительства перспектива будущего рисовалась в достаточно мрачном свете, а мираж революционной силы пролетариата, создавшийся в дни свободы, звал к борьбе, манил надеждой победы.

Весь предыдущий революционный процесс толкал, таким образом, революционный пролетариат к тому, чтобы принять вызов правительства. В то же время забастовка, только как забастовка, теряла в этот момент всякое реальное значение. Правительство в этой борьбе не могло уступить, так как уступить врагу, явно и открыто подготовлявшему его гибель, значило бы подписать себе самому смертный приговор. Правительство само поэтому было заинтересовано в том, чтобы забастовка перешла в восстание, чтобы возможно беспощаднее расправиться с своим врагом. И бессмысленные и жестокие действия Дубасова [193]) в Москве в самом начале явно обнаруживали эти провокационные стремления правительства.

Таким образом, тот бой, который правительство навязывало пролетариату, был действительно решительным боем. Или победоносное вооруженное восстание, или поражение,—вот та дилемма, которая встала перед пролетариатом.

Вступивши в бой, пролетариат ставил очень многое на карту, но уклонившись от боя, он явно развязывал руки реакции. Пролетариат принял бой. При каких условиях?

Пролетариат в своем наступлении на врага ушел вперед от значительной части той интеллигенции, которая вместе с ним боролась в октябре, а массу буржуазии, поддержавшую октябрьскую забастовку своим сочувствием, он бросил своей деятельностью в об'ятия реакции. Сам пролетариат далеко не везде созрел для решительной схватки с правительством, а его передовой отряд—рабочие массы Петербурга—был ослаблен предыдущей отчаянной борбой с соединенными силами правительства и буржуазии. Брожение среди крестьянства и армии рисовало, правда, заманчивые перспективы, но путем страшного поражения сознательному пролетариату пришлось убедиться, что политически воспитать и мобилизовать для революции невежественную и некультурную массу крестьянства и армии нельзя в течение месяца свободы.

ПОСЛЕ ДЕКАБРЬСКОГО ПОРАЖЕНИЯ.

Октябрьская победа поставила, как мы уже говорили, перед пролетариатом вопрос: что должно быть ближайшим этапом революции—Учредительное собрание, созванное революционным путем, или Дума, созванная старой властью. Сознательный пролетариат ответил на этот вопрос—«Учредительное собрание, созванное революционным путем», и начал развивать деятельность, неизбежным результатом которой явилось декабрьское поражение. Декабрьское поражение показало несостоятельность позиции, занятой сознательным пролетариатом. В декабре не было дружного натиска массы населения на силы старого режима; даже передовой городской пролетариат не удалось весь мобилизовать для этой цели, даже он действовал недружно; сочувствие, которым дарила борьбу дружинников масса московского населения, обязано было скорей диким, бессмысленным действиям Дубасова, чем определенному революционному настроению; масса городского населения в остальной России относилась индиферентно, а значительная ее часть—прямо враждебно к движению пролетариата, крестьянство в своей массе осталось чуждо этому движению, а армия в своем большинстве оказывалась верным оплотом старой власти и самым зверским образом расправлялась с революционерами. Революция, своим движением расшатавшая старый режим, оказалась еще поразительно

слабой перед задачей полного ниспровержения этого режима, она оказалась бессильной вырвать власть у бюрократии.

Декабрьское движение показало, что только незначительная часть населения не желает итти ни в какие сделки, ни в какие компромиссы со старой властью. Сознательному пролетариату оставалось, таким образом, занять по отношению к остальной массе населения ту же позицию, которую социал-демократия заняла перед 9-м января по отношению к массе петербургского пролетариата.

Петербургская социал-демократия в январе 1905 г. вступила на ту почву, на которой стоял тогда пролетариат, и стремилась двинуть пролетариат возможно дальше, довести его до возможно более резкого столкновения со старой властью. Точно так же социал-демократия и руководимый ею пролетариат во всей России должны были стать на почву уступок правительства, на почву созываемой им Думы, с тем, чтобы двигать массу населения возможно дальше по пути демократических требований и подготавливать таким образом решительный конфликт ее со старой властью. Другой почвы в этот момент не существовало для дальнейшего развития революции, но это не помешало социал-демократии по этому вопросу держаться совершенно другого мнения.

Чрезвычайно характерно для отношения социал-демократии к окружающей действительности в этот момент,—ее убеждение, что созываемая Дума окажется черносотенной. Неизбежность черносотенного состава Думы была одним из оснований тогда отказа от выборов. Тот тов. Рожков, которого мы раз уже цитировали, констатируя в «Текущем моменте» [194]) видимое поражение революции, ставит иронический вопрос: «Поражение полное, Неправда ли? Не пойти ли в самом деле в черносотенную Думу, которую правительство наполнит своими клевретами, и не взять ли на себя в ней роль мирной, легальной, донкихотствующей оппозиции, всегда безнадежной и возбуждающей жалость в друзьях и презрение в врагах?» Почему же существовало это убеждение в черносотенном составе Думы? Это убеждение обыкновенно мотивировалось простотой системой произвола, которая воцарилась при Витте—Дурново, тем давлением на избирателей, тем насилием на выборах, которых с уверенностью можно было ожидать от этих новых палачей России. Говорившие с уверенностью о черносотенном характере Думы не могли, конечно, рассчитывать на то, что масса населения станет бойкотировать выборы. Они не питали просто к ней этого доверия, они ставили ее так низко, что считали возможным для правительства путем насилия и давления лепить из нее, что угодно. Но это не мешало им в то же время эту безвольную послушную массу надеяться завтра же вовлечь в решительную схватку со старой властью. Жизнь дарила столькими неожиданностями, что совершенно несоединимые вещи очень легко соединялись в головах социал-демократов. Сегодня правительство может не только физически задавить широкую массу населения, но заставить ее путем тайного голосования отказаться от своих требований и выразить доверие своим палачам, а завтра эта масса может пойти на штурм. Третья, средняя возможность, самая, казалось бы, вероятная, что масса населения, будучи вовлечена в выборы, не может не понести туда свои кричащие нужды, свои страшные страдания, что одни сознательно, другие инстинктивно будут стремиться превратить Думу в орудие для осуществления своих желаний, эта третья возможность казалась, как-раз, представителем нашей социал-демократии наименее вероятной.

Увлеченные стремлением втянуть возможно скорее массу населения в вооруженное восстание, они создали себе нового, воображаемого врага—«конституционные иллюзии». Масса крестьянства не имела никакого представления о конституции, совершенно смутно представляла себе, что такое Дума, и чисто инстинктивно хваталась за нее, стремясь найти выход из своего отчаянного положения, а наши увлекающиеся товарищи совершенно серьезно говорили о необходимости рассеивать конституционные иллюзии, будто бы существующие у крестьянства, и во имя этой задачи звали к бойкоту Думы.

Этот практический вывод был бы нелеп даже в том случае, если бы эти «конституционные иллюзии», действительно существовали у крестьянства. Работа в Думе, столкновение на почве Думы со старой властью были бы во всяком случае лучшим средством для разрушения этих иллюзий. Но на самом деле крестьянству предстояло еще достигнуть той стадии, при которой у него могли появиться конституционные иллюзии; ему нужна

была Дума для того, чтобы от стихийной борьбы за землю и полусознательных порываний к воле перейти к организованной политической борьбе за землю и волю и проникнуться необходимостью такой борьбы. Дума была самым лучшим средством для вовлечения крестьянства и отсталых слоев пролетариата в сознательную политическую жизнь и, следовательно, лучшим средством для дальнейшего развития революции.

Этот вывод подсказывала жизнь, к нему толкало декабрьское поражение, но социал-демократия неохотно расставалась с теми революционными иллюзиями, которые создались у нее в дни свободы. Если тогда ей казалось, что так легко при крайне низком уровне развития производительных сил, при земледельческом характере России, при преобладании в населении отсталого, неразвитого крестьянства, перейти в ближайшем будущем не только к демократической республике, но и к социализму, то могла ли она так легко отказаться от возможности путем немедленного натиска низвергнуть господство бюрократии и монархии. Так или иначе, но декабрьское поражение оказалось недостаточным для того, чтобы поколебать ту позицию, на которую стали социал-демократия и сознательный пролетариат в дни свободы. Поражение в декабре было признано, как мы видели, формальным; декабрьское движение, подарившее массой неожиданностей, вызывало ожидание новых сюрпризов и казалось прелюдией к новым грандиозным событиям. То население, которое, по мнению большинства социал-демократии, стояло так низко, что из него легко было путем насилия и давления выколотить черносотенную Думу, тем не менее в самом недалеком будущем должно пойти на штурм старой власти. Дума не стоит на большой дороге революции, заявлялось тогда решительными противниками «конституционных иллюзий». Ошибки имеют свою логику. Ошибочная позиция, потерпевшая жестокое поражение в декабре, продолжала тем не менее владеть социал-демократией и привела ее к ошибочной тактике бойкота. Так называемое «меньшинство» в партии, относившееся до 17 октября более реалистически к действительности и отвергавшее бойкот даже по отношению к старой булыгинской Думе, в течение дней свободы совершенно забыло свою меньшевистскую позицию и в своем революционном полете значительно опередило даже «большинство».

В то время как большевики грезили о диктатуре в ближайшем будущем пролетариата и крестьянства, орган меньшевиков «Начало», опираясь на «элемент случайности в классовой борьбе» (?), смело выдвигал, как мы видели, в качестве перспективы современной революции диктатуру пролетариата. Декабрьское поражение подействовало отрезвляюще на многих сознательных меньшевиков, заставило заговорить в них старые меньшевистские традиции. Но революционные иллюзии настолько овладели партией, что первые шаги пробуждающегося меньшевизма были чрезвычайно робки. Меньшевики не осмелились решительно и до конца отвергуть бойкот, они выдвинули половинчатую и двусмысленную формулу—участвовать в выборах, но не затем, чтобы выбирать в Думу, а затем, чтобы образовать органы революционного самоуправления. Формула эта была совершенно безжизненна, и везде, или почти везде, где рабочая масса принимала участие в выборах, она конечно шла в них до конца. Благодаря своей безжизненности, формула эта не могла конкурировать с проповедью последовательного бойкота. Тактика полного бойкота выборов в Думу и самой Думы стала тактикой огромного большинства партии. Но она не стала ни тактикой огромного большинства населения, ни даже огромного большинства пролетариата. Все слои населения, кроме пролетариата, принимали самое деятельное участие в выборах, среди же пролетариата она почти повсюду захватила его организованные слои и только в некоторых местах, где наиболее было сильное влияние социал-демократии, она захватил почти всю рабочую массу. Так очень успешно бойкот был проведен в рабочей курии в Петербурге и Петербургской губ. В Петербурге 49% предприятий совсем не выбирали уполномоченных, а из рабочих остальных 51% предприятий в выборах принимала участие едва ли даже одна четвертая часть. Еще более удачно был проведен бойкот в пригородах Петербурга, там 70% предприятий не принимало участия в выборах. Во всей Петербургской губ. этот процент равен—54. Менее удачно прошел бойкот в Москве и Московской губ. В Москве только 23% предприятий не приняло участия в выборах, а в Московской губ. только 21%. Беря губернии в целом, следует отметить, что кроме Петербургской губер-

нии как-раз наиболее промышленные губернии оказались слабее захваченными бойкотом. В то время, как такие малопромышленные губернии, как Харьковская, Херсонская и Киевская дают процент предприятий, не участвовавших в выборах—50, 33 и 30, такие промышленные губернии, сплошь наполненные фабриками, заводами, копями, как Московская, Екатеринославская и Владимирская, дают ничтожный процент предприятий, не принимавших участия в выборах—22 Московская, 17 Екатеринославская и только 15 Владимирская*).

На основании ряда фактов М. Б-ов и Ф. Дан**) так характеризуют отношение рабочей массы к выборам:

«Несомненно, бойкот оказал самое сильное влияние на исход выборов. Он не только отвлек от избирательной борьбы самую лучшую, деятельную и сознательную часть рабочего класса, но так или иначе направил отношение к выборам и тех рабочих, которые не сочли нужным бойкотировать Думу. Там, где бойкот захватил широкие слои рабочего класса, немногочисленные кучки малосознательного темного люда всецело попадались в руки черносотенных верховодов; в угоду мастерам, хозяевам и прочим сильным фабричного мира, они отбывали выборную повинность и наделяли званием уполномоченного заклятых врагов рабочего класса. Там, где бойкот захватил только организованных рабочих и мало коснулся рабочей массы, последняя, оставшись без своих естественных руководителей, избирала из своей среды наиболее сознательных, толковых товарищей». Как же отнеслись к выборам в Думу эти доверенные широкой рабочей массы? «Уполномоченные Московской губ. выдвинули целый ряд непосредственных нужд рабочего класса, которые депутат их должен отстаивать в Думе; уполномоченные промышленных предприятий Москвы, решив, что незачем депутата ограничивать наказами, признали, что он должен защищать интересы раб. класса. Екатеринославские рабочие одобрили социал-демократическую программу, а наказ, данный Михайличенку [195]), перечисляет все те же профессионально-политические нужды рабочих. Рабочие фабрики Тихомировых в Саратове присоединяются к социал-демократической программе, урезывая ее политические требования; черкасские рабочие, избиравшие Вырового [196]), указали ему на те нужды, удовлетворение которых они ждут немедленно,—в особенности государственного страхования на случай старости. И даже владимирские уполномоченные, выдержав отчаянную атаку черной сотни, все же выбрали тех, которые, хотя бы и в слабой степени, отстаивали политические и экономические нужды рабочего класса. То же самое в большей или меньшей степени повторялось повсюду. Рабочая масса, предоставленная в силу бойкота собственных силам, не встречая руководительства и поддержки со стороны организованного пролетариата, разрешила вопрос о Думе так, как ей это казалось наиболее правильным. Она выдвинула в первую очередь те свои нужды, которые она испытывает ежедневно и ежечасно; она полагала, что эти нужды может удовлетворить Дума, и потому поручила свои депутатам добиться от Думы их удовлетворения... Как крестьянство ждало от Думы земли и воли, так и серая масса рабочих, исходя из своих профессиональных нужд, ждала от Думы, что она принесет им свободу и удовлетворение этих нужд».

Тактика бойкота, таким образом, оказывала двойное действие: в сознательной части пролетариата она вызывала враждебное отношение к Думе, а остальную, серую массу предоставляла самой себе, оставляя ее с смутными представлениями о значении

---

*) Процент предприятий, не участвовавших в выборах, не дает, конечно, точного представления о степени распространения бойкота, так как из примера Петербурга мы видели, что и в тех предприятиях, которые выбирали, в выборах иногда принимало участие только ничтожное количество рабочих; но там, где бойкот получал широкое распространение, он захватывал и более значительное количество предприятий целиком, и если, наприм., в Москве не принимало участия в выборах только 23%, тогда как в пригородах Петербурга этот процент равен 70, то это, несомненно, показывает, что в Москве бойкот был распространен значительно слабее.

**) М. Б-ов и Ф. Дан—Рабочие депутаты в первой государственной Думе,—издательство Н. Глаголева. С.-Петербург.

Думы, с наивными надеждами на нее. Тактикой бойкота социал-демократия таким образом заранее ослабляла силу Думы в ее предстоящей борьбе с правительством. Благодаря этой тактике социал-демократия не могла воспользоваться выборами для того, чтобы подготовить широкую рабочую массу к деятельной активной поддержке Думы, и в то же время заранее лишала Думу этой поддержки со стороны сознательных слоев пролетариата.

А Дума, помимо воли социал-демократии и вопреки ее предсказаниям, становилась естественным этапом движения. Серая масса пролетариата, приказчики, мелкие служащие, мелкая городская буржуазия, интеллигенция и, наконец, крестьянство устремились на выборы и вместо ожидаемого черносотенного дали оппозиционный состав Думы. Под влиянием этих результатов выборов, ясно показавших полную несостоятельность тактики бойкота, бойкотистское настроение в партии начало таять, меньшевики стали признавать тактику бойкота ошибочной от начала до конца, и об'единительный с'езд партии, собравшийся перед самой Думой, решительно отказался от бойкота Думы, признал неизбежность борьбы Думы с правительством и необходимость использовать эту борьбу для дальнейшего развития революции, высказался за участие в выборах там, где эти выборы еще не произошли, и, наконец, признал необходимым образование социал-демократической фракции в Думе. Резолюция в этом смысле прошла против довольно сильного «большевистского» меньшинства, высказавшегося за оправдание бойкота, против образования социал-демократической фракции в Думе и предлагавшего использовать Думу, главным образом, для разоблачения непоследовательности кадетов и для разжигания борьбы между ними и «элементами крестьянской революционной демократии».

«Меньшевизм», приобревши большинство в партии, делал от себя все зависящее, чтобы исправить ошибки бойкотистской тактики.

Благодаря усилиям меньшевиков удалось в конце-концов образовать социал-демократическую фракцию в Думе, установить взаимодействие между нею и широкой массой пролетариата и привлечь внимание этой массы к Думе и развивающейся в ней борьбе. Но помимо тех трудно изгладимых следов, которые оставила в сознании значительной части пролетариата все предыдущая ошибочная тактика социал-демократии, сильное большевистское течение в партии делало крайне трудным проведение в жизнь резолюции об'единительного с'езда. Два течения в партии резко столкнулись между собой, когда наступил момент решительной борьбы Думы с правительством и когда во всей остроте встал вопрос о поддержке Думы со стороны населения.

Выставивши требование революции, хотя и в урезанном виде, Дума встретила решительный отпор со стороны бюрократии. В ответ на это Дума, в лице всех своих партий, кадетов, трудовиков, социал-демократов, ответила требованием ответственного министерства. Это требование естественно, логически вытекло из столкновения Думы с бюрократией, оно ставило резко вопрос о власти, оно сводилось к требованию перехода власти из рук бюрократии в руки народного представительства. Ясно было, как день, что именно это требование бюрократия не в состоянии удовлетворить и что если бы под напором народного движения она согласилась на образование думского министерства, то она постаралась бы завтра же его свергнуть. С другой стороны, трудно было более ясно, более наглядно поставить перед широкой массой населения вплоть до отсталых его слоев необходимость последовательного парламентского режима, как ответивши требованием ответственного министерства на отказ бюрократии дать землю крестьянам и свободу всему народу.

Но большевики, господствовавшие как-раз в наиболее крупных центрах, в Петербурге и Москве, делали все от себя зависящее, чтобы оставлять пролетариат в том же изолированном положении, в котором он очутился со времени дней свободы.

С поразительной слепотой, с полным непониманием смысла развивающейся борьбы, они подменяли требование ответственного министерства требованием кадетского министерства, в этом требовании не усматривали ничего, кроме соглашательских тенденций кадетов, и решительно боролись против поддержки этого требования. Они всеми силами стремились к тому, чтобы помешать Думе, представляющей интересы различных

классов и об'единяющей в своей среде различные партии,—стать общей почвой для борьбы. В своих статьях в печати и в речах на собраниях они обращали гораздо больше внимания на борьбу с кадетами, чем на борьбу с правительством, они чернили Думу как «кадетское соглашательское» учреждение и, несмотря на надвигающийся решительный конфликт всей Думы с правительством, звали к поддержке не всей Думы, а только левой ее части, состоящей из трудовиков и социал-демократов; идея диктатуры пролетариата и крестьянства владела их сознанием, подчиняла себе их волю. Стремясь к этой диктатуре, они боялись кадетской Думы и не желали ее связывать тесной связью с народом.

Они боялись, что кадеты увлекут широкие слои населения и в том числе крестьянство на путь соглашения со старой властью и что тогда надежды на революционную диктатуру пролетариата и крестьянства потеряют почву под ногами. Борьба с кадетами из-за крестьянства была все время их движущим мотивом. Им пришлось отказаться от бойкота Думы, когда в Думе оказались многочисленные представители крестьян и рабочих и образовалась сильная трудовая группа, защищающая интересы крестьян. Но с тем большей энергией они отстаивали необходимость поддерживать только левую часть Думы, только трудовиков и социал-демократов, и вели бешеную атаку против кадетского большинства Думы.

Но кадетское большинство на самом деле не вело Думу к соглашению с правительством. Оно ставило правительству неприемлемое условие в виде ответственного министерства и вступало с бюрократией в непримиримый конфликт на почве земельных требований, на почве стремления поднять положение крестьян насчет землевладельцев дворян.

С другой стороны, крестьянство только втягивалось еще в политическую жизнь. Довольно сильная трудовая группа в Думе не обнаруживала ни достаточной стойкости, ни достаточной последовательности в своем демократизме, но несмотря на все свое несовершенство она далеко ушла от того крестьянства, интересы которого она представляла. Она не выросла непосредственно из крестьянства, крестьянство не выбирало трудовиков, оно выбирало беспартийных, часто даже реакционеров, но эти беспартийные и реакционеры благодаря агитации на высших стадиях выборов и в самой Думе превращались в «трудовиков» и проникались революционным настроением. От перерождения крестьян—членов Думы до перерождения всего крестьянства было, очевидно, еще огромное расстояние. Деятельность Думы систематически воспитывала крестьянство, но за короткое время своего существования она не могла много сделать. И если крестьянство вообще можно было вовлечь в этот момент в активную борьбу, то не было лучшего средства для этого, как единодушное движение и единодушный призыв города к поддержке Думы в ее борьбе с правительством. Ведь движущим мотивом этой борьбы был земельный вопрос, ведь борьба разгоралась на почве враждебного отношения бюрократии и дворянства к принудительному отчуждению земли у дворян, выдвинутому Думой!

Я не буду разбирать здесь, насколько основательна вообще идея диктатуры пролетариата и крестьянства, но если эта диктатура имела какие-нибудь шансы на осуществление, то, очевидно, эти шансы могли появиться только при разрастании антагонизма между крестьянством и старой властью, при вовлечении крестьянства в активную борьбу с правительством. Поэтому даже с точки зрения стремления к диктатуре пролетариата и крестьянства деятельность большевиков была нелепа. Психологически их деятельность определялась этой идеей, но так как они имели дело не с реальным крестьянством, а с своей фантазией, так как они были проникнуты верой в революционную стихию и эта вера заменяла у них реальный анализ действительности, то их деятельность вместо того, чтобы приближать диктатуру пролетариата и крестьянства, наносила удары революции.

Центр тяжести борьбы они переносили от правительства к Думе, разжигали всеми силами вражду к «кадетской» Думе со стороны пролетариата и вырывали пропасть между сознательным пролетариатом и той многочисленной городской демократией, которая

шла за кадетами. И несомненно, что всей своей деятельностью они облегчали безнаказанный разгон Думы.

Они шли в этом отношении рука об руку со своими врагами-кадетами. Опустивши из четырехчленной формулы слова «прямое, равное и тайное» в ответном адресе царю, давши в законопроекте о свободе собраний простор произволу полиции, отвергнувши образование демократически избранных местных комитетов для разработки земельного вопроса, кадеты систематически лили воду на мельницу большевиков, давая им богатую пищу для нападений на «кадетскую» Думу. Но самая решительная критика этих отступлений кадетов от демократизма не могла и не должна была, конечно, заставлять нас забывать, что у нас с кадетами есть общий враг и что мы должны об'единять с ними усилия в борьбе за те требования, которые направлены к ниспровержению этого врага.

Дума была разогнана. Несколько солдатских волнений—в Свеаборге [197]), Кронштадте [198]), Ревеле [199]) и неудачная забастовка в Петербурге и Москве были ответом на этот разгон. Народ не поддержал Думы и развязал руки бюрократии для самого необузданного произвола, который и тяготеет над нами и до сих пор.

Что дало правительству смелость разогнать так скоро Думу и что дало ему возможность совершить это безнаказанно?

В момент решительного столкновения с Думой правительство имело за собой декабрьскую победу над революцией и перед собой рознь между двумя борющимися с ним силами—Думой вместе с идущими за ней слоями, с одной стороны, и активным, сознательным пролетариатом—с другой. А в момент разгона Думы среди сознательного пролетариата господствовали робость и нерешительность на почве всех предыдущих ошибок и отсутствие энтузиазма, отсутствие непосредственного чувства возмущения: ведь дело шло о той Думе, в создании которой он не принимал участие и на которую его приучали смотреть, как на предательскую, соглашательскую, «кадетскую» Думу.

Когда непосредственно после разгона Думы собрались в Петербурге представители различных заводов, то господствующее мнение их было, что ответить как-нибудь на разгон Думы нужно. Но одни говорили, что необходимо, чтобы была обеспечена поддержка крестьянства и других слоев населения. Пролетариат, этот авангард революции, теперь после декабрьского поражения нуждался в инициативе других слоев населения. Но, к сожалению, другие слои населения чрезвычайно мало способны на себя брать инициативу в решительный момент; крестьянство в частности для этого чересчур мало сознательно и чересчур мало организованно, более или менее широкие волнения его всегда до сих пор шли следом за волнениями пролетариата, и, не решаясь взять на себя революционную инициативу, пролетариат тем самым отнимал всякую почву у движения.

Другие представители петербургских заводов указывали на необходимость железнодорожной забастовки, считая всеобщую забастовку возможной только при ее наличности. Но железнодорожники после жестоких декабрьских репрессий и в виду решимости правительства не останавливаться ни перед чем для того, чтобы воспрепятствовать железнодорожной забастовке, совершенно резонно указывали, что только при сильном народном движении они могут решиться на об'явление забастовки и увлечь за собой железнодорожную массу. Фабрично-заводские рабочие нуждались в инициативе железнодорожных, железнодорожные—в инициативе фабрично-заводских, а те и другие—в инициативе крестьянства, которое никогда до сих пор не брало на себя революционной инициативы и неспособно было ее взять. А когда, получивши такие сильные толчки, как свеаборгское и кронштадтское восстания, революционные верхи Петербурга, наконец, решились призвать рабочую массу к забастовке, то лозунг «поддержки Думы» оказался близким и понятным только более отсталым слоям петербургских рабочих, тем, которые до сих пор принимали слабое участие в движении. Сознательная часть петербургского пролетариата в своем большинстве обнаруживала очень мало желания восстать во имя этого лозунга. И воспитавшие ее своей тактикой бойкота большевики предпочитали выставлять поддержку Свеаборга и Кронштадта, а не поддержку Думы. Но так как в первый же день забастовки получились сведения о подавлении кронштадтского

восстания (свеаборгское было подавлено раньше), то забастовка сразу начала терять почву под ногами. Более сознательная часть петербургского пролетариата приняла в ней слабое участие. В Москве так же, как в Петербурге, забастовка охватила незначительное число рабочих, и прежде чем провинция могла собраться с силами для поддержки Петербурга и Москвы, забастовка в столицах прекратилась. Железные дороги в забастовке совсем не принимали участия [200]).

Вся предыдущая тактика, усвоенная сознательным пролетариатом, вместе с ее следствием—декабрьским поражением, сделали неизбежным это новое поражение революции. Эта тактика укрепила положение правительства к моменту столкновения его с Думой, дала правительству смелость прекратить деятельность Думы, раньше чем она успела сплотить вокруг себя народные массы и после разгона сделала невозможным выступление пролетариата и общенародное движение для поддержки Думы.

ПРОЛЕТАРИАТ, КРЕСТЬЯНСТВО и БУРЖУАЗИЯ.

(Череванин—«Наше Дело» № 1, 1906 г.).

На кого опирается сейчас русское правительство—вот вопрос, на который нужно ответить прежде всего. В настоящее время только один класс, кроме бессознательной массы, сознательно поддерживает бюрократическое правительство, это—поземельное дворянство. Масса дворянства боится потерять землю, на которую жадными глазами, изнуренное от голода смотрит крестьянство. Бюрократия (чиновничество) боится потерять и власть и землю, так как во главе бюрократии стоят крупные помещики (большинство министров, членов Госуд. Совета, сенаторов владеет огромным пространством земли). Все остальные классы—фабриканты и купцы, профессора, адвокаты, врачи, крестьяне и рабочие начинают проникаться недовольством, начинают стремиться к изменению теперешнего строя. Все приходят к сознанию, что нельзя власть оставить у чиновников, что власть должна перейти к выборным от народа и что нужно уничтожить право полиции расправляться с обывателями как она захочет, что нужно дать свободу печати, собраний, союзов, стачек.

Но не с одинаковыми целями борются эти классы за свободу. Для пролетариата политическая свобода, это—первый шаг по пути к освобождению. Вместе с политической свободой не исчезнет еще экономическое рабство, не исчезнет эксплоатация капиталистов—в мастерских, на фабриках и заводах. Пролетариату придется вести борьбу против эксплоатации вплоть до полного ее уничтожения, вплоть до замены капиталистического строя социалистическим, когда все фабрики, заводы, земли перейдут в собственность всего народа и на них установится артельное производство.

Политическая свобода облегчит пролетариату борьбу против эксплоатации капиталистов, она необходима ему для того, чтобы развиться, сорганизоваться и сделаться, таким образом, способным взять производство продуктов на фабриках, на заводах, на земле в свои руки. В своем стремлении к социализму пролетариат теперь одинок. Вся остальная масса населения, за небольшими исключениями, не сочувствует социализму.

Не могут сочувствовать уничтожению эксплоатации те, которые сами эксплоатируют, капиталисты,—фабриканты и заводчики. Не могут сочувствовать ему и крестьяне. Те трудовые крестьяне, которые живут своим трудом, не смотрят, как пролетарий, далеко вперед: они думают, что они достигнут земного рая, если земля перейдет к ним от помещиков. Их не влечет к себе артельное хозяйство, они привыкли копаться каждый на своем клочке земли, они чувствуют себя собственниками и хотят улучшить свое положение как собственники, чтобы больше земли было у каждого в распоряжении, больше лошадей, земледельческих орудий и т. д. Им нужно потерять надежду улучшить свое положение как собственников, чтобы они начали задумываться над артельным хозяйством, над социализмом. Это будет в будущем, когда большинство из тех крестьян, которые завладеют помещичьей землей, начнут беднеть, разоряться, превращаться в пролетариев. А теперь, когда все их надежды устремлены на расширение своего хозяйства

на счет помещичьей земли, им чужд и непонятен социализм. Не чувствует склонности к социализму и большинство профессиональной интеллигенции, так как капиталистический строй оплачивает интеллигентов лучше, чем рабочих, т. к. борются они в одиночку за свое существование и в этой борьбе у них не развивается солидарность между собою, т. к. перед каждым из них стоит идеал тысячных окладов, до которых добираются счастливцы из адвокатов, врачей, инженеров и чиновников. Пролетариат остается одиноким в борьбе за социализм, и так как политическую свободу ему нужно будет использовать для борьбы за социализм, то ему уже теперь необходимо организоваться отдельно от всех остальных классов населения в особую пролетарскую партию.

Оставаясь одиноким в борьбе за социализм, пролетариат не остается одиноким в борьбе за политическую свободу. Но к политической свободе пролетариат подходит иначе, чем другие классы населения. Капиталисты сознают, что теперешний строй нужно изменить, что нужна некоторая свобода, но они боятся слишком широкой свободы союзов, собраний, стачек, боятся перехода власти в руки народа, боятся всеобщего, прямого, равного и тайного голосования при выборах народных представителей, потому что знают, что всем этим воспользуются рабочие в борьбе против них. Масса крестьянства не боится пролетариата, но благодаря своей малосознательности и своему классовому положению крестьянство может помириться с менее широким демократизмом, чем к какому стремится пролетариат.

Крестьяне начинают бороться за волю главным образом потому, что без воли нельзя достать земли, и если им удастся получить землю с урезанной свободой, с неполным народовластием, то вряд ли они будут продолжать борьбу за свободу. Крестьяне не могут не желать освободиться от угнетения чиновников и полиции, но они гораздо легче примирятся, чем рабочие, с урезанной свободой, потому что им не нужно, как рабочим, с помощью этой свободы вести дальнейшую упорную и ожесточенную борьбу с капиталистами. Условия деревенской жизни не дают, затем, возможности крестьянам достигнуть такой же сознательности и организованности, какой достигают городские рабочие, и поэтому им трудно проникнуться так же сильно, как рабочим, стремлением взять власть в свои руки и провести последовательное народовластие, как ни полезно это народовластие было бы для них, как ни важно им освободиться совершенно от эксплоатации чиновников.

Мы видим, таким образом, что если пролетариат не может питать доверия к буржуазии в ее борьбе за свободу, то он не может безусловно доверять и крестьянству. Все от себя зависящее пролетариат, конечно, должен делать, чтобы толкнуть крестьянство к борьбе за широкую свободу, за полное народовластие.

И сильно пролетариату в этом отношении будет помогать упорство бюрократии и дворянства, не желающих поступиться, хотя бы горстью земли, в пользу крестьян.

Но пока, во всяком случае крестьянство так же далеко от крайних требований пролетариата—полного народовластия и широкой политической свободы,—как и другие классы населения,—профессиональная интеллигенция, городская буржуазия. Было бы, поэтому, нелепостью и безумием для пролетариата пытаться, как это предлагают некоторые, вместе с крестьянством вступить в борьбу с правительством и с буржуазией за полновластное и всенародное Учредительное собрание. В такой борьбе пролетариат мог бы сейчас рассчитывать только на себя и поэтому неминуемо потерпел бы поражение.

Неуступчивость бюрократии и дворянства, их отчаянная борьба против стремления крестьянства завладеть помещичьей землей будет толкать и крестьянство к тем же целям, которые ставит себе пролетариат.

Но из-за того, что крестьянство окажется в будущем, может быть, более тесным союзником пролетариата чем городская буржуазия, было бы смешно и нелепо пренебрегать борьбой буржуазных партий против правительства.

Эта борьба началась в прошлой Думе и будет продолжаться дальше. В этой Думе господствовала буржуазная партия—кадеты. Она требовала земли для крестьян, хотя не всей и с вознаграждением помещиков. Она требовала свободы слова, печати, собраний, союзов, хотя и не такой широкой, какой добивался пролетариат. Она не требовала

Учредительного собрания, но она требовала уничтожения Государственного Совета и требовала министерства, ответственного перед Думой. Когда министерство отказало в этих требованиях, Дума под предводительством кадетов потребовала решительно удаления этого министерства и заменой его министерством, пользующимся доверием Думы. Следовало ли пролетариату повернуть спиной к этой борьбе?

В будущем крестьянство, может быть, поддержит требование Учредительного собрания, полного народовластия. Но ведь в настоящее время крестьянство начало только заинтересовываться народным представительством в виде Думы, в нем начали только пробуждаться симпатии к Думе, надежды на нее. И если бы крестьянство оказалось способным встать на борьбу, то оно встало бы на борьбу не за неизвестное и непонятное ему Учредительное собрание, а за ту Думу, которая начала уже бороться за землю и волю, хотя бы в урезанном виде, и если после разгона Думы крестьянство не встало в защиту ее, то, конечно, не потому, что оно предпочитало ему Учредительное собрание, а потому, что оно не доросло еще до Думы. Массе крестьян неизвестна еще была Дума и непонятна ее борьба; только после разгона начали широко разноситься слухи о ней среди крестьянства и вместе с ними возмущение и негодование против правительства. Поэтому, поддерживая и укрепляя связь с крестьянством, пролетариат не может теперь рассчитывать в союзе с ним бороться за более крайние требования, чем с какими выступает теперь городская буржуазия.

Переход всей или значительной части власти в руки старой Думы был бы выгоден для пролетариата. Свобода, хотя бы и не такая широкая, какой добивался пролетариат, дала бы возможность пролетариату расширить и усилить свою борьбу за дальнейшее расширение свободы и за осуществление своих крайних требований,—Учредительного собрания, полного народовластия. И именно потому, что пролетариат стремится к полному народовластию, он должен был бороться за Думу, он должен был поддержать кадетов в их борьбе с правительством.

И теперь после разгона Думы, перед пролетариатом встает пестрая смесь различных классов, слоев, партий, враждебных правительству, желающих сломить господство чиновников. Правительство обещало созвать новую Думу. Нужно настоять на том, чтобы она была созвана. Правительство путем репрессий будет стараться наполнить Думу своими кандидатами,—нужно, во что бы то ни стало, помешать в этом правительству. И если этого можно достигнуть только путем соглашения с буржуазными партиями, в роде кадетов,—соглашение необходимо. Министерство должно состоять из лиц, пользующихся доверием Думы и ответственных перед ним,—требовала старая Дума. Будет этого требовать и новая. И мы заранее должны быть готовы поддержать это требование и звать к нему же крестьянство. Нужно, во что бы то ни стало, вырвать власть из рук бюрократии и передать ее народному представительству. Борьба предстоит трудная и тяжелая, и Россия шагнет далеко, если крестьянство окажется способным поддержать новую Думу в ее борьбе с правительством. И на большее при той полной неорганизованности и страшном невежестве, которыми страдает теперь крестьянство, трудно и рассчитывать. Способствуя сейчас сплочению сил, враждебных правительству, пролетариат в то же время ни на минуту не должен забывать свои крайние требования. Участвуя вместе с буржуазными партиями в общей борьбе, он в то же время должен постоянно толкать их к более решительным требованиям, и когда внутри их начинается борьба, пролетариат всегда должен вмешиваться в эту борьбу и поддерживать тех, которые стоят за более решительные, за более демократические требования. И когда пролетариату своей борьбой удастся добиться от буржуазных партий признания демократических требований, то он всеми силами должен мешать им повернуть назад, к ослаблению демократизма. Самая умеренная из партий в прошлой Думе, кадеты, стояла, наприм., за всеобщее, прямое, равное и тайное голосование при выборах в Думу. Пролетариат своим энергичным вмешательством в борьбу должен добиваться, чтобы ни одна сильная буржуазная партия не посмела отказаться от этого требования, а по мере того, как силы оппозиции будут расти, правительство слабеть, пролетариат все настойчивее и решительнее должен выдвигать свои демократические лозунги, неограниченную свободу, полное народовластие и вокруг них сплачивать силы движения.

О ВЫБОРАХ В ДУМУ.

(«Наше Дело» № 9, 1906 г.).

Когда Дума существовала, некоторые из горячих противников существующего строя говорили: Дума пробуждает «конституционные иллюзии», народ думает, что у него есть конституция, он думает, что власть принадлежит не только бюрократии, но и народу; нужно, чтобы народ понял, что никакой власти ему не принадлежит, что вся власть в руках чиновничества. И когда Дума была распущена, они с радостью говорили: теперь народ понял, что у него нет никакой власти, теперь народ должен понять, что ему нужно полновластное Учредительное собрание,—собрание, выбранное всем народом, для того, чтобы установить его права и свободу и решить вопрос о земле. Народ не может этого не понять, говорили они и уже назначали день восстания. А между тем все их рассуждение от начала до конца—совершенно несостоятельно. Если бы народ в лице не только пролетариата, но и всей массы крестьянства, действительно думал, что к нему перешла хоть часть власти, что у него есть конституция, и если бы он ценил в то же время эту конституцию, то плохо пришлось бы от таких «конституционных иллюзий» бюрократии. Не уступил бы тогда народ без боя Думу, не позволил бы он ее распустить, и мнимая, воображаемая конституция превратилась бы тогда в действительную: права и власть от чиновничества перешли бы к народу. К сожалению, «конституционные иллюзии» были у кадетов, но не было их у народа. Масса крестьянства имела смутное представление о Думе и многие из крестьян только, может быть, вчера узнали, что была Дума и что за желание дать народу землю и волю ее разогнали.

Узнавая это, крестьяне пробуждаются от своего сна, сознание их развивается,— но отсюда еще далеко до Учредительного собрания. Мы можем об'яснить крестьянину, говорят противники «конституционных иллюзий», что все зло было в том, что Дума не имела никаких прав и что нужно такое собрание выборных, которое имело бы права, т.-е. Учредительное собрание. Полноте, да можем ли мы сами так рассуждать? Разве Думу разогнали потому, что она не имела никаких прав? Разве сила получается от прав, а не права от силы? Разве дело в бумажке, в законе о правах Думы, написанном чиновничеством, а не в силе, которую Дума имеет в народе? Если бы за Думой стоял организованный народ и поддерживал бы ее, то у Думы явились бы права. За бумажкой дело не станет. И если мы видим, что крестьянство не поддержало Думу, в которую сознательная часть крестьянства начала верить, то каким образом мы можем думать, что вся масса крестьянства вдруг встанет за совершенно непонятное еще ему Учредительное собрание. Нужно жить собственными фантазиями и совершенно не понимать окружающей жизни, чтобы смотреть таким образом.

Но не следует ли нам в таком случае отказаться от Учредительного собрания? Разумеется, нет. Идея всенародного и полновластного Учредительного собрания проникла уже в сознание значительной части пролетариата, можно надеяться, что за Учредительное собрание встанет со временем и все крестьянство. Но если это будет, то почему будет? Если бы бюрократия способна была дать крестьянам землю, хотя бы значительную часть той земли, которая находится теперь в руках помещиков, то ей удалось бы удержать в своих руках, по крайней мере, часть власти,—крестьянство не дошло бы тогда до требования **всей** воли, не добивалось бы отнять **всю** власть у бюрократии.

Но бюрократия не может дать крестьянам земли, потому что она состоит из дворянства. Она не хочет дать ничего, и поэтому дело может кончиться тем, что народ у нее отнимет все. На этой разгорающейся борьбе между народом и бюрократией только и могут строиться наши надежды на переход всей власти к народу. И когда чиновничество вынуждено бросить народу в качестве уступки Думу, когда народ начинает хвататься за эту Думу, чтобы добыть себе волю и землю, то что мы должны делать? Говорить народу: так как нам нужно Учредительное собрание, нам не нужна Дума? Нет, мы можем и должны сказать всем, которые способны нас понять, что Учредительное собрание необходимо и что его следует добиваться, но в то же время мы должны сказать **всем**: держитесь за Думу, старайтесь крепче обосноваться в ней и вокруг нее, поверните Думу

против чиновничества, заставьте служить ее себе, пытайтесь осуществить посредством нее свои мечты о земле и воле. И каждый шаг этой борьбы за Думу против чиновничества будет в тысячу раз скорее приближать нас к Учредительному собранию, чем крики об Учредительном собрании, которыми некоторые стараются уверить себя и других в близости нашей полной победы. Отсюда ясно, как нам держаться на выборах в будущую Думу.

Мы должны воспользоваться выборами для того, чтобы выкинуть наше знамя со всеми нашими требованиями, в том числе и требованиями Учредительного собрания. Все те, кто дошли уже до идеи Учредительного собрания, должны сорганизоваться на этих выборах, чтобы из Думы и через Думу повести борьбу за Учредительное собрание. И если бы была серьезная надежда на то, что выборы в Думу дадут большинство решительных сторонников Учредительного собрания, то мы могли бы об'явить «кадетов» такими же врагами нашими, как правительство, и так же решительно бороться с ними на выборах, как с правительством. Почему? Потому, что если бы большинство в Думе могло бы составиться из решительных сторонников Учредительного собрания, это значило бы, что кадеты отстали от революции, что революция переросла их, что они хотят тащить революцию назад, что они играют, следоват., реакционную роль. И тогда мы могли бы также решительно сказать: «долой кадетов!», как мы говорим теперь: «долой союз 17 октября!». Всякие соглашения с кадетами были бы тогда изменой народу. Но не так, к сожалению, обстоят дела теперь. Масса крестьянства еще слишком малосознательна. Крестьянство начинает только обращать на Думу взоры надежды и протягивать руки, чтобы ухватиться за нее. «Кадеты» в своих политических стремлениях стоят пока не позади большинства крестьянства, а впереди его. Крестьянство в своем стремлении освободиться от эксплоатации помещиков и правительства и от того административного гнета, который тяготеет над ним, уже резко сталкивается с бюрократией, с чиновничеством, но в своей массе оно не дошло еще до ясных и определенных политических требований. И во всяком случае оно далеко еще от требований **всей** воли, **полного** народовластия. В нем только начинает шевелиться мысль, что ему нужна свобода, нужен переход власти к народу, что без этого оно не добудет себе земли. При таком состоянии крестьянства и нельзя ожидать, чтобы в Думу было выбрано большинство решительных сторонников полновластного и всенародного Учредительного собрания. Только в развивающейся борьбе Думы и народа против правительства идея Учредительного собрания может овладеть Думой.

Мы не можем, поэтому, отгородиться на выборах решительно ото всех, кто не стоит еще за Учредительное собрание. Это значило бы отгородиться не только от кадетов, но и от той массы крестьянства, которая полусознательно хватается уже за свободу, но которая не доросла еще до Учредительного собрания. Кадеты добиваются, чтобы министерство было подчинено Думе, было ответственно перед ним, они хотят уничтожить Государственный Совет, эту организацию чиновников и дворян, созданную для того, чтобы мешать Думе. Они обещают стоять за то, чтобы всякая новая Дума избиралась всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Если будет уничтожен Государственный Совет, если министерство, а вместе с ним войско, администрация и полиция будут подчинены Думе, это будет значить, что в сущности вся власть перешла к Думе, а если такая Дума будет избрана затем свободно народом всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, то чем она будет хуже Учредительного собрания? Тем, что ей не будет предоставлено право устанавливать сверху донизу новые политические порядки? Но мы знаем уже, что право получается не от бумажки, написанной кем бы то ни было, а от **силы**. И станет ли Дума, избранная всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием,—Учредительным собранием—будет зависеть исключительно от того—захочет ли этого народ.

Поэтому, во имя наших стремлений к Учредительному собранию, к полному народовластию мы должны самым решительным образом поддерживать в новой Думе—и должны звать весь народ поддерживать—требования ответственного министерства, уничтожения Государственного Совета, установления всеобщего, прямого, равного и тайного голосования при выборах в Думу. А если дело обстоит так, если в Думе перед

нами и кадетами будет общий враг, если нам придется во многих случаях в Думе бороться вместе с кадетами против правительства, то и на выборах в Думу мы не можем обращаться с кадетами так же, как с черносотенцами. Конечно, никакого прочного союза с кадетами по всей линии борьбы мы во время выборов заключать не можем. Не можем уже потому, что мы должны воспользоваться выборами, прежде всего, для самостоятельной организации пролетариата, для противопоставления его всем остальным классам буржуазного общества. Поэтому, наприм., на выборах уполномоченных и выборщиков от рабочих мы не должны вступать в соглашение ни с какой из буржуазных партий. Не можем мы также на выборах не проводить резкого различия между кадетами и решительными и последовательными сторонниками Учредительного собрания.

Мы должны сказать избирателям на выборах: кадеты идут навстречу требованиям народа, но идут робко и нерешительно. Лучше, если народ пошлет в Думу тех, кто прямо и открыто предлагает передать всю власть народу, а еще лучше если он пошлет решительных и последовательных противников всякой эксплоатации и насилия, решительных сторонников социализма. Но в тех случаях, когда придется выбирать между кадетами, этими робкими и нерешительными защитниками народных интересов, и защитниками теперешнего правительства, мы должны сказать: решительно за кадетов против черносотенцев и октябристов. Тем более, что робость и нерешительность кадетов зависят не только от них, но и от слабости еще народного движения...

ГОД РЕВОЛЮЦИИ.

(«Наше Дело» № 5, 1906 г.).

Страшный год, но и великий год пережит народами России между **17 октября** 1905 года и 17 октября 1906 года.

Начальный день этого года застал Россию охваченной революцией скрещенных рук. Жизнь городов замерла. Фабрики, заводы и мастерские были покинуты теми, кто своим трудом обращает их в средства общественного производства; банки и торговые предприятия бездействовали, и даже правительственные канцелярии остановили свою бесполезную «работу». Сообщение между городами и селами было прервано. Люди внешне оторвались друг от друга, но никогда еще они не чувствовали себя связанными такими тесными и глубокими узами. Все, что было в стране живого и сознательного, соединилось в одном чувстве, было проникнуто одной мыслью: режим самовластия должен быть уничтожен, народ должен быть освобожден от цепей политического рабства, управление государственными делами должно перейти в руки самого народа в лице избранных им представителей.

И потрясенные мощью народного движения властители бесправной страны поняли, что им нужно или уйти, или уступить. «Подавить»,—этот третий исход, неизменно практиковавшийся раньше, был—увы!—неприменим. **Нечем** было смирить миллионы людей, отказавшихся выполнять свое обычное дело. Ждать, пока голод заставит вернуться к покинутым фабричным станкам и конторским стульям, было опасно. Голод может вызвать решимость устранить силой причины: Голод может вызвать устранить силой причины, заставившие голодать. Пойти на риск такого столкновения старый строй не мог. Он видел, что нет ни одного значительного общественного слоя, который бы стоял за ним. Сочувствие забастовке было всеобщим. Не было ни малейшей уверенности в поведении армии, значительная часть офицерства которой принадлежала к общественным кругам, сочувствовавшим если не забастовщикам, то части их требований.

Старый режим... уступил. Манифест 17-го октября провозгласил непреклонную волю даровать населению действительную неприкосновенность личности, свободу слова, собраний, союзов; за народным представительством была признана законодательная власть.

Этот акт правительства удовлетворил помещиков и крупную буржуазию, и они уже не только отошли от дальнейшей борьбы, но стали против нее.

Пролетариат, игравший первенствующую роль в великом движении, самую форму которого продиктовал он, не мог удовлетвориться посулами, тем более, что манифест, обещая лишь расширение избирательного права, не выполнял основного требования пролетариата: немедленного созыва полновластного всенародного представительства на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Кроме того, рабочий класс, увлеченный мощью своего движения, ободренный частичной победой, проникся глубокой верой в свои силы, в возможность непосредственно устранить старую власть, которая, едва оправившись от удара всеобщей забастовки, принялась за организацию по всей России полных дикого зверства погромов.

С пролетариатом шла значительная часть интеллигенции, но главное подкрепление рабочий класс видел в поднявшемся, под влиянием стачки и манифеста, крестьянстве.

Брожение в городах и в деревнях влияло на часть армии, в пей начались волнения, в солдате и матросе пробуждался человек и гражданин. Но ни деревенское, ни армейское движение не были ни массовыми, ни организованными. Лишь пролетариат с сказочной быстротой образовал могучие массовые организации: Советы Рабочих Депутатов. Эти органы наиболее революционного класса, не встречая рядом с собой организаций других классов, неизбежно переоценивали свои силы. В полном согласии с массой пролетариата они видели свою задачу в освобождении страны от всех остатков старой власти, считали себя органами, способными образовать новую власть. Они решились далее дать непосредственное сражение эксплоататорам и пытались явочным порядком осуществить одно из существеннейших требований класса: 8-часовой рабочий день.

Крупная буржуазия ответила закрытием фабрик и заводов и бросилась в об'ятия правительства, чтобы вместе с ним смирить пролетариат. Правительство поняло момент и постаралось перевести борьбу в наиболее выгодную для себя форму,—на столкновение физической силы. Оно учло, что брожение охватило лишь часть армии, что офицерство уже против движения, что крестьянское движение еще лишено массового характера, что капиталисты и помещики об'яты ужасом перед пролетариатом и крестьянством,—и решилось действовать. Рядом грубых репрессий оно провоцировало новую всеобщую забастовку, зная, что она приведет к вооруженным столкновениям.

Цель была достигнута, и страна была залита кровью. Организации пролетариата были разбиты. В деревне также подвизались карательные генерал-ад'ютанты. Но и одержав победу, правительство все же должно было созвать Думу. Этого требовали от него и капиталисты, и помещики, изверившиеся в уменье бюрократии править государством и давно жаждавшие приобщения к власти.

Еще более важная причина заставляла правительство созвать Думу: все разраставшееся крестьянское движение не могло быть прекращено одними репрессиями, необходимо было дать крестьянству надежду на другой выход, на то, что народные представители удовлетворят его нужды.

Под гром пушек и свист пуль был издан закон 11 декабря 1905 года, [201]) значительно расширивший избирательные права крестьян и вновь создавший, хотя и крайне жалкое, избирательное право для рабочих. Правительство надеялось, что пролетариат успокоится, получив эти крохи. Но начались выборы в Думу, в пролетариате возобладало бойкотистское настроение, так как он не переставал верить в возможность непосредственным движением смести старый порядок.

Но деревня, городская мелкая буржуазия, интеллигенция, не бойкотировали выборов, возложив все свои надежды на Думу,—на то, что она избавит страну от повторения декабрьских ужасов.

Собравшаяся Дума, несмотря на крайне недемократическую систему выборов, под влиянием пережитого года великой борьбы народа, стала органом народного гнева. Хотя большинство депутатов Думы принадлежало к умеренной партии—кадетам, Дума не могла не столкнуться резко с правительством, и после двухмесячной борьбы была разогнана.

Народ не мог вступиться за нее.

Пролетариат **уже** не хотел изолированно выступать, а крестьянские массы **еще** не были подготовлены к единовременному политическому выступлению: сознательные элементы его слишком незначительны, организованных еще того меньше.

Очевидно, поэтому, что формой ближайшего всенародного выступления будут выборы в новую Думу, в течение которых народ уяснит себе положение и сорганизуется для неотвратимо предстоящей ему борьбы в целях поддержки Думы в ее неизбежных столкновениях с самовластием. Правда, правительство спешит изменить в свою пользу закон о выборах, готовится делать выборы насилием и подкупом, чтобы собрать Думу, которая вместе с ним будет изощряться в изобретении способов и мер покорить народные массы, вернуть их к прежнему бесправному состоянию.

Но тщетны эти надежды!

Если бы даже и удалось правительству подобрать послушную Думу, что впрочем очень сомнительно, то народ, воочию убедившись на выборной кампании в замыслах правительства, накопит столько негодования, столько активной энергии, что угодливая Дума так же будет бессильна остановить всенародное освободительное движение, ликвидировать великую российскую революцию, как и само правительство, которое уже целые годы бесплодно борется с «крамолой», хотя и исчерпало всевозможные виды самых ужасных репрессий.

Пережитый год разбудил народ, вывел его из состояния покорности, прояснил его сознание, а следовательно, и обеспечил ему победу над строем насилия и гнета.

ЗАЧЕМ ВЫБИРАТЬ.

(Череванин.—«Наше Дело» № 7, 1906 г.).

Манифестом 17 октября провозглашены у нас неприкосновенность личности, свобода слова, собраний, союзов и заявлено, что отныне одним из органов законодательной власти будет государственная Дума, что ни один закон не будет иметь силы, не пройдя через государственную Думу. Итак, у нас так же, как в Англии, Франции, Германии, есть и свободы и конституция. От времени до времени в этих странах выбирают в парламент, происходят выборы и у нас. Мы выбирали в прежнюю Думу, теперь будем выбирать в новую.

Чем хуже Западной Европы?

Но достаточно оглянуть вокруг, чтобы мигом рассеялись эти иллюзии.

У нас нет свобод. На основании временных правил о собраниях, я имею право пригласить к себе на квартиру какое угодно количество гостей и полиция не имеет права ко мне являться, не имеет права спрашивать, с какой целью у меня устроено собрание. Но на основании закона об усиленной и чрезвычайной охране, полиция имеет право вторгнуться ко мне на квартиру, заключить меня вместе с гостями в тюрьму, выслать нас в отдаленные места Сибири и подвергнуть нас там медленному голодному умиранию.

Так обстоят дела и со всеми другими свободами. Все они существуют, но существуют на бумаге, а Россия управляется не на основании манифеста 17 октября, а на основании положения об усиленной и чрезвычайной охране и военном положении.

У нас нет конституции. 17 октября было обещано, что ни один закон не получит силы, не пройдя через Думу. После этого прошел год; были изданы основные законы, были изданы различные временные правила, издавались различные указы, имеющие силу законов, но кроме ассигновки 15 милллионов на голодающих **ни один закон не прошел еще через государственную Думу.**

Первая созванная государственная Дума была разогнана потому, что она не желала быть игрушкой в руках бюрократии. И теперь бюрократия всеми силами стремится к тому, чтобы новая Дума была не похожа на прежнюю. Боясь прямо, открыто отказаться от манифеста 17 октября, она ограничивает сенатскими раз'яснениями избирательные права рабочих и крестьян, она готовится к тому, чтобы систематическими насилием, арестами, высылками, избиениями заставить избирателей выразить доверие правительству.

И в то же время она готовится разогнать и новую Думу, если она окажется похожей на прежнюю.

Зачем же тогда выбирать, зачем участвовать в этой комедии?

Право в конце-концов восторжествует над силой,—утешают нас кадеты. В первой Думе они уверяли себя и других, что у нас уже есть конституция. Теперь, проживши несколько месяцев под сенью чрезвычайной охраны и военного положения, они начинают сомневаться в существовании конституционного строя и зовут к борьбе за конституцию.

Но как бороться? Какими средствами? Очевидно, только конституционными. Ведь кадеты только конституционная партия, ведь они стараются резко отгородить себя от крайних партий. Они зовут избиратслей на выборы, они говорят им: подавайте голоса за сторонников конституции и парламентаризма. И только? Но разве от подачи голоса на выборах падет господство бюрократии. Разве бюрократия, получивши снова непослушную Думу, остановится перед ее разгоном? Дума должна быть поддержана населением, соглашаются кадеты. Соглашаются, но в то же время боятся, чтобы эта поддержка не была слишком активной. На последнем своем с'езде они признали допустимым только пассивное сопротивление. В крайнем случае, если правительство не преклонится перед общественным мнением, можно отказаться от платежа налогов, от поставки рекрутов. А если правительство ответит на это военно-полевыми судами и карательными экспедициями? На этот вопрос кадеты предпочитают не отвечать, а вместо ответа ссылаются на Англию, Венгрию: пассивное сопротивление там имеет успех, отказ от платежа податей, от поставки рекрутов действует на правительство, заставляет его уступить. Но ведь там давно существует конституция, и если бы какому-нибудь министру пришла там в голову мысль, что можно управлять страной без всяких законов, расстреливая направо и налево правого и виноватого, то, вероятно, такого министра посадили бы в сумасшедший дом. А мы, слава тебе господи, живем при таких порядках уже несколько месяцев.

Кадеты не дали нам выхода из затруднительного положения, и вопрос попрежнему стоит перед нами: зачем участвовать в выборах. На этот вопрос некоторые из социал-демократии отвечают. От Думы нам ждать нечего, народу она ничего дать не может. Нам нужно Учредительное собрание. Учредительное собрание может быть созвано только путем вооруженного восстания. Для того, чтобы подготовить вооруженное восстание, нужно сорганизоваться; будем же организовываться на выборах под знаменем Учредительного собрания и вооруженного восстания, организовываться не для того, чтобы использовать Думу, не во имя каких-либо надежд на нее, а для того, чтобы «смести Думу» восстанием. Такова позиция, с которою думают выступить на выборах некоторые из социал-демократов. Позиция, можно сказать, совершенно безнадежная и совершенно неспособная собрать вокруг себя сколько-нибудь значительного числа избирателей.

На прошлых выборах среди социал-демократии господствовал бойкот. Что дал бойкот? Масса населения шла на выборы, чтобы выразить протест и возмущение против правительства; она стремилась сорганизоваться вокруг Думы; пытаясь посредством Думы осуществить свои стремления к земле и воле, она втягивалась в борьбу с правительством. Бойкот вырывал из этой массы населения сознательную часть пролетариата, делал сознательный пролетариат зрителем той борьбы, в которую вступала остальная масса населения. И можно себе представить, на какую жалкую роль был бы сведен пролетариат, если бы партия не спохватилась перед самой Думой, если бы она не сорганизовала социал-демократическую фракцию в Думе и не стремилась бы, сплачивая пролетариат вокруг его думских представителей, сделать его участником в общей борьбе. Теперь старые сторонники бойкота идут на выборы, но идут для того, чтобы лишить их всякого смысла, всякого содержания.

Вооруженное восстание противопоставляется надеждам на Думу, его предлагается сделать избирательным лозунгом и даже в соглашение предлагается вступать только с теми партиями, которые признают не только Учредительное собрание, но и созыв его

путем вооруженного восстания. В тех, кто за вооруженное восстание, предлагается видеть наших союзников, в тех, кто против него—наших врагов. Новый способ достигнуть старой цели: в борьбе с бюрократией изолировать сознательный пролетариат от остальной массы населения.

Мы видели в декабре, как пролетариат одиноким вступил в бой и потерпел поражение; с другой стороны, мы видели, как во время выборов в прошлую Думу пролетариат отстранялся от той борьбы, в которую вступила остальная масса населения.

И нам предлагают и на новых выборах содействовать изолированию сознательного пролетариата.

Большинство населения, во-первых, не стоит вовсе на точке зрения вооруженного восстания. Широкая масса населения, кроме того, никогда и не организовывается заранее **для** восстания. И если мы будем стремиться организовывать на выборах тех, кто желает смести Думу вооруженным восстанием, а всех, не разделяющих этого желания, об'явим нашими врагами, то в качестве наших врагов окажется большинство населения.

Оригинальный затем лозунг: выбирайте в Думу, но не за тем, чтобы что-нибудь делать в Думе, а чтобы «смести Думу». Широкая масса населения, и прежде всего крестьянство, совершенно не в состоянии будет понять этого. Если нам нечего делать в Думе, то и не будем выбирать в нее,—скажет большинство избирателей. И если у вас нет никаких надежд на Думу, если вы не в состоянии предложить населению использовать для чего-нибудь самую Думу, то не идите лучше на выборы, население все равно за вами не пойдет.

Но зачем все-таки итти на выборы, с какою целью участвовать в них? Конституции и свободы у нас нет; избирательными записками победить правительство мы не сможем, а участвовать в выборах только для того, чтобы организоваться, согласится разве ничтожная кучка избирателей. Но если борьба на выборах сама по себе не может дать победы, то она может вести к победе. Выборы в Думу и неизбежная борьба Думы с правительством могут привести в движение широкую массу населения вплоть до наиболее отсталых его слоев, а только масса, охваченная движением, может проникнуться единой мыслью и единым желанием покончить со старым режимом.

Народ, затем, должен быть организован для того, чтобы добиться перехода власти в свои руки. Он будет организовываться на выборах в Думу и будет организовываться вокруг Думы, если ему удастся послать в Думу людей, достойных его доверия.

Но для того, чтобы выборы в Думу и сама Дума могли сыграть эту агитационную и организационную роль, нужно, чтобы с Думой связывались какие-нибудь определенные практические цели. Масса населения, которая еще втягивается в революцию, не станет выбирать для того, чтобы просто двигать революцию. Можем ли мы поставить такие цели?—Можем. Мы должны звать народ к тому, чтобы он выбирал в Думу возможно более решительных и последовательных защитников его интересов и чтобы затем, сорганизовавшись вокруг Думы, он стремился превратить **ее в орган власти**. Дума сейчас не является этим органом власти, но она может им стать, если этого **захочет** народ. Борьба за Думу и ее права может об'единить вокруг себя широкую массу населения, и только борясь за Думу, народ может пойти дальше, к более решительным, более крайним—демократическим лозунгам. И роль пролетариата должна быть ролью авангарда этого движения. Борясь за Думу вместе со всем населением, он в то же время сознательно ставит себе дальнейшую цель, к которой зовет всех, его лозунгом будет: через Думу к полновластному и всенародному представительству, которое учредит новый порядок. Удастся или не удастся одержать народу победу над бюрократией уже в эту думскую кампанию,—будет вопросом силы, и это мы, конечно, должны совершенно определенно говорить и на выборах. Но мы должны помнить, что содействовать на выборах появлению у народа той силы, которою он вырвет власть у бюрократии, мы можем не криками о восстании, а тем что мы будем выяснять народу истинное положение дел и будем организовывать его вокруг определенных требований для борьбы за эти требования с бюрократией.

ЖДАТЬ ИЛИ БОРОТЬСЯ?

(«Курьер» № 23, 1906 г.).

Некоторые люди говорят, будто мы призываем рабочих «**поддерживать кадетское министерство**». Когда это говорят люди, не совсем лишенные мыслительных способностей, то можно смело сказать, что это—сознательная **передержка.** Мы уже заявляли, что по нашему мнению рабочий класс должен бороться **со всяким** буржуазным министерством, не только «кадетским», но и «трудовым»—по той простой причине, что ни одно буржуазное министерство не может явиться выразителем классовых интересов пролетариата во всей их полноте.

К чему же мы призываем рабочих? Не к поддержке «кадетского министерства», а к поддержке **требования отставки безответственного** министерства камарильи и **замены его министерством, ответственным** перед народным представительством.

Многие товарищи бойкотировали выборы и сейчас готовы бойкотировать Думу по той причине, что она—не конституционное учреждение, а мнимо-конституционное, бессильное.

Вот, если бы у нас было **действительно конституционное** учреждение,—тогда дело другое, говорят они.

Что же значит вырвать власть из рук безответственной камарильи и сделать министерство ответственным перед Думой? Это и значит не что иное, как из мнимой конституции сделать действительную, положить не на бумаге, а на деле начало конституционному строю в России.

Полезно это для рабочих, добивающихся Учредительного собрания, полного народовластия и пр. и пр.? Пусть пролетарии подумают, когда их борьба может быть легче: тогда ли, когда будет гарантирована хоть некоторая свобода слова, печати, организации, или теперь, когда ни о какой действительной «конституции» и речи быть не может? Тогда ли, когда власть самодержавных крепостников будет окончательно подорвана, или теперь, когда они всесильны?

Ответ может быть, разумеется, только один: не даром, ведь, международная социал-демократия, и в том числе российская, всегда так упорно добивалась и добивается политической свободы, конституции. Конституция затем и нужна рабочим, что **облегчает** их организацию и борьбу за свои требования.

Но, говорят, отчего же рабочим, вместо поддержки требования отставки безответственного министерства и замены его ответственным,—отчего им, вместо этого, не решить просто готовиться к активному выступлению во имя захвата государственной власти в руки рабочих и крестьян? По той простой причине, что такое требование выставляют **пока** лишь сравнительно немногочисленные слои рабочих и крестьян. Отставки же министерства камарильи начинают **уже теперь** требовать десятки миллионов людей. Эта отставка становится требованием **всенародным.** Добиться своего собственного правительства рабочие не могут, потому что они для этого еще **недостаточно сильны.**

Пусть подумают рабочие, следует ли отсюда, что пролетариат не должен примкнуть к тому всенародному требованию, выполнение которого облегчает его борьбу за свои собственные требования? Ведь это было бы чистым безумием и сводилось бы к тому, что пролетариат ожидал бы того счастливого момента, когда он будет достаточно «силен», чтобы «сразу», одним ударом, добиться выполнения всех своих требований во всей их полноте.

Да беда еще в том, что при пассивном «ожидании» этот счастливый момент никогда не наступит: силы пролетариата сплачиваются и растут не в «ожидании», а в **борьбе,** отвоевывающей одну позицию за другой и расчищающей путь для дальнейшей борьбы.

ПРИМЕЧАНИЕ К I РАЗДЕЛУ.

1. В июле 1903 г. на юге России и Закавказье произошли массовые забастовки, быстро перераставшие в политические. Забастовки сопровождались революционными демонстрациями. В этих забастовках приняло участие до 250 тыс. рабочих.

2. **Гапоновское Общество**—«Собрание фабрично-заводских рабочих города Спб.»—было организовано Г. Гапоном в 1904 г. «Общество» существовало с разрешения правительства и преследовало задачи отвлечь рабочие массы от революционной борьбы. Социал-демократы, в большей или меньшей степени, использовали эти «Общества» для своей пропаганды.

3. Статья Ленина «Соловья баснями не кормят» помещена в VI томе Полного Собр. Сочинений, изд. 1925 г., стр. 41.

4. Брошюра Рабочего: «Рабочие и интеллигенты в наших организациях» с пред. П. Аксельрода вышла за границей в 1904 г. Выдвинув положение, что причиной неустройства и постоянных фракционных споров в партии является преобладание в ней интеллигенции, автор брошюры предлагал уравнять рабочих с интеллигентами, изменить состав руководящих партийных организаций так, чтобы в них преобладали рабочие.

5. **Акимов** (Махновец)—«экономист», один из редакторов органа экономистов «Рабочее Дело», был делегирован на II С'езд Р.С.Д.Р.П. от «Заграничного Союза русских соц.-дем». После революции 1905 г. отошел от партии.

6. Ленинское «Письмо к товарищу о наших организационных задачах»—см. т. IV Полного Собр. Сочинений, изд. 1925 г.

7. В № 72 новой меньшевистской «Искры» помещено заявление примиренческого тогда Ц.К. Р.С.Д.Р.П., в котором последний решительно высказался против созыва партийного с'езда, кампанию за который начали большевики. Для выработки мер, могущих привести к умиротворению, Ц.К. предлагал созвать Конференцию из представителей как большевиков, так и меньшевиков. Меньшевики, в лице редакции «Искры» и особого собрания 50 уполномоченных меньшинства, солидаризировались с заявлением Ц.К. Большевистская часть партии отнеслась к заявлению отрицательно, поскольку политика Центрального Комитета могла лишь сыграть на-руку меньшинству и не давала никаких надежд на восстановление единства партии.

8. **Комиссия сенатора Шидловского** была учреждена после событий 9 января 1905 г. официально для того, чтобы через выборщиков от рабочих выяснить нужды рабочих, а в действительности преследовала провокационные цели—расколоть спаянный событиями 9 января петербургский пролетариат.

9. **Закон 2 июня 1897 г.**, о сокращении продолжительности рабочего дня до $11^1/_2$ час. в обычные дни и до 10 час. в субботу и предпраздничные дни, явился результатом крупных стачек петербургских текстильщиков в 1896—1897 гг.

10. **Трепов**—московский обер-полицмейстер. После 9 января 1905 г. петербургский генерал-губернатор.

11. После событий 9 января 1905 г. правительство закрыло отделы Гапоновского Общества «Собрания фабрично-заводских рабочих». Во время кампании в связи с комиссией Шидловского рабочие требовали открытия этих отделов.

12. **«Экономизм»**—оппортунистическое течение в русской С.-Д. конца 90-х годов, стремившихся ограничить рабочее движение узкими пределами чисто экономической борьбы.

13. По поводу событий 9 января П. Струве в № 64 «Освобождение» поместил статью под заглавием «Палач народа». В этой стътье Струве пишет: «После событий 9/22 января 1905 г. царь Николай стал открытым врагом и палачем народа. Больше этого мы о нем не скажем; после этого мы не будем с ним говорить».

14. **«Революционная Россия»**—орган партии социалистов-революционеров. № 1 вышел в 1901 г. в Финляндии.

15. **Парвус**—псевдоним А. Л. Гельфанда (1869—1924)—русский эмигрант, в 80—90 гг. работал в Германии, примыкал к левому крылу С.-Д. Сотрудничал в «Искре» и «Заре». После раскола поддерживал меньшевиков, хотя в тактических вопросах

расходился с ними. В 1905 году выдвинул теорию «перманентной революции». В эпоху войны—крайний социал-шовинист и прямой агент германского империализма.

16. **Тов. Троцкий, Л. Д.** вместе с Парвусом защищал в 1905 г. теорию «перманентной революции».

17. См. примечание 8-е.

18. **Жорес, Ж.**— вождь оппортунистического крыла французской социалистической партии и 2-го Интернационала.

19. **Распайль** (1794—1878)—французский революционер. Участвовал в революции 1830 г. 24 февраля 1848 г. во главе толпы Распайль проник в залу заседаний временного правительства с целью принудить его к немедленному провозглашению республики. Неоднократно арестовывался. В 1853 г. тюремное заключение было заменено ему пожизненным изгнанием. В 1869 г. возвратился во Францию. В 1876 г. был избран в законодательную палату, где принадлежал к крайним радикалам.

20. **Святополк-Мирский**—министр внутренних дел, в 1904—1905 гг. провозгласил эпоху «доверия» правительства к обществу, за что в либеральных кругах пользовался репутацией либерала.

21. **Февральская революция во Франции**—политический переворот 23—24 февраля 1848 г., приведший к свержению короля Луи-Филиппа и к установлению республики. Господство в стране перешло из рук финансовой буржуазии в руки средней и мелкой буржуазии.

22. **Ламартин, Марра, Пажес**—члены временного правительства во время февральской революции 1848 г. во Франции. Ламартин, А. (1790—1863) поэт и политический деятель, был министром иностранных дел временного правительства, автор книги: «История жирондистов».

23. В июне 1848 г. произошло восстание парижского пролетариата, зверски подавленное генералом Кавеньяком. Последующая буржуазная реакция в конце-концов привела к диктатуре Наполеона III.

24. **Гапон, Г.**—поп, организатор «Общества фабрично-заводских рабочих» и руководитель манифестации рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. Уличенный в сношениях с охранным отделением, убит весной 1906 г. рабочими эсерами.

25. **«Вперед»**—орган большевиков. Выходил под редакцией: Ленина, Воровского, Ольминского, Богданова и Луначарского до III с'езда (всего 18 номеров), по постановлению с'езда, был заменен «Пролетарием», в качестве Ц. О. партии.

26. **Цинциннат**—известный римский политический деятель. Победив в 458 г. до нашей эры сабинян Цинциннат вернулся с добычей в Рим, сложил с себя звание диктатара и занялся земледельческими работами.

27. **«Освобождение»**—журнал, выходивший с 1 июня 1902 г. в Штутгарте под ред. П. Струве—орган земцев-конституционалистов и либерально-буржуазной интеллигенции.

28. **«Истинный социализм»** или немецкий социализм (Мойсей Гесс, Карл Грюн). отражал настроения немецкого мещанства, чувствующего на себе тяжелый гнет феодализма, но в то же время боявшийся политического господства промышленной буржуазии. (См. Маркс и Энгельс «Комм. манифест», изд. Института Маркса и Энгельса, стр. 93, 4-е изд.).

29. **Лассаль, Ф.**—основоположник самостоятельной политической партии рабочего класса. Им был организован в 1863 году «Всеобщий германский рабочий союз». Лассальянцы поддерживали политику Бисмарка, стремившегося осуществить национальное об'единение Германии сверху, что вызвало резкий протест со стороны Маркса и Энгельса.

30. **Бисмарк** (1815—1898)—крупнейший политический деятель, «железный канцлер» германской империи, главным делом которого было об'единение «железом и кровью» разрозненных немецких государств и создание германского национального единства под главенством юнкерской Пруссии. По его инициативе был проведен исключительный закон против социалистов.

31. **«Бюро комитетов большинства»**—было создано в ноябре 1904 г. на трех конференциях—северной (Петербургский Ком.), южной (Одесский, Николаевский и Ека-

теринославский Комитеты) и Кавказской (Бакинский, Тифлисский, Батумский, Имеритинско-Мингрельский Комитеты). В состав БКБ вошли тт. Богданов, Лядов, Гусев, Литвинов, Рыков, П. П. Румянцев и пр. БКБ вел подготовительные работы по созыву III с'езда партии.

32. **Линней, К.** (1707—78) знаменитый шведский естествоиспытатель, ввел в естественные науки номенклатуру и основал в ботанике свою особенную систему растений по числу тычинок, их расположению в цветке.

33. **Воинов**—А. В. Луначарский, член редакционной коллегии «Вперед»—орган «большинства».

34. 10 августа 1792 г. крайние демократические элементы, группируясь вокруг Парижской Коммуны и ее секций произвели переворот. Была уничтожена монархия, свергнут строй буржуазной аристократии и положено начало демократической республике. 22 сентября 1792 г. осуществились выборы в Конвент и Франция стала республикой. 6 апреля 1793 г. Конвент создал «Комитет общественного спасения» из 9 человек. Задачи комитета сводились к контролю над деятельностью правительства и принятию мер к обороне революции.

35. **Бернштейн, Эд.**—видный германский социал-демократ, основоположник ревизионизма и автор книги «Проблемы социализма», выщедшей в 1890 г. В настоящее время ревизионистские взгляды Бернштейна лежат в основе теории и практики 2-го Интернационала.

36. **Мильеран, А.**—французский политический деятель, в 1888 г. организовал группу «радикал-социалистов». В 1893 г. избран в палату депутатов, как представитель «независимого» социализма. В 1899 г. вошел в буржуазное правительство Вальдек-Руссо, за что был исключен из социалистической партии. Будучи в министерстве, Мильеран допустил применение вооруженной силы при стачках рабочих (Шалона и Мартиники). В настоящее время—непримиримый враг Советского Союза.

37. В 1901 г. под влиянием растущего рабочего движения, с одной стороны, правительственных репрессий—с другой, в России начались широкие студенческие волнения и демонстрации. Февраль 1901 г. ознаменовался огромными студенческими демонстрациями в Харькове и Москве. 4 марта происходила знаменитая демонстрация студентов в Питере, закончившаяся массовым избиением демонстрантов на Казанской площади.

38. **Конвент**—верховный орган революционной власти народа в годы наивысшего под'ема Великой Французской Революции (1792—1794). В Конвенте господствовала партия якобинцев—сторонников диктаторского централизма и беспощадной борьбы до террора включительно со всеми врагами революции.

39. См. примечание 34-е.

40. **Прудонисты**—сторонники Прудона (1809—1865) идеолога мелкой буржуазии, одного из теоретиков анархизма. В целях реорганизации капиталистического общества Прудон предлагал утопическую систему переустройства общества путем организации дарового кредита и меновых банков.

41. **Ланж, Доливье, Шометт**—деятели Великой Французской Революции, занимавшие в борьбе крайнюю левую позицию.

42. **Народная Воля**—революционная организация народников, возникшая в 1879 г. Народовольцы ставили себе целью свергнуть самодержавие путем ряда террористических актов и захвата власти.

43. **Модерантизм**—политический термин эпохи Великой Французской Революции. Якобинцы обозначали этим именем умеренных, сначала жирондистов, а затем дантонистов.

44. **Марат, Дантон, Робеспьер**—деятели Великой Французской Революции, вожди якобинцев.

45. **Балмашев, С.**—Социалист-революционер, 2 апреля 1902 г. убивший министра внутренних дел Д. С. Сипягина.

46. **Сазонов, Е.**—член партии социалистов-революционеров, убивший министра внутренних дел В. К. Плеве в июле 1904 г.

47. **Жоресизм**—оппортунистическое течение в рядах французских социалистов, возглавлявшееся Жоресом.

48. О вхождении соц.-демократов во все классы населения с целью осуществления гегемонии пролетариата в рев. движении—см. Ленин, В. И. «Что делать», том V, Собр. Сочинений, изд. 1925 г.

49. См. примечание 23-е.

50. Июльская монархия во Франции во главе с королем Луи-Филиппом просуществовала с 1830 по 1848 год. Июльская монархия оставила после себя крупный госуд. дефицит, для ликвидации которого, а также для укрепления государственных финансов вообще буржуазное временное правительство 1848 г. установило новый налог на крестьянство («45 сантимов»).

51. 10 декабря 1848 г. президентом французской республики был избран Луи Наполеон, племянник Наполеона I. При выборах он был поддержан не только буржуазией, но и крестьянством, которое, поддерживая Луи Наполеона, думало возвратить времена Наполеона, выгодные для мелкой крестьянской собственности. 2 декабря 1851 г. Луи Наполеон, используя иллюзии крестьянства и опираясь на крупную буржуазию, совершил государственный переворот и провозгласил себя императором.

52. **Франкфуртский парламент**—Учредительное собрание, созванное в эпоху революции 1848 г. в Германии. Нерешительность и слабость буржуазии, составлявшей большинство в парламенте, дало возможность силам реакции его ликвидировать.

53. **«Наши разногласия»**—см. т. II., Собр. Соч. Г. В. Плеханова.

54. «Социализм и полит. борьба»—см. т. II, Собр. Соч. Г. В. Плеханова.

55. **Тихомиров, Л.**—один из виднейших членов исполнительного Комитета партии «Нар. Воли». Впоследствии отошел от революционной деятельности и стал ренегатом, сотрудничая в реакционных «Моск. Ведомостях».

56. **О «Двух перспективах»** П. Аксельрод писал в брошюре «К вопросу о современных задачах и тактике русских соц.-демократов», перепечатанной в I т. настоящего сборника. Аксельрод предостерегал против чрезмерного увлечения узко-экономической борьбой, что могло бы привести в перспективе к превращению пролетариата в охвостье буржуазной демократии.

57. См. примечание 1-е.

58. **Фракция Виллиха—Шаппера** (1850—1852) появилась в Союзе Коммунистов после поражения германской революции 1848 г. Сторонники Виллиха—Шаппера игнорировали отсутствие непосредственной револ. ситуации, а также недостаточную зрелость пролетариата и призывали его к захвату власти. По словам Энгельса, «они (т.-е. Виллих—Шаппер) хотели приступить к деланию революции».

59. Конференция кавказских социал-демократических организаций—сторонников меньшинства состоялась накануне III С'езда партии (весной 1905 г.); наиболее характерные резолюции этой конференции здесь приводятся. Большевистские комитеты Кавказа были представлены на III С'езде 8-ью голосами, об'единенные в «Кавказский Союз» (М. Цхакая—2 голоса, Л. Б. Каменев—2 голоса; В. Ф. Галкин—2 голоса; Анашкин (бакинский рабочий)—1 голос; Джапаридзе—«Алеша»—1 голос.

60. **«Галерочная» фракция**—ироническое назание фракции «большинства» и редакция газеты «Вперед». Под псевдонимом «Галерка»—выступал член редакционной коллегии «Вперед» М. С. Ольминский.

61. См. примечание 25-е.

62. В № 14 «Вперед» от 12 апреля 1905 г. помещено письмо от членов партии рабочих металлического завода. В этом письме они пишут: «Мы, рабочие, выносим свое недовольство, так как у нас получилось 2 интеллигентские группы, то мы не находим фактически возможности работать в организации, и поэтому требуем от той и другой партии об'единения в одно целое».

63. В № 14 «Вперед» помещено письмо из Одессы за подписью «Рабочий». Товарищ пишет, что трудно работать на местах в связи с расколом, который произошел на II С'езде «отсутствие товарищеских чувств, без которых невозможна никакая товарище-

ская работа: «Я думаю, что может положить этому конец только третий с'езд, против которого восстают почему-то меньшенствинцы».

64. С конца 1904 г. начинается выступление либеральной буржуазии на земских с'ездах и банкетах, где произносились политические речи с конституционными требованиями. Меньшевистская «Искра» выпустила «Листок редакции «Искры» о земской кампании», где рекомендовала рабочим являться на банкеты земцев и в скромной форме, не пугая либералов, предложить им поддержать требования рабочих. Этот план «Искра» изображала как высшую форму политической борьбы рабочего класса. См. у Ленина, т. VI. «Земская кампания и план «Искры».

65. В январе-феврале 1905 г. в связи с «Кровавым Воскресеньем» 9-го января мощное забастовочное движение охватило рабочих всей России.

66. См. примечание 20-е.

67. **Булыгин**—министр внутренних дел в 1905 г., автор положения о т. наз. булыгинской Думе, опубликованного 6-го августа 1905 г.

68. См. примечание 10-е.

69. См. примечание 60-е.

70. **Ауэр, И.** (1856—1907). германский социал-демократ. В 1874 г. был секретарем партийного комитета эйзенахцев. Был докладчиком на об'единительном с'езде в Готе (1875 г.) по организационным вопросам. В 90-х годах бессменный секретарь немецкой С.-Д. партии, к теории относился с пренебрежением, был мастером компромиссов, много сделал для примирения большинства с ревизионистами.

71. **Бебель, А.** (1840—1913)—выдающийся вождь германской социал-демократии и 2-го Интернационала, по происхождению рабочий.

72. См. примечание 8-е.

73. «Письмо к товарищу о наших организационных задачах»—см. Ленин, т. IV.

74. Ряд членов ЦК после II С'езда во главе с Л. Б. Красиным пытались путем компромисса с меньшевиками создать единство в партии, но разногласия все больше углублялись,—и эта попытка примирения ни к чему не привела. После этого ЦК порвал с меньшевиками. Из представителей ЦК и «Бюро Комитетов большинства» был созван организационный комитет, созвавший III С'езд партии.

75. **Де-леонисты**—от имени американского социалиста Де-Леона. Организация Де-Леона страдала отрывом от широких масс.

76. Положение о земских учреждениях получило силу закона 1 января 1864 г. Согласно указу, в 33-х губерниях учреждались земства, в задачу которых входило развитие местных, хозяйственных дел, допускались выборы мировых судей уездными земскими собраниями. Земская реформа стремилась удовлетворить, с одной стороны, требования поместного дворянства, а с другой—дать отпор «несбыточным ожиданиям и свободным стремлениям разных сословий».

77. Здесь идет речь об общеземском с'езде, состоявшемся 6—9 ноября 1904 г. в Петербурге, на котором не было принято определенного решения по вопросам о представительном учреждении, о всеобщем избирательном праве и т. п.

78. **Хомяков, Н. А.**—правый земец, позже октябрист, председатель III госуд. Думы.

79. Статья написана по поводу с'езда земских и городских деятелей, состоявшегося в Москве 6—8 июля 1905 г.

80. «**Третий элемент**»—буржуазно-радикальная интеллигенция, работавшая в земских и городских самоуправлениях.

81. 6 июня 1905 г. Николай II принял в петергофском дворце депутацию земцев во главе с кн. Трубецким и кн. П. Долгоруковым. Цель посылки делегации—«предостеречь правительство от гибельных последствий его политики по отношению к насущным потребностям страны и указать мирный исход из современного невыносимого положения».

82. **С. Трубецкой**—земец, позже либерал. Первый выборный ректор Московского Университета.

83. Восстание на броненосце «кн. Потемкин-Таврический» вспыхнуло 14 июня 1905 г. благодаря работе крымского С.-Д. Союза. Члены одесского Ком. Р.С.Д.Р.П. проникли на броненосец и сумели поддержать там революционный дух. Восстание было подавлено. Броненосец 13 дней скитался по Черному морю и сдался румынским властям в Констанце.

84. **Булыгинский проект о госуд. Думе.** Дума должна была иметь совещательный характер. Система выборов обеспечивала преобладание в ней буржуазно-помещичьих элементов. Нарастающее революционное движение смело эту Думу и заставило правительство пойти на дальнейшие уступки.

85. См. примечание 10-е.

86. См. примечание 84-е.

87. Земский с'езд, состоявшийся в Москве 6—8 июля 1905 г., высказался за участие в выборах в булыгинскую Думу.

88. **Союз союзов**—организация союзов буржуазно-демократической интеллигенции—адвокатов, врачей, инженеров, техников и т. д., возникший 8—9 мая 1905 г. На с'езде в Финляндии 1—3 июля 1905 г. высказался за бойкот булыгинской Думы.

89. Конституционно-демократическая партия окончательно сконструировалась из «Союза освобождения» и «Союза конституционалистов» на с'езде, в октябре 1905 г.

90. Здесь, по всей видимости, идет речь о письме Череванина, посланном в ред. «Искры» и опубликованном вместе с ответом в статье «Наша тактика и государственная Дума» (№ 108 «Искры»), перепечатанной в настоящем сборнике.

91. **Череванин** (Ф. А. Липкин)—с.-д. меньшевик правого крыла, впоследствии видный ликвидатор.

92. См. примечание 8-е.

93. См. примечание 64-е.

94. См. примечание 84-е.

95. **«Пролетарий»** большевистская газета, начавшая выходить вместо «Вперед» с III С'езда партии. Просуществовала с мая по ноябрь 1905 г.

96. **Головин**—кадет, председатель II государственной Думы.

97. **Петрункевич, И. И.**—старый участник земского либерально-конституционного движения, организатор и видный член кадетской партии.

98. См. примечание 64-е.

99. **Стахович, М. А.**—умеренный либерал, земец. Член I и II госуд. Дум. Сначала примыкал к партии кадетов, затем перешел к октябристам.

100. **Шипов, Д. Н.**—земский деятель, председатель Моск. губ. Земской Управы. В земском движении занимал правое крыло. После 1905 г. вошел в «Союз 17 октября», потом в партию мирного обновления.

101. **Струве, П. Б.** (р. 1870)—представитель «легального марксизма» 90-х гг., в своих работах под видом «критической проверки» Маркса подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мирном врастании в социализм и т. д. Философию марксизма (диалектический материализм) отрицал всегда. В начале 900-х гг. открыто порвал с марксизмом и перешел к либерализму, став одним из крупнейших идеологов и вождей либеральной буржуазии. С 1902—1905 г.—редактор литературного органа земцев—конституционалистов «Освобождение». Собразованием кадетской партии—член ее Ц. К. После поражения революции 1905 г.—лидер самого правого крыла либералов. Во время гражданской войны участвовал в правительстве Деникина и министром был у Врангеля. Ныне находится за границей.

102. См. примечание 88-е.

103. **Бабеф, Гракх** (1760—1797)—видный деятель Великой Французской Революции, вождь коммунистического заговора «равных» в эпоху термидорианской реакции (1795—1797). Бабеф пришел к мысли о необходимости новой революции во имя интересов социальных низов и стал во главе тайного общества, задача которого заключалась в осуществлении революционного переворота в целях создания коммунистического общества. Заговор Бабефа был раскрыт, и 27 мая 1797 г. Бабеф был казнен.

104. **«Новое Время»**—орган реакционных дворянско-бюрократических кругов.

105. **«Наша Жизнь»**—орган радикально-буржуазных кругов (левее к.-д-тов) просуществовала с осени 1904 г. до конца 1905 года.

106. **Бюлов, Б.** (род. 1849)—князь, четвертый канцлер Германской империи с 1900 г. по 1909 г. Бюлов был ловким и угодливым придворным Вильгельма II. В своей внутренней и внешней политике опирался на консервативную партию, социал-демократию считал язвой, с которой призывал всяческими способами бороться.

107. См. примечание 18-е.

108. См. примечание 71-е.

109. См. примечание 24-е.

110. «Боевая организация» партии социалистов-революционеров была организована как самостоятельная организация, занимающаяся исключительно террором. Во главе «боевой организации» сначала стоял Г. Гершуни, затем Е. Азеф (знаменитый провокатор).

111. В Саксонии (до ноябрьской революции 1918 г.) народное представительство состояло из 2-х палат, пользующихся одинаковыми законодательными правами. Верхняя палата состояла из лиц, назначаемых королем. Нижняя, согласно избират. реформы 1869 г. избиралась на основании трехклассной системы (избиратели делились на 3 класса по размерам уплачиваемых налогов).

112. Крестьянские волнения в Саратовской губернии происходили в широких размерах в октябре 1905 г. Крестьянское движение выражалось в разгроме помещичьих усадеб, сопротивлении полиции и т. д. Количество разгромленных имений исчислялось сотнями.

113. **«Земля и Воля»**—организация народнической интеллигенции 70-годов. Народники 70-х годов считали, что Россия идет самостоятельным путем развития, отличным от пути Запада и что существование крестьянской общины дает возможность непосредственного перехода к социализму без политической борьбы, минуя капиталистическую стадию развития.

114. На Липецко-Воронежском с'езде, «Земля и Воля» раскололась на «Народную Волю» и «Черный Передел». Организация «Черный Передел» стремилась продолжать попытки «Земли и Воли» вызвать широкое бунтарское движение в крестьянских массах. «Черный Передел» ничем крупным в дальнейшей деятельности себя не проявил, члены этой организации постепенно эволюционизировали к марксизму.

115. **«Наши разногласия»** См. Плеханов, Собр. Сочин., т II.

116. «Обоснование народничества в трудах В. Воронцова». См.—Плеханов Собр. Сочин., т. IX.

117. **П. Струве**—«Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России», изд. 1894 г. Спб. Наиболее характерные отрывки перепечатаны в настоящем сборнике, т. I.

118. **«Развитие капитализма в России»**—См. Ленин, Собр. Сочин., т. III, изд. 1925 г.

119. Крестьянские восстания в 1524—1526 гг. вспыхнули по всей юго-западной Германии (Швабия, Саксония, Тюрингия). Во главе восстания стоял сын крестьянина, священник Мюнцер. Власть зажиточных слоев в Мюльгаузене была свергнута. Была установлена общность имуществ. Церковные земли были распределены в собственность крестьянам. В 1526 г. восстание было подавлено. Вождь восставших Мюнцер, был казнен.

120. Здесь идет речь о реформе 19 февраля 1861 г., проводимой руками дворянства в собственных интересах.

121. Всероссийский Крестьянский Союз—почти исключительно интеллигентская организация во главе с писателем Таном, слабо связанная с крестьянскими массами, возник в мае 1905 г. («Учредительный с'езд» в конце июля 1905 г.), уже в дни свобод (ноябрь 1905 г.) подвергался репрессиям, и с тех пор фактически существовало лишь Бюро Союза. Идеология союза носила расплывчато-народнический характер.

122. См. примечание 84-е.

123. См. примечание 15-е.

124. См. примечание 88-е.

125. П. Аксельрод имеет в виду письма, помещенные ниже и составляющие часть перепечатанной здесь с сокращениями брошюры «Народ. Дума и рабочий с'езд». Большая часть писем была написана Аксельродом еще до появления манифеста о булыгинской Думе.

126. Брошюра Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» появилась впервые в 1883 году. П. Аксельрод имеет в виду след. место в брошюре: ...«Мы думаем, что единственною нефантастическою целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России—с другой». (См. т. II, Собр. Соч. Плеханова, стр. 83).

127. См. примечание 24-е.

128. «Всеобщий Германский рабочий Союз» был основан в 1863 г. в результате пропагандистской и агитационной деятельности Ф. Лассаля, поставившего себе целью вырвать рабочих из-под влияния буржуазии и сплотить их в самостоятельную политическую партию. В ряды союза Лассалю удалось, однако, привлечь лишь небольшую часть передовых рабочих. Тем не менее лассальянский Союз сыграл в деле образования самостоятельного рабочего движения Германии крупную роль. В 1875 г. на об'единительном с'езде в Готе лассальянский Союз слился с «Эйзенахцами» в единую соц.-демократ. раб. партию Германии.

129. **Хрусталев-Носарь**—председатель петербургского С. Р. Д. в октябре-ноябре 1905 г., «беспартийный социалист» арестован 26 ноября 1905 г., приговорен в ссылку в Сибирь, откуда бежал за границу. Позже никакой политической роли не играл.

130. См. примечание 8-е.

131. Имеется в виду решение меньшевистского ЦК в ответ на разгон I госуд. Думы организовать движение против правительства. В конце июля 1906 г. была сделана попытка об'явить в Питере всеобщую стачку. Эта попытка не увенчалась успехом.

132. **«Отклики Современности»**—меньшевистский еженедельник, выходил осенью 1906 г.—придерживался крайних оппортунистических взглядов в области тактики.

133. **«Пролетарий»**—орган петербургского и московского комитетов партии, издававшийся в Финляндии с августа 1906 г.

134. **«Наше Дело»**—меньшевистский еженедельник, выходивший в Москве с 24 сентября 1906 г. Передовица № 1, написанная Череваниным, помещена в настоящем сборнике.

135. На Первой Всероссийской конференции РСДРП (ноябрь 1906 г.) принята резолюция против созыва рабочего с'езда. «Активные шаги по организации созыва рабочего с'езда совершенно недопустимы и являются нарушением партийной дисциплины до тех пор, пока по этому вопросу не состоялось соответствущее решение партийного с'езда». См. «ВКП (б) в резолюциях», стр. 51, 2-е изд. V (Лондонский) с'езд в мае 1907 г. самым решительным образом высказался против агитации за беспартийный рабочий с'езд. С'езд признал идею рабочего с'езда антипартийной.

См. «ВКП» (б) в резолюциях, стр. 60—61, 2-е изд.

136. **Максималисты**—крайнее левое течение в рядах партии с.-р.; главный организатор П. М. Соколов,—видный участник Московского вооруженного восстания. Организационное выделение произошло в январе 1906 г. после I с'езда С.-Р. на особой конференции. Союз максималистов широко развил террористическую деятельность и совершил ряд экспроприаций.

137. «Русское Богатство»—народнический журнал, выходивший в Петербурге с 90-х годов под редакцией Н. Михайловского и В. Короленко. Сотрудники «Русского Богатства» Мякотин, Пешехонов, Петрищев, организовали в 1906 г. народно-социалистическую партию.

138. Народно-социалистическая партия была организована в 1906 г. оппортунистическим кружком литераторов-народников, группировавшимся около журнала «Русское Богатство». Партия эн-эсов считала легализацию непременным условием своей деятельности и ради этого шла на крупные программные и тактические компромиссы, выбросила из своей программы требования республики, признала выкуп помещичьей

земли, стояла за избирательные блоки с кадетами. Особой политической роли н. с. не играли.

139. **Седельников**—член I госуд. Думы, трудовик.

140. **Богданов, А. А.** (умер в 1928 г.)—в 1905 г. деятельный участник III С'езда партии, член редакц. коллегии «Вперед», в философии стоял на точке зрения «махизма», С воззрениями Богданова решительно боролись Г. В. Плеханов и В. И. Ленин.

141. См примечание 91-е.

142. **Чернов, В.**—народник, ученик Михайловского, потом лидер партий с.-р.

143. **Каутский, К.**—виднейший теоретик II Интернационала. С 80-х годах был редактором теоретического журнала «Neue Zeit»; боролся с ревизионистами («Антибернштейн», «Аграрный вопрос»). Во время войны выступил с защитой социал-патриотов, скатился на позицию буржуазного пацифизма. После Октябрьской революции—ожесточенный враг Коминтерна и пролетарской революции.

144. **Гед, Ж.** (1845—1922)—лидер французских социалистов революционного крыла. В начале XX века вел резкую борьбу против соглашательства с буржуазией, против вхождения Мильерана в буржуазное правительство. Империалистическая война отбросила Геда в лагерь социал-патриотов.

145. **Жорес, Ж.**—лидер оппортунистического крыла французской социалист. партии, в противоположность Геду отстаивал вхождение социалистов в буржуазное правительство.

146. См. примечание 35.

147. **Ферри, Э.**—был вождем «интегралистов»—центра итальянского социализма (между реформистами и синдикалистами). Некогда представитель ортодоксального марксизма в Италии, выступал на Парижском Конгрессе II Интернационала с резким осуждением Мильерана за вхождение в буржуазное правительство. Позже перешел к соглашательству и высказывается за участие в либеральном правительстве.

148. **Турати**—вождь реформистов правого крыла итальянской социалистической партии, стоял за мирную парламентскую работу и частичные улучшения в положении рабочего класса, за сотрудничество с буржуазией.

149. **Давид, Эд.** (р. 1863 г.)—германский социал-демократ, ревизионист. В своей книге «Социализм и сельское хозяйство» пытался доказать несостоятельность экономического учения Маркса в области сельского хозяйства. Во время войны ярый защитник германского империализма.

150. Польская социалистическая партия (P. P. S.)—образовалась в 1893 г. Социализм П. П. С. окрашен в ярко-националистические цвета, отражая стремления профессиональной интеллигенции и мелкой буржуазии. П. П. С. служит опорой фашистского правительства в теперешней Польше.

151. См. примечание 30-е.

152. См. примечание 64-е.

153. Брошюра «Государственная Дума и Социал-Демократия» излагает два тактических взгляда, наметившиеся в социал-демократии по вопросу о выборах в первую госуд. Думу. Первый: бойкот Думы, проводит В. И. Ленин в статье «Государственная Дума и социал-демократия» (перепечатана в Собр. Сочин., т. VII, ч. I, стр. 59—66, изд. 25 г.), второй—использовать выборы для организационных и агитационных целей—проводит Ф. Дан в статье «Госуд. Дума и пролетариат», которая перепечатана в настоящем сборнике.

154. **Петербургский С. Р. Д.** возник стихийно в стачечные дни октября 1905 г. в качестве рабочего комитета, регулирующего стачку, постепенно в ходе борьбы превращаясь в зачаточный орган новой революционной власти. Разгромлен Совет правительством 3 декабря 1905 г.

155. **Гурийский Комитет РСДРП** на Кавказе провел идею полного народного самоуправления. В основе местного самоуправления была ячейка в 10 чел. во главе с выборным десятским, последние выбирали сотских, из которых составлялись сельские общества. Гурийским революц. самоуправлением была отнята власть у помещиков и разрешен в пользу крестьянства земельный вопрос.

156. Восстание, охватившее весь Прибалтийский край в начале 1906 г., на время вырвало местную власть из рук правительственных учреждений, но то обстоятельство, что в центре власть оказалась в руках царского правительства, дало возможность направить карательные отряды и жестоким образом подавить революционное движение.

157. То же самое происходило по линии Сибирской ж. д., на короткое время власть была в руках Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, но очень скоро это движение было разгромлено.

158. **Рахметов** (псевдоним А. Блюма)—с.-д., плехановец—придерживался крайних правых взглядов в тактических вопросах в период I Думы.

159. 13 мая 1906 г. начался конфликт между I Думой и правительством, вызванный ответом председ. Совета министров Горемыкина на думский адрес к царю. В адресе, составленном кадетами в конституционно-монархическом духе, робко говорилось о самовластии чиновников, «отделяющих царя от народа», выдвигалась умеренно-либеральная политическая программа, выражалась просьба о даровании амнистии. Горемыкин заявил, что право помилования приговоренных «составляет прерогативу верховной власти», что Совет министров находил нецелесообразным помилование преступников, «участвовавших в убийствах, насилиях» и т. д. В общем речь Горемыкина показала, что правительство отнюдь не намерено считаться с Думой.

160. **«Светоч»**—газета большевиков периода I Думы.

161. **«Победа кадетов и задачи раб. класса»** см. Собр. Соч. В. И. Ленина, т. VII, ч. I, Изд. 1925 г.

162. См. примечание 83.

163. Статью Ю. Каменева «О гегемонии пролетариата и о задачах партии» см.— Истпарт Ц. К. ВКП (б) «Новая Жизнь», первая легальная с.-д. большевистская газета, Изд. «Прибой», 1925 г.

164. См. примечание 42-е.

165. См. примечание 159-е.

166. **Михайличенко**—соц.-демократ—рабочий, депутат в I Думе от Екатеринославской губ. Высказываясь по вопросу о конфликте между Думой и правительством, Михайличенко призывал обращаться за поддержкой к народным массам.

167. **Трудовая группа в I госуд. Думе**—вторая по численности (107 чел.) после кадетов. Отражала настроения мелко-буржуазного крестьянства. В начале работы I Думы трудовики подчинялись руководству кадетов, под конец вступили в оппозицию к оппортунистической кадетской тактике и действовали по большей части совместно с с.-дем. фракцией.

168. **4-й с'езд партии кадетов** состоялся в сентябре 1906 г.

169. **Первый с'езд,** на котором сконструировалась партия кадетов состоялся в октябре 1905 г.

170. **Бывшее «большинство»**—так меньшевики иногда называли большевиков после IV Об'ед. С'езда, на котором последние оказались в меньшинстве.

171. См. примечание 140-е.

172. **«Речь»**—влиятельная кадетская газета, выходила при ближайшем участии П. Милюкова и др. лидеров кадетской партии. В №№ 79 и 85 «Речи» за 1906 г. были помещены статьи Милюкова «Как понимают с.-д. фракции «взаимодействие» народа и Думы», «Через Думу, или мимо Думы?» и пр., в которых с удовлетворением констатировалось, что Плеханов стал на точку зрения поддержки буржуазной демократии в Думе как кадетской, так и трудовической в одинаковой степени.

173. **Кишиневский еврейский погром, 6—7 апреля 1903 г.,** начинает новую полосу погромной политики правительства. Погромы должны были стать отдушинами для накопившегося недовольства масс. Белостокский еврейский погром 1—3 июня 1906 г. был спровоцирован правительством. В немецких газетах были опубликованы подробности первого погрома за несколько часов до его начала

174. —Царским правительством были опубликованы временные правила от 4 марта 1906 г., разрешающие с ведома полиции организоваться профессиональным союзам.

Фактически правила о союзах остались только на бумаге, реакция всемерно боролась против профсоюзного движения.

175. В начале 1906 г. для борьбы с возрастающей безработицей создан был в Петербурге «Совет безработных», в состав которого вошли безработные всех районов по одному представителю на 150 чел. В апреле 1906 г. депутация от безработных явилась на заседание Городской Думы и добилась ассигнования средств на общественные работы. Позднее, наступившая реакция разгромила «Совет безработных». Воззвание «Совета безработных»,—см. «Революция и ВКП (б) в документах», том IV, стр. 232.

176. 8 июня 1906 г. кн. Урусов разоблачал в гос. Думе участие правительства в организации черносотенных погромов.

177. **Горемыкин**—один из «столпов» правительства Николая II. В эпоху I Думы председатель Совета министров.

178. **Витте, С. Ю.**—русский государственный деятель конца XIX и начала XX века; много содействовал развитию капитализма в России. В 1905 г. является инициатором манифеста 17 октября, с помошью которого стремился играть двойную игру: сам он заигрывает с либералами, в то время как его коллега по министерству—Дурново организует патриотически-черносотенные банды. Перед созывом I госуд. Думы Витте получает отставку и с тех пор уже не играл заметной государственной роли.

179. Выступая в Думе по вопросу об участии правительства в черносотенных погромах, министр внутренних дел Столыпин согласился признать «неправильность действий» некоторых из своих подчиненных во время погрома в Белостоке.

180. См. примечание 10-е..

181. **Первый законопроект по аграрному вопросу** был внесен в Думу кадетами 8 мая 1906 г. Кадетский законопроект признавал необходимость увеличить площадь землепользования, для обрабатывающих землю личным трудом,—государственными, удельными, кабинетскими, монастырскими, церковными землями и путем обязательного отчуждения некоторого количества частновладельческих земель по «справедливой оценке». Для помощи в разрешении аграрного вопроса меньшевики выдвинули лозунг организации населением на местах специальных земельных комитетов. Аналогично меньшевики рекомендовали содействовать Думе как «организующему центру» и по ряду других вопросов, как это явствует из перепечатанной здесь статьи.

182. После манифеста 17 октября 1905 г. по всей России прокатилась волна погромов. 18 октября (Елисаветград, Киев, Кременчуг, Ростов на Дону), 19 октября (Одесса, Курск, Каменец-Подольск, Новозыбков и т. д.), 20 октября (Кишенев, Режица, Мариуполь, Жмеринка, Бахмут) и т. д. Погромы проходили с ведома, а в иных случаях и при прямом участии царских властей.

183. См. примечание 121-е.

184. **28 октября 1905 г.** правительство об'явило Польшу на военном положении. Петербургский С. Р. Д. 2 ноября 1905 г. призвал пролетариат к всеобщей забастовке с требованием отмены военного положения в Польше. 12 ноября 1905 г. военное положение в Польше было отменено.

185. **№ 1 « Известий Совета Рабочих Депутатов »** вышел в Петербурге 11 октября 1905 г. Цитируемые слова принадлежат автору передовицы № 1 «Известий», Л. Д. Троцкому.

186. **Звездин** (С. Л. Вайнштейн)—член Исполнительного Комитета Петербургского Совета Раб. Депутатов, меньшевик. По приговору суда в 1906 г. осужден к ссылке.

187. **III С'езд РСДРП** (май 1905 г.) в резолюции «об отношении к тактике правительства накануне переворота в пункте в) говорит:... «организовать пролетариат для немедленного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня и других стоящих на очереди требований рабочего класса». Такое же решение вынес петербургский С. Р. Д. 29 октября 1905 г.

188. См. примечание 129-е.

189. 5 декабря 1905 г. Московский Комитет РСДРП (большевистский) постановляет с 7 декабря об'явить всеобщую политическую забастовку и содействовать превращению ее в вооруженное восстание. Такое же постановление вынес Московский Совет Раб.

Депутатов. Вооруженное восстание московского пролетариата продолжалось с 9-го по 17 декабря и было разгромлено правительственными войсками.

3 декабря петербургский комитет РСДРП и Исполнительный Комитет С. Р. Д. постановляет об'явить всеобщую политическую забастовку, но вследствие истощения питерского пролетариата уже бывшими забастовками и арестом С. Р. Д.—эта забастовка не удалась.

190. **Петербургский С. Р. Д.** провел с 2 по 7 ноября 1905 г. политическую забастовку в знак протеста против военно-полевого суда над восставшими кронштадскими матросами.

191. **15 ноября 1905 г.** Почтово-телеграфный союз об'явил всероссийскую почтово-телеграфную стачку, С. Р. Д. поддерживал эту стачку. Правительство на забастовку ответило репрессиями. 19 ноября министр внутренних дел Дурново отдал приказ арестовывать «подстрекателей и агитаторов по забастовке почт и телеграфов». К концу ноября 1905 г. почтово-телеграфная забастовка была прекращена, а вместе с ней прекратилась и деятельность почтово-телеграфного Союза.

192. 2 декабря 1905 г. петербургский С. Р. Д. издает манифест с призывом отказываться от платежей налогов и податей, брать вклады из сберегательных касс, не допускать уплаты долгов по займам правительства.

193. **Дубасов, В. Ф.**—адмирал, усмиритель Московского вооруженного восстания в декабре 1905 г.

194. **« Текущий момент »**—Сборник с передовой статьей Н. Рожкова, тогда видного большевика. Изд. 1906 г.—Москва.

195. См. примечание 166-е.

196. **Выровой**—член С. Д. фракции I государственной Думы.

197. **Свеаборгское восстание 17—20 июля 1906 г.**—организованное под руководством офицеров—С. Д. Емельянова и Коханского. Восставшие заняли ряд укрепленных островков и оттеснили 6 раз пехоту. Верный правительству Балтийский флот с дальнобойными орудиями вынудил крепость сдаться; восставшие частью успели скрыться в Швецию, частью были преданы военно-полевому суду и казнены.

198. **Кронштадское восстание 19 июля 1906 г.** вспыхнуло среди 4 и 5 морских экипажей под руководством с.-р., матроса Егорова; к восставшим примкнула часть сапер; попытка поднять весь гарнизон крепости не удалась. После обстрела форт с восставшими сдался, и военно- полевой суд закончил дело усмирения свирепыми репрессиями и казнями.

199. 19 июля вспыхнуло восстание на крейсере «Память Азова» в Ревеле. Восстание было вскоре подавлено.

200. Меньшевистская фракция госуд. Думы вместе с ЦК партии (тогда тоже меньшевистским) пытались в ответ на разгон I госуд. Думы организовать движение против правительства. Забастовка не удалась.

201. Правительство 11 декабря 1905 года издало новый избирательный закон. Дума, согласно этому закону, получила законодательные права, хотя и с чрезвычайно урезанными правами. Количество лиц, имеющих избирательное право в городах увеличилось в несколько раз. (Помимо домовладельцев, пользовались правом и квартиронаниматели). Была создана рабочая курия; каждая фабрика и завод, имеющие больше 50 рабочих, имели право избирать одного уполномоченного от крупных заводов на тысячу 1. Уполномоченные выбирали выборщиков. Определенное количество рабочих выборщиков заседало в губернских избирательных собраниях вместе с выборщиками от землевладельцев, горожан и крестьян, которые от всего собрания избирали депутатов в государственную Думу.

II. СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ в 1905 г.

Основные черты, присущие партии социалистов-революционеров, как партии по существу буржуазно-демократической, выявлялись тем полнее и ярче, чем энергичнее и глубже в процессе революционного развития происходила размежевка общественных сил. В том же направлении действовали удары марксистской критики. Революция властно требовала от всех борющихся партий точного определения своих боевых позиций и последовательного оформления тактических ориентировок. Без этого условия, без выявления своего лица, партия неизбежно обрекалась на гибель. В огне борьбы уже невозможно было прикрывать свою социальную природу чужими лозунгами и взятыми напрокат идеологическими формами, нельзя было итти по линии сглаживания острых граней, наоборот, нужно было всемерно обострять эти грани, напирая не на те моменты, которые сближают с другими партийными групировками, а на те, которые разделяют, отдаляют и размежевывают. Великая дифференцирующая сила классовой борьбы последовательно и до конца доводит самоопределение борющихся сил, дает каждой из них место, каждую ставит на свою полочку.

Если до революции партия социалистов-революционеров всячески стремилась установить добрососедские отношения с социал-демократией, настаивая на необходимости об'единения сил для совместных действий против царизма, то, по мере развертывания революционной борьбы, она вынуждена была итти иными путями,—путями резкого противопоставления своих принципов принципам социал-демократии. Революционная практика требовала не мира, а меча.

Все тактические, программные и теоретические разногласия, которые с большей или меньшей определенностью выявились еще в предреволюционный период, чрезвычайно обострились и окончательно оформились в огне боевой практики.

«Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года побуждает эс-эров с исключительной настойчивостью выдвигать на первый план революционной борьбы тактику индивидуального террора (см. «Боевой момент»). С точки зрения этой тактики эс-эры усердно обстреливают социал-демократические позиции. Социал-демократы (большевики) рассматривали события 9-го января, как исходный момент **организации массовых сил** для решительного удара по самодержавию, как факт, вплотную продвигающий революцию ко всенародному вооруженному восстанию. Несколько раз повторяющийся в статье «Боевой момент» совершенно правильный тезис «Гражданская война началась», из которого большевики могли сделать и сделали только один вывод,—вывод, заключающийся в признании необходимости немедленной практической подготовки к вооруженному восстанию,—не толкает эс-эров на правильный путь. Они не видят массового характера движения, они ему не доверяют, они всецело продолжают находиться во власти своих

старых традиционных представлений, мечтая о заговоре, о терроре, о борьбе с персональными представителями власти. Великие традиции «Народной Воли» ослепляют их своим блеском, суживают их горизонты и мешают им видеть огромную разницу двух эпох, разделенных между собою двадцатипятилетним периодом, в корне изменившим лицо страны и поставившим принципиально новые задачи. Заговорщические и террористические стремления эс-эров, проявлявшиеся ими в обстановке 1905 года, свидетельствовали лишь об одном: они свидетельствовали о том, что эс-эры не верили в революционное творчество масс и истолковывали революционный процесс, как продукт деятельности героических личностей.

Террористической тактике эс-эры придавали решающее значение, и огромный революционный под'ем начала 1905 года они склонны всецело приписать именно этой тактике. В статье «Крестьянский С'езд» они заявляют об этом вполне определенно.

> «Террористическая борьба нашей партии отняла у нашего правительства наиболее сильных, смелых и решительных людей и посеяла в его рядах колебания и растерянность, а в народе подняла дух и веру в успешность борьбы с правительством. Все слои населения громко заговорили о своих неудовлетворенных нуждах. Все громко потребовали преобразования государства и удовлетворения своих нужд». Таким образом получается, что ведущим началом в революции являются герои-террористы, поднимающие народ на революционную борьбу актами индивидуального террора. Массы идут за героями. «Низвержение самодержавия,—заявляют эс-эры,—будет у нас делом рабочих и крестьян, с революционной интеллигенцией в авангарде»*).

Второй С'езд РСДРП признал деятельность партии социалистов-революционеров «вредной не только для политического развития пролетариата, но и для общедемократической борьбы против абсолютизма», главным образом по той причине, что они «теоретически и практически противодействуют усилиям социал-демократов сплотить рабочих в самостоятельную политическую партию, стараясь, наоборот, удержать их в состоянии политически-бесформенной массы, способной служить лишь орудием либеральной буржуазии»**). В 1905 году борьба эс-эров против самостоятельного революционно-политического движения пролетариата, против руководящей роли рабочего класса в революции приняла еще более откровенный и решительный характер. Эс-эры являлись наиболее энергичными проводниками мелкобуржуазного влияния на пролетариат. Проводя свою мелкобуржуазную контрабанду под социалистическим флагом, они в меру своих успехов сбивали определенные слои пролетариата с правильных классовых позиций и топили их в море мелкобуржуазных масс, ставя за одну скобку и рабочий класс и крестьянство, как равнозначущие социальные силы. В резолюции одного из местных с'ездов крестьянских организаций, протекавших под непосредственным руководством эс-эров, тенденция, рассматривающая крестьянство и пролетариат как единую классовую категорию, выявляется с полной определенностью. В резолюции сказано: «Обсудив программу русских социл-демократов, с'езд нашел взгляд их на трудовое крестьянство, как на класс мелкобуржуазный—оскорбительным и несоответствующим действительности... Трудовое крестьянство так же чутко относится к своей эксплоатации, так же вело и ведет борьбу с помещиками, кулаками и прочими эксплоататорами... Учение социализма проникает так-же в трудовую крестьянскую среду.

*) См. «Политика» и социализация земли в нашей программе.
**) См. резолюция II С'езда о социалистах-революционерах.

не только батраков и полубатраков, но и в остальные слои трудового крестьянства,—самостоятельных земледельцев»...*) Таким образом, всякое различие между пролетариатом и крестьянством стирается, поскольку обе эти социальные категории являются эксплоатируемыми. Такая надклассовая точка зрения совершенно неизбежно требовала от эс-эров самого непримиримого отношения к марксизму, самой беспощадной критики его, так как основа всех основ марксистской социологии заключается в четком, последовательном и об'ективном анализе классовой сущности различных общественных слоев и прослоек. Для эс-эров было жизненно важным делом подорвать учение Маркса о классах. И они этим делом занимались более чем достаточно. В статье «Наши задачи и их формулировки» можно достаточно полно ознакомиться с методами эс-эровской критики основ марксизма.

Нужно, однако, отметить, что критика эта ведется не без учета того обстоятельства, что марксизм уже пустил глубокие корни в общественном сознании, и поэтому эс-эры в своей программе обещают проводить анти-марксизм «не далее того, что нужно для установления посылок, из которых мы извлекаем практические выводы, отличные от тех, к которым приходит социал-демократия». Подобно тому, как некогда легальные марксисты стремились приспособить марксизм к потребностям движения либеральной буржуазии, так эс-эры на пороге революции 1905 года намереваются выпотрошить революционную сущность учения Маркса на потребу своим мелкобуржуазным тенденциям. Стремление к сочетанию идей Маркса с воззрениями Лаврова, Михайловского всегда было присуще эс-эрам. Эклектизм их программы как-раз и является результатом этого стремления. Извратить марксизм таким образом, чтобы он мог быть воспринятым сознанием мелкобуржуазного интеллигента и сдобрить его достаточной порцией старых народнических идей—именно по этой линии определили свое отношение к социал-демократии социалисты-революционеры.

Не подлежит сомнению, что как легальный марксизм с его абстрактным об'ективизмом, так и экономизм, вульгарно упрощавший роль и значение рабочего класса в освободительном движении, давали не малое количество поводов для народнической критики того «марксизма», который преподносился представителями упомянутых течений. Мало того, можно определенно утверждать, что эс-эры, в значительной мере, обязаны своим существованием тем уродливым извращениям, которым подвергались теория и практика русского марксизма второй половины 90-х гг. Даже тогда, когда уже вполне оформилось революционное большевистское крыло русской социал-демократии и когда, казалось бы, уже не могло быть никакого сомнения в революционной последовательности социал-демократического движения, эс-эры попрежнему продолжают жевать старую жвачку, упорно отождествляя революционный марксизм с оппортунистическим вздором экономистов и легальных марксистов и присовокупляя к этому вздор своего собственного измышления. «Для марксиста,—утверждает А. Комов**),— капитализм со всеми его бедствиями ведет, путем имманентного развития присущих ему противоречий, к торжеству социализма». «Идеализация исторического процесса и в частности капитализма... создает благоприятную почву для социологического квиэтизма, парализующего свободное проявление самостоятельности, инициативы и творческих сил партии»... Совершенно ясно, какого сорта «марксизм» имели в виду эс-эры, предпринимая подобный критический поход. Конечно, гораздо выгоднее и легче критиковать Струве, чем Ленина.

*) См. статью «Крестьянский с'езд».
**) См. «Наши задачи и их формулировки».

Но эс-эры не ограничиваются критикой, они устанавливают также положительную сторону своих воззрений. Эта положительная сторона заключается в утверждении, что капиталистическая стадия общественного развития вовсе не является необходимой предпосылкой социалистического переустройства общества. Там

«где капитализм не существует, или не занимает доминирующего места в хозяйственной жизни, или где он развивает преимущественно свои отрицательные стороны, социалисты ведут свою освободительную борьбу, опираясь на силы, формирующиеся стихийно или приводимые в движение социалистами же, в атмосфере гнета, эксплоатации и неравенства, не менее революционные и не менее благоприятные в смысле ассимилирования социализму, нежели эксплоатация капиталистическая» *).

В этой тяжеловесной формулировке по существу скрывается старая, как само народничество, мысль, что социалистическое движение может возникнуть и социалистическая революция может восторжествовать не только как движение пролетариата, но в результате возмущения угнетенных и эксплоатируемых масс вообще, независимо от того, из каких социальных отношений вытекают эти угнетение и эксплоатация. Бакунистско-народнические воззрения являлись неот'емлемой частью эс-эровского миросозерцания.

Все эти теоретические атаки, по сути дела, имели одну вполне определенную цель:—подорвать основной принцип революционного марксизма—принцип гегемонии пролетариата в борьбе против абсолютизма.

Той же цели служила эс-эровская идея социализации земли. Эс-эры всяческим образом старались убедить своих сторонников и врагов, что отчетливо понимают задачи и содержание предстоящего революционного переворота и отнюдь не отождествляют его с переворотом социалистическим. Но при ближайшем рассмотрении вопроса становится совершенно очевидным, что дело обстоит далеко не так. Социализация земли с ее уравнительностью и постоянным регулированием норм землепользования со стороны государства, несомненно, мыслилась эс-эрами в качестве некоего прорыва в социалистическое общество. Материал, приводимый в настоящем разделе, достаточно убедительно об этом свидетельствует. Социализация земли, с точки зрения социалистов-революционеров, есть не что иное, как начало социалистического переустройства деревни, при сохранении капиталистических отношений в городе. В дальнейшем развитии, на основах широкого народовластия, начнется процесс постепенного превращения капитализма в социализм,-процесс, в котором руководящая роль будет принадлежать «социализированной» деревне.

«Наша система»,—пишет автор статьи «К спорам о социализации земли»—открывает широкий простор обобществлению труда снизу, сознательными усилиями самих производителей,—и в этом отношении ею учитывается тот перевес отрицательных, разрушительных сторон над положительными, организующими, которыми характеризуется капитализм в аграрной области. В то же время социализация земли для нас есть часть минимальной программы, т.-е. рассматривается нами не как разрешение социального вопроса в деревне, а лишь как создание прочного базиса для дальнейшей борьбы за это разрешение».

Утопизм идей социализации земли именно в том и заключался, что идея эта допускала возможность сохранения мелкого крестьянского землевладения и перевод его

*) Там же.

на социалистические рельсы, при сохранении капиталистических отношений. Мелкобуржуазная ограниченность мешала эс-эрам видеть и понимать, что все их усилия охранить «трудовое крестьянство» от сокрушающего влияния капитализма есть чисто донкихотская борьба с ветряными мельницами. А их стремление увлечь также и рабочий класс на путь этой мещанской мелкобуржуазной утопии в корне извращает даже те элементы рациональной мысли, которые в ней содержались. В скорлупе эс-эровской социализации скрывалось ядро революционных настроений крестьянства, его воли к борьбе за землю. Но эта борьба могла увенчаться успехом лишь при одном условии,— при условии руководящей роли пролетариата в борьбе всех трудящихся против царя и помещиков. Развращая рабочих влияниями своей мелкобуржуазной пропаганды, эс-эры наносили удары делу, которому сами хотели служить.

Задачи социал-демократии заключались не только в том, чтобы констатировать реакционность, мелкобуржуазность и утопизм эс-эровской аграрной программы, но в том, чтобы вскрыть ее действительное классовое содержание, являвшееся отражением революционных тенденций крестьянских масс. «Критикуют, и справедливо критикуют, «трудовое начало» и «уравнительность», как отсталый, реакционный, мелкобуржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают передовой революционный, мелкобуржуазный демократизм, что эти теории служат знаменем решительной борьбы против старой крепостнической России»*).

Так Ленин вскрывал в борьбе с меньшевиками революционно-классовое содержание эс-эровской аграрной утопии.

БОЕВОЙ МОМЕНТ.

(«Рев: Россия», №, 59 1905 г.).

Мобилизованная армия самодержавия и мобилизующаяся под неприятельским огнем армия труда столкнулись в вечно памятные январские дни грудь с грудью, лицом к лицу.

Гражданская война началась.

Логика вещей, логика положения влагает нам в руки оружие. Да, она влагает в руки оружие даже тем, кто до сих пор нерешительно, с недоверием к собственным силам или с излишним предубеждением против острых, террористических средств предпочитал затягивать прежнее положение: сбор войск в мирное маневрирование их под бесправными, остающимися без отпора атаками сил самодержавия.

Гражданская война началась...

Теперь поздно,—более того, теперь самоубийственно оставаться при этой старой тактике. «Есть время камни собирати, и есть время камни метати». И если для людей, не желающих оставаться в хвосте движения, уже давно,-давно наступила пора от «собирания» перейти к одновременному «собиранию-метанию», то теперь только совершенно и навсегда безнадежные в революционном смысле люди могут этого не понимать или это оспаривать.

Лучше поздно, чем никогда. Для всех еще есть время признать, по крайней мере для настоящего момента, своевременность и целесообразность той тактики, к которой, по нашему мнению, давно было необходимо перейти,к тактике вооруженной борьбы, к тактике террора, единичного и массового, к тактике вооруженных демонстраций, организации и введения в действие боевых дружин,—к тактике, прямым путем ведущей к восстанию.

---

*) В. И. Ленин—«Аграрная программа соц.-демокр. партии в русской революции 1905—1907 г. г.».

Лучше поздно, чем никогда. Пусть, хоть для настоящего времени, будет признана нашими «друго-вратами» из революционного лагеря своевременность этой тактики,— и мы сможем ликвидировать целую полосу упорных, утомительных и безысходных споров, сможем похоронить множество недоразумений. Их нетрудно предать забвению — теперь надо жить не прошлым, а настоящим. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов, а живой о живом и думает. Пусть жаль, что соглашение не было достигнуто раньше, ибо тогда все мы были бы гораздо более подготовлены к тому, чтобы встретить настоящий момент во всеоружии. Но—«что жалеть? Нам жалеть недосужно!». У нас слишком много великих, захватывающих интересов в настоящем, чтобы не отдаться им целиком, предав забвению прошлое и предоставив вернуться к нему на досуге будущим историкам и архивариусам. Одно, чего мы больше всего желаем,—это установление практического единогласия в вопросе о переходе к вооруженной борьбе вообще, к террористической борьбе в частности. На этой основе может произойти боевое соглашение, выработка единого плана нападения, консолидации способных к бою сил. Но для этого необходимо со стороны всех организаций совершенно недвусмысленное заявление о современном направлении тактики. Необходима полная ясность и определенность. Всякие недомолвки и намеренные затушевывания будут неуместны и недостойны серьезности переживаемого момента.

Гражданская война началась.

Выжидательная тактика для нас невозможна. Она была бы гибелью революции. Мы не можем забиться по углам и предоставить свободную арену для действий нашим врагам. Враг поколеблен. Он спешит спасти себя хитростями. Он ищет ловких маневров. Он употребляет обходные движения. Должны ли бы мы только пассивно обороняться, ограничиваясь словесным «уяснением политического смысла всего происходящего» для рабочей массы? Нет, нет и нет! На дела отвечают делами. На удары платят ударами. Мы должны не выжидать, а действовать. Мы должны не отступать, не прятаться, не уходить в глубины революционного подполья для робкого нашептывания слов правды; мы должны наступать, мы должны не давать ни на минуту отдыха врагу, тревожить его ежедневно, ежечасно; организовать и вести в дело готовых; поддерживать энтузиазм у воспламененных; поддерживать веру в силу революции у робких и нерешительных; безустанно подрывать обаяние правительственной силы и делом доказывать возможность нанесения ударов, вносящих расстройство и смятение во вражеский лагерь. В такое время дорога каждая минута. Между лагерем реакции и лагерем революции лежат огромные толщи стихийных, малосознательных, колеблющихся элементов. Они в высшей степени подвержены случайным влияниям. В такие критические моменты им импонирует только решительный и смелый. Медлительностью и пассивностью можно только отдать их в руки торжествующей реакции.

Долой же сомнения и предубеждения против всяких боевых средств, способных сослужить в такой момент неоценимую услугу! Вопрос о средствах борьбы не есть вопрос какого-то отвлеченного принципа или догмы. Это—вопрос практики, вопрос условий времени и места, вопрос технического удобства. Можно наступать сомкнутыми в ряды массами, с оружием в руках—будем это делать; можно двинуть смелых одиночек для нанесения террористических ударов столпам реакции—будем это делать; можно по всей линии повести массовую партизанско-террористическую борьбу—будем это делать! Не будем делать лишь одного—не будем сами обессиливать себя, не будем кастрировать свою революционную энергию пассивностью, какими бы пышными фразами и теоретическими формами ни была она прикрыта. Решительные времена требуют решительных людей.

Силы правительства и силы восстающего народа пока еще неравны. Будем делать все чтобы перевесила чаша весов, на которую судьба положила народную силу. Для этого, прежде всего, нужно бросить на эту чашу весов острый меч, которого нехватало народу. Для этого, во-вторых, надо сделать все возможное, чтобы подорвать и ослабить правительственную силу. Чтобы это сделать, надо оставить боязнь перед словами «заговор», «террор» и т. п. Если в войске можно составить кружки, которые будут, по необходимости, носить заговорщический характер,—это должно быть сделано. Сделать, хотя бы частью,

это оружие правительства против самого правительства—это слишком реальное дело, чтобы отказываться от него из-за словесных жупелов. Столь же важна, конечно, и та дезорганизация, которую может произвести в правительственном механизме, параллельно с массовым движением, деятельность террористическая, про которую, вместе с тем, и теперь можно повторить слова Исполнительного Комитета Партии Народной Воли: 1) «Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т. п.,—имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы».

Гражданская война начата. Ни слова об отступлении, ни слова о выжидании, ни слова о пощаде! В выжидании—смерть революции, в беспрерывном, неустанном наступлении—победа. И пусть же решительные времена создадут и двинут в бой решительных людей!

КРЕСТЬЯНСКИЙ С'ЕЗД.

(«Рев. Россия», № 67, 1905 г.).

Нам прислан отчет о результатах одного из с'ездов представителей крестьянских организаций,—с'ездов, устраиваемых теперь в целом ряде губерний Черноземной полосы, Юга и Поволжья. На с'езде должно было участвовать свыше 30 крестьян-уполномоченных от разных мест; к сожалению, вследствие разных препятствий, явилось их только 18. На с'езде присутствовал также один агитатор-интеллигент. Из этого отчета видно, что участники с'езда считали особенно важным выработать по всем вопросам такого рода резолюции, которые могли бы послужить «руководством для всех уездных групп, для однородных и, по возможности, одновременных действий», чтобы «еще сильнее сплотить и укрепить трудовое население, дать ему силу в тесном единении как в мыслях, так и в действиях».

С'езд прежде всего провозгласил своим требованием уничтожение господства частной собственности, благодаря которой существует разделение людей на два класса, два враждебных лагеря: с одной стороны, трудящихся и эксплоатируемых, с другой—имущих, эксплоататоров. Борьба между ними должна итти «не на живот, а на-смерть» и об'единить все слои трудовых и угнетенных людей «в одну целую братскую семью», так как «интересы их и враги одни и те же». Цель—социализм, строй, который установится лишь тогда, «когда падет частная собственность на средства и орудия производства, когда трудовой народ станет сам у власти, захватит все богатства и все производство страны в свои руки, заведет общественный труд, обязанность каждого работать на все общество и введет равномерное распределение произведенных богатств, «когда все станут жить в мире и труде, когда для всех взойдет ясная заря свободы, братства и равенства, когда разовьется общественный дух, когда всякий будет работать на брата-человека, а наука, образование, искусство будут доступны всем». Отсюда требование социализации земли, далее—фабрик, заводов и т. д. В этом одинаково заинтересованы городские рабочие и крестьяне-земледельцы.

Особо доказывается в резолюции с'езда, что «и от одного уничтожения частной собственности на землю рабочие, как и крестьяне, получили бы гораздо больше преимуществ и выгод в борьбе с капиталистами». Указывается на то, как полуголодные, обнищавшие мужики, наплывая в города, сбивают цены на труд и мешают рабочим успешно бороться с капиталистами. Указывается, далее, на то, что при повышении благосостояния деревни возрастет спрос на рабочие руки. Указывается, что при общей собственности на землю в большую зависимость от общества попадают владельцы тех предприятий, которые окажутся на общественной земле. «Городским фабричным рабочим прямая выгода от социализации земли, а потому они и борются за одно и то же.

что и крестьянство; численно поддерживать друг друга—прямая обязанность каждого из нас. Да здравствует единение и взаимная поддержка рабочих и крестьянства! Да здравствует единый трудящийся, рабочий класс!»

Одна из дальнейших, практических резолюций гласит, что крестьяне, высказывая свою солидарность с рабочими в деле борьбы за общие интересы, т.-е. за достижение социализма, не делают при этом различия между русскими рабочими и трудящимися других народов, «где бы на земном шаре они ни находились». Поэтому они постановили принимать участие во всемирном празднике труда и братства народов—1 Мая.

Единогласно вотировано было с'ездом присоединение к П.С.-Р., как «единственной партии, которая дала клич трудовому крестьянству об'единиться в крестьянский союз, чтобы вместе с фабричными и городскими рабочими бороться за землю и волю, за лучшую долю рабочего народа; которая признала весь рабочий, трудовой класс, его силу и значение и приняла в свою программу давнишний клич трудящихся масс народа «Земля и воля!» «Народные насильники, народные злодеи беспощадно казнятся Боевой Организацией [2]) по приговору партии». Партия С.-Р. «более всего близка настроению и голосу народа». Поэтому с'езд признает ее программу и тактику «единственно отвечающими духу народа и нуждам настоящего времени» и призывает все трудовое крестьянство вступать в ее ряды.

Обсудив программу, требования и действия русских либералов и конституционалистов, с'езд решил: «1) аграрная программа партии конституционалистов не исключает частной собственности на землю и признает полумеры, которые только временно и мало могут облегчить положение рабочего народа, но не уничтожают главной причины его экономического бесправия, а потому поддерживать ее мы не станем; 2) но временное соглашение для более успешного добывания политической свободы возможно и желательно, при непременном условии созыва народных представителей на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. При чем такое соглашение нисколько не обязывает нас отказываться от своих более широких задач, и мы их всегда и всюду будем проводить».

Обсудив программу русских социал-демократов, с'езд нашел взгляд их на трудовое крестьянство, как на класс мелкобуржуазный, «оскорбительным и несоответствующим действительности». Этому с'езд противопоставляет уверение, что «трудовое крестьянство так же чутко относится к своей эксплоатации, так же вело и ведет борьбу с помещиками, кулаками и прочими эксплоататорами», и что «учение социализма проникает так же в трудовую крестьянскую среду, и не только среду батраков и полубатраков, но и в остальные слои трудового крестьянства—самостоятельных земледельцев», им также дороги интересы всего рабочего народа, и «взаимная поддержка считается нами необходимой». Резолюция указывает, между прочим, что фабрики и заводы не могут поглотить всех безземельных и безработных, а потому переход крестьянства в пролетариев сулит столько бедствий, что не даром крестьяне цепляются за землю. «Социал-демократическая партия, требующая уничтожения общинного, мирского землевладения и не вводящая в свою программу социализации земли, не может пользоваться нашими сочувствием, наоборот, деятельность ее в деревнях и селах направлена к пропаганде в пользу передачи земли из общинной в частную собственность, и потому, не говоря уже, что бесполезна, прямо вредна, так как вносит расстройство в нашу работу». Резолюция о с.-д. заканчивается словами: «Мы глубоко сожалеем, что социалистическая партия, какой считает себя социал-демократия, настолько заблуждается, что идет в разрез с голосом трудового народа».

Затем приняты резолюции: 1) о том, что царское правительство своими притеснениями так озлобило другие покоренные народы, что они теперь злобу эту иногда переносят с правительства на русский народ; это дело нужно поправить, предоставив всем народам право самим собой распоряжаться и по-братски столковаться полюбовно об общих делах; 2) против ненужной для народа, разорительной и несправедливой войны с Японией и 3) о созыве Учредительного собрания всеобщим, прямым и т. д. голосованием для переустройства всех порядков (перечислены политические финансовые etc. реформы).

По вопросу о практических задачах групп крестьянского союза П.С.-Р. с'езд принял следующие резолюции:

I. Пропаганда, агитация и организация.

«Наш Крестьянский союз имеет целью об'единение крестьян NN уезда для дружной общей борьбы в полном согласии с другими организациями П.С.-Р., под руководством ЦК партии, за полное и окончательное освобождение трудящегося народа от всякого гнета и эксплоатации, за полное торжество социализма. Поэтому первой и самой главной задачей союза является его расширение и упрочение. Образуя союз, мы, крестьяне, берем свое дело в свои собственные руки. Никто о нас не позаботится, если мы сами о себе не позаботимся. Поэтому мы должны: а) раз'яснять всем крестьянам, еще не примкнувшим к нам, в чем состоят интересы крестьянства и всего трудящегося народа, и почему мы должны быть социалистами; пропагандировать программу П.С.-Р. и привлекать к нашим группам новых членов; б) приобретать союзу сторонников в тех селениях нашего района, где еще не имеется наших групп, и основывать в них группы; в) снаряжать агитаторов и направлять их, по указанию комитета партии, в те места нашей губернии, где крестьянство еще спит и не знает социализма; г) основывать библиотеки легальных и нелегальных книг, обмениваться ими, организовать получение газет и нелегальной литературы (подробности организации не подлежат опубликованию)».

II. Политические задачи союза в современный момент.

«Наше царское правительство уже не один десяток лет хлопочет об одном—о борьбе с «крамолой» и об укреплении своей власти и ничего не делает для удовлетворения нужд народа, который разорялся, голодал и страдал от бесправия и произвола. В низших слоях народа накопилось большое недовольство и возмущение. Война с Японией показала всем бессилие и неспособность правительства. Террористическая борьба нашей партии отняла у нашего правительства наиболее сильных, смелых и решительных людей и посеяла в его рядах колебание и растерянность, а в народе подняла дух и веру в успешность борьбы с правительством. Все слои населения громко заговорили о своих неудовлетворенных нуждах. Все громко потребовали преобразования государства и удовлетворения своих нужд. Если крестьянство в настоящий момент останется неподвижным, не возвысит своего голоса и не потребует громко и смело «земли и воли», оно окажется обделенным и обойденным; оно ничего не получит в предстоящем преобразовании и непоправимо испортит свое будущее. Поэтому союз должен напрячь все свои силы, чтобы побудить крестьян: а) составлять приговоры с требованием созыва Учредительного собрания, избираемого всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосов; уничтожения частной собственности на землю и перехода всей земли в руки всего трудового народа; немедленного прекращения войны и заключения мира и т. д.; б) противодействовать полицейской пропаганде; в) отказываться от уплаты податей до тех пор, пока народ в лице своих представителей не будет участвовать в установлении налогов и контроля расходования государственных сумм; д) отказываться отдавать правительству запасных и новобранцев, так как настоящая война не нужна и теперешнее правительство заставляет войско стрелять в народ».

III. Об аграрных волнениях и восстании.

«Крестьяне, гонимые нуждой, часто принимаются в разных местах отдельно, без общего сговора, делить и пахать помещичьи земли, рубить на них лес, разбирать из помещичьих амбаров хлеб, уничтожать помещичьи усадьбы. В таких аграрных волнениях и беспорядках (как их обыкновенно называют) мы видим сознание крестьянством несправедливости частной собственности на землю, эксплоатации труда капиталистами и смутное понимание своих прав и готовность бороться за них. Поэтому мы радуемся им, так как всякая борьба лучше рабской покорности, но мы не видим в них средства, пригодного для достижения намеченных целей».

«Крестьяне захватывают помещичью землю, разбивают амбары и возвращаются в свои дома, как-будто враг побежден, а через некоторое время царское правительство

присылает войска, при помощи которых отбирает назад и землю и хлеб, а крестьян подвергает жестокому наказанию. Поэтому Крестьянский союз считает необходимым, если возможно, предупреждать отдельные бесцельные вспышки. Если же подобные аграрные беспорядки охватят широкую округу и есть надежда сделать их всеобщим движением, то союз должен приложить все усилия к тому, чтобы превратить их в открытое восстание против современного порядка. С этою целью союз должен: а) Раз'яснять крестьянам, что за помещиками стоит правительство и что нельзя осилить помещиков, не победив правительство; б) теперь же запасаться оружием и советовать делать это и другим сочувствующим крестьянам; в) организовать вооруженные группы из сильных и стойких людей, особенно из бывших солдат, которые могли бы становиться во главе крестьян и вести их на город и другие средоточия правительственной силы; г) как только начнется движение, выбирать своих собственных начальников и предводителей из надежных и верных людей, которых следует намечать теперь же. Одни из этих начальников должны поддерживать порядок восставшей округи, удерживать население от излишних жестокостей, от разрушения имущества и других возможных безобразий. Восставшее крестьянство должно помнить, что оно поднялось за попранную теперешним правительством правду и должно действовать так, как достойно поборников правды. Другие выбранные начальники должны предводительствовать толпой, обучать ее воинскому делу и приучать к дисциплине; д) как только начнется такое восстание, крестьяне должны издать манифест и об'яснить в нем всем, что они борются за свободу и землю. Этот манифест крестьяне должны разослать всюду своими людьми, а правительственные телеграфы уничтожить, если их нельзя захватить в свои руки, железные дороги портить, воинские поезда приостанавливать, уводя машинистов, кочегаров, кондукторов, портить паровозы; е) восставшие крестьяне, не причиняя без нужды насилия лицам, должны уничтожить межи, всякие межевые знаки, жечь документы на землю, об'являть о переходе каждого частного владения в общественную собственность всего народа, временно отдавать их в пользование малоземельным крестьянам (дарственникам и т. п.) на условиях, которые установит впоследствии выбранный народом Земский собор (или Учредительное собрание). Такое временное распределение конфискованной частно-владельческой земли производит особый комитет, выбранный крестьянами из лиц, пользующихся их доверием и незаинтересованных лично в том, как земля будет разделена. Союз думает, что такое крестьянское восстание может быть удачным только в том случае, если одновременно произойдет восстание в городах, так как только победа в городе обещает победу в деревне».

IV. О стачках, бойкоте и аграрном терроре.

«Зная хорошо настроение крестьянства и имея в виду общее политическое положение страны, союз считает главной своей задачей повести самую широкую политическую агитацию в деревне, возбуждая на сельских сходах различные политические вопросы, которые ставит сама жизнь, и готовить восстание, которое может вспыхнуть в самом скором времени. Этой агитации и этому подготовлению восстания должны мы посвятить все свои силы и всю свою энергию. Однако, повседневные отношения с помещиками, кулаками, местным начальством, попами и другими пиявками, присосавшимися к крестьянству, делают неизбежной непрерывную борьбу с ними из-за аренды, заработной платы и т. п. Среди всевозможных способов борьбы союз будет отдавать предпочтение тем, которые вовлекают в борьбу всю крестьянскую массу, приучают ее к дружному, стойкому отстаиванию своих интересов. В такой борьбе крестьянство привыкает прислушиваться к голосу союза, в такой борьбе создается и скрепляется неразрывная связь союза со всем действующим крестьянством. Такими средствами борьбы всей массой являются стачки и бойкоты:

а) В таких местностях, где аренда частновладельческой земли играет большую роль в крестьянском хозяйстве, следует устраивать стачки за понижение арендной платы и улучшение условий аренды; в) всюду, где частные владельцы ведут обширные хозяйства, следует устраивать стачки батраков за увеличение заработной платы, уменьшение рабочих часов и улучшение условий содержания и работы;

г) следует целыми сходами ограничивать жадность попов и уменьшать поборы, которые они берут за требы и в определенные годовые праздники; д) следует подвергать бойкоту наиболее вредных для крестьян лиц с целью сделать для них невозможной жизнь в деревне. С лицами, по отношению к которым об'явлен бойкот, должны быть прекращены всякие сношения: к ним нельзя наниматься в работники или в прислуги, у них нельзя ничего покупать, им нельзя ничего продавать, у них нельзя брать земли, с ними нельзя вести ни личных, ни деловых сношений. Что касается аграрного террора, под которым союз понимает насилия над землевладельцами и их служащими и повреждения их имущества, вытекающие из земельных отношений к ним, союз не вводит его в программу своей деятельности, хотя и считает, что в некоторых случаях проявление аграрного террора делается неизбежным, в виду необузданной эксплоатации землевладельцев. Союз не вводит аграрного террора в свою программу по следующим соображениям: а) Поджоги, убийства и т. п. не сплачивают всей крестьянской массы и не могут сделать группы его руководителями всей крестьянской массы, а стать такими руководителями—является главной целью союза и входящих в него групп; б) аграрный террор грозит измельчанием всему крестьянскому движению, отвлекая внимание крестьян от великих задач движения.

Однако союз признает необходимым не останавливаться пред насилием над людьми во всех тех случаях, когда оно является охраной движения против насилия и надругательства начальствующих лиц, против предательства и провокации.

«ПОЛИТИКА» и СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ В НАШЕЙ ПРОГРАММЕ.

(Н. Онегин.—Приложение к № 67 «Р. России», 1905 г.).

Высокая оценка «политики», однако, вовсе не обязывает нас строить чисто политическую программу-minimum и выбрасывать из нее социализацию земли. Мы полагаем, что ближайшая революция может повести к осуществлению —не социализма,— а большей или меньшей части нашей экономической программы, в том числе социализаци земли (опять-таки в той или другой степени). При неразвитости политического сознания у одних представителей нашей буржуазии, при неорганизованности всех их вместе, при слабости, трусости либерального движения, низвержение самодержавия будет у нас делом рабочих и крестьянских масс, с революционной интеллигенцией в авангарде. И если у нас достанет сил свалить чудовище абсолютизма, лелеемое бюрократией, оберегаемое отсталым дворянством, терпимое промышленной буржуазией,—то мы, победив царизм, тем самым одержим победу и над вышеназванными слоями, его поддерживающими, а нам враждебными, и обеспечим проведение—хотя бы частичное—наших экономических требований. Решительная битва с абсолютизмом вообще может быть мыслима в двоякой обстановке: или революционеры пойдут на приступ, рассчитывая исключительно на свои силы, не дожидаясь какого-либо решительно-благоприятного для них момента; тогда победа над царизмом превратится в частичную победу, как сказано выше, и над отжившим социальным строем, благодаря силе **заранее организованной армии** революционеров. Или же мы рискнем вступить в бой, не имея такой **армии**, но при наличности ее кадров и исключительного стечения обстоятельств, рокового для правительства и счастливого для нас, и в этих обстоятельствах найдем себе могучего союзника.

Сказанным уже решается в общих чертах вопрос, как бы мы поступили в случае поражения России на Дальнем Востоке. Не использовать этого момента в целях решительного нападения на абсолютизм было бы огромным политическим промахом. Такие подарки революции, как правительственный позор Иены, Седана или Севастополя, даются историей не часто, и их нельзя достаточно высоко оценить. Потерпев постыдное поражение в поединке с «карликом»-Японией, наше правительство будет разбито в последнем своем убежище—в военной авантюре, единственной области, где оно могло еще кое-кому импонировать, пускать пыль в глаза. Престиж его будет подорван в глазах так называемого «общества». Широкие народные слои, под тяжестью военных

поборов, бесчисленных ненужных и непосильных жертв, отвернутся от своих слепых, своекорыстных правителей и их «Верховного Вождя». Воздух будет насыщен грозовым электричеством, и нужна будет лишь искра, чтобы разразился громовой удар, губительный для зарвавшегося царизма. Достаточно будет надежных революционных кадров в городе и деревне для поднятия народной массы против нашего общего врага и для победы над ним и его союзниками и попустителями. В целях завоевания этого успеха надобно, однако, не дожидаться времени, когда народное восстание вспыхнет **само**, как это рекомендует «Искра» (см. ст. «Так ли мы готовимся?»), а **подготовлять его и** в критическую для правительства минуту взять на себя инициативу решительной атаки на самодержавие. Для обеспечения чрезвычайно важного содействия деревни теперь же необходимо перенести туда центр тяжести революционной работы. Городские рабочие массы уже не раз в Баку и Ростове, в Петербурге и Киеве, Екатеринославе и Одессе показали, какой запас революционной энергии они способны развить в минуты политического оживления страны. Да и по самым условиям городской жизни, притягивающим к ней рабочую и разночинную интеллигенцию, революционные кадры там пустовать не будут. Уместнее скептицизм относительно деревни,—новинка в революционном движении,—там эти кадры должны быть созданы настойчивой предварительной работой.

Конечно, последним судьею в вопросе о том, будет ли только буржуазной (точнее политической) революция, которую таким образом мы должны готовить, окажется история. Но мы с неменьшим правом, чем социал-демократы или «освобожденцы» и с полным основанием можем защищать свое выше развитое программное построение. Достаточно лишь помнить, во избежание всяких пустых толков об «обмане доверия» и пр., что мы ничего не «обещаем дать» рабочим и крестьянам, а настойчиво зовем их **взять** у эксплоататоров возможно больше*); и степень победы над ними, как и возможности ее, ставим в зависимость прежде всего от энергии, силы и организованности самих трудящихся масс. Не иначе ставит его и наш антагонист—социал-демократическая партия. И если уж говорить об «обмане доверия масс», то где гарантия что, напр., г.г. социал-демократы «дадут» крестьянам свои злополучные отрезки и добудут демократическую, а не узко-буржуазную конституцию? Где тот хитроумный бухгалтер от революции, который мог бы с точностью доказать осуществимость возвращения выкупных платежей, конфискации церковных земель и утопичность нашего требования социализации земли, если социал-демократия сама готова пред'явить его «на другой день после революции»? Характерно так же, что г.г. социал-демократы, неистово кричащие о «нелепости» нашей программы-minimum, на недавнем с'езде усердно занимались вопросом: как им быть, если крестьяне в ближайшую революцию потребуют всю землю? Какую позицию занять, если они эту землю возьмут? Усмирить их, или оказать попустительство? Разговоры закончились довольно-таки неожиданным для социал-демократии признанием «прогрессивного значения» перехода земли в руки крестьян и разрешением попустительства. Стало быть, уж не очень «утопично» это наше требование, господа! Гораздо вернее это требование, как и всю нашу формулировку программы, наше понимание взаимного отношения политики и экономики, признать единственно научным, принципиально выдержанным и практически целесообразным. Это понимание спасает нас за раз и от голых острых утесов якобинизма, и от мелей преждевременных социалистических экспериментов, да попутно еще от всяких лжереалистических половинчатых изменений,—в духе знаменитых отныне «отрезков».

НАШИ ЗАДАЧИ И ИХ ФОРМУЛИРОВКА.

Замечания на проект программы партии социалистов-революционеров. [3])

(А. Комов.—Приложение к № 67 и 75 «Р. России» 1905 г.).

Наша программа должна уделить место наиболее существенным теоретическим принципам, характеризующим миросозерцание социалистов-революционеров, но лишь в той мере, в какой это необходимо для обоснования целей и методов борьбы партии.

---

*) Поскольку требуемое не является социализмом, не забывайте этого, читатель.

Договорный характер программы противится тому, чтобы социологические положения, хотя бы и признаваемые огромным большинством членов партии, но не безусловно необходимые для санкции ее практических задач, будучи включены в программу, могли служить преградой для вступления в партию товарищей, стоящих на иной теоретической позиции, но солидарных с партией в отношении целей и средств борьбы и потому готовых бороться в ее рядах. Так, среди нас преобладает отрицательное или скептическое отношение ко многим из тех положений марксизма, которые социал-демократами признаются догматом веры, его же не прейдеши; но в программе мы свой антимарксизм будем проводить не далее того, что нужно для установления посылок, из которых мы извлекаем практические выводы, отличные от тех, к которым приходит социал-демократия. Мы не позволим марксистам навязать нам их миросозерцание; но в то же время мы не станем, в подражание сектантам ортодоксии, навязывать все свои теоретические взгляды тем из наших товарищей, которые сжились с теми или другими положениями марксизма, если только таковые не идут в разрез с основною концепциею нашей программы, и если только они от нас не потребуют, чтобы мы пожертвовали своими собственными взглядами. То же самое следует сказать по отношению к тем товарищам, миросозерцание которых проникнуто влиянием анархических идей.

Вот почему в программе следует избегать теоретических положений, хотя и кажущихся нам бесспорными, если только нет необходимой связи между ними и какими-либо практическими выводами. В отношении же к воззрениям, входящим в сферу марксизма, равно как и теорий, ему противополагавшихся, следует иметь в виду, что социалистическая критика учения Маркса, под влиянием как практических запросов времени, так и естественного стремления итти по линии наименьшего сопротивления, до сих пор касалась скорее отдельных частностей, но она еще не выполнила огромной и трудной задачи пересмотра и разбора всей системы марксизма в целом и au fond; это—дело ближайшего будущего. Но марксизм слишком долго отождествлялся с социализмом, он слишком сильно кристаллизовался в понимании многих, как единственная надежная опора социализма, чтобы критика того или другого пункта не означала для многих само собою подразумевающейся солидарности критика со всею остальною системою. И мы должны позаботиться о том, чтобы введение в программу какого-либо положения, направленного против отдельного пункта теории Маркса, не могло быть истолковано в подобном нежелательном смысле.

* * *

«Поскольку в тесных рамках буржуазно-капиталистических отношений развиваются, хотя односторонне и неполно, формы коллективного труда и производства в крупных, общественных размерах—постольку современное хозяйственное развитие обнаруживает свои положительные, творческие стороны, подготовляя некоторые материальные элементы для высшего, социалистического строя жизни и об'единяя в компактную силу промышленных армий наемных рабочих.

Поскольку же буржуазно-капиталистические формы суживают, ограничивают и извращают развитие коллективных форм труда и общественных производительных сил—постольку современное хозяйственное развитие обнаруживает свои отрицательные, разрушительные стороны: анархию товарного производства и конкуренции; бесплодное расточение в ней хозяйственных сил; кризисы, потрясающие народное хозяйство в самых его основаниях; рост эксплоатации, зависимости и необеспеченности рабочих масс; разлагающую все моральные устои власть денег; своекорыстную борьбу всех против всех за существование и привилегированное положение.

Взаимное положение между этими положительными и отрицательными сторонами современного хозяйственного развития различно как для различных отраслей производства, так и для различных стран. Сравнительно благоприятное в высших отраслях индустрии и странах классического капитализма, оно становится все менее и менее благоприятным в других отраслях промышленности, в особенности же в земледелии, и в целых странах, менее благоприятно поставленных в международной экономической борьбе».

Если на первый раз оставить в стороне неточности в отдельных частностях, в терминах (о каких, например, «моральных устоях» идет речь?), равно как форму выражения в первом абзаце, которая некоторыми может быть истолкована в смысле автоматического созидания социализма из положительных сторон капиталистического хозяйства,—то в приведенных строках проекта программы дается весьма правильное и верное представление о капитализме, как о системе элементов положительных и отрицательных, прогрессивных и регрессивных, равнодействующая которых, насколько историческое движение определяется стихийными факторами, может вести к высшим формам общежития, но может также давать компенсацию или даже перевес гибельных сторон над элементами творческими и созидательными.

Для марксиста историческое развитие, и в частности эволюция капитализма, представляется осмысленным процессом борьбы противоречий, предполагающих и обусловливающих друг друга,—процессом, в котором зло и страдания являются необходимым этапом и неизбежною предпосылкою к столь же неизбежным высшим формациям общежития. Для марксиста капитализм, со всеми его бедствиями, ведет, путем имманентного развития присущих ему противоречий, к торжеству социализма.

Мы далеки от подобного воззрения, представляющегося нам мало привлекательным и в философском и в практико-социологическом отношении. Ибо, с одной стороны, та мистическая и телеологическая тенденция, которою в данном случае проникнуто марксистское диалектическое мировоззрение, не может внушать доверия нам, социалистам, борющимся за освобождение человечества от всех форм гнета и эксплоатации, от всех форм рабства и потому обязанным очистить прежде всего свое миросозерцание от следов духовного рабства—от тех идейных пережитков, к которым, без сомнения, принадлежит указанная тенденция. Еще более нам чужды, с другой стороны, логические последствия доктрины, находящие себе применение в выработке принципов практической деятельности партии: идеализация исторического процесса и в частности капитализма, оптимизм, принимающий зло в неразрывном сочетании с творческими результатами, и пессимизм, санкционирующий зло, бедствия, страдания—в частности зло, бедствия, страдания капитализма—не только как неизбежные с точки зрения исторического детерминизма, но и в смысле единственно возможного пути достижения социализма, создают благоприятную почву для социологического квиэтизма, парализуют свободное проявление самостоятельной инициативы и творческих сил партии, как цельного организма и как аггрегата сознательно действующих личностей, суживают и ограничивают планомерное и целесообразное вмешательство работников социализма в общественное развитие, подчиненное, в глазах сторонников доктрины, стихийному шаблону, возведенному ими в ранг закона имманентного хода вещей.

Поэтому констатирование действительной природы капитализма, чуждой телеологической окраски, является для нас указанием весьма правильным и ценным.

Но в **программе** подобному указанию может быть уделено место лишь в связи с практическими **программными** выводами.

Каковы же те интересующие нас выводы, которые вытекают из рассматриваемого воззрения, равно как из множества других соображений и данных, не приведенных в проекте программы?

Во-первых, наступление социализма представляется нам не как естественный и стихийный результат неизбежного хода вещей, а как завоевание планомерной и сознательной борьбы, подчиненной творческой инициативе, выдвинувшей наш общественный идеал, как наиболее рациональное, наиболее нравственное и в то же время наиболее соответствующее стихийным условиям хозяйственного развития решение великой социальной проблемы. Поскольку исторический процесс является продуктом бессознательных стихийных сил, он не может себе ставить цели, не может иметь какие-либо миссии; вырабатывающиеся в этом процессе материалы, обнаруживающиеся в нем социальные тенденции могут совпадать с нашими целями, но и могут итти с ними в разрез. Но реальная история есть результат синтеза стихийного процесса и сознательного воздействия коллективностей и личностей. Социалистическая партия, как самостоятельный инициативный фактор, утилизирует тенденции благоприятные, борется с тенденциями

антагонистическими, вносит своею деятельностью новые тенденции, отсутствующие в стихийном процессе. С этой точки зрения, социализм, **как планомерная система эмансипации человечества,** осуществляется лишь как проявление деятельности нашей партии, и всякий шаг на пути к достижению нашего идеала совпадает с соответственным шагом в борьбе и творческой работе социалистов. И так как социалистический переворот будет преобразованием самым коренным и всесторонним, то социалистическая критика существующих отношений и понятий должна быть самая беспощадная, самая радикальная, а социалистическая борьба и социалистичская работа должны быть всесторонни, проявляясь всеми способами и затрагивая все формы общественной жизни и мысли—и в пропаганде, и в организовании всех слоев трудящихся и вообще всех способных примкнуть к освободительной борьбе, и в области морали, и в возможных личных и коллективных инициативах, направленных все в ту же сторону великого движения.

Во-вторых, капитализм, выражаясь геометрически, не есть ни необходимое, ни достаточное условие торжества социализма. Там, где капитализм существует и развивает благоприятные тенденции, могущие быть использованными в освободительной борьбе, социалисты утилизируют все положительные стороны капитализма, памятуя, однако, насколько успех социализма зависит от их собственных усилий и не связывая себе рук догматом о развитии капитализма до крайней степени своих противоречий, как о необходимом и неизбежном условии победы социализма. Там же, где капитализм не существует, или не занимает доминирующего места в хозяйственной жизни, или где он развивает преимущественно свои отрицательные стороны, социалисты ведут свою освободительную борьбу, опираясь на силы, формируемые стихийно или приводимые в движение социалистами же, в атмосфере гнета, эксплоатации и неравенства,—атмосфере, способной порождать чувства и тенденции не менее революционные и не менее благоприятные в смысле ассимилирования социализму, нежели эксплоатация капиталистическая.

В-третьих, там, где условия хозяйственной жизни, чуждые капиталистического характера, развивают тенденции особо благоприятные для освободительной борьбы и творческой работы социалистов, последние, далекие от того, чтобы приурочивать свою деятельность к капиталистической трансформации существующего экономического режима, как к необходимой и неизбежной якобы предпосылке ко всякой плодотворной социалистической работе, должны, напротив того, направить свою непосредственную работу для использований таковых благоприятных условий в смысле облегчения и ускорения перехода к социализму или к ближайшим непосредственно предшествующим фазисам социализма. Пример: русская община.

Вот каковы программные выводы, вытекающие из цитированного места «Проекта программы» и без которых развитые там положения, представляющие, без сомнения, большой теоретический интерес, остаются, однако, без практического применения.

К сожалению, логического развития этих положений до практических применений мы в тексте «Проекта программы» не находим.

Правда, во второй практической части «Проекта программы», пункт Б, 2, посвященный аграрной политике, гласит, между прочим, следующее: «В вопросах аграрной политики и поземельных отношений Партия Социалистов-Революционеров ставит себе целью использовать в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю, как на общее достояние всех трудящихся».

Этот пункт, соответствующий последнему из трех выше формулированных практических выводов, составляет, как известно, одно из главных и существенных программных различий между Партиею Социалистов-Революционеров и русскою социал-демократией.

Но, с одной стороны, формулировка profession de foi партии в области аграрной политики совершенно отдалена от изложения интересующих нас теоретических положений, и несомненная внутренняя связь совершенно теряется из виду, в виду отсутствия логического цемента между теоретическими посылками и практическими короллариями.

С другой стороны, ограничение логического развития принципа лишь в применении его к области аграрной политики было бы односторонним и неполным использованием теории, практические следствия которой гораздо более многозначительны. В данном случае весьма важно то, чтобы в виду подобного молчания не могло возникнуть и укрепиться мнение, что партия, в отношении других пунктов-короллариев, связала себе руки в духе марксистской доктрины и обычно делаемых из нее выводов.

Вот почему, полагаю я, рассматриваемое место «Проекта программы» должно быть дополнено выше формулированными практическими заключениями. В противном случае, будет целесообразнее, в виду соображений, приведенных в начале настоящей главы, это место совершенно выпустить.

* * *

Принцип **борьбы классов** принадлежит к числу наиболее важных идей в социализме. Теория и практика, понимание истории и наши представления о вероятном будущем, анализ современной действительности и самая постановка партийных целей зависят существенно от способа понимания и применения принципа классовой борьбы. С особенною силою выдвинули его Маркс и Энгельс, тесно связавшие его с целыми рядом философско-исторических воззрений, входящих в систему экономического материализма. Под влиянием основателей «научного социализма» учение о борьбе классов проникло в общесоциалистический обиход в виде сложной амальгамы основного принципа и множества неравноценных примесей. И потому всюду, где социалистическая мысль в выводах опирается на доктрину классовой борьбы,—в теоретических исследованиях, программах, публицистике,—критика должна тщательно взвесить ее составные элементы, отделяя ценное зерно от ложных, односторонних, сомнительных утверждений.

Теория классовой борьбы может иметь применение троякого рода.

Во-первых, как философско-историческая доктрина, теория классовой борьбы формулирует огромное значение весьма устойчивых проявлений солидарности и антагонизма, создаваемых разнообразными экономическими интересами, существующими в обществе с классовым расслоением,—интересами, об'единяющими однородные элементы для взаимного содействия и для совместной борьбы за общее дело и влияющими в более или менее сильной степени на выработку коллективной идеологии класса. Подобный принцип стоит вне концепции исторического или экономического материализма и не нуждается в ее санкции. **Но марксово учение о борьбе классов** усматривает во всей истории, или, вернее, во всех проявлениях общественной борьбы, какие только знает история, лишь **борьбу классов, как экономических категорий.** Те товарищи, которые стоят на точке зрения марксова понимания борьбы классов и в то же время считают себя противниками экономического материализма, не сознают, повидимому, что учение Маркса о борьбе классов всецело зиждется на его материалистическом понимании истории, и что признавать первое, не признавая в то же время второго, значит впадать в противоречие с самим собою. У маркса вся историческая эволюция обществ сводится, в конечном счете, к развитию производительных сил, изменению производственных отношений и к импульсу сознанных или несознанных экономических интересов; поэтому марксист остается последователен, когда он, в духе общего своего миросозерцания, пытается охватить одним принципом борьбы классов, т.-е. социальных групп, характеризуемых по существу признаками экономическими, все содержание истории. Ошибки и преувеличения, в которые он при этом впадает, ничем не отличаются от тех, которые свойственны материалистическому пониманию истории вообще. В ином положении находятся те, которые, отрицая субстанциальное значение экономических причин, видят в истории сложный результат действия сил, стремлений и интересов, которые не могут быть приведены к одной первичной основе, те, которые признают рядом с интересами экономическими **самостоятельное значение** в истории взаимодействующих между собою интересов политических, национальных, религиозных, как вообще многочисленных идеологических интересов. Для них, для противников экономического материализма, существовали и существуют самостоятельные группировки, основанные на интересах не только экономических, но и политических, национальных, религиозных и

других; им соответствуют проявления солидарности и антагонизма, которые часто не совпадают с таковыми же проявлениями, отличающими группы экономические, т.-е. классы в марксистской терминологии. Для того, кто отрицает научность экономического материализма—а социалисты-революционеры не считают и не могут считать эту теорию научною,—история, поскольку она представляет собою борьбу, есть не только борьба классов в марксистском смысле этого слова, т.-е. борьба экономических групп, но и борьба политических организмов и политических партий, борьба рас и наций, борьба религиозных обществ и борьба других социальных групп. Исторические события, исторические отношения несравненно более сложны и запутаны, чем это выходит по **марксистской** теории борьбы классов. На одной и той же личности или группе скрещиваются влияния разнородных интересов и стремлений, сферы которых между собою не совпадают и которые могут усложнить, видоизменить и даже парализовать проявления классовой солидарности и классового антагонизма. индивидуум или коллективность может чувствовать себя составною частью одновременно нескольких социальных групп (класс, нация, государство, церковь) и подчинять свою деятельность импульсам—не совпадающим или даже противоположным,—которые исходят одновременно или в последовательном порядке из этих разнородных интересов и связанных с ними чувств и представлений. Авторитет, которым пользуется в социалистическом лагере марксово понимание борьбы классов, об'ясняет в значительной степени те противоречия, ту путаницу и те недоразумения, которые постоянно обнаруживаются здесь в попытках об'яснить, на основе классовой борьбы, такие явления, как войны и международные конфликты, антисемитизм, преследование и притеснение негров в Америке и т. п.

Во-вторых, в применении к современному капиталистическому обществу тот же принцип формулирует выдающееся значение классовой борьбы между рабочими и капиталистами, борьбы,—в которой, вместе с ростом пролетариата, растет и восприимчивость рабочего класса к освободительным идеям международного социализма, и таким образом создается благоприятная тенденция для воспитания масс в духе социалистического идеала и для направления борьбы и деятельности их в соответственную сторону. Не довольствуясь этим, марксизм пытается дать конкретное выражение эволюции этой классовой борьбы и думает обосновать самое торжество социализма, формулируя закон революционного обострения классовой борьбы, вследствие неизбежного увеличения социального расстояния в капиталистическом обществе между рабочими и классом эксплоататоров. Влияние историко-материалистической концепции сказывается в данном случае в том, что при выводе и применении закона принимаются во внимание лишь данные и причины экономические и, притом, лишь ограниченная категория этих данных и причин.

В-третьих, как регулятивное начало действий и стремлений социалистов, принцип классовой борьбы входит в общее содержание социализма, как требование бороться в рядах трудящегося народа против его эксплоататоров, с целью полного упразднения классового господства и классового строя, вместе с водворением социалистического общежития. Но марксизм этим не ограничивается. Верный своей историко-материалистической концепции, он усматривает в экономическом гнете, в экономическом антагонизме источник всех других форм гнета и антагонизма: в классовой борьбе пролетариата с капиталистами—существенное содержание социализма, как движения; социализм, как теорию, в «теоретическом отражении сознанных интересов пролетариата»; основную конечную цель социализма—в преобразовании экономического строя победоносным пролетариатом на развалинах капиталистического общества; а во всех остальных освободительных задачах—средства или результаты эмансипации пролетариата. Противник экономического материализма не может не считать подобного воззрения односторонним и не соответствующим ни научной истине, ни широте социалистического идеала. Экономический гнет не может считаться основой, из которой вырастают все другие формы гнета. Как рядом с интересами экономическими существуют политические, национальные и всякого рода идеологические интересы, так и рядом с антагонизмом, угнетением, борьбою экономических групп, существуют самостоятельные формы антагонизма, борьбы, угнетения политического, национального, религиозного и т. п. Индивидуум может

одновременно принадлежать к двум социальным группам— одной угнетающей, другой— угнетаемой. Так, римлянин, как плебей, испытывал классовое угнетение со стороны патрициев, а как член римского политического организма, он участвовал в угнетении римских подданных. Так, в силу своего правового положения в культурных странах, современная женщина—существо подчиненное, неполноправное, угнетенное; но, когда она принадлежит к высшим классам и пользуется преимуществами своего классового положения, она сама—суб'ект эксплоатации. Борьба за классовые интересы пролетариата в данном месте и в данное время еще не означает **сама по себе** борьбы с национальным и расовым угнетением или отчуждением, с колониальною и завоевательною политикою, с клерикализмом, с бесправием и подчинением женщины. Одним словом, для того, кто не стоит на точке зрения экономического материализма, борьба против экономического порабощения вообще и, следовательно, борьба за экономическое освобождение пролетариата не означает еще **сама по себе** борьбы за все эмансипационные идеалы социализма. Когда же марксист апеллирует к **«высшим интересам международного пролетариата»**, то, хотя он и стремится удержаться на своей историко материалистической позиции, путем идеализации классовой борьбы пролетариата, но, отождествляя эти высшие интересы пролетариата с высшими интересами человечества, настаивая на совпадении конечной цели пролетарской борьбы с общечеловеческими идеалами, он вынужден признать существование высшей этической санкции, высшего идеала, признаваемого пролетариатом, уже **не как экономическую только категорию**. Итак, принцип классовой борьбы, как борьбы за интересы **экономически** угнетаемого класса, существенно входит, как направляющий принцип, в социализм, но не охватывает всего содержания последнего. Ибо социализм есть движение, направленное на уничтожение **всех форм** гнета, эксплоатации, общественного неравенства и бесправия; движение, на знамени которого начертаны великие универсальные начала права и справедливости; движение, стремящееся основать всюду в общественной жизни гармоническое соединение высшей свободы с высшею солидарностью.

В «Проекте программы» марксистские влияния отразились в трояком применении принципа классовой борьбы.

* * *

«С ростом социального расстояния между эксплоататорами и эксплоатируемыми, с ростом противоречия между производительностью труда и ничтожною долею в продукте самих трудящихся, с ростом нормы их эксплоатации, растет их недовольство своим положением в современном обществе».

В этом месте «Проекта программы» вновь формулируется закон Маркса о росте эксплоатации рабочих масс в капиталистическом обществе и указывается значение этого закона для обоснования роста и обострения классовой борьбы. К тому, что было сказано уже в первой главе настоящей статьи, достаточно будет прибавить несколько замечаний как о самом законе, так и делаемом из него выводе.

В приведенной формулировке рост социального расстояния между эксплоататорами и эксплуатируемыми приводится в связь с ростом нормы эксплоатации трудящихся. Но, исходя из теории Маркса (но оставляя в стороне вопрос о ее правильности), нетрудно показать, что норма эксплоатации может расти, не вызывая неизбежно роста социального расстояния между двумя антагонистическими классами.

Согласно учению Маркса, вновь созданный продукт (т. е. валовой продукт, за вычетом части, идущей на возмещение постоянного капитала) делится на две части, из которых одна, в виде заработной платы, достается рабочим, а другая составляет прибавочную стоимость, получаемую классом капиталистов. Из прибавочного продукта, в свою очередь, выделяются различные части, поступающие в пользу землевладельцев в виде ренты, в пользу государства в виде налогов, в пользу многочисленного класса посредников между производителями и потребителями в виде торговой прибыли и всевозможных faux frais (непроизводительных расходов) производства и т. д. То, что остается, за всеми этими вычетами, от прибавочной стоимости, превращается в доход собственно капиталистов-предпринимателей,—доход, который они могут, по желанию, упот-

ребить в той или другой пропорции на личные расходы и на расширение производства. В экономической литературе—и до и после Маркса неоднократно ставился вопрос о том, каково действительно употребление в капиталистическом обществе той доли, которая, в терминологии Маркса, называется прибавочною стоимостью. Так, Кирхманн об'яснял самые кризисы перепроизводством, как результатом невозможности потребления капиталистами своей прибавочной стоимости. Один русский экономист искал даже об'яснения милитаризма и сопряженных с ним огромных трат и жертв в капиталистическом обществе в той же самой причине. Подобные попытки могут считаться менее всего удачными, но в них интересно указание на бесплодное расточение средств и вообще на непроизводительное употребление, которое находит значительная доля фонда прибавочной стоимости. Не следует забывать, что, согласно экономической теории Маркса, огромный торговый класс (включая и рабочих, и всевозможного рода служащих, занятых в торговле) не отправляет никакой производительной функции, которая увеличила бы стоимость продукта, и живет на счет той доли прибавочной стоимости, которую он извлекает, в процессе обращения товаров, продавая по настоящей стоимости те самые продукты, которые уступаются ему капиталистами-фабрикантами по цене ниже их действительной стоимости. Пишущему эти строки известна одна попытка—сделанная приверженцем экономической теории Маркса еще до появления III тома «Капитала»—разрешить противоречие, известное под названием Sphinx-Rätsel*), между законом одинаковости нормы в производствах с различным органическим составом капитала и законом трудовой стоимости, указанием на то, что те отрасли производства, в которых большее участие переменного капитала создает и большую прибавочную стоимость, требуют участия также более многочисленного контингента торговых посредников, изрядно урезывающих эту самую прибавочную стоимость, и vice versa**). Таким образом (оставаясь на почве экономической доктрины Маркса), мыслимо такое капиталистическое общество, в котором, вместе с ростом нормы прибавочной стоимости и эксплоатации трудящихся, растет, например, торговый класс или вообще многочисленный класс лиц, отправляющих общественно-непроизводительные функции и поглощающих долю прибавочной стоимости настолько значительную, что, в окончательном итоге, не смотря на пропорциональное уменьшение доли трудящихся, социальное расстояние между ними и эксплоататорами увеличиваться не будет и даже может уменьшаться. В таком обществе недовольство трудящихся будет просто результатом той эксплоатации, той зависимости, того бесплодного расточения сил и средств, той необеспеченности существования и того социального неравенства, которые связаны с буржуазно-индивидуалистическим строем.

С другой стороны, непонятно, почему «рост недовольства трудящихся своим положением в современном обществе» должен непременно вытекать из «роста социального расстояния между эксплоататорами и эксплоатируемыми». Разве социальное расстояние между буржуазией и феодально привилегированными классами увеличивалось, когда она, буржуазия, боролась против «старого режима»? Далее, переход от увеличения социального расстояния между двумя классами, через рост недовольства эксплоатируемых своим положением, к обострению классовой борьбы предполагает существование промежуточных звеньев и наличность условий, средств и сил, вне которых первое положение не может быть предпосылкою для последнего вывода. В подобном случае нельзя утверждать с уверенностью, что некоторое явление есть необходимое или существенное условие некоторого результата. Положение рабов в древней Италии становилось все более и более ужасным, по мере роста могущества и богатства Рима. В особенности невыносимо было оно в тех предприятиях, которые, по характеру кооперации, по концентрации работников и по применению даже машин, несколько напоминают современную крупную промышленность; нельзя, например, читать без содрогания повествования древних историков о тех мучениях, которым подвергались рабы в серебряных рудниках, эксплоатировавшихся жадными римскими плутократами в Испании. Здесь можно наверное говорить о «росте социального расстояния между рабами и их

*) Загадка сфинкса.
**) обратно.

угнетателями» Но разве—за вычетом нескольких неудачных и бесплодных восстаний—это обстоятельство имело какое-нибудь влияние на «обострение классовой борьбы» между рабами и рабовладельцами и на эмансипацию рабов от ига господ?

Те, кто признают, что рост социального расстояния между трудящимися и их эксплоататорами является необходимым условием обострения классовой борьбы, ведущей к освобождению рабочего класса и к торжеству социализма, должны признать не только это. Они должны признать, что увеличение социального расстояния не должно быть слишком велико, ибо в противном случае оно переходит за те крайние пределы, где относительное уменьшение доли трудящихся превращается в абсолютное, и где рабочему классу начинает грозить нищета и деградация, которая отрицается большинством сторонников данного воззрения. Они должны признать, что увеличение расстояния не должно быть слишком мало, ибо в противном случае явление потеряет тот минимум рельефности и силы, который только и может произвести ожидаемое действие. Для них, верующих в этот закон, историческая эволюция капиталистического общества стихийно вырабатывает, для движения сравнительных фондов материального благосостояния двух противоположных классов, две траектории, постоянно удаляющиеся одна от другой не слишком много, но и не слишком мало, так, чтобы взаимное расстояние между ними было заключено в те пределы, которые одни только и обеспечивают торжество социальной революции... Не слишком ли заметны в подобном представлении следы той теологической мысли, которая во многих отношениях проникает философско-историческое миросозерцание Маркса?

Наконец, текст «Проекта программы» представляется неясным относительно применения интересующего нас закона к крестьянству. Маркс делал свои теоретические выкладки, оперируя над капиталистическим обществом, состоящим из класса капиталистов, стихийных агентов капитализма, подготовляющего материальные основы будущего строя, и из класса пролетариев, единственно-истинного носителя социализма. Но в «трудящиеся массы» входит также и трудовое крестьянство, в «анти-коллективистический череп» которого социалисты-революционеры не верят. Распространяется ли на трудовых крестьян также закон «увеличения социального расстояния»? Если нет, то он теряет характер необходимого условия насаждения социалистической психологии. Если же этот закон распространяется и на трудовое крестьянство, то возникает целый ряд вопросов, вытекающих из особого, в отличие от пролетария, положения в производстве крестьянина, не поставленного непосредственно лицом к лицу с капиталистом, который извлекал бы из него прибавочную стоимость. Применима ли аргументация Маркса к формулированию аналогичного суждения о крестьянстве? Какова в этом случае роль таких различных фактов, как косвенное подчинение капиталу, малоземелье, налоги и пр.? Не происходит ли увеличение социального расстояния между трудовым крестьянством и эксплоататорскими классами не от непосредственной эксплоатации его теми или другими элементами буржуазного общества, а лишь от контраста между его трудовым положением и ростом силы и богатства предпринимателей-капиталистов в фабрично-заводской индустрии, вследствие извлечения последними все большего и большего количества прибавочной стоимости из труда пролетариев? В какой мере позволительно тогда говорить, в применении к трудовому крестьянству, о росте «противоречия между производительностью труда и ничтожною долею в продукте самих трудящихся», о «росте нормы их эксплоатации»? и т. д. Излишне было бы, в виду неясности текста, сейчас продолжать этот ряд вопросов. Но, несомненно то, что относящиеся сюда формулировки и неизбежно вызываемые ими вопросы создают почву для новых гипотез, новой путаницы, новых недоразумений.

Вот соображения, которые, вместе с приведенными в начале настоящей статьи, делают желательным устранение из программы формулировки закона об увеличении социального расстояния между трудящимися и эксплоататорами, как признанной партиею догмы.

В дальнейших «Замечаниях» я подвергну критическому разбору места «Проекта программы», в которых нашли место другие применения принципа классовой борьбы, проникнутые, как уже сказано выше, марксистскими влияниями.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ВОПРОС.

(«Рев. Россия» № 68, 1905 г.).

Итак, для нас, социалистов-революционеров, организационный вопрос не есть спорный вопрос о преобладании той или другой котерии. В социал-демократическом смысле у нас **не возникало** особого принципиального «организационного вопроса». **Наш** организационный вопрос был куда проще: он сводился более всего к практическому, численному недостатку сил для всестороннего об'единения и обслуживания общих нужд местных организаций, групп и работников, прилагающих свои силы в самых разнообразных областях деятельности. И в этом отношении наши организационные пробелы и недостатки хорошо известны всем товарищам. Нельзя не заметить, что **практически** организационный вопрос для нас обставлен такими трудностями, какими он не был обставлен ни в какой другой партии. Наша программа требует самого разностороннего охвата жизни и, сообразно этому, крайней многочисленности, разнообразия, дифференциации специальностей. Но тем сложнее становится проблема поддержания единства при естественно обособляющей тенденции, которая присуща всякой специализации.

Возьмем любой район нашей деятельности. С самого начала работы в нем местным силам приходится вести работу: 1) в рабочей среде, 2) в обществе городской интеллигенции, учащейся молодежи, 3) в крестьянстве, 4) в сельской интеллигенции; отсюда издавна возникшие в пределах партии специальные организации: рабочие союзы, крестьянские союзы, организации учащихся и интеллигенции, одно время выделившийся особо «союз народных учителей» и т. п. Кроме того, в нашей партии число специальных технических групп, естественно, больше, чем в других; кроме печатных и транспортных организаций, неизбежной принадлежностью эс-еровской организации каждой местности являются **боевые дружины**.

Но наша программа не только разностороння, она еще и целостна. Она сливает воедино крестьянское и рабочее движение,террор и массовую борьбу. Соответственно этому организация наша не только дифференцирована, но и проникнута принципом строгого единства. Носителями этого единства на местах являются, прежде всего, местные комитеты. Комитетскому центру данной местности (обычно совпадающей, по своим границам, с губернией) обязательно подчинены все, действующие в тех же территориальных пределах, группы. Не может и не должно быть партийных групп, самостоятельных и обособленных от комитетов. Существование таких автономных, независимых от комитетского контроля групп нарушало бы не только внешнюю стройность, но и внутреннее единство и согласованность работы. От комитетского контроля могут быть независимы лишь группы, непосредственно подчиненные районному и общероссийскому центру, и лишь географически находящиеся в сфере действия отдельного комитета, работающие же для более обширной сферы, обслуживающие одну из общих, а не из местных потребностей. Все же собственно местные силы должны быть об'единены в одно целое. Координирующим органом является комитет данной местности,—этим самым уже сказано, что под его направляющим руководством должны действовать в местных делах все местные силы*).

Этому нисколько не противоречило существование особых центральных групп Крестьянского Союза, союза народных учителей и т. п. Существующая и сильно чувствуемая необходимость более близкого и тесного общения между не только работниками данной местности, но и работниками **данной специальности**, но различных местностей,—эта потребность вызвала к жизни все эти «союзы». Их существование лишало бы партийную организацию некоторой доли ее стройности и единства лишь в том случае, если бы местные их группы были из'яты из-под комитетского контроля—чего не может и не должно быть—и если бы центральные группы этих «союзов» существовали бы обособленно от Центрального Комитета, а не были группами при Центральном Комитете.

*) Если бы в районе деятельности того или другого местного или районного комитета оказались группы, именующие себя эс-еровскими, но принципиально утверждающие свою независимость от контроля соответствующих партийных органов,—к ним партийные люди должны относиться так же, как к организациям других, существующих параллельно с П. С.-Р., фракций или партий.

Это уже достаточно доказано опытом. Конференции, с'езды, совещания, постоянное общение работников данной специальной отрасли дела желательны и необходимы. Они не должны лишь вести к разрыву всей организации по специальностям. Им всегда останется достаточно места и в единой, стройной, строго-концентрированной организации, охватывающей, как в своих местных, так и в об'единяющих органах, всю совокупность партийной работы. В такой организации они сделаются залогом живого обмена революционным опытом, взаимопомощи, самодеятельности,—и в то же время цельности и согласованности работы.

Наконец, строго выдержать единство и цельность, как необходимые организационные принципы, не менее важно и в об'единяющих верхах партийной организации. Насколько это важно, лучше всего покажет сравнение с поучительным примером—организации этой стороны дела в Р.С.Д.Р. партии.

Возьмем крайние об'единяющие центры социал-демократии. Прежде всего, их было два: 1) «практический центр» или Центральный Комитет, действующий в России, и 2) «идейно-теоретический центр» или редакция Центрального Органа, находящегося за границей. И это чрезвычайно характерно. Два эти пространственно обособленные центры сопоставлены друг с другом, как две особых, равных, самостоятельных величины. Центральный Орган не является просто органом русского центра; нет, он сам—особый, второй, самостоятельный центр. Конечно, идея о том, чтобы разорвать идейное руководство и практическое руководство, чтобы поручить их двум разным и равноправным иерархически организациям, могла получить популярность лишь в такой партии, возникновение и развитие которой было слишком запечатлено влиянием заграничной группы теоретиков, которая приобрела благодаря этому самодовлеющее значение и привыкла гораздо больше давать директивы русской работе, чем прислушиваться к указаниям опыта этой работы и ее работников. В связи с этим социал-демократическая программа и тактика с самого начала, при возникновении своем, слишком мало считалась с тактическими условиями русской действительности. Она сводилась к механическому перенесению формул и методов германской социал-демократии на русскую почву, без всякой органической переработки, которая бы могла сделать эту тактику и эти методы живым порождением русской жизни. Напор событий в 90-х годах обнаружил до ослепительности ярко особенные условия борьбы в русских социально-политических условиях; особенно вопросы о террористической борьбе и о роли трудовых крестьянских масс, вставши во весь свой рост и во всей своей сложности, разбили стройную симметрию выработанного 80-ми и 90-ми годами русского социал-демократического шаблона. «Искра» была героической попыткой спасения догмы. Социал-демократическое отечество было об'явлено в опасности; был создан за границей комитет общественного спасения марксистской догмы; была установлена его диктатура, и с помощью этого восстановлено в России древлее благочестие во всей его чистоте; создался режим всесторонней светской власти ортодоксальной марксистской церкви, настоящая теократия или, употребляя удачный термин Огюста Конта [11])—**педантократия**, к тому же **заграничная** педантократия. Последняя быстро справилась с непокорной жизнью... Такое положение было воспринято, как историческое наследство, воссоединенной социал-демократией. Второй С'езд освятил, санкционировал наследственную традицию, предоставив заграничному «идейному центру» самостоятельно, особую, равноправную с русским «практическим центром» роль. Теория и практика «руководства» движением были, таким образом, разорваны и розданы отдельным организациям. Разорвав естественную связь между ними, приходилось, однако, создать на ее месте искусственную. Но тут-то и оказалось, что не всегда и не всякое искусство выше природы. Искусственная надстройка в виде «Совета Партии», на началах постоянного третейского примирительного учреждения, не устранила, а только усложнила зло—отсутствие организационного единства, нестройность и внутреннюю противоречивость в структуре организации. Только что закончившийся III С'езд привел внутреннюю двойственность к внешнему, формальному расколу: оказалось две социал-демократические партии: одна вокруг Центрального Комитета, другая—вокруг Центрального Органа. И что же мы видим? Первая из двух этих расколовшихся частей уже пересмотрела свой партийный

устав и руками Ленина, создателя диктатуры Центрального Органа, перестроила всю организацию на началах его подчинения русскому Центральному Комитету...

У Партии Социалистов-Революционеров с самого начала не было причин раздваивать свою организацию, раз'единять неразрывно-связанное—так называемое практическое и идейное «руководство», т.-е. практическое и идейное обслуживание общих нужд **всего** движения, взятого в целом. Ее программа и тактика находились в слишком неразрывной связи с практическим опытом борьбы, с указаниями самой жизни, с реальными нуждами движения. Ее теория являлась и должна была являться верным зеркалом жизни и целесообразным ответом на жизнь,—а не какой-то парящей вне жизни и над жизнью всевластной богиней. Ни на минуту в рядах партии не могло зародиться даже и мысли обособить Центральный Орган, как самостоятельную силу, стоящую где-то «над партией». Центральный Комитет суммировал в каждый данный момент программные и тактические итоги всей работы партийных сил; этим суммированием устанавливался общий фонд идей, стремлений и методов, составлявший почву общепартийного соглашения. Центральный Орган был, или, по крайней мере, стремился и должен был быть верным выразителем этой общепартийной платформы. Он был Центральным Органом Партии—это значило, что он был органом Центрального Комитета Партии.

Вследствие такой постановки не могло возникать нужды ни в иных центрах, кроме единого общепартийного Центра, ни в надстройках над этими центрами, ни в надстройках над надстройками. Не могло возникать и дуализма, разрыва, раз'единения между коллегией заграничных и коллегией русских работников. Связь между ними установилась самая непосредственная. И потому, если есть доля правды в том, что «за границей» легко оторваться от жизни, от практики, жить выдуманными интересами, потерять чутье действительности и создавать фантастические, не имеющие почвы в жизни программы и схемы,—то основной поток общепартийной заграничной работы от такого влияния «заграничной» атмосферы был гарантирован самой организационной постановкой этой работы. Директивы, идущие из России, созданные опытом живой борьбы, были компасом, не позволявшим затеряться в беспочвенных фантазиях или догматических дедукциях. Отрицательное влияние «заграничной» атмосферы могло сказываться, поэтому, лишь на отдельных, узких кружках, стоящих вне основного потока организованной общепартийной работы. Но что бы ни происходило в таких обособленных кружках, это может сделаться трагическими для их судеб, а не для судеб партии.

Центральный Орган есть орган Центрального Комитета; заграничная организация не есть что-то самодовлеющее, а есть лишь **организация помощи** действующим в России организованным силам; центр тяжести дела, решающий голос всегда и во всем принадлежит совокупности российских, непосредственно находящихс яна арене борьбы, партийных работников—таковы органически выработанные устои нашей внутренней партийной жизни. Все это, вместе с тем, суть лишь частные проявления одного и того же принципа,—принципа строгого **единства или монистического** типа организации.

Развитие и укрепление организации по строго выработанному плану, а также политическое и конспиративное воспитание революционера—это два пункта, на которых приходится сосредоточить особенное внимание именно теперь, когда близятся решительные события, когда история властно напоминает каждому человеку, сознавшему себя социалистом-революционером, его партийный долг, его высшую обязанность. Для характеристики этого долга мы вряд ли нашли бы более удачные выражения, чем слова нашего покойного великого учителя, П. Л. Лаврова [5]):

> «Сила организованной партии революционеров есть единственное надежное орудие для разрушения политического препятствия. Это—единственная армия для возможной войны. Обязанностью каждого члена партии, каждого солдата ее—положить свои силы на **ее** усиление, свою деятельность на осуществление **ее** дела. Партизанство и сепаратизм становятся тем более изменою общему делу, чем опаснее препятствия, чем труднее и ответственнее положение партии... Политическая борьба для разрушения препятствий социалистическому прогрессу возможна лишь для сильной партии, и потому всякий, сознательно вносящий в нее раздор и разложение, есть изменник общему делу,—изменник собственному политическому убеждению».

Только люди, в плоть и кровь которых вошли эти золотые слова, суть настоящие **партийные люди** в лучшем смысле слова. Ими живут партии, ими они крепнут, ими **побеждают.**

К СПОРАМ О СОЦИАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ.

(«Рев. Россия» № 75, 1905 г.).

Русские марксисты уже не раз пытались по отдельным статьям Маркса самого раннего периода реконструировать его тогдашние взгляды на практическую аграрную программу. Делалось это, само собою разумеется, в пику русскому «социал-народничеству», имевшему возможность ссылаться на сочувственные отзывы Маркса о русской общине. Вряд ли, однако, можно назвать остроумным полемический прием этого рода. Ведь это значит не более, не менее, как апеллировать к рудиментарному марксизму против марксизма, умудренного историческим опытом. Ведь это значит косвенно сознаваться в рудиментарности собственных взглядов, в том, что после исторического опыта, протекшего с 1848 г., «ученики», в противоположность своим учителям, «ничего не забыли и ничему не научились».

Не говоря уже о самоубийственности данного метода полемики в самом его существе, приходится сказать, что и пользуются им марксисты не всегда удачно: основательность их ссылок нередко хромает на обе ноги. Так, в посрамлении социалистов-революционеров орган г. Ленина, «Вперед», с большой помпой сообщил своим читателям о старой (1846 г.) полемике Маркса против одного из его современников, Германа Криге, который увлекшись в Америке проповедью национализации земли, по мнению «Вперед»— «совсем как наши социалисты-революционеры, облекал вопрос об аграрной революции в пышные, широковещательные фразы». [6]) Маркс, по мнению того же «Вперед», «бичует его именно за те черты его воззрений, которые мы видим теперь у наших «социалистов-революционеров»: господство фразы, мелкобуржуазные утопии, выставляемые в качестве высшего революционного утопизма (социализма. **Ред.**), непонимание реальных основ современного хозяйственного строя и его развития».

Оставим пока в стороне эти бессодержательные фразы о каких-то наших якобы «фразах», «непониманиях» и «утопиях» и обратимся к проверке исторической параллели «Вперед».

Что такое представлял собою Герман Криге, и насколько похож он был на нас, социалистов-революционеров?

Мы, прежде всего, добиваемся в аграрном вопросе **социализации** земли, т.-е. упразднения всей частной поземельной собственности; передачи этой земли в общественное распоряжение, на началах широкой децентрализации этого распоряжения—с формальной стороны, и на началах организации уравнительного пользования ею—со стороны реальной. Мы отводим при этом существенную роль демократически организованной **общине** и высшим соединениям общин: примерно, волостному, земскому, областному союзу. Высшим коллективностям по отношению к низшим мы при этом даем следующие функции: 1) уравнивать тем или другим способом землепользование отдельных общин, считаясь, при распределении земель, общественных повинностей, сборов на общие нужды etc. с разницей в плодородии почвы, системе хозяйства, густоте населения и т. д.; 2) более непосредственно распоряжаться такого рода природными благами, пользование которыми, по самому своему существу, выходит из узких рамок отдельной общины (лесные угодья, рыбные ловли, недра земли); и 3) заведывать резервным земельным фондом, т.-е. пространствами, обработка которых при данной плотности населения и системе хозяйства еще невыгодна, но которые при дальнейшем увеличении населения или интенсификации хозяйства поступят в состав культурной площади.

Что касается определения норм земельного наделения на каждую общину, то как максимальная, так и минимальная нормы определяются естественными данными. **Поглощение всей рабочей силы взрослого населения**—таков естественный максимальный предел землепользования: **удовлетворение в нормальных гигенических размерах потребления**—такова минимальная норма. В зависимости от степени интенсивности или

экстенсивности хозяйства, та или другая норма выразится в большей или меньшей площади земли. Итак, нормы эти текучи, и потому предполагают не какой-нибудь один, навеки годный «черный передел», а постоянное регулирование уравнительности землепользования на местах. Хозяйственное самоуправление в общине, мелкой и крупной земской единицы и т. д., т.-е. широкая **децентрализация** в деле регулирования уравнительности пользования,—есть необходимая предпосылка социализации земли. Совпадает ли норма земельного наделения с максимальной, или минимальной нормой, или же пройдет где-нибудь по середине—это каждый раз будет зависеть от того, насколько поддерживается или нарушается равновесие между ростом земледельческого населения и ростом производительных сил. Рост же производительных сил предполагает улучшенные средства производства, кооперацию, коллективизацию труда. Наша система открывает широкий простор обобществлению труда снизу, сознательными усилиями самих производителей,—и в этом отношении ею учитывается тот перевес отрицательных, разрушительных сторон над положительными, организующими, которыми характеризуется капитализм в аграрной области. В то же время социализация земли для нас есть часть минимальной программы, т.-е. рассматривается нами не как «разрешение социального вопроса» в деревне, а лишь как создание прочного базиса для дальнейшей борьбы за это разрешение. Социализация земли еще не разрешает вопроса о других, необходимых в земледелии, средствах производства. Обеспечение ими (как и семенами для посева и др. сырыми материалами и продуктами) может и должно быть функцией демократически управляемой и служащей не землевладению, не капиталу, а труду, **агрономической организации.** Социализация земли еще не устраняет эксплоатации крестьян денежным,—кредитно-ростовщическим, торговым капиталом, несправедливой системой налогов и т. п. Следовательно, продолжается борьба против всех этих сил современного общества, борьба, которая только с полным уничтожением этих сил (т.-е. экспроприацией всех экспроприаторов) придет к своей конечной цели. Итак, мы ни мало не идеализируем социализации земли. Мы считаем такого рода земельные распорядки естественным базисом для дальнейшей агитации среди крестьян, имеющей одним из своих лозунгов развитие общинного хозяйства, распространение кооперативных начал, последовательный переход к коллективной обработке полей с дележом продукта. Все это, кроме непосредственного улучшения положения масс, служит целям наглядной пропаганды выгод крупного, общественного хозяйства, уже не только в малом масштабе, а в общенациональных пределах, т.-е. хозяйства социалистического. Необходимым условием такой программы является организация трудового земледельческого населения, для систематической борьбы против всех эксплоататорских и антисоциальных элементов, в синдикаты, кооперации, в политические организации, добивающиеся власти в общинном, волостном, земском, областном самоуправлении, как и центральном народном представительстве, и борющиеся рука об руку с другою частью рабочего класса, индустриальным пролетариатом, против общих врагов, за установление **единого** планомерно ведомого общественного хозяйства, в котором деревенские производительные общины вросли бы, как естественная составная часть, на началах сознательной общественной организации всеобщего труда на всеобщую пользу.

Посмотрим теперь, что общего с этой общественной программой имеет социальная философия Германа Криге.

Прежде всего, насколько можно судить по статье Маркса, Криге даже и не говорил об обращении всей земли в общественную собственность. Он только настаивал, вместе с частью американск. «национал. реформаторов», на том, «чтобы 1.400 миллионов акров земли (сев. америк. государственные земли) были сохранены, как неотчуждаемое общее достояние всего человечества». Правда, это все-таки огромная территория; но, как бы то ни было, следует отметить, что план Криге вполне мирился с тем, что некоторое количество земель спекулянтами уже расхищено, расхватано, и не заикался об экспроприации у похитителей; ибо, как выражался Криге, «мы не хотим касаться собственности ни у одного человека; и что ростовщик однажды получил, он может держать у себя». Это раз. Второе, и весьма существенное: централистическое распоряжение землей. С одной стороны, по плану

Криге, стоит государственная власть, раздающая во владение землю повидимому, на началах бессрочной или вечно-наследственной аренды; с другой—разрозненные, индивидуальные кандидаты на получение. Третья характерная черта: чисто механический, а потому мнимый критерий «уравнительности» землепользования. Криге предлагал, именно, предоставлять «каждому крестьянину 160 акров американской земли для прокормления».—«160 акров земли,—смеется по этому поводу Маркс,—представляются ему в качестве вечно остающейся равною самой себе нормы, как будто бы ценность такой земельной площади не различна, смотря по ее качеству».

Не стоит терять слов по поводу первой же характерной черты плана Криге—неприкосновенности уже установившейся собственности. Она, конечно, прекрасно вяжется с общей его тенденцией, которую Маркс определяет, как «лицемерное изображение коммунизма в качестве силы, явившейся «не разрушить, а исполнить» существующие дурные условия вместе с иллюзиями, которыми расцвечивают их буржуа».

Как видите, все это очень похоже на программу социалистов-революционеров: так же, как свинья на пятиалтынный, или автор цитируемой статьи из «Вперед» на честного и добросовестного критика. Не менее похоже на нашу программу и все дальнейшее. В плане Криге совершенно не замечается даже тени желания считаться с необходимостью развития производительности земледелия, применения машин, мелиорации в широких размерах, вообще развития кооперации, разделения труда и т. д. Обособленные, самодовлеющие 160 акровые хозяйства разрешают все вопросы. Это дало известный повод Марксу заметить, что

> «не во власти законодателей декретами остановить развитие желанного для Криге патриархального строя в индустриальный или отбросить промышленные и торговые штаты восточного берега назад в патриархальное варварство».

Далее. В своих 160-акровых наделах Криге видел не просто временное улучшение положения земледельцев, но и **полное разрешение** социального вопроса, и даже не только в деревне, но и в городе.

> «**Каждый бедняк** тотчас же превращается в полезного члена человеческого общества, раз ему обеспечат возможность производительной работы. **Такая возможность будет обеспечена для него навсегда**, если общество даст ему кусок земли, на котором он может прокормить себя и свою семью. Если эта гигантская земельная площадь (все те же 1.400 миллион. акров) будет из'ята из торгового оборота и в определенных количествах обеспечена труду, **тогда нищете в Америке будет положен одним ударом конец**».

Таким же точно образом в одной статье Криге утверждал, что достаточно Нью-Йорку сделать должное употребление из своих 52.000 акров земли, чтобы «сразу» освободить Нью-Йорк навсегда «от всякого пауперизма, нищеты и преступлений». Словом, как видите, с этой точки зрения, достаточно иметь большую площадь общественных земель и делить их на индивидуальные участки, чтобы упразднить все бедствия существующего строя. Никакого социализма, никакого перехода индустриальных средств производства в руки общества не надобно. Торговый, промышленный и кредитный капитал могут оставаться неприкосновенными. И потому Маркс был вполне прав, когда иронизировал над Криге: хорошо, пусть земля не будет попадать «в руки грабителей-спекулянтов»; но ведь в их руки могут попадать **продукты** земли; разве это не одно и то же?*).

Словом, грубость, упрощенность, примитивность политической экономии Криге поразительны. Индивидуальное хозяйство—центр всей системы. Никакой революционной струи, никакого стремления двинуть вперед обобществление собственности и труда во всех отраслях жизни (по крайней мере, судя по изложению Маркса)—у него и следа нет. Раскритиковать подобную систему было, конечно, не трудно. Однако, нельзя не отметить, что Маркс в своей критике кое в чем сам грешит—не против Криге, конечно,

---

*) «Istes nicht einerlei?»—Мимоходом сказать, Маркс здесь впадает в другую крайность; это, разумеется, далеко не совсем «одно и то же», хотя спекуляция не перестает быть «грабительской» и требует соответственной борьбы против себя.

система которого ниже всякой критики—а против действительности. Именно: по его мнению, достаточно уже того, что крестьяне, работая на отчуждаемой земле (на началах, скажем, вечно-наследственной аренды), меняются между собою и с третьими лицами продуктами своего труда: «раз дело дойдет до этого, то **скоро** окажется, что один крестьянин и без капитала, благодаря своему труду и большей плодородности своих 160 акров, доведет другого до положения своего батрака». Однако, не слишком ли уж это **скоро**, и даже скоропалительно? Маркса статей о Криге можно для разрешения этого вопроса отослать к Марксу «Капитала». Там, в последней главе I тома («Новейшая теория колонизации») раз'яснено, что не только «без капитала», но даже и с капиталом, и не малым, в колониях, где доступ к земле свободен, часто ничего не поделаешь. «В колониях владение деньгами, средствами существования, машинами и другими орудиями производства еще не делает человека капиталистом... Здесь повсюду капиталистический способ производства наталкивается на препятствия, представляемые собственностью, приобретенной собственным трудом, и производителями, которые, в качестве частных владельцев своих собственных условий труда, сами обогащаются своим трудом, вместо того, чтобы обогащать им капиталистов». Отсюда и происходит, что капиталисты, начиная в таких колониях предприятия, привозят с собой не только свой капитал, но даже и достаточный запас наемных рабочих; но тут оказывается, что они «все предвидели, забыли только вывести вместе с собой капиталистические условия производства». Поэтому «скоро» оказывается не то, что предвидел Маркс 1846 года, а совсем другое: оказывается, что эти капиталисты привозят на свой счет... своих собственных будущих конкурентов. И вместо того, чтобы один крестьянин, «и без капитала», скоро превращал соседа в батрака, оказывается вот что: «Сегодняшний наемный работник делается завтра независимым крестьянином или ремесленником, имеющим собственное хозяйство... Это постоянное превращение наемного работника в независимого производителя очень вредит состоянию рынка наемного труда. Не только степень эксплоатации работника становится низкой до неприличия, но последние вместе с зависимыми отношениями теряют также «чувство зависимости» от «воздерживающегося капиталиста». Отсюда необходимость искусственных мер, грубых или утонченных, явных или замаскированных, чтобы если не устранить, то ослабить такого рода «беспорядки»...

Что Маркс 1846 года может многому научиться у Маркса 1867 года—это неудивительно. Но что марксисты 1905 года регрессируют от Маркса 1867 года к Марксу 1846 года—это обстоятельство, перед которым, действительно, остается только развести руками. Впрочем, в науке такие явления известны и отчасти изучены. Люди науки называют их **историческими переживаниями** или явлениями **регрессивной эволюции.**

В связи с указанной юношеской ошибкой Маркса,—ошибкой, которую устранило более глубокое изучение экономических явлений, предпринятое им в зрелые годы, стоят и кое-какие другие слишком поспешные заключения. Таково его утверждение, что одним из «необходимых последствий» разделения земли на индивидуальные хозяйства будет « концентрация», и что при этом даже безразлично, попадет ли в сферу товарного круговорота земля или только продукты земли. Здесь сказалась та самая «марксистская догма», самое существование которой теперь оспаривает г. Плеханов*). Кроме того, стоит отметить тогдашнее глубокое убеждение Маркса, будто «не во власти законодателя» остановить развитие патриархального строя в индустриальный или отбросить «назад в патриархальное варварство» промышленные местности. Этот взгляд соответствовал тем увлечениям Маркса и Энгельса в области преувеличения силы стихийного экономического развития, в которых позднее сознавался Ф. Энгельс. Увы! теперь мы слишком хорошо знаем, что иные «законодатели» своим ведением государственного хозяйства и финансов могут надолго затормозить развитие производительных сил страны, остановить его или отбросить «назад в патриархальное варварство». Теперь мы слишком хорошо знаем, как сильно могут иногда «политические надстройки» влиять на «экономический фундамент». Но наши ортодоксальные марксисты этим ни мало не смущаются.

*) См. его предисловие к статье Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии».

Им достаточно, откопать хотя бы из самых ранних произведений Маркса, полемический отрывок, в котором можно выудить хоть маленькое, хоть самое поверхностное, чисто словесное сходство с их полемикой против нашей программы (он ведь слишком часто мыслил **словами**, а не **понятиями**), и они уже довольны. Что за дело до того, что данный отрывок отразил на себе эпоху детства марксизма! Под старость впадать в детство неудивительно,—а русский марксизм, видно, все более стареет, изживает себя,—отсюда и возвращение к своему собственному историческому детству, возвращение к рудиментарным формам марксизма.

В самом деле: разве это не называется мыслить словами вместо понятий? Подхватив у Криге слова «из'ять из торгового оборота» государственные земли и «обеспечить их труду», редакция «Вперед» с торжеством делает к этому месту от себя примечание: «Вспомните, что писала «Р. Рос.», начиная с № 8, о перетекании земли от капитала к труду, о государственных землях в России, об уравнительном землепользовании, о буржуазной идее вовлечения земли в торговый оборот и пр. Совсем как Криге»! Действительно, в «Рев. России» утверждалось, что твердыми данными земской статистики установлен этот факт: местами у нас совершается стихийный экономический процесс перетекания земли от капитала к труду. Беда лишь в том, что у Криге нам неизвестно подобных утверждений для Америки. Действительно, мы писали о значении русского государственного земельного фонда, но только не **о достаточности**, а наоборот, о полнейшей **недостаточности** его для удовлетворения земельной нужды даже русского крестьянства (не говоря уже о «крестьянах, из каких бы стран они ни происходили»). Действительно, мы писали об уравнительном землепользовании—но никогда этой идеи мы не пробовали втиснуть в нелепые рамки раздела государственного фонда на фиктивно равные, пространственно одинаковые куски территории, раздаваемые бюрократией отдельным вечно-наследственным арендаторам. Что касается протеста против буржуазной идеи пустить в торговый оборот государственный поземельный фонд, то... разве не протестовал против нее Маркс, и не менее, а гораздо более решительно и последовательно, чем Криге?

В самом деле, возьмем составленные им «Требования Коммунистической партии Германии». Они приведены целиком в энгелевском предисловии ко второму изданию «Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов» Карла Маркса*). Согласно этим требованиям, «княжеские и иные феодальные поземельные владения... превращаются в государственную собственность. На этих поземельных владениях ведется земледелие в крупных размерах, при помощи самых современных вспомогательных средств, выработанных наукой, в интересах всего общества». Далее «ипотечные долги, лежащие на крестьянских владениях, об'являются государственной собственностью; проценты по этим долгам уплачиваются крестьянами государству». Наконец, «в местностях, где развита арендная система, поземельная рента или арендная плата в виде особого налога уплачиваются государству». Как видите, в одних случаях путем прямой экспроприации земли, в других—путем косвенным (посредством экспроприации поземельной ренты или ипотечного долга) делаются такие крупные шаги к социализации земли (в чрезвычайно централистической форме, в форме **национализации**), какие не снились Герману Криге. Стоит отметить, что заключительные слова манифеста с этими требованиями гласят, что «в интересах немецкого пролетариата, мелкого городского и крестьянского сословия—со всей энергией работать для проведения этих мероприятий в жизнь».

В связи с этой точкой зрения у Маркса и Энгельса выработалось и определенное отношение к различным фракциям английского чартизма.[7]) Революционной его фрак-

---

*) Подписаны членами Центрального Комитета: Марксом, Шаппером, Бауэром, Энгельсом, Моллем и Вольфом. Требования эти являются, несомненно, программой-минимум. В их число входит: жалованье народным представителям, «чтобы и рабочие могли заседать в парламенте»; «**ограничение** права наследства»; предоставление транспортных средств для пользования «**неимущим** классам» и т. п. Мотивируя аналогичные минимальные требования, Маркс позднее, в «обращении Ц. Комитета к Союзу», в марте 1850 года писал, что «рабочие, конечно, в начале движения еще не могут предлагать никаких непосредственно коммунистических мероприятий».

цией они признавали ту, которая стояла на их точке зрения в аграрном вопросе. По их мнению, именно этой фракции принадлежала «масса рабочих, живущих в действительно пролетарских условиях существования». Наоборот, другой, «чисто демократической» фракции, ограничивающейся «мелкобуржуазными реформами», они приписывали и соответствующий личный состав: мелкое мещанство вместе с рабочей аристократией. «Главным пунктом столкновения обеих фракций чартизма является земельный вопрос. О‘ Коннор и его фракция хотели использовать «хартию» для того, чтобы перенести часть рабочих на мелкие земельные парцеллы и сделать, в конце-концов, парцеллирование земли в Англии явлением всеобщим... Тенденция всякой буржуазной революции раздробить крупные поземельные владения в течение известного времени могла создать у английских рабочих представление об этом парцеллировании, как о чем-то революционном, хотя оно правильно дополняется неизменной тенденцией мелкой собственности концентрироваться и гибнуть под напором крупной агрикультуры. Что же касается революционной фракции чартистов, то этому требованию парцеллирования земельной собственности она противопоставляла требование конфискации всей земельной собственности и домогалась, чтобы она не была поделена, а оставалась собственностью всей нации»*).

С этой точки зрения следует понять и те места в полемике Маркса против Криге, которые приводятся, но, увы, недостаточно хорошо понимаются «Вперёдом»; места, в которых ярко сказывается **положительное** отношение к стремлению теперь же, ранее полного социалистического переворота, из‘ять землю из частной собственности и передать в общественную. Эти места ярко показывают, **в чем именно** усматривал Маркс ошибку Криге.

«Если бы Криге понял движение в смысле «освобождения земли», как необходимую при определенных условиях первую форму пролетарского движения; если бы он его понял, как движение, которое, вследствие жизненного положения породившего его класса, необходимо должно развиться далее в коммунистическое; если бы он показал, каким образом в Америке коммунистические тенденции должны были первоначально выступить в этих аграрных формах, по внешности противоречащих всякому коммунизму,—то против всего этого ничего нельзя было бы сказать. Но ведь он об‘являет известную, в сущности лишь подчиненную форму движения определенных реальных людей «делом всего человечества», выставляет эту форму движения, наперекор тому, что сам отлично знает, последнею, высшею целью всякого движения вообще и таким образом превращает конкретные цели движения в чистую и неимоверную бессмыслицу».

Или в другом месте:

«Мы всецело признаем движение американских национал-реформаторов в его историческом оправдании. Мы знаем, что это движение стремится к результату, который для данного момента благоприятствовал бы индустриализму современного бюргерского общества, но который, как результат пролетарского движения, как нападение на собственность, должен, как вообще, так в особенности при современных американских условиях, вести, благодаря своим собственным последствиям, к коммунизму».

Итак, как видите, в основе самого стремления теперь же напасть на частную собственность в этом уязвимом пункте—в поземельной области—Маркс не видел никакой ошибки. Ошибка начинается тогда, когда эту **частную** цель движения превращают в **конечную** цель, когда ее делают не исходным пунктом дальнейшего нападения на частную собственность, а последним этапом пути. Лишь в этом случае «аграрный социализм» делается односторонним, исключительным учением, вступающим в противоречие с последовательной и всесторонней концепцией социализма. Напомним здесь кстати, что и позднее, в начале 60-х годов, Маркс писал в своих письмах к Кугельману*): «Ich war aber von jeher überzeugt, dass die sociale Revolution vom Grundaus, das heisst vom Grund und Bodeneigenthum aus ernsthaft anfangen muss». Я, впрочем издавна был убежден, что социальная революция всерьез должна начаться **с самого основания**, т.-е. с

**) «Aus dem lit Nachlass», III, S. 469.

собственности **на землю»** (в подлиннике непереводимая игра слов:: Grund—основание Grund—земля).

Но это мы утверждаем, когда выдвигаем на первый план, как жизненную и неотложную задачу ближайшей русской революции, переворот в поземельно-собственнических отношениях, замену частной собственности—общественной, т.-е. **социализацию земли**,—и когда рассматриваем эту социализацию земли, как исходную точку грядущего исторического поворота и грядущих битв труда с капиталом, которые завершатся осуществлением интегрального социализма.

ОРТОДОКСАЛЬНЫЕ МАРКСИСТЫ и КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС.

(Рев. Россия № 75, 1905 г.).

Было время, когда российские социал-демократы игнорировали самым основательным образом крестьянский вопрос. Чтобы стать закономерным об‘ектом их заботливости, крестьянин должен был предварительно «освободиться» от земли, «вывариться в фабричном котле» и т. д. До тех же пор, пока история—при благосклонном, в сторону капитализма, нейтралитете социал-демократии—не проделала над ним этих операций, крестьянин не мог быть достойным вместилищем «пролетарского самосознания», и роль его ограничивалась тем, что в социал-демократической классификации общественных сил он фигурировал как один из многочисленных реакционно-буржуазных элементов.

Нельзя отрицать, что такое отношение российской социал-демократии к крестьянскому вопросу являлось вполне правильным и очень заманчивым по своей кажущейся простоте выводов из основных положений ортодоксального марксизма. Все для пролетария и при посредстве пролетария! Русская действительность как бы взяла на себя задачу в течение долгих годов наглядно иллюстрировать правильность этой доктрины. Время возникновения и расцвета социал-демократических идей в России—восьмидесятые и девяностые годы—является одним из мрачных периодов русской общественной жизни. Безнадежные, повидимому, тишь да гладь царили тогда на поверхности ее, и фабричный рабочий, «пролетарий»,казался единственным элементом, на который можно было возлагать сколько-нибудь серьезные надежды в смысле революционного воздействия на существующий порядок вещей. Интеллигент-буржуа ушел в толстовство, ницшеанство или пристегнулся к марксизму, поскольку последний «научно» обосновывал, узаконял его сознательные или бессознательные вожделения (отсюда порода «марксистообразных»). Что же касается мужика, то он, как под‘яремный вол, больше страдал молча, а когда надумывал протестовать, то протест выливался в уродливую форму каких-нибудь «лежачих бунтов» или избиения санитарного персонала. Спрашивается, что оставалось делать социал-демократии, как не сугубо уверовать в непогрешимость ортодоксальной доктрины применительно к России и, поскольку дело шло о мужике, бесстрастно присутствовать при «логическом развитии внутренних противоречий» российского строя?

Тем временем в глубине народных масс шла внутренняя работа, действие которой стало мало-по-малу проявляться наружу. На гладкой поверхности русской общественной жизни появилась зыбь. Мертвая и мертвящая тишина все чаще и чаще стала прерываться человеческими голосами, среди которых всякий сознательный социалист с радостью впервые приветствовал молодой голос русского рабочего. А мужик все продолжал молчать. Но вот, нежданно-негаданно для многих, и он заговорил да заговорил так, что и глухие услышали. Социал-демократы всполошились: это не входило в программу! Что делать? Оставаясь верными своей доктрине, они должны были бы всеми силами воспрепятствовать требованиям крестьянства, так как осуществление этих требований неминуемо повело бы к упрочению, ныне в конец разоренного мелкого крестьянского хозяйства и тем надолго задержало бы процесс пролетаризации мужика. С другой стороны, социально-революционное значение крестьянских требований было слишком велико, чтобы претендующая на жизненность партия могла их игнорировать. И вот у социал-демократов начинает возникать компромисс между непогрешимостью их

доктрины и напором действительности. Первые шаги российской социал-демократии па пути этого компромисса носят поистине трогательный, хотя и комический, характер. Подобно легендарному ученику, который, не зная, нужно ли поставить в диктовке запятую или нет, поставил маленькую запятую,—смущенные духом социал-демократы решились сделать маленькую брешь в доктрине и предложили крестьянам знаменитые «отрезки».

Как ни неожиданно было такое решение крестьянского вопроса, оно являлось знаменательным и утешительным фактом: оно показывало, что в недрах российской социал-демократии существовало здоровое революционное ядро, которое более или менее реагировало на требования жизни и не совсем укладывалось в узкие рамки начертанные непогрешимой доктриной. Дальнейший ход событий только яснее очертил и усилил эту дифференциацию внутри самой социал-демократии. Для всякого беспристрастного и вдумчивого наблюдателя вполне очевидно, что распадение российской социал-демократии на «большинство» и «меньшинство» вызвано не только соперничеством вожаков за «дирижерскую» палочку, а и более глубокими причинами. В то время, как «большинство» заметно обнаруживает известный революционный темперамент и старается итти навстречу жизни. прикрывая, как может, бреши, сделанные в доктрине, «меньшинство» без компаса блуждает в дебрях этой самой доктрины и нередко натыкается на ту тропу, которая некогда благополучно привела г. Струве [8]) из стана ортодоксальных марксистов в лагерь умеренно-либеральной буржуазии.

Известная всем резолюция III С'езда знаменует собою решительный поворот более революционной части социал-демократии в сторону идей, которые легли в основу нашей партийной программы. В самом деле, не является ли революционная конфискация помещичьих и других земель восставшим крестьянством ближайшим преддверием той социализации земли, которая, по нашему глубокому убеждению, может осуществиться уже в течение переживаемой нами фазы русской социальной жизни?

Хотя «уроки жизни», таким образом, не пропадают даром для революционных социал-демократов и даже начинают выводить их из узких рамок ортодоксального марксизма, но наивно было бы ожидать от них, чтобы они сразу дали теоретическую санкцию совершающемуся неизбежному факту и признали недочеты ортодоксальной доктрины. Кто же не знает, что людям труднее всего справиться с собственными предрассудками? И мы видим, действительно, что руководитель революционного социал-демократического большинства, г. Ленин, всеми силами старается доказать, что он остается верен ортодоксальному марксизму, предлагая и помогая крестьянству захватить без выкупа всю землю! Получается такая картина: «меньшинство его» укоряет—совершенно основательно, по нашему мнению—в отступничестве от правоверия; г. Ленин утверждает, что он и есть самый настоящий ортодоксальный марксист, и что «меньшинство» эволюирует (по следам г. Струве?) «в сторону либерально-буржуазного монархизма» (sic), а между «большинством» и «меньшинством» сидит г. Плеханов и провозглашает: «Ортодоксальный марксизм—это я».

До чего доходит орган «большинства» в своем стремлении удержать на себе покров ортодоксального марксизма, который немилосердно стягивают с него и «Искра» и г. Плеханов, показывает статья: «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» в № 16 «Пролетария».[9]) написанная по поводу «Открытого письма» одного обуреваемого сомнениями «окружного организатора». Она является как бы ответом г. Ленина на нападки г. Плеханова. Остановимся несколько на ней.

Известно, что г. Плеханов сидит, по излюбленному выражению г. Ленина, «в болоте». Не менее известно, что г. Плеханов в высокой степени обладает даром верно распознавать, откуда и куда дует ветер. Как, не смотря на этот драгоценный дар природы, он все-таки угодил в болото. об этом в свое время расскажет нашим потомкам история. Но факт тот, что «в болоте» он сидит и. сидя там, наблюдает. И видит он. что г. Ленин, сам того не замечая, эмансипируется в своих действиях от пут ортодоксальной доктрины и крупными шагами идет по новому для него пути. Если г. Ленин и мог бы, как некогда Буланже, [10]) сказать: «Je ne sais pas où je vais, mais j'y vais résolument» (я не знаю, куда иду, но иду я туда решительно), то старый воробей, г. Плеханов, сразу видит и

верно оценивает всякое положение и отлично умеет, когда это ему выгодно, называть вещи и настоящими именами. Он предрекает не без злорадства г. Ленину, что скоро, очень скоро для него и друзей его «сделается неизбежным шаг, многим из вас кажущийся теперь ненужным и невозможным. Вы должны будете **итти вместе с «социалистами-революционерами»**, с тем отрядом российской революционной армии, который уже теперь марширует под знаменем **хозяйско-пролетарской диктатуры**. Не только согласиться с «социалистами-революционерами» относительно тех или иных революционных действий—подобное соглашение вполне допустимо и даже необходимо «по нашему времени», —а именно пойти вместе, в тесном союзе, нога в ногу и плечо с плечом. И тогда «социалисты-революционеры» с торжеством воскликнут: **«социал-демократия перестала существовать»** *).

Несмотря на всю его «твердость», г. Ленин далеко не равнодушен к маленьким парфянским стрелам, которые пускает в него время-от-времени его загнанный в болото друго-враг. И вот он под видом наставления «окружному организатору» старается уверить публику, что его аграрная программа является прямым и логическим выводом из основных положений ортодоксального марксизма.

«Окружного организатора» обуяло прежде всего сомнение теоретического характера. В резолюции III С'езда рекомендуется поддерживать революционные мероприятия крестьянства «вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель». «Окружной организатор» спрашивает: «Может ли социал-демократия поддерживать экспроприацию тех помещичьих земель, которые подвергаются обработке самым интенсивным образом с применением машин, высших культур и т. д.? Переход этих земель в руки мелкобуржуазных собственников (**сиречь крестьян**) является шагом назад в смысле капиталистического развития данного хозяйства». А потому «окружной организатор» предлагает к пункту об экспроприации прибавить оговорку: «Если экспроприация этих земель в крестьянскую (мелкобуржуазную) собственность будет высшей формой развития данного хозяйства на данной земле».

Бедный «окружной организатор» не видит, что, снявши голову, он плачет по волосам. Чтобы хоть чем-нибудь оградить престиж непогрешимой доктрины, он хотел бы спасти от рук крестьян образцовые помещичьи хозяйства. Ну, а средние помещичьи хозяйства или даже большая часть низших, разве они не являются высшей формой капиталистической эксплоатации в сравнении с безнадежно-нищенским хозяйством крестьянина? Ведь если критерием «высшей формы» считать исключительно состояние производительности участка, как это делают марксисты, то нельзя же забывать того известного, статистикой установленного факта, что средняя урожайность помещичьих земель всюду выше средней урожайности земель крестьянских!

Что касается «оговорки», которую «окружной организатор» предлагает внести в резолюцию, то мы слишком ценим его искреннее отношение к делу, чтобы иметь жестокость настаивать на ней.

При всей их трогательной наивности, сомнения, высказанные «окружным организатором», вполне определенно ставят перед социал-дамократией роковой вопрос: может ли она, оставаясь верною ортодоксальному марксизму, проповедывать и поддерживать захват земли крестьянством? Г. Плеханов может очень недвусмысленно ответить на этот вопрос, отбросив г. Ленина чуть ли не в ряды социалистов-революционеров. Что отвечает на него г. Ленин? Он не отвечает. а уклоняется от ответа. «Окружной организатор» говорит: Как быть с интенсивными хозяйствами? Если позволить крестьянам захватить их, то это будет шагом назад, в смысле ортодоксальной схемы. Г. Ленин отвечает: «Вы произвольно суживаете резолюцию III с'езда. В ней **ни слова** не говорится, «кому отдать отнятое». Затем он об'ясняет, что вопрос этот оставлен умышленно открытым, так как при демократической республике социал-демократия не может зарекаться и связывать себе руки по отношению к национализации земли».

С сожалением констатируем, что г. Ленин уподобился в этом случае страусу, который, видя опасность, прячет голову под крыло и думает, что это спасает. Спрятав-

*) «Дневник социал-демократа» Г. В. Плеханова, № 2, стр. 36.

шись за демократическую республику, г. Ленин думает, что победоносно разрешил затруднительный вопрос. А, между тем, он не только не разрешил его, но даже обострил. В резолюции не сказано, «кому отдать отнятое». Раньше, чем решить, **кому** будет отдано отнятое, надо определить, **кто** будет отнимать. На счет последнего пункта, кажется, разногласия не может быть: отнимать землю будет только восставшее крестьянство, потому что оно есть и будет главнейшим фактором грядущей аграрной революции. А раз захвативши землю, крестьянство, несомненно, удержит ее в своих руках, потому что при демократической республике, которая будет прямым порождением всенародного восстания, не будет в наличности такой организованной общественной группы, которая в состоянии была бы вырвать землю у крестьян. Таким образом совершенно независимо от того, будет ли социал-демократия «зарекаться и связывать себе руки», или нет, при демократической республике земля будет в руках крестьян. А так как 9/10 трудового крестьянства в классификации г. Ленина фигурируют в качестве мелкобуржуазного элемента, то оказывается, что помогая крестьянству экспроприировать помещиков, г. Ленин бессознательно содействует водворению мелкобуржуазного хозяйства на развалинах более или менее развитых уже форм капиталистического земледельческого хозяйства. Это ли не «шаг назад» с точки зрения ортодоксального марксизма?

Г. Ленин старается дальше замаскировать слабость своей позиции ссылкой на отличие социал-демократов от «мелкобуржуазных социалистов-революционеров» (для первых «центр тяжести **теперь**—революционно-демократическая сторона крестьянских восстаний», вторые «напирают на социализацию и т. п.») или на провозглашаемую в резолюции необходимость «очищения революционно-демократического содержания крестьянского движения от всяких реакционных примесей» (читай: от требования социализации земли).

Но все это—«слова, слова, слова», которые ничего не изменяют в том очевидном для всех факте, что люди, считающие себя ортодоксальными марксистами, под напором жизни и нашей партийной работы, вынуждены требовать теперь же перехода всей земли в руки всего крестьянства. Также мало помогает делу и «марксистская точка зрения», которую развивает дальше г. Ленин, и которая состоит в том, что «мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации,—крестьянина вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянина вообще». Зачем понадобилось поддерживать сначала «крестьянина вообще» против помещика, а потом (т.-е. в то же время) поддерживать пролетариат против «крестьянина вообще» вместо того, чтобы сразу поддерживать пролетариат против помещика, и при чем тут марксизм, один аллах ведает.

Мораль всего вышесказанного такова:

Под напором действительности рамки ортодоксального марксизма, в которые, повидимому с успехом, укладывалась до сих пор русская жизнь, разрываются в их наиболее слабых пунктах. Крестьянский вопрос, который в течение долгого времени, повидимому закономерно, игнорировался социал-демократией, выдвинулся на первый план русской общественной жизни, и историческая необходимость заставляет социал-демократию занять по отношению к нему определенную позицию. Та же историческая необходимость вынуждает более революционную часть социал-демократии занять единственно возможную теперь позицию, а именно: **требовать перехода земли в руки крестьян.** Все попытки, направленные к тому, чтобы примирить новый курс, которого держится социал-демократическое «большинство», с требованиями ортодоксальной доктрины, фатальным образом должны оказаться тщетными, ибо нельзя втиснуть в доктрину те явления, на которые она не рассчитана. Марксизм не предвидел, что многомиллионное русское крестьянство со всеми его «пережитками» старого станет во имя земли и воли делать революцию на ряду с организованным уже до известной степени пролетариатом и с не привыкшей революционно отстаивать свои **классовые интересы** буржуазией. Это приводит нас к заключению, что схема ортодоксального марксизма не есть **непреложный закон,** которому неизменно следует развитие всех обществ, ставших на путь капиталистического производства, **а гипотеза,** которая, мы глубоко убеждены в этом, верно определяет только **общее направление** этого развития. Мы верим, что капиталистические

общества твердыми шагами идут к осуществлению социалистического строя, но мы не смешиваем гипотезы с законом и не беремся утверждать, что стадии, через которые пройдет в своем развитии Россия, необходимо должны быть **тождественны** с теми, через которые прошли наиболее «классические» страны капитализма Западной Европы. Для такого утверждения у нас нет достаточно **научных** данных: факторы социальной жизни так многочисленны и так многообразны, что учесть их все с математической точностью не представляется пока человечески возможным. Это значит, что, оставаясь обеими ногами на почве научного социализма, можно и должно искать новых путей, когда старые оказываются неудовлетворяющими требованиям действительности.

Г. Ленин упоминает как-то о своей «научной совести», которой он не изменяет. Будем надеяться, что она поможет ему примирить теорию с практикой и выйти из того заколдованного круга, в который лженаучные толкования ортодоксов стремятся заключить подлежащее дальнейшему развитию великое учение Маркса.

ПРИМЕЧАНИЯ К II РАЗДЕЛУ.

1. См. примечание 42-е—раздел «Меньшевизм».

2. См. примечание 110-е раздел «Меньшевизм».

3. Программа партии социалистов-революционеров перепечатана в I томе настоящего сборника.

4. **Конт, Огюст** (1795—1857) знаменитый французский мыслитель; положил начало позитивной философии.

5. **Лавров, П. Л.** (Миртов) (1823—1900)—виднейший представитель революционного народничества, член общества «Земля и Воля», потом партии «Нар. Воли», член I Интернационала, эмигрант. Являлся одним из авторитетнейших истолкователей взглядов народничества. Издавал за границей «Вперед» (1873—1876) и был редактором «Вестника Нар. Воли» (1883—86). В своих «Исторических Письмах», имевших громадное влияние на русскую интеллигенцию, положил основание т. наз. «русской социологической школы».

6. Имеется в виду статья «Маркс об американском «черном переделе». Помещена в VI томе полного собрания соч. В. И. Ленина.

7. **Чартизм**—широкое революционное движение английского пролетариата в прошлом столетии, имевшее целью добиться политической власти, чтобы с ее помощью осуществить ряд экономических преобразований в интересах рабочих. Внутри чартизма имелось несколько направлений, из которых наиболее крайнее стремилось к подрыву самых основ капиталистического строя. Положительные социалистические воззрения этого направления носили, однако, еще крайне неопределенный характер и сводились, главным образом, к требованию национализации земли, содействию кооперации и проведению некоторых налоговых реформ. Тем не менее чартизм, а в особенности его левое крыло во главе с О'Коннором, пользовался большим сочувствием со стороны Маркса и Энгельса, видевших в нем «компактную форму оппозиции рабочего класса против буржуазии».

8. См. примечание 101 раздел «Меньшевизм».

9. Статья В. И. Ленина «Отношение соц. дем. к крестьянскому движению» вошла в VI том полного собрания соч.

10. **Буланже** (1837—1891) французский генерал и государственный деятель. Участвовал в подавлении Парижской Коммуны. В 1886 г.—военный министр. Чтобы приобрести популярность в армии, Буланже стал пропагандировать идею реванша Германии, ему удалось собрать вокруг себя «партию» из разношерстных элементов. В 1888 г. Буланже пытался устроить государственный переворот, был предан суду и бежал в Бельгию. В 1891 г. застрелился.

III. ЛИБЕРАЛЫ.

ЛИБЕРАЛЫ ЗА РАБОТОЙ.

Основной тон политики либералов в революционный период 1905 года окрашен одним всепоглощающим стремлением—обуздать революционную стихию, подчинить ее своему умиротворяющему влиянию. Чисто животный страх перед быстро нарастающим революционным настроением масс, все больше обесцвечивает и без того достаточно бесцветную оппозицию либералов и с фатальной силой толкает их вправо, поближе к правительству, поближе к его ресурсам подавления, усмирения и искоренения.

Но, однако, в эволюции русского либерализма в период революции 1905 г. необходимо различать два периода, между которыми в качестве грани лежит дата 17-го октября. До манифеста 17-го октября либералы еще, так или иначе, заигрывают с революцией, кокетничают с нею, договариваются, —правда, чрезвычайно робкими и ни к чему не обязывающими намеками—даже до признания возможности вооруженного восстания. После 17-го октября картина резко меняется—либералы умнеют. Либералы превращаются в оппозицию «его величества». Вся их политика получает отчетливую ориентировку на защиту «конституционных» начал, предначертанных в манифесте. Внимание их сосредоточивается только на том, что написано в манифесте, а кем подписан манифест—этот вопрос оказывается вне поля их зрения.

Но, однако, крутой поворот, в связи с опубликованием манифеста 17-го октября, отнюдь не следует рассматривать, как **принципиальный** переход либералов на иные позиции. Позиции оставались те же. Позиции попрежнему оставались контрреволюционными. Изменились только маскировки. Если до 17-го октября либералы пугали реакцию революцией, то после 17-го октября они стали революцию пугать реакцией. Сами же они на всех стадиях движения прежде всего и больше всего боялись революции, боялись ее размаха, ее лозунгов, ее требований.

Еще весной 1905 года,когда революционная ситуация уже с достаточной ясностью определилась, либералы с усердием расторопного биржевого маклера стараются кое-что подзаработать на создавшемся положении. Они вступают на путь уговоров и убеждений. Они всемерно стремятся убедить правящие сферы в необходимости овладеть революционной стихией и направить ее в желательное русло. «С революцией—говорят они—умные, истинно государственные люди вообще не борются. Или иначе: единственный способ борьбы с революцией заключается в том, чтобы стать на ее почву и, признав ее цели, стремиться изменить только ее методы»*).

Сокровенный смысл этой формулировки расшифровывается без особых затруднений. Стать на почву революции и признать ее цели, на языке либералов, означает не что иное, как стремление сорвать революцию, обкорнать ее, не дать возможности довести ее до решительного победоносного конца. Либералы с откровенным цинизмом призывают

*) См. «Вопросы тактики».

«умных и истинно государственных людей» «принять цели революции» и стремиться только к изменению ее методов. Согласно этому рецепту, политика либералов должна была поставить своею целью засорить глаза борющимся массам ни к чему не обязывающими обещаниями, для того, чтобы избавить себя от весьма неприятной перспективы вооруженного восстания. Либералы отлично понимали, что без вооруженного восстания решительная победа над царизмом немыслима. Да и не в их классовых интересах была эта решительная победа. Наоборот, они кровно были заинтересованы в том, чтобы, по возможности, больше сохранить от старого порядка, в интересах борьбы с пролетарской и крестьянской революциями. Нескрываемое отвращение к победоносной революционной борьбе властно определяет их тактические шаги на всех стадиях движения. Но в до-октябрьский период, когда правительство еще не проявляло достаточно определенной склонности к уступкам, когда оно своими башибузукскими методами с большим успехом подогревало революционное настроение масс,—в этот период либералы еще заигрывают с революцией, громогласно возвещая, что «революцию победить нельзя, революцией можно только овладеть». И либеральные прожженные политики отлично знают, какими способами нужно овладевать революцией, чтобы, в конце-концов, выпотрошить из нее душу живую. Они хорошо знают, с какого конца надо приступать к этому делу. «В настоящий момент,—пишет «Освобождение»,—безусловно необходима усиленная конституционно-демократическая пропаганда среди **офицерства.** Дальнейшее отчуждение между армией и лучшими элементами нации прямо-таки невыносимо и грозит неисчислимыми общественными бедствиями и личными трагедиями»*). Либералы, таким образом, отождествляют армию с офицерством Это не обмолвка. Это настоящая политика буржуазии, жизненно заинтересованной в укрощении революционной бури. Почему пропаганда среди офицерства, а не среди солдат? Здесь либералы бьют наверняка. Они стремятся подчинить своему политическому влиянию командную верхушку, для того, чтобы таким путем овладеть всей армией. До тех пор, пока армия не выходит из повиновения офицеров, до тех пор, пока в ее рядах продолжает действовать казарменная дисциплина, до тех пор, одним словом, пока армия не превратилась в вооруженный народ, она остается верной опорой государственных классов. Либералы это хорошо понимали, всячески оберегая солдат от тлетворного влияния политики, они направляли свое пропагандистское воздействие на офицерство. Заполучив таким путем армию в свои руки, либералы, с одной стороны, могли бы добиться от правительства нужных им уступок, а с другой—они обезопасили бы себя против натиска восставшего народа.

Либералы отлично видели какую грозную и могучую силу представляет собою рабочий класс. Прямой классовый интерес диктовал им необходимость овладеть рабочим движением, сбить его с революционного пути, вырвать его из-под влияния революционной социал-демократии. Для достижения этих целей в их распоряжений были неоднократно испытанные методы,—методы отвлечения рабочих масс от политической борьбы на пути чисто профессионального движения. «Иллюзия современной русской социал-демократии,—пишет П. Струве,—заключается в том, что она боится «культурной» работы, боится «легальных» путей, боится т. п. «неполитических форм рабочего движения, не понимая, что только культурная работа, «легальные» и «неполитические» формы могут создать достаточно прочный и достаточно широкий базис для такого движения рабочего класса, которое заслуживало бы название революционного»**). Совершен-

*) См. «Вопросы тактики».
**) См. «Насущные задачи времени».

но ясно, к чему сводятся в данном случае желания либералов. Они желают, чтобы рабочий класс, ограничив свое движение пределами культурной и профессиональной работы, тем самым устранился с арены борьбы, как самостоятельная революционно-политическая сила, осознавшая свои особые классовые интересы. Если бы такое самоустранение удалось, либералы были бы вполне спокойны за свой завтрашний день. Они всемерно призывают своих сторонников приложить все усилия к тому, чтобы овладеть этим решающим сектором революции.

«Все деятели освобождения должны в настоящее время ввести в программу своей практической работы создание профессиональных рабочих организаций, устройство рабочих собраний, касс, библиотек и пр.»*).

Либеральные политики, конечно, не говорят откровенно, что революционное движение рабочих им мешает, что они его боятся. Для своей политической линии в рабочем вопросе у них есть новые доводы. Они стараются уверить наивных людей в том, что «русский рабочий культурно отстал, забит и еще недостаточно подготовлен к общественно-политической борьбе». «Мобилизовать его в политическом отношении не легко: для такой мобилизации необходимо подводить прочный фундамент»**). Вряд ли нужно доказывать неосновательность подобной характеристики русского рабочего класса. Достаточно припомнить грандиозные политические выступления рабочих в начале 900-х гг., январские события в Питере в 1905 году и вызванную ими революционную активность пролетариата во всей стране, для того, чтобы убедиться, что либеральные оценки зрелости рабочего класса чрезвычайно далеки от об'ективности.

Отношение либералов к самостоятельному политическому движению рабочего класса служит мерой для их отношения в борющемся внутри социал-демократии течении большевиков и меньшевиков. В последних либералы инстинктивно чувствуют родственную себе душу. Они их снисходительно треплют по плечу, похваливая их за «реалистичекие элементы мировозрения». Зато весь неиссякаемый пыл своего негодования они обрушивают на большевиков, яростно обвиняя их в «отвлеченном революционизме», в «бунтарстве», в стремлении во что бы не стало поднять восстание и во многих других, с точки зрения либерала, смертных грехах***).

Само собою разумеется, что бурные крестьянские волнения, начавшиеся ранней весной 1905 года, озабочивали либералов не менее серьезно, чем рабочие движения. Отражая интересы значительных слоев дворян-землевладельцев, они не могли не поставить своею ближайшею целью овладеть аграрной революцией и по мере возможности обезвредить ее. «Русская оппозиция,—пишет «Освобождение», не только демократическая, но и умеренно-конституционная, должна в настоящий критический момент исходить из того факта, что в **стране уже началась аграрная революция.** Если так, то единственно разумная со всех точек зрения тактика состоит в том, чтобы овладеть революцией в самом начале и признать в существе эту революцию законной, вдвинув ее в русло закономерной социальной реформы, осуществляемой в связи с полным политическим преобразованием страны теми средствами, которые даст демократическая конституция»****). План более чем ясен. Он сводится к тому, чтобы пустыми посулами удержать крестьян от непосредственных революционных действий, направленных против помещичьего землевладения, и убедить их подождать конституции, которая обеспечит «закономерное»

*) См. «Насущные задачи времени».
**) См. Там же
***) См «Раскол в русской социал-демократии».
****) См. «Вопросы тактики».

разрешение земельного вопроса. В чем будет заключаться это «закономерное» разрешение, либералы с полной откровенностью об'ясняют в своей программе. В то время как крестьянские массы грозно поднимались на борьбу за всю землю, за полное уничтожение помещичьего землевладения, либералы, бдительно охраняя исторические привилегии доблестного дворянства, выдвигают в своей аграрной программе более чем скромные требования о «новом наделении безземельных и малоземельных крестьян государственными, удельными и кабинетскими землями, а где их нет,—частновладельческими, с вознаграждением нынешних владельцев этих земель»*).

По сути дела, либералы стремились к сохранению поместного землевладения в полной неприкосновенности, надеясь достигнуть этой цели путем нищенских подачек крестьянству, да и то за вознаграждение. Можно себе представить, во что обошлось бы крестьянам это вознаграждение, сколько крестьянских грошей перекочевало бы в шелковые дворянские карманы?!

* * *

Такими методами либералы думали подчинить своему влиянию революционные силы. Им нужно было овладеть революцией для того, чтобы задушить ее в своих об'ятиях. Бурно разливающееся народное движение, грозящее превратиться в могущественную революцию, они стремились направить в мирное русло легальности и умеренности. Они не скрывали своего тяготения к мирным средствам борьбы, совершенно определенно заявляя, что «конституционно-демократическая партия не может являться партией революционной. Они имеют в виду достижения определенных политических целей, а вопрос о средствах осуществления этих целей принципиально решают в пользу средств мирных»**). Таковы вожделения либералов. Но в действител. события пошли не по путям, которые предначертывались для них либералами. Они пошли **революционными** путями.

Октябрьская всеобщая забастовка принудила правительство к уступкам. Был опубликован манифест 17-го октября. Либералы почувствовали себя удовлетворенными. Революция же пошла дальше, бесцеремонно перешагнув через торжественные царские заверения и посулы. Это обстоятельство заставляет либералов выступить против революции уже с открытым забралом. Если до этого момента они стремились овладеть революцией, то теперь они об'являют непримиримую войну ей. Либералы уверяют всех желающих им верить, что монарх уступил общественному давлению и отказался от самодержавия. Россия стала конституционной страной. Николай стал конституционным монархом»***). Чего же желать большего? Достигнуты все мыслимые цели движения. И либералы в смертельном ужасе перед революцией взывают к монарху, слезно умоляя его укрепить и завершить дело 17-го октября и, таким образом, положить конец революции:

> «Выход из современного острого политического кризиса заключается в том, чтобы конституционную монархию оторвать от бюрократии... К направлению всей общественной борьбы на эту цель сводится единственная политическая программа ближайшего момента... Конституционно-демократическая партия должна эту программу громогласно выставить перед страной, как условие вне выполнения которого умиротворение страны на основе незыблемого конституционного порядка совершенно недостижимо».

*) См. «Программа Союза Освобождения».
**) См. «К образованию конституционно-демократической партии».
***) См. «Революция».
****) См. «Революция».

Оторвать конституционного монарха от бюрократии в интересах умиротворения страны, т.-е. в интересах подавления революции,—такова программа либералов, провозглашенная ими в самый острый момент революционной борьбы. Либералы ясно понимали, что пролетариат с такой программой не может примириться, что перед ним развертываются перспективы, далеко переходящие за пределы конституционной монархии, и поэтому они всемерно стараются убедить рабочий класс в нецелесообразности дальнейшего наступления, пугая его всяческими страхами. «Не надо забывать—и прежде всего не надо забывать этого революционерам,—что их проповедь социальной классовой борьбы часто лишь как слабый побег прививается к старому противокультурному стволу недоверия народа к «образованному обществу», т.-е. прививается к черносотенной основе рухнувшего самодержавного строя. И лозунги классовой борьбы и культурной ненависти, провозглашаемые слева и справа, заглушают идею единой, свободной и самоуправляющейся нации»*). Либералам очень бы хотелось, чтобы рабочий класс отказался от классовой борьбы и забыл свои особые интересы ради сохранения единства «свободной» нации, им очень хотелось чтобы пролетариат, отказавшись от своих собственных задач в революции, всецело подчинился их политическому влиянию и превратился в орудие их борьбы. Поэтому наши конституционалисты с таким озлоблением обрушиваются на забастовку почтово-телеграфных служащих. «Разве они (т.-е. эти забастовки) не создали паралич материального и духовного обмена страны, гораздо более убийственный для революции, чем для правительства, и обличающий ее бессилие и безвластие»**). Либералы делают вид, что их чрезвычайно озабочивает судьба революции. Но это только для наивных ребят. Все же более или менее разумные люди отлично понимали, о чем тоскует душа либерала. Она тоскует о том, что не в меру разгулявшиеся революционные стихии мешают торгашеству либералов с царизмом, мешают им совершить то предательство народных интересов, которое всегда входило главной решающей частью в систему их политических действий.

Тоска по «порядку» с особенной силой пробудилась у либералов после московского вооруженного восстания. В этот период они заговорили самым доподлинным контрреволюционным языком. Теперь уже они начинают действовать, как самые настоящие «конституционалисты», всемерно защищая завоеванный «конституционный» порядок против всяких посягательств революции.

> «Для революции теперь нужен порядок, ибо только при полном порядке Россия народная сможет собрать те свои силы, которые в государственной Думе в грозном спокойствии противопоставят себя бюрократии»***).

Порядок, конечно, нужен,—нужен не для революции. Он нужен для либерального буржуа, который, получив от правительства кое-какие авансы, готов окончательно отказаться от всех своих притязаний, только бы положить конец народному возмущению и дождаться того вожделенного момента, когда «власть перейдет в руки земцев и третьего элемента, об'единившихся сначала в «Союз Освобождения», родивший и конституционно-демократическую партию»****). Так либералы «крадутся к власти». Пусть же рабочий класс не мешает земцам и третьему элементу» выторговать у монархии крупицы власти, пусть не срывает своими революционными действиями возможного соглашения либералов с царизмом.

*) См. «Революция».
**) См. Там же.
***) См. «Две России».
****) См. «Диктатура пролетариата».

«В обмен за это пролетариат получил бы надлежащие гарантии, прежде всего свободу профессиональных союзов и печати, без чего для рабочих немыслима сколько-нибудь широкая и планомерная борьба»*).

Так буржуазия стремится об'егорить рабочий класс, предлагая ему променять свое революционное первородство за чечевичную похлебку либеральных реформ.

НАСУЩНАЯ ЗАДАЧА ВРЕМЕНИ.

(П. Струве—«Освобождение» № 63, 1905 г.).

Цитируя наши слова:

«Перед могущественным народным восстанием, конечно, должны были бы смолкнуть и стушеваться существующие общественные собрания и учреждения, но демонстрация тех сил, которыми располагают в настоящее время русские революционеры, легко может, приняв известное направление, расстроить земские собрания, **стать же на место их и вместо них говорить с правительством, действуя как народ, они, конечно, не могут»**.

«Искра» в № 80 замечает:

«В этих строках вопрос поставлен совершенно правильно, и демократам следует задуматься над заключающейся в нем дилеммой. Кто будет «говорить с правительством» «как народ»,—земская ли буржуазия, или сам народ».

На самом деле в наших словах заключается не дилемма, а проблема, и над этой проблемой следует задуматься не только освобожденцам-демократам, а прежде всего тем, кто как социал-демократы желают говорить или уже говорят от имени революционного пролетариата. Революционного народа в России еще нет. Но он каждую минуту может родиться, и мы обязаны всякими разумными средствами ускорить его рождение.

Недостаточные организационные успехи русской социал-демократии определяются тем, что она не только теоретически-идейно, но и практически—в смысле тактики—находится в плену даже не у доктрины, а прямо-таки у «революционных» фраз и заклинаний. Сами социал-демократы вынуждены это признавать. Так «Рабочий», автор недавно изданной Росс. Соц.-Дем. Раб. Партией брошюры**), пишет о деятельности социал-демократических комитетов после победы правоверных марксистов над «экономистами»:

«Комитеты, одержимые какой-то конспиративной манией, и вследствие этого связанные с рабочею массою лишь через посредство одного или двух рабочих,—в лучшем случае их бывало 4—5,—естественно переставали прислушиваться ко всем ее потребностям и запросам, что сейчас же отразилось на руководстве экономической борьбой. Экономическая борьба,—это могучее орудие вовлечения широкой массы в революционную борьбу, была совсем заброшена. К этому примешивалось еще то отвращение к «экономике», которое привилось при переходе наших комитетов от «экономизма» к «политике». Так что нередко бывали даже такие случаи, что рабочие какого-нибудь завода или цеха просят, умоляют, чтобы комитет выпустил к ним листок или дал какого-нибудь руковод. для стачки, но все их мольбы обыкновенно оставались тщетными по одному тому, что они носили «экономический» характер. Это пренебрежение «экономикой» не замедлило дать себя почувствовать. Влияние комитетов на рабочие массы все больше и больше суживались, все большие массы рабочих стали уходить из-под их влияния».

Иллюзия современной русской социал-демократии заключается в том, что она боится «культурной» работы, боится «легальных» путей, боится «экономизма», боится т. н. «неполитических» форм рабочего движения, не понимая, что только культурная работа, «легальные», «неполитические» формы могут создать достаточно прочный и до-

*) См. «Диктатура пролетариата».

**) «Рабочие и интеллигенты в наших организациях». С предисловием П. Аксельрода. Женева 1904 г. стр. 23.

статочно широкий базис для такого движения рабочего класса, которое заслуживало бы названия **революционного.** Разве конституционное движение русской интеллигенции развернулось бы так широко, если бы ему не предшествовали целые годы культурной работы и «легальной» борьбы с правительством. Конституционное движение интеллигенции не даром побывало в «комитете грамотности».

Рабочее движение должно тоже пройти через этот приготовительный класс политического воспитания.

Мы, не будучи связаны никакой «догмой», предвидели те печальные явления, о которых говорит «Рабочий» в своей брошюре. Сущность дела состоит в том, что действительно массовое движение и настоящая организация рабочего класса не могут быть достигнуты иначе как постепенной подготовкой умов путем непрерывной пропаганды и организационной работы.

Исходя из этого сознания, все деятели освобождения должны в настоящее время ввести в программу своей практической работы создание профессиональных рабочих организаций, устройство рабочих собраний, касс, библиотек и пр. Роль интеллигенции в организации рабочего класса должна—помимо инициативы в частных случаях—состоять в том, чтобы всякие попытки «зубатовщины»,[1]) т.-е. эксплоатации рабочего класса в интересах самодержавия, беспощадно преследовались и изгонялись из всех организаций и начинаний рабочих.

Настаивая па необходимости для «освобожденцев» приняться за эту работу, мы вовсе не мыслим ее себе как какую-то борьбу с социал-демократами. Наоборот, мы желали бы, чтобы «освобожденцы», убедив социал-демократов, что большие общественные движения не создаются словесными заклинаниями, вместе с социал-демократами принялись бы за систематическую организационную работу в рабочем классе. Но будет ли достигнуто соглашение с социал-демократами или нет, «освобожденцы» должны приняться за эту работу. В их рядах есть люди с энергией, с знанием, с известным общественным положением. И эти люди не должны уклоняться от подобной деятельности, без которой рабочему классу еще долго невозможно будет играть подобающую ему роль в русской общественной и политической жизни.

Зубатовский эксперимент тотчас же провалился, как только от участия в собеседованиях и обществах уклонилась интеллигенция. Это одно показывает, какую культурную силу представляет собой русская интеллигенция.

3—4 года тому назад интеллигенция не захотела с полицией и в интересах полиции итти в рабочий класс. В настоящее время и в ближайшее будущее, когда правительство должно (или должно будет) мириться с «легальными» или, по крайней мере, не «революционными» путями борьбы с ним—интеллигенция может и обязана пойти к рабочему классу со своим организационным опытом и со своими знаниями.

Мы представляем себе дело так. Местные комитеты «Союза Освобождения» **вступают в соглашение с местными социал-демократическими комитетами,** привлекши к делу влиятельных представителей интеллигенции и наиболее развитых рабочих, добиваются разрешения профессиональных организаций рабочих, в той или другой форме, т.-е. как частных разрешений отдельных организаций, так и решения общего вопроса о коалиционном праве рабочих. Рядом с этим они организуют агитацию в пользу отмены законов, карающих стачки рабочих. Это движение, как движение профессиональное, должно быть формально неполитическим, но для нас не подлежит ни малейшему сомнению, что оно, и главным образом оно, создаст широкие и наиболее устойчивые кадры для рабочей партии. Интеллигентам, как освобожденцам, так и социал-демократам, в этом движении придется сыграть роль только инициаторов и добросовестных пособников; очень скоро все движение должно самым естественным образом целиком перейти **в руки самих рабочих,** да и первые шаги подобного движения возможны лишь при наличности в самом рабочем классе готовых для этого элементов.

Положение и значение профессионального рабочего движения в современной России представляет хотя и не полную, но очень значительную аналогию тому положению вещей, которое создалось для Германии исключительным законом о социалистах 1878 года,[2]) и для Австрии репрессивными мерами 1884 года[3]). И в Германии, и в Австрии

профессиональные организации, стоявшие в связи с социал-демократией, были разрушены. Закон против социалистов, сделав в Германии явную политическую агитацию для рабочих совершенно невозможной, повлек за собой крушение немецкого социал-демократического трэд-юнионизма. С неимоверными трудностями и с применением огромной дозы осторожности и оппортунизма, постепенно, шаг за шагом немецкие социал-демократы воссоздали профессиональную организацию рабочих. Ту меру постепенности, осторожности и оппортунизма, которую сочли возможным «вместить» немецкие социалисты 70-х и 80-х годов,—эту меру могут и должны наложить на себя русские социалисты и демократы при создании профессионального рабочего движения. В настоящий момент наступили для этой деятельности благоприятные условия; явилась такая политическая кон'юнктура, которая создает возможность такой деятельности.

Профессиональные рабочие союзы так же совместимы и так же несовместимы с самодержавием, как совместимы и несовместимы с ним земское самоуправление, университеты, ученые общества и т. д. Очевидно, что, поднимая вопрос о необходимости для «освобожденцев» взять на себя инициативу в деле создания профессионального рабочего движения, мы ставим перед ними вовсе не «партийную» задачу и не предлагаем им «отбивать» рабочих у социал-демократии. На наш взгляд почти несомненно, что профессиональная организация рабочих, кем бы и даже как бы она ни производилась, создаст кадры для **социал-демократической** партии.

Мы рассматривали здесь профессиональную организацию рабочих, как одно из звеньев и орудий освободительной борьбы, как одно из звеньев освободительной борьбы в политическом смысле. Но такая организация имеет, конечно, самодовлеющее значение и самостоятельную культурную ценность, о которых мы не станем пока распространяться.

Многим покажется странным, что в настоящий момент политического возбуждения среди интеллигенции мы рекомендуем деятельность, которая сама по себе не может или, по крайней мере, не обязательно должна сейчас же дать крупные политические результаты. Но политическое воспитание масс есть очень трудная задача, и этой трудности следует смотреть прямо в глаза. Русский рабочий культурно отстал, забит и (мы имеем в виду, главным образом, рабочих петербургских и московских) еще недостаточно подготовлен к организационной общественно-политической борьбе. Вот почему «мобилизовать» его в политическом отношении нелегко: для такой мобилизации необходимо подводить прочный фундамент. Допустим даже, что конституционный переворот настанет в самом близком будущем. И в конституционной России вопрос о профессиональной организации рабочих будет иметь огромное культурное и политическое значение. Если немецкая социал-демократия представляет в стране такой крупный культурный факт, то именно потому, что она опирается на стройную и прочную, растущую тред-юнионистскую организацию рабочих.

Вопрос, поднятый в настоящей статье, есть лишь частный случай общей необходимости внедрить освободительное движение в народные массы. Насколько этот частный вопрос назрел, даже с точки зрения самого правительства,—показывает зубатовский эксперимент и его история. В этой истории заключается урок, поучительность которого так велика, что ее нельзя преувеличить.

ВОПРОСЫ ТАКТИКИ.

(П. Струве. «Освобождение» № 67, 1905 г.).

I.

Действия мобилизованных самодержавной полицией черных сотен вызывают даже в нашей легальной печати решительный отпор и приводят к мысли о необходимости приступить к организации самообороны граждан против полицейско-хулиганских бесчинств. Этот путь есть, конечно, единственно правильный. Генералов, офицеров и рядовых черных сотен необходимо раз-навсегда **вооруженной рукой хорошенько проучить**— и у банды охранителей и ее высших покровителей, наверное, пропадет всякая охота устраивать побоища во славу самодержавия.

Комитеты самообороны будут в то же время ячейками, из которых могут, с одной стороны, развиться организации с более широкими политическими задачами, с другой—выйти городская полиция, которая действительно охраняла бы порядок и не могла бы быть обращаема против граждан.

II.

В интересах энергичного противодействия реакционному одурманиванию народа, необходимо теперь же начать широкую и **открытую** конституционно-демократическую пропаганду среди крестьянства и рабочего класса. Основной, центральной идеей этой пропаганды должна быть мысль, что широкая аграрная реформа и законодательство в. пользу рабочих возможны только при том условии, что законодательная власть будет принадлежать собранию народных представителей, избранному на основании всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов, при полном обеспечении свободы печати, союзов, собраний и стачек. Необходимо для целей такой пропаганды теперь же приступить к фактическому осуществлению права собраний в городах и в сельских местностях. Вполне «легальные» основания к этому дают, с одной стороны, рескрипт 18 февраля об участии народных представителей в законодательстве, и с другой—указ Сенату, открывающий частным лицам и учреждениям «возможность непосредственно быть Нами услышанными». Эти два заявления правительства вообще должны быть использованы в том смысле, что им сразу на практике должно быть дано истолкование актов, устанавливающих право граждан совещаться и пред'являть согражданам и правительству мнения и постановления о делах государственных.

С этой точки зрения, мы вновь напоминаем нашим друзьям изложенный в № 63 «Освобождения» проект покрытия всей России сетью губернских, городских, уездных и волостных комитетов реформ. Открытые совещания граждан по государственным вопросам,—совещания, в основу которых должна быть положена широкая пропаганда демократической партии, должны выяснить и формулировать отношение населения к тому, что будет предпринимать правительство в осуществление рескрипта 18-го февраля[4]) и, в случае надобности, подготовят избирательную кампанию.

В настоящее время, во всяком случае, безусловно необходимо открыто организовывать кадры демократической партии, на основе программы, основные черты которой даны нами выше и представляют не измышление какого-нибудь отдельного лица, или маленькой группы лиц, а суть зрелый продукт развития русской конституционно-демократической мысли за последние годы освободительного движения.

Образование комитетов реформ и устройство совещаний граждан не может быть делом одной только партии. Для избежания нелепых и вредных для дела столкновений между разными направлениями освободительного движения, нужно, чтобы—до организации публичных или полупубличных собраний—между комитетами этих направлений достигнуто было предварительное соглашение и выработана была **общая платформа.** В частности, социал-демократам желательно было бы выяснить, что принятая ими в некоторых местах тактика—являться в собрание и ex abrupto без соглашения предлагать, или, вернее, навязывать собранию свои резолюции—во всех смыслах нецелесообразна и вносит лишь раскол в освободительное движение.

Блестящим примером противоположной, единственно целесообразной и внушительной для правительства, тактики является та, которая восторжествовала в Саратове, где все партии действовали согласно и где—несомненно, в атмосфере этого единодушного общественного мнения—комиссия земского собрания, составившаяся из почти всех гласных и фактически тождественная с собранием, после основательного обсуждения вопросов, присоединилась к чисто демократической программе, признав, что лишь «постоянное и правильное народное представительство на основе всеобщего, равного избирательного права с тайной подачей голосов, даст стране столь необходимый ей внутренний мир и возможность развить все великие духовные и материальные силы народа.

III.

Образование из разнообразных элементов интеллигенции крепко сплоченной демократической партии представляется в настоящий момент делом безусловной необходимости.

Время критическое. Освободительное движение именно в силу своего стихийного характера, я бы сказал в силу внезапности своего натиска, требует наличности демократической партии и притом партии, в высшей степени активной. На сцену выступают подлинные народные массы. Демократическая партия не имеет права в такое время пассивно созерцать движение народных масс. В особенности невозможна пассивность в виду растущего крестьянского движения.

Крестьянское движение, конечно, носит стихийный и неорганизованный характер, но если интеллигенция и в том числе земские люди, будут перед лицом его пребывать в пассивном состоянии, они в политическом смысле окажутся в тисках между бунтующим крестьянством и охраняющим самодержавие правительством. Правительство не прочь—по плану, выработанному «Московскими Ведомостями»[5]) и «Гражданином»[6])—натравить крестьян на образованные классы и в том числе на либеральных помещиков. Но, с другой стороны, правительство само боится и должно бояться крестьянского движения, так как серьезных уступок крестьянству самодержавное правительство не может сделать. Пока черные сотни, подобранные полицией, с некоторым числом одурманенных добровольцев из народа избивают интеллигенцию на улицах городов, самодержавное правительство может потирать руки от удовольствия. Но крестьянской аграрной революции оно должно бояться еще больше, чем сами помещики, ибо, поддерживая крестьян, оно восстановило бы против себя помещиков, а поддерживая помещиков и расстреливая крестьян, оно проделывало бы своими собственными руками гапоновский эксперимент над крестьянами, т.-е. создавало бы абсолютно крепкий несдвигаемый фундамент для русской политической революции. Такова логика событий. Русская оппозиция, не только демократическая, но и умеренно-конституционная, должна в настоящий критический момент исходить из того факта, что **в стране уже началась аграрная революция.** Если так, то единственная разумная со всех точек зрения тактика состоит в том, чтобы овладеть революцией в самом начале и, признав в существе эту революцию законной, вдвинуть ее в русло закономерной социальной реформы, осуществляемой в связи с полным политическим преобразованием страны теми средствами, которые даст демократическая конституция.

Вот почему решение аграрного вопроса в самой недвусмысленной формулировке введено в данную нами выше программу демократической партии. Я лично считаю такую резкую постановку аграрного вопроса в программе единственным разумным шагом, обязательным не только для демократов, но и для конституционалистов вообще. Точно так же **активную, революционную** тактику в современной стадии русской «смуты» я считаю единственной разумной для русских конституционалистов. Если настоящий момент будет пропущен для активной тактики—то «закон действия» будет продиктован или, вернее, навязан русскому конституционализму, с одной стороны, самодержавным правительством, с другой же стороны, стихийным движением народных масс и поведением социалистических партий. Я нарочито в данном случае говорю не только о демократах, но о всех вообще русских конституционалистах и даже особливо имею в виду конституционалистов из земледельческого класса.

Им надлежит понять, что политическая реформа в современной России тесно сплелась с социальными проблемами, и что при этом аграрная революция началась в России при условиях исключительных и в мировой и в ее собственной истории. В стране существуют социалистические партии и рабочее движение. И социалистические партии и еще более рабочее движение, на которое они влияют, передают и передадут революционную энергию крестьянской массе.

Из нужды крестьян, в связи с социалистической агитацией и с социалистическим перевоспитанием рабочего класса, получится такое движение, с которым было бы бессмысленно бороться. С революциями умные, истинно государственные люди вообще не борются Или иначе: единственный способ борьбы с революцией заключается в том, чтобы стать на ее почву и, признав ее цели, стремиться изменить только ее методы.

Эту позицию по отношению к аграрному вопросу конституционалисты должны занять тотчас же, я бы сказал: не теряя ни одной минуты. Ибо в противном случае они, как Куропаткин [7])—Оямой[8]), будут раздавлены революцией. Если же, развернув ши-

рокую аграрную программу, конституционалисты станут во главе революции, они сделают историческое дело. Даже временное поражение в борьбе с полицией им будет не страшно. Они будут стоять на широком основании народных интересов и требований и с народом и во имя народа сметут самодержавие.

Медлить нельзя, нельзя пассивно ждать стихийного хода революции. Необходимы организационные действия и открытые заявления; необходимы **прямые обращения к народу.**

В какое трагическое положение ставит конституционалистов-земцев ужасный заговор правительственной лжи и народного невежества,—заговор, который они поддерживают своей собственной пассивностью, об этом может свидетельствовать следующая доставленная нам выдержка из частного письма одного из почтеннейших либеральных земских деятелей России: «В селах ведется усиленная пропаганда идеи, что только от прежнего режима (т.-е. самодержавия П. С.) крестьяне получат и землю и всякие блага, а «паны», добивающиеся новых порядков (т.-е. конституции), желают только своей выгоды и намерены снова закрепостить народ. «Друзья народа», ведущие эту пропаганду в нашей местности, указывают на меня, как на опасного крепостника и в Н. (поместье автора письма П. С.) заметное колебание».

Эти слова изображают целую трагедию. Ведь, это пишет земский деятель, свыше четверти века **работавший** в земстве **для крестьянства.** Из этого трагического положения можно выйти победителем, только решительно обратившись к активной революционной тактике. В самом деле, нельзя же конституционалистам серьезно просить полицию о защите от тех крестьян, которых сама полиция—во имя самодержавия—натравила на них. Это было бы и самоубийственно, и постыдно.

Революцию, повторяем, победить нельзя, революцией можно только овладеть.

IV.

В настоящий момент безусловно необходима усиленная конституционно-демократическая пропаганда среди **офицерства.** Дальнейшее отчуждение между армией и лучшими элементами нации прямо-таки невыносимо и грозит неисчислимыми общественными бедствиями и личными трагедиями. Пропаганда среди офицерства должна, прежде всего, исходить из того факта, что самодержавие развратило и погубило армию, что оно единственный виновник поражений, понесенных русскими войсками в этой войне,—поражений, которые не имеют себе ничего подобного в русской военной истории. Необходимо доказывать, что армия может приобресть новые силы и возродиться, только духовно сблизившись с прогрессивными силами нации, ведущими освободительную борьбу, и отшатнувшись от самодержавия.

Практическое осуществление пропаганды среди офицерства, конечно, представляет очень трудный и сложный вопрос.

ПРОГРАММА СОЮЗА ОСВОБОЖДЕНИЯ.

(«Освобождение» № 69—70, 1905 г.).

Союз Освобождения находит, что тяжелый, и внешний, и внутренний кризис, переживаемый Россией, в настоящее время настолько обострился, что народ должен взять разрешение этого кризиса в свои руки, вместе с другими общественными группами, выступившими против существующего режима. Союз Освобождения требует поэтому немедленного созыва Учредительного собрания на началах всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов для выработки русской конституции. Союз Освобождения считает далее необходимым выступить уже в настоящее, подготовительное к созыву Учредительного собрания, время с определенной программой. Общею и непосредственною целью своей деятельности Союз Освобождения считает коренное преобразование государственного строя России на началах политической свободы и демократизма.

Для осуществления провозглашенных Союзом начал политической свободы и демократизма, мы требуем признания в основном государственном законе прав человеки

и гражданина. В состав их прежде всего входит равенство всех перед законом, без различия пола, вероисповедания и национальности. Всякие сословные различия и всякие ограничения личных и имущественных прав поляков, евреев и других отдельных групп населения должны быть отменены. Далее, сюда относится неприкосновенность личности и жилища. Никто не может быть ни обыскан, ни арестован, ни наказан иначе, как в порядке общего судопроизводства, предоставляющего подозреваемому и обвиняемому все средства защиты на всех стадиях судебного разбирательства. Каждому гражданину должна быть предоставлена полная свобода передвижения; паспортная система должна быть упразднена. Затем необходимо обеспечение свободы совести. Всякие религиозные преследования должны быть прекращены; никто не может быть вынуждаем исповедывать какое-либо вероучение или принадлежать к какой-либо вероисповедной организации; наоборот, всякий имеет право свободно либо выбрать себе то или другое вероучение и присоединиться к тому или другому вероисповедному обществу, либо отказаться от всякого вероучения и перестать принадлежать к той церкви, членом которой он считался. Из признания начала свободы совести вытекает, с одной стороны, освобождение церковных обществ от государственной опеки и, с другой—освобождение государства от подчинения церковным интересам. Ведение актов гражданского состояния должно быть для всего населения делом гражданских властей. Равным образом, необходима свобода печатного слова. Свобода печати подразумевает полную отмену цензуры и право издавать и распространять всевозможные произведения печати как периодической, так и непериодической, на всех языках, без всяких разрешений, залогов или других каких-либо ограничительных мер. За преступления и проступки, совершенные путем печати, виновные отвечают только перед судом, при чем никакое мнение, выраженное в печати, не подлежит преследованию и в судебном порядке, если в этом мнении не заключается общеуголовного правонарушения. Наконец, мы требуем свободы устного слова, публичных собраний и союзов. Все граждане должны иметь право произносить речи, читать лекции, устраивать собрания как в закрытых помещениях, так и под открытым небом. Они должны иметь право образовывать постоянные и временные союзы для всяких целей, прямо не запрещенных уголовным законом, и, притом, без всякого предварительного разрешения полицейской власти. Союзы и публичные собрания должны иметь право коллективных обращений в установленном законом порядке к законодательной власти с заявлениями и ходатайствами.

Но как никакое народное представительство не может быть признано выражающим мысль и волю страны, если законами страны незыблемо не утверждены равенство всех граждан перед законом, неприкосновенность личности и жилища, свобода совести, свобода печати, свобода собраний и союзов, точно так же никакие права человека и гражданина не будут обеспечены до тех пор, пока закон не будет выражением воли народа и пока исполнительная власть не будет подчинена контролю народного правительства. Для этого необходимо, чтобы законодательная власть принадлежала народному представительству, организованному на началах всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов, без различия пола *). Представители народа должны иметь право законодательной инициативы. Утверждение государственного бюджета должно быть неот'емлемым правом народного представительства. Никто не обязан платить налогов и пошлин, не предусмотренных сметой или когда смета потеряла законную силу. Высшие органы исполнительной власти—министры должны быть ответственны перед народным собранием, которое, таким образом, не только облечено правом обсуждать действия министров и их подчиненных и требовать от них об'яснений, но имеет также право, при соблюдении известных условий, привлекать министров к судебной ответственности.

Мы требуем не только того, чтобы народное представительство было организовано на начале политического равенства, мы добиваемся также того, чтобы государственное устройство преобразованной России было утверждено на широком местном и областном самоуправлении... Освобожденная Россия должна сознательно и решительно порвать

*) По вопросу о женском избирательном праве меньшинство осталось по практическим соображениям при особом мнении, в виду чего с'езд признал этот пункт программы необязательным для меньшинства.

с угнетением окраин и бюрократической централизацией. Из этого следует, прежде всего, что конституция Финляндии, обеспечивающая ее особенное государственное положение, должна быть всецело восстановлена и торжественно признана в основных законах Российской Империи. Всякие дальнейшие мероприятия, общие Империи и Великому Княжеству Финляндскому, должны быть впредь делом соглашения между законодательными факторами Империи и Великого Княжества. Самое широкое областное самоуправление должно быть, во всяком случае, предоставлено областям Империи, резко обособленным по своим бытовым и историческим условиям, например, Польше, Литве, Малороссии или Закавказью. В отношении народностей, входящих в состав России, мы безусловно признаем их право на культурное самоопределение. Употребление в начальных школах и во всех местных учреждениях народного языка должно быть принципиально признано необходимым для всех народностей Российского государства. В то же время во всей стране должно быть на основе всеобщей подачи голосов создано облеченное широкими правами, действительно независимое самоуправление сельское, участковое, уездное, губернское, а также городское. Ему должны быть предоставлены все отрасли местного благоустройства, в том числе и полиция.

Но политическим переустройством не может быть ограничиваемо государственное преобразование России. Политическая реформа необходима также и ради осуществления глубоких культурных, правовых и экономических преобразований. Первое место среди них должно принадлежать школьной реформе. Немедленно должно быть приступлено к организации в стране всеобщего начального обучения с чисто светским характером, которое впоследствии должно быть сделано обязательным. Средняя школа и высшие учебные заведения тоже должны подвергнуться органической реформе. Мы требуем автономии университетов и других высших учебных заведений и передачи начальной и средней школы в полное заведывание местного самоуправления. Программы низшей, средней и высшей школы должны быть согласованы друг с другом, чтобы была обеспечена возможность последовательного прохождения обучающимися всех трех ступеней школы. Обучение в общественных и государственных школах всех типов должно быть бесплатным. В области суда мы считаем необходимым в полной чистоте восстановить основы судебных уставов 1864 года [9]) и дать им окончательное осуществление. Суд должен быть равным для всех; учреждение исключительных судов по каким бы то ни было поводам недопустимо. Поэтому должностные лица должны быть предаваемы суду и судимы в общем порядке. Институт земских начальников и волостные крестьянские суды должны быть отменены. Гласность суда должна быть восстановлена во всей полноте, и закрытие дверей по политическим соображением не должно быть допускаемо. Судьи должны быть независимы, а поэтому не сменяемы и не награждаемы. Суд присяжных должен получить возможно широкое распространение с исключительной подсудностью ему всех преступлений. Уголовное Уложение должно быть пересмотрено, и постановления его, противоречащие началам политической свободы, должны быть отменены. Смертная казнь, применяемая почти исключительно в интересах поддержания существующего строя, подлежит безусловно отмене.

Вся хозяйственная жизнь России до корня извращается политическим рабством, в котором коснеет страна. Освобожденная Россия должна порвать с системой внешних захватов и с финансовой и экономической политикой, разоряющей страну. Контроль народных представителей над расходованием народных средств прекратит практиковавшиеся до сих пор расточение народного достояния. Относительно системы обложения мы требуем: 1) отмены выкупных платежей, взимаемых с крестьянских земель; 2) развития прямого обложения и постепенного понижения и уничтожения косвенных налогов; 3) реформы прямого обложения на основе прогрессивной пропорциональности налогов доходам облагаемых лиц. На ряду с изменением финансовой политики необходим отказ от покровительства отдельным предприятиям и предпринимателям, и усиленное покровительство развитию производительных сил народа. Постепенное понижение таможенных пошлин не только улучшит положение сельского хозяйства, но и будет содействовать в сильной степени расцвету самой промышленности.

Рядом с отказом от неразумного протекционизма должны быть проведены широкие аграрные реформы. Политическое освобождение России должно быть, вместе с тем, и довершением дела освобождения крестьян *). В этих целях необходимо: 1) новое наделение безземельных и малоземельных крестьян государственными, удельными и кабинетскими землями, а где их нет,—частновладельческими, с вознаграждением нынешних владельцев этих земель; 2) образование государственного земельного фонда для широкой организации, с помощью государства, переселения крестьян на эти земли; 3) создание арендного права, гарантирующего земледельцу плоды его улучшения, и учреждение примирительных палат для регулирования арендной платы в интересах трудящихся и для разбора споров и несогласий между арендаторами и землевладельцами; 4) распространение рабочего законодательства на земледельческих рабочих, применительно к особым условиям земледелия.

В области рабочего вопроса необходимо, прежде всего, создание благоприятных условий для развития коллективной самодеятельности рабочих: право стачек и явочный порядок для профессиональных обществ и союзов.

Затем мы признаем необходимым: 1) реформу рабочего законодательства и инспекции труда с распространением присущего им ныне бюрократического характера и с распространением их на все виды наемного труда; 2) законодательное регулирование продолжительности рабочего времени, путем введения 8-часового рабочего дня в тех производствах, где это возможно немедленно, и приближение к нему в других производствах; 3) отмену сверхурочных работ, кроме технически необходимых, 4) развитие охраны труда женщин и детей; 5) законодательное регулирование всех отношений найма, которые поддаются такой нормировке; 6) учреждение примирительных палат, составленных из выборных представителей труда и капитала в равном числе от обеих сторон, для разбора всех вопросов договора о найме, не поддающихся законодательной нормировке; 7) обеспечение рабочим полного вознаграждения от предпринимателей за утраченную вследствие несчастного случая или профессиональной болезни трудоспособность; 8) введение государственного страхования на случай смерти, старости, болезни и неспособности к труду и привлечение рабочих к участию в управлении страховыми учреждениями на равных правах с предпринимателями.

* * *

Настоящая программа, представляя собой то общее, на чем об'единились все группы Союза Освобождения, конечно, не могла охватить всех частных взглядов и мнений, которые высказывались при ее выработке. С другой стороны, так как принятые Союзом решения диктовались условиями того политического момента, в котором происходило ее обсуждение, то решения эти могут считаться обязательными лишь постольку, поскольку политические условия останутся неизменными. Допущение такого временного и условного элемента в свои програмные решения Союз Освобождения считает неизбежным и необходимым условием для всякой политической программы, преследующей цели реальной политики. Только дальнейший ход политической жизни может показать, какие изменения и дополнения в принятой программе окажутся нужными, и самая необходимость оставить некоторые решения временно открытыми показывает, что в этих случаях за отдельными членами и группами Союза остается свобода выбора тех действий и решений, которые диктуют им их совесть и их общественные убеждения.

ДВЕ АГРАРНЫЕ ПРОГРАММЫ.

К вопросу о конституционно-демократической агитации в народе.

(М. Герценштейн, А. Мануйлов, Кн. П. Д. Долгоруков — «Освобождение» № 69, 1905 г.).

I.

На с'езде земских деятелей, имевшем место 24 и 25 февраля, [10]) принята была аграрная программа, основные пункты которой заключаются в следующем:

*) Мы употребляем это выражение не в сословном смысле, а в его экономическом значении, разумея под крестьянами мелких хозяев земледельцев, лично обрабатывающих землю.

1. Государственное вмешательство в экономическую жизнь должно распространяться и на область аграрных отношений.

2. Правильная постановка аграрного законодательства обусловливается коренным преобразованием государственного строя России на началах широкого народного представительства.

3. Предстоящая аграрная реформа должна быть построена на следующих началах.

а) улучшение экономического положения земледельческого класса путем обязательного выкупа из частно-владельческих земель необходимых прирезок, главным образом в пользу малоземельных, дарственников и т. п., а также прирезок выгонов, выпасов, водопоев и т. п.;

б) признание государственным земельным фондом казенных и части удельных: кабинетских и монастырских земель и увеличение его путем покупки и выкупа частно-владельческих земель;

в) упорядочение условий аренды путем государственного вмешательства в арендные отношения в интересах трудящегося населения;

г) образование общественно-государственных посреднических комиссий для проведения в жизнь аграрных мероприятий, согласно вышеуказанным началам;

д) правильная постановка на широких началах переселения и расселения, облегчение пользования различными видами кредита, реформ крестьянского быта и содействие корпоративным предприятиям;

е) коренной пересмотр межевого законодательства в видах облегчения, ускорения и удешевления размежевания земель, уничтожение чересполосицы частно-владельческих земель, обмен участков и т. п.

Присутствовавшими на с'езде было вместе с тем выражено пожелание устроить в непродолжительном времени с'езд исключительно для обсуждения аграрного вопроса. В виду этого, было приглашено несколько лиц к разработке по отношению к отдельным районам вопросов о малоземелье, о размерах земельного фонда, состоящего из помещичьих, казенных и удельных земель, о площади свободных земель, пригодных для переселения, об условиях аренды и т. п.

Основная точка зрения, которою мы руководились при разработке этих вопросов, заключается в следующем:

Признавая, что конечною целью должен быть переход земли в пользование теми, которые ее обрабатывают, и что к этой цели должно стремиться аграрное законодательство, мы вместе с тем полагаем, что задача прогрессивных элементов русского общества в настоящий момент должна заключаться не столько в провозглашении в общей форме более или менее отдаленных или конечных целей и идеалов поземельного устройства, сколько в выработке практических мероприятий, которые всего более отвечали бы настоятельнейшим потребностям и нуждам трудящихся классов сельского населения; эти мероприятия должны составлять необходимый минимум аграрной программы конституционно-демократической партии. Главнейшими из них мы считали: увеличение площади крестьянских земель путем прирезки к ним на основаниях выкупа более или менее значительной части частно-владельческих земель и регулирования арендных условий, при чем основания выкупа должны быть сообразованы с интересами страны, что может быть достигнуто только при решении этого вопроса народным представительством.

Мы не считаем возможным довольствоваться в отношении крестьянского землевладения деятельностью Крестьянского банка и не придаем ему такого значения, какое ему придавалось в последнее время; при расширении площади крестьянских земель, основанном на добровольных сделках купли-продажи при посредстве кредита, цены стремительно поднимаются вверх к ущербу для покупщиков, а в аграрных мероприятиях не может быть той планомерности, которая необходима для упрочения крестьянского землевладения и землепользования.

Если вы в общем признаете эту программу целесообразной и отвечающей ближайшим задачам прогрессивных слоев русского общества; если при выработке практических мероприятий, к которым немедленно должно быть приступлено, вы вместе с нами признаете, что прирезка земли и регулирование аренды путем государственного вмешательства,

не противореча конечным целям, вместе с тем отвечают непосредственной, назревшей потребности, то не найдете ли вы возможным принять на себя разработку какого-нибудь из вышеприведенных пунктов программы. Сведения о местности, более вам известной по вашей деятельности, обнимающие какой-нибудь район (губернию, уезд или часть уезда), касающиеся одного из пунктов программы или связанных с ним вопросов, а также соображения ваши о проведении в жизнь предстоящих мероприятий, согласно с местными условиями,—были бы в высшей степени желательны.

В частности было бы желательно выяснить на основании земских статистических исследований, арендные условия, роль Крестьянского банка, положение сельских рабочих, количество земли на двор и на душу в сравнении с надельной землей, отведенной крестьянам по закону 1861 г. и позднейшими узаконениями.

РАСКОЛ В РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

(Н-ч. «Освобождение» № 72, 1905 г.).

Раскол в социал-демократической партии продолжается. Часть партии, руководимая Лениным,—так называемое «большинство»,—созвала недавно «третий с'езд Российской Социал-демократической Рабочей Партии», который, однако, другая часть партии,—так называемое «меньшинство»,—отказалась признать общепартийным с'ездом и которому она противопоставила созванную одновременно с с'ездом «первую общерусскую конференцию партийных работников». «С'езд» отказался признавать журнал «Искру» официальным органом партии и основал новый «центральный орган» под названием «Пролетарий», первые номера которого уже вышли, и который является продолжением издававшегося Лениным с самого начала раскола журнала «Вперед», с другой стороны, «меньшинство», под предводительством Аксельрода, Плеханова, Мартова и Старовера, группируется вокруг «Искры», которая пока также сохраняет в своем заголовке титул «центрального органа» партии. Как «с'езд», так и «конференция» выработали ряд весьма интересных резолюций по текущим политическим вопросам.

Постороннему наблюдению довольно трудно уловить реальный политический смысл разногласия, разбившего социал-демократическую партию на две фракции. Определение фракции «большинства», как более радикальной и прямолинейной, в отличие от «меньшинства», допускающего в интересах дела некоторые компромиссы, не вполне точно и во всяком случае не представляет исчерпывающей характеристики. По крайней мере традиционные догматы марксистской ортодоксии блюдутся фракцией меньшинства, пожалуй, еще с большей ревностью, чем фракцией Ленина. Более точной представляется нам следующая характеристика. Основным политическим настроением «большинства» является отвлеченный революционизм, бунтарство, стремление какими-угодно средствами поднять восстание в народной массе и от ее имени немедленно захватить власть; это до известной степени сближает «ленинцев» с социалистами-революционерами и заслоняет в их сознании идею классовой борьбы идеей всенародной русской революции; отрекаясь на практике от многих узостей социал-демократической доктрины, «ленинцы», с другой стороны, насквозь пропитаны узостью революционизма, отказываются от всякой другой практической работы, кроме подготовления немедленного восстания, принципиально игнорируют все формы легальной и полулегальной агитации и все виды практически-полезных компромиссов с другими оппозиционными течениями. Напротив, «меньшинство», крепко держась за догму марксизма, вместе с тем сохраняет и реалистические элементы марксистского миросозерцания. Основной идеей этой фракции является противопоставление интересов «пролетариата» интересам буржуазии. Но, с другой стороны, борьба пролетариата мыслится—конечно, в известных пределах, диктуемых незыблемыми догматами социалдемократии,—реалистически трезво, с ясным сознанием всех конкретных условий и задач этой борьбы. Обе фракции проводят свою основную точку зрения не вполне последовательно, так как обе связаны в своем идейно-политическом творчестве строгими формулами социал-демократического катехизиса, которые мешают «ленинцам» стать прямолинейными бунтарями по образцу некоторых, по край-

ней мере, социалистов-революционеров, а «искровцам»—практическими руководителями реального политического движения рабочего класса.

Отметим некоторые резолюции «третьего с'езда» и «конференции». По вопросу о вооруженном восстании с'езд, исходя из мысли, что революционное «движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания», постановил «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников». Совершенно иначе относится к вооруженному восстанию конференция «меньшинства».

«Принимая во внимание,—гласит резолюция конференции—что

1) Возможность приурочить одновременное и повсеместное восстание к заранее назначенному сроку и подготовить его конспиративно-организационными средствами исключается уже одной слабой организованностью передовых слоев пролетариата и неизбежно стихийными характером революционного движения тех именно народных масс, быстрое вовлечение которых в борьбу с царизмом является залогом нашей победы;

2) Что благоприятные условия для победоносного восстания создаются, прежде всего, непрекращающимся брожением в массах и растущей дезорганизацией реакционных сил;

социал-демократия в целях подготовки восстания должна прежде всего:

a) расширить свою агитацию в массах на почве текущих политических событий;

b) связать с своей политической организацией и подчинить ее влиянию самостоятельно возникающие социально-экономические движения пролетарских масс;

c) укреплять в массах сознание неизбежности революции, необходимости быть всегда готовыми к вооруженному отпору и возможности его превращения, в каждый данный момент, в восстание»...

«Только на почве всесторонней работы социал-демократии,—заключает резолюция,--может быть приближен момент восстания, может быть облегчено подчинение его нашему руководству и могут приобрести более или менее серьезное значение технически боевые приготовления наших партийных организаций к восстанию».

В связи с отношением к вооруженному восстанию стоит отношение обеих фракций к участию в возможном «временном революционном правительстве». Тогда как ленинцы об'являют допустимым «участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса», «искровцы», опасаясь «растворения в буржуазной демократии», признают, что «социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции».

Такое же разногласие обнаруживается и в отношении к профессиональным рабочим союзам. Ленинцы в своих резолюциях даже не обмолвились ни словом об этой важнейшей исходной точке политического воспитания и организации рабочего класса. Наоборот, «меньшинство» выработало очень серьезную резолюцию, которая указывает на то,

«что в ряду тех завоеваний, которые может сделать российский пролетариат в предстоящую революцию, одно из первых мест занимает право свободно организоваться в такие союзы, а равно и право коллективного отказа от работы на невыгодных для рабочих условиях;

что наша партия не исполнила бы своей обязанности перед ним, если бы не подчеркивала огромную важность для него этих прав и, в благоприятную минуту, не повела его на их завоевание;

что, в обстановке революционного брожения, это завоевание значительно облегчается»

и потому «советует всем партийным организациям немедленно начать широкую агитацию между рабочими для организации в их среде профессиональных союзов, самое возникновение которых означало бы, что уже близко время окончательного завоевания указанных прав, и рекомендует:

1) Содействие всем попыткам рабочих создавать союзы для защиты своих профессиональных интересов и призыв к организации таких союзов вопреки существующим еще запретительным законам.

2) Устройство регулярных собраний представителей отдельных профессиональных союзов и уполномоченных промышленных заведений (старосты, депутаты и пр.) в целях установления постоянного общения между ними.

3) Поддержание постоянной связи между партийными организациями и профессиональными союзами и постоянную помощь им имеющимися в распоряжении партийных организаций силами и техническими средствами.

4) Обязательное участие всех рабочих, членов партии, в существующих или возникающих на местах их работы профессиональных союзах.

5) Представительство профессиональных союзов, признающих программу партий, в общепартийной организации».

Зато ленинцы, игнорируя желательность профессиональных организаций, находят нужным и возможным теперь же

«организовать пролетариат для немедленного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня и других стоящих на очереди требований рабочего класса».

Единодушными оказались обе фракции в отношении к «либералам». Обе исходят из мысли о желательности всякой, в том числе и «либерально-буржуазной» оппозиции самодержавию, и обе, несмотря на эту посылку, приходят к выводу, что задачей социал-демократии является только противодействие конституционно-демократическому движению и дискредитирование его в среде рабочих. С'езд большинства повторяет почти дословно резолюцию Плеханова об отношении к либералам, принятую на II С'езде, и отвергает принятую тем же с'ездом, более благосклонную к либералам резолюцию г. Старовера [11]). Противоречие выводов посылкам звучит в резолюции с'езда почти комически:

«Принимая в соображение,

а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом,

b) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявлялись эти ограниченность и недостаточность,—

III С'езд Р. С. Д. Р. П. настоятельно рекомендует товарищам:

1. Раз'яснять рабочим антиреволюционный и противопролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках, начиная от умеренно-либерального, представляемого широкими слоями землевладельцев и фабрикантов, и кончая более радикальными, представляемым Союзом Освобождения и многочисленными группами лиц свободных профессий.

2. Энергично бороться, в силу изложенного, против всяких попыток буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение и выступать от имени пролетариата или отдельных групп его».

Резолюция «конференции» построена несколько иначе. Исходя также из убеждения о необходимости сплоченной революционной борьбы с самодержавием, она пред'являет ряд «требований» «всем врагам царизма», ограничиваясь, со своей стороны, заявлением, что «революционная социал-демократия... будет попрежнему выступать, как против лицемерных друзей народа, против всех политических партий, которые, выставляя либеральное и демократическое знамя, отказываются от действительной поддержки революционной борьбы пролетариата».

Однородны также резолюции об агитации среди крестьянства. Обе фракции заявляют, что будут поддерживать крестьянские восстания и пропагандировать среди крестьянства идеи радикальных демократических и социальных реформ, при чем «большинство» более подчеркивает идею «революционной конфискации помещичьих, казен-

ных, церковных, монастырских и удельных земель», тогда как «меньшинство» основой своей агитации хочет сделать требование демократических государственных и административных реформ. Впрочем, отношение социал-демократической партии к крестьянскому вопросу имеет исключительно теоретический интерес, в виду незначительности влияния этой партии на крестьянство.

ТОРЖЕСТВО ЗДРАВОГО СМЫСЛА.

(П. Струве, «Освобождение» № 72, 1905 г.).

В № 100 «Искры» напечатаны два чрезвычайно интересных документа: письмо одного из членов петербургской социал-демократической группы о неудаче 1-го Мая[12]) и резолюция, принятая 3 мая на агитаторском собрании в Петербурге. Эта последняя резолюция гласит:

«Неудача празднования 1 Мая в нынешнем году показала разобщенность между партийной организацией и рабочей массой. Этот печальный факт заставил собрание агитаторов Городского района более подробно остановиться на методах нашей работы. Обсудив этот вопрос, собрание пришло к следующим выводам:

1. До сего времени борьба пролетариата за свои непосредственные нужды велась при слабом участии социал-демократии, отрывавшейся, благодаря тому, от жизни широких масс.

2. В виду того, что в настоящее время одна подпольная работа не обеспечивает массе достаточного участия ее в партийной жизни и отчасти ведет к противопоставлению массы, как таковой,—партии, как нелегальной организации,—необходимо последней взять в свои руки ведение рабочими профессиональной борьбы на легальной почве, строго связывая эту борьбу с социал-демократическими задачами.

3. Для этой цели партии необходимо не только принимать самое деятельное, непосредственное участие в существующих уже профессиональных рабочих союзах, кассах и т. п., но и брать на себя инициативу в деле создания таких организаций, дающих возможность об'единить более широкие массы на почве их классовых интересов.

4. В связи с этим, собрание считает нужным подчеркнуть настоятельную необходимость сделать новые дальнейшие шаги на пути демократизации нашей партии, обеспечивающей большую самодеятельность ее членов».

Мы горячо приветствуем эту резолюцию, как торжество здравого смысла, как тактическое просветление известной части социал-демократической партии.

По этому поводу нам невольно припоминается, что та же самая мысль, которая положена в основу цитированной резолюции, была высказана нами накануне 9 января*). Мы говорили, что русский рабочий (в частности рабочий петербургский) «еще недостаточно подготовлен к организованной общественно-политической борьбе». Вот почему «мобилизовать» его в политическом отношении «нелегко», для такой мобилизации необходимо подводить «прочный фундамент». В качестве такого фундамента мы рекомендовали и освобожденцам, и социал-демократам организацию профессиональных союзов «на легальной почве».

Наступили события 9—11 января, и—под их впечатлением—«Искра» написала по поводу наших предложений весьма—как водится—бойкую статью под язвительным заглавием «Либеральный политик приготовительного класса».**) В этой статье, вышучивая редактора «Освобождения», который «счел долгом осчастливить политическим советом российскую социал-демократию», «Искра» утверждала, что «политические разглагольствования, опубликованные г. Струве 7 января, в корне опровергнуты политическим действием 9 января». Статья заканчивалась словами: «Г. Струве до сих пор посвящал свои силы политическому воспитанию высокородных верхов имущего

*) Статья «Насущная задача времени» в № 63 «Освобождения».

**) № 84.

русского общества. Для них политическая программа приготовительного класса была вполне уместной, и, в качестве наставника политических младенцев, «Освобождение» недурно выполняло свои задачи. Но когда г. Струве отрывается от родной почвы и пытается поучать пролетариат, мы имеем право сказать ему словами поэта:

«Танцуй свою «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика»!

Торжество здравого смысла в российской социал-демократии настолько радует нас, что мы охотно предоставляем нашим оппонентам решение вопроса о том, где же следует искать «политических младенцев».

ИТТИ ИЛИ НЕ ИТТИ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ.

(«Освобождение» № 75, 1905 г.).

Только-что кончились два с'езда, земских и городских деятелей «Союза союзов»[13]), и на обоих особенно горячо и страстно обсуждался поставленный в заглавии вопрос. Споры и резолюции по этому вопросу показали две вещи: во-первых, что вопрос этот— первостепенной важности для ближайшей практической политики, и, во-вторых, что для определенного решения вопроса не имеется покуда самых необходимых данных.

В самом деле, булыгинский проект [14]) еще не издан и—при постоянных колебаниях и нерешительности правительства—неизвестно, когда будет издан. Условия выборов в Думу, которые, казалось, уже окончательно установлены советом министров, в последнее время опять становятся неопределенной величиной. Наконец, если бы даже эти условия стали окончательно известны, трудно было бы ожидать, что общественное мнение сочтет нужным считаться с этими неприемлемыми для него условиями до тех пор, пока сохраняется хоть тень надежды предупредить самое издание булыгинского закона путем резкой и открытой критики его. Таким образом, для настоящего момента вопрос: итти, или не итти в булыгинскую Думу есть вопрос преждевременный, и все попытки теперь же определить отношение общества к этому вопросу кончились неудачей. Земский с'езд прямо решил оставить вопрос открытым, а с'езд «Союза союзов» большинством двух третей решил вопрос отрицательно. И как бы мы ни смотрели на такое решение, по существу, для настоящего момента его приходится считать психологически и политически правильным.

Это, однако, не исключает необходимости предвидеть возможность деловой постановки вопроса после издания закона, и, в виду этого, аргументы, которыми обменялись сторонники двух противоположных решений, представляют большой практический интерес. Надо признать, что с большей полнотой и основательностью аргументы за и против участия были выдвинуты на с'езде союзов; на них мы поэтому и остановимся преимущественно.

Обе стороны исходили из совершенно одинакового отрицательного отношения к проекту Булыгина. Обе признавали безусловно необходимым всеми силами бороться против этого проекта. В этой части постановления обоих с'ездов были совершенно сходны и единогласны. Но, несомненно, недостатки булыгинского проекта оценивались разно двумя различными общественными группами, и способы борьбы против него намечались различные. В этой части резолюции и, еще более, мнения, высказанные на с'ездах, резко разошлись.

Недостатки булыгинского проекта сводятся, главным образом, к цензовой и классовой системе выборов и к совещательному характеру будущей Думы. Оба с'езда единогласно требовали всеобщего голосования и законодательной власти для Думы. Но центр тяжести у более радикальной группы, несомненно, лежал в требовании изменения системы выборов, тогда как для более умеренной главный интерес заключался в расширении прав Думы. Мы не смогли бы доказать этой разницы на точном основании речей и протоколов; но что такая разница действительно существует (мы говорим не об индивидуальных мнениях, а о групповых настроениях),—едва ли станет отрицать кто-либо, близко знакомый с делом.

Эта, более или менее скрытая, разница в оценке проекта привела, более или менее сознательно, и к разному выбору средств борьбы. Те, для кого абсолютно неприемлем самый способ выборов в государственную Думу, естественно, считали вступление в нее изменой демократизму и употребляли все усилия доказать, что выборы надо срывать и бойкотировать. Напротив те, кто, прежде всего, стремится к осуществлению конституционной власти народных представителей, полагали, что этого надо добиваться путем захвата твердой позиции в самой Думе, какова бы она ни была.

После этих замечаний мы лучше поймем аргументацию обеих сторон. Сторонники мнения, что надо итти в Думу, основывали свое мнение на учете оппозиционных сил. При абсолютной слабости оппозиции, говорили они, ей, конечно, следовало бы воздержаться от участия в выборах, чтобы не обнаруживать своего бессилия. При очень большой силе оппозиция, может быть, могла бы решить бойкотировать выборы,—если бы было какое-нибудь основание думать, что она может сорвать их повсеместно, во всей России. В действительности, оппозиция далеко не слаба, но и не всемогуща. Силы, какими она располагает, несомненно, вырастут, если употребить их в положительном направлении—прямого участия и влияния на выборах; но эти силы будут парализованы, если она вздумает использовать их отрицательно—в смысле воздержания или активного противодействия выборам. Если даже допустить, что в известном, небольшом, конечно, количестве мест оппозиция оказалась бы настолько сильна, что смогла бы сорвать выборы,—какой был бы практический результат? Ведь именно в этих местах она могла бы воспользоваться своей силой и для того, чтобы завоевать несколько кандидатур в Думу на условиях полной поддержки ее мнений в самом собрании. Если допустить, что собрание, все равно, соберется, разумно ли заранее лишать себя возможности иметь там своих представителей? Этих представителей, возражают противники, все равно будет слишком мало, и они не будут иметь влияния. Напротив,—утверждают сторонники излагаемого взгляда,—оппозиционная группа, если и не будет, может быть, с самого начала преобладать в палате—во всяком случае будет довольно численна и влиятельна: может быть, не менее численна и влиятельна, чем группа руководителей и единомышленников на теперешних земских и городских с'ездах. Каковы бы ни были недостатки булыгинской избирательной системы, она во всяком случае делает прямое влияние властей на выборах довольно затруднительным. Старое земское положение, по которому предположено производить выборы, даст и земский либеральный состав депутатов. При этих условиях отказываться от участия в выборах—значило бы добровольно отказываться от продолжения борьбы при условиях, несравненно более благоприятных, чем те, при которых земские и городские деятели вели эту борьбу до сих пор.

Аргументация противной стороны, конечно, основана на совершенно иной психологии, чем эта психология земских и городских конституционалистов. Это—аргументация активных революционных групп, сильно напоминающая взгляды старого народовольчества. Люди, которые войдут в Думу,—говорят сторонники этого взгляда,—никоим образом не будут представлять там настоящих народных интересов. Их нельзя связать никакими положительными обещаниями—поддерживать народное дело, так как даже самые формальные обязательства перестанут их связывать, как только переменится общее политическое положение. Между тем, положение это непременно переменится, как только эти представители добьются настоящей законодательной власти. Общество, уставшее от напряженной борьбы и жаждущее покоя, охотно примирится и на этом приобретении, и единственный по своей интенсивности революционный момент пройдет неиспользованным. Между тем, революция уже настолько сильна, что может вести борьбу за свой страх и преследовать свои собственные цели, не нуждаясь в посредниках и союзниках; самодержавие же настолько бессильно, что добыть непосредственно от него уступки или заставить его капитулировать перед народными требованиями—гораздо легче, чем добиться того же от будущего представительства имущих классов. Таким образом, тактика истинных друзей народа должна заключаться в том, чтобы не допустить уступок со стороны правительства умеренным общественным группам,—или не допустить эти группы воспользоваться уступками—за счет народа.

Как видим, сторонники второго взгляда очень внимательно учитывают последствия правительственной уступки средним общественным группам. Возможно, что фатальный ход русского политического развития будет именно таков, как они предсказывают. Нельзя отрицать также, что этот исход еще может быть предупрежден параллельными усилиями самодержавия и крайних партий. Но остается открытым самый главный вопрос: в чью пользу будет учтена неудача конституционного движения: в пользу социальной революции, или в пользу... самодержавия.

Мы боимся, что учет сделан сторонниками второго мнения неверно, и что результат ошибки может оказаться роковым для всего русского политического движения. Опасения наши тем сильнее и, как нам кажется, тем основательнее, что уже не в первый раз ошибка эта ослабляет шансы русского конституционного движения. В меньших размерах—но по существу то же самое было в шестидесятых и в семидесятых годах. Тогда, однако же, ошибка извинялась утопизмом тогдашней социальной теории. В то время мы все еще надеялись миновать промежуточные ступени европейского политического развития и прямо перескочить из патриархального в идеальный общественный строй. Теперь дело стоит иначе. Наиболее европеизированная из русских социальных теорий—социал-демократическая—уже исходит из аксиомы, что ближайший политический переворот должен быть «буржуазным». Но она все еще мирится с этим переворотом лишь при том единственном условии, чтобы Россия сразу стала демократической республикой. Все русское революционное движение рассчитано именно на этот исход, и, повидимому, нет никакой надежды рассеять иллюзии, на которых построены эти расчеты. При этом условии соглашение по вопросу об участии в Думе, конечно, трудно, так как решение, к которому приходят крайние группы русского общественного мнения, столь же логически правильно, как и психологически неизбежно. Это, однако, не мешает ему быть в наших глазах политически ошибочным. Об опасности этой ошибки для **всех** партий нужно говорить как можно громче, не боясь попасть не в тон современному общественному настроению. Против возможности такой ошибки надо всячески бороться.

ЛЖЕКОНСТИТУЦИЯ И ФОРМА ДАЛЬНЕЙШЕЙ БОРЬБЫ.

(Индепендент. «Освобождение» № 76, 1905 г.).

В предстоящих строках я не намерен ни разбирать нашу новоявленную лжеконституцию, ни рассматривать те отзывы русской и иностранной печати, которыми сопровождалось ее обнародование. Что день 6 августа знаменует крупный этап в освободительном движении и несомненное завоевание, об этом едва ли может быть спор. Об «акте царской воли» здесь говорить не приходится. Тот зубовный скрежет, с которым подписывался манифест, не может быть заглушен высокопарно-лживыми фразами о «неразрывном единении царя с народом», о «царском доверии» и пр. Учреждение государственной Думы—не добровольный самочинный акт, а взятая с бою позиция, которою принуждена была поступиться самодержавная бюрократия. Уступив эту позицию, она спешит укрепиться на оставшихся, провозглашая незыблемость основных законов о самодержавной власти, отменяя права, данные общественным учреждениям указом 18 февраля, [15]) провозглашая устами нового московского генерал-губернатора «исчерпывающее» значение реформы.

Дальнейшая стратегическая и тактическая программа самодержавного правительства совершенно ясна. Необходимо, чтобы и освободительное движение выяснило свою дальнейшую программу действий. Первым и коренным вопросом этой программы, без сомнения, является вопрос об отношении к лжеконституции. Он уже поставлен и на с'ездах и в «Союзе союзов», и в печати. В интересах наилучшего его освещения желательно, чтобы как можно больше голосов высказывалось по его существу. К этой цели направлены и предлагаемые ниже заметки.

* * *

В конкретной форме вопрос, выше поставленный, может быть выражен так: бойкот выборов, или участие в них.

На этот вопрос, как известно, уже дано было два различных ответа: «Союз союзов» провозгласил бойкот. «Vorwärts» от 21 августа сообщает, что «Союз союзов», признавая закон о государственной Думе дерзким вызовом со стороны императорского правительства всему русскому народу, постановил начать массовый протест против закона и массовую агитацию против выборов и об‘явить недопустимым участие членов «Союза» в выборах. Напротив того, в земской среде, повидимому, господствует противоположный взгляд. Бюро общеземского с‘езда представило московскому июльскому с‘езду проект резолюции, устанавливающий в качестве mot d‘ordre‘a *) деятельное участие в избирательной кампании. На с‘езде решение вопроса было до утверждения булыгинского проекта, но, судя по тому, что за принятие резолюции, предложенной бюро, насколько известно, стоит большинство наиболее авторитетных земцев, можно с большой вероятностью предсказать, что она и будет принята. Также расходятся мнения, проникшие в печать. В № 74 «Освобождения» мы читаем: «Общее отношение к проекту, без сомнения, вполне и безусловно отрицательное. Но такое отношение не исключает необходимости использовать закон для борьбы против него самого... Бойкотировать как закон, так и самые выборы, на нем основанные,—это решение так же теоретически легко, как и практически бесплодно... Бросить все свое влияние на одну чашку весов—таково другое, более политическое решение». Более крайние видят в таком образе действий—оппортунистический компромисс, в лучшем случае бесплодный, но могущий также принести неисчислимый вред освободительному движению.

Прежде всего, нужно отметить, что вопрос ставится теперь совершенно иначе, чем до 6 августа. Когда шла речь о **законопроекте**, вся деятельность, скажем, общеземского с‘езда была направлена на то, чтобы не дать этому проекту и положенным в его основу началам получить воплощение. К этому сводились и подробная, уничтожающая критика, сделанная в бюро, и работа по уничтожению собственного проекта. С этой точки зрения надлежало бы, прежде всего, в интересах тактических, отвергнуть всякое решение, которое могло бы поддерживать жизнеспособность булыгинского проекта, а таким, несомненно, было бы заранее принятое решение—участвовать в выборах. Таким образом, если бы в июле предстояла действительная необходимость постановить по этому вопросу решение, то, не входя в существо вопроса, следовало бы, по нашему мнению, дать отрицательный ответ. Но так как такой ответ уже должен был бы связать участников с‘езда, то наилучшим выходом оказалась отсрочка.

В самом деле: теперь уже ни то, ни другое решение не может повлиять на судьбу проекта. Теперь мы имеем дело с законом, опубликование которого состоялось. Вопрос, следовательно, уже может ставиться **только** по существу, и было бы прямо бедствием, если бы решение его вызвало **раскол** в тех или других кругах освободительного движения. Тем тягостнее был бы такой раскол, что он, вытекая не из принципиального разногласия, очень легко дает возможность подставить такое разногласие под единственно существующее: разногласие в тактических приемах и формах дальнейшей борьбы за свободу.

Высказываясь по существу вопроса, надлежит начать с того, чтобы отбросить всякие недоразумения и недомолвки. К числу первых относится обвинение в компромиссе. Правильно ли оно? Можно ли действительно сказать, что принимающие участие в избирательной кампании и вступающие в Думу идут по пути компромисса? Едва ли. Всякий компромисс предполагает уступки, отказ от известной доли требований или убеждений. Очевидно, что такой отказ был бы необходим только в том случае, если бы вступившие в Думу примирились бы с status quo и смотрели бы на себя исключительно как на членов оппозиции, состоящих при «выработке законодательных предположений». При **таком** понимании своей задачи, последняя оказалась бы вне всякой связи с истинной задачей освободительного движения. Мало того, можно утверждать, что государственная Дума получила бы единственную, быть может, гарантию долговечности и бюрократической работоспособности, включив в свой состав представителей умеренного либерализма. Освободительное движение только могло бы от этого проиграть. Во всяком

*) Основной идеи.

случае, роль «оппозиционеров его величества» в этом движении свелась бы к нулю, а сами они бесповоротно порвали бы всякую связь с русской революцией в широком смысле слова.

Таким образом, необходимо определенно выяснить те условия, при которых участие, активное и пассивное, в выборах, теряя совершенно характер компромисса, окажется шагом вперед в поступательном ходе освобождения.

* * *

Как ни несовершенна, как ни карикатурна даже во многих своих чертах «государственная Дума», нельзя отрицать того, что она, даже при теперешнем ее устройстве, является первой всероссийской трибуной, первым собранием, на котором могут прозвучать не только на всю Россию, но и на весь мир гласные и властные речи. Все то, что делалось до сих пор в тщательно со всех сторон закрытой атмосфере с'ездов и союзов, может быть вынесено на свет божий. Пусть представительство в Думе не может быть названо представительством всего русского народа. Оно и не должно претендовать на такое значение. Но оно, несомненно, может явиться представительством весьма и весьма широких общественных кругов,—представительством, с которым будет, конечно, еще необходимее считаться, чем с существующими до сих пор формами проявления общественного мнения. Что будет заявлено и потребовано в этом собрании—вопрос колоссальной важности и нравственной, и практической. Пусть первый день существования «государственной Думы» булыгинского образца будет и последним ее днем, но пусть этот единственный день вызовет наружу всю силу общественного мнения, общественных требований, пред'являемых открыто и категорически.

Ни о каких компромиссах не должно быть и речи. Попрежнему приходится завоевывать свободу, а не выпрашивать ее. Самодержавная бюрократия только предлагает новое поле битвы борцам за свободу. Вызов этот должен быть принят. Но, принимая и этот вызов, не следует—и это важно в высочайшей степени—ни на минуту отказываться ни от прежних приемов борьбы, ни от завоеванных уже позиций. Если и здесь есть возможность компромиссов, она сразу и решительно должна быть устранена. Все, что делалось до сих пор для организации освободительных сил, должно делаться и впредь. Надлежало бы установить и всячески пропагандировать такой взгляд, согласно которому закон 6 августа рассматривался бы только как **новое оружие в борьбе за свободу.** Следует сразу и категорически установить свое отношение к тем мерам умирающего режима, которые будут исходить из лозунга, провозглашающего «исчерпывающий» характер реформы. Деятельность с'ездов, союзов, собраний должна продолжаться в том же духе и в том же направлении, как и прежде. Они получают новую, вполне реальную задачу: организацию во всем обществе тех сил, на которые можно будет опереться в решительный день первого созыва Думы.

Сколько известно из сведений, даваемых иностранными газетами, правительство уже приступило в этом отношении к репрессиям: следует ожидать, что осуществление с'ездов станет еще затруднительнее. Во всяком случае, отступать не приходится, и ни о каком перемирии в борьбе с самодержавной бюрократией не может быть, да и нет речи.

В основу избирательной кампании должна быть положена определенная программа. В общих чертах она уже выработана, но та партия, которая явится в Думу в качестве представительницы освободительного движения, должна быть сплочена и об'единена также в отношении всех тактических приемов. При таких условиях она может явиться огромной силой и распахнуть те двери, через которые войдет свобода.

Если мне станут указывать на положение об усиленной охране, на военное положение, на диктатуру Трепова,[16]) на рабство печати, и пр. и пр., как на обстоятельства, уничтожающие возможность какого бы то ни было успеха избирательной кампании и делающие самую эту кампанию неосуществимой, то я отвечу, что все эти условия существовали и ранее, что они требуют борьбы, а не сложения оружия. До сих пор приходилось бороться голыми руками. Теперь в эти руки попало оружие: пусть оно ржаво, тупо, несовершенно,—бросать его не приходится.

К ОБРАЗОВАНИЮ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

(П. Струве. «Освобождение» № 78—79, 1905 г.).

Мы печатаем в этом номере протоколы с‘езда земских конституционалистов, происходившего в июле с. г. Эти протоколы представляют огромный интерес для характеристики разных, существующих в среде русских конституционалистов, течений. Тут есть две главные струи, одна чисто конституционная умеренная, другая—радикальная, конституционно-демократическая. Конституционно-демократическая группа земских конституционалистов составляет не единственное, во всяком случае, одно из главных ядер образующейся конституционно-демократической партии.

Партия эта формируется в эпоху, когда в русской жизни имеются уже налицо другие партии с резко обозначенными программами и тактическими тенденциями.

Эти последние партии, социал-демократическая и социал-революционная, суть группы, которые сами желают быть и считаться «революционными». Дело не в том, что они вписали в свою программу требование «демократической республики»,—это совсем не важно, так как, например, немецкая социал-демократия, несмотря на свой чисто республиканский характер, «революционна» только в глазах тех, кому выгодно, чтобы существовало пугало «революционной» партии. Если мы говорим, что наши крайние партии желают быть «революционными», то это значит совсем другое. А именно это значит, что эти партии проникнуты убеждением, что и политические, и социальные реформы, в которых нуждается Россия, должны быть осуществлены насильственным путем, т.-е. что эти реформы не только будут так осуществлены, но что такой путь их осуществления есть единственный желательный, к которому надлежит всячески стремиться, подготовляя в этом смысле умы в народе и обществе и, по возможности, создавая последовательный ряд конфликтов между правительством и народом для этой именно цели.

Конституционно-демократическая партия в этом смысле не является и не может являться партией «революционной». Она имеет в виду достижение определенных политических целей, а вопрос о средствах осуществления этих целей **принципиально** решает в пользу средств мирных. Против такого решения обыкновенно выдвигается сооображение, что только те права утверждены прочно, которые отвоеваны самим обществом. Но это указание может только по недоразумению выдвигаться как аргумент против мирных средств борьбы. Принципу «завоевания» мирные средства нисколько не противоречат. С нашей философско-политической точки зрения вопрос о мирном или немирном характере средств в принципе должен быть решен в пользу средств мирных или правовых, фактически же решение этого вопроса зависит гораздо больше от правительства, чем от борющихся за свободу общественных групп. Нас могут заставить силой отвечать на силу; но мы не можем насильственное нападение возвести в руководящее начало тактики.

В процессе борьбы за свободу вся **политическая** программа «крайних» партий может быть, так сказать, развернута самими событиями, но это не значит, чтобы эта программа вся была об‘ективно основана уже в настоящем политическом состоянии страны. Так, ход событий во Франции с 1789 г. привел к республике; так, в пуританскую революцию Англия пришла тоже к республике, но Робеспьер [17]) и Кромвель [18]) не были республиканцами в силу программы, а стали таковыми в силу событий, которые, конечно, вытекали одно из другого, но которые—как это ясно a priori и как это яснее ощущалось самими действующими лицами—не подчинялись никакому fatum‘у, вне воли людей лежащему.

Требование республики, провозглашаемое социал-демократической и социал-революционной партией, есть требование программы, а не жизни, вытекает из доктрины, а не **из событий**. Но, и как программное, оно не обладает об‘ективной политической необходимостью. От требований всеобщего избирательного права, гражданских свобод, законодательного характера представительства—от этих требований никакая демократическая партия не может, ни при каких обстоятельствах, отказаться. Но требование

республики сразу же потеряет всякую тень смысла, даже того условного, который оно имеет в русских условиях, если будет осуществлена конституционно-парламентарная монархия с широко-демократической конституцией. В этом случае сами социал-революционные партии, оставив это требование в программах, в пропаганде должны будут снять его с очереди, как потерявшее всякую почву в условиях действительности.

Вот почему, прежде всего, конституционно-демократическая партия не может вписать этого требования в свою программу.

Гораздо глубже по существу другой пункт расхождения конституционно-демократической партии с «революционными» партиями. Конституционно-демократическая партия будет заключать в своем составе и несоциалистов, и социалистов. Но социализм она не впишет в свою программу, ибо даже те социалисты, которые примкнут к этой партии, будут принадлежать к числу таких социалистов, которые—и по теоретическим, и по практическим соображениями—не дорожат никакой доктринальной формулировкой социализма и не поклоняясь идолу частной собственности, не молятся также и фетишу коммунизма.

Из сказанного следует, что конституционно-демократическая партия не может об'явить себя ни республиканской, ни социалистической, и в то же время не имеет никаких оснований провозглашать себя нереспубликанской и несоциалистической. В нее могут входить, рядом с убежденными сторонниками конституционной монархии, принципиальные республиканцы, равнодушные к академическому провозглашению республики и им отнюдь не дорожащие; в нее могут, рядом с людьми, считающими себя несоциалистами, входить социалисты, понимающие, что содержание социализма, как великого исторического движения, не может быть втиснуто ни в какую формулу. Демократы, являющиеся республиканцами и социалистами, не пожелают отречься от идей, об'емлемых выражениями «республика» и «социализм», но они не будут придавать ни малейшего значения провозглашению в программе таких формул, которые, как социализм, лишены для критических умов всякого конкретного смысла, и таких слов, которые, как республика, в данный исторический момент, не имеют в нашей стране еще ни малейшего жизненного значения.

Аграрный вопрос, несомненно, возбудит в самой конституционно-демократической партии серьезные разногласия теоретического свойства: в партии будут, наверное, и убежденные сторонники национализации земли, и принципиальные противники этой идеи. Но в своей экономической программе наша партия не может отправляться от каких-то доктринальных планов не только всего народного хозяйства, но даже и одного только аграрного строя.

Она должна стоять на почве реальной политики. Частная земельная собственность не будет для нее «табу», но, с другой стороны, она должна **категорически и принципиально отвергнуть идею экспроприации без вознаграждения, т.-е. конфискации частновладельческих земель.** Идее конфискации наша партия должна, без колебаний и недомолвок, противопоставить **идею выкупа части частновладельческих земель на государственный счет в пользу трудового крестьянства.** Конфискация помещичьей земли, как известно, занимает центральное место в программе и пропаганде партии социалистов-революционеров и, как увидит читатель из печатаемого в настоящем номере протокола учредительного с'езда крестьянского союза, популярна и в среде передового крестьянства. В виду этого, необходимо неустанно раз'яснять полную правовую, экономическую и финансовую несостоятельность этой идеи. Конфискация чьей бы то ни было собственности должна быть отвергнута как вопиющее нарушение правового принципа, как мера, которая подорвет в корне общественное правосознание.

Это—принципиальная сторона вопроса. На нее следует теперь же обратить внимание. Но ею дело не ограничивается. Конфискация частной земельной собственности в России разом подорвет ее государственный кредит и тем неминуемо навлечет на Россию государственное банкротство с самыми тягостными международными последствиями. Когда будет об'явлено, что в России законно приобретенная собственность будет захвачена без вознаграждения, Россия тем самым исключит себя из международного финан-

сового общения и создаст у себя небывалый финансовый крах, в котором могут погибнуть все приобретения революции и который продолжит путь реакции.

В виду того, что идея **конфискации** помещичьей земли пользуется в крестьянской массе весьма естественной популярностью и что крестьянская масса может быть поднята во имя этой **дикой** идеи, что будет стоить крестьянству бесчисленных жертв и отклонит его от разумной борьбы за право в формах права,—конституционно-демократическая партия должна категорически размежеваться с представителями этой идеи. В этом пункте, в виду его огромного принципиального и практического значения, необходима не допускающая никаких сомнений ясность. Очень жаль, что если на крестьянском с'езде не нашлось людей, которые спокойно, но энергично выяснили бы не только правовую, но и финансовую несостоятельность идеи конфискации и крайнюю опасность для самого крестьянства распространения в нем подобных фантастических идей, которые могут принести ему только горькое разочарование.

«Союз Освобождения», состоя главным образом из элементов конституционно-демократических, представлял собою все-таки по своему характеру неопределенную коалицию. Конституционно-демократическая партия должна быть настоящей партией и ясно отстаивать себя и направо, и налево. Мысль о том, что компромиссы «направо» опасны и нежелательны, достаточно, кажется, укрепилась в среде демократической интеллигенции. Но, думается нам, недостаточно ясна еще мысль, что недопустимы и компромиссы «налево», что мы должны быть **принципиальными** и в этом направлении. Ф. И. Родичев [19]) и С. А. Котляревский [20]) превосходно указали, что конституционно-демократическая партия должна быть партией **права.** Идея права чужда нашим «крайним» партиям. Они опираются на другой принцип. Но мы теперь должны хорошо знать свой принцип и за него твердо держаться.

Пишущего эти строки часто упрекали в «оппортунизме». Он всегда довольно равнодушно относился к этим упрекам. И теперь он яснее, чем когда-либо, чувствует, в какой мере ему недоступен оппортунизм в смысле приспособления и насколько его столь хулимый оппортунизм был основан на принципах. В наше быстротекущее время тот, кто ориентируется согласно принципам, рискует отказаться и оказаться «отсталым». Но бурные времена с их увлечениями проходят. Принципы же остаются и создают правосознание. Будем же смело и твердо бороться за принципы свободы и права. Пусть наша партия будет активной и принципиальной партией освобождения и права.

РЕВОЛЮЦИЯ.

(П. Струве «Полярная Звезда» № 1, 1905 г.).

Это слово в настоящий момент на устах и у друзей, и у врагов революции. Им пугают с двух сторон, с обоих краев русской смуты. Его пугаются в ее центре и, пугаясь, ежатся и прячутся.

Угар, туман и испуг стоят в воздухе. И в этой атмосфере угара и испуга громко звучат только одни вызовы: вызовы насилия торжествующего и вызовы того насилия, которое еще только замышляет торжествовать. Но оба эти насилия могут бросать свои вызовы только потому, что истинная сила еще дремлет. В бесконечных муках рождается нация и ее право. Нация еще не родилась и не нашла своего права. Управляют Витте[21]) и Дурново [22]); издает приказы по пролетариату Совет Рабочих Депутатов; но власти нет, ибо теперь уже не может быть власти над нацией и вне нации.

Народ подобен еще тягучему раствору, в который должна быть брошена какая-то твердая крупица для того, чтобы эта бесформенная масса превратилась в упругий и сверкающий кристалл нации.

Есть новосозданный кабинет, есть старые «ведомства», но нет власти, нет правительства. Оглянемся назад, на конституционный переворот 17-го октября. Монарх уступил общественному давлению и отказался от самодержавия. Россия стала конституционной страной. Николай II стал конституционным монархом. Но русская конституционная монархия с самого начала—по каким причинам, нам неизвестно, и мы не станем

вдаваться в догадки по этому вопросу—запнулась за бюрократию. И вот вся страна, сделав разом огромный шаг, остановилась. Бюрократия оказалась не в силах вести ее вперед.

Граф Витте убедил императора дать манифест 17-го октября. Но последующие события ясно показали, что ни глава бюрократического министерства, ни сам монарх не уяснили себе значения акта 17-го октября, как **конституционного** акта, рожденного **в революционную** эпоху.

В такие эпохи власть должна быть смелой и итти до конца. Она должна захватить в свою пользу весь моральный авторитет одержавшей над нею победу революции и сделать его своим. Революция должна быть возведена в закон. Перед этой задачей бюрократия вчерашнего самодержавия оказалась беспомощной до последней степени. Становясь в удобных для него случаях в позу «конституционного» министра, граф Витте продолжал быть, по-самодержавному, сановником «в случае».

Хуже того, он сам играл роль монарха, но совсем не конституционного. Есть два типа конституционной монархии: один характеризуется тем, что народное представительство не только законодательствует совместно с монархом в стране, но также, совместно с ним, управляет ею через наиболее видных представителей своего большинства.—Это парламентарная монархия Англии, Бельгии, Пруссии, Венгрии. В конституционной монархии другого типа парламент только законодательствует, управляет же страной монарх через выбранных им чиновников. Это конституционно-бюрократическая монархия Пруссии и других германских стран. 17 октября Россия оказалась конституционной монархией без народного представительства и с совершенно дискредитированной, морально и политически обанкротившейся бюрократией. Конституция 17-го октября была дарована как уступка революции, направленной против самодержавно-бюрократической монархии.

Народ требовал и требует, чтобы монарх перестал управлять страной совместно с чиновниками. Русская монархия, перестав быть самодержавно-бюрократической, не может преодолеть революции тем, что станет конституционно-бюрократической. Бюрократия перестала быть властью в стране и потому не может продолжать быть ее правительством. А между тем бюрократия остается в роли правительства. Острый кризис, который переживает Россия, есть, таким образом, **кризис правительства.** Это было ясно пишущему эти строки еще много месяцев тому назад, и он высказал свою мысль вполне отчетливо в своем открытом письме к Жоресу. [23])

Хотя в России еще нет народного представительства, русская монархия в интересах страны и своих собственных, которые в данном случае совпадают, должна создать конституционно-парламентарное правительство, потому что бюрократическое правительство, как наследник режима Плеве [24]) и Алексеева[25]), Мукдепа [26]) и Цусимы, лишено всякого морального авторитета и бессильно, т.-е. не является властью.

Есть ли, однако, возможность без парламента создать в России парламентское или, точнее, народно-общественное правительство, как орудие совместного управления монарха и народа страной? Откуда взять такое правительство, которое положило бы конец политическому разложению, хозяйственной дезорганизации и идейному разброду в стране? Элементы этого правительства созданы в стране всем предшествующим общественно-политическим движением. Есть две группы, которые и каждая в отдельности и обе совместно, т.-е. коалиционным путем, могли бы и должны были, после 17-октября, составить первое русское конституционное правительство. Эти группы—большинство и меньшинство земского с'езда.

Странным образом верховная власть как-будто забыла о факте депутации **земско-городского коалиционного с'езда,**—той депутации,[27]) оратором которой явился кн. С. Н. Трубецкой. Эта депутация была как бы символическим предуказанием того способа, каким русский монарх, став конституционным, мог и должен был начать конституционное управление страной.

Вместо этого на сцену явилось бюрократическое вице-императорство графа Витте, правую руку которого составляет г. Дурново, человек с неизгладимой печатью морального, общественного и даже служебного отвержения, приобретенною на долголетней

полицейской службе. В Царском Селе не поняли, что монархия, став конституционной, должна была разом и решительно очиститься от той скверны и грязи, которая налипла на ней за долгую бюрократическую эпоху, и что, связывая и дальше судьбу с обанкротившейся бюрократией, верховная власть ставит на карту не только спокойствие страны, но и самую судьбу монархического принципа в ней.

До мозга костей пропитанный чиновничьими навыками и предрассудками, гр. Витте не смог подняться на высоту государственного человека. Он много разговаривал и переговаривался с разного рода общественными деятелями, но он не имел ни достаточно государственной мудрости, ни достаточно политической скромности для того, чтобы сказать и монарху, и себе, что бюрократия бессильна и потому не может быть властью в стране. Выражаясь политически и топографически, сам Витте должен был указать, что переговоры общественных деятелей о правительственной программе и о составе правительства должны вестись не в доме № 30 на Дворцовой набережной и не с графом Витте, а в Царском Селе и непосредственно с монархом. «Кабинет» графа Витте потерпел такое плачевное фиаско потому, что гр. Витте, по непониманию или по самомнению бюрократа, приглашал не в тот кабинет. Повторяем, монархия запнулась за бюрократию.

Весьма распространенное мнение, согласно которому вопрос о правительстве может быть разрешен только народным представительством. Но не даром на земско-городском с'езде ставили так часто вопрос: как дожить до государственной Думы. Народное представительство, конечно, до крайности нужно России. Но только авторитетное и сильное правительство может дать России правильное, авторитетное и сильное народное представительство. Вот почему вопрос о правительстве в настоящее время главенствует над всеми прочими. Есть в России министры и генерал-губернаторы; раз'езжают генерал-ад'ютанты. Но власти нет. Страна находится в состоянии всеобщего бессилия. Бессильно «правительство». Разве его бессилие не доказывается на каждом шагу?

Но столь же бессильны и «революционеры». Правительство утешает себя бессилием «революционеров», «революционеры» торжествующе указывают на бессилие «правительства». И оба они радуются бессилию «оппозиции» и подчеркивают его.

Сильна одна только стихийная волна революции, своим натиском разрушающая и подмывающая все без разбора. Но именно эта сила своей неорганизованностью и слепотой создает и как бы увековечивает всеобщее бессилие.

Не следует обольщаться внешними признаками словесной силы и бумажного могущества. Русская революция победила старую власть, но она еще не создала новой. Отсутствие власти есть своеобразная и печальная черта русской революции, резко отличающая ее от двух других великих революций, английской и французской.

Власть есть начало организующее. Ни в чем не сказывается с такой ясностью пагубное безвластие русской революции, как в том, что она гораздо больше дезорганизует, чем организует и страну и самое себя. Пример—почтово-телеграфная забастовка.[28]) В суждениях о ней меня с самого начала поражало отсутствие оценки этого явления с точки зрения интересов революции. Я не буду распространяться о ее значении, как фактора, подтачивающего и разрушающего хозяйство страны. Скажу только, что, подрывая хозяйство страны, всякая такая забастовка питает и усиливает в ней контр-революционные настроения. Но такая забастовка и непосредственно раз'едает самое революцию. Разве она не создала паралич материального и духовного обмена страны, гораздо более убийственный для революции, чем для правительства, и обличающий ее бессилие и безвластие?

Те, кто решили, проводили и поддерживали эту забастовку, были не властью; они сами были во власти какой-то иррациональной стихии, влекшей их по своей воле.

Революция требует национального сговора и об'единения. И в один из самых критических моментов русской революции почтово-телеграфная забастовка отняла у нации все элементарные возможности такого сговора и, таким образом, подрывала самую основу революции. С болью в сердце говорятся и пишутся такие вещи, но обратите снимание на такой факт: телеграф за все время забастовки действовал для правительства и бездействовал для общества.

Правда, говорят, телеграфом пользовался петербургский Совет Рабочих Депутатов, но он за это время готовил (на словах) вооруженное восстание и тем приготовил свой собственный арест,—событие, которое во всяком случае отдалило для этой многоголовой коллегии возможность стать правительстовм или выделить из себя правительство.

Правда, для всякого, кто бывал на заседаниях петербургского Совета Рабочих Депутатов и с неопьяненной головой слушал то, что там говорилось, было ясно, что этому «революционному» собранию бесконечно далеко до власти. Только старик Суворин[29]) в своей почти гаерской беспринципности мог—для посрамления графа Витте—играть на страницах «Нового Времени» с мыслью о захвате правительственной власти Советом Рабочих Депутатов.

Он, «хозяин рабочего петербургского народа»*), приказывал; ему подчинялись. Но содержание своих приказов он черпал не в своем собственном понимании того, что нужно и возможно для «подданных», а в меняющихся настроениях этих подданных. Эти настроения Совет Рабочих Депутатов возвращал рабочим в кратких, электризующих, приказательных формулах. Так действовал, по крайней мере, Хрусталев-Носарь.[30]) И потому Совет Рабочих Депутатов не был властью; он только ею казался. И он казался тем более огромной властью, чем послушнее исполнялись его приказы, т.-е. в сущности, чем послушнее был он сам. Ужасное безвластие русской революции открылось мне именно тогда, когда я—с напряженным вниманием—вслушивался в прения Совета Рабочих Депутатов.

Я не думаю винить почтово-телеграфных служащих и их союз в том, что произошло я не думаю вовсе ставить в вину Совету Рабочих Депутатов его безвластие. Наоборот, изумительна энергия, развитая почтово-телеграфными служащими в борьбе за попранные права и за улучшение условий их труда; не менее замечательна та энергия, которую обнаружил в своей деятельности Совет Рабочих Депутатов. В том вреде, который почтово-телеграфная забастовка принесла делу русской революции, и в том безвластии, которым отмечена русская революция, повинны все более т. н. умеренные элементы освободительного движения. У них есть свое поприще деятельности, и на нем они сделали очень многое. Но они чрезвычайно не любят выходить из круга своего ведомства. К тому, **что и как** делают «революционеры» и прочие «крайние» элементы, они относятся большей частью с пассивностью почтительной; к тому, **что и как** делает правительство, они относятся почти всегда с пассивностью непочтительною. Однако революция есть цельное национальное дело, и ее нельзя разделить на ведомства, отделения и столы. К ней возможно и допустимо только одно активное и живое отношение. Она не терпит отписок, хотя бы и самых закругленных.

В современной России все страшно перепуталось. Мы вступили в конституционную фазу; но и монархическая власть и народ живут еще идеями, традициями, пристрастиями (т.-е. симпатиями и антипатиями) самодержавной эпохи.

Монархия прикована к бюрократии; и вся интеллигенция, безусловно враждебная бюрократии, питает недоверие к монархии, которая ей платит тем же. И в споре монархии с интеллигенцией вновь оживает и укрепляется бюрократия. А народные массы, исторически привязанные к монархии, питают глубокое недоверие к двум исторически связанным между собой и в то же время органически друг другу враждебным силам: к бюрократии и к интеллигенции. Поскольку монархия остается в союзе с бюрократиею, народные массы своим стихийным восстанием потрясают, вместе с ненавистной бюрократией, и дорогую им по всем чувствованиям и привычкам мысли—монархию. И в то же время они могут, увлекаемые темным унаследованным от прошлого инстинктом, ринуться на интеллигенцию, как на «господ». Небольшая кучка русских реакционеров, этих единственных в России настоящих «господ», готова, разбудив чернь в народной толпе, соединиться с нею для того, чтобы, пользуясь ее противогосподскими предрассудками, физически раздавить ненавистную реакционерам интеллигенцию. Таково черносотенное движение, глубокие корни которого заложены в исконном культурном

*) Подлинное, записанное мною выражение одного из ораторов Совета Рабочих Депутатов.

раздвоении между «командующими классами» и народом. Не надо забывать—и прежде всего не надо забывать этого революционерам,—что их проповедь социальной классовой борьбы часто лишь, как слабый побег, прививается к старому и крепкому противокультурному стволу недоверия народа к «образованному обществу», т.-е. прививается к черносотенной основе рухнувшего самодержавного строя. И лозунги классовой борьбы и культурной ненависти, провозглашаемые слева и справа, заглушают идею единой, свободной и самоуправляющейся нации, которая свое право противопоставляет произволу самодержавной бюрократии.

Выход из современного острого политического кризиса заключается в том, чтобы конституционную монархию сейчас же оторвать от бюрократии и тем окончательно раздавить главу бюрократического змия, так долго терзавшего Россию и до сих пор подтачивающего ее силы. К направлению всей общественной борьбы на эту цель сводится единственная политическая программа ближайшего момента.

Партии, стоящие налево от конституционно-демократической партии, могут примкнуть и не примкнуть к этой программе. Но конституционно-демократическая партия должна эту программу громогласно выставить перед страной, как такое условие, вне выполнения которого умиротворение страны на основе незыблемого конституционного порядка совершенно недостижимо.

Монархия не есть какая-либо абсолютная форма политического бытия народов. Наоборот, это—исторически весьма условная форма, с которой сродняются и даже срастаются народные души, как со всеми вековыми предрассудками.

Легкомысленно сектантскими клещами и ценою потоков крови рвать из народной души эти предрассудки, тем более, что в атмосфере права и свободы они становятся совершенно безвредными; но уже преступно до последней степени—ради мнимой охраны предрассудков—попирать вечные начала права и свободы.

Русская революция и русская монархия стоят теперь обе на поворотном пункте. На теле нации они могут схватиться в последней отчаянной схватке. И они еще могут заключить мир. Допустим, что завтра революция победит монархию. Это вовсе не будет означать, что торжество революционных начал прочно. Такая победа революции только проложит путь реакции. Но и наоборот. Торжество реакции—теперь уже это ясно для всякого вдумчивого человека—опаснее для монархии, чем для революционных начал. Русская монархия, которая не заключит с революцией почетного для обеих сторон мира, а победит ее реакцией,—эта русская монархия не выдержит не только второй революции, но и второй такой войны, какою была русско-японская война.

Земский с‘езд выработал условия мира между монархией и революцией. Теперь вполне выяснилось, что бюрократия, в лице Витте и его подручных, неспособна ни на что, кроме тупой реакции, и мира между монархией и революцией она не хочет и не может устроить. Только общественное министерство может вывести Россию из этого тупика. Только оно будет обладать ясной, истинно народной программой, обеспечивающей ему моральный авторитет, без которого власти существовать не могут.

«Людская пыль» на наших глазах стала превращаться в народ, приобретать сознание необходимого единства воли. Но не будем делать себе иллюзий. Пробуждение личности в народных массах было слишком внезапно и стремительно для них самих; пробуждение народных масс было слишком внезапно и стремительно для интеллигенции. Из этой внезапности, которую русская революция запечатлела более, чем другие великие революции, вытекает ее хаотический характер: в ней в ужасающей путанице переплетаются стихийные движения народных масс с упрямо заученными и с поразительной настойчивостью повторяемыми директивами крайних элементов интеллигенции.

Революция с огромным трудом, ощупью вырабатывает себе единство воли и таким путем претворяется в национальное дело.

В бесконечных муках рождается национальное сознание. На пути ему стоят два врага и два близнеца, друг друга питающие и друг друга стремящиеся пожрать. Это—бюрократия и сектантская партийность. Они обе стремятся к диктатуре и стремятся сделать невозможными те необходимые **соглашения**, в которых и которыми создастся нация, а реакция и анархия будут побеждены **возведенной в закон революцией.**

Этих соглашений **два**, но содержание у них одно. Два соглашения. Между кем? Во-первых, между разными классовыми и племенными элементами нации. Во-вторых, между согласившейся в себе нацией и монархией.

Я сказал, что содержание обоих соглашений тождественно. Оно сводится к демократическому устройству русской конституционной монархии.

Я глубоко убежден, что раз будет достигнуто действительное и действенное программное и тактическое соглашение между разными классовыми и племенными элементами нации,—как бы одним ударом бюрократия будет низвергнута.

Она держится только тем программным и тактическим разбродом, в котором находятся живые политические силы нации.

А с того момента, что соглашение этих сил между собой будет достигнуто, для монархии останется только один путь—соглашение с нацией.

Примирительной камерой, которая осуществит это соглашение, и будет то учредительное собрание, которого требуют все сознательные элементы нации, желающие, чтобы монархия также решительно и бесповоротно порвала с бюрократией, как это уже сделал русский народ.

ДВА ЗАБАСТОВОЧНЫХ КОМИТЕТА.

(П. Струве: «Полярная Звезда» № 3, 1905 г.).

В московских событиях, [31]) при всей их бессмысленности, о которой—другой раз, было что-то **роковое.** Обозревая все пережитое и перечувствованное за последние два года, я сознаю с какой-то мучительной ясностью, что мы все были бессильны пред безумием стихии и стихией безумия. Слишком много накопилось злобы, ожесточения, разрушительных порывов для того, чтобы сразу воцарились мир и благоволение гражданской свободы. Слово о «доверии» слишком часто звучало издевкой для того, чтобы сразу стать вещим словом. Не было никакого воспитания; так же мало было самовоспитания.

Я сказал о безумии стихии и стихии безумия, вовсе не желая играть словосочетаниями à la-Маркс.

Нельзя было безнаказанно, в течение десятилетий, систематически и упорно разобщать огромный народ с просвещением и культурой, с разумом и сознательностью. Народ коснел в невежестве и гиб в нищете; народ гнул свою шею и слушался всякого приказания. Что же удивительного, что в его пробуждении сказалось все безумие мощной стихии, которая, вырвавшись из плена, вышла из берегов?

А, рядом с этим, стихия безумия охватила огромные слои интеллигенции. Науки были забыты, одна мнимая «наука революции», точно какое-то навождение, покорила себе умы невоспитанные, чуждые спасительной дисциплины жизни. И нет опять-таки ничего в этом удивительного. То самое чудовище самодержавия, которое держало народ в невежестве, нищете и угнетении, оно же держало и интеллигенцию в нездоровом искусственном отдалении и отчуждении от жизни. Люди, которым систематически мешали и запрещали прикасаться к жизни, работая для нее и питаясь ее нездоровыми соками, не даром были «отщепенцами»: в своем духовном уединении и ожесточении они утеряли все мерки и перестали ясно видеть возможное и нужное. «Отщепенство» породило бредовые идеи. «Пленной мысли раздраженье» перешло в опьянение мысли освободившейся, но еще не свободной, мысли не подчиненной, но в то же время и безвластной.

Некультурность стихийно возмутившейся своим бесправием и угнетением народной массы соприкоснулась с безумием ожесточенной самодержавием, опьяненной революционным угаром интеллигенции, и родились те безумные русские «революции» «revolutions de Russie», которые грозят смыть и затопить великую русскую революцию, для того, чтобы очистить место темным и грязным волнам реакции.

Русское освобождение переживает критический момент. Еще не страшна реакция. Страшно то, что первые удары, обрушившиеся на нас, не излечат нас от опьянения, а усугубят его. Тогда мы, действительно, окажемся во власти реакции.

Эти революции, которые совершаются безумной стихией в союзе с стихией безумия,—они не служат делу всенародной революции. Мы должны это громко признать и,

главное, прочувствовать, как голос самой жизни, как ее грозное предостережение. В том, что произошло с октября по конец года, есть только одно истинно революционное дело, это—достославная октябрьская забастовка и ее драгоценное детище,—манифест 17-го октября.

Только это—революция; все же прочее «революции», которыми дело революции испорчено и подорвано. Манифест 17-го октября—это наш революционный палладиум, но он растоптан Витте, Дурново, Дубасовым[32]) и всеми прочими деятелями реакции при попустительстве, а отчасти даже одобрении союза, именующего себя Союзом 17-го октября.

В Москве не было вооруженного восстания **населения,** были столкновения отдельных, относительно, весьма немногочисленных, групп населения с полицией и войсками, были бутафорские баррикады, воздвигнутые «революционной» интеллигенцией в союзе с терроризованными дворниками и увлеченными уличными мальчишками; была отчаянно храбрая, геройская борьба нафанатизированных, обрекших себя гибели **рабочих.** И всего этого было достаточно для того, чтобы с бессмысленностью и беспощадностью, беспримерной в истории, разрушались дома, убивались люди, и участвовавшие, и не участвовавшие в движении, а главное, для того, чтобы после этой огульной военной расправы началась бессмысленная и злостная расправа гражданская не с «бунтовщиками», а с мирными гражданами, расправа, в которой, по-самодержавному, был растоптан новый основной закон империи, манифест 17-го октября. На забастовку и бунт «революционные»—бюрократия ответила в Москве забастовкой и бунтом реакционным. Но не в одной Москве. **По приказу самодержавной бюрократии ныне во всей России бастует манифест 17-го октября.** Бастует даже там, где царствует полный гражданский мир, как, напр., в Петербурге. Совет Рабочих Депутатов об'явил в Петербурге всеобщую забастовку, которая не состоялась,[33]) но эта не осуществившаяся забастовка рабочих дала правительствующей бюрократии, в лице гг. Дурново и Дедюлина, предлог—об'явить и упорно поддерживать в Петербурге забастовку манифеста 17-го октября?

И когда происходит эта забастовка нового основного закона империи?

В то время, когда население страны должно напряженно-сознательно, в открытой и свободной борьбе мнений и партий, готовиться к великому историческому акту, к первым выборам народных представителей!!

В Российской империи нет правительства управляющего и организующего. В ней два борющихся между собой забастовочных комитета.

Один своими безумствами подорвал, истощил хозяйство страны и тем погубил себя. Говоря об едином забастовочном комитете, я в данном случае совершаю сознательное упрощение действительности. Слабость «революционеров» заключается формально в полной необ'единенности и беспорядочности их действий. У них нет никакого центра и нет даже того единства действий, которое есть у Витте и Дурново. Но эта черта «революционной» забастовочной деятельности не имеет решающего значения для ее оценки по существу.

Другой забастовочный комитет, под фирмой «Витте—Дурново—Дубасов—Акимов,» питаясь безумствами первого, воистину бесчинствует, растаптывая дорогие для народа ростки его обновленной гражданской жизни, об'являя всеобщую забастовку его нового основного закона, построенного на началах права и свободы. Россия пережила одну всеобщую, истинно революционную и истинно творческую забастовку. И других забастовок, дезорганизующих ее хозяйство, разрушающих дорогую для нее свободу, отменяющих ее конституцию, она не желает. Ей надоели оба забастовочных комитета.

Во втором номере нашего журнала читатели нашли интересную полемику А. А. Кауфмана[34]) и С. Л. Франка[35]) о тактических задачах конституционно-демократической партии.

Я не могу вполне согласиться ни с тем, ни с другим автором. В особенности, мне кажется чреватым недоразумениями рассуждение С. Л. Франка о том, что в «современной России нет не только конституции, но и вообще никакого законного порядка, а есть лишь одна гражданская война», и что «поэтому все партии в настоящее время, как реакционные, так и радикальные, революционны в силу непреодолимой необходимости вещей

С момента опубликования манифеста 17-го октября я считаю, что в России есть конституция, а потому я полагаю, что в настоящее время я, «крамольный» литератор Петр Струве,—лойяльный гражданин, а адмирал Дубасов и действительный тайный советник Дурново—бунтовщики, нарушающие «законный порядок» нашей страны. Завтра эти бунтовщики могут посадить меня—в силу фактически им принадлежащей власти—в тюрьму, но я от этого не стану отрицать юридической обязательности для них конституционного акта, именуемого манифестом 17-го октября, и не буду признавать того противоконституционного бесчинства, в силу которого, по воле самодержавной бюрократии, во всей России об'явлена всеобщая забастовка великого освободительного акта. И, да простит мне мой уважаемый и милый товарищ по журналу, С. Л. Франк: я не желаю быть «революционером» в компании с адмиралом Дубасовым и статским генералом Дурново. Я революционер права и во имя права; они же—от'явленные враги права и «революционеры», попирающие тот новый основной закон России, который нашей исстрадавшейся родине возвестил право и свободу.

У нас есть в настоящее время две великие задачи, одна с другой тесно связанные: творческими, созидательными усилиями восстановить хозяйство в стране и организовать в ней свободу. Страна так называемыми «политическими» забастовками доведена до полной **хозяйственной дезорганизации**, и в этом, как я указывал во время ноябрьского земско-городского с'езда в «Русских Ведомостях», кроется огромная политическая и культурная опасность.

Страна **политически ограблена**, ограблена той действительно **политической** забастовкой, которою фактически самодержавная, и «революционная» в наихудшем смысле слова, бюрократия упразднила манифест 17-го октября и возвещенные им свободы.

Не надо нам больше никаких забастовок и никаких забастовочных комитетов.

«ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА».

(А. С. Изгоев. «Полярная Звезда» № 10, 1906 г.).

I.

Так называемые «тактические ошибки» русской социал-демократии теперь ясны для всех. Злоупотребление методом всеобщей политической забастовки, без ясного представления о силах организованности пролетариата, необдуманная пропаганда вооруженного восстания, побудившая предпринять в этом направлении ряд попыток, очевидно, обреченных на неудачу и не имевших определенной цели, и в-третьих, преждевременный разрыв с либеральными и радикальными «буржуазными» партиями, как на практике (введение революционным путем восьмичасового рабочего дня,[37]) так и в литературе (полемика в печати и на митингах).

Таковы главнейшие «ошибки». Говорят, что в совершении их виновна не социал-демократия. «Не мы толкали массы, а они нас,—говорит г. Парвус,—революционный поток нас неудержимо рвал вперед». В этих словах много справедливого, но они не дают все же ясного представления о ходе дела. Тот, кто желает из ошибок прошлого почерпнуть урок для будущего, не должен отступать перед более пристальным взглядом в глубь вещей.

Во-первых, те самые вожди, которые говорят теперь о «стихийности» движения масс, в свое время, наоборот, восхваляли «сознательность» пролетариата. Даже теперь, в декабрьской книжке «Правды»,[38]) вышедшей в конце января, по поводу ноябрьской забастовки мы читаем: «За эти дни рабочая армия Петербурга выказала такую удивительную организованность, такую полную подчиненность своим выборным руководителям, такую невиданную самоотверженность и геройскую стойкость, что все предыдущие ее выступления, беспримерные в истории Европы, бледнеют в сравнении с ноябрьскими днями. **Тут не может быть уже речи о стихийности**» (стр. 223).

Ноябрьская забастовка ведь и повела к декабрьской, закончившейся крахом. Одно из трех: или руководители пролетариата (а таковыми, несомненно, были социал-демократы) ему льстили и говорили неправду, или на самом деле стихийности не было,

и массы обнаружили «удивительную организованность и полную подчиненность», но руководители завели их не туда, куда следует, или, наконец, руководители, увлеченные потоком событий, сами, незаметно для себя, изменили «сознательности» и, создав ошибочную теорию, действовали согласно с ней, но, конечно, тоже ошибочно.

Я держусь последнего взгляда и в предлагаемых очерках хочу сделать попытку указать на эту ошибочную теорию. Правда, в переживаемой нами атмосфере сделать это не легко. Сейчас найдутся люди, которые заподозрят ваши намерения, обзовут вас изменником. Меня утешает только то соображение, что и великие творцы современного научного социализма, Маркс и Энгельс, не избегли этой участи. Когда они в 1850 году стали подводить итоги движения 1848 года и обнаруживать ряд ошибок, в том числе и своих собственных, им бросили в лицо кличку «изменников».

Основная ошибка теоретиков, руководивших движением, сводилась к бланкистскому пониманию «диктатуры пролетариата» и к вытекшему отсюда перенесению элементов социалистической революции в происходившую революцию политическую и демократическую. «Диктатура пролетариата»—есть необходимое звено марксизма, как революционного учения. По известному раз'яснению Каутского, реформа тем отличается от революции, что преобразованиям, предпринимаемым последней, предшествует завоевание политической власти новым общественным классом.

«Диктатура всякого данного класса,—говорит Плеханов,—означает господство этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своих интересов и для прямого или косвенного подавления всех тех общественных движений, которые нарушают эти интересы». Вопрос, следовательно, в том, когда, при каких условиях, и как наступает это господство.

Идея диктатуры пролетариата возникла во время революции 1848 г., после июньского поражения. По словам Карла Маркса, июньское поражение открыло парижскому пролетариату «ту истину, что малейшее улучшение его положения в пределах буржуазной республики остается утопией, и что эта утопия становится преступлением при малейшей попытке осуществить ее. Тогда на место требований, пред'явленных пролетариатом февральской республике, широковещательных по форме, но мелочных и даже буржуазных по существу, выступает смелый революционный лозунг: «Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!»

Маркс резко подчеркивает бланкистский характер, присущий идее диктатуры пролетариата при ее зарождении. «Оставляя «доктринерский социализм», парижский пролетариат,—пишет он в «Борьбе классов»,—все более переходит в лагерь революционного социализма, коммунизма, для которого сама буржуазия изобрела название **бланкизма**. Революционный социализм—это **непрерывность революции, классовая диктатура пролетариата**, необходимая, как переходная ступень к отмене классовых различий, отмена производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений».

Признавая, что ни в 1848, ни в 1849 году пролетариат не был еще «способен к диктатуре», Маркс, однако, некоторое время продолжал еще верить в «непрерывность революции», ждал успешного революционного восстания, которое должно привести к «диктатуре». Но глубокий мыслитель, трезвый и честный публицист не мог долгое время пребывать в заблуждении. Уже в 1850 году Маркс и Энгельс пришли к выводу и осмелились высказать его публично, что революция закончилась, за что и заслужили название изменников.

«История не оправдала наших ожиданий,—откровенно сознается Энгельс полвека спустя.—Она показала, что экономическое развитие континента далеко еще не созрело для устранения капиталистического производства». Через двадцать лет во Франции произведена была другая попытка осуществить диктатуру пролетариата, но и она закончилась неудачей. «Судьба коммуны снова показала, что не пришло еще время для господства рабочего класса». С того времени в головах Маркса и Энгельса и началась усиленная работа по уяснению понятия диктатуры пролетариата и того места, которое она может занимать в жизни, а следовательно, и должна занимать в теоретических

построениях. Работа эта привела к очищению понятия «диктатуры пролетариата» от всяких бланкистских элементов, но была завершена уже одним только Энгельсом в его знаменитом «Предисловии» к «Борьбе классов», помеченном 6 августа 1895 года.

Идея диктатуры пролетариата родилась, как удостоверил Маркс, в форме бланкизма. «Бланкисты,—как определил их Фр. Энгельс в 1891 году в «Предисловии» к «Гражданской войне»,—люди, воспитанные в школе заговорщиков, привыкшие к строгой дисциплине заговора, думающие, что сравнительно небольшое число смелых, хорошо организованных людей может при благоприятно сложившихся обстоятельствах захватить власть и удержать ее в своих руках до тех пор, пока не удастся привлечь народ на сторону революции и сгруппировать его вокруг небольшой кучки вожаков».

Бланкистсткому пониманию революции и диктатуры пролетариата, еще в 1849 г. разделявшемуся Карлом Марксом, Энгельс в 1895 году противопоставил свое, чисто марксистское, последовательно проведенное. «Если и нынешняя могучая армия пролетариата,—писал он,—все еще не достигла своей цели, если она далеко не в состоянии добиться победы одним решительным ударом, а должна тяжелой борьбой отнимать от врага одну позицию за другой,—то отсюда бесповоротно следует, что в 1848 году невозможно было добиться социального переустройства с помощью простого захвата власти».

«Восстание старого типа, уличная борьба с баррикадами,—говорит Энгельс,—теперь уже в значительной мере устарела». Германская социал-демократия «превратила избирательное право из средства одурачивать массу в орудие освобождения». Легальная борьба рабочей партии стала внушать правительству и буржуазии больше опасения нежели нелегальная. «Мы, «революционеры», «потрясатели основ», вернее идем к своей цели законными путями, нежели незаконными». Ближайшая задача партии—«медленная пропагандистская работа и парламентская деятельность».

«Прошло,—таков общий вывод Фр. Энгельса,—время внезапных вспышек, революций, совершаемых сознательным меньшинством во главе бессознательных масс. [39])

Полное преобразование всего общественного строя предполагает деятельное участие массы, ее сознательное отношение к тому, за что она борется и что ей требовать. Этому нас учит история последних пятидесяти лет. Для того же, чтобы масса знала, что делать, необходима долгая и упорная работа; наша партия взяла на себя именно эту работу, и успехи ее приводят в отчаяние противников».

Пятьдесят лет истории, научивших Фр. Энгельса, ничему однако не научили русских социал-демократов. Лишнее доказательство справедливости скептического взгляда, что история вообще никого ничему не учит. Нам, русским, показалось, что за пять лет организационной работы мы достигли того, чего не могли добиться европейские рабочие за 50 лет.

Мало того. Сколько времени и сил ушло на полемику с народниками, на уяснение того взгляда, что предстоящая революция будет иметь политический «буржуазный», демократический, а ни в коем случае не социалистический характер. Казалось, эта истина усвоена всеми и стала общим местом, а как дошло до дела, то выяснилось, что усвоение только внешнее, что различие между предстоящей политической и грядущей социалистической революциями совершенно не продумано.

Как читатель мог видеть из краткого изложения взглядов Маркса и Энгельса на диктатуру пролетариата, даже в 1849 году, когда Маркс не освободился еще от бланкизма, он отчетливо сознавал, что «диктатура пролетариата»—необходимая переходная ступень к **социалистической** революции. Пятидесятилетнее развитие марксизма привело его к полному освобождению от бланкизма. У нас же диктатуру пролетариата, предпосылку социалистической революции, перенесли в революцию политическую, задумали сделать «переходной ступенью» от самодержавия к конституционному демократическому строю. Этим чудовищным прыжком русская социал-демократия совершенно отделилась от марксистского понимания и покатилась по наклонной плоскости якобинизма и бланкизма.

Понятным является после этого и заявление «Начала» (№7): «Вполне возможно, что наша революция, начавшаяся как демократическая, закончится как социалисти-

ческая». «Начало» было поддержано и «Новой Жизнью»,[40]) где «непрерывность» проповедывалась г. Луначарским. Само собою разумеется, что все на свете «непрерывно», конец мира связан с его началом, но, как вполне правильно заметил Г. В. Плеханов, «Непрерывность процесса развития не дает нам права упускать из виду особенности его отдельных фазисов... говорить **накануне** буржуазной революции таким языком, который был бы уместен лишь **после** нее» (№ 4 «Дневника»).

Вот та истина, что **накануне** буржуазной революции нельзя говорить о диктатуре пролетариата, и не была доступна практическому сознанию наших «марксистов». Чувство победило разум. «Марксисты» видели, что в происходящем в стране движении политической силе пролетариата предстоит первая роль, что пролетариат энергичнее и беззаветнее других классов борется за свободу, приносит больше жертв, и им казалось невозможным при победе уступить первое место другим классам. Для такого самоотречения надо было много мужества, политической прозорливости, хладнокровия и уверенности в дисциплине масс. Всеми этими свойствами обладали японцы во время минувшей войны. Они двигались вперед постепенно, окапывались на каждой приобретенной позиции. Их клеймили за то разными обидными прозвищами, упрекали в отсутствии гениальности, в неумении использовать свои победы. Теперь ясна неосновательность этих упреков. Японцы выиграли кампанию потому, что они не обесценивали сил своего врага. Всегда лучше их переоценить, так как это заставит удвоить свои собственные усилия...

17 октября не было революцией, а было только прологом к ней. Для того, чтобы возвещенные в манифесте реформы получили свой подлинный, а следовательно, и революционный характер, необходимо, чтобы в промежуток до их осуществления государственная власть перешла в руки нового класса, чтобы бюрократия сдала свои позиции. Этот переход власти мы мыслим, конечно, не в виде романтически-флибустьерского набега, в а форме более или менее спокойной смены чиновников, как то было, например, во Франции после победы Гамбетты [41]) и республиканцев над Мак-Магоном. [42]) Конечно, при этом возможны и всякого рода случайности, и настоящий политик не станет отступать и перед ними.

В чьи руки могла быть передана власть? Отвечу прямо: только в руки земцев и ретьего элемента, об'единившихся сначала в «Союзе Освобождения», родившем и конституционно-демократическую партию. Бесспорно, что они с охотой включили бы в свои ряды и вождей пролетариата.

Вожди пролетариата, само собою разумеется, не должны были ни на одну минуту посягать на индивидуальность пролетариата и вести его к слиянию с другими классами и партиями. Это и фактически невозможно. Но пролетариат, ясно сознав положение дел, твердо уяснив себе, что происходит только демократическая и политическая революция, должен был всей своей силой и всем своим влиянием поддержать ее слои, в руки которых могла быть передана власть. В обмен за это пролетариат получил бы надлежащие гарантии, прежде всего свободу профессиональных союзов и печати, без чего для рабочих немыслима сколько-нибудь широкая и планомерная борьба.

Правительство, видя единодушие оппозиции, видя, что вожди «земцев» (назовем их так для краткости) имеют действительную опору в массах, после колебаний и контрреволюционных попыток вынуждено было бы отступить и сдать хотя бы некоторые позиции.

Я слышу уже негодующие возгласы. «Как! Принизить роль пролетариата, отдать его на службу буржуазии?!» Прежде всего не надо горячиться. Это не «служба», это сознательный союз. «Земцы», очутясь у власти, не могли бы «обмануть» рабочих, так как бюрократия вовсе не такой ничтожный враг, как многим казалось. С другой стороны, и плата, предлагавшаяся «земцами», вовсе не так ничтожна, как говорили. Теперь, когда угар проходит, все понимают, что массовое об'единение, вызванное напором революционной энергии, не способно заменить медленной и упорной организационной работы, для которой нужны свобода печати, собраний, союзов и вообще легализация рабочего движения. Но социал-демократы отвергли все эти соображения. Они решили, что у них одних достаточно сил, и не только для победы над бюрократией, но и для нанесения удара буржуазии. Либералам и печати и на митингах была об'явлена беспощадная война,

на, на крупную буржуазию сделан был натиск при помощи введения восьмичасового рабочего дня, мелкая буржуазия запугана вооруженным восстанием, бесконечными стачками, грозой надвигающегося экономического краха. Результаты известны. О них больно говорить, но их надо признать. Это—разгром.

Разгромлены не только социал-демократы, разгромлены и «либералы». Полиция в тонкостях не разбирается, и приличные «кадетские» издания закрываются так же быстро, как и социал-демократические. Процент конституционно-демократического населения русских тюрем составляет величину не малую.

Но эти факты все же не мешают некоторым людям говорить об «измене буржуазии», о «предательстве либералов». Эти сочетания слова, положительно, лишены смысла. Обобщать русскую буржуазию с русским либерализмом, безусловно демократическим, невозможно. Наша буржуазия в подлинном смысле слова скорее принадлежит к черной сотне, чем к «либералам». Затем нельзя не признать, что так называемая «измена» и «предательство» «либералов» заключаются только в том, что последние не превращаются в социал-демократов. Но если бы это было возможно, то к чему же тогда особое существование социал-демократов. В-третьих, наконец, социал-демократы открыли поход против «либералов» раньше, чем у последних была в руках хоть крупица власти и потому ни о каком уклонении от исполнения обещаний не могло быть и речи. Поход был открыт как-раз в ту минуту, когда либералы при помощи выборов в Думу готовились сделать попытку взять власть в свои руки.

Словом, все движение было чисто стихийное, в нем не обнаружилось никакой «сознательности». Несмотря на участие социал-демократии и пролетариата, движение по своему типу было старым движением, «совершаемым сознательным меньшинством во главе бессознательных масс». Основное свойство этих старых стихийных движений глубоко проанализировано Энгельсом.

> «После первого крупного успеха,—говорит он,—среди победоносного меньшинства обыкновенно происходил раскол; одна часть довольствовалась достигнутым, другая хотела итти дальше, ставила новые требования, которые, по крайней мере отчасти, соответствовали действительным или мнимым интересам народной массы. В отдельных случаях эти более радикальные требования осуществлялись на деле, но часто лишь на короткое время: умеренная партия снова брала верх, плоды последних побед уничтожались целиком или частью. Побежденные кричали тогда об измене или приписывали свое поражение случайности. В действительности же дело обстояло в большинстве случаев так: результаты первой победы упрочивались только второй победой,—победой более радикальной партии, а после этого радикалы и их успехи снова исчезали со сцены».

Эти слова Энгельс написал десять лет тому назад, а читаешь их и кажется, будто он описывает наши русские дела и удостоверяет, что последние движения послужили только на пользу правопорядочникам, так как, вероятно, даже «Союз 17-го октября», и тот окажется вытесненным с позиции.

Стихийное движение должно уступить место сознательному. Пролетариат должен сорганизоваться в отдельную политическую партию, и такой партией, по моему глубокому убеждению, может быть социал-демократия, если она найдет, наконец, правильную тактику. Главные усилия должны быть направлены на организацию рабочего класса,—на профессиональные союзы. Но эта организация должна быть крепкой, постоянной, а не случайной, устанавливаемой только для одного какого-нибудь выступления.

Мысль о диктатуре пролетариата необходимо пока совершенно оставить. Речь об этом может зайти только после установления действительного конституционного и парламентского строя. Да и тогда эта диктатура не будет носить характера бланкистского заговора. Она явится только венцом постепенного проникновения пролетариата в правящий механизм. Она будет лишь последним ударом помела...

В настоящее же время политическая деятельность пролетариата, как и других оппозиционных групп, должна сосредоточиться возле государственной Думы. Действие в самой Думе в связи с воздействием на Думу извне—вот к чему в главнейшем

сводятся задачи минуты. Необходимо, значит, несмотря на все давление правительства, участвовать и в избирательной агитации, и в выборе выборщиков, и в избрании депутатов. Если пролетариат может провести своих людей сам—он должен это сделать. Если, что вернее, такой исход сомнителен, он должен без малейших колебаний заключить союз с истинно-конституционными партиями, с конституционно-демократической (партией народной свободы) в первую голову.

«Измены», «предательства» и пр. боятся только слабые, неуверенные в себе партии.

Правительство С. Ю. Витте не хочет созывать Думы,—надо его заставить это сделать. Весьма вероятно, что оппозиционные, истинно конституционные элементы будут в государственной Думе в слабом меньшинстве. Но их голос может получить вес не пропорциональный числу, если он будет поддержан народом вне Думы. Пролетариат как и крестьянство должны понять всю вытекающую отсюда для них пользу и должны дружно поддержать будущую думскую оппозицию. Это не значит, что от них требуется отречение от своих идеалов и от своей программы. Как только основные конституционные гарантии будут установлены, каждая партия возвращает себе полную свободу действий.

ДВЕ РОССИИ.

(П. Струве. «Полярная Звезда № 6, 1906 г.).

Quasi восстание в Москве, подлинное восстание в Прибалтийском крае, аграрные бунты и рабочие беспорядки в разных местах России, с одной стороны, а с другой стороны,—Дубасовы, полковники Мины и Риманы,[43]) штрафная экспедиция в Прибалтийский край, расстрелы и аресты без числа и смысла,—все это действительность и в то же время фантасмагория. И когда же это кончится? И как это может кончиться? В чем тут дело?

Есть ли во всех этих проявлениях борьбы и озверения, от которых европейское человечество начало в Европе отвыкать, есть ли в них какой-нибудь исторический смысл, указующий исход и могущий дать смятенному духу хоть какую-нибудь опору для творческой работы? Или исхода нет, и на кровавый разгул, которым бюрократия отвечает на русские «революции», мы можем отзываться лишь судорогами негодования и отчаяния?

Нет, **смысл** есть, и он указует исход.

17 октября Россия самодержавная, чиновная и владельческая еще не капитулировала, она только—по крылатому слову манчжурских реляций—«отступила на заранее приготовленные позиции». А в то же время Россия народная, в стихийном взаимодействии с Россией интеллигентной, породила русские революции. Этого только и нужно было притаившейся бюрократии: мигом она—в лице Дурново, Дубасова и пр., и пр.—выскочила из «заранее приготовленных позиций» и—во имя охранения порядка и целости государства—стала душить народную Россию.

Разрозненные стихийные революции дали контрреволюции великолепный предлог выступить спасительницей отечества. И сейчас же с потрясающей ясностью обнаружилась волчья природа бюрократии. Начался тот разгул репрессий, который чтение русских газет превращает в истязание для всякого не озверевшего и не отупевшего в подлом хамстве человека.

Но тут-то и нужно полное самообладание. Нужно, чтобы в этой ужасной схватке революции и контрреволюции народная Россия не потеряла, а осознала себя.

Тогда конец наступит быстро и, быть может, безболезненно, ибо теперь бюрократия нравственно добила себя своими преступлениями.

Был, быть может, момент, когда обезумевшая Россия и в своих народных элементах вообразила, что адмирал Дубасов действительно только восстановил порядок и тем спас отечество, словом, когда высшая военная и штатская бюрократия—в союзе с тем, что называется «двором»—могла показаться стране бескорыстной хранительницей чистой идеи государства.

Но в России происходит не просто политическая революция, а огромный социальный сдвиг, и он-то все ставит на свое место.

В то время, как представитель именитого московского купечества, господин Николай Гучков,[44]) исполнял—как бы выразиться помягче!—служительские обязанности при адмирале Дубасове,—под эгидой этого единственного победоносного адмирала русского флота в Москве заседали уполномоченные представители владельческой России, предводители дворянства, и готовили отпор требованиям крестьянской России, а столичная бюрократия хоронила проект земельной реформы, выработанный г. Кутлером,[45]) как «слишком либеральный».

Разом для всех должно было стать ясным, что Россия придворно-бюрократическая, Россия Дурново, Дубасовых и семеновских офицеров есть лишь другое лицо России владельческой, и что эта владельчески-бюрократическая Россия стоит поперек дороги России народной.

Вот то, грозное для всякой реакции, противоположение, которое нужно пронести через все искажения революции и контрреволюции и на острую грань которого нужно поставить всех Витте, Дурново, Дубасовых, а кстати и их прислужников, т.-е. весь Союз 17-го октября.[46]) Для этого всякие «революции», всякие «бунты» только вредны, ибо в них противоположение России народной и чиновно-владельческой не проясняется, а только стирается. Между тем, стоит только внедрить это противоположение в сознание народных масс, и массы своими избирательными записками произведут весь нужный для страны переворот. Если лозунгом выборов для народных партий России будет: **«за Россию народную против России бюрократической и владельческой!», и если** этот лозунг войдет в сознание масс, то и первая государственная Дума, по законам 6 Августа —11 Декабря, «снимет» бюрократию с легкостью, которая всех поразит.

Но для этого нужно, чтобы то противоположение, о котором мы говорим, ничем не затуманивалось в народном сознании, чтобы теперь, когда слово за народом, вместо народа-нации не выступали с рискованными предприятиями отдельные его элементы, и чтобы революция не нарушалась «революциями».

Для революции теперь нужен порядок, ибо только при полном порядке Россия народная сможет собрать те свои силы, которые в государственной Думе в грозном спокойствии противопоставят себя бюрократии. Нам скажут, что странно проповедовать порядок, когда бюрократия водворяет свой «порядок» неисчислимыми бесчинствами, упразднившими совершенно манифест 17-го Октября—в новейшее время бюрократическое бесстыдство дошло даже до восстановления административной высылки! Но как ни трудно, повидимому, отстаивать эту точку зрения,—мы все-таки глубоко убеждены, что ею указуется кратчайший путь к окончательной победе над бюрократией. В борьбе на улицах Россия чиновно-владельческая всегда будет сильнее России народной, и всякое поражение на улицах оставляет—хотя бы на известное время—в душе народа уныние и испуг, парализуя его политическую энергию. Если гвардии бюрократии с Дубасовыми во главе хочется непременно стрелять,—то необходимо **заставить** ее стрелять не иначе, как по... Таврическому дворцу. В таком случае все будет ясно, и гг. Гучковы будут поставлены на ту острую грань, на которой придется выбирать между служением и послугами адмиралу Дубасову, между патриотизмом и хамством.

Бюрократической реакции нужны **беспорядки и «революции»**, и потому она с такой злобой и наглостью дразнит народ своими бесчинствами.

Народу нужен порядок, ибо только в порядке он сможет осознать полную непримиримость между Россией народной и Россией бюрократически-владельческой.

БОЙКОТ и ЕГО ПРОПОВЕДНИКИ.

(Г. Штильман. «Свобода и Культура» № 1, 1906 г.).

Первые парламентские выборы застали русский рабочий класс в состоянии полного тактического разброда. Ни тени единства, никакого намека на обдуманный, проникнутый известной руководящей идеей, образ действий. В одних случаях, выборы про-

изводятся, в других—совершенно аналогичных—бойкотируются. Бойкот выливается местами в активную, местами—в пассивную форму. Самые мотивы воздержания от этих выборов крайне разнообразны и порой совершенно неуловимы... Здесь и **страх**—общий фон, на котором разыгрывается бойкот, и столь свойственный начальной стадии политического развития **индифферентизм, и крупицы воспринятых** на веру **принципиальных соображений.**

Партия, стремившаяся сообщить бойкоту характер сознательного политического акта, не могла этого сделать, в виду наличности в собственных ее рядах коренного разногласия по этому основному тактическому вопросу. Вопреки широко распространенному в публике мнению, русская социал-демократия не приняла общего для всей страны решения бойкотировать избирательную кампанию. «Большевики» стоят за бойкот, «меньшевики»—против него. Но «меньшевикам» принадлежит фактически во многих местах большинство, в других—социал-демократический пролетариат почти поровну делится между обеими фракциями. Можно ли при таких условиях удивляться, что в вопросе о бойкоте действительно «что ни город, то норов», и что самый «норов» этот далеко не повсюду отличается одинаково твердым и ярко выраженным характером *)

Отчего **петербургские** рабочие отказались на большинстве фабрик от участия в избрании уполномоченных, а в **Москве**, где не менее в общем сознательны, выборы, за немногими исключениями, состоялись? Московские социал-демократы—народ гораздо более «решительный», чем наши. Холодные петербуржцы об'являют в официальном комитетском постановлении «нецелесообразными такие приемы бойкота, как попытки насильственно разгонять избирательные собрания, уничтожать относящиеся к выборам документы и тому подобные методы борьбы». Пылкие «марксисты» первопрестольной Москвы рекомендуют, наоборот, пролетариату,—в одном из последних своих партийных выпусков,—просить сперва обывателей честью, а если это не поможет, то попросту «не пущать» их заниматься подготовкою к выборам, или, иными словами, «срывать» избирательные собрания. Чем же об'ясняется то обстоятельство, что бойкот потерпел именно в московской рабочей среде поражение и одержал через несколько дней в Петербурге победу?

Трудно ответить на этот вопрос. Быть может, сыграла здесь известную роль большая приближенность московских «меньшевиков» к рабочим массам. Быть может, участие в выборах явилось своего рода протестом против непопулярной тактики местного комитета... Быть может, отдельные сознательные рабочие уразумели в последний момент всю опасность бойкота и успели вскрыть ее во-время перед своими товарищами. Каждый из этих и аналогичных им факторов, в отдельности, и все они, вместе взятые, свидетельствуют, несомненно, о чрезвычайной шаткости как самой партийной позиции наших социал-демократов, так и рекомендуемой ими рабочему классу тактике.

Для всех оппозиционных общественных групп участие в выборах сопряжено с известными жертвами; для пролетариата—с большими, конечно, чем для других классов. **С этой точки зрения** бойкот выборов, которые не могут дать рабочим сколько-нибудь значительного числа мест в Думе, имеет **некоторый** смысл. Но после того, как партия призывала недавно своих приверженцев не останавливаться перед такими жертвами, каких требует вооруженное восстание, новый лозунг ее—не давать полиции—«готовые списки арестуемых»**)—должен лишь был отнять у рабочих последние остатки бодрости, заставить их махнуть рукой на свое ближайшее будущее. Угнетенное состояние духа одних, в связи с тупым безразличием других, является главнейшей движущей силой бойкота. Печатью ужаса отмечено было во многих местах отношение рабочих к выборам уполномоченных. На петербургских фабриках царило 5 марта не настроение

*) В целом ряде мест сознательные рабочие оказывают энергическое противодействие идее бойкота. На состоявшейся недавно конференции с.-д. организаций Кавказа, где были представители Тифлисского, Мингрельского, Озургетского, Бакинского, Кутаисского и др. округов, решено значительным большинством голосов (10 против 4) участвовать в избрании выборщиков и уполномоченных («Наша Жизнь» 7 марта). Против бойкота высказались **ревельские** с.-д. К такому же решению склоняются, повидимому, социал-демократические рабочие организации в Киеве (.... 5 марта).

) **Н. Ленин и Ф. Дан—Две тактики, стр. 3.

торжествующего протеста, с такою силой обнаружившееся год тому назад в отказе рабочих от участия в комиссии Шидловского,[47]) а крайняя подавленность и безотчетный испуг—злейшие враги всякой сознательности.

Гнетущая моральная обстановка, созданная назойливым правительственным вмешательством в избирательную кампанию, заранее обеспечивала бойкоту успех. Зерно социал-демократической организации пало па вспаханную и возделанную администрацией почву. При диаметральной противоположности своих интересов и стремлений, полиция и социал-демократия действовали в данном случае друг другу на-руку. Социал-демократы хотели провести бойкот. Полиции нужно было фальсифицировать выборы. В Петербургском рабочем районе и то, и другое достигнуто было.

В качестве **демонстрации** бойкот, осуществленный в одном месте и совершенно неудавшийся в другом, теряет всякое значение. Если бы пролетариат, в подавляющем своем большинстве, отказался по всей России от участия в выборах, если бы к наиболее прогрессивным организованным рабочим присоединились повсюду широкие круги городского населения, это могло бы, несомненно, произвести на бюрократию и реакционные элементы общества известное устрашающее впечатление. Но при невозможности собрать под знамя бойкота одних даже только социал-демократических рабочих, число которых очень еще невелико, следовало, конечно, отказаться от попытки применить это средство. По таким вопросам, как участие в первых парламентских выборах или уклонение от них, не должно быть в **партии** двух мнений. При разногласии, которое проникает так глубоко, ни одно из постановлений не может иметь сколько-нибудь авторитетного значения. Частичный бойкот пройдет совершенно незаметно для правительства, ухудшит во многих местах общий итог выборов и нанесет сильнейший удар престижу самой социал-демократии. Было бы, поэтому, чрезвычайно разумно исправить, пока еще не совсем поздно, ошибку и предупредить повторение таких случаев, когда от фабрик с весьма сознательным, по преимуществу, составом рабочих избирались уполномоченные из числа членов «союза активной бьорьбы с революцией». **Но это следует делать, конечно, немедленно и с недопускающей никаких сомнений определенностью.**

Если бы, впрочем, голова бойкотистов не была наполнена фантомами, они уразумели бы всю бесцельность специальной демонстрации пролетариата против Думы 11 декабря.[48]) Кто пытается отрицать, что избирательный закон бросает рабочим жалкую подачку, совершенно не соответствующую их первенствующей роли в освободительном движении? Для кого не ясно, что правительство созывает Думу лишь вследствие острой нужды в деньгах? Кто не понимает, что при полном отсутствии гарантии личной неприкосновенности и свободы собраний, представляется часто невозможным провести в парламент человека, пользующегося доверием большинства местного населения? Кому еще приходится об'яснять, что в государстве, чуть не сплошь находящемся на военном положении, выборы могут лишь при исключительном под'еме общественного настроения дать его более или менее верное отражение?.. В сознании широчайших слоев русской публики это уже давно—ряд, не требующих доказательства истин. Подчеркивать эти слова, значит растрачивать попусту силы, ломиться в открытую дверь.

Народ так многому за последнее время научился, власти так неискусно, так грубо гнут свою линию, что никому уже больше не угрожает опасность быть введенным в заблуждение. Нельзя придумать такого манифеста, который заставил бы нас теперь, как было после 17-го октября, хотя на один только момент забыть, на что способна бюрократия. Политика правительства лишает всяких шансов на успех намерение его фальсифицировать при помощи будущей Думы общественное мнение страны. И чем более широкие круги населения примут активное участие в выборах, тем яснее для всех станет обман. Это прекрасно, между прочим, понимают и наши «меньшевики», сделавшие все, что от них зависело для того, чтобы предупредить, по возможности, бойкот. «Пусть,— говорит г. **Дан**,—правительство отменит созыв Думы, пусть оно проводит **бойкот** Думы— его позиция будет потеряна! Пусть даже оно соберет Думу, которая **совершенно ясно для всех** (курс. мой) будет выбрана при господстве белого террора, с исключением всех, сколько-нибудь прогрессивных партий, с арестами и высылками их членов, с виселицами и расстрелами! Если только такая Дума явится **не результатом самоустранения**

прогрессивных элементов (курс. мой), а результатом явного насилия правительства, явного для рабочих, явного для крестьян, для городского мещанства, для европейской буржуазии,—и в этом случае положение правительства безнадежно: ни успокоения, ни займа ему не видать как своих ушей, оно погибнет в минуту своего видимого торжества».

Против бойкота категорически высказался затем в своих «Дневниках» **Г. В. Плеханов**[49]) и в общей прессе **Н. И. Иорданский**.[50]) Плеханов считает бойкот недопустимым уже потому, что этого средства совершенно не могли бы понять многомиллионные массы крестьянства. Оно ожидает, кроме того, от участия в выборах неисчислимых выгод для революции. Отказавшись от своих обычных полемических приемов, старый вождь с большой мягкостью, но в то же время с беспощадной логикой вскрывает дефекты официальной социал-демократической тактики, об'ясняя их общей неподготовленностью наших «марксистов» к выполнению грандиозной задачи организации пролетариата. Эти люди все путают, на каждом шагу нарушая советы своего бессмертного «учителя». Они мало читали вообще, но меньше всего знакомы, повидимому, с Марксом. Шествуя по стопам «истинных» немецких социалистов»,[51]) круто порвавших в революционное время с буржуазией, они и не подозревают, что в коммунистическом манифесте этот прием подвергся жестокой и всеуничтожающей критике. На третьем с'езде оратор, докладывавший о вооруженном восстании,[52]) совершенно неверно изложил относящееся сюда мнение Маркса, и среди присутствовавших не нашлось ни одного человека, который заметил бы эту грубую ошибку, воплотившуюся затем в партийной тактике социал-демократов. «Это уже не смех,—восклицает Плеханов,—а горе!».

Да, это поистине великое горе! И для того, чтобы оно не приобрело рокового для пролетариата значения, необходимо с полной откровенностью, не щадя личных симпатий, говорить о прегрешениях своих друзей и союзников. Когда это делают «буржуазные писатели», им бросают обыкновенно упрек в измене революионному движению. Но такова вообще участь людей, дерзающих восставать против укоренившихся в известной среде заблуждений и предрассудков. В 1850 г. клички предателей удостоились Маркс и Энгельс, вина которых состояла в том, что они считали, вопреки мнению большинства, первую часть революционного периода законченной. А что стало с хранившим «заветы» большинством. Не прошло и пятнадцати лет, как оно заключило мир с Бисмарком.[53])

Конечно, положение «буржуазных писателей» до крайности затрудняется образом действий правительства. Издавая закон, угрожающий за призыв к воздержанию от выборов тяжелой карой, министерство Дурново[54])—Витте[55])—Акимова[56]) окружает проповедников этого средства ореолом мученичества, который принесет, конечно, гораздо больше пользы делу бойкота, чем красноречивейшие доводы его защитников. Самая нелепая речь может совершить чудо, если произнесший ее оратор арестован будет, по удалении с трибуны или по выходе из собрания, полицией. Закон 11-го марта[1]) возвращает «бойкотистам» симпатии, совсем было ими за последнее время утраченные.

Но что бы ни делали наши мудрые правители для укрепления нравственной позиции сторонников бойкота, нельзя молчать. Periculum in mora! Нельзя дожидаться того времени, когда рабочие сами убедятся в гибельной тактике «социал-демократов». Необходимо обратиться к рабочим с энергической проповедью **реальной** политики. Это прежде всего,—обязанность тех элементов русской **социал-демократии**, которые не порвали еще всякой связи с марксизмом. **Руководительство рабочими массами должно принадлежать социалистам.** Но для того, чтобы они не были сильнейшим образом скомпрометированы в глазах пролетариата, необходимо беспощадно разоблачать действия тех «социал-демократов», от которых с таким ужасом открещивался в свое время **Маркс.** «Moi, je ne suis pas Marxiste!»,—воскликнул он, узнав, как некоторые из «товарищей» толкуют его теорию социального развития. Что сказал бы Маркс о наших бойкотистах?

---

*) Параграф второй этого закона гласит: 2. Виновный в возбуждении к противодействию выборам в государственный совет или государственную Думу или к массовому воздержанию от участия в сих выборах наказывается: заключением в тюрьме от четырых до восьми месяцев.

СНОВА ПОЛОСА БЕЗУМИЯ?

(П. Струве. «Свобода и Культура» № 7, 1906 г.)

Все сбылось. Созвано первое русское народное представительство, и в нем заседает демократическое большинство.

Для многих это пустяки. Люди, которые ни во что не верят, пожимают плечами, и, пресыщенные своею собственной пустотой, пренебрежительными словами отделываются от великих исторических событий и приобретений. Другие, те, кто верят в слишком многое, вторят первым, чиня всем, кто не разделяет их веры в чудеса, настоящий допрос с пристрастием, и, ради слишком многого, не признавая ничего.

Создается атмосфера, в которой безыдейное неверие смешано с злобно-подозрительной верой в тысячелетнее царство.

Это два нигилизма. Нигилизм пресыщенных пустоцветов и нигилизм озлобленных иллюзионистов.

Вот та духовная среда, которою русская интеллигенция окружила первое создание национальной свободы—государственную Думу.

Ядом этого двойного нигилизма интеллигентские круги заражают широкие народные массы, не видя всей пагубности того, что они творят.

Между тем, уйдите на минуту из мира радикальных призраков, поднимитесь на высоту широкого исторического понимания человеческих дел, или, наоборот, забудьте о разных мнимо-научных категориях, опуститесь в глубины народной непосредственности, и вы проникнитесь живым и цельным, бодрым и бодрящим пониманием великой перемены, совершившейся в России.

Я сказал о нигилизме озлобленных иллюзионистов. На это указание мне могут ответить ссылкой на широкие **положительные** идеалы, одушевляющие тех, у кого я подчеркиваю лишь отрицание. Но в этом именно и заключается ужас той духовной атмосферы, которая создается у нас около Думы и ее государственного строительства, что практически требования слишком многого тождественны с полным отрицанием. Эти требования безошибочно подготовляют разочарование в народных массах, на почве которого может вырасти самый опасный политический нигилизм.

Программа большинства государственной Думы[57]) представляет, быть может, единственное в истории представительных учреждений явление,—настолько эта программа радикальна и многооб'емлюща. Но противники государственной **реформы** справа и слева не могут простить этой программе того, что, при всем своем радикализме, она проникнута чувством меры, является произведением государственной мудрости. О врагах справа пока не будем говорить особо—их опасность, главным образом, обусловливается той поддержкой, которая оказывается им слева. Противники же с этой стороны упорно игнорируют то, что, по соотношению реальных сил в стране, по степени ее культуры страна может быть только отброшена направо от программы думского большинства. **Всякая революция осуществляет гораздо меньше, чем она обещает.** Это могут, это должны знать люди с историческим и политическим образованием. Маня непомерными обещаниями, люди, которых я охарактеризовал как «требующих слишком многого», создают элементы того настроения, из которого неизбежно должно родиться разочарование и его спутники—безразличие и апатия,—лучшие союзники общественной реакции.

Государственная Дума, мечта, яркий сон многих поколений русских людей, неужели он воплотился только для того, чтобы неистовые реакционеры и бесноватые «большевики» соперничали друг с другом, изрыгая на первое русское народное представительство хулу недомыслия и дикости?! Для того, чтобы ненавистники конституции и свободы, скрестив руки, ждали только того момента, когда «революционное» умоисступление снова даст им повод и возможность броситься на страну и пройтись по ней реакционной бритвой?!

То, что приходится ставить такие вопросы, показывает, в какую трагическую полосу русской жизни мы снова вступили.

Свобода снова попала между двух жерновов придворно-военной реакции и классово-бунтарской революции, которые работают друг для друга. В этом двойственном союзе,

который, после печальных опытов ноября и декабря, казалось, должен был стать совершенно невозможным, кроется страшная угроза делу освобождения и обновления.

Необходимо собрать все нравственные силы, все моральное гражданское мужество для того, чтобы противопоставить этой угрозе уверенное в себе, твердое национальное общественное мнение. Оно должно сознать себя, как силу: оно должно понять всю огромную ответственность, на нем лежащую.

Что-то отравляющее душу невыносимой горечью есть в сознании того, что дух русской интеллигенции подрывает ее собственное кровное дело. Интеллигенция боролась за свободу, зачем же готова она предать эту свободу на растерзание тем фуриям классовой розни и классового бунта, которым ненавистна обобщающая и примиряющая идея нации?!

Опомнитесь!—хочется крикнуть им. В одностороннем, болезненном до умоисступления увлечении идеями классовой борьбы за неизведанный и туманный социальный «миллениум» вы готовы погубить лучший плод действительной тысячелетней истории русского народа—выстраданное в бесконечных муках народное представительство. В отнимаете у него тот национальный ореол, который ему принадлежит по праву, который им приобретен ценою кровавых жертв, в том числе и ваших, и который у него с такой яростью оспаривают все темные силы старого порядка.

ПРИМЕЧАНИЯ К III РАЗДЕЛУ.

1. **Зубатовщина**—«полицейский социализм», стремление царизма отвлечь рабочих от революционной деятельности, путем легализации экономической борьбы. Организатор «зубатовщины»—начальник Московского охранного отделения Зубатов.

2. См. примечание 30-е, раздел «Меньшевизм».

3. После анархистских покушений в Австрии, рабочая партия и профсоюзы подверглись правительственным репрессиям и были разгромлены. В 1889 г. исключительное положение для партии и профсоюзов было отменено.

4. **Указ 18 февраля 1905 года** давал право органам сословного и общественного управления, ученым обществам и частным лицам представлять в комиссию под председательством министра внутренних дел Булыгина планы и проекты по вопросам «усовершенствования» государственного строя. Этим указом воспользовалась либеральная буржуазия для манифестации конституционного характера.

5. **«Московские Ведомости»**—орган дворянско-крепостнических кругов, с 1863 г. редактировался крайним реакционером М. Н. Катковым, позже Грингмутом, поддерживавшим все правительственные мероприятия по охране и укреплению самодержавия и подавлению всякого общественного движения.

6. **«Гражданин»**—газета, издававшаяся В. П. Мещерским (в 70-х годах, в редакцию входил Ф. М. Достоевский), носила сначала умеренно-консервативный характер, с оттенком славянофильства, в 90-х годах и позже—орган крайней дворянской реакции.

7. **Куропаткин**—военный министр, подготовлявший русскую армию к японской войне и, в качестве командующего Маньчжурской армией, позорно ее проигравший, отличался полным отсутствием инициативы.

8. **Ойяма**—главнокомандующий японской армией в войне 1904—1905 гг., нанес решительное поражение русской армии, руководимой Куропаткиным.

9. См. примечание 76-е, раздел «Меньшевизм».

10. На февральском (1905 г.) с‘езде земских деятелей в Москве обсуждался аграрный вопрос, и этим было положено начало разработки экономической части программы будущей конституционно-демократической партии.

11. Резолюции Потресова и Плеханова об отношении к либералам, принятые II С‘ездом РСДРП в 1903 г. См. «Протоколы II С‘езда», стр. 13.

12. В № 100 «Искры», от 15 мая 1905 г., кроме резолюции, принятой 3 мая на агитаторском собрании меньшевиков, по поводу неудач первомайской демонстрации, помещена также передовица: «Первомайские успехи и неудачи». В этой передовице сказано, что неудачи 1-го мая в Петербурге являются результатом того, что с.-д. ставила ставку на вооруженное выступление, но массы не доверяют нашим указаниям. В качестве вы-

хода рекомендуется перенести центр тяжести на организации профессиональных союзов

13. 1) С'езд земских и городских деятелей состоялся 6—8 июля 1905 г. в Москве по вопросу об участии в булыгинской Думе. Было решено созвать на местах агитационные и избирательные комитеты для обсуждения булыгинского законопроекта. Вопрос об участии в булыгинской Думе остался открытым до опубликования условий выборов.

б) С'езд Союза союзов состоялся 1—3 июля 1905 г. в Финляндии, на нем обсуждался вопрос об отношении к булыгинскому законопроекту. С'езд постановил бойкотировать булыгинскую Думу.

14. См. примечание 84-е, раздел «Меньшевизм».

15. См. примечание 4-е.

16. См. примечание 10-е, раздел «Меньшевизм».

17. **Робеспьер, М.** (1758—1794)—выдающийся деятель французской революции, один из наиболее видных вождей якобинской диктатуры. Был казнен своими политическими противниками, одержавшими верх в Конвенте 9 термидора (28 июля) 1794 г.

18. **Кромвель, Оливер** (1599—1658)—вождь английской буржуазной революци-1648 г., представитель мелкого сельского дворянства, вел борьбу с монархией Стюартов, казнил английского короля Карла I.

19. **Родичев, Ф. И.**—либеральный деятель тверского земства, член «Союза Освобождения» и участник земских с'ездов перед революцией 1905 г., член ЦК кадетской партии. Депутат всех 4-х государственных Дум.

20. **Котляревский, С. А.**—историк и юрист, профессор Московского у-та, либеральный деятель Саратовского земства, член «Союза Освобождения» и участник земских с'ездов перед революцией 1905 г. Депутат первой государственной Думы.

21. См. примечание 178-е, раздел «Меньшевизм».

22. **Дурново, П. Н.**—крупнейший деятель царского режима, министр внутренних дел в кабинете Витте, проводник всех мер подавления революции 1905 г.

23. Открытое письмо, написанное П. Струве Жану Жоресу, опубликовано в № 72 «Освобождения». В этом письме Струве пишет, что для «заключения сносного и прочного мира (с Японией. Ред.) России нужно правительство сильное, правительство, которое не будет бояться революции, потому, что оно станет во главе революции».

24. **Плеве, В. К.**—министр внутренних дел царской России в 1902—1904 гг., от'явленный реакционер, убит террористом эсэром Егором Сазоновым 15 июля 1904 г.

25. **Алексеев**—наместник Дальнего Востока, командующий всеми вооруженными русскими силами до Японской войны и в первые месяцы ее, совершенно недооценивший японских сил.

26. **Мукден**—столица китайской провинции Маньчжурии; была в течение 4-х лет оккупирована русскими войсками; в феврале 1905 г. под Мукденом разыгралось двухнедельное сражение, которое кончилось полным разгромом русской армии и переходом Мукдена к японцам.

27. См. примечание 81-е, раздел «Меньшевизм».

28. См. примечание 191-е, раздел «Меньшевизм».

29. **Суворин**—редактор реакционной газеты «Новое Время», выходившей с 1876 г.

30. См. примечание 129-е, раздел «Меньшевизм».

31. Здесь идет речь о вооруженном восстании Московского пролетариата декабре 1905 г.

32. См. примечание 193-е, раздел «Меньшевизм».

33. См. примечание 184-е, раздел «Меньшевизм».

34. **Кауфман, А. А.**—либерал, с 1877 г. по 1905 г. состоял на службе в министерстве земледелия. В конце 1905 г. приглашен министром земледелия Н. Н. Кутлером к ближайшему сотрудничеству при составлении проекта аграрной реформы. Составлял аграрную програму партии к.-д.

35. **Франк, С. Л.**—«освобожденец», потом кадет. В молодости склонялся к марксизму, позднее примкнул к идеалистической философии.

36. **Изгоев, А. С.**—профессор Московского Университета, член «Союза Освобождения», организатор и видный деятель кадетской партии, примыкал к ее правому крылу.

36. **Изгоев, А. С.**—профессор Московского университета, член «Союза Освобождения», организатор и видный деятель кадетской партии, примыкал к ее правому крылу.

37. См. примечание 187-е, раздел «Меньшевизм».

38. «Правда», общественно-литературный журнал меньшевистского направления, выходивший в 1906 г. В журнале велась полемика с «Полярной Звездой», органом кадетов.

39. Речь идет о введении Ф. Энгельса к брошюре Маркса «Классовая борьба во Франции от 1848 до 1850 гг.». Некоторые формулировки Энгельса в предисловии дали повод оппортунистам истолковывать точку зрения Энгельса, как отказ от революционных методов борьбы пролетариата, невозможность вооруженного восстания и баррикадных боев при наличии всеобщего избирательного права. ЦК германской с.-д. без ведома Энгельса вычеркнул все боевые формулировки, и первоначальный текст Энгельса оказался искаженным. Вычеркнутые ЦК германской с.-д. из «Введения» строки опубликованы только в 1924 г. в СССР. («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1. Д. Рязанов. «Введение Энгельса к «Классовой борьбе во Франции»).

40. **«Новая Жизнь»**—легальный орган с.-д.-ов «большинства», выходил, в Петербурге с 27/X 1905 г., был закрыт 3/XII 1905 г. за напечатание «Манифеста С. Р. Д. и революц. организации».

41. **Гамбетта** (1838—1882) знаменитый французский политический деятель. Вел борьбу против империи Наполеона III, вождь республиканцев в законодательном корпусе, выработал т. наз. «бельвильскую» программу республиканцев. После низвержения Наполеона III вошел в состав правительства национальной обороны в качестве министра внутренних дел. В 1878 г. избран президентом палаты, и ни один крупный политический акт не предпринимался без его участия. Гамбетта проводил политику компромисса с реакционерами.

42. **Мак-Магон** (1808—1893), маршал Франции. В 1855 г. в качестве генерала принимал участие в крымской войне. В 1871 г. командовал войсками, подавившими восстание парижских коммунаров. После падения Тьера в 1873 г. Мак-Магон был выбран в президенты республики благодаря поддержке монархистов. Маг-Магон ярый реакционер, стремившийся восстановить во Франции монархию.

43. **Полковник Мин и Риман**, принимавшие участие в подавлении восстания 1905 г.

44. **Гучков Николай**,—в 1905 г. московский городской голова, во время Моск. вооруженного восстания фактически помогавший его подавлению.

45. **Кутлер**—министр земледелия в кабинете Витте, впоследствии кадет правого крыла, специалист по аграрному и крестьянскому вопросам.

46. «Союз 17-го октября»—партия капиталистических землевладельцев, крупных промышленников, купцов и чиновников. Октябристы в госуд. думе поддерживали все реакционные мероприятия царского правительства.

47. См. примечание 8-е раздел «Меньшевизм».

48. См. примечание 201-е, раздел «Меньшевизм».

49. **Плеханов**—«Письма о тактике и бестактности», № 3 и 4. Собр. Сочин. т. XV.

50. **Иорданский**—один из крупных меньшевистских литераторов в годы первой революции. В годы войны оборонец, ныне член ВКП(б).

51. См. примечание 28-е, раздел «Меньшевизм».

52. Доклады о вооруженном восстании на III С'езде РСДРП делали Воинов (А. В. Луначарский) и Максимов (А. Л. Богданов). См. Протоколы III С'езда, стр. 114—132.

53. См. примечание 29-е, раздел «Меньшевизм».

54. **Дурново**—крупнейший политический деятель царского режима, министр внутренних дел в кабинете Витте, проводник всех мер подавления революции 1905 г.

55. **Акимов**—министр юстиции в кабинете Витте, ярый реакционер.

56. (К.-Д.).

В области политики: власть делится на три части.

Одна часть—самодержавию; другая часть—помещику и крупному капиталисту, они получают верхнюю палату; третья часть—народу, получающему нижнюю палату, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

В аграрном вопросе—отчуждение для крестьян части помещичьей земли на условиях выкупа.

В рабочем вопросе—против введения 8-часового рабочего дня для всех наемных рабочих.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

II. СОЦИАЛИСТЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

III. ЛИБЕРАЛЫ.

Цена 2 руб. 20 коп.

